5420

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.—КНИГА 5-я.

МАЙ, 1903.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1903.

Стр.

I.—ДУХОВНО-УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ и ихъ современное состояніе.—I-XIV. —**Н. Рязанцева** 5

II.—НА РАЗВАЛИНАХЪ.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая: IX-XVIII.— **Л. Е. Оболенскаго** 40

III.—ТУРЦІЯ И МАКЕДОНІЯ. — Историческій очеркъ. — VI-IX. — Окончаніе. — **Х. Г. Инсарова** 102

IV.—ЗВУКИ СТАРИНЫ ДАЛЕКОЙ.—Стих. **А. М. Жемчужникова** 134

V.—ВѢСТИ О КИТАѢ.—I. Проектъ китайскихъ реформъ. — II. Средства къ вытѣсненію иностранцевъ изъ Китая.—**П. С. Попова** 137

VI.—НА НОВОМЪ МѢСТѢ.—Разсказъ.—I-IV.—**П. Хотымскаго** 156

VII.—МОЯ ЖИЗНЬ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.—1832-1884 гг.— X-XI.—**А. В. Романовича-Славатинскаго** 181

VIII.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—Нева.—* * *—**Л. Кологривовой** 206

IX.—УРОЖЕНЕЦЪ ВИРГИНІИ. — Романъ. — The Virginian, by Owen Wister.— XIII-XXV.—Съ англ. **П—ны С—вой**. 208

X.—ИЗЪ ПѢСЕНЪ БЕРАНЖЕ.—I. Дурная примѣта.—II. Перевоплощеніе.—Перев. **В. Уманова-Каплуновскаго** 269

XI.—ЕКАТЕРИНА II И МОНТЕСКЬЁ.—**А. Н. Пыпина** 272

XII.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—Ясные дни.—**О. П.** 301

XIII.—ХРОНИКА.—Община и „выдѣлъ".—**Ѳ. Ѳ. Воропонова** 302

XIV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Именной Высочайшій указъ сенату 22 марта. — Новое уголовное уложеніе.—Его исторія.—Дѣленіе преступныхъ дѣяній. —Система наказаній.—Досрочное освобожденіе.—Зачетъ предварительнаго ареста. — Тюрьма и работный домъ. — Одиночное заключеніе. — Лишеніе и возстановленіе правъ.—Смягченіе и замѣна наказаній.—Законъ 12 марта; его отношеніе къ земскимъ учрежденіямъ 315

XV.—ГЛАВНЫЯ ОСНОВАНІЯ ЗАКОНОПРОЕКТОВЪ О СРЕДНЕЙ ШКОЛѢ.— **М. Ст.** 331

XVI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Кризисъ въ турецкихъ провинціяхъ. — Оффиціальныя донесенія и телеграммы. — Убійство русскаго консула въ Митровицѣ.—Политика великихъ державъ и вопросъ о турецкихъ реформахъ. — Туркофильскія мнѣнія въ нашей печати. — Багдадская желѣзная дорога и патріотическія заботы „Новаго Времени". — Внутреннія дѣла во Франціи 339

XVII.—НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.—Письмо изъ Пекина.—**В. В. Корсакова** . . 352

XVIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Великій Князь Николай Михаиловичъ, Графъ Павелъ Строгановъ.—**А. П.**—II. П. А. Некрасовъ, Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности.—III. Проблемы идеализма, сборникъ статей, п. р. П. И. Новгородцева. — IV. Борецъ за идеализмъ (А. Л. Волынскій), Н. Г. Молоствова. — **Евг. Л.** — V. Дебидуръ, Политическая исторія XIX-го вѣка, т. I: Священный союзъ. —**Н. Карѣева.**—VI. С. К. Говоровъ, Брачный вопросъ въ быту учащихъ начальной школы.—**М. М.**—Новыя книги и брошюры 364

XIX.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Otto Ernst, Die Gerechtigkeit, Komödie in 5 Akten.—II. Henri de Regnier, Mariage de Minuit.—**З. В.** 390

XX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Націонализмъ „первобытный" и „просвѣщенный".—Газетная инквизиція.—Обвиненія, граничащія съ клеветою.— Еврейскій погромъ въ Кишиневѣ. — Два доклада о юридическомъ положеніи евреевъ. — Народныя чтенія въ Н.-Новгородѣ.—Земская медицина и земская статистика 403

XXI.—ИЗВѢЩЕНІЯ. — Отъ Комитета III-го Съѣзда русскихъ дѣятелей по технич. и профессіональному образованію въ Россіи 415

XXII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Н. Карѣевъ, Государство-городъ античнаго міра —О. П. Сениговъ, Памятники Земской старины. — В. И. Семевскій, Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II, т. I, изд. 2-е.— З. А. Рагозина, Древнѣйшая исторія Востока. — И. Н. Захарьинъ (Якунинъ), Встрѣчи и воспоминанія.

XXIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

Фонд
Библиотеки

ГОДЪ LXVII. — ТОМЪ CCCXCV. — 1/14 МАЯ 1903.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ДВАДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

22485
49 г.
Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1903

3244

ДУХОВНО-УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ

и

ИХЪ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ

I.

Едва ли кто будетъ оспаривать, что послѣдніе три-четыре года были временемъ усиленнаго обсужденія вопросовъ общепедагогическаго и дидактическаго характера,—обсужденія, тѣсно связаннаго съ ожидаемыми (и отчасти исполняемыми) реформами средней и высшей школъ. На сцену выступили и общепедагогическія проблемы, обсуждались основные пріемы дидактики и методики, тщательно разбирались различные типы средней школы, а въ связи съ тѣмъ шло дѣло по вопросу о болѣе раціональной постановкѣ высшаго образованія, которое въ своемъ настоящемъ положеніи давно уже признано мало удовлетворительнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, было много удѣлено мѣста обсужденію различныхъ типовъ технической школы, и усиленный ростъ техническихъ учебныхъ заведеній самыхъ различныхъ видовъ отчасти показываетъ, что всѣ эти пренія имѣли не одно теоретическое значеніе. Но среди этихъ оживленныхъ толковъ почти совсѣмъ не упоминалось объ одномъ типѣ школъ, который по своему общественному значенію заслуживалъ бы самаго серьезнаго вниманія. Мы разумѣемъ „духовную школу". Такое молчаніе нельзя объяснить предположеніемъ, что въ этой школѣ все обстоитъ благополучно, и она не нуждается въ существенныхъ реформахъ: быть можетъ, найдутся лица, готовыя принять такое предположеніе, но кто болѣе близко знакомъ съ внутреннимъ строемъ

этой школы, тотъ охотно признаетъ, что учебныя заведенія этого типа требуютъ самыхъ неотложныхъ и коренныхъ преобразованій. Нельзя оправдывать безразличное отношеніе къ духовной школѣ ея спеціальнымъ назначеніемъ—служить цѣлямъ особаго сословія—почему она, будто-бы, представляетъ слишкомъ мало интереса для общества въ широкомъ смыслѣ. Мы уже не говоримъ о томъ, что духовныя семинаріи даютъ довольно значительный контингентъ учащихся для нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній (особенно на окраинахъ); но именно эти среднеучебныя заведенія являются училищами, неизмѣримо больше, чѣмъ какой-либо другой типъ средней школы, выпускающими своихъ питомцевъ прямо въ жизнь. Уже по одному этому очень важно знать, насколько эти питомцы являются подготовленными къ той дѣятельности, которая открывается передъ ними непосредственно по выходѣ за двери школы,—а въ какой степени важна эта дѣятельность, какъ высокъ идеалъ, который открывается передъ воспитанниками духовной школы, и какъ велика нравственная отвѣтственность, лежащая на нихъ,—это извѣстно всякому. Вчерашнему школьнику ввѣряются сотни, если не тысячи, духовныхъ дѣтей, причемъ воспитательное воздѣйствіе на эти часто первобытные умы и сердца предполагается не только въ самыхъ разнообразныхъ видахъ пастырскаго попеченія, среди приходской практики, но и въ видѣ учительства въ низшихъ народныхъ училищахъ, гдѣ въ послѣднее время особенно широкое поле дѣятельности отводится для священника—питомца именно этой средней духовной школы. Все это говоритъ ясно о томъ, какъ велико общественное значеніе среднихъ духовныхъ учебныхъ заведеній; а такъ какъ эти среднія заведенія тѣсно связаны съ низшей и высшей духовной школой,—причемъ послѣдняя теперь служитъ исключительнымъ разсадникомъ преподавателей для духовно-учебныхъ заведеній и является питомникомъ, изъ котораго выходятъ высшіе представители духовной іерархіи,—то и эти два типа низшей и высшей духовной школы также пріобрѣтаютъ значеніе крупнаго общественнаго явленія. Все сказанное даетъ намъ право обратить вниманіе читателей на этотъ большинству мало знакомый міръ, бросить хотя бы и бѣглый взглядъ на современное положеніе духовно-учебныхъ заведеній; быть можетъ, вспомнятъ и объ этомъ типѣ школы при общешкольныхъ преніяхъ, что поможетъ устраненію многихъ недостатковъ и усвоенію другими свѣтскими типами школъ тѣхъ немногихъ, правда, положительныхъ особенностей, какія еще остались присущими духовной школѣ, несмотря на всѣ измѣненія къ худшему, кото-

рыми характеризуется состояніе этихъ учебныхъ заведеній за послѣднія двадцать—двадцать-пять лѣтъ. Такимъ образомъ, здѣсь можетъ быть засвидѣтельствовано нѣкоторое взаимодѣйствіе между духовною и свѣтскою школою, и во всякомъ случаѣ духовная школа обнаружитъ на себѣ яркіе слѣды воздѣйствія на нее свѣтской школы въ ея положительныхъ и отрицательныхъ чертахъ, причемъ положительныя, благодаря особенному консерватизму духовной власти, удерживались и среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, а отрицательныя явленія, тоже въ силу извѣстныхъ особенностей, присущихъ духовной администраціи, или нѣсколько ослаблялись, или же иногда доходили до такого обостренія, какого мы не встрѣчаемъ въ свѣтской школѣ.

Приступая къ характеристикѣ современнаго положенія духовной школы, къ указанію ея слабыхъ, а иногда и сильныхъ сторонъ, мы совсѣмъ не имѣемъ въ виду дать полнаго анализа предмета, и ограничимся, главнымъ образомъ, учебною и ученою частью въ духовной школѣ, касаясь воспитательнаго дѣла только въ самыхъ краткихъ чертахъ.

II.

Мы начнемъ съ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній—съ академій. Назначеніе академій опредѣляется, въ 1-мъ параграфѣ ихъ устава (1884 г.), такимъ образомъ: „Православная духовная академія имѣетъ цѣлью доставлять высшее богословское образованіе, въ духѣ православія, для просвѣщеннаго служенія церкви на пастырскомъ, духовно-учебномъ и другихъ поприщахъ дѣятельности“. Какъ видно, здѣсь указывается на назначеніе духовной академіи, какъ учебнаго заведенія. Само собою понятно, что достиженіе указанной учебной цѣли предполагаетъ, чтобы это заведеніе стояло вполнѣ на уровнѣ современной церковной науки и такимъ образомъ изъ учебнаго заведенія обратилось въ ученое учрежденіе. На эту чисто ученую цѣль духовныхъ академій есть указаніе въ 163-мъ параграфѣ устава, гдѣ говорится: „Академіи предоставляется право открывать публичныя лекціи, учреждать ученыя общества, предметами дѣятельности которыхъ могутъ быть: разработка и изданіе источниковъ христіанскаго вѣроученія, памятниковъ и вообще матеріаловъ, относящихся къ исторіи и современному состоянію церкви, обзоръ произведеній отечественной и иностранной богословской литературы, изысканіе способовъ къ возвышенію уровня всѣхъ отраслей богослов-

скихъ наукъ, а равно и прочихъ наукъ съ тѣхъ сторонъ, которыми онѣ соприкасаются съ христіанствомъ и богословской ученостью, и пр. и пр.“

Но можно спросить, осуществляется ли эта высокая цѣль ученаго учрежденія современными академіями?—Къ сожалѣнію, далеко нѣтъ. Мы совсѣмъ не хотимъ умалять выдающихся заслугъ нашихъ академій преимущественно въ области отечественнаго духовнаго просвѣщенія, но должны сознаться, что онѣ сравнительно мало внесли въ сокровищницу общечеловѣческаго знанія. Едва ли это объясняется только тѣмъ, что западная наука слишкомъ опередила насъ, и намъ трудно быть вполнѣ оригинальными: поле для самостоятельныхъ изслѣдованій еще слишкомъ велико, да и наша церковно-богословская наука, по большей части, не только не оригинальна, но и очень часто не даетъ намъ представленія и о тѣхъ иногда непререкаемо точныхъ и достовѣрныхъ результатахъ, къ которымъ пришли на Западѣ послѣ тщательныхъ продолжительныхъ изслѣдованій. Причина этого крайне прискорбнаго явленія лежитъ совсѣмъ въ другомъ: она кроется въ тѣхъ особенностяхъ обще-духовной цензуры, которая не даетъ возможности на русской почвѣ произрасти истинно научному церковно-богословскому знанію. Тяжесть этой своеобразной цензуры съ особой силой сказывается на ученыхъ богословскихъ диссертаціяхъ. Какъ извѣстно, эти диссертаціи получаютъ свою санкцію отъ синода только послѣ разсмотрѣнія ихъ какимъ-нибудь архіереемъ. Обычно разсмотрѣніе диссертацій поручается какому-нибудь члену синода (постоянному или временному) или даже просто епархіальному архіерею, который (часто неизвѣстно почему) считается болѣе, чѣмъ какой-либо другой, компетентнымъ въ данной области. Во всемъ этомъ процессѣ, прежде всего, поражаетъ недовѣріе высшей духовной власти къ ученой коллегіи,—недовѣріе едва ли заслуженное. Правда, уполномоченный синода разсматриваетъ диссертацію только съ точки зрѣнія ея ортодоксіи, но вѣдь совѣтъ академіи и въ этомъ отношеніи можетъ быть свѣдущъ не менѣе владыки, который, какъ показываютъ факты, иногда при разрѣшеніи своихъ недоумѣній, возникающихъ при чтеніи ученаго сочиненія профессора академіи, конфиденціально совѣщается съ болѣе знакомымъ преподавателемъ семинаріи или училища. Результатомъ такой постановки дѣла нерѣдко бываютъ случаи неутвержденія въ степени лицъ, представившихъ въ высшей степени цѣнныя изслѣдованія, которыя не могли уложиться въ рамки односторонних представленій о православіи, сложившихся въ головѣ того или другого

лица. При этомъ колебаніе основъ православія усматривается тамъ, гдѣ этого, повидимому, трудно было бы ожидать. Такъ, извѣстны случаи неутвержденія или утвержденія съ оговорками и предупрежденіями такихъ диссертацій, гдѣ приводились въ систему извѣстныя еретическія мнѣнія, или вполнѣ законно выставлялась интеллектуальная даровитость и литературная производительность какого-нибудь лжеучителя, или гдѣ, наконецъ, подвергались критикѣ устарѣлыя традиціи, давно уже отвергнутыя русской же, но только свѣтской наукой [1]. Что же является результатомъ такого излишняго, а иногда и прямо оскорбительнаго контроля? Прежде всего, мы замѣчаемъ значительное съуженіе области богословско-церковныхъ изысканій, по неволѣ ограничивающихся изслѣдованіемъ только самыхъ мелкихъ и потому безобидныхъ предметовъ. Этимъ, конечно, объясняется общая бѣдность нашей богословской литературы, особенно въ области догматическаго и нравственнаго богословія, а равнымъ образомъ и въ сферѣ церковно-исторической науки, включая сюда и библейскую исторію. Правда, количественно у насъ появляется достаточно сочиненій изъ этихъ областей, но научная цѣнность этихъ работъ очень незначительна. Что касается другихъ сферъ богословской науки, то за послѣднее время можно отмѣтить относительную многочисленность экзегетическихъ изслѣдованій, но всѣ они имѣютъ мало научнаго значенія: это, по большей части, компилятивные комментаріи, въ составъ которыхъ входятъ очень часто несоразмѣрно обильныя выписки изъ патристической литературы, чѣмъ маскируется бѣдность оригинальной мысли и обезпечивается ортодоксальная благонадежность. Что же касается истинно научныхъ трудовъ изъ области Священнаго Писанія, особенно Ветхаго Завѣта, гдѣ имѣются классическія работы на Западѣ, то у насъ въ этомъ отношеніи поразительная бѣдность, и русскій образованный человѣкъ можетъ узнать о состояніи этой богато разработанной науки или изъ иностранныхъ сочиненій, или изъ случайныхъ работъ, принадлежащихъ совсѣмъ не академическимъ ученымъ.

Особенно тяжелымъ образомъ отзывается гнетъ этой цензуры на сочиненіяхъ, носящихъ ярко апологетическій характеръ: необходимость считаться съ традиціями, давно потерявшими научный кредитъ, даетъ чувствовать себя съ особенною силою, и мы

---

[1]) Мы уже не говоримъ о томъ, что есть рядъ синодскихъ циркуляровъ, запрещающихъ касаться въ ученыхъ изслѣдованіяхъ опредѣленныхъ вопросовъ той или другой науки.

видимъ, какъ нерѣдко производится здѣсь насиліе надъ фактами, и истина приносится въ жертву отжившимъ воззрѣніямъ, утрата которыхъ совсѣмъ не колеблетъ самаго ядра религіи.

III.

Но если истинной науки такъ мало въ ученой богословской литературѣ, то, быть можетъ, она еще въ состояніи находить себѣ мѣсто на каѳедрѣ, въ лекціяхъ профессоровъ, которыя не подлежатъ указанному унизительному контролю. Дѣйствительно, нѣкоторые профессора, ревностно преданные своей наукѣ и хорошо знакомые съ ея положеніемъ на Западѣ, выражаясь нѣсколько вульгарно, „отводятъ себѣ душу" въ аудиторіи, гдѣ надъ ними очень рѣдко бодрствуетъ аргусовскій взглядъ академической администраціи. Но такое положеніе дѣла, разумѣется, ненормально: вѣдь здѣсь знакомство съ наукой совершается, такъ сказать, контрабанднымъ путемъ, а этотъ незаконный способъ дѣятельности всегда можетъ вызвать противъ себя легальную репрессію. Отсюда профессоръ, дѣйствующій такимъ образомъ, долженъ постоянно быть на сторожѣ, чувствовать надъ собой недремлющее око начальства и вообще испытывать очень тяжелое душевное состояніе. Тяжесть послѣдняго увеличивается еще оттого, что такой преподаватель не въ состояніи высказать своихъ воззрѣній печатно, и его учено-литературные труды нерѣдко являются совершенною противоположностью его задушевнымъ убѣжденіямъ. Такая двуличность, конечно, не можетъ ускользнуть отъ его чуткихъ слушателей, которые видятъ своего наставника то фрондирующимъ съ начальствомъ, то смиренно и чуть не униженно исповѣдующимъ все, что онъ отрицалъ и порицалъ вмѣстѣ съ ними же. Но есть и другой типъ академическихъ профессоровъ, сложившійся среди тѣхъ же тяжелыхъ условій академической жизни. Эти преподаватели очень скоро подчиняются господствующему—только оффиціально—ортодоксальному направленію, проникаются своимъ мнимымъ апологетическимъ назначеніемъ, легко опровергаютъ своихъ часто непобѣдимыхъ противниковъ, представляя возраженія послѣднихъ въ искаженномъ и иногда прямо каррикатурномъ видѣ, и такимъ образомъ воспитываютъ въ себѣ то націоналистически-ортодоксальное самомнѣніе, которое позволяетъ имъ съ такимъ пренебреженіемъ относиться къ корифеямъ западной науки и смотрѣть на себя какъ на истинныхъ и единственныхъ жрецовъ подлиннаго знанія.

Едва ли нужно доказывать, что оба упомянутые типа дѣятельности очень мало способствуютъ выработкѣ твердаго характера, человѣка непоколебимыхъ убѣжденій; наоборотъ, они способны воспитать ту умственную и нравственную эластичность,—каковыя свойства присущи многимъ преподавателямъ духовныхъ академій. На почвѣ такихъ неблагопріятныхъ условій можетъ получиться тотъ своеобразный оппортунизмъ, который присущъ нѣкоторымъ академическимъ преподавателямъ, приспособляющимъ свои воззрѣнія къ взглядамъ начальства даже не изъ соображеній карьеризма, а просто потому, что это—то самое начальство, постоянное преклоненіе предъ которымъ вызываетъ въ нихъ привычку, такъ сказать, безсознательнаго или инстинктивнаго подобострастія. Въ духовной академіи скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, могъ найтись профессоръ, который въ своихъ чтеніяхъ по нравственному богословію смотрѣлъ на дуэль какъ на грѣхъ смертоубійства (руководствуясь въ этомъ случаѣ катехизисомъ митрополита Филарета), а послѣ извѣстнаго закона 1894 года сталъ оправдывать это узаконеніе, видя въ немъ выраженіе истинно-христіанской любви къ своей личности.

Итакъ, положеніе богословской науки въ академіяхъ нельзя признать удовлетворительнымъ: гнетъ цензуры не даетъ возможности еще такъ недавно насажденной у насъ церковной отрасли знанія превратиться въ пышное растеніе. Такимъ положеніемъ дѣла, очевидно, объясняется и невыполненіе нашими академіями одной изъ своихъ ученыхъ задачъ—основанія разныхъ обществъ, которыя могли бы способствовать дальнѣйшей разработкѣ науки: при современныхъ порядкахъ у профессоровъ академіи слишкомъ мало охоты къ тому, чтобы ставить дѣло на болѣе широкую дорогу, когда и въ сравнительно узкой сферѣ академическаго преподаванія на всемъ пути встрѣчается столько разнообразныхъ препонъ.

IV.

Но если таково положеніе церковно-богословской науки, то, быть можетъ, свѣтскіе предметы, на которые, повидимому, не должно простираться упомянутое стѣсненіе, такъ же процвѣтаютъ, какъ и въ университетахъ. Къ сожалѣнію, и этого сказать нельзя. Обозрѣвая состояніе небогословскихъ дисциплинъ въ различныхъ духовныхъ академіяхъ, мы скоро же замѣчаемъ, что эти науки находятся на должномъ уровнѣ только тамъ, гдѣ онѣ преподаются

профессорами университетовъ. Если же каѳедры этихъ предметовъ занимаются исключительно академическими питомцами, то эти столь важныя для общаго образованія науки находятся далеко не въ удовлетворительномъ положеніи, а иногда просто влачатъ свое существованіе. Это можно сказать не только о такихъ предметахъ, какъ классическіе языки, но и о такихъ, какъ исторія литературъ (русской и иностранной), гражданская исторія и даже философія. Намъ очень трудно указать выдающихся ученыхъ по этимъ наукамъ изъ среды академическихъ профессоровъ, исключая, конечно, тѣхъ, которые или получили образованіе въ университетахъ, или, по крайней мѣрѣ, соискивали тамъ ученыя степени [1]). Объясняется это тѣмъ, что профессора свѣтскихъ наукъ обычно получаютъ ученыя степени въ духовныхъ же академіяхъ, а эти послѣднія принимаютъ къ оцѣнкѣ диссертаціи только богословскаго характера [2]). Отсюда получается такое явленіе, что профессоръ академіи, преподающій древнюю гражданскую исторію, пишетъ диссертацію по русской церковной исторіи, или, еще хуже, преподаватель философіи въ качествѣ диссертаціи представляетъ изслѣдованіе о книгѣ одного изъ малыхъ пророковъ. Само собой понятно, что раздвоеніе въ занятіяхъ кладетъ отпечатокъ на умственный обликъ профессора, и этотъ отпечатокъ иногда остается на всю жизнь: нерѣдко случается, что профессоръ въ теченіе всей своей академической дѣятельности читаетъ одну науку, а пишетъ изъ области другой, почти не имѣющей никакого отношенія къ первой. Естественный выходъ изъ такого ненормальнаго положенія—въ томъ, чтобы преподаватели свѣтскихъ предметовъ въ академіяхъ или прямо приглашались изъ университетовъ или, по крайней мѣрѣ, соискивали тамъ ученыя степени, если они по своему образованію питомцы академій. Это приводитъ насъ къ вопросу объ избраніи и подготовкѣ преподавателей духовныхъ академій.

Академіи сохранили выборное право по отношенію къ преподавателямъ даже въ ту тяжелую эпоху, когда это право почти совсѣмъ было отнято у университетовъ. Конечно, этому можно

---

[1]) Даже относительно философіи мы готовы утверждать, что за послѣднія тридцать лѣтъ духовная академія имѣла только одного истинно ученаго, талантливаго профессора философіи вообще (а не христіанско-православной философіи),—это профессора М. И. Каринскаго, получившаго высшую ученую степень все-таки въ университетѣ.

[2]) Вслѣдствіе нѣсколькихъ послѣднихъ циркуляровъ представленіе сочиненій, имѣющихъ своимъ предметомъ не спеціально богословскіе сюжеты, сдѣлалось почти невозможнымъ.

только радоваться и должно пожелать, чтобы и впредь этотъ избирательный принципъ получилъ примѣненіе въ академіи и къ административнымъ должностямъ, что отчасти уже и осуществилось въ предшествующемъ уставѣ 1868 года. Выборъ преподавателей академій обычно совершается изъ среды лицъ, ежегодно оставляемыхъ (въ количествѣ двухъ) въ качествѣ такъ называемыхъ профессорскихъ стипендіатовъ. Вполнѣ сочувственно относясь къ этому институту, мы, однако, не можемъ признать его теперешнее состояніе вполнѣ удовлетворительнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствующимъ своему назначенію. Прежде всего, это оставленіе при академіи бываетъ только на одинъ годъ, каковой срокъ очень недостаточенъ для подготовки къ серьезной научной дѣятельности, если даже оставляемый стипендіатъ и раньше достаточно занимался въ области избранной спеціальности. По истеченіи года, если не окажется свободной каѳедры при академіи, стипендіатъ назначается преподавателемъ въ семинарію, часто по тому предмету, который ничего общаго не имѣетъ съ интересующей его наукой. Конечно, у такого преподавателя можетъ быть надежда на избраніе въ академію, но надежда эта слишкомъ проблематична, такъ какъ присутствіе новыхъ стипендіатовъ постепенно стираетъ воспоминаніе о ихъ предшественникахъ, и послѣднимъ, только въ силу своего отсутствія, часто нелегко бываетъ получить верхъ надъ своими, иногда гораздо менѣе даровитыми преемниками. Да и тотъ годъ, который стипендіатъ проводитъ при академіи, проходитъ у него не совсѣмъ плодотворнымъ образомъ. По большей части оставленные при академіи не столько занимаются изученіемъ избранной спеціальности, сколько изготовленіемъ диссертаціи. Какъ ни почтенны занятія послѣдняго рода, но они не могутъ замѣнить тщательнаго штудированія извѣстной отрасли знанія, чѣмъ, напримѣръ, обязаны заниматься оставленные при университетахъ. Очень жаль, что для академическихъ стипендіатовъ не существуетъ испытаній, соотвѣтствующихъ университетскому магистерскому экзамену: магистерство въ академіи дается очень легко (для этого нужно имѣть извѣстную сумму балловъ), и даже лучшіе изъ магистрантовъ, занимающіе послѣ годичной подготовки самостоятельную каѳедру, часто приступаютъ къ занятіямъ съ очень легкимъ научнымъ багажемъ. Правда, можно возразить, что талантливый человѣкъ быстро оріентируется въ курсѣ, который ему предстоитъ читать; но это возраженіе имѣетъ только частичную силу, такъ какъ и при талантливости трудно сразу овладѣть предметомъ, тѣмъ болѣе, что въ академіи новый пре-

подаватель съ самаго же начала является полнымъ руководителемъ каѳедры, такъ какъ у него нѣтъ ничего похожаго на университетскаго приватъ-доцента. Конечно, можно только пожалѣть объ отсутствіи въ академіяхъ этого послѣдняго института: при своемъ нормальномъ положеніи это учрежденіе могло бы оказаться очень плодотворнымъ и въ другомъ отношеніи: какъ и въ университетѣ, оно внесло бы нѣкоторую живую струю въ преподаваніе, которое иногда выпадаетъ лицу, способному скоро же покрыться плѣсенью. Вслѣдствіе отсутствія этого института въ академіи, избранный преподавателемъ магистрантъ, носящій званіе исправляющаго должность доцента, является единственнымъ представителемъ каѳедры. При этомъ наблюдается одна ненормальность: такой преподаватель, получившій степень магистра, и сдѣлавшись доцентомъ, все-таки, не считается членомъ совѣта, хотя его присутствіе тамъ, какъ лица наиболѣе компетентнаго въ извѣстной области, является часто необходимымъ.

V.

Вотъ тѣ общія соображенія, которыя мы имѣли намѣреніе высказать по поводу настоящаго положенія учебной и ученой стороны въ духовныхъ академіяхъ. Мы не будемъ входить въ подробное обсужденіе состава преподаваемыхъ наукъ, ихъ распредѣленія по курсамъ и отдѣленіямъ и т. п. Скажемъ только, что далеко не всѣ науки, имѣющія важное значеніе для преподавателя и образованнаго пастыря, захвачены академической программой, а нѣкоторыя хотя и поставлены тамъ въ качествѣ обязательныхъ предметовъ, однако въ дѣйствительности только прозябаютъ. Это не тѣ чисто университетскіе предметы, о которыхъ у насъ шла рѣчь раньше, а такія, напримѣръ, какъ педагогика, важность которой какъ для пастыря, такъ и въ особенности для преподавателя, лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Какъ же проходится этотъ важный предметъ въ академіи? Прежде всего, для него нѣтъ особенной каѳедры, а преподаваніе его поручается профессору пастырскаго богословія. Такое сосѣдство, быть можетъ, и возвышаетъ значеніе этой науки, но оно скорѣе отрицательнымъ образомъ сказывается на успѣшности разработки и преподаванія этой дисциплины: одному профессору очень трудно управиться съ этими двумя далеко не тожественными отраслями знанія. Въ настоящее время педагогика стремится стать по возможности опытной наукой, освободившейся отъ путъ метафизики,

и, къ сожалѣнію, въ такой серьезной формѣ мы рѣдко можемъ встрѣтить ее въ духовныхъ академіяхъ. Никто не будетъ сомнѣваться, какъ важно для изложенія этой дисциплины самое близкое знакомство съ науками о человѣческой природѣ—физіологіей и психологіей, а между тѣмъ преподаватели этого предмета рѣдко когда стоятъ на высотѣ своего положенія въ этомъ отношеніи. Поэтому нечего удивляться, если педагогика въ рукахъ такого преподавателя обращается или въ компилятивный курсъ по исторіи воспитанія, или въ довольно элементарную педагогическую психологію, изъ которой трудно извлечь что-нибудь путное. А между тѣмъ воспитаннику академіи негдѣ больше серьезно познакомиться съ основами общей педагогики и дидактики—дисциплинами, которыя имѣютъ такое важное значеніе для него, какъ для будущаго воспитателя и преподавателя. Конечно, можно возразить, что практика воспитанія и преподаванія пополнитъ многіе пробѣлы, которые получились при теоретическомъ изученіи науки. Но слишкомъ рискованно возлагать очень большія надежды на практику, которая въ большинствѣ случаевъ имѣетъ подъ собою не строго установленную теорію, а очень шаблонную рутину. Въ частности, что касается общей дидактики, которая могла бы дать и опредѣленные руководящіе методы преподаванія и показала бы часто наблюдаемое отличіе способовъ изслѣдованія отъ пріемовъ изложенія или сообщенія научныхъ данныхъ, то ея почти нѣтъ и въ поминѣ въ академической программѣ. Методологическіе пріемы еще отчасти бы могли иллюстрироваться въ разнообразныхъ типахъ практическихъ занятій, но, къ сожалѣнію, въ академіи мы почти не встрѣчаемъ ничего похожаго на университетскія семинаріи. Послѣднихъ не могутъ замѣнить ни рефераты въ студенческихъ обществахъ, ни такъ называемыя семестровыя сочиненія: первые, по своему составу, слишкомъ далеки отъ всякой системы, да притомъ затрогиваютъ интересы отдѣльныхъ личностей; вторыя, представляя въ рѣдкихъ случаяхъ дѣйствительно очень цѣнныя и добросовѣстныя изслѣдованія, въ большинствѣ случаевъ являются сомнительными компиляціями, далеко не знакомятъ съ положеніемъ извѣстной науки въ ея цѣломъ, рѣдко вводятъ въ методологію серьезнаго научнаго изслѣдованія, что̀ не мѣшаетъ многимъ авторамъ подобныхъ произведеній проникаться своеобразнымъ учено-литераторскимъ самомнѣніемъ. Этимъ мы совсѣмъ не хотимъ подрывать громаднаго значенія письменныхъ работъ для общаго интеллектуальнаго развитія, но желаемъ только сказать, что при современномъ поло-

женіи дѣла въ духовныхъ академіяхъ занятія этого рода далеко не достигаютъ поставленной цѣли.

VI.

Этихъ общихъ замѣчаній мы считаемъ достаточнымъ для краткой характеристики учено-учебнаго дѣла въ духовныхъ академіяхъ. Намъ остается сказать нѣсколько словъ о современномъ административномъ режимѣ въ высшей духовной школѣ, поскольку этотъ режимъ имѣетъ отношеніе къ ученымъ и учебнымъ цѣлямъ духовныхъ академій, такъ какъ главное назначеніе его, повидимому, усматривается въ его воспитательномъ воздѣйствіи, а этотъ вопросъ въ настоящее время не можетъ быть предметомъ обстоятельнаго обсужденія съ нашей стороны. Какъ извѣстно, ректоромъ академіи можетъ быть только лицо духовнаго сана (архимандритъ или протоіерей), причемъ въ послѣднія пятнадцать-двадцать лѣтъ ректорами академій являются почти исключительно монашествующія лица. Что касается ихъ ученаго ценза, то по уставу 1884 года для нихъ совсѣмъ не указана богословская степень, которой они должны удовлетворять,—во всякомъ случаѣ это не степень доктора, которая требовалась по уставу 1868 года, ибо ни одинъ изъ настоящихъ ректоровъ академій не имѣетъ этого ученаго отличія. Конечно, этому пониженію научныхъ требованій, предъявляемыхъ къ начальнику высшаго духовнаго учебнаго заведенія, едва ли можно сочувствовать, тѣмъ болѣе что и магистерство нѣкоторыхъ изъ нихъ нисколько не свидѣтельствуетъ о ихъ близкомъ знакомствѣ съ богословской наукой, и еще менѣе говоритъ о безкорыстномъ и преданномъ служеніи ей. Нерѣдко ректоромъ академіи дѣлается очень посредственный преподаватель семинаріи, съ трудомъ получившій магистерскую степень, или даже магистръ по старому уставу академій (до 1868 года), въ свое время даже не напечатавшій и не защитившій магистерской диссертаціи. Разумѣется, такія лица относятся къ истинному культивированію науки только съ индифферентизмомъ или даже съ пренебреженіемъ, ибо не могутъ подняться до болѣе широкаго взгляда на богословское знаніе—или въ силу своей ограниченности, или просто вслѣдствіе совершенной отсталости отъ всякой науки. Но и такое неблагопріятное отношеніе къ истинно научному развитію богословскаго знанія въ дѣйствительности не отражается очень гибельными послѣдствіями, такъ какъ трудно такому, самому по себѣ бо́льшею

частью ограниченному начальнику, хотя и облеченному очень большою властью, поколебать тотъ характеръ научной работы (правда, можетъ быть, не особенно высокій), который уже сложился въ той или другой академіи въ теченіе продолжительной коллегіальной дѣятельности ея преподавателей. Но едва ли можно отрицать, что при такомъ начальствѣ могутъ преимущественно процвѣтать тѣ отрицательные типы академическаго профессора, о которыхъ у насъ была рѣчь раньше. Гораздо больше отрицательныхъ послѣдствій монашескаго режима можетъ быть въ отношеніи воспитанія, но мы пока не намѣрены подробно обсуждать этотъ вопросъ. Мы только скажемъ, что монашествующіе администраторы далеко не всегда могутъ быть идеальными воспитателями. Уже давно стало труизмомъ, что примѣръ—лучшій воспитатель, а между тѣмъ администраторы духовныхъ академій далеко не всегда могутъ служить образцами, достойными подражанія. Стоитъ только упомянуть о такихъ идолахъ, которые стоятъ въ сердцахъ ихъ, какъ честолюбіе и властолюбіе, чтобы видѣть, что они не могутъ быть учителями смиренія. Далѣе, вознесенные на высоту положенія, часто исключительно благодаря монашескому сану, они иногда слишкомъ злоупотребляютъ своимъ постомъ, склоняя ввѣренныхъ ихъ воспитанію юношей послѣдовать ихъ собственному примѣру и увлекая, такимъ образомъ, ихъ приманками предстоящей имъ власти и силы. Впрочемъ, нужно сознаться, что чары эти оказываются дѣйственными только по отношенію къ единичнымъ личностямъ; большинство же студентовъ способны устоять предъ этими обольщеніями, тѣмъ болѣе, что, въ силу сравнительно поздняго поступленія въ академію, у многихъ изъ нихъ уже успѣваютъ сложиться опредѣленные взгляды на жизнь. Но все-таки за нѣкоторые слабые характеры, которые не могли остаться равнодушными къ раскрываемымъ имъ перспективамъ широкой дѣятельности и въ то же время извѣстнымъ жизненнымъ преимуществамъ, начальники академій понесутъ нравственную отвѣтственность, такъ какъ они слишкомъ легко смотрятъ на такой шагъ, какъ монашество, откуда уже трудно возвратиться юношѣ, пришедшему къ сознанію слабости своихъ душевныхъ силъ и непобѣдимости нѣкоторыхъ изъ своихъ инстинктовъ. Какъ бы то ни было, отрицательные плоды монашеской администраціи могутъ сильнѣе обнаруживаться по отношенію къ средней и низшей школѣ, чѣмъ въ отношеніи студентовъ академіи, въ которыхъ эти специфическія тенденціи могутъ встрѣчать довольно сильную и иногда трудно побѣдимую реакцію.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Но объ этомъ у насъ будетъ рѣчь ниже, а теперь скажемъ еще нѣсколько словъ о воспитательномъ режимѣ въ академіи.

VII.

Какъ извѣстно, въ интересахъ достиженія опредѣленныхъ цѣлей воспитанія, которыя указываются учащемуся въ высшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ юношеству,—въ академіяхъ существуютъ интернаты, а внѣ стѣнъ академіи студенты могутъ жить только у родителей. Эта мѣра не достигаетъ своихъ цѣлей: и въ стѣнахъ закрытаго учебнаго заведенія, иногда за крѣпкими запорами, юношество съумѣетъ жить такъ, какъ это свойственно его возрасту, присоединяя иногда сюда нѣкоторыя специфическія, часто отрицательныя явленія, которыми вообще характеризуются закрытыя учебныя заведенія. Да и странно изолировать отъ разныхъ внѣшнихъ вліяній лицъ, которыя по своему возрасту вполнѣ способны самостоятельно относиться къ этимъ воздѣйствіямъ окружающей среды, и въ силу своего дальнѣйшаго служенія (напримѣръ, въ качествѣ священника) часто принуждены бываютъ стоять въ центрѣ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ вліяній. Между тѣмъ, необходимость жить всѣмъ студентамъ въ академическихъ зданіяхъ естественно сокращаетъ число студентовъ академіи, что̀ едва ли желательно въ интересахъ церкви. Мы никакъ не можемъ понять, какимъ образомъ увеличеніе лицъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ можетъ оказаться излишнимъ или вреднымъ,—а, повидимому, высшая духовная администрація держится именно этого взгляда, разъ она въ недавнее время издаетъ запрещеніе принимать въ число студентовъ академіи женатыхъ священниковъ (повидимому, и женатый священникъ, живущій внѣ академическихъ зданій, не застрахованъ отъ нѣкоторыхъ тяжелыхъ подозрѣній). По нашему мнѣнію, двери академіи должны быть открытыми для возможно бо̀льшаго числа желающихъ, безъ всякаго различія сословій и состояній. Не нужно только понижать научныхъ требованій при поступленіи въ академію, что̀, къ сожалѣнію, и наблюдалось немного лѣтъ тому назадъ при усиленномъ наплывѣ въ духовныя академіи свѣтскаго элемента. Въ то время попадало въ академіи, въ качествѣ вольнослушателей, пользовавшихся всѣми правами студентовъ и не несшихъ никакихъ обязанностей послѣднихъ, очень много почти сомнительныхъ личностей, которыя впослѣдствіи могли скомпрометировать свою alma mater. Очень жаль, если этотъ прецедентъ

повліялъ на отрицательное рѣшеніе по отношенію къ женатымъ священникамъ, большинство которыхъ не имѣетъ ничего общаго съ упомянутыми авантюристами.

VIII.

Этимъ исчерпываются наши замѣчанія о современномъ положеніи духовныхъ академій. Въ своемъ краткомъ очеркѣ мы касались преимущественно темныхъ сторонъ этого типа учебныхъ заведеній, что вполнѣ понятно, такъ какъ мы имѣли въ виду обратить вниманіе именно на эти отрицательныя явленія, которыя должны быть устранены въ ближайшее же время. Устраненіе нѣкоторыхъ изъ этихъ явленій можетъ произойти безъ особеннаго потрясенія основаній высшей духовной школы, но большинство изъ указанныхъ недостатковъ могутъ быть искоренены только при условіи радикальной реформы этихъ учебныхъ заведеній. Мы не считаемъ себя призванными указывать здѣсь планъ этихъ коренныхъ преобразованій, но намъ кажется, что главное — если не единственное средство въ данномъ случаѣ — это преобразованіе нашихъ академій по типу богословскихъ факультетовъ. Разумѣется, тогда не будетъ смысла въ существованіи академій, въ видѣ отдѣльныхъ учебныхъ заведеній, а они должны слиться съ университетами путемъ присоединенія къ существующимъ въ нихъ факультетамъ новаго—богословскаго. Только такимъ путемъ можетъ быть обезпечена свобода научнаго изслѣдованія и преподаванія, когда профессоръ не будетъ чувствовать надъ собою „дамоклова" меча духовно-академической цензуры. Только здѣсь теперешній профессоръ академіи можетъ оказаться ученымъ съ болѣе широкимъ кругозоромъ, отрѣшиться отъ изолированности своего прежняго положенія; здѣсь же онъ всегда легче можетъ пополнить свои знанія по смежнымъ спеціальностямъ, что не всегда возможно при часто наблюдаемой разобщенности академическихъ и университетскихъ профессоровъ. Главное же, здѣсь профессоръ не будетъ вынужденъ скрывать мысли и продѣлывать тѣ tours de force, которые такъ нерѣдко можно встрѣтить въ академіи. Что касается студентовъ, то они такъ же утратятъ нѣкоторыя отрицательныя черты спеціально-академическаго бурша и усвоятъ лучшія стороны университетскаго слушателя. Среди нихъ труднѣе будетъ встрѣтить двѣ, такъ часто наблюдаемыя крайности: или крайнее самомнѣніе, или, наоборотъ, слишкомъ презрительное представленіе не только о духовномъ

студенчествѣ, но и вообще объ академической наукѣ и о всемъ академическомъ строѣ. Научныя стремленія студентовъ, выходящія за предѣлы академической науки, также всегда здѣсь могутъ найти полное удовлетвореніе, и студенты богословскаго факультета не будутъ принуждены въ этихъ случаяхъ довольствоваться плохими компиляціями по естественнымъ или общественнымъ наукамъ, каковыя книжки съ жадностью поглощаются нѣкоторыми изъ нихъ въ академіи, при отсутствіи вполнѣ компетентнаго руководительства. Легче будетъ тогда переходъ съ богословскаго факультета на другіе и обратно, и мы не думаемъ, чтобы первый обѣднѣлъ слушателями: при хорошей постановкѣ всегда найдутся усердные и совсѣмъ не подневольные (какъ это иногда бываетъ въ академіи) студенты. Такимъ образомъ, отъ подобнаго положенія дѣла выиграютъ всѣ: и культивирующіе науку, и усвояющіе ея результаты. При этомъ едва ли можно думать, что тогда, вслѣдствіе болѣе свободной разработки церковно-богословской науки, явится слишкомъ смѣлое отношеніе ко многимъ устарѣвшимъ традиціямъ, что̀ можетъ произвести нѣкоторый соблазнъ среди нашего, слишкомъ малокультурнаго общества. Соблазнъ этотъ гораздо больше теперь, когда объективность академической науки уже нѣсколько заподозрѣна представителями аналогичныхъ каѳедръ (напримѣръ, церковной исторіи, каноническаго права и т. д.) въ университетахъ, и когда выводы профессоровъ въ обоихъ ученыхъ учрежденіяхъ бываютъ иногда весьма различны, естественно склоняя большинство публики на сторону свѣтской науки. Едва ли также справедливо и другое опасеніе при новомъ порядкѣ: будто бы будетъ трудно пополнить ряды пастырей и ихъ руководителей—архипастырей. Но почему же будетъ мало достойныхъ священниковъ и архіереевъ съ богословскихъ факультетовъ? При вполнѣ добровольномъ пополненіи этихъ отдѣленій университетовъ всегда можно будетъ встрѣтить болѣе достойныхъ кандидатовъ священства и архипастырства, и даже непосредственно по выходѣ изъ университета они могутъ оказаться нисколько не менѣе подготовленными, чѣмъ воспитанники академій. Если же у нихъ не будетъ того, что̀ предполагается даннымъ, благодаря условіямъ академическаго интерната, то вѣдь, во-первыхъ, вліяніе этого рода общежитія не всегда благотворно, и мы имѣемъ теперь архипастырей, не бывшихъ въ академіи и однако стоящихъ по своимъ нравственнымъ качествамъ и по духу своей дѣятельности выше академическихъ воспитанниковъ; во-вторыхъ, тѣ исключительныя черты, необходимыя для пастыря и архипастыря, которыя предполагаются создаваемыми не столько

благодаря общему строю преподаванія, сколько вслѣдствіе особыхъ условій воспитанія, возможно будетъ образовать благодаря новому типу школъ, въ которыя будутъ поступать желающіе принять духовный санъ уже по окончаніи университетскаго курса. Спеціалисты могутъ рѣшить вопросъ, какъ въ этихъ школахъ должно быть поставлено дѣло воспитанія, которое уже будетъ прямымъ приготовленіемъ къ пастырскому служенію.

IX.

Учебными заведеніями, подготовительными для академій, являются семинаріи, хотя у нихъ есть и своя спеціальная цѣль — готовить кандидатовъ священства. Въ свою очередь, семинаріи принимаютъ учениковъ духовныхъ училищъ, и эти послѣднія находятся приблизительно въ такомъ же отношеніи къ семинаріямъ, какъ прогимназіи (4-хъ-классныя) къ гимназіямъ (съ 5-го класса). Такимъ образомъ, курсъ училищъ и семинарій есть нѣчто цѣльное, и потому трудно разсматривать эти учебныя заведенія вполнѣ изолированно другъ отъ друга. Училищно-семинарскій курсъ продолжается десять лѣтъ (четыре въ училищѣ и шесть въ семинаріи). Мы думаемъ, что большинство читателей согласится съ тѣмъ, что такой срокъ обученія въ средней школѣ слишкомъ продолжителенъ. Крайняя продолжительность его обнаруживается одинаково, будемъ ли мы разсматривать семинаріи, какъ общеобразовательныя учебныя заведенія, подготовляющія къ поступленію въ высшія свѣтскія училища, или какъ подготовительныя заведенія для академій, или, наконецъ, какъ учебныя учрежденія, готовящія исключительно кандидатовъ священства. Съ первой изъ точекъ зрѣнія, училищно-семинарскій курсъ на два года длиннѣе курса проектированной новой гимназіи (восьмиклассной), и мы совсѣмъ не видимъ нужды удлинять его до десяти лѣтъ. Еще меньше смысла такъ растягивать курсъ въ цѣляхъ духовной академіи, гдѣ многія изъ предметовъ весьма сходны съ семинарскими, а успѣшно усвоять эти предметы, несомнѣнно, могутъ молодые люди, прошедшіе и восьмигодовой курсъ, если только онъ умѣло организованъ. Такимъ образомъ, остается защищать существующее десятилѣтіе только какъ болѣе подходящій учебный срокъ для кандидатовъ священства, которые иногда со школьной скамьи вступаютъ въ жизнь, да еще въ такомъ отвѣтственномъ положеніи. Но, прежде всего, такіе случаи въ настоящее время сравнительно рѣдки, и теперь окончившіе курсъ въ семинаріяхъ опредѣляются въ свя-

щенники бо́льшею частью уже послѣ нѣсколькихъ лѣтъ учительства. Затѣмъ, если такая продолжительность курса желательна для будущихъ пастырей, то необходимо, чтобы этотъ длинный курсъ какъ можно больше соотвѣтствовалъ своему назначенію, и, главное, чтобы въ немъ по возможности былъ отдѣленъ богословскій элементъ отъ общеобразовательнаго. Несмотря на спеціальное положеніе семинарій, присутствіе значительнаго общеобразовательнаго элемента въ курсѣ низшихъ и среднихъ духовныхъ учебныхъ заведеній лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія. По уставу 1867 года, элементъ этотъ былъ довольно опредѣленно разграниченъ отъ спеціально богословскаго курса, который начинался въ пятомъ классѣ семинарій. Уставъ 1884 года нарушилъ этотъ принципъ опредѣленности и разсѣялъ богословскія науки по всему курсу. Не только въ спеціальной, но и въ общей литературѣ уже раздавались голоса, осуждавшіе эту мѣру, какъ въ высшей мѣрѣ нецѣлесообразную. Благодаря такой реформѣ, отношеніе между нѣкоторыми предметами стало самое неестественное, и тѣ свѣтскія науки, которыя должны были считаться пропедевтическими для богословскихъ предметовъ, стали изучаться позже этихъ послѣднихъ: такъ, философія, близкое знакомство съ которой такъ важно для успѣшнаго пониманія основного богословія и церковной исторіи—особенно въ ея патристическій періодъ—изучается уже послѣ ознакомленія съ этими богословскими науками, что̀ дѣлается только въ угоду мнимой цѣльности курса.

Теперь обратимъ вниманіе на составъ общеобразовательнаго курса семинарій и училищъ, и уже послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній по этому предмету сдѣлаемъ краткій обзоръ преподаванія богословскихъ наукъ.

X.

Если давать характеристику современной духовной школы, пользуясь общеупотребительной терминологіей, то, въ виду преобладающихъ элементовъ въ составѣ общеобразовательнаго курса, ее можно назвать классической. Особенно это нужно сказать о духовныхъ училищахъ, гдѣ на четыре (или, вѣрнѣе, три класса, такъ какъ въ первомъ классѣ нѣтъ древнихъ языковъ) полагается 16 уроковъ латинскаго языка и столько же—греческаго. Въ семинаріяхъ этотъ классическій элементъ подавляется спеціально богословскимъ, однако и тамъ, на протяженіи, правда, шести классовъ, мы встрѣчаемъ по 14-ти уроковъ латинскаго и грече-

скаго языковъ. Вполнѣ признавая большое общеобразовательное значеніе классическихъ языковъ и считая знаніе ихъ очень важнымъ для пастыря въ его спеціальныхъ цѣляхъ (имѣя въ виду оригиналы Священнаго Писанія и святоотеческихъ твореній), мы все-таки не можемъ сказать, чтобы изученіе классическихъ языковъ въ духовной школѣ достигало своей цѣли. Причины этого—въ неудовлетворительной постановкѣ названныхъ предметовъ. Прежде всего способъ изученія ихъ, особенно въ училищахъ, преимущественно грамматическій, такъ что по выходѣ изъ училища ученики еще слишкомъ мало бываютъ знакомы съ текстомъ классиковъ. Да и грамматическій матеріалъ усвояется далеко не удовлетворительно, несмотря на сравнительно большое количество уроковъ. Объясняется это, между прочимъ, тѣмъ, что изученіе обоихъ древнихъ языковъ начинается со второго класса, когда ученики еще слишкомъ плохо усвоили русскую грамматику, и преподавателямъ-классикамъ нерѣдко приходится опережать въ своихъ разъясненіяхъ коллегу-учителя русскаго языка. Въ семинаріяхъ не чувствуется гнета грамматизма, но зато и вообще древніе языки находятся тамъ въ загонѣ, подавляемые спеціально богословскими предметами. Прочитывается изъ классиковъ слишкомъ мало, а въ старшихъ классахъ и число уроковъ крайне ограниченно (одинъ въ недѣлю, хотя уже съ третьяго класса полагается всего два). Результаты такого положенія, разумѣется, очень печальны, и современная семинарія не воспитываетъ такихъ классиковъ, какими бывало большинство старинныхъ семинаристовъ (хотя это достигалось слишкомъ дорогою цѣною своеобразнаго естественнаго и искусственнаго отбора). Правда, и теперь иногда попадаются въ семинаріяхъ знатоки языковъ, но это блестящія исключенія, филологи по призванію, между тѣмъ какъ значительная часть оканчивающихъ курсъ отвѣчаетъ даже на экзаменахъ по подписанному тексту.

Что касается другихъ общеобразовательныхъ предметовъ, то, по отношенію къ училищу, прежде всего бросается въ глаза крайняя бѣдность общеобразовательнаго элемента. Кромѣ русскаго языка и ариѳметики, мы встрѣчаемъ тамъ только географію, да и та проходится тамъ всего въ двухъ классахъ. Совершенно отсутствуетъ исторія (хотя бы эпизодическій курсъ), элементы естествознанія, рисованіе, новые языки. Если курсъ младшихъ классовъ классическихъ гимназій казался намъ до чрезвычайности сухимъ и скучнымъ, то что же можно сказать о духовныхъ училищахъ? Гдѣ здѣсь мѣсто живому, пытливому уму или особенно богатому дѣтскому воображенію? Тяжелое впечатлѣніе отъ этого

курса еще болѣе усилится, если мы вспомнимъ, что изъ 19-ти уроковъ русскаго языка (на всѣ четыре класса) не менѣе семи отводится на изученіе славянскаго языка, который, будучи преподносимъ въ такой обильной дозѣ съ перваго класса, въ концѣ концовъ внушаетъ къ себѣ отвращеніе не меньше, чѣмъ латынь и греческій языкъ.

Что касается семинарій, то здѣсь, повидимому, положеніе другихъ (кромѣ древнихъ языковъ) общеобразовательныхъ предметовъ стоитъ нѣсколько лучше. Тамъ достаточно уроковъ по исторіи русской литературы и теоріи словесности, гражданской исторіи, по которой, въ отличіе отъ положенія этого предмета въ гимназіяхъ, существуютъ письменныя работы,—математикѣ, хотя положеніе этой послѣдней значительно ухудшилось по уставу 1884 г. Такъ, теперь совершенно устранена изъ семинарскаго курса тригонометрія и какъ-то совсѣмъ странно сокращена программа по алгебрѣ. Въ неудовлетворительномъ положеніи также находится физика, на которую всего удѣляется три урока [1]). Совершенно отсутствуютъ въ курсѣ семинаріи такія общеобразовательныя науки, какъ исторія всеобщей литературы, естествознаніе, основанія общественно-юридическихъ наукъ, знакомство съ которыми важно для будущаго священника и по практическимъ соображеніямъ. Новые языки преподаются факультативно, да и то только въ теченіе трехъ лѣтъ. Далеко не удовлетворительно поставленъ и такой, правда, нѣсколько спеціальный, но въ то же время связанный съ нѣкоторыми общеобразовательными науками, предметъ, какъ дидактика, при чемъ почему-то почти совсѣмъ игнорируются методики, важность которыхъ для предстоящаго учительства лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но въ семинарской программѣ есть циклъ наукъ, присутствіе которыхъ даетъ важное преимущество этой программѣ не только по сравненію съ курсомъ классической гимназіи, но и въ отношеніи проектированной средней школы,—программа которой, повидимому, охватываетъ всѣ общеобразовательные предметы. Мы разумѣемъ философскія науки. Большое развивающее значеніе философскихъ дисциплинъ едва ли можетъ быть оспариваемо. Знакомство съ философскими ученіями, проникновеніе въ тончайшіе изгибы человѣческой мысли, можетъ способствовать изощренію мышленія, выработкѣ очень гибкаго интеллекта, ко-

[1]) Преподавателями математики и физики въ послѣднее время стали назначать кандидатовъ академіи, которые заканчиваютъ свое математическое образованіе въ третьемъ классѣ семинарій. Хорошо, если эта мѣра только временная, вынужденная отсутствіемъ настоящихъ преподавателей (съ университетскимъ образованіемъ).

торый можетъ успѣшно оперировать въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ человѣческаго вѣдѣнія. Знакомство съ данными психологіи, доставляя свѣдѣнія о нашей духовной природѣ, вообще расширяетъ нашъ умственный кругозоръ и въ то же время имѣетъ важное практическое значеніе, вскрывая тѣмъ самымъ теченіе душевныхъ процессовъ и позволяя иногда пользоваться знаніемъ законовъ психической жизни въ нашихъ личныхъ цѣляхъ. Изученіе основныхъ процессовъ нашей умственной дѣятельности,—съ чѣмъ имѣетъ дѣло логика,—кромѣ формально развивающаго значенія, плодотворно и въ томъ отношеніи, что оно помогаетъ разобраться намъ въ методахъ научнаго изслѣдованія и тѣмъ предохранить отъ многихъ ошибочныхъ умозаключеній. Наконецъ, тѣ синтетическія тенденціи, которыя лежатъ въ основаніи болѣе извѣстныхъ системъ новѣйшей философіи, стремящейся объединить точные результаты науки съ данными философскаго анализа, лучше всего способствуютъ выработкѣ стройнаго міросозерцанія, котораго трудно достигнуть при изолированномъ изученіи даже наиболѣе развивающихъ дисциплинъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы преподаваніе и этихъ наукъ было поставлено въ семинаріяхъ должнымъ образомъ. Прежде всего, слишкомъ мало времени отводится на курсъ философіи,—всего три часа въ недѣлю,—между тѣмъ, курсъ этотъ состоитъ изъ начальныхъ основаній философіи и изъ исторіи философіи, причемъ на послѣднюю не можетъ быть удѣлено больше одного часа. Благодаря этому, исторія философіи въ дѣйствительности или совсѣмъ не проходится, или проходится въ такой сжатой формѣ, что въ головахъ учащихся ничего не остается, кромѣ сухихъ рубрикъ и мало связанныхъ между собою афоризмовъ; о знакомствѣ же съ самыми сочиненіями философовъ почти не можетъ быть и рѣчи. Преподаваніе основаній философіи страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что разсмотрѣніе философскихъ проблемъ получаетъ одностороннее теологическое освѣщеніе, которое едва ли вызывается существомъ дѣла, а между тѣмъ подрываетъ довѣріе къ семинарской философіи, когда воспитанникъ впослѣдствіи болѣе близко познакомится со строго-научными сочиненіями по философіи. Психологія, несмотря на болѣе конкретное содержаніе, преподается въ семинаріяхъ большею частью по довольно устарѣвшимъ руководствамъ, въ метафизическомъ духѣ, хотя теперь есть очень хорошія вполнѣ научныя пособія по этому предмету и на русскомъ языкѣ. Преподаваніе логики также нѣсколько схоластично,—въ ней мало мѣста удѣляется логикѣ индукціи; положенія этой науки недостаточно иллюстри-

руются конкретнымъ матеріаломъ, методологическая прикладная часть проходится слишкомъ бѣгло. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, преподаваніе философскихъ наукъ въ семинаріи приноситъ результаты гораздо меньшіе, чѣмъ можно бы было ожидать, и объ этомъ свидѣтельствуютъ отчеты духовныхъ академій, говоря о вступительныхъ экзаменахъ семинаристовъ.

XI.

Въ какомъ положеніи находятся теперь богословскія науки? Богословскихъ предметовъ въ семинаріяхъ и училищахъ слишкомъ много, но это не значитъ, чтобы именно богословскія знанія были особенно обширны и глубоки у воспитанниковъ семинарій. Количество труда и масса времени, затрачиваемые на изученіе этихъ предметовъ, мало оправдываются достигаемыми результатами. Наоборотъ, слишкомъ большое число богословскихъ наукъ, разсѣянныхъ по всему курсу, какъ разъ ведетъ къ совершенно нежелательнымъ послѣдствіямъ. Въ семинарской программѣ слишкомъ много повтореній, совпаденій въ изложеніи наукъ, и часто случается, что одинъ и тотъ же предметъ трактуется и въ катехизисѣ, и въ церковномъ уставѣ, и въ литургикѣ, и въ пастырскомъ богословіи, и, наконецъ, въ дидактикѣ и въ нравственномъ богословіи. Благодаря этому, нерѣдко является чувство отвращенія къ этому въ высшей степени однообразному матеріалу, обработанному при этомъ часто очень схоластическимъ способомъ. Гдѣ же здѣсь мѣсто для чувства глубокой любви къ наукѣ, увлеченія религіознымъ знаніемъ, каковое чувство должно было бы согрѣвать душу пастыря въ теченіе всей его жизни, не давая ему погрузиться въ холодныя волны житейскаго моря? Въ силу такого положенія богословскихъ наукъ семинаристы, прошедшіе полный курсъ, очень мало бываютъ знакомы съ тѣмъ, что имъ нужно больше всего. Такъ, они не выносятъ изъ семинаріи даже хорошаго знанія свято-отеческой литературы, мало начитаны въ лучшихъ произведеніяхъ золотого періода богословскаго творчества, все равно какъ они не всегда хорошо знакомы съ выдающимися трудами новѣйшихъ проповѣдниковъ. Между тѣмъ болѣе близкое знакомство съ свято-отеческими твореніями важно совсѣмъ не для оправданія нѣкоторыхъ отжившихъ традицій (къ сожалѣнію, для этой цѣли этими произведеніями чаще всего пользуются), сколько для образованія въ будущихъ пастыряхъ того высшаго морально-религіознаго на-

строенія, которымъ были проникнуты въ первые вѣка христіанства лучшіе представители пастырства. Что касается такихъ богословскихъ наукъ, какъ церковная исторія, основное богословіе, богословіе догматическое и нравственное, толкованіе Священнаго Писанія и т. д., то преподаваніе этихъ предметовъ не можетъ стоять въ семинаріи на истинно-научномъ уровнѣ въ силу тѣхъ же условій, которыя задерживаютъ расцвѣтъ этихъ наукъ въ академіяхъ. Здѣсь мы должны отмѣтить одну положительную черту при преподаваніи богословскихъ наукъ, которая, несомнѣнно, дѣйствуетъ все-таки развивающимъ образомъ, несмотря на общій схоластицизмъ, который господствуетъ при этомъ преподаваніи,—это домашнія письменныя работы. Большого развивающаго значенія этихъ упражненій никакъ нельзя отрицать, такъ какъ та гибкость ума, которая культивируется изученіемъ философскихъ наукъ, находитъ здѣсь для себя примѣненіе, и только желательно, чтобы эта діалектика имѣла дѣло съ болѣе цѣннымъ и въ научномъ отношеніи матеріаломъ. Но какъ бы то ни было, положеніе богословскихъ предметовъ въ семинаріи также не можетъ почитаться удовлетворительнымъ и требуетъ серьезной реорганизаціи.

XII.

Если мы, послѣ этого краткаго обозрѣнія семинарскаго преподаванія, зададимъ себѣ вопросъ объ общемъ умственномъ развитіи семинаристовъ сравнительно съ воспитанниками другихъ средне-учебныхъ заведеній (гимназистовъ и реалистовъ), то можемъ ли отдать предпочтеніе семинаристамъ? Нѣкоторые съ легкимъ сердцемъ отвѣтятъ: „да“,—но мы не рѣшаемся сдѣлать этого. Конечно, если дѣлать заключеніе по тѣмъ ученикамъ семинарій, которые поступаютъ въ высшія свѣтскія учебныя заведенія, гдѣ учатся реалисты и гимназисты, то, пожалуй, можно сдѣлать такое заключеніе. Но этотъ выводъ едва ли приложимъ ко всей массѣ оканчивающихъ курсъ семинаріи. Нужно имѣть въ виду, что вѣдь въ высшія свѣтскія учебныя заведенія поступаютъ наиболѣе талантливыя натуры, одаренныя къ тому же недюжинною силою воли, такъ какъ имъ придется выдержать борьбу за существованіе при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Затѣмъ, перевѣсъ ихъ въ занятіяхъ можетъ въ значительной степени зависѣть отъ тѣхъ личныхъ усилій, отъ той, такъ сказать, сверхъ-должной работы (лежащей внѣ семинарской программы), которую выпол-

няютъ эти энергичные люди, отдавая весь свой досугъ на усиленные труды по внѣшкольному образованію. Послѣднее имѣетъ тѣмъ болѣе шансовъ на преимущественный успѣхъ у семинаристовъ, что вѣдь общій возрастъ ихъ гораздо выше возраста абитуріентовъ гимназій и реальныхъ училищъ, что вообще придаетъ имъ больше вдумчивости и настраиваетъ ихъ на болѣе серьезный тонъ въ отношеніи къ какимъ бы то ни было занятіямъ. Очевидно, здѣсь не можетъ идти въ счетъ объективное значеніе семинарскаго курса, какъ общеобразовательнаго фактора. Такимъ образомъ, если мы матеріаломъ для сравненія возьмемъ всѣхъ оканчивающихъ курсъ семинаристовъ, съ одной стороны, и гимназистовъ и реалистовъ—съ другой, то едва ли преимущество всегда останется на сторонѣ первыхъ: если лучшіе изъ семинаристовъ нерѣдко могутъ превосходить, по общему умственному развитію, гимназическихъ и реальныхъ медалистовъ, то довольно большая часть семинаристовъ можетъ поражать и своею неразвитостью, и относительною бѣдностью знаній сравнительно съ очень средними учениками гимназій и реальныхъ училищъ. Поэтому ярко выраженное сознаніе объективнаго превосходства семинаристовъ, которое можно встрѣтить у нѣкоторыхъ защитниковъ современнаго семинарскаго строя, намъ кажется ничѣмъ необоснованнымъ.

Едва ли также можно возражать противъ того, что успѣхъ преподаванія въ семинаріи, какъ и во всякомъ другомъ учебномъ заведеніи, въ значительной степени зависитъ отъ самихъ преподавателей и администраціи, поскольку послѣдней ввѣрено наблюденіе не только за воспитателями, но и за учебнымъ дѣломъ. Посмотримъ же, какъ обстоитъ въ этомъ отношеніи дѣло въ семинаріяхъ, насколько, такимъ образомъ, положеніе преподавателей способствуетъ осуществленію ихъ высокаго назначенія.

Мы уже говорили о подготовкѣ преподавателей духовно-учебныхъ заведеній, гдѣ, между прочимъ, упоминали, что въ этомъ отношеніи желательны нѣкоторыя улучшенія, тѣмъ болѣе, что когда человѣкъ уже приступитъ къ преподавательской дѣятельности, ему очень нелегко бываетъ пополнить пробѣлы образованія, которые обнаруживаются уже съ перваго раза. Такъ, у него и остается мало времени, и часто нѣтъ подходящихъ пособій, и отвлекаетъ масса практическихъ заботъ. О неудовлетворительности матеріальнаго положенія преподавателя среднеучебнаго заведенія сказано было достаточно и въ общей литературѣ; мы же должны замѣтить, что судьба учителя семинаріи и особенно духовнаго училища горше положенія преподавателя гим-

назіи или реальнаго училища. Такъ, учителю семинаріи трудно имѣть очень большое количество уроковъ, такъ какъ часто онъ можетъ имѣть только такое количество часовъ, которое полагается для извѣстнаго предмета (напримѣръ, богословскіе предметы, философскія науки и т. п.). Преподаватель же училища, тотъ прямо прикрѣпленъ къ своему предмету, и учитель, напримѣръ, русскаго языка можетъ имѣть всего девять уроковъ въ недѣлю (тогда какъ въ гимназіи ихъ можно имѣть до тридцати). Трудно найти добавочныхъ уроковъ и въ какомъ-нибудь другомъ учебномъ заведеніи, а для преподавателя уѣзднаго училища это часто совершенно невозможно, ибо во многихъ уѣздныхъ городахъ нѣтъ учебныхъ заведеній выше приходскихъ училищъ.

Затѣмъ, важно отмѣтить почти безправное положеніе преподавателей семинарій и училищъ. Очень недалеко то время, когда педагогическіе совѣты принимали активное участіе въ избраніи семинарской и училищной администраціи, а теперь эта администрація имѣетъ право приглашать или не приглашать преподавателей на спеціально педагогическія собранія [1]). Положеніе училищныхъ преподавателей отягчается еще однимъ обстоятельствомъ, вытекающимъ изъ факта взаимныхъ отношеній между училищами и семинаріями. Мы разумѣемъ въ частности пріемные экзамены въ семинарію, возстановленные въ 1900 году. Мы уже не говоримъ о педагогической нецѣлесообразности этой мѣры, которая является полнымъ анахронизмомъ для нашего времени, когда вполнѣ признана несостоятельность экзаменовъ, какъ контролирующаго средства. Скажемъ только, что это возвращеніе къ старому порядку въ высшей степени оскорбительно для преподавателей училищъ, которые, по своему развитію и, главное, по своимъ стремленіямъ, часто, какъ болѣе молодые и интеллигентные люди, стоятъ гораздо выше уже затянутыхъ тиною рутины и покрытыхъ плѣсенью преподавателей семинарій. Вмѣсто того, чтобы взглянуть въ корень вещей, всесторонне проанализировать условія, которыми объясняется пониженіе умственнаго уровня въ семинаріяхъ, духовное начальство бросилось на первую причину неуспѣшности, которая была подсказана ему болѣе апатичными преподавателями семинарій, желавшими только свалить отвѣтственность съ своихъ плечъ. Такое формальное отношеніе можно встрѣтить только въ духовномъ вѣдомствѣ. Этимъ послѣднимъ распоряженіемъ высшее духовное начальство только способствовало тому, чтобы болѣзнь

[1]) Только когда уже эти замѣтки были написаны, появилось распоряженіе духовной власти, въ силу котораго въ собраніяхъ правленія, обсуждающихъ педагогическіе вопросы, присутствуютъ всѣ преподаватели съ правомъ рѣшающаго голоса.

вошла въ глубь организма, и дальнѣйшій діагнозъ, а тѣмъ болѣе леченіе дѣлаются еще болѣе затруднительными. Мы уже не говоримъ о томъ, что въ упомянутомъ возвращеніи къ старымъ порядкамъ выражается то въ высшей степени анти-гуманное отношеніе къ школьникамъ, котораго не встрѣчается ни въ одномъ вѣдомствѣ. Если главную причину неуспѣшности учениковъ духовныхъ училищъ нужно видѣть въ небрежномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ учителей, то чѣмъ виноваты ученики? Когда-то еще и какъ можетъ получить возмездіе небрежный учитель, а вѣдь абитуріентамъ духовныхъ училищъ, только-что сдавшимъ довольно сложныя выпускныя испытанія при училищѣ, отравляются всѣ каникулы, — благодаря подготовкѣ къ семинарскимъ экзаменамъ, — и подрываются еще не окрѣпшія молодыя силы.

XIII.

Что сказать объ администраціи въ семинаріяхъ и училищахъ? Какъ извѣстно, начальникомъ семинаріи бываетъ ректоръ, лицо духовнаго сана, архимандритъ или протоіерей. Смотрителемъ училища можетъ быть и свѣтское лицо, хотя преимущество всегда отдается духовному. Что касается семинарскаго начальства, то повидимому, съ болѣе широкой точки зрѣнія, нужно отдать предпочтеніе протоіерею: лицо изъ бѣлаго духовенства, будучи само отцомъ семейства, должно болѣе подходить къ роли воспитателя. Это, дѣйствительно, такъ и должно бы быть, если бы начальниками семинарій были исключительно лица изъ бѣлаго духовенства, не принужденныя конкуррировать съ монашествующимъ духовенствомъ. Не то мы видимъ теперь, когда большинство ректоровъ — архимандриты, между тѣмъ какъ протоіереи только какъ бы терпятся. Послѣдніе, implicite, постоянно подозрѣваемые въ нѣкоторомъ либерализмѣ, дабы оправдать себя отъ всякихъ нареканій, иногда въ исполненіи своихъ обязанностей доходятъ до такого формализма, котораго чужды многіе архимандриты, такъ какъ уже одно монашеское званіе застраховываетъ ихъ отъ подозрѣнія въ какихъ-нибудь слишкомъ свободныхъ тенденціяхъ. То же самое можно сказать и о многихъ смотрителяхъ духовныхъ училищъ, которые часто стремятся стать plus royalistes, que le roi même. Но этимъ мы совсѣмъ не хотимъ сказать, что монашествующая администрація является въ настоящее время болѣе желательною, чѣмъ начальство изъ бѣлаго духовенства или просто свѣтское. Отрицательныя черты, которыми характери-

зуется монашеское управленіе, извѣстны. Извѣстны также и условія, преимущественно способствующія развитію этихъ отрицательныхъ явленій. Это прежде всего крайняя молодость и неопытность монашествующихъ администраторовъ. Только-что окончившій курсъ юноша 24 — 25 лѣтъ, совершенно не знающій жизни и совсѣмъ неопытный въ воспитательномъ дѣлѣ, назначается смотрителемъ училища или инспекторомъ семинаріи, а черезъ годъ, два—и ректоромъ. Такимъ образомъ, такому-то лишенному всякой опытности лицу ввѣряется руководство воспитательнымъ и учебнымъ дѣломъ въ большомъ заведеніи, гдѣ его вѣдѣнію подлежатъ почти одинаковаго съ нимъ возраста воспитанники и, конечно, гораздо старшіе его преподаватели. Какъ же здѣсь можетъ быть рѣчь о компетентномъ руководительствѣ? А между тѣмъ молодой начальникъ, снабженный очень обширными служебными полномочіями, поставленный въ непосредственныя отношенія къ епархіальной власти, проникается сознаніемъ своего положенія, и иногда на первыхъ же порахъ своей дѣятельности позволяетъ себѣ явно деспотическія замашки. Разумѣется, эти послѣднія могутъ встрѣтить нѣкоторый, хотя и очень слабый отпоръ отъ подчиненныхъ этому администратору преподавателей, но этимъ съ самаго начала устанавливается антагонизмъ между ректоромъ и учителями, и напряженность начальнической ревности перваго доходитъ иногда до крайней степени. Это напряженное душевное состояніе обильно питается и другой эгоистической эмоціей, которую такъ часто можно встрѣтить у людей этого типа. Мы разумѣемъ честолюбіе. Всякій, кто хорошо знакомъ съ типомъ молодого ученаго монаха, знаетъ, что вся дѣятельность этихъ людей очень часто движется именно этимъ чувствомъ. Мысль о скоромъ повышеніи, о переходѣ съ одной административной дѣятельности на болѣе высокій постъ завладѣваетъ всѣмъ существомъ такого человѣка, и глубокою скорбью, доходящею до отчаянія, наполняется сердце его, если дѣйствительность разбиваетъ его мечты. Впрочемъ, современная дѣйствительность скорѣе оправдываетъ, чѣмъ разсѣиваетъ такія ожиданія, ибо предъ нами многочисленные примѣры возведенія на очень отвѣтственные посты монаховъ — почти юношей. Всѣмъ извѣстно, какъ развивается этотъ духъ своеобразнаго духовнаго карьеризма у молодой монашеской администраціи. Знаемъ мы также, какъ гибельно отзывается это быстрое движеніе по іерархической лѣстницѣ и на положеніи учебно-воспитательнаго дѣла, ибо нерѣдко въ очень короткій срокъ то или другое учебное заведеніе испытываетъ на себѣ административные эксперименты

нѣсколькихъ правителей иногда съ очень разнообразными взглядами. Разумѣется, едва ли можно ждать плодотворныхъ результатовъ въ воспитательномъ отношеніи отъ такихъ администраторовъ. Да и вообще положеніе дѣла воспитанія въ семинаріяхъ и училищахъ, по нашему мнѣнію, далеко не удовлетворяетъ своему назначенію. При многочисленности ученическаго состава какъ въ семинаріяхъ, такъ и въ училищахъ, и при централизаціи дѣла воспитанія часто въ однѣхъ рукахъ, совсѣмъ невозможна та искренняя близость между начальникомъ и ученикомъ, которая служитъ залогомъ полной успѣшности воспитательской дѣятельности. Поэтому, взамѣнъ искренняго и сердечнаго отношенія, устанавливается крайній формализмъ, между воспитанникомъ и воспитателемъ роется пропасть, которая съ возрастомъ перваго становится все шире и шире. Этотъ формализмъ, соединенный съ наивной вѣрой въ дѣйствительность внѣшнихъ мѣръ, проникаетъ даже въ такія сферы воспитательнаго воздѣйствія, гдѣ требуется самое деликатное и осторожное отношеніе,— и, разумѣется, результаты получаются какъ разъ обратные тѣмъ, какихъ желаютъ. Возьмемъ, напримѣръ, религіозное чувство. Извѣстно, какое значеніе въ культурѣ этой возвышенной эмоціи придается въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ принудительнымъ продолжительнымъ молитвамъ, такому же богослуженію, строгимъ постамъ, и какъ часто, наперекоръ всѣмъ этимъ стараніямъ, мы встрѣчаемъ воспитанниковъ этихъ учебныхъ заведеній, проникнутыхъ кощунственнымъ отношеніемъ ко всѣмъ принадлежностямъ культа и исполненныхъ самаго анти-церковнаго духа; на основаніи довольно продолжительнаго опыта, мы знаемъ, что такое настроеніе часто создается у лицъ въ высшей степени впечатлительныхъ, въ ранніе годы очень религіозныхъ, но у которыхъ эта насильственная культура религіознаго чувства вызываетъ очень сильную и, конечно, въ высшей степени вредную реакцію. И все это потому, что воспитатели не хотятъ или не умѣютъ подойти съ истинно человѣческими чувствами къ сердцу, еще широко открытому для всего добраго. То же самое нужно сказать и о нравственномъ воспитаніи. Мы уже не говоримъ о такихъ средствахъ, какъ безпрестанные выговоры, запрещенія, подавленіе самостоятельности, что практикуется и въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ,—въ духовныхъ есть, кромѣ того, нѣчто специфическое. Ложно понимая христіанскій принципъ смиренія, духовное начальство часто съ особенною настойчивостью старается внѣдрить въ сердцахъ своихъ питомцевъ чувство почтительности, доходящей до подобострастія

и униженія. Надежнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли считаются тѣ же внѣшнія мѣры, въ родѣ низкихъ поклоновъ, опущенныхъ долу глазъ и т. п. Разумѣется, результаты здѣсь такіе же, какъ и въ отношеніи къ религіозному чувству. Проходя по мрачнымъ корридорамъ семинарскихъ и въ особенности училищныхъ общежитій, вы очень часто можете видѣть этихъ жмущихся къ стѣнамъ или извивающихся въ безпрестанныхъ склоненіяхъ потомковъ прежнихъ неукротимыхъ бурсаковъ; но большинство изъ этихъ наружно гуттаперчевыхъ людей всегда готовы показать кулакъ или сдѣлать еще болѣе грубый жестъ за спиною своего начальника, передъ которымъ они такъ пресмыкаются.

Едва ли нужно говорить, что такіе воспитательные пріемы, существующіе въ нѣкоторыхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, меньше всего способствуютъ выработкѣ характера въ хорошемъ смыслѣ слова. Намъ нерѣдко приходилось слышать что духовная школа (особенно старая) преимущественно содѣйствовала образованію твертыхъ и сильныхъ характеровъ. Мы не можемъ согласиться съ этимъ. Если силу характера понимать въ смыслѣ извѣстной закаленности, способности выдерживать иногда самыя неблагопріятныя условія внѣшней обстановки, продолжать свое умственное развитіе среди тяжелыхъ матеріальныхъ лишеній,—то въ такой силѣ характера нельзя отказать семинаристамъ, которые вынуждены проходить суровую житейскую школу. Но если подъ характеромъ разумѣть непреклонную силу воли, въ основаніи которой лежатъ прочные нравственные мотивы, способность широкой иниціативы въ связи съ организаторскимъ талантомъ,—то такихъ качествъ, думаемъ, очень мало въ бывшихъ воспитанникахъ духовно-учебныхъ заведеній. Наоборотъ, большинство изъ нихъ отличается нежелательною гибкостью характера, ведущею иногда къ очень сомнительнымъ компромиссамъ, нерѣшительностью, отсутствіемъ способности къ энергичной общественной дѣятельности, поверхностнымъ скептицизмомъ къ прогрессивнымъ движеніямъ въ обществѣ, причемъ въ основаніи этого скептицизма часто лежатъ очень невысокіе въ этическомъ отношеніи мотивы. Къ сожалѣнію, такія душевныя свойства можно встрѣтить иногда у болѣе талантливыхъ питомцевъ духовно-учебныхъ заведеній, въ родѣ, напримѣръ, профессоровъ университетовъ и духовныхъ академій. Что же касается обычныхъ кандидатовъ академій, то нравственная неустойчивость многихъ изъ нихъ поразительна. Мы знаемъ кандидата академіи, повидимому искренно видѣвшаго весь смыслъ своей жизни въ самоотверженной пастырской дѣятельности и въ послѣдніе дни академической жизни много говорив-

шаго объ этомъ,—однако, черезъ два-три мѣсяца послѣ окончанія курса, поступившаго въ акцизъ. Извѣстенъ намъ также другой кандидатъ, готовившійся въ монахи и за послѣднее время пребыванія въ академіи почти обратившійся въ аскета: этотъ почти сейчасъ же по окончаніи курса поступилъ въ вѣдомство государственнаго коннозаводства и быстро сдѣлалъ тамъ себѣ карьеру. И все это даже при отсутствіи всякихъ тяжелыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя хотя отчасти могли бы оправдывать такіе неожиданные повороты во взглядахъ на задачи своей дѣятельности. Мы уже не говоримъ о такихъ явленіяхъ, какъ принятіе священнаго сана или даже постриженіе въ монашество безъ глубокаго внутренняго влеченія и безъ продолжительнаго приготовленія къ этому важному шагу, гдѣ такъ поступающій можетъ сослаться на исключительныя условія,—хотя это совсѣмъ не оправданіе для истинно-нравственнаго характера.

Такимъ образомъ, и нравственное воспитаніе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ не можетъ считаться достигающимъ своей цѣли. Въ воспитанникахъ духовной школы далеко не часто развиваются и обыкновенныя человѣческія свойства, считающіяся принадлежностью культурнаго человѣка, не говоря уже о тѣхъ высокихъ нравственныхъ качествахъ, которыя должны быть достояніемъ истиннаго пастыря. И это, повидимому, несмотря на всѣ старанія воспитателей, которые стремятся создать спеціальную, по ихъ мнѣнію, въ высшей степени плодотворную систему воспитательнаго воздѣйствія. Въ цѣляхъ именно приближенія воспитанниковъ семинаріи къ идеалу пастыря, въ послѣднее время распространяются и поощряются интернаты для учениковъ семинарій и училищъ, и учащіеся въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ почти всѣ помѣщаются въ общежитіяхъ. Но намъ уже отчасти приходилось говорить о томъ формализмѣ, который господствуетъ въ этого рода пансіонахъ. Здѣсь же мы только должны замѣтить, что однимъ изъ главныхъ условій, способствующихъ, по мнѣнію руководителей воспитательнаго дѣла, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, созданію лучшихъ моральныхъ стремленій, считается изоляція, полная отрѣшенность интерновъ отъ всего, что дѣлается за стѣнами семинаріи. Мы знаемъ, что въ девятидесятыхъ годахъ только-что истекшаго столѣтія этотъ принципъ изоляціи въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ простирался до того, что семинаристамъ по цѣлымъ недѣлямъ не приходилось бывать за стѣнами общежитія. Мы уже не говоримъ о томъ, что имъ положительно невозможно было побывать въ театрѣ или концертѣ, ибо посѣщеніе этихъ мѣстъ считалось тягчайшимъ преступле-

ніемъ. Намъ приходилось также упомянуть о томъ, какъ ограниченъ бываетъ ассортиментъ книгъ, допускаемыхъ въ семинарскія и ученическія библіотеки, и какія строгія мѣры принимаются для воспрепятствованія семинаристамъ посѣщать какія бы то ни было внѣсеминарскія книгохранилища. Едва ли нужно говорить, что всѣ эти мѣры изоляціи не достигаютъ своей цѣли: семинаристы достаютъ такія книги, которыя считаются запрещенными даже и для публичныхъ библіотекъ, а взамѣнъ вполнѣ облагораживающихъ развлеченій дозволяютъ иногда себѣ такія, которыя совсѣмъ не могутъ быть оправданы и не съ особенно высокой этической точки зрѣнія. Едва ли также нужно доказывать, что такая изоляція не можетъ имѣть своего raison d'être и съ точки зрѣнія предстоящей дѣятельности семинарскихъ воспитанниковъ: положеніе священника будетъ естественно ставить питомца семинаріи въ самыя разнообразныя отношенія къ окружающимъ людямъ, и поэтому широкое общее развитіе, связанное съ яснымъ пониманіемъ тѣхъ условій, среди которыхъ придется дѣйствовать будущему пастырю, можетъ только обезпечить успѣхъ его пастырскаго служенія.

XIV.

Такимъ образомъ, теперь мы можемъ сказать, что и дѣло воспитанія въ духовныхъ семинаріяхъ далеко не сопровождается тѣми результатами, которыхъ ожидаютъ отъ затрачиваемыхъ на него усилій. Объясняется это, между прочимъ, нецѣлесообразностью мѣръ, которыя употребляются для достиженія намѣченныхъ цѣлей, о чемъ намъ уже достаточно приходилось говорить въ только-что изображенномъ положеніи учебно-воспитательнаго дѣла въ духовной школѣ. Но здѣсь нужно упомянуть о главной и кардинальной причинѣ всѣхъ неуспѣшныхъ мѣропріятій — особенно въ воспитательномъ отношеніи—въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства. Мы разумѣемъ *кастовый* характеръ духовной школы, какъ подобный же характеръ и самого сословія. Всѣмъ, разумѣется, извѣстно, что духовное вѣдомство и пополняется почти исключительно дѣтьми духовенства. Такимъ образомъ, эти послѣднія съ самаго ранняго возраста обрекаются на профессію своихъ отцовъ, и какъ бы предполагается, что имъ уже прирожденно призваніе къ служенію въ духовномъ санѣ. Конечно, ошибочность такого предположенія разумѣется сама собою, и мы видимъ, что у дѣтей духовенства еще очень рано обнару-

живаются задатки къ такого рода дѣятельности, которая не имѣетъ ничего общаго съ профессіей ихъ родителей и предковъ. Эти наклонности къ другимъ сферамъ дѣятельности проявляются съ особенною силою въ юношескомъ возрастѣ, когда у каждаго нормальнаго юноши чувствуется особый подъемъ душевныхъ силъ, когда душа его охвачена неутомимой жаждой дѣятельности, и бьющій черезъ край запасъ душевной энергіи ищетъ свободнаго, широкаго выхода. А между тѣмъ такой выходъ очень ограниченъ: изъ средней духовной школы въ настоящее время очень трудно поступить въ высшее свѣтское учебное заведеніе, которое открываетъ путь къ желательной сферѣ дѣятельности. Правда, не особенно далеко то время, когда семинаристы, перешедши только въ пятый классъ, имѣли право поступленія во всѣ высшія учебныя заведенія. Но теперь далеко не то: въ настоящее время только студенты семинаріи принимаются въ нѣкоторые университеты на окраинахъ. Правда, въ высшія спеціальныя заведенія допускаются и вообще окончившіе курсъ въ семинаріяхъ, но поступить въ послѣднія удается очень немногимъ, въ виду недостаточной подготовки семинаристовъ по математикѣ. Духовное вѣдомство, вмѣсто того чтобы облегчить семинаристамъ этотъ переходъ въ свѣтскія заведенія, еще съ конца семидесятыхъ годовъ употребляло всѣ средства къ тому, чтобы задержать этотъ отливъ изъ нѣдръ касты. Многіе думаютъ, что и сокращеніе курса по математикѣ по уставу 1884 года сдѣлано было не безъ этой особенной цѣли—затруднить переходъ семинаристовъ въ свѣтскую высшую школу. Да и теперь, когда право на поступленіе въ окраинные университеты дается первымъ разрядомъ, мы нерѣдко встрѣчаемъ у семинарскаго начальства тенденцію къ сокращенію числа перворазрядныхъ воспитанниковъ, чтобы тѣмъ самымъ удержать лучшія силы въ своемъ вѣдомствѣ. Но такая тактика едва ли достигаетъ своей цѣли: оставшіеся по неволѣ въ духовной кастѣ едва ли могутъ быть полезными и дѣятельными членами ея; наоборотъ, это насильственное задержаніе можетъ вызывать реакцію, очень неблагопріятную для предстоящей пастырской дѣятельности этого своеобразнаго узника. И дѣйствительно, хотя и рѣдко, однако мы встрѣчаемъ служителей церкви, далеко не вѣрящихъ во все, что имъ приходится проповѣдывать, и иногда рѣшающихся на очень тяжелый, хотя и самый естественный въ ихъ положеніи шагъ—снятіе духовнаго сана, что, какъ извѣстно, сопровождается очень тягостными послѣдствіями для ихъ послѣдующей жизни. Между тѣмъ, едва ли нужно особенно задумываться надъ средствомъ

противъ различныхъ печальныхъ явленій: для этого только стоило бы строго раздѣлить семинарскій курсъ на общеобразовательный и спеціальный, организовать первый по образцу другихъ среднеучебныхъ заведеній и облегчить доступъ въ спеціальные богословскіе классы воспитанникамъ другихъ школъ. Правда, повидимому, и теперь духовныя школы — и общесословныя, и общедоступныя: доступъ въ нихъ никому не возбраненъ, и въ нихъ могутъ поступать дѣти различныхъ сословій. Дѣйствительно, семинарскій и училищный уставъ не препятствуетъ поступленію въ семинарію и училище дѣтямъ свѣтскихъ лицъ, но предпочтеніе, отдаваемое дѣтямъ духовенства, очевидно и тамъ. Въ послѣднее время замѣтна тенденція духовенства сдѣлать духовную школу исключительно достояніемъ касты: стоитъ лишь припомнить послѣднія постановленія съѣздовъ духовенства о значительномъ повышеніи платы за обученіе съ иносословныхъ воспитанниковъ и объ установленіи ограниченнаго процента свѣтскихъ учениковъ при поступленіи въ школу. Мы уже не говоримъ о томъ, что такія кастовыя тенденціи не могутъ находить для себя юридической основы: вѣдь духовныя учебныя заведенія содержатся почти исключительно на церковные доходы (отъ продажи свѣчъ и кошельковые сборы), которые доставляются всѣми прихожанами независимо отъ сословнаго различія. Но, несомнѣнно, была бы большая выгода отъ прилива свѣтскаго элемента и для самого духовенства, какъ сословія. Вѣдь изъ другихъ сословій стремятся поступить въ духовную школу большею частью дѣти ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ, крестьянъ и т. д., причемъ родители направляютъ сюда только такихъ дѣтей, которыя обладаютъ бросающимися въ глаза интеллектуальными задатками: въ противномъ случаѣ, они всегда бы пустили ихъ по своимъ стопамъ и не дѣлали бы попытки вывести ихъ за рамки своей профессіи. Кромѣ того, родители и родственники этихъ учениковъ проникнуты очень глубокимъ уваженіемъ къ положенію священника, и дѣти ихъ на свое послѣдующее служеніе смотрятъ во всякомъ случаѣ болѣе возвышеннымъ взоромъ, чѣмъ дѣти священно-церковнослужителей, которые часто въ своихъ прихожанахъ видятъ источникъ дохода, а въ своей пастырской дѣятельности—неизбѣжную профессію. Такимъ образомъ, благодаря освѣженію духовнаго сословія черезъ привхожденіе новаго элемента, могъ бы значительно повыситься умственный и нравственный уровень духовенства, и болѣе слабые экземпляры этого сословія могли бы быть элиминированы. Нужда же въ такой элиминаціи чувствуется давнымъ-давно: стоитъ лишь вспомнить о

тѣхъ дѣтяхъ-дегенерантахъ родителей-алкоголиковъ или одержимыхъ другими дефектами, которыя, едва-едва окончивши духовное училище, вступаютъ въ кадръ низшихъ церковнослужителей и даютъ жизнь еще болѣе слабому и болѣзненному потомству. Для подобныхъ дѣтей необходимо было бы устроивать ремесленныя и низшія техническія школы, и тогда можно было бы спокойно удалять ихъ туда изъ низшихъ классовъ духовныхъ училищъ, между тѣмъ какъ теперь они терпятся здѣсь иногда до окончанія курса,—чѣмъ, разумѣется, значительно понижается общій умственный уровень учащихся и наносится значительный ущербъ дѣлу преподаванія.

Мы закончили свои бѣглыя замѣтки о современномъ положеніи духовной школы. Мы не думаемъ, конечно, чтобы нашъ очеркъ былъ исчерпывающимъ: въ немъ захвачены еще не всѣ стороны въ существованіи этой школы, взывающія къ реформамъ. Но мы и не претендовали на исчерпывающую полноту, и только хотѣли указать основныя причины неудовлетворительнаго положенія духовно-учебныхъ заведеній всѣхъ видовъ, безъ устраненія которыхъ едва ли возможно серьезное улучшеніе учебно-воспитательнаго дѣла въ духовной школѣ. Въ нашихъ замѣткахъ нѣтъ чего-нибудь вполнѣ оригинальнаго и совершенно новаго: многіе вопросы, поднятые нами, возбуждались и раньше; нѣкоторые изъ нихъ достаточно дебатировались въ печати, но эти дебаты часто приводили къ выводамъ, совершенно противоположнымъ тѣмъ, которые намѣчаются нами, и притомъ все это было сравнительно давно, трактовалось отрывочно и по частямъ, такъ что не мѣшаетъ снова выдвинуть на сцену всѣ эти проблемы и показать большое общественное значеніе ихъ. Не чужда, наконецъ, намъ мысль, что мы могли въ своихъ замѣчаніяхъ быть нѣсколько односторонни и, быть можетъ, даже немного рѣзки. Но что касается послѣдняго, то это вполнѣ естественно, такъ какъ для насъ слишкомъ близка духовная школа: намъ пришлось въ свое время пройти ее снизу до верху, и намъ иногда трудно было подавить въ себѣ глубоко-горькое чувство, которое невольно пробуждается при взглядѣ на мало удовлетворительную жизнь современныхъ духовно-учебныхъ заведеній. Если же наши замѣчанія были нѣсколько односторонни, то это не бѣда: такую субъективность будетъ легко вскрыть, разъ затронутые нами вопросы сдѣлаются предметомъ дальнѣйшаго обсужденія—и при томъ въ устахъ лицъ, болѣе насъ компетентныхъ...

Не такъ давно въ газетахъ промелькнуло извѣстіе, что въ настоящее время въ учебномъ комитетѣ разработывается проектъ реформы духовной школы на всѣхъ ея стадіяхъ. Если это извѣстіе справедливо, и если бы оказалось, что наши замѣтки могли навести какъ-нибудь на нѣкоторыя плодотворныя соображенія въ отношеніи проектируемыхъ преобразованій,—то и это уже было бы для насъ большимъ утѣшеніемъ.

Н. Рязанцевъ.

НА РАЗВАЛИНАХЪ

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IX *).

Возвратившись домой, Иванъ Захаровичъ Роговъ нашелъ у себя письмо изъ губернскаго города отъ Бѣлоконскаго:

„Мы такъ долго не видѣлись и не переписывались съ тобою,—писалъ тотъ,—что ты, быть можетъ, удивишься, получивъ это неожиданное посланіе. Но оно вызвано серьезными причинами: мнѣ придется, по всей вѣроятности, побывать на дняхъ въ вашихъ палестинахъ. Я теперь исправляю должность слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ. А у васъ была какая-то стачка на фабрикѣ, и я надѣюсь, что меня туда командируютъ. Добиваюсь же я этой командировки не только для того, чтобы сдѣлать вамъ всѣмъ „книксенъ", облобызать отчима въ его сахарныя уста и приложиться къ высохшей ручкѣ дорогой maman: ради этого не стоило бы тащиться въ такую даль. Есть мотивъ поважнѣе: Надежда Николаевна Петренко пишетъ мнѣ, что она собирается поѣхать къ вамъ „отдохнуть душой отъ шума городского" въ вашемъ уютномъ кружкѣ, — какъ она высокопарно выражается,—а кстати думаетъ заняться и судьбой рабочихъ на фабрикѣ. Это, конечно, ея дѣло (и, по моему, довольно глупое: шальныя денежки плачутъ). Мнѣ нужно будетъ повидаться съ

*) См. выше: апрѣль, стр. 483.

нею для болѣе важныхъ и широкихъ плановъ... Мои „предначертанія“ я тебѣ объясню по пріѣздѣ“...

Эта новость обрадовала Ивана Захаровича: Надежда Николаевна могла внести совершенно новое условіе въ ихъ жизнь, а именно, свои деньги, безъ которыхъ, казалось, и шагу нельзя ступить. Она же могла выручить и Софью Петровну: ей-то, конечно, Лопатинъ не откажетъ, и Надежда Николаевна можетъ взять Соню къ себѣ въ усадьбу.

Когда онъ сталъ перебирать въ своемъ умѣ, на что бы болѣе крупное можно было направить ея благотворительность, у него оказался пробѣлъ. За этотъ пробѣлъ онъ снова выбранилъ „интеллигенцію“, которая отвлекала его отъ сближенія съ крестьянами, чтобы лучше узнать ихъ нужды.

Утѣшилъ онъ себя тѣмъ, что до ея пріѣзда успѣетъ еще собрать свѣдѣнія, а главное: „раньше не стоило и собирать ихъ, не зная—какъ и чѣмъ помочь имъ. Другое дѣло теперь: разъ открывается возможность удовлетворить нуждамъ, онѣ сами объявятся, какъ вода, прорвавшаяся сквозь плотину“.

Въ то время, какъ онъ объ этомъ раздумывалъ, прихлебывая чай и кутаясь въ свое студенческое пальто, ему пришлось убѣдиться, что мѣстныя нужды, дѣйствительно, хлынутъ сквозь прорвавшуюся плотину, какъ только въ деревнѣ узнаютъ о пріѣздѣ милліонерши. У наружныхъ дверей послышался звонокъ.

Въ сѣняхъ зашаркали огромныя сапожищи сторожа Петра. Онъ долго отпиралъ дверь, съ просонокъ. Вотъ послышались голоса, шаги, и въ темную прихожую кто-то вошелъ.

— Кто тамъ?—крикнулъ Роговъ.

— Это я-съ. Вы не очень заняты, Иванъ Захаровичъ?—проговорилъ неувѣренно хриповатый тенорокъ.—Ужъ очень важную новость пришелъ сообщить! И на погоду не посмотрѣлъ!

— А, доминусъ! Входите, входите! Я не занятъ!—говорилъ Роговъ, потрясая красную и холодную руку длиннаго, сутуловатаго человѣка лѣтъ тридцати, — мѣстнаго учителя. — Садитесь! Чайку! Эхъ, самоваръ-то совсѣмъ остылъ! Петръ, самоваръ!..

— Да вы не безпокойтесь... я... того... я пилъ,—смущенно говорилъ учитель, вытягивая изъ задняго кармана сюртука темный цвѣтной носовой платокъ и вытирая имъ лицо, мокрое отъ дождя и снѣга.—Да-съ, я къ вамъ... того,—съ радостной вѣстью. Ну-ка, угадайте — съ какой? — спросилъ онъ, издавъ короткій смѣхъ, отъ котораго на минуту задрожала его тощая, сгорбленная фигура и длинная узенькая голова съ выдавшимися скулами.—Слово даю, что не угадаете!

Онъ торжественно пріосанился, поправилъ на шеѣ черный шолковый платокъ — безъ признаковъ бѣлья, — пригладилъ на вискахъ черные лоснящіеся волосы и высоко приподнялъ свои густыя брови надъ маленькими карими глазами; отъ этого его низенькій лобъ весь покрылся морщинами.

— Ужъ по началу вижу, что что-нибудь необыкновенное! — шутливо отвѣтилъ докторъ:—и лицо у васъ такое сіяющее!

Дѣйствительно, лицо учителя если не сіяло, то блестѣло: темная кожа, плотно обтягивавшая его черепъ, теперь еще больше натянулась отъ улыбки, лоснясь на скулахъ и синеватомъ бритомъ подбородкѣ.

Учитель сталъ усаживаться на стулъ, но не просто, а сперва, осмотрѣвъ внимательно сидѣнье, смахнулъ съ него платкомъ предполагаемую пыль, затѣмъ широко раздвинулъ полы своего длиннаго чернаго сюртука и тогда только аккуратно и бережно сѣлъ.

— Ну, ужъ не буду васъ томить больше, — началъ онъ, когда явившійся Петръ, изрядно нашумѣвъ сапогами, унесъ самоваръ.—Дочка нашего принципала Петренки на дняхъ пріѣдетъ сюда! Телеграмма пришла!.. Мой сторожъ былъ въ усадьбѣ и сейчасъ прибѣгалъ мнѣ сказать. А я къ вамъ... Велѣно домъ топить!..

— Ну, это, дѣйствительно, крупная новость! — сказалъ Роговъ, и больше ничего не прибавилъ, выжидая, чтобы учитель самъ заговорилъ о томъ, почему считаетъ важнымъ пріѣздъ патронессы. Раньше этого дня онъ былъ мало знакомъ съ учителемъ. Ихъ сношенія ограничивались тѣмъ, что Петръ Ивановичъ изрѣдка бралъ у доктора книжки журналовъ.

— Я... того... принесъ вамъ вашу книжечку, — началъ онъ.

— Понравился вамъ этотъ нумеръ „Вѣстника Мысли"? — спросилъ Роговъ, догадываясь, что это — только вступленіе, которое приведетъ къ настоящей цѣли посѣщенія его доминусомъ. — Нашли что-нибудь интересное?

— Нашелъ-съ... того... Весьма взволновала меня одна статейка о нѣмецкомъ философѣ, Ницше... Желалъ бы поговорить о ней...

— Ницше васъ взволновалъ?! — сказалъ Роговъ, и прилегъ на кушетку, приготовляясь слушать.

— Не то, чтобы взволновалъ, — говорилъ учитель, — а знаете ли... того... разныя этакія-такія мысли пошли... Предлагаютъ мнѣ давно дьяконское мѣсто и невѣсту не бѣдную... А у меня... того... Еще въ семинаріи, идея засѣла служить обществу... про-

свѣщать тьму... ну, и все такое... А каковъ же плодъ?! Каковъ плодъ?! Жалованье земство платитъ неаккуратно... Еслибы не маленькая добавка отъ Петренки,—съ голода бы умеръ! Дровъ мужики обѣщали, а вотъ уже недѣлю сижу въ нетопленой школѣ... и все такое...

— Постойте, Петръ Ивановичъ! Не пойму я, какое отношеніе это имѣетъ къ философіи Ницше?

— А какъ-же-съ?!.. Ежели, напримѣръ, всѣ эти, какъ говорится, общественныя жертвы... того... идеалы эти всякіе и тому подобное—оказываются чепухой, какъ доказываетъ господинъ Ницше, — такъ изъ-за чего же я долженъ страдать, напримѣръ?

Роговъ расхохотался.

— А что же? Это резонъ! Совѣтую послушаться Ницше, т.-е. жениться и взять дьяконское мѣсто...

— Хотя пословица и говоритъ, — продолжалъ учитель:— терпи, казакъ, атаманъ будешь,—однако, надъ кѣмъ меня атаманомъ-то сдѣлаютъ? А теперь, вонъ, даже старшина и урядникъ... того... надо мной атаманы!

— Это вѣрно!—поддакивалъ Роговъ и опять смолкалъ.

Учитель, видя, что Иванъ Захаровичъ не хочетъ помочь ему— высказать свою главную мысль, рѣшился самъ приступить къ ней.

— Я насчетъ атаманства... того... заговорилъ собственно потому, что, въ виду пріѣзда этой барышни, не посовѣтуете ли вы мнѣ продлить мое терпѣніе?..

— То-есть, почему же вамъ отказываться отъ идей Ницше?

— А ежели, напримѣръ, какъ слухи ходятъ, эта дѣвица склонна къ обильнымъ жертвованіямъ на школы и всякія другія полезныя учрежденія, быть можетъ... того... и меня коснется ея щедрая десница... Я ужъ былъ у отца Ивана: онъ обѣщалъ съ своей стороны замолвить слово...

Рогову стало жаль этого несчастнаго человѣка, забитаго нуждой и бурсой, и онъ почувствовалъ укоры совѣсти, что сдѣлалъ его предметомъ забавы...

— Вы хотите, Петръ Ивановичъ, чтобы и я поговорилъ съ нею о васъ?

— Да-съ, именно, да! — радостно встрепенувшись, сказалъ учитель:—мнѣ... того... знаете... было неловко... вамъ прямо объ этомъ бухнуть... А повѣрите ли... того... квартирёнка не топлена... вода мерзнетъ. Стыдно разсказывать!.. Самъ точно шальной отъ холода... Къ несчастью, я не пью, какъ вамъ извѣстно...

На глазахъ учителя блеснули слезы.

— И хорошо дѣлаете, Петръ Ивановичъ! Даю вамъ слово, что устрою все, что̀ можно! Вотъ вамъ моя рука!—И Роговъ крѣпко пожалъ костлявую руку учителя, который вскочилъ съ мѣста, кланялся, улыбался и бормоталъ.

— Ужъ вы извините... такая бѣда!.. сами видите... Нѣтъ никакихъ возможностей...

Онъ ушелъ, выпивъ стакановъ пять чаю, успокоенный и обрадованный.

„И это—учитель народа!—думалъ Роговъ, оставшись одинъ. —И онъ еще изъ лучшихъ! Читаетъ, думаетъ, есть самолюбіе... Но какое ужасное положеніе! Боже мой!—показать бы эту школу и этого учителя въ Европѣ“!..

Послѣ этого горячаго восклицанія, мысли Рогова вернулись снова къ его сердечнымъ дѣламъ. Но онъ подошелъ къ нимъ издалека, совершенно такъ, какъ издалека подходилъ учитель къ своему дѣлу, — окольной дорогой, черезъ Ницше. Разница была только въ томъ, что учитель старался обойти его, Рогова, а Роговъ обходилъ самого себя, какъ будто въ немъ сидѣло два Рогова, и одинъ изъ нихъ хотѣлъ обмануть другого.

„Вотъ, по неволѣ придется съѣздить завтра къ Рахмарову— объявить новость и обдумать сообща планъ аттаки на Надежду Николаевну,—думалъ онъ.—Да, непремѣнно нужно завтра же поѣхать“!

Это онъ думалъ уже въ постели.

„А вѣдь я не сказалъ Вѣрѣ Павловнѣ, что Софья желала повидаться съ нею у меня. Надо и это сообщить ей“.

Онъ замѣтилъ, что ему непріятно это предстоявшее свиданіе двухъ дѣвушекъ. Помимо того, что Лопатинъ могъ узнать о немъ и устроить скандалъ Рогову,—ему просто была непріятна мысль о дальнѣйшемъ сближеніи Лядовой и Софьи, потому что онъ видѣлъ за этимъ сближеніе Софьи съ Рахмаровымъ. Мысль о такомъ сближеніи возбуждала его негодованіе и, какъ ему казалось, вполнѣ безкорыстное: „Новый романъ у этого грансеньёра“! Вѣдь онъ уже старикъ! Еще годъ, два,—и онъ совсѣмъ обратится въ развалину! А она—молодая, полная жизни, порывовъ... И что̀ же онъ можетъ ей дать?! Это прямо возмутительно! Надо помѣшать этому! Гораздо лучше, если она переберется въ усадьбу Надежды Николаевны, когда та пріѣдетъ. А до тѣхъ поръ— потерпитъ. Только нужно извѣстить ее, чтобы она чего-нибудь не сдѣлала надъ собой“!

Эта мысль такъ его встревожила, что онъ всталъ, набросилъ

на себя пальто и торопливо сталъ писать Софьѣ свои предположенія о пріѣздѣ Надежды Николаевны Петренко.

Позвавъ Петра, онъ велѣлъ ему завтра утромъ отнести письмо къ Лопатинымъ, внушивъ прежнія предосторожности.

X.

На другой день, какъ только окончился пріемъ больныхъ, Иванъ Захаровичъ поѣхалъ къ Лядовой

Разсказавъ ей о пріѣздѣ Петренко и своихъ планахъ, встрѣтившихъ полное ея одобреніе, онъ мало-по-малу вошелъ въ роль человѣка, увѣреннаго, что здѣсь его любятъ, вполнѣ ему преданы, и потому можно выложить свою душу, отдаться лиризму, разсказавъ о страданіяхъ своего обиженнаго сердца. Этому помогала и обстановка, и глаза Вѣры Павловны, смотрѣвшіе на него съ кроткой и преданной лаской...

Они сидѣли передъ топившимся каминомъ. Лампа подъ густымъ абажуромъ наполняла комнату полусвѣтомъ... Вспышки дровъ въ каминѣ бросали красныя пятна, бѣгавшія по мебели, стѣнамъ и ихъ лицамъ...

Роговъ глубоко погрузился въ старинное кресло, недалеко отъ кушетки, на которой сидѣла Вѣра Павловна.

Какъ водится въ этихъ случаяхъ, онъ ни разу не сказалъ прямо, что любитъ Софью, но на это намекалъ его печальный видъ и просьбы „пожалѣть его, потому что въ послѣднее время онъ ужасно тоскуетъ“.

— Да что такое съ вами?—участливо спрашивала Вѣра.

— Право, не знаю! Надоѣло мнѣ мое одиночество! Нѣтъ никого такого близкаго, къ кому бы пришелъ, какъ къ матери или сестрѣ, когда сердце болитъ, когда сомнѣнія охватываютъ— и въ самомъ себѣ, и въ жизни, и въ своей работѣ...

— Я думаю, у васъ есть такіе близкіе люди: Петръ Григорьевичъ... наконецъ,—я... Неужели вы не знаете, что всегда встрѣтите здѣсь сочувствіе?..

— О, я увѣренъ въ этомъ! Но я говорю о другомъ. Ваша дружба имѣетъ общественный характеръ. А у человѣка есть и такіе уголки въ сердцѣ, которые составляютъ только его личную боль, не интересную никому, кромѣ такихъ близкихъ, какъ сестра, мать, передъ которыми не стыдно сознаться въ своей слабости и въ своемъ ничтожествѣ...

— Я помогу вамъ, милый Иванъ Захаровичъ, договорить

вашу мысль... Вы любите Соню и страдаете, потому что она не можетъ любить васъ? Вы хотѣли бы поговорить объ этомъ? Да? Вамъ было бы легче?

— Вы почти угадали... Я не знаю, любовь ли это, или что-нибудь другое. Но я не могу о ней не думать. Меня мучитъ ея будущее. Ну, вотъ, мы ее устроимъ у Надежды Николаевны. Ну, а что же дальше? И... затѣмъ... вы сами мнѣ высказали предположеніе, что она любитъ... Что можетъ изъ этого произойти, если они сблизятся... съ Петромъ Григорьевичемъ?..

— Этого никогда не случится!—сказала Вѣра Павловна:— я его знаю, и до этого никогда не дойдетъ. Да онъ и не любитъ ея!

Роговъ передалъ ей свой послѣдній разговоръ съ Рахмаровымъ и наблюденія, сдѣланныя тогда надъ нимъ.

— Это ничего не значитъ,—отвѣтила она:—отъ того, что онъ призналъ ея душевную красоту, еще далеко до любви... И онъ никогда не допуститъ этого...

— Ну, а если?.. Что изъ этого выйдетъ? Вѣдь ей мечтаются широкіе гаризонты, необычайная любовь и работа... А вѣдь онъ уже ничего этого не можетъ дать... Быть можетъ, и никто ей не можетъ дать того, о чемъ она мечтаетъ... Но она будетъ жить надеждой... А вѣдь тутъ прямо выйдетъ стѣна!.. Не слѣдуетъ ли намъ съ вами подумать объ этомъ? Оградить ихъ обоихъ отъ большого несчастья и страданія?

— Я согласна съ вами, что это было бы несчастьемъ для обоихъ... Ему уже поздно ринуться снова въ жизненную борьбу на широкой аренѣ... А она его поведетъ туда... Но я увѣрена, что вы преувеличиваете... Знаете что? Въ васъ немножко говоритъ ревность?

— Быть можетъ! Но это меня мучитъ, мѣшаетъ думать о чемъ-нибудь другомъ... Помогите мнѣ избавиться отъ этого сумбура...

— Я думаю, что это пройдетъ, когда пріѣдетъ Надежда Николаевна. Я увѣрена, что теперь все это происходитъ въ васъ оттого, что, за неимѣніемъ живого дѣла, вы сосредоточиваетесь на одномъ и томъ же, и вотъ небольшое горе выростаетъ у васъ въ огромное страданіе... Я по себѣ это знаю... Я много объ этомъ передумала здѣсь. И когда поняла, мнѣ стало легче справляться съ душевными иллюзіями... Я каждый разъ, когда замѣчаю ихъ, говорю себѣ: „Не забывай: это миражъ, который создается невыносимой, мертвой, неподвижной общественной жизнью“! Попробуйте вы этотъ способъ, и вамъ станетъ такъ

легко, что будете смѣяться надъ этими миражами страданій! Увѣряю васъ...

— Такъ вы думаете, что все это миражъ?

— Я не думаю, а убѣждена... Но, конечно, мало только убѣдиться въ этомъ; надо искать живого дѣла, отвлеченія... Знаете, въ родѣ мушки или горчичника...

Она засмѣялась.

— Но вѣдь я цѣлый день занятъ моими больными; это не помогаетъ... Иногда даже хуже: устанешь, измучишься, и ослабѣвшій мозгъ уже совсѣмъ не въ силахъ сопротивляться тоскѣ, разнымъ фантазіямъ...

— Да, но это потому, что ваше врачебное дѣло такъ же однообразно, какъ и вся окружающая жизнь; оно не даетъ вамъ ни крупныхъ радостей, ни усилій, а тянется изо дня въ день, какъ заведенная машина... Надо поискать чего-нибудь болѣе живого... И неужели нельзя этого отыскать? Ну, вотъ эти кустари? Или вы, напримѣръ, какъ-то говорили мнѣ о кружкѣ крестьянъ, читающихъ Евангеліе...

— Представьте, я на-дняхъ только-что думалъ объ этомъ! Не хотите ли вы поѣхать туда вмѣстѣ со мной?

— Очень хочу!.. Когда же мы соберемся?

— Я поговорю съ Ѳедей, разузнаю, и тогда сообщу вамъ.

— Ну, вотъ и отлично! Видите, вы уже и повеселѣли! У васъ, когда вы пришли, былъ такой унылый видъ, что я даже немножко испугалась за васъ! А сейчасъ вы смотрите совсѣмъ хорошо...

— И все благодаря вамъ! Что̀, еслибы тутъ не было васъ! Право, и я дошелъ бы до того, до чего дошелъ Морозовъ! Тосковалъ бы сильнѣе и сильнѣе, раздулъ бы въ своихъ глазахъ этотъ случай съ Софьей, какъ огромное несчастье, и дошелъ бы до зеленаго змія... Ахъ, какое вамъ огромное спасибо!

— Принимаю его, — сказала она, улыбаясь, — но для того только, чтобы сдѣлать вамъ маленькій выговоръ. Мнѣ Петръ Григорьевичъ разсказалъ, что вы рѣшили „сбѣжать отъ интеллигенціи“, какъ вы выразились... Она вамъ мѣшала работать... Рахмарова это очень огорчило. Вѣдь онъ все спасеніе русской интеллигенціи видитъ въ объединеніи. Это — его idée fixe. А я не очень огорчилась. Я была увѣрена, что это минутная вспышка у васъ! Просто — реакція!.. Такъ вотъ, не забудьте этого урока! — прибавила она шутливо. — А чтобы вы не жаловались, что интеллигенція отнимаетъ у васъ много времени, — поѣзжайте домой... Мы обо всемъ, что̀ нужно, переговорили... Да теперь уже

и поздно... И я буду васъ всегда гнать домой, когда вы засидитесь у насъ безъ толку... Согласны?..

— Охъ, не хочется уѣзжать!—весело сказалъ онъ, однако всталъ: — такъ бы и не ушелъ отъ васъ! Ужъ очень у васъ и уютно, и тепло... А тамъ... морозъ!.. И у меня... такъ одиноко, холодно... казенно...

— Ничего, ничего! И это нужно для разнообразія! Еслибы вы здѣсь сидѣли всегда,—не такъ бы замѣчали, что здѣсь и уютно, и тепло... А это вамъ полезно...

Онъ взялъ ея руки и горячо поцѣловалъ на прощанье...

Дня черезъ три онъ пріѣхалъ къ ней, чтобы отправиться вмѣстѣ къ Ѳединымъ друзьямъ. Она встрѣтила его въ прихожей и заговорила шопотомъ:

— У меня сидитъ очень оригинальный субъектъ. Явился изъ Москвы съ письмомъ отъ моихъ тамошнихъ знакомыхъ. Онъ—изъ богатыхъ купеческихъ сынковъ; увлекся проповѣдью „опрощенія“ и „непротивленія“. Отрекся отъ „благъ міра“, жилъ въ земледѣльческой колоніи, самъ землю пахалъ...

Войдя въ гостиную Вѣры Павловны, Роговъ увидѣлъ совсѣмъ молодого человѣка, блѣднаго, бѣлокураго, съ небольшой бородкой и длинными волосами. Онъ былъ одѣтъ въ казакинъ изъ грубаго чернаго сукна и высокіе крестьянскіе сапоги.

Вѣра Павловна познакомила ихъ.

— Мой новый знакомый, Иванъ Ивановичъ Стругановъ,—сказала она.—Онъ тоже хочетъ поѣхать съ нами къ „трезвенникамъ“.

— Да, мнѣ очень было бы желательно, — сказалъ Стругановъ,—и если вы ничего не имѣете, я бы съ вами отправился...

— Я-то ничего не имѣю, а вотъ какъ они?—сказалъ Роговъ.

— О, они меня знаютъ; за это вы не безпокойтесь... Они даже мнѣ писали... Я давно собирался къ нимъ: нужно съ ними немножко вступить въ пренія кое о чемъ...

— О чемъ же это?—спросила Вѣра Павловна.

— Да главное-то—о войнѣ. Они войну признаютъ... Да и не одну войну... Жалобы подаютъ на судъ и на полицію, когда ихъ стѣсняютъ... А это, по моему, не слѣдуетъ...

Роговъ смотрѣлъ на него съ любопытствомъ и, какъ врачъ, прежде всего прикинулъ къ нему мѣрку изъ перечня душевныхъ болѣзней: „mania religiosa“?—подумалъ онъ вопросительно.

— Боюсь я, что метель помѣшаетъ сегодня,—замѣтилъ онъ: —сейчасъ ужасно вѣтеръ разыгрался. Пожалуй, придется отложить поѣздку. Здѣсь бываютъ такія метели, что въ десяти ша-

гахъ ничего не видно; можно заблудиться, отойдя отъ дома очень недалеко. Бывали, говорятъ, случаи, что замерзали около собственнаго плетня, не находя дома...

— Ой, ой! — воскликнула Вѣра Павловна: — я немножко боюсь!

— А, можетъ быть, и успокоится,—отвѣтилъ Роговъ. — А пока велите-ка дать чайку: я озябъ.

Скоро Маша появилась съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ стоялъ чай; за ней шли двѣ дѣвочки: одна несла сухарницу съ домашними булочками и ватрушками, другая — сливки. Лица дѣвочекъ сіяли счастьемъ отъ этой важной роли.

— Это у васъ новость?—сказалъ Роговъ.

— Да. Онѣ приходятъ ко мнѣ неоффиціально учиться. А сегодня я ихъ и ночевать оставила. Такъ вотъ вызвались помогать Машѣ.

— Иванъ Ивановичъ!—обратилась Вѣра Павловна къ Струганову:—придвигайтесь ближе къ столу.

— Я чаю не пью,—отвѣтилъ онъ, и немножко покраснѣлъ, замѣтивъ, что вызвалъ своимъ отвѣтомъ недоумѣніе.

— Это отчего же вы чаю не пьете?—спросилъ Роговъ.

Юноша замялся.

— То-есть... я такъ сказалъ себѣ... когда обдумалъ не пить вина и не курить... ну, и кофе, и чай—тоже... Вѣдь это—лишнее и... возбуждаетъ... организмъ... ведетъ къ легкимъ мыслямъ...

— Вы теперь издалека?—спросилъ Роговъ.

— Я изъ Москвы сегодня пріѣхалъ,—отвѣтилъ Стругановъ: много слышалъ о Вѣрѣ Павловнѣ; захотѣлось познакомиться...

— Однако, не близко вамъ пришлось ѣхать, чтобы взглянуть на меня!—сказала она, смѣясь. — Вотъ какая я знаменитость! И хотя бы лѣтомъ! А то—зимой!

— Я давно собирался, да лѣтомъ ѣздилъ на Кавказъ: тоже хотѣлось повидать кое-кого изъ интересныхъ людей... Важно, знаете, это... единеніе... да... единеніе... оно прежде всего...

— А вы постоянно въ Москвѣ живете?—спросилъ Роговъ.

— И въ Москвѣ... А то два года прожилъ въ новгородской губерніи... Колонія у насъ тамъ была небольшая... землю пробовали пахать сами.

— Что же, ваша колонія разсѣялась? — спросила Вѣра Павловна.

— Нѣтъ, кое-кто остался, а нѣкоторые ушли. Теперь многіе рѣшили, что не къ этому надо стремиться... Вѣдь земля связы-

ваетъ заботами, вообще — „мірскимъ". Мало времени остается для души, для Божьяго дѣла.

— Вы давно ли изъ Москвы?

— Да я уже съ мѣсяцъ: я, вѣдь, мало по желѣзной дорогѣ ѣхалъ. Все больше пѣшкомъ.

— Отрицаете желѣзныя дороги?—спросилъ Роговъ.

— Нѣтъ. А веселѣе пѣшкомъ и много интереснѣе: съ разными людьми встрѣчаешься; ночуешь въ избахъ; крестьянскую жизнь видишь.

На Рогова этотъ разговоръ произвелъ двойственное впечатлѣніе: казалось, съ одной стороны, немножко комичнымъ, что вотъ человѣкъ тратитъ почти мѣсяцъ на то, чтобы увидать хорошаго человѣка, и для этого идетъ пѣшкомъ, когда рядомъ есть желѣзная дорога. Но посмѣяться надъ нимъ не являлось желанія: чувствовалось, что подъ этимъ лежитъ какая-то болѣе глубокая душевная струя, съ которой, быть можетъ, трудно согласиться, но надъ которой смѣяться неловко.

— Вотъ теперь интересуюсь узнать и этихъ „трезвенниковъ",—сказалъ Стругановъ.—Я больше для нихъ и пробирался сюда.

Въ это время въ передней хлопнула дверь и послышались тяжелые шаги.

— А вотъ и Петръ Григорьевичъ!—сказала Вѣра Павловна: —онъ уже успѣлъ сегодня немножко поссориться съ мосьё Стругановымъ.

— За что это?—спросилъ Роговъ.

— Да я доказывалъ молодому человѣку,—шутливо сказалъ вошедшій Рахмаровъ, садясь къ столу,—что онъ опоздалъ года на три, что въ послѣднее время его взгляды вышли изъ моды. Вѣдь у насъ все это—по модѣ, лѣтъ на пять, на десять...

— Въ родѣ эпидемій,—замѣтилъ Роговъ.

— Нѣтъ, это даже не эпидеміи, это—просто мода: выйдутъ кринолины, и всѣ носятъ кринолины; потомъ начинаютъ носить турнюры, а кринолины кажутся смѣшными. Моды тоже имѣютъ свои законы.

У Струганова сверкнули глаза, онъ покраснѣлъ и заговорилъ:

— Вышутить можно все! Даже самое святое! Можно самыя священныя вещи сравнить съ кринолинами! Но хорошо ли это? Гуманно ли?

— Это не вышучиваніе,—серьезно отвѣтилъ Рахмаровъ.— Мнѣ не хотѣлось говорить серьезно. Но давайте, если угодно, серьезно говорить: по моему глубокому убѣжденію, взгляды, по-

добные вашимъ, то-есть, всѣ эти опрощенія, непротивленія, древни, какъ буддизмъ, какъ ученіе циниковъ, какъ средневѣковой аскетизмъ... И всегда они выступали при болѣе или менѣе сходныхъ условіяхъ. Доказывать это было бы долго. У насъ они возникли отъ усталости, явившейся результатомъ борьбы нашей молодой интеллигенціи за прогрессъ и просвѣщеніе съ тысячами препятствій. Интеллигенція была еще очень немногочисленна, и придавить ее, по крайней мѣрѣ по наружности, было не особенно трудно. И вотъ слабые и нервные изъ ея рядовъ пришли въ отчаяніе. Были между ними люди—дрянь, были и люди порядочные. Первые прямо бросились въ станъ ликующихъ и обагряющихъ руки въ крови,—ну, а болѣе порядочные придумали компромиссъ, назвавъ его новымъ путемъ. Насколько онъ новъ —я сказалъ. Имъ началась, напримѣръ, наша эра, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ... И вы серьезно увѣрены, что можете сдѣлать то же дѣло лучше, чѣмъ его сдѣлали тогда?! Вы не плохого о себѣ мнѣнія: вѣдь, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ были, голубчикъ, дѣятели, являющіеся разъ въ нѣсколько тысячелѣтій...

— Мы не задаемся такими вопросами. Мы идемъ просто за тѣмъ, что̀ считаемъ истиной... А что̀ изъ этого выйдетъ, мы даже запрещаемъ себѣ думать. Результаты—въ рукахъ Божіихъ, а мы должны дѣлать то, что̀ истинно... Вотъ и все...

— И, первое дѣло, не сердиться! Это—ваша первая заповѣдь,—а вотъ вы на меня сердитесь.

— Нѣтъ,—сказалъ юноша, покраснѣвъ,—и если это вамъ показалось, то простите меня: я—еще несовершенный человѣкъ. Я только добиваюсь стать лучше, но ветхій человѣкъ прочно засѣлъ во мнѣ: все еще волнуюсь въ преніяхъ.

— Въ одномъ, несомнѣнно, вамъ могутъ позавидовать многіе, —сказалъ Рахмаровъ:—вы вѣрите, а это—огромное счастье!

— Однако, поѣдемъ мы или нѣтъ?—спросила Лядова.— Петръ Григорьевичъ, что̀ дѣлается на дворѣ?

— Метель стихла, и вамъ пора ѣхать. Лошади давно готовы.

— А вы съ нами не собираетесь?

— Нѣтъ. Я познакомился давно съ этими крестьянами: двое изъ нихъ были у меня.

— И что̀ же? Интересные люди?

— По моему, очень даже. Уже одно то, что ихъ убѣжденія сразу отъучаютъ ихъ отъ водки. А потомъ, это—идеалисты въ крестьянской средѣ, гдѣ всякій идеализмъ задавленъ нуждой и крайними матеріальными невзгодами...

Когда собрались ѣхать, Рахмаровъ, прощаясь со всѣми,

отвелъ въ сторону Струганова и, крѣпко сжимая его руку, сказалъ:

— Простите меня! Привычка семидесятыхъ годовъ набрасываться на все, что̀ пахнетъ мистикой! Но я уважаю ваши убѣжденія! Они очень цѣнны для нравственнаго подъема многихъ. Да и вообще интеллигенты не должны ссориться изъ-за второстепенныхъ разногласій. Единеніе—прежде всего. Вѣдь всѣ мы —если подумать хорошенько—строимъ одинъ и тотъ же храмъ, только съ разныхъ сторонъ.

— Какъ я радъ, что и вы это думаете!—искренно воскликнулъ юноша и тоже сжалъ его руку, а на его сѣрыхъ глазахъ заблестѣли радостныя слезы.

XI.

У крыльца уже стояла тройка, запряженная въ широкія сани-пошевни, покрытыя ковромъ.

Метель утихла, но вѣтеръ былъ еще порядочный и гналъ по снѣжной пеленѣ тонкія бѣлыя гривы. Черезъ быстро бѣгущія низкія облака прокрадывался лунный свѣтъ, смутный и блѣдный.

— Люблю такія ночи!—сказалъ Роговъ.—А вотъ, пожалуй, дорогу замело. Ты не собьешься?—спросилъ онъ у кучера.

— Помилуйте-съ! Да тутъ рукой подать! Я и безъ дороги привезу!

Струганова посадили между Вѣрой Павловной и докторомъ, чтобы укрыть отъ вѣтра: его короткій полушубокъ, крытый сукномъ, представлялъ ненадежную защиту.

Рахмаровъ вышелъ провожать отъѣзжающихъ и бережно укутывалъ имъ ноги медвѣжьей полостью.

— А меня немножко мучитъ совѣсть,—сказала Вѣра Павловна, когда выѣхали въ поле:—мы точно на спектакль ѣдемъ, а тамъ люди вѣрятъ глубоко; для нихъ тутъ—цѣлая жизнь! Да еще какая высокая!

— Ну, я-то̀ не ради зрѣлища хочу познакомиться съ ними,—замѣтилъ Стругановъ.—А оно—правильно, что если смотрѣть на ихъ бесѣду какъ на зрѣлище, такъ оно немножко какъ будто и стыдно... къ нимъ ѣхать...

— Я не нахожу этого,—сказалъ Роговъ:—вѣдь еслибы вы были правы, то и путешественникамъ не слѣдовало бы заходить въ храмы разныхъ народовъ... Тутъ не одно любопытное зрѣлище, но есть и поучительное... Хочется знать, какъ люди вѣрятъ не

по нашему... Тутъ же особенно дорого моему сердцу, что это—простые крестьяне своимъ умомъ добились... Я, вотъ, даже плохо понимаю, зачѣмъ вы, Иванъ Ивановичъ, собираетесь съ ними спорить? Вы думаете по своему, они—по своему. Лишь бы мысли эти были хорошія, вели къ доброму...

— У нихъ мысли не хорошія,—сказалъ Стругановъ:—по вашему хорошо—признавать войну? Вѣдь, вы и сами, небось, противъ войны?

— То-есть, какъ сказать? Въ общемъ—противъ. Но могутъ быть случаи... Однако, дѣло-то не въ томъ. Почему вы не спорите противъ войны со мной, съ другими крестьянами?.. А на этихъ собираетесь походомъ, хотя у нихъ есть положительныя достоинства: не пьютъ, помогаютъ другъ другу, думаютъ, читаютъ...

— Кому много дано, съ того больше и взыщется,—отвѣтилъ Стругановъ.

— А что, если я войду въ ихъ согласіе?—сказала Вѣра Павловна.—Я почему-то уже заранѣе ихъ люблю, и мнѣ хочется стать къ нимъ поближе, чтобы жить ихъ жизнью... Знаете ли, я уже и теперь волнуюсь отъ того, что увижу... Вѣдь вы подумайте только: глухой хуторъ, кругомъ—тьма кромѣшная, а тутъ кучка людей вдумывается въ божественныя слова, старается провести въ свою скудную жизнь величайшій изъ идеаловъ... Право, это даже какъ-то невѣроятно! Мнѣ даже немножко страшно отчего-то...

— Прежде и у меня бывало такъ! А теперь привыкъ,—сказалъ Стругановъ:—много я перевидалъ такого народа! Въ общемъ—хорошій народъ. Но есть и дикія секты. Вотъ я былъ въ одной губерніи, въ одной лѣсной деревнѣ, такъ повѣрить трудно, какія тамъ чудачества видѣлъ... Есть тамъ секта—они молитву отрицаютъ. Да еслибъ только одну молитву! А то, представьте себѣ, что и работы они почти не признаютъ, кромѣ самой необходимой по дому...

— Чѣмъ же они живутъ?—спросилъ Роговъ.

— А подаяніями больше... Да и то не всякое принимаютъ. Зерномъ, напримѣръ, возьмутъ, а хлѣбомъ или мукой—нѣтъ.

— Да почему же?

— А потому—мука на мельницѣ смолота, а они зерно толкутъ въ ступахъ, по первобытному. Одежда у нихъ тоже самодѣльная и непремѣнно бѣлаго цвѣта: рубахи полотняныя, бѣлыя свиты... Многіе въ лѣсъ уходятъ, въ ямахъ живутъ, въ пещерахъ.

— Какъ они тамъ не умираютъ съ голоду?

— Случается, что замариваютъ себя голодомъ сами... Я видѣлъ въ В—нѣ троихъ: ихъ полиція забрала въ лѣсу—потому они пачпортовъ не признаютъ, — отощали, обросли волосами; пищи не принимаютъ и на всѣ вопросы молчатъ... Едва-едва одного мужчину отходили въ больницѣ искусственнымъ кормленіемъ... А двое такъ и умерли...

— И какая сила изувѣрства!—воскликнулъ Роговъ.

Тройка обогнала двухъ крестьянъ, шедшихъ въ ту же сторону по глубокому снѣгу.

— Это туда же идутъ, къ Аносову,—сказалъ кучеръ и прибавилъ съ презрительной насмѣшкой: — ишь, не сидится имъ дома, чертямъ!

XII.

Крестьянинъ Аносовъ, къ которому ѣхали, жилъ на хуторѣ Овсянкѣ. Домъ его, у котораго остановились сани, былъ двухъэтажный, но жилыя горницы помѣщались въ верхнемъ этажѣ. Внизу оконъ не было. Сквозь промерзшія стекла лился на улицу свѣтъ, искрясь, какъ алмазы, въ причудливыхъ узорахъ, сдѣланныхъ морозомъ.

Въ домѣ услышали скрипъ полозьевъ. Ворота открылись и пропустили тройку на небольшой дворъ. Здѣсь пріѣзжихъ встрѣтили—Ѳедя и хозяинъ, высокій широкоплечій человѣкъ; его лица нельзя было разсмотрѣть въ темнотѣ. Они помогли пріѣзжимъ выбраться изъ саней, ласково ихъ привѣтствуя:

— Милости просимъ! Вотъ сюда, по лѣсенкѣ, наверхъ... У насъ тутъ скользко, ступени немножко обледенѣли...

Стругановъ обратился къ хозяину и Ѳедѣ, назвавъ свою фамилію.

— По письмамъ вы меня давно знаете,—добавилъ онъ.

— Какъ же, какъ же! Очень рады познакомиться! Пожалуйте, пожалуйте!—сказалъ хозяинъ.

Поднялись по лѣстницѣ. Въ сѣняхъ, держа въ рукѣ небольшую керосиновую лампу, ихъ встрѣтила высокая молодая женщина въ ситцевомъ сарафанѣ.

— Это супружница моя,—сказалъ хозяинъ.

Гости теперь увидѣли и его лицо: румяное, здоровое, съ мягкой бѣлокурой бородкой и вьющимися волосами. Выраженіе лицъ у мужа и жены было торжественно-ласковое, почти по-

кровительственное, какъ будто они принимали не господъ, а младшихъ братьевъ, пришедшихъ къ нимъ за помощью.

Въ большой горницѣ съ тремя окнами была широкая русская печь, по стѣнамъ—лавки; въ углу—большой столъ, какъ всегда у крестьянъ.

Съ лавокъ поднялись, привѣтствуя гостей тѣмъ же, нѣсколько покровительственнымъ, но ласковымъ тономъ, высокій, сѣдой, какъ лунь, старикъ, молодой человѣкъ въ пиджакѣ и коренастая, небольшого роста молодая женщина въ синемъ шерстяномъ платьѣ.

— А это—моя бабенка,—указалъ на нее Ѳедя.

Жена его была очень некрасива, съ широкимъ, рябоватымъ лицомъ, бѣлыми рѣсницами, мигавшими смущенно надъ стекловидными глазами... Волосы ея напоминали ленъ.

За большой горницей была другая, маленькая. Тамъ заплакалъ ребенокъ, и хозяйка пошла къ нему съ лампочкой, сказавъ мужу ласково:

— Ты помоги раздѣться-то...

Въ маленькой комнатѣ освѣтился уголъ широкой, двуспальной кровати, покрытой пестрымъ одѣяломъ, сшитымъ изъ лоскутковъ, и колыбель, прикрѣпленная къ потолку.

Пріѣзжіе сняли теплую одежду, поздоровались со всѣми за руку и сѣли по приглашенію хозяина на лавку и скамьи, приставленныя къ столу.

Горница поражала своей чистотой. На полу были разостланы домашніе половики. Было тепло и пахло свѣжимъ печенымъ хлѣбомъ. Вмѣсто обычнаго кіота съ иконами и лубочныхъ картинъ, изображающихъ адъ, висѣло на стѣнѣ въ деревянной рамкѣ небольшое литографированное изображеніе Христа въ терновомъ вѣнцѣ и съ связанными руками, а невдалекѣ отъ него—фотографическая карточка извѣстнаго всей Россіи священника, любимаго народомъ.

— Поинтересовались нашими бесѣдами? — спросилъ старикъ. — Что жъ, дѣло хорошее! Дай, Господи, чтобы бесѣда наша на пользу душамъ вашимъ пошла... Несказанная отъ этого отрада сердцу бываетъ!

— А вы, Иванъ Ивановичъ, давно въ наши края прибыли?— обратился хозяинъ къ Струганову.

Тотъ отвѣтилъ, и передалъ ему поклонъ отъ какого-то Николая Ивановича, котораго видѣлъ проѣздомъ черезъ городъ Х.

— А вы не Порошинъ ли?—обратился Стругановъ къ молодому человѣку въ пиджакѣ.

— Я самый, Порошинъ.

— Много о васъ слышалъ отъ Николая Ивановича... Интересно васъ послушать. Вы теперь сюда откудова же прибыли?

Порошинъ сказалъ, что изъ Питера, а сюда заглянулъ проѣздомъ—познакомиться. Онъ имѣлъ видъ интеллигентнаго городского рабочаго, худощавый, съ высокимъ лбомъ и глубоко впавшими глазами, смотрѣвшими сурово.

Пока шли эти разговоры, въ горницу вошло еще нѣсколько крестьянъ и крестьянокъ.

Вѣра Павловна увидѣла на стѣнѣ фотографію извѣстнаго священника и спросила у хозяина:

— А вы его почитаете?

— Очень даже уважаемъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Потому мы этого іерея уважаемъ,—заговорилъ старикъ,—что у него вѣра не идетъ врозь съ дѣяніями. Много онъ вѣритъ и много добра людямъ дѣлаетъ, а потому и Христосъ его отличилъ: удостоилъ даже чудеса совершать...

— Какъ?! Вы допускаете и чудеса?!—воскликнулъ Стругановъ съ неудовольствіемъ.

— А какъ же ихъ не допускать-то, другъ ты мой милый, молодой человѣкъ,—отвѣтилъ старикъ,—когда ему дѣйствительно данъ этотъ даръ Божій!.. Мы вѣдь не зря этому вѣримъ, а по достовѣрному свидѣтельству нашихъ братьевъ, которые не солгутъ. Вотъ, послушай-ка: наши двое были въ Кронштадтѣ и сами видѣли: при всей толпѣ, въ храмѣ, изгналъ бѣса изъ женщины іерей Іоаннъ. Не „своимъ“ не повѣрили бы... А наши два „брата“ были. И женщину эту раньше встрѣчали. И ужъ какъ она, сердечная, билась да металась! Сказываютъ: страшно смотрѣть было! Всю въ дугу сгибало... Синяя вся, говорятъ, стала; пѣна изо рта! А онъ-то, іерей Іоаннъ, прикрылъ ее эпитрахилью, да какъ крикнетъ на дьявола: „Изыди изъ нея, окаянный!“ И другой разъ крикнулъ еще громче: „Изыди! Именемъ Іисуса Христа повелѣваю тебѣ!“ И какъ крикнулъ третій разъ—вскрикнула и женщина и заплакала радостными слезами: „Нѣтъ, говоритъ, „его“ во мнѣ! Вышелъ!“ И стала на колѣни, и начала плакать радостно и благодарить Господа!.. Вотъ что̀ было! Да одно ли это было! Іисусъ Христосъ все сдѣлаетъ, если его хорошенько, съ полною вѣрой, попросить; все сдѣлаетъ, родимые! Только не надо просить о томъ, что̀ противъ Евангелія, потому это—грѣхъ. А проси о томъ, что̀ по закону Христову слѣдуетъ: проси, чтобы далъ тебѣ вѣру, любовь къ ближнему, прощеніе враговъ, душевный миръ... И, ахъ, сударыня, это одно столь

велико, столь хорошо, что если Онъ дастъ это, то ничего больше и не нужно: великое блаженство сойдетъ въ сердце!.. Рай познаешь на землѣ! Ужъ это я тебѣ по опыту моему говорю! Ахъ, какъ хорошо, братья мои, ежели въ сердцѣ нѣтъ вражды, а любовь одна! Только и хотѣлъ бы тогда весь міръ Божій обнять!

— Обнять-то міръ вы хотите, — сказалъ Стругановъ, — а войну признаете! Ужъ какое это обниманіе, ежели вы допускаете убивать людей...

— А ты забылъ, молодой человѣкъ, что̀ сказано: „Воздадите кесарево кесарю". Мы должны повиноваться властямъ... Этотъ разговоръ надоть оставить... Не для этихъ дѣловъ мы собираемся, а для просвѣтленія души въ любви и мирѣ... Такъ-то!.. Ты знаешь, что̀ сказано: „Гдѣ двое или трое во имя Мое,— тамъ и Я посреди ихъ"?.. Вотъ мы сошлись, и Онъ къ намъ придетъ, придетъ!.. Сейчасъ еще Его нѣтъ, потому мы еще сердцами не настроились,—житейскія рѣчи ведемъ... А вотъ, погоди, помолимся Ему да попросимъ, чтобы пришелъ, и ты самъ восчувствуешь, что Онъ пришелъ... Видать Его не увидишь, а восчувствуешь... Потому вся твоя середка, сердце-то твое сразу просвѣтлѣетъ, умилится... и слезы сами побѣгутъ изъ глазъ... Вотъ, погоди... Самъ познаешь!.. А это, нешто, не чудо? Тоже чудо, миленькій мой! Только понимать надо!

— Это-то возможно и даже должно быть, — спорилъ Стругановъ,—а вотъ изображенія-то на стѣнѣ вы напрасно держите... Это ужъ прямое отступленіе.—И онъ сослался на главу и параграфъ.

— Отступленія тутъ нѣтъ никакого,—сказалъ хозяинъ:— потому грѣхъ—идола дѣлать изъ такихъ изображеній. А у насъ идола изъ этого не дѣлаютъ! А изображеніе—все равно что̀ портретъ,—вредить не можетъ.

— Вы не смущайте насъ, господинъ хорошій, — сказалъ одинъ изъ пришедшихъ позднѣе:—мы споровъ не желаемъ! Собираемся читать слова Господа нашего Іисуса Христа... И великую отраду въ томъ находимъ для сердца и души, вѣруя, что „Онъ" самъ, кровь за насъ пролившій, среди насъ. И мы знаемъ, что Онъ точно среди насъ, потому что чудеса Его на глазахъ нашихъ совершаются. Да, вотъ, о себѣ разскажу. Всегда я былъ усерденъ къ церкви: на крылосѣ пѣлъ, службъ не пропускалъ, посты исполнялъ, а сердце мое спало, пока Господь не сподобилъ познакомиться съ подлинными словами своего благовѣствованія. До пятидесяти лѣтъ дожилъ, а грамотѣ не зналъ, водочку любилъ, имѣнье свое расточалъ на это адское зелье. А какъ

позналъ свѣтъ Христовъ—и чудо свершилось! И вино бросилъ, и грамотѣ научился, и ужъ не въ кабакъ несу имѣніе свое, а братьямъ. Да... И радостно мнѣ! Голоса ангельскіе слышу отовсюду: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!“ „Благоволеніе“, миленькіе! У насъ, миленькіе, надо любить всѣхъ; ежели кто огорченъ или отчаявается, надо утѣшить, поддержать, а то и прямо помочь: не допускать человѣка, чтобы оплошалъ... И радость великая живетъ въ нашихъ сердцахъ повсегда!

Умиленный старикъ всхлипнулъ и отеръ слезы...

Въ комнату вошли два молодыхъ парня и одна старуха. Всѣ здоровались съ пріѣзжими, а со своими „братьями“ цѣловались, взявшись за руку.

Вошла хозяйка съ ребенкомъ на рукахъ.

— Не хочетъ спать!—сказала она съ улыбкой.

Мальчикъ былъ годовалый, здоровый. Онъ съ любопытствомъ таращилъ глазенки на господъ и сосалъ себѣ палецъ.

— Ну, больше никто, видно, не придетъ,—сказалъ хозяинъ и вынулъ изъ шкафа, стоявшаго въ углу, нѣсколько экземпляровъ Евангелія въ переплетѣ, на русскомъ языкѣ, синодальнаго изданія и крупнаго шрифта. Передъ каждымъ изъ сидѣвшихъ было положено по экземпляру, не исключая и гостей. Принесли еще небольшой столъ и поставили рядомъ съ первымъ, такъ какъ недоставало для всѣхъ мѣста за однимъ столомъ.

Когда всѣ усѣлись и наступила тишина, старикъ сталъ на одно колѣно передъ столомъ, закрылъ лицо рукой и, наклонивъ голову, медленно заговорилъ:

— Господи Іисусе Христе! Услышь молитву нашу общую: сойди къ намъ, удостой, Батюшка, бесѣду нашу невидимымъ присутствіемъ Твоимъ! Научи насъ и помоги понять слово Твое. Помоги и гостямъ нашимъ просвѣтиться словомъ Твоимъ! Вѣримъ въ Тебя и молимся: возсядь среди насъ и помоги!

Чувствовалось, что молитва была произносима экспромтомъ, съ остановками, вдумчиво, съ глубокой вѣрой и умиленіемъ. Она, видимо, сильно дѣйствовала на „братьевъ“; нѣкоторые повторяли ея слова въ полголоса, а женщины вздыхали и всхлипывали отъ умиленія.

Вѣра Павловна поблѣднѣла. Потомъ она разсказывала, что ее охватило какое-то особенное, таинственное чувство; явилась даже мысль: „А развѣ не можетъ быть, что Онъ придетъ къ нимъ? Вѣдь это дѣйствительно сказано въ Евангеліи!.. И вотъ, быть можетъ, Онъ здѣсь близко!“

А „братья“ уже садились каждый передъ своимъ Евангеліемъ, и ихъ лица сіяли восторгомъ, вдохновеніемъ. Глаза у всѣхъ были влажны. Они вѣрили всецѣло, что „Онъ“ пришелъ и находится сейчасъ здѣсь, среди нихъ. Отъ этого вся ихъ внѣшность—лица, манеры, движенія, тонъ голоса, взоры, все стало инымъ, радостно-умиленнымъ, благоговѣйно-восторженнымъ.

Порошинъ, съ глазами, въ которыхъ мерцало возвышенное вдохновеніе, заговорилъ вибрирующимъ голосомъ:

—Я слыхалъ отъ многихъ изъ васъ, братья, что сердца ваши тревожатся сомнѣніями отъ мысли о томъ, отчего Христосъ не сдѣлалъ людей безгрѣшными, праведными одной своей волей? Вѣдь Онъ всемогущъ. Для чего же Ему было нужно сходить еще на землю, воплощаться въ образъ человѣческій и претерпѣвать мучительнѣйшія страданія, чтобы спасти насъ, когда достаточно бы было одного Его слова? Я самъ долго мучился этимъ сомнѣніемъ. Оно колебало мою вѣру. И я сталъ вникать въ Писаніе, ища тамъ разъясненія, и нашелъ, братья, самые точные отвѣты. Вотъ, теперь я и желаю подѣлиться ими съ вами. Послушайте.

И онъ началъ, цитируя на память главы и параграфы Евангелія и „Посланій“, развивать слѣдующую мысль: еслибы Христосъ сдѣлалъ людей безгрѣшными самъ, одной своей властью, это было бы Его дѣломъ, а не дѣломъ людей. У нихъ не было бы ни заслуги въ этомъ, ни свободы. А Онъ не можетъ желать—лишить ихъ свободы. И вотъ, Онъ, оставляя ихъ вполнѣ свободными—слѣдовать или не слѣдовать Его примѣру, явилъ только этотъ примѣръ, далъ образецъ, какъ жить и даже умирать за ближнихъ. Для этого-то Онъ самъ сдѣлался человѣкомъ, самъ первый показалъ примѣръ жизни, любви и смерти за благо людей.

Хотя Порошинъ цитировалъ главы и параграфы на память, но онъ тотчасъ же отыскивалъ ихъ въ книгѣ, лежавшей передъ нимъ, и прочитывалъ вслухъ текстъ, а всѣ остальные отыскивали тотъ же текстъ у себя и молча провѣряли. Они дѣлали это чрезвычайно быстро, привычной рукой; пріѣзжіе гости не могли въ этомъ поспѣть за ними, и вотъ сосѣди ласково помогали имъ, а Порошинъ пріостанавливалъ свою рѣчь, пока и у нихъ не было отыскано требуемаго мѣста.

Въ этомъ сказывалось столько дружелюбія, внимательности и терпимости къ людямъ совершенно чуждымъ, что Лядова была тронута до слезъ; она почувствовала въ этихъ простыхъ людяхъ настоящихъ „братьевъ“, любящихъ ее, заботящихся о просвѣтленіи ея души, ума и сердца.

А Порошинъ заканчивалъ свое объясненіе такимъ обращеніемъ къ братьямъ:

— Такъ вотъ какъ Онъ заботился о насъ—ничтожныхъ, грѣшныхъ! Онъ—всемогущій, всесильный! Чтобы не нарушить свободы нашей, Онъ рѣшился лучше претерпѣть такія пытки и мученія, что умъ мутится, когда только вспомнишь о нихъ! И вѣдь Онъ мучился по настоящему, какъ всякій обыкновенный человѣкъ! Безъ этого вѣдь и примѣра не было бы для насъ! Чѣмъ же мы можемъ воздать Ему за это? Чѣмъ? Только однимъ: исполнить завѣтъ Его—любить Бога всѣмъ сердцемъ своимъ, всѣмъ помышленіемъ своимъ, и любить ближняго, даже врага, какъ любимъ самихъ себя. И неужели, братья, мы не исполнимъ этого? Неужели насмѣемся надъ Его желаніями, надъ Его страданіями и смертью?! Да неужели же это возможно?!

И онъ тихо заплакалъ.

У всѣхъ по лицамъ катились слезы, а женщины плакали громко, навзрыдъ, и со всѣхъ сторонъ вырывались восклицанія:

— Господи! Удостой пострадать за Тебя! Дай умереть за Тебя! Любимъ Тебя! Господи!

Среди этихъ восторженныхъ восклицаній вдругъ раздался громкій, истерически дребезжавшій голосъ старика:

— Господи! Находишься ли Ты здѣсь, среди насъ? Видишь ли и слышишь ли насъ?

— Онъ здѣсь! Истинно говорю вамъ: Онъ—въ васъ! Аминь!—вдохновенно, но покойно-увѣренно сказалъ Порошинъ.

На минуту все смолкло; слышались только сдерживаемые звуки восторженныхъ рыданій. Но потомъ всѣ поднялись, стали обнимать и трижды цѣловать другъ друга...

Когда всѣ нѣсколько успокоились и снова усѣлись передъ своими книгами, началъ говорить хозяинъ, Аносовъ, на тему о томъ, что все-таки одной только любви мало, необходима и вѣра.

Его рѣчь, сопровождаемая также ссылками на память, производила уже меньшее впечатлѣніе.

Когда онъ окончилъ, Лядова и Роговъ стали прощаться, а Стругановъ рѣшилъ остаться.

Тройка опять неслась по освѣщенному снѣжному полю.

— Какое же впечатлѣніе вынесли вы, Вѣра Павловна?—спросилъ Роговъ, когда они уже довольно далеко отъѣхали отъ хутора.

— Очень сильное,—отвѣтила она:—я просто подавлена имъ и не въ состояніи разобраться въ моемъ настроеніи. Я никогда не могла вообразить себѣ, что можетъ быть что-нибудь подобное

среди крестьянъ. Мы совсѣмъ не знаемъ нашего народа! Вѣдь то, что̀ говорилъ этотъ молодой человѣкъ... какъ его зовутъ-то?

— Порошинъ.

— Да, Порошинъ! Вѣдь это просто мнѣ кажется геніальнымъ. Неужели онъ все это самъ придумалъ?

— Мнѣ кажется, самъ, а если и слышалъ отъ кого-нибудь, то все-же онъ изложилъ это замѣчательно. Это—выдающійся талантъ. Вѣдь онъ говорилъ безъ остановки болѣе часа... И это даже меня заинтересовало своей удивительной логичностью.

— Ну, и какой же вашъ выводъ вообще?—доспрашивалась Вѣра Павловна.

— Мнѣ грустно, грустно оттого, что я не могу вѣрить такъ, какъ они, не могу слиться съ ними... Какъ имъ хорошо и тепло живется!..

— Да, и я чувствую то же: вѣдь между ими и нами точно стѣна... А между тѣмъ они—такіе хорошіе, чистые, мыслящіе, любящіе; такихъ не найдешь среди нашей интеллигенціи... И что̀ всего печальнѣе: сердцемъ я ихъ вполнѣ понимаю; только я другими словами назвала бы то, во что̀ они вѣрятъ... И неужели нельзя было бы сойтись съ ними при этой замѣнѣ одного понятія другимъ!..

— Я не совсѣмъ васъ понимаю: какія же ихъ понятія вы замѣните и чѣмъ?

— Да, вотъ, напримѣръ, ихъ вѣра въ то, что кто-то высшій приходитъ къ нимъ, просвѣтляетъ ихъ, умиляетъ... Да развѣ каждый изъ насъ не знаетъ такихъ минутъ, когда все понимаешь яснѣе, сильнѣе любишь, чувствуешь... Только мы называемъ это какъ-нибудь иначе: просвѣтленіемъ, восторгомъ, вдохновеніемъ, экстазомъ... А они воплощаютъ это въ живое существо.

— Въ этомъ-то, вѣроятно, сила и прелесть для нихъ этого состоянія,—сказалъ Роговъ.

— Вѣрно ли это? Я помню въ моей жизни нѣсколько подобныхъ минутъ... Да, вотъ, разъ пріѣхала я въ Москву; тамъ пришлось передать письмо одному человѣку, который предложилъ познакомить меня со своимъ кружкомъ. Привезъ онъ меня также вечеромъ куда-то въ глухую улицу, на конецъ Москвы. И даже домикъ, помню, былъ двухъ-этажный, въ три окна, какъ здѣсь, и пришлось подниматься по такой же высокой лѣстницѣ. Только это была не крестьянская хата, а квартира богатаго барина, который все свое имѣніе отдалъ кружку, а самъ жилъ въ двухъ комнаткахъ. Онъ былъ совсѣмъ молодой, лѣтъ двадцати-шести, могучій, съ чуднымъ, чисто русскимъ лицомъ, кроткимъ, откры-

тымъ, милымъ... Онъ уже давно умеръ... далеко... И собрались у него такіе же, какъ онъ, вѣрящіе въ необыкновенныя силы русскаго народа, которыя только нужно пробудить, потому что онѣ заснули. Среди нихъ было нѣсколько молодыхъ дамъ и дѣвушекъ. Особенно поразила меня одна: худощавая, стройная шатенка, красавица, съ чудными темными глазами... И вотъ, какъ и сегодня, сперва долго говорили о своихъ планахъ. Это была прощальная вечеринка: нѣсколько человѣкъ уѣзжали въ волжскія понизовья... Подъ конецъ вечера, попросили шатенку, очаровавшую меня, спѣть. Повѣрите ли, я до сихъ поръ помню каждую нотку, каждое слово ея пѣнія,—а вѣдь это было лѣтъ семь тому назадъ! Она пропѣла сначала „Горный потокъ" Шуберта, а потомъ русскую пѣсню, которую я слышала въ первый разъ: „Надоѣла мнѣ, надоскучила доля-долюшка желѣзная"... Не знаю теперь, всегда ли она такъ пѣла хорошо, или ее вдохновилъ моментъ, или, быть можетъ, мы всѣ, слушавшіе ее, были такъ настроены... Но, увѣряю васъ, я никогда въ жизни, ни прежде, ни послѣ, не переживала такого состоянія: я потихоньку плакала, какъ ребенокъ, я рѣшалась на какой-то невѣдомый подвигъ, я любила ихъ всѣхъ, какъ братьевъ и сестеръ... И вѣрила безпредѣльно въ то, во что̀ они вѣрили... Нѣтъ, этого не передашь словами... Знаю одно, что такіе моменты никогда не забываются: они кладутъ на сердце печать на всю жизнь...

Она задумалась, переживая вновь тотъ моментъ.

Снѣгъ тихо скрипѣлъ подъ полозьями саней. Тройка неслась весело по снѣжному полю, освѣщенному тѣмъ же матовымъ свѣтомъ луны, пробивавшимся сквозь облака.

— И все же вы тогда чувствовали совсѣмъ иное, чѣмъ теперь, у этихъ „трезвенниковъ",—сказалъ Роговъ тихо и вдумчиво.—Я понимаю то, что̀ вы чувствовали и тогда, и теперь... Тамъ была бурная, захватывающая волна страсти, а здѣсь... тихое, умиленное, почти подавленное состояніе мистическаго восторга... Нѣтъ, это не одно и то же...

— Но вѣдь и здѣсь, и тамъ—любовь къ людямъ: вотъ что̀ сближаетъ эти моменты...

— Нѣтъ, тамъ была не одна любовь, а еще и ненависть, негодованіе, жажда грандіозной борьбы и мести... И я это больше понимаю... А здѣсь... я тоже понимаю, сочувствую даже, но сочувствую головой; я даже люблю ихъ, но мое сердце не бьется въ унисонъ съ ними...

На горѣ показалась усадьба со своимъ фантастическимъ бѣлымъ домомъ, освѣщеннымъ луной. Разговоръ прекратился.

Оба думали свои думы... Ужъ около самой усадьбы Вѣра Павловна тихо проговорила:

— А все же хорошо и это!.. Мнѣ хочется сойтись съ ними близко... Кажется, я могу... вѣрить, какъ они...

— Да, и это хорошо,—отвѣтилъ онъ:—но я вѣрю, что придетъ и другое, что будетъ намъ роднѣе,—какъ пѣсня вашей „шатенки“...

XIII.

Возвратившись домой, Роговъ былъ встрѣченъ на крыльцѣ фельдшеромъ, который воскликнулъ взволнованнымъ голосомъ:

— Вотъ такъ фунтъ, Иванъ Захаровичъ! Вы знаете ли, какая у насъ новость? Угадайте!

— Ну, говорите скорѣй, безъ кривляній!

— Пріѣхала дочь Петренки, и къ вамъ отъ нея записка есть... Я распорядился, чтобы въ фабричной больницѣ все чистить и мыть...

— Совершенно напрасно! Тамъ и безъ того было чисто... Я терпѣть не могу этого! И вы можете только дать ей худое мнѣніе о насъ, что у насъ до ея пріѣзда нехорошо было...

— На васъ ничѣмъ не угодишь!—проворчалъ фельдшеръ.

— И не нужно мнѣ угождать. Дѣлайте свое дѣло, и этимъ угодите не мнѣ, а дѣлу же...

Въ запискѣ Надежда Николаевна просила его побывать у нея на другой день, какъ только онъ будетъ свободенъ. Записка была написана на модной красной бумагѣ съ изображеніемъ чертенятъ. Отъ нея пахло какими-то рѣзкими духами.

Роговъ всегда чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ, когда ему приходилось дѣлать визиты къ особамъ женскаго пола. Когда знакомство уже завязывалось, это чувство неловкости исчезало. Но первые моменты его душевное состояніе можно было выразить одной фразой: „Ахъ, какъ бы отлично было провалиться сквозь землю“!

Его смущали при этомъ самые разнообразные вопросы: „Въ какіе часы у нихъ принято являться? Какіе нужно надѣть брюки и галстухъ? Когда сидишь на стулѣ и говоришь съ дамой, гдѣ и какъ держать ноги? Можно ли ихъ прятать подъ стулъ, или вытянуть? Кажется, прятать нельзя, а нужно держать подъ прямымъ угломъ“, и т. д., и т. д.

Когда онъ явился на другой день къ Надеждѣ Николаевнѣ, всѣ эти вопросы до такой степени волновали его, что онъ не

разсмотрѣлъ ни убранства, ни вида цѣлаго ряда комнатъ, черезъ которыя велъ его лакей, одѣтый во фракъ и бѣлый галстухъ. Этотъ лакей смущалъ его даже больше, чѣмъ сама хозяйка. Смутно промелькнули передъ нимъ высокіе потолки комнатъ съ живописью и лѣпными украшеніями, пестрая и золоченая мебель, хрустальныя люстры, огромныя окна и зеркала, ковры на полахъ и скользкій паркетъ въ залѣ, который онъ проклиналъ, чувствуя, что можетъ позорно растянуться на немъ, какъ на льду.

Къ счастію, Надежда Николаевна встрѣтила его какъ стараго знакомаго, весело выбѣжавъ изъ-за какой-то тяжелой портьеры и осыпавъ его сразу цѣлымъ потокомъ любезностей и благодарностей за крестьянъ, которые, будто бы, „въ одинъ голосъ его благословляютъ", и т. д., и т. д.

Самому Рогову говорить почти не приходилось. Надежда Николаевна напоминала неистощимый рогъ разговорнаго изобилія и суетливости: она сразу предлагала сотни вопросовъ, не давая на нихъ отвѣтить, вскакивала, чтобы угостить папиросами, сигарами, завтракомъ, чаемъ, кофе, или чтобы показать какой-нибудь альбомъ, картину, необыкновенный рояль, купленный отцомъ на выставкѣ, и т. п.

Сначала это ему понравилось, потому что не нужно было придумывать темъ для разговора, но черезъ четверть часа, когда онъ освоился съ положеніемъ и вспомнилъ, что необходимо какъ можно скорѣе заговорить о Софьѣ Петровнѣ и вызвать сочувствіе къ ней Надежды Николаевны, онъ былъ уже не радъ болтливости молодой хозяйки.

— Вы удивляетесь, что я пріѣхала сюда въ такое время года? Ахъ, надо знать мою жизнь, чтобы не удивляться этому! Всякія Ниццы, Ментоны, Біаррицы надоѣли мнѣ до одурѣнія! О Петербургѣ уже и говорить нечего... Ахъ, Боже мой! Я не предложила вамъ папиросъ! Сейчасъ!.. Да, эти мѣста мнѣ ужасно надоѣли... И вдругъ я вспомнила, что могу отдохнуть здѣсь, среди милаго кружка изъ старыхъ друзей... Боже мой, у васъ нѣтъ спичекъ!.. Провести карнавалъ въ русской деревнѣ! Посмотрѣть, какъ его справляютъ наши мужички... Да вѣдь это прелесть! И это такая идея! Она воскресила меня!.. Да что же это не подаютъ завтракъ?

Она звонила, опять усаживалась и снова говорила.

Только за завтракомъ Рогову удалось вставить и свое слово о Лопатиной. Но достаточно было ему назвать ея фамилію, какъ мадемуазель Петренко открыла цѣлый фонтанъ воспоминаній объ

институтѣ и затѣмъ пансіонѣ, гдѣ она училась вмѣстѣ съ Софьей.

— И какая она была прелесть, душка, еслибы вы знали! Я ее обожала! Она никогда не могла научиться по-нѣмецки, и я ей постоянно подсказывала... Боже, сколько разъ я была за нее наказана!..

— Она въ ужасномъ положеніи теперь,—вставилъ наконецъ Роговъ.

— Что̀ такое? Она потеряла состояніе? Отецъ разорился? Неудачно вышла замужъ?

— Нѣтъ, не то. Позвольте мнѣ разсказать вамъ обо всемъ подробнѣе. Это дѣло требуетъ вашего серьезнаго участія. Вы одна можете спасти ее.

— Спасти? Что̀ такое?!—воскликнула Надежда Николаевна съ выраженіемъ испуга и даже легкаго неудовольствія на лицѣ: она не любила ничего трагическаго въ жизни, хотя очень любила его на сценѣ.

Но когда Рогову удалось наконецъ объяснить ей, въ чемъ дѣло, она обрадовалась, и предположенія, планы полились изъ нея настоящимъ водопадомъ; она поѣдетъ сегодня же, она ее возьметъ къ себѣ, она навсегда возьметъ ее у отца, и онѣ будутъ жить вмѣстѣ! И какъ это будетъ хорошо! Ея милая Соня будетъ вмѣстѣ съ нею!..

Передъ уходомъ, Рогову удалось ввернуть словечко и о несчастномъ учителѣ, и о кустаряхъ, и о старухѣ изъ Парменовки... —О, всему этому можно помочь! Это не такъ много! Вы составьте мнѣ записочку. Надѣюсь, мы будемъ съ вами видѣться каждый день. Вы обязаны приходить ко мнѣ обѣдать! Я назначу часъ обѣда, когда для васъ удобнѣе... Къ Сонѣ я поѣду сегодня же... Вы говорите, что Рахмаровъ и Лядова живутъ по дорогѣ? Отлично; я буду и у нихъ! А на фабрикѣ теперь спокойно? Я тогда все устроила по телеграммѣ Рахмарова... Я ему очень благодарна... Ахъ, кстати, вы знаете, что сюда не нынче —завтра пріѣдетъ и Бѣлоконскій... Мы съ нимъ постоянно переписываемся... Ему поручено разслѣдовать это дѣло на фабрикѣ и еще какое-то... Здѣсь явилась какая-то секта... Онъ пишетъ очень коротко и неразборчиво...

— Какъ, уже разслѣдованіе о сектѣ?! — съ тревогой спросилъ Роговъ.

— Да, да, да! Кажется, о сектѣ... Я плохо разобрала слово... Но, кажется, о сектѣ... А вы о ней что-нибудь знаете?! Что-нибудь интересное, новенькое? Разскажите, пожалуйста!.. О, это

счастье ихъ, что они попадутъ въ его руки!.. Онъ такой милый, острый!

XIV.

Дня черезъ три послѣ этого свиданія, поздно вечеромъ, Роговъ сидѣлъ у себя съ учителемъ, который явился разспросить его о результатѣ переговоровъ съ Надеждой Николаевной. Со времени ея пріѣзда онъ заходилъ ежедневно, но не заставалъ доктора дома.

Иванъ Захаровичъ успокоилъ его, посовѣтовалъ составить записку о нуждахъ школы и своихъ.

Учитель уже собрался уходить, когда послышался звонъ колокольчика. Онъ замолкъ у подъѣзда квартиры Рогова.

— Неужели опять къ больнымъ потащатъ? Я сегодня совсѣмъ измучился!—въ отчаяніи воскликнулъ Роговъ.

По ступенямъ крыльца и корридорчику послышались легкіе, торопливые шаги, дверь отворилась, и вошелъ высокій человѣкъ, закутанный въ медвѣжью шубу.

— Пустишь переночевать? — весело спрашивалъ онъ и, не ожидая отвѣта, сбрасывалъ съ себя шубу и высокіе мѣховые сапоги. Это былъ Бѣлоконскій.

— Пущу, пущу!—воскликнулъ Роговъ.—Петръ! Самоваръ скорѣе!

— Ну что жъ, поцѣлуемся, что ли, или такъ обойдется?—спросилъ пріѣзжій.

— Давай, поцѣлуемся. Давно ужъ не видѣлись!

— Давненько!

— Какъ ты попалъ въ наши края?

— А получилъ сюда командировку. Вѣдь я теперь исправляю обязанности слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ. А у васъ тутъ какая-то стачка... секты...

— Да вѣдь стачка кончилась миромъ!

— Эге, братъ! Это одно, это—дѣло гражданское. А преступленія миромъ кончать нельзя...

Роговъ шутливо представилъ учителя пріѣхавшему.

— Рекомендую: профессоръ нашего деревенскаго университета, Петръ Ивановичъ Никифоровъ. Много лѣтъ мирно обучалъ ребятъ грамотѣ, а съ недавняго времени увлекся Ницше и рѣшилъ, подъ его вліяніемъ, бросить школу и поступить въ дьяконы!

— Очень радъ встрѣтить въ васъ отчасти единомышленника: я тоже люблю Ницше, хотя къ дьяконству онъ меня не склонилъ...

Петръ Ивановичъ постарался поддержать шутку.

— Да-съ! Я, признаться, самъ никакъ не ожидалъ, что философія сверхчеловѣка на деревенской почвѣ будетъ имѣть такія послѣдствія!—смѣясь, отвѣтилъ онъ:—а для васъ, столичнаго жителя, это тѣмъ болѣе сюрпризъ!.. Но въ Россіи всякая философія принимаетъ неожиданныя формы!

„Да онъ вовсе не глупъ",—подумалъ Роговъ.

Петръ принесъ самоваръ. Заказали яичницу.

— Ну, что же ты тутъ, какъ? Разсказывай!—спрашивалъ Бѣлоконскій, помѣщаясь на кушеткѣ.—Давно ли моего отчима видѣлъ? Что онъ? Постарѣлъ? Все такой же оптимистъ?

— Видѣлъ на дняхъ. Подробности о немъ разскажу послѣ. А вотъ ты намъ разсказывай новости. Ты въ „губерніи" живешь! А мы что? Заплѣсневѣли здѣсь.

— Ужъ и заплѣсневѣли! Знаю я тебя, другъ любезный! Помню, какъ ты, бывало, о мужикѣ плакалъ! Ха-ха-ха!.. Нѣтъ, серьезно говорю: ну, какъ дѣла? Кипятъ? Артели, кассы, кустарный банкъ, воскресныя школы, сыроварни, мыловарни ростутъ, какъ грибы? А?—И онъ трепалъ Рогова по плечу.

— Шутить этимъ грѣхъ,—отвѣтилъ тотъ:—ты вѣдь знаешь, что ничего этого нѣтъ!..

— Да неужели?! А я-то надѣялся проѣхаться по медовой рѣкѣ съ кисельными берегами!.. Даже ложку привезъ... Жаль, жаль!.. Ахъ, вы, господа, живущіе мечтами и утопіями!..

— А ты все прежній! Вышучиваешь всякую попытку внести что-нибудь въ жизнь свѣжее, лучшее!..

— Избави Богъ! Это я шучу оттого, что веселъ, а веселъ оттого, что увидѣлъ тебя... Если хочешь, я буду плакать о твоихъ неудачахъ, но послѣ... Теперь ты желаешь знать, остался ли я прежнимъ? Конечно, дружище! Я все такой же созерцатель всеобщаго хаоса и комедіи россійской исторіи, какъ и былъ... Смотрю и посмѣиваюсь...

— И тебѣ не скучно?

— Какой вопросъ! Если смѣюсь, значитъ, не скучно! Нѣтъ, серьезно: я же тебѣ писалъ, что у меня есть и кое-что положительное... Но объ этомъ послѣ... Теперь давай еще чаю! А вотъ и яичницу несутъ! Да какой у тебя славный Захаръ!

— Онъ не Захаръ, а Петръ...

— А! Неужели Петръ? А я думалъ, онъ къ тебѣ поступилъ отъ Ильи Ильича Обломова...

— Тотъ былъ лѣнтяй и резонеръ, а Петръ—воплощенная

дѣятельность. Это и моя нянька, и мой сторожъ, и провизоръ въ аптекѣ...

— Почтенный мужчина!—воскликнулъ Бѣлоконскій, поглощая яичницу.—Что же ты ничего мнѣ не скажешь объ отчимѣ, о Вѣрѣ Павловнѣ? А „маману" мою видѣлъ? Какова величественность?! У китайскаго богдыхана проще! Ахъ, сколько я о ней анекдотовъ помню! А на Лядовой ты еще не женился?.. Напрасно, братъ, случай упускаешь! И я бы приволокнулся...

— Довольно вздоръ болтать!

— Это, братъ, не вздоръ, а философія: лови моментъ, собирай съ жизни весь медъ, какой попадется на пути... Вы—идеалисты въ родѣ моего отчима—скучные люди! Уставитесь въ одну какую-нибудь точку и жуете ее и пережевываете... А жизнь въ это время бѣжитъ мимо васъ, создаетъ новыя точки, новыя формы, новыя требованія... Надо около всѣхъ ихъ покружиться, чтобы со всего собрать медъ, да и отъ жизни не отстать... А, главное, надо самому жить... Я недавно прочелъ чудесное стихотвореніе:

Près de nous est le trou béant.
Avant de plonger au gouffre,
Fais donc flambeau de ton néant,
Aime, rêve et souffre!

—Дальше не помню, кромѣ заключительныхъ стиховъ:

Brûle ton coeur, songe au tombeau,
Où tu deviendras poussière...

— Это что же значитъ?—спросилъ Роговъ:—я, признаться, плохо понимаю по-французски.

— А значитъ это: передъ нами зіяющая дыра, т.-е., попросту, могила, гдѣ мы сдѣлаемся прахомъ; а потому: не будемъ ослами, на которыхъ ѣздятъ и возятъ тяжести, а заставимъ другихъ везти себя...

— А сами что будемъ дѣлать?

— Любить, мечтать и... въ стихахъ сказано: souffre,—страдать. Но поэтъ все же былъ глуповатъ... Я не хочу souffrir, а хочу наслаждаться, потому что въ другой разъ жить не буду, и никому передавать по наслѣдству моего права на наслажденіе не хочу...

— Вотъ это—философія! И хотя бы для этого нужно было давить другихъ колесницей, везущей твое драгоцѣнное существо на вершину наслажденія?

— Ну, зачѣмъ же непремѣнно давить? Даже хорошій ку-

черъ кричитъ толпѣ: „Эй, вы! Посторонитесь!“ Ну, и я то же дѣлаю. Просто изъ эстетическаго чувства: раздавленные противны! Ну, а если подвернулся подъ колеса, такъ я невиноватъ, что онъ глупъ и глухъ!.. И раздавлю! Сворачивать не буду для дураковъ! Иначе пріѣдешь туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ,— какъ это случилось съ отчимомъ...

— Ну, а какъ же исторія? Пусть она складывается сама собой?

— А какое мнѣ дѣло до исторіи! Вѣдь я тогда жить не буду! Да и что, кромѣ смерти, даже всему земному шару, даже всей солнечной системѣ, дастъ исторія въ своемъ финалѣ?!

— Смотрю я на тебя и думаю,—сказалъ Роговъ:—какъ ты встрѣтишься съ отчимомъ? Какое онъ горькое впечатлѣніе вынесетъ, бѣдняга, отъ твоего „профессіонъ де фуа“... Только этого удара ему еще недоставало отъ жизни!..

— Ха-ха-ха! Какой ты наивный, Медвѣдь Захаровичъ! На какой пошленькой стрункѣ ты вздумалъ играть! Жалкими словами вздумалъ разубѣждать! Ахъ ты, бѣдняга, бѣдняга! Да какъ же ты не поймешь, что убѣжденія складываются всей жизнью, что ихъ нельзя измѣнить оттого, что будетъ огорченъ какой-нибудь усталый идеалистъ съ разжижающимся мозгомъ! Нѣтъ, ты меня начинаешь сердить! Я жалѣю, что заѣхалъ къ тебѣ. Надо бы прямо къ отчиму. Онъ понялъ бы, что такъ мнѣ возражать нельзя...

Бѣлоконскій былъ раздраженъ и взволнованъ. Отпивъ нервно нѣсколько глотковъ чаю, онъ снова заговорилъ:

— Въ этихъ жалкихъ словахъ, когда ими думаютъ убѣдить, нѣтъ ничего, кромѣ жестокости и деспотизма. Да! Я сейчасъ взволнованъ, разстроенъ! А почему? Да очень просто: я люблю Рахмарова, да, люблю! И цѣню его не меньше, чѣмъ ты! И мнѣ страшно жаль, что я его огорчу... Но какое же это можетъ имѣть вліяніе на мои убѣжденія?! Я могу ихъ скрыть отъ него, и только... Но это мнѣ противно... Значитъ, мнѣ и безъ того больно, такъ зачѣмъ же еще меня пилить этимъ?! Если можешь, —возражай, спорь, а не пили по больному мѣсту!.. Вотъ и „мамана“ огорчится тоже, что я не по ея думаю! Ну, что же ты меня не пилишь: „ахъ, де, она будетъ огорчена! заведи и ты у себя китайскія церемоніи“!

Учитель благоговѣйно прислушивался къ тому, что говорилъ Бѣлоконскій. Идеи его казались ему неожиданнымъ, новымъ открытіемъ, и мысленно онъ говорилъ себѣ, когда уходилъ отъ

Рогова: „Вотъ это—настоящій мудрецъ! Геній! А вѣдь какой молодой“!

По уходѣ учителя, Бѣлоконскій сталъ зѣвать и попросилъ устроить себѣ спанье.

Роговъ былъ задѣтъ его репликой. Онъ понималъ, что сказалъ глупость, думая повліять на гостя предстоящимъ огорченіемъ Рахмарова. Ему хотѣлось загладить эту ошибку, возразить что-нибудь важное, существенное, умное... И тутъ было не одно самолюбіе. Оно даже ушло на задній планъ. Тутъ было желаніе отстоять свою „вѣру“ противъ безвѣрія Бѣлоконскаго. Рогову было жаль его: ему казалось, что веселость и развязность этого „созерцателя“—напускныя, что въ душѣ у него должно быть холодно, пустынно и ужасно скучно; онъ остритъ и смѣется, чтобы заглушить это чувство тоски и жуткости безвѣрія... Роговъ любилъ Бѣлоконскаго по воспоминаніямъ юности; ему хотѣлось бы вдохнуть въ стараго товарища свою вѣру, свое чувство... Но какъ это сдѣлать? Съ какой стороны подойти?..

Оба молчали и молча улеглись спать: Роговъ—на кушеткѣ, а Бѣлоконскій въ его спальнѣ, на желѣзной кровати.

— Ты можешь мнѣ отвѣтить на два вопроса?—окликнулъ Иванъ Захаровичъ своего товарища.

— Спрашивай.

— Какой же планъ ты придумалъ, при твоемъ полномъ равнодушіи къ людямъ и ихъ жизни?..

— Ты ошибаешься, говоря о „полномъ“ моемъ равнодушіи. Я не равнодушенъ къ текущей дѣйствительности. Въ ней меня многое злитъ, бѣситъ, и больше всего—глупость человѣческаго стада! Я ненавижу эту глупость, несущую безсмысленныя тяжести и утѣшающуюся тѣмъ, что на эти тяжести наклеены разные бантики, украшенія, вывѣски... Еслибы я избралъ себѣ въ жизни какую-нибудь общественную работу, такъ это исключительно—борьбу противъ стадной глупости.

— И какія же средства ты проектируешь?

— Средства опредѣлятся моей личной силой. Вѣдь эта стадная глупость—сила, и огромная сила. Чтобы бороться съ нею, надо недюжинную силу, взятую у этого же стада... А кумиръ этого стада—деньги, богатство... И я добьюсь этой силы. Я добьюсь, чтобы въ моихъ рукахъ было какъ можно больше этого кумира... И тогда я рѣшу, какъ поступать въ моихъ цѣляхъ... А до тѣхъ поръ надо забраться прежде на эту первую ступень лѣстницы... Дальнѣйшая цѣль опредѣлится потомъ, всею совокупностью условій момента...

— И эта первая ступень—Надежда Николаевна Петренко? —спросилъ Роговъ.

— Если она подставитъ спину,—да! Если нѣтъ, то мнѣ все равно, кто будетъ этой ступенью...

— Но вѣдь это ужасно!—воскликнулъ Роговъ, не удержавшись: - это—продажа самого себя, да еще и безъ опредѣленной цѣли...

— Ты, братецъ, говоря мягко, такъ неуменъ, что съ тобой говорить больше не стоитъ,—сказалъ раздражительно Бѣлоконскій,—да и мнѣ спать хочется... Довольно!..

Роговъ не предлагалъ больше вопросовъ, но ему не спалось, и онъ слышалъ, что Бѣлоконскій не спитъ тоже, ворочается, зѣваетъ... Такъ прошло съ четверть часа. Роговъ думалъ теперь о томъ, что во взглядахъ Бѣлоконскаго есть много общаго съ взглядами Софьи Лопатиной. „Они поняли бы другъ друга, — подумалъ онъ:—то же отсутствіе вѣры въ какіе бы то ни было идеи и идеалы. Та же надежда замѣнить какой-то дѣятельностью чисто отрицательнаго характера идеалы; ненависть и вражда— у той—къ людямъ, мѣшающимъ жить, а у этого—къ глупости человѣческаго стада, несущаго ярмо... И причины, создавшія этихъ людей, не однѣ ли и тѣ же? Отсутствіе чувства любви, отсутствіе вѣры въ лучшее и полный, совершенный хаосъ въ области идей“?

Въ это время Бѣлоконскій не выдержалъ и заговорилъ первый:

— Ты, вотъ, давеча сказалъ, что надѣешься для своихъ плановъ на пріѣздъ Надежды Николаевны, т.-е. на ея деньги? Когда идетъ дѣло о твоихъ планахъ, ты не будешь стыдиться выклянчивать ихъ у нея. А я клянчить не хочу! Я приду и овладѣю и деньгами, и ею, какъ господинъ... Это, по твоему, я продаю себя!?.. А когда я служу какимъ-то слѣдователемъ, ненавидя это дѣло, служу за глупые гроши, — это я не продаю себя?! Нѣтъ, я убилъ бы себя завтра же, еслибы хотя на минуту повѣрилъ, что я изъ доли подъяремнаго раба этого стада не выйду къ долѣ господина надъ нимъ, господина, который самъ держитъ въ рукахъ бичъ и гонитъ это стадо туда, куда ему хочется...

Роговъ не отвѣчалъ, но спать онъ не могъ. Его мысль работала въ прежнемъ направленіи, а именно, надъ сходствомъ стремленій Бѣлоконскаго и Софьи Петровны: и тамъ, и здѣсь стремленіе къ невѣдомой, но непремѣнно широкой жизни; и тамъ, и здѣсь невѣріе въ то множество идей, которыя прошли

въ умѣ, временно увлекли, но не закрѣпли тамъ, выбитыя противоположными идеями, которыя тоже не удержались... Затѣмъ ему представился другой вопросъ: „Каковъ будетъ результатъ встрѣчи этихъ двухъ натуръ, у которыхъ такъ много точекъ соприкосновенія“?

Ревнивое чувство зашевелилось въ немъ. Онъ ясно представилъ себѣ красиваго, изящнаго, ловкаго Бѣлоконскаго, съ его бархатными глазами, съ его покойной, внушительно-мягкой и вкрадчивой рѣчью рядомъ... и въ сердце закралось робкое, тревожное, тоскливое чувство.

Вопреки своему ожиданію, Бѣлоконскій и послѣ своей реплики долго не могъ заснуть. Онъ представилъ себѣ свиданіе съ отчимомъ, и непріятное чувство усилилось: „Вѣдь непремѣнно повторится то самое, что онъ пережилъ сейчасъ: его будутъ третировать съ сожалѣніемъ и съ высоты идеалистической морали. Придется возражать, какъ будто оправдываться... Оправдываться въ чемъ? Въ томъ, что я пошелъ дальше ихъ, что я лучше умѣю мыслить“!

И онъ сталъ думать: „Ужъ стоитъ ли заѣзжать къ отчиму? Радости ни себѣ, ни ему отъ этого свиданія не будетъ, а непріятныхъ ощущеній не оберешься“!

Но что-то тянуло его къ этому человѣку: онъ привыкъ его любить и уважать. Онъ привыкъ имъ гордиться. Росъ онъ подъ вліяніемъ матери. Сошелся съ отчимомъ и сталъ понимать его только въ среднихъ классахъ гимназіи. Но какіе горизонты онъ раскрылъ передъ нимъ въ то время! Юноша благоговѣлъ передъ нимъ, ловилъ каждое его слово, стараясь не только понять его, но и жить такъ, какъ тотъ указывалъ... Даже и теперь, когда онъ сталъ относиться къ Рахмарову свысока, онъ глубоко взволновался, вспоминая темныя аллеи парка, по которымъ они вдвоемъ ходили по цѣлымъ часамъ, разсуждая, иногда споря... Онъ помнилъ, что въ концѣ одной аллеи была бесѣдка надъ прудомъ. Тамъ отчимъ работалъ, читалъ. Юноша помѣщался около него, часто обращаясь съ замѣчаніями и вопросами по поводу какого-нибудь мѣста въ книгѣ, которое его или восхитило, или вызвало возраженія. Онъ ясно помнилъ цвѣтущія акаціи вокругъ этой бесѣдки... Яркіе лучи солнца бѣгали въ видѣ кружковъ по деревянному столу, сколоченному изъ досокъ... Жужжали пчелы и шмели на желтыхъ цвѣтахъ акацій...

Но жить по принципамъ отчима, — немного рахметовскимъ, —было нелегко: воспитаніе матери развило въ немъ совсѣмъ иныя привычки, утонченные вкусы, физическую избалованность,

эстетизмъ... Пока онъ жилъ въ деревнѣ съ отчимомъ,—это все спадало. Онъ ходилъ съ нимъ и по избамъ, и по полямъ; они забирались и въ лѣсъ, купались вмѣстѣ, спали на сѣнѣ... Но едва попавъ въ столицу, юноша точно перерождался: его захватывали прежнія привычки: хотѣлось всюду казаться аристократомъ, богатымъ баричемъ, стоять у всѣхъ на виду—и костюмомъ, и рѣчами, и убранствомъ своей студенческой квартиры, и знакомствами въ средѣ знаменитостей литературы, театра, великосвѣтскаго общества. Въ немъ не происходило рѣзкаго раздвоенія, не было мученій совѣсти оттого, что онъ не слѣдуетъ принципамъ отчима, но его мучила иногда мысль, что еслибы тотъ зналъ его жизнь, то не уважалъ бы его. И юноша придумывалъ себѣ оправданія въ формѣ разныхъ теорій, болѣе или менѣе возвышеннаго характера, гдѣ все оправдывалось какими-то высокими планами и цѣлями впереди; эти планы и цѣли хотя еще не оформились, но они должны оформиться, и т. д. Онъ много и часто писалъ отчиму изящнымъ и образнымъ языкомъ, старался понравиться ему оригинальностью своихъ образовъ, тонкостью наблюденій, глубиной и неожиданностью чувствъ...

Когда онъ попалъ въ губернскій городъ, его охватила новая среда—среда губернскихъ „сливокъ", съ одной стороны, и среда чиновниковъ-карьеристовъ и чиновниковъ-тружениковъ—съ другой. Онъ стоялъ между двумя этими мірами. Первый тянулся за петербургскими высшими сферами во всемъ: въ послѣднемъ вѣяніи, въ послѣдней модѣ на слова, галстухи, ботинки...

Второй міръ холопствовалъ передъ первымъ, стараясь такъ же подражать ему, какъ тотъ подражалъ Петербургу и холопствовалъ передъ Петербургомъ... Оба міра язвительно подтрунивали исподтишка надъ тѣми, кому они подражаютъ и передъ кѣмъ холопствуютъ, но по наружности было одно только благолѣпіе и благоговѣніе.

Бѣлоконскій одинаково презиралъ и тѣхъ, и другихъ, но вторыхъ даже больше, потому что здѣсь, зная его связи съ высшими сферами, передъ нимъ холопствовали, ему льстили, передъ нимъ лебезили.

Дальше, за ширмами этихъ двухъ оффиціальныхъ міровъ, были „дамы". Онѣ здѣсь скучали нѣсколько меньше, чѣмъ въ уѣздномъ городкѣ. Здѣсь былъ болѣе широкій выборъ для флирта, было больше развлеченій въ пріемахъ, визитахъ, балахъ, концертахъ, спектакляхъ съ аллегри и т. д. Но въ сущности подъ этимъ скрывалось то же болото, какъ и въ уѣздныхъ городахъ, только это болото было покрыто болѣе разнообразными цвѣтами,

болѣе мягкой травой, манящей къ себѣ. Оно было болѣе способно затянуть въ себя. И это болото его незамѣтно втягивало. Въ этомъ болотѣ не было ничего твердаго, чему можно бы было сопротивляться, съ чѣмъ хотѣлось бы побороться.

Быстрое назначеніе его на мѣсто, довольно видное въ губернскомъ муравейникѣ, удовлетворило лишь на минуту его честолюбіе. „А что же дальше? Мѣсто прокурора, члена суда, даже дальше — предсѣдателя суда“? Все это не казалось ему завиднымъ и привлекательнымъ... Засѣсть на „такомъ“ мѣстѣ, чтобы изо дня въ день тянуть все ту же лямку? Вездѣ надъ нимъ будетъ „начальство“, которому нужно „угождать“, не чувствуя себя никогда самимъ собою... Вращаться все въ той же средѣ, уже надоѣвшей порядочно въ одинъ годъ... Все это казалось такимъ ужаснымъ, что онъ впалъ бы въ отчаяніе или спился, еслибы въ его мечтахъ не мелькали какіе-то иные широкіе горизонты, которые въ послѣднее время все крѣпче связывались съ образомъ милліонерши, Надежды Николаевны Петренко...

XV.

Когда утромъ Петръ пришелъ будить Рогова, тотъ поднялся и сталъ тихо одѣваться, чтобы не разбудить товарища; чай онъ велѣлъ приготовить себѣ въ пріемномъ покоѣ.

Въ комнату лился съ улицы пріятный бѣлый свѣтъ отъ выпавшаго за ночь снѣга. Трое крестьянскихъ „дровней“, запряженныхъ клячами, стояли у коновязи передъ окнами пріемнаго покоя. Это пріѣхали больные.

— Много ли собралось? — спросилъ Роговъ шопотомъ у Петра.

— Да ужъ человѣкъ двѣнадцать будетъ, ваше высокородіе...

У Рогова отъ безсонной ночи болѣла голова и чувствовалось общее недомоганіе. Онъ вышелъ въ сѣни и, отворивъ дверь на улицу, простоялъ нѣсколько минутъ на крылечкѣ, вдыхая свѣжій утренній воздухъ, въ которомъ слегка слышался запахъ „соломеннаго дымка“. Онъ любилъ зиму, любилъ снѣгъ. Головная боль стала проходить, глаза весело смотрѣли на снѣговую пелену и на деревья, покрытыя инеемъ. Смутными, неясными образами пронеслись воспоминанія дѣтства: путешествія по молодому снѣгу съ толпой крестьянскихъ ребятъ, отыскивавшихъ заячьи слѣды, катавшихъ снѣжные шары и дѣлавшихъ изъ этихъ шаровъ снѣговыя статуи...

Нѣсколько разъ онъ вздохнулъ глубоко, всей грудью, бодрящій воздухъ и вошелъ въ пріемный покой. Здѣсь его охватилъ сразу удушливый, сладковато-кислый запахъ лекарствъ, мазей, овчянныхъ полушубковъ, мужицкихъ онучъ. Собравшіеся мужики и бабы поднялись при входѣ его. Каждый день повторялось это, но почему-то сегодня, послѣ вчерашнихъ споровъ, все это казалось ему не такимъ, какъ всегда. Только въ первые дни своего пріѣзда въ деревню онъ чувствовалъ такое тихое, радостное волненіе отъ своей работы, отъ этой толпы, которой онъ долженъ былъ служить, даже отъ этого запаха овчины, напоминавшаго ему, для кого онъ работаетъ.

Поздоровавшись съ крестьянами, онъ быстро прошелъ въ свой небольшой „кабинетъ", торопливо сталъ умываться, жадно поглядывая на стаканъ дымящагося, душистаго чая, уже внесеннаго Петромъ.

— Посылай больныхъ!—сказалъ онъ ему, отпивая нѣсколько глотковъ.

Вчерашнія думы и споры казались ему теперь кошмаромъ, который постепенно разлетался. „Развѣ это не жизнь и не дѣло? — думалъ онъ, подбодряя себя: — Настоящая, реальная жизнь! Какая тутъ утопія!"

Одинъ за другимъ входили къ нему больные—мужики, бабы; приводили дѣтей, которыя неистово кричали и плакали, увидѣвъ незнакомаго „барина". Приходилось не только разспрашивать, но и выслушивать совершенно ненужныя подробности, цѣлыя повѣствованія, повторять по десяти разъ одинъ и тотъ же совѣтъ, и убѣждаться, что его поняли, выстукивать и выслушивать, осматривать всякія раны и сыпи. И все это нужно было дѣлать внимательно и какъ можно скорѣе: народу ждало много.

Уже съ десятокъ больныхъ отпустилъ Роговъ, когда въ кабинетъ вошелъ Бѣлоконскій, съ нѣсколько брезгливымъ видомъ.

— Я пришелъ проститься; ты извини меня, если я вчера былъ рѣзокъ,—сказалъ онъ.

— А ты теперь куда же?

— Да сначала въ контору: опрошу нѣкоторыхъ „зачинщиковъ", затѣмъ зайду къ Надеждѣ Николаевнѣ, а оттуда проѣду къ отчиму. На обратномъ пути ты позволишь мнѣ остановиться у тебя? Мнѣ придется прожить здѣсь нѣсколько дней, чтобы основательно обслѣдовать дѣло.

— Пожалуйста пріѣзжай.

— Ну, такъ я поѣду. Прощай!

Стали входить больные. Роговъ провозился съ ними часовъ

до четырехъ, и уже пріемъ подходилъ къ концу, когда за дверью послышались крики. Сторожъ удерживалъ кого-то, убѣждая, что не въ очередь входить къ доктору нельзя; тѣмъ не менѣе въ кабинетъ ворвалась маленькая старушонка въ засаленномъ полушубкѣ и черномъ платкѣ, сбившемся на сторону въ борьбѣ со сторожемъ. Переступивъ порогъ, она упала доктору въ ноги и, не поднимая головы, заголосила:

— Родимый! Защити съ сиротами! На тебя одного надежда! Заступись, кормилецъ ты нашъ!

Врачъ растерялся, подбѣжалъ къ старухѣ и старался поднять ее съ пола. Она долго не могла ничего объяснить, произнося все тѣ же возгласы, сопровождаемые рыданіями. Роговъ началъ терять терпѣніе.

— Да говори же, въ чемъ дѣло!—почти закричалъ онъ:— —Мнѣ вѣдь некогда! Тамъ другіе ждутъ.

Старуха опомнилась и заговорила болѣе толково:

— Охъ, родимый! Меня Ѳедя послалъ къ тебѣ... Знаешь, небось, Ѳедора Ермолаева, что̀ возилъ тебя прежде..

— Какъ не знать Ѳедю! Такъ ты его мать, что ли, будешь? Что̀ съ нимъ такое? Захворалъ?

— Охъ, еслибы захворалъ, бѣда невелика! А то даже и выговорить-то страшно! Вѣдь мать я ему! Каково это выговорить-то!

— Говори же скорѣе!

— Въ острогъ его хотятъ взять... Охъ, охъ, головушка моя горькая!—заголосила баба и опять упала на полъ.

— Да за что̀ же? Что̀ такое случилось?—волновался Роговъ, стараясь дать старухѣ воды. — Разскажи ты мнѣ, ради Бога, толкомъ, бабушка!

Наконецъ старуха заговорила болѣе связно, продолжая дрожать какъ въ лихорадкѣ:

— И ума не приложу, миленькій, за что?! И самъ онъ хорошенько понять не можетъ, велѣлъ только мнѣ скорѣе къ тебѣ бѣжать! „Скажи, говоритъ, Ивану Захаровичу, что его пріятель слѣдовщикъ меня хочетъ въ острогъ отправить. А за что, и самъ я, говоритъ, не знаю“!

— А раньше слѣдователь его вызывалъ?—спросилъ Роговъ.

— Съ утра въ контору вызвали... Тамъ до сихъ поръ и былъ... А оттуда ужъ съ десятскимъ привели сейчасъ... Дали только собраться, а потомъ прямо въ острогъ отправятъ... Охъ, что̀ же мнѣ дѣлать-то, отецъ ты нашъ родной! Вѣдь онъ, слѣдовщикъ-то, тебѣ пріятель, у тебя и ночевалъ, сказываютъ...

Попроси ты его! Что̀ мы будемъ безъ Ѳедора дѣлать! Старикъ— хворый... Пятеро ребятишекъ у солдатки, вдовы старшаго сына... всѣ махонькіе... Только я да онъ, Ѳедя, и работали... Онъ теперь на фабрикѣ хорошее жалованье получалъ... Поддержка была... А теперь что̀ же будетъ-то? Съ сумой идти надо, Господи! А срамъ-то какой передъ людьми! Острожникъ!.. Вѣдь это сказать страмно!.. И еще, золотой ты мой, не смѣла сказать твоей милости: какъ услышала эту вѣсть Матрена, молодайка его,—ударилась объ полъ и сдѣлалось съ нею неладно что-то...

— Что̀ же именно?

— А то, что за „бабкой“ посылать пришлось, батюшка. Она ужъ по четвертому мѣсяцу въ тягости... Да что̀ наши бабки! Ѳедя и это велѣлъ тебѣ сказать!.. Онъ бабкамъ-то не вѣритъ...

— Я сдѣлаю все, что̀ могу,—утѣшалъ ее Роговъ.—Скажи мнѣ: слѣдователь говорилъ ему, что ныньче отправитъ?

— Ныньче, родимый, ныньче!..

— А гдѣ слѣдователь теперь?

— Да онъ изъ конторы къ барышнѣ прошелъ въ домъ,— мнѣ десятскій сказывалъ.

— Ну, я ему сейчасъ записку напишу, чтобы меня у ней дождался, а самъ поѣду къ вамъ посмотрѣть молодайку. Да и отъ Ѳеди надо узнать, за что̀ его? А то я и не знаю, что̀ и говорить слѣдователю...

Роговъ, выйдя изъ пріемнаго покоя, сѣлъ на чьи-то крестьянскія дровни, привезшія больныхъ изъ сосѣдней деревни. Старухи уже не было: она бросилась впередъ, бѣгомъ, чтобы предупредить и успокоить домашнихъ о согласіи доктора помочь имъ.

Въ концѣ деревни стояла изба знакомаго намъ Ѳеди, съ новымъ крылечкомъ по срединѣ, украшеннымъ рѣзьбой. Окна были тоже съ рѣзьбой, раскрашенной разноцвѣтными узорами. Роговъ зналъ, что всѣ эти украшенія дѣлалъ на досугѣ Ѳедя, послѣ того какъ бросилъ ямщичество и поселился дома, взявъ работу на фабрикѣ.

Теперь на крылечкѣ сидѣли два крестьянина съ дубинами, изображавшіе собою стражу, охранявшую преступника.

Прежде всего Роговъ отправился къ больной, которую уже успѣли перенести въ баню, такъ какъ послѣ припадка у нея начались мучительныя схватки, предвѣстники наступающихъ преждевременныхъ родовъ. Баня топилась „по черному“, т.-е. дымъ выходилъ не въ трубу, а прямо подъ потолокъ и оттуда въ растворенную дверь. Верхняя половина бани была, такимъ

образомъ, вся наполнена густымъ дымомъ, и только внизу, у самаго пола, согнувшись, можно было дышать, и то задыхаясь и кашляя.

Жена Ѳеди, Матрена, лежала на лавкѣ. Роговъ ничего не видѣлъ отъ дыма и, пригнувшись почти къ самому полу, гдѣ дымъ былъ рѣже, пробовалъ пробраться къ ней, но задохнулся отъ кашля и велѣлъ ее вынести и положить передъ баней на полушубкѣ: день былъ ясный, солнечный, и она простудиться не могла. Перенести ее въ избу было невозможно, въ виду убѣжденія крестьянокъ, что роды должны происходить въ полномъ секретѣ и безъ мужа.

Изслѣдовавъ Матрену, онъ нашелъ, что необходимо поскорѣе сдѣлать операцію, правда, не особенно сложную... Покончивъ съ этимъ дѣломъ уже въ банѣ, куда опять перенесли Матрену, и повозившись часа полтора, онъ забѣжалъ къ Ѳедѣ.

Изба была тѣсная и душная, съ полатями и обычной обстановкой—лавками по стѣнамъ, иконами и большимъ столомъ въ переднемъ углу.

Когда Роговъ вошелъ, бабы голосили, а Ѳедя сидѣлъ на лавкѣ за столомъ, уронивъ голову на руки. Онъ всталъ на встрѣчу доктору; лицо его было мокро отъ слезъ, но онъ постарался пересилить себя и заговорилъ своимъ обычнымъ, шутливымъ тономъ:

— Вотъ, Иванъ Захаровичъ, въ какой бѣдѣ насъ застаете!

— Присядь, касатикъ Иванъ Захарычъ!—заговорила старуха:—Чѣмъ тебя поштовать-то? Можетъ, молочка выпьешь? Или самоварчикъ поставить...

— Полно, мать,—ласково сказалъ Ѳедя,—нешто Иванъ Захарычъ не видалъ нашего угощенія. Да и есть ли ему время!

— Нѣтъ, бабушка, мнѣ некогда,—сказалъ Роговъ старухѣ:—я только зашелъ на минутку—сказать Ѳедѣ, чтобы онъ не тревожился насчетъ острога. Я увѣренъ, что слѣдователь мнѣ не откажетъ и отдастъ тебя на поруки, а не то мы и залогъ представимъ: Надежда Николаевна дастъ. Но мнѣ нужно знать, въ чемъ ты обвиняешься.

— Спасибо вамъ, Иванъ Захаровичъ! — сказалъ Ѳедя, видимо оживляясь:—добрый вы человѣкъ, и Богъ вамъ этого не оставитъ!

Старуха тоже благодарила, кланялась до земли, а старикъ, стоя у двери, шамкалъ:

— Эхъ, и отцы же вы наши родные!.. И дай же вамъ Богъ-Батюшка...

— Такъ въ чемъ же обвиняютъ тебя?—перебилъ Роговъ.

— А вотъ поди жъ ты, я и самъ не знаю! Я вамъ тогда разсказывалъ, Иванъ Захарычъ, что отговаривалъ нашихъ смирновцевъ отъ дебоша. Они меня тогда чуть самого не побили. Насилу ушелъ. А тутъ одинъ сторожъ на фабрикѣ показалъ, что я будто изъ первыхъ говорилъ на сходкѣ и что я всему начало, потому, имѣя-де на нихъ вліяніе, завелъ между ними общество трезвости... Ну, и приплелъ тутъ такое, что Богъ ему судья!.. И „трезвенниковъ" нашихъ припуталъ, и Аносова, у котораго вы были... Еще Господь вѣдаетъ, что̀ изъ этого выйдетъ!..

— Не тревожься, устроимъ. Я самъ въ свидѣтели пойду, если нужно будетъ.

Ѳедоръ и его мать снова принялись благодарить, а старикъ кланялся въ ноги, и его пришлось поднимать.

— Что̀, Ѳедя, сильно ты испугался, когда узналъ, что въ острогъ пойдешь? — сказалъ Роговъ, подавая ему руку на прощанье.

— Еще бы не испугаться, Иванъ Захарычъ! Вѣдь семья; смотрите, сколько ихъ тутъ! И я не то чтобы испугался, а ужъ очень осерчалъ: диви бы за дѣло, а то вѣдь совсѣмъ я тутъ ни причемъ! Господинъ слѣдователь кричитъ на меня: „Ты, молъ, первый зачинщикъ"! А я ему резонно отвѣтилъ: „Не зачинщикъ, молъ, я, а какъ я, значитъ, книжки читалъ всякія и даже ученыя, и даже, молъ, у батюшки вашего, Петра Григорьевича Рахмарова, ихъ бралъ,—то и было мнѣ вѣдомо, что если „заработная плата" не въ моготу,—можно уйти съ работы... Это я точно, можетъ быть, такъ въ разговорѣ кому-нибудь и разсказывалъ... Это показалъ Семенъ Прохоровъ... по сердцу... Мы съ нимъ прежде пріятели были, ну, а тутъ повздорили недавно... Вотъ онъ и припомнилъ этотъ разговоръ. А что, говорю, насчетъ дебоша,—я отговаривалъ". Онъ и слышать не хочетъ! Ну, я и вышелъ зачинщикомъ! А это-то самое, что я упомянулъ о томъ, какъ мнѣ Петръ Григорьевичъ книжки давалъ, я думалъ, будетъ мнѣ на пользу, а вышла одна катавасія!—Ѳедя шутливо махнулъ рукой и засмѣялся.—Слѣдователь совсѣмъ обидѣлся: „Какъ, говоритъ, ты и отчима моего путаешь, мерзавецъ! Да я тебя! Да ты такой-сякой"! Я думалъ, онъ меня побьетъ! Ей Богу! Вотъ не ожидалъ, не чаялъ: я думалъ, пасынокъ, молъ, Петра Григорьевича и вашъ пріятель, а потому вникнетъ въ дѣло... Ну, оказалось, что онъ—господинъ совсѣмъ особой смѣкалки... Я ему, сдуру, такъ это и брякнулъ. Ну, сейчасъ велѣлъ онъ меня, раба

Божія, вывести и—подъ стражу! И представили ко мнѣ Тимоѳея да Ермилу съ дубинами,—ровно отъ звѣря лютаго народъ охранять... Что̀ меня сторожить?! Не убѣгу я! Куда я убѣгу отъ семьи?.. Чудаки, право!

Ѳедя начиналъ волноваться, и голосъ его задрожалъ, хотя онъ старался придать ему шутливое выраженіе.

— Ну, успокойся! Все дѣло устроимъ!—сказалъ Роговъ и, простившись, поѣхалъ въ усадьбу Петренки.

Однако, устроить дѣло Ѳеди оказалось труднѣе, чѣмъ онъ разсчитывалъ.

XVI.

Когда Бѣлоконскій, послѣ допроса въ конторѣ, вошелъ въ барскій домъ, его тамъ уже ждали; но Надежда Николаевна считала нужнымъ продѣлать съ нимъ всѣ формальности, которымъ подверглась сама, когда сдѣлала визитъ женѣ Рахмарова. Его встрѣтилъ въ огромной передней лакей и попросилъ обождать, а самъ понесъ его карточку во внутреннія комнаты.

Вернувшись, онъ торжественно объявилъ:

— Пожалуйте. Барышни сейчасъ выйдутъ.

— Какъ барышни?—переспросилъ Бѣлоконскій.—Развѣ Надежда Николаевна пріѣхала не одна?

— Нѣтъ-съ, онѣ пріѣхали съ компаньонкой, а теперь у нихъ гостятъ еще Софья Петровна Лопатина, дочь здѣшняго члена управы...

Бѣлоконскій вспомнилъ, что встрѣчался съ нею въ Петербургѣ у Надежды Николаевны.

Лакей провелъ его въ обширную столовую, отдѣланную дубомъ, съ широкимъ каминомъ и старинной люстрой по срединѣ потолка, который былъ украшенъ лѣпными аксессуарами охоты: оленями, зайцами, птицами и т. п.

Чрезъ огромную дверь онъ прошелъ въ слѣдующую комнату, выходящую четырьмя большими окнами въ паркъ, занесенный снѣгомъ.

Гость внимательно оглядѣлъ убранство этой обширной комнаты, служившей гостиной: оно было очень простое, старо-дворянское, безъ современной пестроты и вычурности: старикъ Петренко, купившій это имѣніе у графа Зюдерзее, ничего не измѣнилъ въ парадныхъ комнатахъ.

Бѣлоконскому пришлось ждать довольно долго, но это его

радовало: „значитъ, одѣвается и хочетъ произвести впечатлѣніе своей внѣшностью!—подумалъ онъ:—это хорошо“!

Расхаживая по гостиной, онъ чувствовалъ давно небывалое настроеніе: ему вспомнился почти такой же домъ, въ которомъ онъ провелъ свою юность у Рахмарова. Яркія картины этой далекой поры помчались въ его умѣ. „Каковъ-то теперь этотъ нашъ домъ?—подумалъ онъ съ невольной грустью.—Какъ ясно я помню то время! Точно это было вчера“.

Онъ остановился передъ стеклянной дверью, выходившей на террасу. За обширнымъ, засыпаннымъ сугробами, цвѣтникомъ, бѣлѣла полукруглая поляна, кончавшаяся стѣной изъ старинныхъ елей, пирамидальныхъ тополей и кустовъ. Широкія аллеи шли радіусами, прорѣзывая эту древесную стѣну, покрытую инеемъ.

„Вотъ—цари нашего времени!—подумалъ онъ о Петренко:—они все могутъ“. И снова что-то серьезное, почти мрачное пробѣжало по его лицу.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался шорохъ женскаго платья. Въ комнату вошла Софья Лопатина. Она теперь показалась ему красавицей. Его поразили ея изящно лѣнивыя, медленныя движенія, легкій румянецъ на смугломъ лицѣ, смѣлые, но равнодушные глаза, большіе и черные, подъ тонкими изогнутыми бровями. Обычной насмѣшки теперь не было въ этихъ глазахъ. Страданія, пережитыя ею въ послѣдніе дни, измѣнили ея лицо: отъ него вѣяло сосредоточенной, сознательной мыслью и тихой печалью.

— Мы съ вами немножко знакомы,—сказала Соня, протягивая ему руку.—Надежда Николаевна сейчасъ выйдетъ и просила меня занять васъ.—Послѣднія слова она сказала съ улыбкой.

— Каюсь, я не узналъ бы васъ при встрѣчѣ: вы такъ измѣнились, такъ похорошѣли!..

— И вы измѣнились... Садитесь, пожалуйста! Но я не скажу, чтобы къ лучшему: кажется, вы не говорили прежде такихъ избитыхъ комплиментовъ.

Бѣлоконскій сразу перемѣнилъ съ нею тонъ на почтительный, съ легкимъ оттѣнкомъ пессимизма.

— Да, вы правы! Я очень измѣнился! „Такъ мало прожито, такъ много пережито!“—проговорилъ онъ стихами Надсона, дѣлая задумчивое и разсѣянное лицо.—Знаете, жизнь не позволяетъ остаться тѣмъ же наивнымъ идеалистомъ-студентомъ. Многое рабвито въ душѣ, въ чемъ видѣлъ святыню... Хотя храмъ

разрушенный—все храмъ, кумиръ поверженный—все Богъ... но это-то всего тяжелѣе!..

— Ну, это не въ моемъ вкусѣ!—отвѣтила она скучающимъ голосомъ:—когда я развѣнчиваю кумиръ, я даже отъ него пьедестала не оставляю... Вы сюда по дѣлу, я слышала?

— Да... А вы постоянно живете въ деревнѣ? Не скучаете?

Она отвѣтила, что не скучаетъ.

Въ это время въ сосѣдней комнатѣ послышались торопливые шаги, и ласковый голосъ еще издали кричалъ:

— Здравствуйте, Бѣлоконскій, здравствуйте! Простите, что по старому называю васъ по фамиліи! Вѣдь давно мы не видѣлись!

Бѣлоконскій поднялся и пошелъ на встрѣчу хозяйкѣ. Она сильно пополнѣла. Дѣвушка быстро шла къ нему, по обыкновенію путаясь въ своемъ длинномъ платьѣ; на этотъ разъ оно было суконное, темносиняго цвѣта. Наружность ея сильнѣе поразила Бѣлоконскаго своей некрасивостью послѣ того, какъ онъ не видѣлъ ея болѣе года: этотъ небольшой носикъ на кругломъ румяномъ лицѣ, маленькіе, безпокойно смотрящіе глаза, прикрытые золотымъ пенснэ, всѣ ея движенія—напоминали разодѣтую горничную средняго разбора. Ходила и говорила она торопливо, какъ будто смущалась или спѣшила сказать какъ можно больше. Она нервно куталась въ короткую бѣлую пуховую пелеринку.

Крѣпко пожавъ руку Бѣлоконскаго своей большой красной рукой, она засыпала его вопросами самаго разнороднаго характера, которые предлагала, по обыкновенію, не ожидая отвѣтовъ, одинъ за другимъ:

— Что дѣлается въ губернскомъ городѣ? Что въ Петербургѣ? Вѣдь вы писали мнѣ, что недавно ѣздили туда въ отпускъ? Довольны ли своей службой? Кто теперь губернаторомъ у васъ? Хорошенькая ли губернаторша?—и т. д., и т. д.

— А вы остались все та же!—смѣясь, воскликнулъ онъ:—десять вопросовъ сразу! На который отвѣчать сначала?

— Нѣтъ, постойте!—перебила она его тономъ балованнаго ребенка:—вы останетесь, конечно, завтракать? А быть можетъ, и обѣдать?—Не ожидая отвѣта, она позвонила.

Сказавъ нѣсколько словъ лакею, вошедшему на звонокъ, она снова заговорила:

— Ахъ, знаете, я такъ счастлива, что попала въ деревню! Я давно мечтала объ этомъ! Зимой въ деревнѣ!—ахъ, это—прелесть! Это такъ ново! И знаете, какъ я это хитро устроила!

Еслибы я заѣхала въ Москву къ отцу, онъ бы навѣрное отговорилъ, да и всѣ знакомые не пустили бы... И опять не удалось бы! А я, знаете, что̀ сдѣлала? Только изъ Вержболова дала телеграмму, что ѣду прямо сюда! Воображаю, какой тамъ переполохъ у папы! Меня ждутъ! Все приготовлено! И вдругъ такая телеграмма!

Она весело и заразительно расхохоталась.

— Ну, а теперь вы-то, вы разсказывайте. Я совсѣмъ не даю вамъ говорить.

— Я сейчасъ ужъ и забылъ, съ чего надо начинать; подскажите мнѣ: съ чего?

— Ну, хотя съ того, что̀ новаго въ Петербургѣ?

— Боже! Да развѣ въ Петербургѣ бываетъ что-нибудь новое? Вѣчные споры интеллигенціи, только подъ разными соусами; это — вѣчная басня о лебедѣ, ракѣ и щукѣ, у которыхъ возъ стоитъ на одномъ мѣстѣ...

— Узнаю васъ, узнаю! Все тотъ же! Всѣхъ вышучиваетъ! Когда же мы узнаемъ наконецъ вашую собственную программу?

Софья Петровна стала внимательна.

— Да, — сказала она: — Мнѣ Надя говорила, что вы обѣщаете человѣчеству что-то совершенно новое... Не можете ли подѣлиться имъ съ нами?

— Къ сожалѣнію, еще не могу. У меня слово всегда идетъ рядомъ съ дѣломъ. Когда я въ состояніи буду осуществить мою программу, тогда и говорить о ней буду... Пренепріятная роль синицы, обѣщающей зажечь море...

— Но что̀ же нужно, чтобы осуществить вашу программу?

— Нужны, въ сущности, пустяки: нуженъ милліонъ, и у кого онъ есть, для того это—пустяки. У меня его еще нѣтъ... Но я увѣренъ, что будетъ.

— И тогда мы узнаемъ?—спросила Соня, съ оттѣнкомъ ироніи въ голосѣ.

— Да, тогда всѣ узнаютъ,—сухо отвѣтилъ онъ.

— Ну, я такъ и знала, что Соня настроитъ васъ на минорный тонъ! Она стала ужасной пессимисткой. А на сегодня я это запрещаю! Слышите! Сегодня всѣ должны быть веселы! Ни о какихъ скорбяхъ сегодня я не хочу слушать! Я для того и вырвалась сюда, чтобы ни о чемъ такомъ не слышать!

Бѣлоконскій принялъ сразу свой обычный шутливый тонъ:

— Не въ мой ли огородъ вы камешекъ бросили? Помню, какъ я васъ эксплоатировалъ, бывало, на благотворительныя затѣи.

— Еслибы вы знали, Алексѣй Петровичъ, какъ мнѣ всѣ эти „благотворительности“ надоѣли! Куда ни явишься — въ Москву ли, въ Питеръ ли, въ Ниццу, — сейчасъ цѣлая толпа просителей! И кто меня больше всего возмущалъ, — это наши дамы, украшенныя разными титулами и чинами! Сами онѣ почти ничего не жертвуютъ, но вѣчно что-нибудь „организуютъ“ и выпрашиваютъ! Кормятъ тысячи льстецовъ, тунеядцевъ, попрошаекъ... И еслибы вы видѣли, какъ онѣ умѣютъ „подъѣхать“ къ нашему брату, „золотому мѣшку“! Вѣдь за глаза онѣ иначе не называютъ насъ, думая, что мы не люди!.. А въ глаза: „Душечка, милочка! Ваше имя гремитъ! Вы прославились на весь міръ своею благотворительностью! Пожертвуйте же и на нашъ кружокъ защиты брошенныхъ котятъ и щенковъ! Что̀ вамъ стоитъ“! И начнутъ льстить. Кипитъ у меня все внутри! Какой дурочкой онѣ тебя считаютъ! Чтобы отдѣлаться, бросишь имъ подачку! А повѣрите ли вы: та же самая патронесса не только не позоветъ меня на свой раутъ, но, встрѣтившись на какой-нибудь Promenade Anglaise, едва удостоитъ кивнуть головой! Какъ же, вѣдь она — титулованная, а я — parvenue!.. О, какъ бы я имъ всѣмъ выцарапала глаза! Право, у меня часто, какъ у madame Sans-Gêne, проявляются инстинкты прабабушки, которая, вѣроятно, была прачкой: не даромъ у меня такія красныя руки!..

„Бѣдняжка! — подумалъ Бѣлоконскій: — она знаетъ, что некрасива, и старается предупредить впечатлѣніе! И какъ ей хочется, чтобы ее любили не за одинъ золотой мѣшокъ“!

Ему стало жаль ее. Онъ старался отыскивать въ ней хорошія стороны и, между прочимъ, подумалъ, что она великодушна: она не можетъ не знать, что присутствіе красивой Лопатиной усиливаетъ ея уродливость. А между тѣмъ она пригласила ее!

— Да, вамъ приходится переживать тяжелыя минуты! — съ искренней лаской сказалъ Бѣлоконскій: — не даромъ сложилась русская пословица: „не въ деньгахъ счастье“!

— А вы сами мечтаете о милліонѣ! — сказала она, смѣясь. — Я думаю, что счастье, конечно, не въ деньгахъ, но и безъ денегъ я не хотѣла бы быть. Еслибы мой отецъ разорился и мы обѣднѣли, я не стала бы жить и одного дня! Деньги даютъ свободу... Когда нѣтъ настоящаго счастья, онѣ позволяютъ забывать объ этомъ. Всего ужаснѣе, по-моему, въ деньгахъ то, что никогда не можешь рѣшить, искренно ли люди хороши къ тебѣ! Это — ужасно! Я, напримѣръ, вѣроятно, никогда не выйду замужъ: какъ я узнаю, что человѣкъ любитъ меня? А безъ любви какой ужасъ выйти замужъ!.. Вѣрить, что любятъ тебя, и потомъ убѣ-

диться, что любили твои деньги... Нѣтъ, я даже боюсь и думать объ этомъ!.. Разскажите что-нибудь веселое.

„Такъ вотъ ты какая!—подумалъ Бѣлоконскій:—Однако, съ тобой, пожалуй, будетъ труднѣе уладить дѣло, чѣмъ я думалъ. Ну, да ты это такъ только разговариваешь! А какъ до дѣла дойдетъ...“—И онъ началъ весело болтать, пересыпая рѣчь остротами. Въ преувеличенно-каррикатурномъ видѣ изобразилъ представительницъ губернскаго бомонда. При этомъ рѣчь велась такъ, чтобы Надежда Николаевна была поражена его утонченными познаніями въ оттѣнкахъ великосвѣтскихъ обычаевъ, манеръ, пріемовъ, французскаго и англійскаго языковъ и т. п. Результатомъ первой части его болтовни было то, что Надежда Николаевна почувствовала нѣкоторый страхъ за свои манеры, обстановку, рѣчь, и потеряла развязность. Описывая свою послѣднюю поѣздку въ Петербургъ, онъ вышутилъ тамошнюю интеллигенцію, борьбу партій и направленій. Пострадали и народники, и марксисты, и декаденты, и ницшеанцы. Впрочемъ, о послѣднихъ онъ сказалъ, что имъ можетъ предстоять будущее, если среди нихъ явятся сильные умы, которые съумѣютъ понять основной принципъ.

Соня обратилась къ нему съ вопросомъ, показавшимъ, что онъ возбудилъ въ ней любопытство:

— А вы не можете сообщить, въ чемъ же, по вашему, этотъ основной принципъ ницшеанства?

— Я не смѣю нарушать запрещенія Надежды Николаевны говорить о серьезныхъ матеріяхъ,—уклончиво отвѣтилъ онъ.— Да мы, надѣюсь, еще будемъ имѣть время поговорить объ этомъ. Сегодня я уѣзжаю къ моему отчиму и матери, но скоро вернусь, и мнѣ придется прожить здѣсь нѣсколько дней для окончанія слѣдствія.

— А въ какомъ оно положеніи?—спросила Надежда Николаевна.—Я надѣюсь, что никто не пострадаетъ?..

— Увы! Даже вамъ я не имѣю права выдать тайны слѣдственнаго производства!—любезно, но серьезно сказалъ Бѣлоконскій.

Въ это время подали записку отъ Рогова, просившаго слѣдователя подождать его у Петренко... Онъ сообщилъ объ этомъ дамамъ, и когда по этому поводу зашелъ разговоръ о Роговѣ, причемъ обѣ дѣвушки восхищались молодымъ врачомъ, Бѣлоконскій незамѣтно и очень тонко сталъ вышучивать Ивана Захаровича, дѣлая видъ, что тоже восхищается имъ, какъ горячимъ о убѣжденнымъ народникомъ. Онъ описалъ квартиру Рогова, гдѣ полъ засыпанъ окурками папиросъ, а на хозяинѣ грязное, заса-

ленное студенческое пальто. Онъ разсказалъ, заставивъ смѣяться слушательницъ, какъ Роговъ, послѣ горячаго спора съ нимъ, отмстилъ ему такимъ храпомъ, который не далъ ему спать всю ночь. Даже пріемъ больныхъ и отношеніе къ нимъ Рогова онъ описалъ въ смѣшномъ видѣ, представивъ, какіе глаза сдѣлалъ Иванъ Захаровичъ, когда сегодня утромъ онъ вошелъ къ нему въ кабинетъ, чтобы проститься, и оторвалъ его на пять минутъ отъ пріема больныхъ.

— Я думалъ, что онъ упадетъ въ обморокъ, этотъ фанатичный эскулапъ, оттого, что я помѣшалъ его великой миссіи— выдергивать мужицкіе зубы, прорѣзывать отвратительные нарывы и кормить крестьянскихъ бабъ и ребятъ всякой дрянью...

Позвали завтракать.

Роговъ явился только тогда, когда уже встали изъ-за стола. Но онъ не вошелъ въ гостиную, отговариваясь тѣмъ, что является прямо отъ больныхъ и не успѣлъ переодѣться. Онъ просилъ лакея вызвать Бѣлоконскаго въ переднюю.

На самомъ дѣлѣ больные были только предлогомъ. Иванъ Захаровичъ боялся встрѣчи съ Соней здѣсь, въ первый разъ послѣ того, какъ она намекнула ему о своей любви къ Рахмарову.

— Скажи, голубчикъ,—говорилъ онъ лакею,—что я не могу войти... И... и... скажи, что мнѣ нужно говорить съ слѣдователемъ наединѣ объ очень важномъ дѣлѣ по его должности...

Бѣлоконскій вышелъ въ переднюю.

Лакей провелъ ихъ въ кабинетъ Надежды Николаевны.

Оставшись вдвоемъ съ Бѣлоконскимъ, Роговъ прямо приступилъ къ дѣлу:

— Алексѣй Петровичъ, неужели нельзя не подвергать Ѳедора Ермолаева предварительному заключенію? Это—любимецъ и ученикъ твоего отчима.

— Тѣмъ болѣе я не имѣю права дѣлать для него снисхожденія,—отвѣтилъ Бѣлоконскій.

— Да какое же тутъ снисхожденіе? Вѣдь предварительное заключеніе принимается какъ мѣра предупреждающая, чтобы обвиняемый не могъ уклониться отъ суда. Какія же у тебя основанія допустить, что онъ убѣжитъ? Это даже невозможно для него! Онъ въ семьѣ единственный работникъ! Взявъ его въ тюрьму, ты разоришь гнѣздо, гдѣ онъ кормитъ семь ртовъ! Зачѣмъ это?

— Въ острогъ сажаютъ не только для этого,—отвѣтилъ

Бѣлоконскій.—Оставаясь на свободѣ, онъ можетъ уничтожить слѣды преступленія, подговорить свидѣтелей...

— Допустимъ! Но для этого ты долженъ убѣдиться, что онъ совершилъ преступленіе. А я тебя увѣряю, что онъ невиненъ. Я говорилъ съ нимъ въ день стачки. Онъ былъ противъ безпорядковъ. Ты можешь допросить меня. Онъ первый поддерживалъ мою мысль, чтобы твой отчимъ отправилъ телеграмму Надеждѣ Николаевнѣ!

— Недостаетъ только, чтобы ты не только себя и Рахмарова, но и ее запуталъ въ это дѣло! Ты, право, настоящій ребенокъ! И что̀ тебѣ дался этотъ Ермолаевъ? Бахвалъ! Сразу сталъ мнѣ хвастать знакомствомъ съ отчимомъ! Вѣдь если онъ будетъ болтать на эту тему, то его дѣло передадутъ другому слѣдователю.

— Ему нечего бояться! Онъ невиноватъ! Скажи мнѣ, почему ты думаешь, что онъ виноватъ? Какія у тебя улики?

— Я не имѣю права объяснять тебѣ этого. Лучше такой разговоръ прекратить. У меня есть серьезныя улики! Ты не все о немъ знаешь...

— Это неправда! У тебя ихъ не можетъ быть! А по нелѣпому подозрѣнію или наговору какого-то негодяя сажать въ острогъ мужика, единственнаго работника въ семьѣ, — да ты пойми, что это невозможно, это — немыслимо! Это преступно! Надо не знать деревни! А главное, это совсѣмъ ненужная нелѣпость!

— Я просилъ бы тебя не говорить такъ со мной: сейчасъ передъ тобой лицо оффиціальное, и я не имѣю даже права бесѣдовать о слѣдствіи съ частнымъ лицомъ: никакіе адвокаты къ предварительному слѣдствію не допускаются... Наконецъ, повторяю: противъ него есть секретное обвиненіе.

— Такъ ты рѣшительно отказываешься отдать его подъ поручительство или залогъ?

— Отказываюсь! И, пожалуйста, окончимъ этомъ разговоръ!

— Но, послушай, я, кажется, понимаю твои мотивы: ты опасаешься, что его отношенія съ твоимъ отчимомъ могутъ обнаружиться! Однако, пойми, что въ тюрьмѣ это можетъ случиться гораздо легче: вѣдь тамъ настоящая академія: его научатъ нарочно показать это, чтобы отвести тебя отъ слѣдовательства; наконецъ, просто чтобы отмстить тебѣ за это заключеніе. Неужели ты не подумалъ этого?

— А! Этотъ негодяй уже высказалъ тебѣ такой планъ?

— Говорю тебѣ, что онъ—не негодяй! Это человѣкъ въ

высшей степени честный и порядочный! Онъ объ этомъ и не думалъ! И, вѣроятно, не сдѣлаетъ ничего подобнаго изъ боязни повредить Петру Григорьевичу, а особенно Вѣрѣ Павловнѣ... Онъ ихъ очень любитъ... Но я боюсь острожныхъ вліяній. Они могучи! Тамъ его могутъ перевоспитать такъ, что и тѣни прежняго Ѳеди не останется... Богъ знаетъ, чему онъ тамъ научится! И погибнетъ человѣкъ...

— Ты дѣлаешь одну фактическую ошибку: находящіеся подъ слѣдствіемъ подвергаются одиночному заключенію!

— Такъ не поэтому ли ты и торопишься его отправить?!— вскричалъ Роговъ:—Но, Боже мой, вѣдь это безчеловѣчно, это ужасно! Вѣдь нѣтъ основаній, ты самъ знаешь! Умоляю тебя, не дѣлай этого... Чѣмъ угодно клянусь, что о Петрѣ Григорьевичѣ онъ и не заикнется... Это онъ только тебѣ сказалъ, думая, что видитъ въ тебѣ такого же человѣка, какъ твой отчимъ.

— Ты забываешься, Роговъ! — высокомѣрно сказалъ Бѣлоконскій.—И кто осмѣлился допустить тебя къ подсудимому? Ты долженъ знать, что если ты это сдѣлалъ явно, то я буду вынужденъ составить протоколъ...

— А, вотъ какъ вы разговариваете! Такъ знайте: протокола вы не составите: я не видѣлъ Ѳедора Ермолаева. Я былъ у его жены, какъ врачъ; она чуть не умерла, узнавъ о твоемъ... о вашемъ постановленіи... У нея произошелъ абортъ! Вы убили ея перваго ребенка! Да, это сдѣлали вы, вы! И совсѣмъ безцѣльно! Такъ вы, господинъ слѣдователь, отказываетесь отдать мнѣ на поруки Ермолаева?.. Я спрашиваю въ послѣдній разъ. Я найду и другой путь, и, предупреждаю васъ, не остановлюсь ни передъ чѣмъ. Это дѣло я доведу, съ согласія самого Рахмарова, до печати. Я увѣренъ, что Петръ Григорьевичъ самъ напишетъ... Я разскажу всѣмъ, начиная съ Надежды Николаевны, какого рода дѣянія...

— Да ты просто сумасшедшій!—воскликнулъ Бѣлоконскій.— Нѣтъ, не сумасшедшій, а ребенокъ, большой ребенокъ... И ты думаешь, что могъ бы повредить мнѣ, сообщивъ объ этомъ въ печати?! Да, во-первыхъ, этого нигдѣ не напечатаютъ; а во-вторыхъ, еслибы и напечатали, то ты устроилъ бы мнѣ этимъ ступеньку къ повышенію!

Онъ захохоталъ такъ весело, такъ неудержимо, что Роговъ рѣшительно не могъ понять, надъ чѣмъ онъ смѣется.

— Фу! уморилъ ты меня!—кричалъ тотъ, махая руками и вновь принимаясь хохотать.—И ты серьезно повѣрилъ, что я его отправлю въ тюрьму и составлю протоколъ о тебѣ! Ха-ха-ха!

Ха-ха ха! Охъ, не могу! Разскажу эту сцену Надеждѣ Николаевнѣ и Софьѣ Петровнѣ... Вотъ насмѣшу ихъ! Сейчасъ же разскажу! Ахъ, ты, наивный идеалистъ, ребенокъ! Да вѣдь я шутилъ!..

— Пожалуйста, оставьте эти шутки! Быть можетъ, я и не понялъ, что вы шутите! Но этимъ нельзя шутить! Тутъ жизнь цѣлой семьи! Вы и съ Ермолаевымъ не пошутили ли? И съ женой его? И съ этимъ умершимъ ребенкомъ?!

— Послушай, Роговъ!—вскричалъ Бѣлоконскій, плотно притворяя дверь:—неужели же ты думаешь, что еслибы я могъ предвидѣть этотъ ужасный случай, я рѣшился бы напугать этого дурака заключеніемъ?! За кого же ты меня считаешь? Вѣдь мнѣ и въ голову не могло придти, что у него жена въ такомъ положеніи! А я хотѣлъ, дѣйствительно, напугать его... Скажу больше,—я его непремѣнно посадилъ бы. Вѣдь я не зналъ, что у него найдется поручитель или залогъ... Я поступилъ по закону и не могъ иначе поступить. Такъ поступаютъ всѣ! Быть можетъ, это и жестоко относительно деревенскаго люда, но я слѣдовалъ только обычаю... Наконецъ, быть можетъ мелькомъ, совершенно не вліяя на дѣло, пробѣжала мысль объ огражденіи стараго сумасброда, моего отчима... Что же, ты находишь, что онъ не стоитъ этого? Что я совершилъ нѣчто безнравственное, подумавъ о немъ? Отвѣчай мнѣ!

Иванъ Захаровичъ не могъ рѣшить, дѣйствительно ли Бѣлоконскій только шутилъ съ нимъ, или же, начавъ серьезно, обратилъ все въ шутку, испугавшись угрозы. Но ему хотѣлось поскорѣе устроить дѣло Ѳеди, и онъ протянулъ руку Бѣлоконскому, сказавъ:

— Извини! Я напрасно оскорбилъ тебя. Не вини меня очень: вѣдь я только-что вернулся изъ этой семьи, видѣлъ ея горе, мученія родильницы... Бога ради, успокой же этихъ бѣдняковъ и скажи мнѣ: ты отпускаешь Ѳедю на поруки?

— Знаешь,—сказалъ Бѣлоконскій:—было бы лучше, чтобы кто-нибудь представилъ за него денежный залогъ; деньги дастъ Надежда Николаевна, но ни ей, ни тебѣ лучше не мѣшаться въ это дѣло. И залогъ удобнѣе внести кому-нибудь, кого не могутъ коснуться никакія двусмысленныя предположенія.

— Да право же, это излишняя предосторожность,—сказалъ Роговъ.

— Ну, ужъ предоставь мнѣ это знать лучше. Вѣдь ты, конечно, не желалъ бы потерять мѣсто въ земствѣ и на фабрикѣ... И вообще, я долженъ тебѣ сказать вотъ что: я несовсѣмъ безъ

цѣли пошутилъ съ тобой. Мнѣ хотѣлось показать тебѣ наглядно, что ты черезчуръ горячій и непрактичный адвокатъ. Во-первыхъ, ты своей горячностью и упреками можешь раздражить лицъ, отъ которыхъ зависитъ какое-нибудь дѣло, которое ты будешь отстаивать; а во-вторыхъ, ты говоришь много неудобнаго для самого себя: вѣдь я, напримѣръ, могъ бы отлично привлечь тебя къ дѣлу на самомъ законномъ основаніи. Не обижайся же на мою шутку, а скажи спасибо за урокъ... А дѣло съ Ермолаевымъ я устрою съ Надеждой Николаевной. Такъ ты рѣшительно не зайдешь къ ней?

— Меня ждутъ больные... Такъ я могу послать къ Ермолаевымъ и утѣшить ихъ?

— Ни въ какомъ случаѣ! Ты можешь повредить и имъ, и мнѣ... Распространится слухъ, что ты повліялъ на меня; дѣло могутъ поручить другому. И ужъ тогда твой протеже дѣйствительно очутится въ острогѣ. Я сейчасъ сдѣлаю распоряженіе, чтобы его не увозили. У меня даже и предлогъ есть: нужно еще допросить его кое о чемъ...

Роговъ простился и поѣхалъ домой. А Бѣлоконскій разсказалъ дамамъ о его посѣщеніи, конечно, въ смѣхотворномъ видѣ: онъ описалъ испугъ Рогова, когда ему было замѣчено о возможности составленія протокола, и т. д., и т. д. Потомъ Алексѣй Петровичъ обратился съ просьбой къ Надеждѣ Николаевнѣ дать за Ермолаева залогъ. Та, конечно, согласилась съ радостью, и они сообща рѣшили, что залогъ представитъ старикъ-приказчикъ. Бѣлоконскій оставилъ ее совершенно очарованной и обѣщалъ возвратиться отъ отчима дня черезъ два или три.

И не одна Надежда Николаевна была отъ него въ восторгѣ, но и Соня. „Какой онъ оригинальный, живой, дѣятельный!“ — думала она. Но особенно ее заинтересовало: „Какіе у него планы? Для чего ему нужны милліоны? И какъ онъ надѣется ихъ достать? Развѣ женится на Надѣ? Но тогда зачѣмъ онъ такъ откровенно говоритъ ей о своей цѣли? Быть можетъ, это—особый пріемъ!..“ Софья Петровна, не переставая, думала о немъ.

XVII.

Былъ ясный зимній день. Передъ закатомъ солнца, Петръ Григорьевичъ шелъ съ пасынкомъ по большой аллеѣ парка, въ которой самъ прочистилъ въ снѣгу широкую дорогу для прогулокъ своей семьи и Вѣры Павловны.

— Пройдемъ, отецъ, въ ту бесѣдку, гдѣ, помнишь, мы, бывало, такъ славно съ тобой бесѣдовали! Надѣюсь, что цѣла?— говорилъ Бѣлоконскій, съ любовью осматривая гигантскую фигуру Рахмарова, который бодро, молодой, упругой походкой шелъ рядомъ съ нимъ въ своемъ короткомъ полушубкѣ.

— Какъ же, цѣла! Я ее подновилъ,—отвѣтилъ Петръ Григорьевичъ такимъ мягкимъ, ласковымъ голосомъ, какой у него бывалъ только въ разговорѣ съ дочерью Олей, да и то когда они оставались вдвоемъ.— Да,—продолжалъ онъ,—ужъ если ты не забылъ ее, то какъ же она для меня дорога! Тамъ—самыя лучшія мои воспоминанія о тебѣ!

— Твоя жизнь не была богата внѣшними впечатлѣніями,— участливо сказалъ Бѣлоконскій,—за то—моя!.. Сколько людей, типовъ, сколько идей пробѣжало передо мной за эти четыре года! И сколько пришлось передумать!

— Ты, конечно, подѣлишься со мною твоими выводами?— сказалъ Рахмаровъ.

— Мнѣ очень бы хотѣлось этого. Признаться, я мечталъ объ этомъ... Но... одного я боюсь, что ты примешь со мною тотъ же тонъ, какой принялъ твой другъ Роговъ, когда я попытался приподнять для него одинъ уголокъ занавѣса, скрывающаго мой душевный міръ... Если это случится,—я не въ состояніи буду говорить. Я очень самолюбивъ. А между тѣмъ мнѣ хотѣлось бы только съ однимъ тобой поговорить такъ, чтобы высказаться до конца. Ты одинъ могъ бы сдѣлать мнѣ настоящія возраженія, не шаблонныя и вульгарныя, т.-е. не взятыя изъ кружковыхъ катехизисовъ интеллигентной толпы.

— Я тебя понимаю, мой дорогой мальчикъ!—сказалъ Рахмаровъ.—Извини, что такъ называю тебя...

— Называй, называй такъ! Мнѣ отъ этого теплѣе! Ахъ, еслибы ты зналъ, какъ часто мнѣ нужно было это тепло! Итакъ, выслушай же меня внимательно. И только выслушавъ внимательно до конца, уже возражай, даже брани, если хочешь, но только взвѣсь все...

Въ это время они подошли къ старой бесѣдкѣ, стоявшей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ аллеи. Снѣгъ по дорогѣ къ ней былъ расчищенъ и дорожка даже посыпана пескомъ.

Бесѣдка состояла изъ колоннъ, покрытыхъ березовой корой. Надъ нею высилась конусомъ крыша, также покрытая берестой. Въ серединѣ стоялъ столъ, а между колоннъ—деревянныя скамьи со спинками.

— Все, какъ было, такъ и осталось!—воскликнулъ Алексѣй Петровичъ, взглядывая съ любовью на отчима.

— Теперь я здѣсь часто засиживаюсь съ Олей,—отвѣтилъ тотъ:—она любитъ болтать со мной; заставляетъ говорить ей сказки... Ну, сядемъ, и ты мнѣ разскажи свою сказку...

— Съ чего бы начать, отецъ?.. Ну, хотя бы вотъ съ чего: отвѣть сперва искренно на одинъ мой вопросъ: еслибы какимъ-нибудь чудомъ тебѣ дана была возможность начать твою жизнь сначала,—пошелъ ли бы ты прежнимъ путемъ? Вѣдь онъ тебѣ далъ одни только страданія! А результатовъ ни для тебя самого, ни для общества,—согласись самъ,—не было никакихъ! Всѣ твои муки и жертвы прахомъ пошли! Вѣдь общество все пятится назадъ. Все, что̀ успѣли сдѣлать шестидесятые годы, идетъ на смарку!

— Я отвѣчу тебѣ вполнѣ откровенно: ни одной іоты изъ моихъ принциповъ я не измѣнилъ бы. Быть можетъ, я внесъ бы поправки въ детали, потому что сталъ опытнѣе... Я ни разу не жалѣлъ о томъ, что̀ ты называешь моими страданіями. Всякая работа, старающаяся внести въ жизнь что-нибудь новое, сопровождалась страданіями въ теченіе всей исторіи. И я этого ждалъ, разсчитывалъ на это. И ты не правъ, говоря, что наши усилія (я не говорю—мои, а именно—наши, т. е. всѣхъ подобныхъ мнѣ) не принесли ничего обществу. Они запали въ души многихъ чуткихъ и ведутъ ихъ къ честному труду для общества и народа.

— Гдѣ ты видишь эти души?

— Да вотъ хотя бы около насъ: Роговъ и Лядова... и такихъ теперь—тысячи...

— Но въ этомъ нѣтъ ничего утѣшительнаго,—отвѣтилъ Бѣлоконскій:—это меня даже возмущаетъ! Вѣдь вы просто загипнотизировали это стадо недоумковъ! Вы „внушили“ имъ, что нужно работать для общесгва, и они слѣпо подчинились внушенію! Но, вѣдь, это—позоръ! Человѣкъ, разумное существо, и всю жизнь ослѣпленъ гипнозомъ! И живетъ какъ лунатикъ!

— Ты клевещешь! — воскликнулъ Рахмаровъ, начиная волноваться.—Стремленіе работать для народа и общества—не гипнозъ, а потребность! Никто никого не гипнотизировалъ... Мы только уяснили эту потребность, насколько она стала ясна намъ самимъ!

— Прекрасно! Пусть это даже потребность! Но что̀ такое потребность? Инстинктъ! Безсознательный, слѣпой инстинктъ и больше ничего! Но развѣ не позорно для разумнаго человѣка жить по слѣпому инстинкту!?

— Это не слѣпой инстинктъ: онъ одобренъ разумомъ лучшихъ людей и умовъ всего человѣчества.

— Да, прежнихъ! Но въ послѣдніе годы лучшіе умы стали „переоцѣнивать“ эти ваши старыя „цѣнности“. И ты это знаешь. Они говорятъ, что общественный инстинктъ нелѣпъ, отвратителенъ! Онъ созданъ слабостью толпы рабовъ, требующихъ ради своего эгоизма, чтобы для нихъ работали сильные! Эта рабская толпа хочетъ сильныхъ сдѣлать своими слугами и рабами! Это только отвратительно, а никакъ не прекрасно! Что̀ ты мнѣ возразишь на это?

— Многое могъ бы сказать, и прежде всего, что это—игра ума, не больше... Но ты желаешь, конечно, чтобы я отвѣтилъ съ твоей точки зрѣнія. Изволь: отрицая работу для народа и общества, ты прежде всего долженъ самъ отказаться отъ ихъ работы и услугъ для тебя. Но ты, кажется, такъ поступить не намѣренъ. Затѣмъ, ты совсѣмъ забылъ, что на каждомъ изъ насъ лежитъ долгъ обществу и народу,—ну, хотя бы за данное намъ образованіе, не говоря уже о другихъ долгахъ...

— Ха-ха-ха! Старая пѣсня о долгѣ народу цивилизованныхъ классовъ! Тысячи глупцовъ служили и служатъ мнѣ и другимъ, не думающимъ ничего возвращать имъ за это, и вдругъ я стану отвѣтчикомъ за всѣхъ, кто пользовался услугами этихъ глупцовъ!

— Не за всѣхъ, а за себя,—съ негодованіемъ сказалъ Рахмаровъ.

— Да, помилуй! Если оселъ везетъ меня, то, по твоему, и я долженъ везти осла? Но, извини, это такая нелѣпость, которая... которая, ей Богу, не заслуживаетъ даже возраженія! Ословъ хватитъ не на одинъ мой вѣкъ, ну, и я съ этой стороны покоенъ. Нужно только имѣть нѣкоторую силу, чтобы повелѣвать и управлять ими... Вотъ и все! И повезутъ! И такъ будетъ еще сотни лѣтъ...

Рахмаровъ смотрѣлъ на пасынка съ такимъ изумленіемъ, какъ будто видѣлъ его въ первый разъ. Даже его негодованіе прошло и осталось только любопытство, желаніе узнать, до чего же можетъ дойти эта новѣйшая „игра ума“.

— И ты хочешь пріобрѣсти эту силу?—спросилъ онъ, стараясь ослабить въ голосѣ невольное выраженіе брезгливости.—Интересно узнать, въ чемъ ты видишь эту силу и какъ надѣешься добыть ее на свою долю.

— Я вижу ее въ томъ, въ чемъ, конечно, видишь ее и ты: наша эпоха—эпоха капитала, денегъ. И вотъ, я говорю: если

капиталъ—современная сила, овладѣй этой силой, вооружись ею... и иди... въ этомъ вооруженіи...

— Куда?—спросилъ Рахмаровъ. — Ты все говорилъ пока о средствахъ. Но цѣли твоей, то-есть для чего тебѣ все это, я еще не видѣлъ. Нельзя ли узнать?

— Цѣль? Ну, въ цѣляхъ мы тоже радикально разойдемся. Конечно, моя цѣль—не общество и не человѣчество. Все это—старые сантименты слезливыхъ философовъ! Моя цѣль—жизнь, просто жизнь, моя собственная жизнь въ наивозможной полнотѣ, глубинѣ, широтѣ, жизнь все захватывающая, все объемлющая, все переиспытывающая, все смакующая, все, что только можетъ создать воображеніе, все, что есть на свѣтѣ, и даже то, чего нѣтъ... Одна эстетика, одно наслажденіе красотой, которую вы совсѣмъ выбросили за бортъ, сколько дастъ наслажденія и содержанія для жизни!

— Да, вотъ оно что? Эстетика? Но какъ же эта эстетика позволитъ тебѣ давить людей? Или—да, можно и въ этомъ найти красоту? Вѣдь Неронъ находилъ же! Прекрасно! Ну, а какъ же, напримѣръ, ты отыщешь красоту въ томъ, чтобы обирать этихъ „ословъ", какъ ты ихъ называешь, обирать, ничего имъ не возвращая, то-есть, не платя долговъ ни настоящихъ, ни прошедшихъ? Довольно удивительная эстетика! Вѣроятно она обходится безъ внутренней красоты человѣка?

— Нѣтъ, не обходится, но единственной внутренней красотой она признаетъ силу и власть.

— И ты стараешься себя увѣрить, что это—„новое слово"? Но вѣдь это—эстетика Нероновъ, эстетика всякаго вырожденія, паденія и декаданса! Воображая, что ты выдумалъ новое слово и освободился отъ слѣпыхъ инстинктовъ общественности, ты, на самомъ дѣлѣ, весь охваченъ дѣйствительно ужъ слѣпымъ инстинктомъ упадка; ты, помимо своей воли и сознанія, катишься подъ гору упадка нѣкоторыхъ вырождающихся группъ общества, да и то не нашего—наше еще молодо,—а западно-европейскаго, за которымъ ты бѣжишь слѣпо, дѣйствительно какъ въ гипнозѣ, подъ вліяніемъ внушеній больного продукта вырожденія, несчастнаго, талантливаго Ницше!

— Мнѣ слѣдовало ожидать, что ты сведешь къ этому: вѣдь у васъ, старыхъ философовъ, неистребимая привычка—все подводить подъ рубрики. Меня ты поторопился подвести подъ декадентство и ницшеанство. Но скажу тебѣ по секрету: я не читалъ Ницше. Пробовалъ—и ничего не понялъ. Наша бесѣда ни къ чему не приведетъ. Мы пойдемъ разными дорогами... Я ошибся:

я думалъ, что ты моложе душой и что мы столкуемся. Но ты очень устарѣлъ...

— Да, да! Я останусь, конечно, при своемъ и, насколько хватитъ силъ, буду продолжать бороться съ жизнью во имя общественныхъ идеаловъ.

— Да скажи мнѣ, Бога ради, какое тебѣ дѣло до нихъ? Вѣдь ты умрешь, ничего не увидѣвъ изъ плодовъ твоей работы... Когда же ты будешь жить? Когда узнаешь счастье самъ?

— Мое счастье въ этой работѣ,—все мое счастье, вся моя жизнь! Да, въ этой надеждѣ, что внесу свою лепту на благо людей! Мнѣ даже смѣшно думать о какомъ-то другомъ счастьѣ! Безъ этого „моего" счастья я не сталъ бы жить ни минуты. Жить для того, чтобы ѣсть, пить, спать, предаваться эстетическимъ и всякимъ другимъ наслажденіямъ, т.-е. высшимъ формамъ умственной, эстетической и всякой иной гастрономіи?! Да меня тошнитъ отъ одной мысли объ этомъ. Это не жизнь, а смерть! Надо потерять образъ человѣка и обратиться въ извѣстное животное, чтобы видѣть въ этомъ счастье!

— И это животное,—конечно,—я?! Вотъ это—терпимость, которую ты обѣщалъ мнѣ!

Бѣлоконскій поблѣднѣлъ.

— Прости! Я вовсе не хотѣлъ тебя сравнивать съ этими животными. Увѣряю тебя, что если я выразился такъ, то только потому, что увѣренъ въ тебѣ: ты не пойдешь по тому пути, о которомъ говоришь. Теперь твоя мысль охвачена мечтой захватить въ руки современную силу. Но если бы тебѣ это удалось когда-нибудь, повѣрь мнѣ: ты достаточно уменъ и чутокъ, чтобы найти удовольствіе въ томъ, чѣмъ живутъ обладатели этой силы. Ты скоро почувствуешь такую тоску и омерзѣніе, что проклянешь свою силу и придешь къ идеаламъ, отъ которыхъ отвернулся. Внѣ ихъ нѣтъ жизни, нѣтъ спасенія. Ты невольно поддался потоку разложенія. Ты честолюбивъ, тебѣ хочется сказать что-нибудь свое, особенное...

— А умишка не хватило!—перебилъ Бѣлоконскій сорвавшимся голосомъ.—Но довольно оскорблять меня... Скажи лучше о себѣ: что̀ эта Вѣра Павловна? Правду ли говорятъ, что вы любите другъ друга?.. Новое увлеченіе?..

Петръ Григорьевичъ сначала покраснѣлъ, затѣмъ сталъ блѣденъ. Ему хотѣлось крикнуть отъ негодованія и боли... Онъ понялъ, что этимъ вопросомъ пасынокъ отчасти мститъ ему за его возраженія, отчасти намекаетъ, что можно быть одновременно и моралистомъ, и безнравственнымъ человѣкомъ въ лич-

ной жизни... Онъ употребилъ нечеловѣческое усиліе, чтобы удержаться отъ рѣзкаго отвѣта, и сказалъ почти покойно, хотя голосъ его дрожалъ:

— Она—не любовница мнѣ. Она—мой единственный, лучшій другъ. И ты долженъ уважать ее за это, если хотя немного уважаешь меня. Это—отвратительная сплетня Лопатина,—одинъ изъ способовъ его мести мнѣ, обрушившійся на эту святую, чистую дѣвушку! И ты повторяешь!

— Ради Бога, извини! Я этого не зналъ! Всѣ говорятъ!.. Дай твою руку и докажи этимъ, что ты не сердишься! — сказалъ Бѣлоконскій, опомнившись.

— Я не сержусь, но скажу одно для окончанія нашей бесѣды: русская интеллигенція, а съ нею и Россія — погибнетъ если между группами людей этой немногочисленной и еще безсильной интеллигенціи распространятся подобные твоимъ взгляды... Но я убѣжденъ, что этого не случится: эти взгляды—у насъ—не плодъ старости и перезрѣлости, а результатъ того, что нѣтъ живого дѣла, и люди шалѣютъ, дурѣютъ, начинаютъ извращаться безъ общественнаго дѣла... Надо создать у насъ условія для общественной работы; это — прежде всего! У насъ нѣтъ общественности. Нашъ девизъ: „моя хата съ краю". И мы ѣдимъ другъ друга, какъ пауки, посаженные въ клѣтку. Несчастная страна!.. Несчастный народъ!.. Но долго это не можетъ продолжаться; иначе Россія погибла бы!..

Онъ поднялся со скамьи во весь свой гигантскій ростъ и грустными, вопрошающими глазами смотрѣлъ въ снѣжную даль... Потомъ его глаза упали на пасынка, сидѣвшаго на скамьѣ съ поникшей головой.

Рахмарову стало жаль „своего мальчика", котораго онъ помнилъ здѣсь, въ этой бесѣдкѣ, такимъ горячимъ, воодушевлявшимся его словами, рвущимся впередъ... „Что его сдѣлало такимъ? О, еслибы это понять ясно! Еслибы, понявъ, предохранить и другихъ отъ этой разъѣдающей язвы декадентскаго индивидуализма! Бѣдный, бѣдный мой мальчикъ! Но ты еще вернешься! Сама жизнь вернетъ тебя ко мнѣ!"

И Рахмаровъ, слѣдуя порыву своего сердца, взялъ руку Бѣлоконскаго, лежавшую на столѣ, сжалъ ее крѣпко и проговорилъ со взглядомъ, полнымъ нѣжности и влажнымъ отъ набѣгавшихъ слезъ:

— Милый мой мальчикъ! Только объ одномъ прошу: вѣрь, что я тебя люблю, что я вѣрю въ твое лучшее будущее! И останемся друзьями! Непремѣнно! Пиши мнѣ, пиши все, что тебя

поразитъ въ жизни своимъ противорѣчіемъ. Пиши о всѣхъ сомнѣніяхъ, надеждахъ, планахъ! Ты мнѣ обѣщаешь?

Алексѣй Петровичъ поднялся и, поглаживая усы, смотрѣлъ не въ глаза отчиму, а куда-то въ сторону. На его лицѣ пятнами вспыхивалъ румянецъ...

— Ты сказалъ, что мы, русскіе, ѣдимъ другъ друга, какъ пауки! А ты самъ не то же дѣлалъ сейчасъ? Ты оттолкнулъ меня жестоко за то, что у меня явилась своя формула. А я, наоборотъ, шелъ къ тебѣ, думая, что ты поймешь меня! Ахъ, отецъ! Обдумавъ хорошенько, ты поймешь, что намъ не о чемъ переписываться! Нѣтъ, мы—чужіе! Мы—чужіе! Я одинокъ! Ну, и отлично! И пойду одинъ, но ты еще услышишь обо мнѣ!..

Онъ гордо поднялъ голову, все не смотря на отчима.

Петръ Григорьевичъ выпустилъ его руку и подумалъ съ тревогой: „А что, если онъ правъ, хотя отчасти? Что, если его взгляды представляютъ, въ самомъ дѣлѣ, шагъ впередъ? Быть можетъ, я потерялъ способность понимать передовыя движенія? Устарѣлъ? Нѣтъ, нѣтъ! Боже мой! Да неужели можетъ быть передовымъ — отрицаніе общественной работы, эгоизмъ, ничѣмъ не стѣсняющійся? Да, если это и передовое движеніе, то передовое въ смыслѣ общаго разложенія, гніенія и смерти страны! Вотъ въ чемъ оно передовое! Развѣ страна можетъ жить съ такими лозунгами! Это—начало ея конца“!

Онъ опять пристально вглядывался въ лицо пасынка, точно хотѣлъ прочесть въ немъ грядущее, понять то явленіе, которое было передъ нимъ...

Молча шли они рядомъ по старой аллеѣ. Закатъ обливалъ кровавымъ свѣтомъ деревья и снѣгъ, покрывавшій кусты, вѣтви и землю... Холодная тоска сжала сердце Рахмарова, но только на одну минуту. „Вѣдь есть же и другіе типы у насъ!“ — подумалъ онъ, и опять вспомнилъ Лядову и Рогова, вспомнилъ праздникъ восьмого февраля, въ Петербургѣ, и съ облегченіемъ вздохнулъ: „Да, это временный кризисъ!—рѣшилъ онъ.—Есть у насъ и здоровыя силы, и бодрыя движенія“...

XVIII.

Надежда Николаевна получила отъ отца письмо, въ которомъ онъ ей поручилъ переговорить съ Зиновьевымъ объ устройствѣ для рабочихъ кассы страхованія. Цѣль старика состояла въ томъ, чтобы, внеся извѣстную сумму, гарантировать себя отъ исковъ

и просьбъ со стороны рабочихъ въ случаѣ увѣчья, старости и т. д. Дочери онъ ничего не написалъ объ этой цѣли, а изобразилъ ей все дѣло какъ актъ своей гуманности и доброты. Она повѣрила и, конечно, пришла въ восторгъ отъ плана отца. Тотчасъ она послала Зиновьеву записку съ приглашеніемъ посѣтить ее, на что тотъ отвѣтилъ, что освободится на фабрикѣ около девяти часовъ вечера и тогда придетъ. Впрочемъ, Зиновьевъ такъ мало интересовалъ молодую хозяйку, что она до вечера забыла свое приглашеніе. Всѣ ея мысли сосредоточивались на Бѣлоконскомъ, который уже дня три гостилъ у матери, откуда обѣщалъ вернуться къ ней. Съ каждымъ днемъ ожиданіе его возвращенія возростало въ ней сильнѣе.

Ночь была лунная. Надежда Николаевна и Лопатина молча сидѣли въ угловой комнатѣ безъ огня. Одна расположилась на кушеткѣ, другая—въ длинномъ креслѣ. Широкія полосы луннаго свѣта лежали на полу. Въ паркѣ было свѣтло, какъ днемъ. Даже мракъ далекихъ аллей смягчался отраженіемъ луннаго свѣта отъ снѣговыхъ массъ.

Надежда Николаевна безпокоилась за то, что мать Бѣлоконскаго до сихъ поръ не отдала ей визита. „Не слѣдовало мнѣ ѣхать къ ней! Для чего я это сдѣлала?! Нелѣпое положеніе“!..

Софья думала о томъ, что теперь происходитъ у нея дома! Она очень любила свою вторую сестру, блѣдную, кроткую Надю, и тосковала о ней и ея положеніи. Передъ ея глазами рисовались низенькія комнаты, вся нелѣпая жизнь тамъ, съ ея вѣчной воркотней, перебранками... И въ этой средѣ, въ этомъ затхломъ воздухѣ задыхается ея несчастная Надя... „И неужели нельзя ее вырвать оттуда, какъ вырвалась я?! Вырвалась ли я? Что я такое? Не буду же я вѣчно приживалкой у милліонерши! Куда идти? Какъ быть? Съ кѣмъ посовѣтоваться? Съ Лядовой, съ Рахмаровымъ? Лядова мало знаетъ жизнь; Рахмаровъ можетъ посовѣтовать. Какъ давно я не видѣла ихъ! И какъ иногда мнѣ хорошо бывало у нихъ! Здѣсь я не могла бы долго жить. Ужъ и теперь — тоска! Какъ мы живемъ здѣсь? Для чего? У Надежды Николаевны еще есть дѣло, есть надежды, а я“?!..

Въ огромномъ домѣ царила тишина. Слышно было, какъ среди этой тишины, гдѣ-то въ дальней комнатѣ, стукалъ маятникъ каминныхъ часовъ. Изрѣдка доносились изъ „людскихъ“ комнатъ сдержанные голоса. Сторожъ около церкви простучалъ въ доску. И опять мертвая тишь. Вдругъ что-то вспугнуло въ паркѣ воронъ. Онѣ поднялись цѣлыми стаями и закаркали. По-

томъ все опять смолкло. Казалось, весь міръ уснулъ. Пробило восемь часовъ.

— А Роговъ, вѣроятно, не придетъ сегодня,—сказала Соня. —Что-нибудь задержало его... Вотъ и неинтересный собесѣдникъ, а безъ него скучно! Несчастныя мы существа—женщины! Совсѣмъ мы нуль безъ единицъ—мужчинъ. Ну, вотъ мы съ тобой: что бы мы дѣлали здѣсь, еслибы насъ оставить хоть на мѣсяцъ безъ господъ — мужчинъ? Меня возмущаетъ это рабство наше!

— Значитъ, таковъ намъ, бабамъ, предѣлъ отъ Бога положонъ! — шутя отвѣтила Надежда Николаевна крестьянскимъ жаргономъ.

— Никакого предѣла тутъ нѣтъ! Будь я на твоемъ мѣстѣ, я бы съумѣла освободиться отъ этой унизительной зависимости...

— Да въ чемъ же моя зависимость?

— Во всемъ! Развѣ ты дѣлаешь что-нибудь самостоятельно? Куда мужчины толкнутъ, что посовѣтуютъ, то ты и исполняешь. Развѣ ты сама что-нибудь придумала?

— Ахъ, милка! Да если лѣнь думать! Съ чего это я буду себя утруждать! Вотъ не было печали! Это у тебя такая охота до всего добираться, во всемъ конецъ отыскивать!.. А я—слуга покорная! Ты о чемъ-то и сейчасъ думала... концовъ добивалась...

— Правда! Я думала о Бѣлоконскомъ: почему его не любитъ Роговъ? Неужели онъ не то, чѣмъ кажется?

— Какъ ты этого не понимаешь! — воскликнула Надежда Николаевна. — У мужчинъ малѣйшее разногласіе въ пустякахъ вызываетъ споръ и взаимное раздраженіе. Они, какъ пѣтухи, готовы драться изъ-за каждаго зерна, а въ особенности если тутъ есть нашъ братъ—бабы!

— Однако, и словечки у тебя!

— Люблю, милая, вульгарнымъ языкомъ иногда поговорить.

— Однако, при мужчинахъ ты сдерживаешься!

— Еще бы! Вѣдь тоже нашей сестрѣ хочется понравиться!

— А очень тебѣ хочется, чтобы полюбилъ кто-нибудь?

— Ухъ, какъ хочется! Даже голова кружится, когда подумаю! — И она протянулась въ креслѣ, вытянувъ сложенныя руки надъ головой такъ, что суставы хрустнули. — А ты? Неужели тебѣ все равно?

— Вѣдь я ни за кого не мечтаю выйти замужъ,—уклончиво отвѣтила Софья,—а вотъ ты, кажется, серьезно это задумала...

— Молчи, молчи, милка!—вскрикнула Надежда Николаевна, захохотала, вскочила съ кресла и закружилась по комнатѣ.

Софья Петровна улыбнулась.

— Бѣдняжка!—проговорила она.—И ты не боишься, что онъ сдѣлаетъ предложеніе не тебѣ, а тому милліону, о которомъ мечтаетъ для своихъ какихъ-то плановъ?

— Молчи же! — бросилась къ ней подруга и, зажавъ ей ротъ, стала цѣловать ее въ волосы, глаза и щеки...

— Ты меня задушишь,—сказала Соня, освобождаясь.

— Еслибы онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе,—шопотомъ проговорила ей на ухо Надежда Николаевна,—я бы не спрашивала себя, любитъ ли онъ меня! Я бы все отдала ему! Все! Вѣдь не для себя нужны ему эти милліоны!

— И ты вполнѣ въ этомъ увѣрена?

— Больше, чѣмъ вполнѣ! Я вѣрю каждому его словечку. Онъ не можетъ лгать... Ну, а если и для себя?.. Пусть возьметъ...

Надежда Николаевна замолчала, подошла къ окну и долго смотрѣла въ паркъ, освѣщенный луной.

— Какая чудная ночь!—сказала она.—Какъ бы хорошо въ такую ночь, въ саняхъ, тройкой, по снѣжной степи... мчаться... чтобы духъ захватывало, чтобы снѣжная пыль била въ лицо...

— И, конечно, не одной?—насмѣшливо спросила Соня.

— И, конечно, не одной!—смѣясь, отвѣтила та.

— Ну, вотъ, вернется Алексѣй Петровичъ,—устрой катанье... Поѣдемъ къ Лядовой... Мы никуда не выѣзжаемъ...

— Мнѣ хотѣлось бы на крестьянскія посидѣлки, — сказала Надежда Николаевна:—я много объ этомъ мечтала. Тамъ, говорятъ, такъ весело и оригинально! Хороводы водятъ, парни въ хороводахъ съ дѣвушками цѣлуются...

— И ты бы стала участвовать въ хороводѣ?

— А что же! И стала бы! Вѣдь у насъ на балахъ обнимаются же! Ну, а тамъ цѣлуются!.. Не все ли равно?!

— Фи, Надя! Съ какимъ-нибудь парнемъ, отъ котораго пахнетъ и дегтемъ, и водкой, и Богъ вѣсть чѣмъ!

— Я объ этомъ не подумала! Но вѣдь теперь, говорятъ, есть и интеллигентные, вполнѣ приличные парни... Даже кадриль и лянсье́ танцуютъ... А, однако, подъ конецъ не выдержатъ и хороводы водятъ... Знаешь что? Попросимъ когда-нибудь Рогова, чтобы онъ повелъ насъ на посидѣлки...

— Пожалуй... Только меня, право, это не интересуетъ... А вотъ Лядову мнѣ ужасно бы хотѣлось видѣть... Если Роговъ скоро придетъ, поѣдемъ къ ней втроемъ... Тамъ ты и Алексѣя Петровича своего увидишь.

— Отлично... поѣдемъ... Хотя Лядова до сихъ поръ не от-

дала мнѣ визита... Здорова ли она?.. А еще лучше вотъ что̀!— сказала она:—заѣдемъ сами къ Рогову, возьмемъ его и поѣдемъ къ ней! Въ самомъ дѣлѣ, быть можетъ, она больна... Кстати, мнѣ давно хотѣлось посмотрѣть, какъ живетъ Роговъ...

Надежда Николаевна позвонила и велѣла запрягать.

— Послушай, Надя! Почему ты думаешь, что Бѣлоконскій не можетъ лгать?

— Почему?.. Онъ—кровный аристократъ, а у нихъ есть что-то гордое, что̀ не позволитъ солгать. Вѣдь ложь есть орудіе рабства, какъ сказалъ, кажется, Вольтеръ...

— И вовсе не Вольтеръ, а Монтескьё,—поправила ее Соня. —Только едва ли наша русская аристократія входитъ въ это правило... Вспомни-ка, что̀ разсказываетъ Фамусовъ о придворныхъ Екатерины! Бо̀льшаго лакейства и выдумать трудно!.. Да и ты сама то же говоришь объ ихъ дамахъ...

— Дамы—совсѣмъ иное дѣло! Ну, идемъ одѣваться! Живо!..

Л. Е. Оболенскій.

ТУРЦІЯ И МАКЕДОНІЯ

Историческій очеркъ.

Окончаніе.

VI *).

„Невозможно сдержать то чувство ужаса и протеста, которое невольно пробуждается, когда бросаешь взглядъ на теперешнее состояніе Ислама“ [1]... Эти слова говоритъ не христіанинъ, предполагаемый врагъ турецкаго господства, а турокъ, занимавшій, какъ мы уже видѣли, въ продолженіе многихъ лѣтъ одно изъ важныхъ мѣстъ въ турецкой бюрократіи. Между тѣмъ, нельзя не признать, что турецкое административное законодательство можетъ выдержать сравненіе съ законодательствомъ самыхъ передовыхъ странъ Европы! Но въ Турціи существуетъ пропасть между писаннымъ закономъ и фактическими порядками управленія страной, что доказываетъ только замѣчательную неспособность османской имперіи приспособиться къ требованіямъ современной цивилизаціи. Было бы преувеличеніемъ сказать, что реформы, которыя декретировались въ Турціи, въ различныя эпохи прошлаго столѣтія, не принесли никакой пользы христіанамъ. До гюльханскаго акта 1839 года послѣдніе не имѣли, такъ сказать, легальнаго существованія. Они занимались торговлей или земледѣліемъ, пріобрѣтали недвижимыя имущества, но не лично, а лишь на имя турецкихъ беговъ или знатныхъ людей. Гюльханскій актъ

*) См. выше: апр., 666 стр.

[1]) Mourad-Bey, La force et la faiblesse de la Turquie. Genève, 1897, p. 10.

впервые призналъ за христіаниномъ права гражданской личности, позволивъ ему пріобрѣтать всякаго рода собственность и заниматься свободно и самостоятельно торговлей, земледѣліемъ и промыслами. Однако, этими правами воспользовались главнымъ образомъ христіане-жители городовъ. Благодаря своей относительной численности, благодаря покровительству своихъ митрополитовъ и, наконецъ, благодаря тому обстоятельству, что въ большихъ городахъ живутъ иностранные консулы, къ помощи которыхъ христіане всегда могутъ обратиться,—благодаря, повторяю, всѣмъ этимъ преимуществамъ города надъ деревней, въ первомъ христіане могли отстаивать свои права съ бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ деревнѣ. Но и здѣсь, въ городѣ, опять-таки нужно различать богатаго и бѣднаго христіанина. Первый, имѣя возможность прибавить къ юридической аргументаціи болѣе убѣдительный аргументъ подкупа, всегда пользовался бо̀льшимъ вниманіемъ со стороны турецкой власти. Все это касается гражданскаго (частнаго) права; наоборотъ, въ публичномъ правѣ, интересовавшемъ христіанъ не какъ собственниковъ, а какъ политическое цѣлое, всѣ объявленныя реформы остались въ полномъ смыслѣ слова мертвой буквой. Но и уступки, сдѣланныя христіанамъ въ гражданскомъ правѣ, значительно перевѣшивались усиленіемъ правительственнаго гнета, такъ что въ концѣ концовъ христіане остались въ убыткѣ. Дѣло въ томъ, что въ бо̀льшей части реформъ, подъ предлогомъ уничтоженія мѣстныхъ тирановъ, Порта преслѣдовала усиленіе центральной власти. Однако, мѣстные тираны продолжали существовать, и контингентъ ихъ только увеличивался присоединеніемъ нѣсколькихъ новосозданныхъ представителей центральной власти. Христіане, имѣвшіе до тѣхъ поръ дѣло лишь со своимъ спагіемъ или бегомъ, теперь испытываютъ еще и гнетъ турецкой бюрократіи. Въ особенности съ усложненіемъ экономической жизни, съ расширеніемъ торговли, христіанину все чаще и чаще приходилось сталкиваться съ представителями турецкой администраціи и турецкаго фиска. Другими словами, реформы, открывшія христіанамъ дорогу къ экономическому развитію, расширили въ то же время и область, подверженную правительственному давленію. Вотъ почему покойный французскій публицистъ Сенъ-Маркъ де-Жирарденъ былъ правъ когда писалъ, что перенесеніе европейскихъ учрежденій въ Турцію явилось для послѣдней предлогомъ „создавать новые налоги и заставлять христіанъ оплачивать ужасы и злоупотребленія оттоманскаго режима цѣною, которою въ Европѣ оплачивается

правосудіе, безопасность и матеріальное благополучіе" [1]). Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы можемъ перейти къ исторіи турецкихъ реформъ, ограничиваясь отмѣткой самыхъ важныхъ датъ.

Первыя реформы въ Турціи имѣли исключительною цѣлью усиленіе власти султана. Къ этому повело, напр., извѣстное избіеніе полунезависимой янычарской орды, съ ея замѣною регулярнымъ войскомъ, „низамъ", и сокрушеніе власти отдѣльныхъ вассаловъ, какъ Позвантоглу и янинскій паша Мехмедъ-Али. Но этого было недостаточно. Для поддержанія новой военной системы нужно было отыскать средства, создать новыя подати, что̀ должно было повести къ реорганизаціи внутренняго строя турецкой имперіи. На это наталкивали Турцію и событія двадцатыхъ годовъ. Съ одной стороны, потеря Греціи, сдѣлавшейся самостоятельнымъ государствомъ, съ другой—несчастный исходъ войны 1828 года съ русскими и впервые поднявшееся тогда въ Болгаріи революціонное движеніе (первый болгарскій заговоръ для освобожденія отъ турецкаго ига относится къ 1829 году), должны были заставить болѣе проницательныхъ государственныхъ людей Турціи искать въ реформахъ спасенія турецкой имперіи. Извѣстный болгарскій дѣятель до-освободительной эпохи, Г. С. Раковскій, замѣчаетъ, что стремленіе къ реформамъ существовало и среди турецкихъ богатыхъ и вліятельныхъ вельможъ. Отсутствіе всякихъ гарантій личной безопасности висѣло, какъ дамокловъ мечъ, надъ богатыми турками, равно и надъ остальными подданными Порты. Въ тѣ отдаленныя времена султанъ имѣлъ право бросить въ тюрьму, казнить любого своего подданнаго и конфисковать его имущество безъ всякой судебной процедуры. Этимъ своимъ правомъ не разъ пользовался и султанъ Махмудъ. Такъ, онъ казнилъ, между прочимъ, извѣстнаго вельможу Галетъ-эффенди, несмотря на личную грамоту о неприкосновенности, которая была дана ему тѣмъ же султаномъ [2]).

Выразителемъ новаго теченія—стремленія къ реформамъ—явился Решидъ-паша. Этотъ великій визирь послѣднихъ лѣтъ царствованія Махмуда и первыхъ лѣтъ царствованія Абдулъ-Меджида надѣялся путемъ реформъ добиться еще одного важнаго для Турціи результата. Онъ хотѣлъ привлечь на сторону послѣдней общественное мнѣніе Европы, и въ особенности Франціи, которая, въ

---

[1]) L'Effort, 15 Mai 1900, p. 7.

[2]) „Изступленный дервишъ или възточный въпросъ", Г. С. Раковскаго (писано въ Одессѣ въ 1858 г.). Пловдивъ, 1884, стр. 27.

борьбѣ Турціи съ египетскимъ пашой Мехмедъ-Али, сочувствовала послѣднему за его либеральную внутреннюю политику.

Вотъ различные факторы, способствующіе провозглашенію реформъ, заключающемуся въ гюльханскомъ гати-шерифѣ 1839 г. —перваго года по восшествіи на престолъ Абдулъ-Меджида. Всѣ эти реформы, какъ говорится въ самомъ гати-шерифѣ, сводятся къ тремъ слѣдующимъ категоріямъ: 1) „Гарантіи, обезпечивающія турецкимъ подданнымъ полную безопасность жизни, чести и собственности. 2) Правильная постановка собиранія податей. 3) Правильный способъ набора солдатъ и опредѣленіе срока воинской повинности"... Всѣ „эти императорскія уступки,—говорится въ заключеніе этого акта,—распространяются на всѣхъ нашихъ подданныхъ безъ различія вѣроисповѣданій" [1]). Учрежденія, которыя должны были явиться воплощеніемъ этихъ принциповъ, получили общее пазваніе—*танзиматъ*. Два спеціальные коммиссара отправились одинъ въ Малую Азію, а другой—въ европейскія турецкія провинціи объяснить жителямъ значеніе гюльханскаго гати-шерифа. Особые чиновники, „тевтишчелеры", должны были, послѣ ознакомленія съ экономическими рессурсами каждой данной мѣстности, опредѣлить количество податей, взимаемыхъ при новыхъ порядкахъ. Въ Константинополѣ, при Портѣ, были созданы министерства юстиціи и финансовъ. Однако всѣ эти добрыя начинанія должны были закончиться неудачей по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, чиновники, подбираемые среди самихъ же турокъ, воспитанныхъ въ вѣковыхъ злоупотребленіяхъ и насиліи, не могли быть на высотѣ своей миссіи. Мы видѣли, что агенты фиска, которые должны были замѣнить ненавистныхъ откупщиковъ, не уступали послѣднимъ ни въ чемъ и вызвали кровавыя возстанія въ Нишѣ и Виддинѣ. Съ другой стороны, послѣ первыхъ увлеченій реформами, въ высшихъ кругахъ наступила реакція. Решидъ-паша натолкнулся на сопротивленіе старо-турецкой партіи, которой и удалось, посредствомъ интригъ, смѣстить его, годъ спустя послѣ провозглашенія гюльханскаго гати-шерифа. Постъ великаго визиря занялъ теперь Рифаатъ-паша, вся программа котораго заключалась въ двухъ словахъ: „остаться турками". Въ то же самое время, чтобы успокоить улемовъ и вдохновляемую ими турецкую массу, которые видѣли въ новыхъ реформахъ отступленіе отъ законовъ религіи, султанъ Абдулъ-Меджидъ издалъ слѣдующій характерный фирманъ: „До насъ дошло, что люди, не понявшіе смысла нашихъ желаній, вообра-

[1]) D'Avril, Negociations etc., p. 23.

жаютъ и предполагаютъ, что внутренній строй и политическое положеніе нашего государства будутъ измѣнены. Подобныя ошибочныя утвержденія способствуютъ только затемненію общественнаго мнѣнія" [1]).

Какъ видимъ, весна турецкихъ реформъ длилась не больше года. Старо-турецкая партія оказалась побѣдительницей тѣмъ скорѣе, что она пользовалась поддержкой нѣкоторыхъ иностранныхъ державъ. Однѣ изъ нихъ были заинтересованы въ продолженіи внутренней анархіи турецкаго государства; другія же боялись, какъ бы реформаціонное движеніе въ Турціи не отразилось на ихъ внутреннихъ порядкахъ. Къ этимъ послѣднимъ принадлежала Австрія, жившая тогда, главнымъ образомъ, на счетъ неподвижности европейской политической системы. Вотъ почему Меттернихъ употребилъ все свое большое вліяніе, чтобы убить у турецкаго правительства всякое стремленіе къ реформамъ. „Изъ всѣхъ причинъ упадка Турціи, — писалъ онъ Аппоньи, австрійскому посланнику въ Константинополѣ,—самой главной является склонность къ европейскимъ реформамъ, начатымъ еще Силимомъ, и которыя послѣдній султанъ хотѣлъ расширить, имѣя за собой только глубокое невѣжество и большой запасъ иллюзій"... Письмо Меттерниха кончается возгласомъ: „Турки должны остаться турками" [2])!

Реакція, начавшаяся съ паденіемъ Решида-паши, продолжалась до крымской войны, которая, приведя Турцію въ соприкосновеніе съ Европой, вызвала новое теченіе въ пользу реформъ. Решидъ-паша снова оказался во главѣ правительства, и подъ его руководствомъ былъ составленъ новый сводъ реформъ, извѣстный подъ именемъ „гати-гумаюна". Въ гати-гумаюнѣ, изданномъ въ 1856 году, повторялись тѣ же обѣщанія, которыя находились ранѣе въ гюльханскомъ гати-шерифѣ. Сверхъ того, Турція принимала на себя обязательство признать за христіанскими религіозными общинами юридическую личность, дать имъ право на свободную постройку церквей, школъ и больницъ. Она еще обѣщала принимать на службу христіанъ наравнѣ съ турками. По гати-гумаюну христіане должны были служить и въ арміи такъ же, какъ турки. Наконецъ, гати-гумаюнъ воспрещалъ пытки и такія тѣлесныя наказанія, которыя не указаны въ законахъ.

Но Турція какъ бы исчерпала всѣ свои реформаторскія спо-

---

[1]) Engelhardt, La Turquie et le Tanzimat, t. I, p. 50.
[2]) Metternich, „Mémoires", t. IV.

собности гюльханскимъ актомъ. Ни одно изъ постановленій гатигумаюна, кромѣ болѣе свободной постройки церквей, не осуществилось. Это полное фіаско констатируется и въ меморандумѣ всѣхъ европейскихъ посланниковъ въ Константинополѣ, представленномъ Портѣ, 5-го октября 1859 года. „Великія державы,—говорится въ этомъ документѣ,—выражаютъ сожалѣніе, что Турція не старается помочь самой себѣ; что она не примѣняетъ реформъ, и что ей не хватаетъ силы для достиженія цѣли, намѣченной въ фирманѣ 1856 г.“ [1]). Русское правительство предложило сверхъ меморандума отправить международную коммиссію для изученія внутренняго состоянія Турціи. Чтобы предупредить осуществленіе этого проекта, тогдашній визирь Мехмедъ-Кепризли-паша отправляется самъ путешествовать по различнымъ провинціямъ. Выше, говоря объ экономическомъ состояніи Турціи, мы уже видѣли, что Мехмедъ-Кепризли-паша, хотя и въ мягкой формѣ, констатируетъ въ своемъ докладѣ султану недовольство, господствующее среди всѣхъ турецкихъ подданныхъ. Какъ санкцію этого оффиціальнаго признанія, англійскій посланникъ предложилъ проектъ реформъ, обезпечивающихъ за христіанами участіе въ управленіи страной. Въ отвѣтъ на это турецкое правительство издало законъ о *вилайетахъ*. Онъ является копіей съ французскаго закона о департаментахъ и представляетъ собою какъ бы попытку ввести децентрализацію,—конечно, турецкую. Вся имперія раздѣлялась на нѣсколько вилайетовъ; вилайетъ, въ свою очередь, подраздѣлялся на санджаки, каази (округи) и нахіи (деревенскія общины). Во главѣ вилайета находился вали, во главѣ санджака—мютесарифъ, во главѣ каази—каймакамъ, а во главѣ общины—мухтаръ. Самое важное въ законѣ о вилайетахъ заключалось въ созданіи *меджлисовъ*, т.-е. смѣшанныхъ совѣтовъ изъ магометанъ и христіанъ, но роль меджлисовъ была сведена до минимума: они должны были имѣть лишь совѣщательный голосъ, и то въ дѣлахъ, касающихся матеріальныхъ интересовъ данной мѣстности. Еще больше уменьшилось значеніе этихъ совѣтовъ вслѣдствіе особой системы ихъ подбора, напоминающей способъ выборовъ французскаго трибунала временъ Наполеона I и сводившейся къ тому, что члены совѣтовъ назначались самимъ правительствомъ. Кромѣ того, христіане должны были составлять только одну четвертую всего состава, что лишало ихъ рѣшающаго голоса. Съ другой стороны, такъ какъ само правительство назначало членовъ меджлиса, то оно выбирало людей

[1]) Engelhardt, I, p. 161.

только вполнѣ преданныхъ турецкой администраціи. Отсюда и названіе *еветчи*, т.-е. люди, говорящіе: да (еветъ),—названіе, которое получили христіане-члены меджлисовъ.

Эти половинчатыя реформы, усиливающія только гнетъ центральной власти, не могли, конечно, предупредить ростущаго недовольства. Царствованіе Абдулъ-Азиса ознаменовалось возстаніемъ въ Герцеговинѣ и Болгаріи. Европа еще разъ попробовала на константинопольской конференціи 1876 года заставить Турцію дать серьезныя реформы. Онѣ должны были заключаться въ созданіи полу-автономныхъ областей въ европейской части Турціи, управители которыхъ назначались бы съ одобренія великихъ державъ. Кромѣ того, для руководства дѣлами этихъ областей предлагались провинціальныя выборныя учрежденія, въ которыхъ христіанамъ уступалось $^3/_5$ депутатскихъ полномочій ($^2/_5$—православнымъ и $^1/_5$—католикамъ). Но самымъ главнымъ постановленіемъ константинопольской конференціи, свидѣтельствующимъ о полномъ поворотѣ въ политикѣ западныхъ государствъ по отношенію къ Турціи, было именно учрежденіе европейскаго контроля надъ внутренними дѣлами Турціи. Извѣстно, что до этого момента невмѣшательство во внутреннія дѣла Турціи являлось догматомъ иностранной политики западныхъ государствъ. Правда, всѣ реформы, начиная съ гюльханскаго акта, были провозглашены по настоянію державъ, но въ ихъ осуществленіи Европа полагалась исключительно на слово Турціи. Однако долгій историческій опытъ показалъ уже, какъ мало въ состояніи была Турція держать свое слово, и вотъ въ первый разъ на константинопольской конференціи всѣ европейскія государства безъ исключенія сошлись на томъ, что лишь европейскій контроль, т.-е. открытое вмѣшательство во внутреннее управленіе Турціи, можетъ служить гарантіей, что обѣщанныя реформы будутъ проведены. Этотъ контроль заключался въ учрежденіи комитетовъ изъ европейскихъ консуловъ, которые оффиціально должны были служить посредниками между властью и христіанами и слѣдить за введеніемъ реформъ. Извѣстно, что турецкое правительство отвергло проектъ конференціи, „какъ несовмѣстимый съ достоинствомъ независимаго государства и какъ выражающій собою недовѣріе къ искренности намѣреній султана“. Но еще до этого, послѣдній провозгласилъ конституцію, блага которой должны были распространяться на всѣхъ турецкихъ подданныхъ безъ исключенія. Этотъ театральный эпизодъ разыгрался еще въ первый день собранія европейскихъ делегатовъ. Еще до открытія засѣданія, зала топханійскаго дворца

огласилась шумомъ батарейныхъ выстрѣловъ. На трибуну поднялся Савфетъ-паша, министръ иностранныхъ дѣлъ и предсѣдатель конференціи. „Эти залпы,—началъ онъ,—возвѣщаютъ провозглашеніе конституціи, которую султанъ даруетъ своей имперіи. Этотъ актъ измѣняетъ существующую уже шестьсотъ лѣтъ форму правленія и означаетъ для оттоманскихъ народовъ новую эру процвѣтанія"... „Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ,—пишетъ очевидецъ этой сцены, графъ де Муи (de Mouy), секретарь константинопольской конференціи,—иностранные делегаты, не столько удивленные,—ибо они были подготовлены къ подобному инциденту,—сколько недовольные этой театральной выходкой, имѣвшей очевидную цѣль разстроить ихъ планъ дѣйствій, сохраняли глубокое молчаніе. Потомъ безъ всякихъ привѣтствій, какъ будто бы ничего не произошло, перешли къ очереднымъ дѣламъ" [1]).

Европейскіе дипломаты не поддались диверсіи турецкаго правительства и продолжали выработывать свой проектъ. Судьба его намъ уже извѣстна. Извѣстны также и послѣдующія событія: война и разгромъ Турціи. „Автономія или анатомія,—говорилъ одинъ иностранный дипломатъ,—вотъ дилемма, предъ которой находится Турція". Порта не согласилась на автономію Болгаріи и Босніи-Герцеговины, и она была жестоко наказана, потерявъ ихъ окончательно на берлинскомъ конгрессѣ. Здѣсь, на берлинскомъ конгрессѣ, былъ принятъ великими державами тотъ XXI-ый параграфъ, на который ссылаются теперь македонскіе комитеты въ своихъ требованіяхъ. Турція обязывалась въ немъ провести въ своихъ европейскихъ провинціяхъ устройство, подобное тому, которое предполагалось для Восточной Румеліи. Для выработки этого устройства, Порта должна была назначить „спеціальныя коммиссіи, въ которыя войдутъ представители каждой провинціи. Проектъ организаціи, составленный этими коммиссіями, будетъ предложенъ на разсмотрѣніе Высокой Порты, которая раньше, чѣмъ провести его въ жизнь, должна заручиться согласіемъ европейской коммиссіи, учрежденной для устройства Восточной Румеліи" [2]).

Но Европа какъ бы побоялась довести до конца свое дѣло. Страхъ, что *исчезновеніе Турціи можетъ повести къ большимъ замѣшательствамъ,* останавливалъ перо европейскихъ дипломатовъ, и они не потребовали отъ Турціи гарантій, которыя дѣй-

---

[1]) Comte de Mouy. Souvenirs d'un diplomate (Revue des Deux Mondes, Février 1900, p. 627).

[2]) D'Avril. Négociations relatives au Traité de Berlin, p. 22.

ствительно обезпечивали бы исполненіе ея обѣщаній. Европа снова положилась на слово Турціи, и Турція ее снова обманула. Даже больше того—за періодъ въ двадцать-пять лѣтъ, прошедшій съ берлинскаго конгресса, турецкое правительство не только не дало ни одного искренняго доказательства своего желанія облегчить положеніе христіанъ, но и систематически уничтожало то, что было уже создано. Ничуть не преувеличивая, можно сказать, что никогда турецкое правительство не издѣвалось такъ безнаказанно надъ Европой, какъ въ этотъ періодъ. Доказательства этому, какъ увидимъ, даетъ оффиціальная переписка европейскихъ дипломатовъ съ Портой.

VII.

Политика Турціи послѣ берлинскаго конгресса принимаетъ яркій панисламскій характеръ. Можно было ожидать, что пораженіе и потеря провинцій вызовутъ въ Турціи широкое стремленіе къ серьезнымъ реформамъ, но младо-турки и теперь еще составляютъ очень ничтожную часть турецкаго общества. Наоборотъ, его подавляющее большинство и въ особенности вліятельные члены духовнаго сословія приписали несчастія своей родины тому же, чему приписывалъ ихъ великій визирь Рифаатъ-паша и Меттернихъ: стремленію подражать западной Европѣ. Отсюда и отвращеніе къ реформамъ, и усиленная ненависть къ христіанамъ, какъ къ непосредственнымъ виновникамъ войны. Но эта реакція въ деспотическомъ государствѣ, какова Турція, гдѣ общественное мнѣніе не играетъ никакой роли, не пошла бы такъ далеко, еслибы она не соотвѣтствовала личнымъ взглядамъ и интересамъ самого султана.

Оставляя въ сторонѣ нравственную оцѣнку личности Абдулъ-Гамида, нельзя не признать, что, послѣ султана Махмуда, Турція не имѣла болѣе ловкаго властителя. Абдулъ-Меджидъ и Абдулъ-Азисъ были людьми слабохарактерными, предпочитавшими гаремъ государственной канцеляріи. Султанъ Мурадъ, царствовавшій всего нѣсколько мѣсяцевъ, успѣлъ проявить только свою душевную болѣзнь. Въ противоположность своимъ предшественникамъ, султанъ Абдулъ-Гамидъ—человѣкъ сильный и энергичный, но это—сила отрицательнаго свойства; это—деспотизмъ, упорство, религіозный фанатизмъ и вытекающая отсюда ненависть ко всему европейскому. Люди, хорошо знакомые съ дѣлами Турціи, утверждаютъ, что теперешній султанъ забралъ всѣ отрасли управ-

ленія въ свои руки, и что его первымъ дѣломъ было свести роль Высокой Порты до положенія обыкновенной канцеляріи, отмѣчающей только его распоряженія. „Порта больше не существуетъ,—писалъ въ 1881 году Габріель де-Шармъ;—это является даже самымъ характернымъ отличіемъ того режима, подъ которымъ находится теперь оттоманская имперія. И до Абдулъ-Гамида власть султана была абсолютной, но она осуществлялась посредствомъ министровъ, которые играли дѣятельную роль въ руководствѣ внутренней и внѣшней политикой страны. Теперь все перемѣнилось. Министры являются простыми приказчиками, которые, не разсуждая, должны исполнять приказанія своего государя“ [1]). Теперь для разрѣшенія самыхъ ничтожныхъ вопросовъ нужно обращаться въ канцелярію султана. Его личные секретари по своему вліянію стали сильнѣе самого великаго визиря. „Можно сказать,—писалъ своему правительству въ 1895 году Камбонъ, французскій посолъ въ Константинополѣ,—что вотъ уже четыре года, какъ управленіе страной перешло изъ Порты во дворецъ. Чиновники всякаго рода не зависятъ больше отъ своихъ министровъ, а находятся въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ секретарямъ султана. Часто случается, что они категорически отказываются подчиняться распоряженіямъ великаго визиря. Мнѣ самому не разъ приходилось лично убѣждаться въ безсиліи Порты подчинить своей волѣ своихъ самыхъ низшихъ чиновниковъ“ [2]).

Мы довольствуемся этими двумя свидѣтельствами, но то же самое констатируется всѣми историками современной Турціи [3]). Но еще болѣе характерно употребленіе, сдѣланное султаномъ изъ своей деспотической власти. Мы разсмотримъ послѣдовательно его внутреннюю и иностранную политику.

Внутренняя политика была исключительно репрессивной: репрессіи по отношенію къ младотуркамъ и по отношенію къ христіанамъ.

Младо-турки начали появляться еще при Решидъ-пашѣ, но

---

[1]) La Situation en Turquie (R. des Deux Mondes, 15 Oct. 1881, p. 833).

[2]) Донесеніе 3-го іюня 1895 г. Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques (Arménie) 1893—1897. Paris, 1897, p. 77.

[3]) Mourad Bey, Le palais d'Yldys.—Hecquard, La Turquie sous Abdoul-Hamid II. Bruxelles, 1901.—Какъ новое доказательство этого факта можно привести еще слѣдующую телеграмму агентства Гаваса: „Константинополь, 11-го (24-го) декабря. Императорскій коммиссаръ въ Софіи, вслѣдствіе сообщенія на имя великаго визиря одного очень пессимистическаго доклада, получилъ отъ султана приказаніе не сообщать больше ничего Портѣ и сноситься исключительно съ дворомъ“. Temps, 25 Décembre 1902, стр. 4, столб. 5.

лишь въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, въ царствованіе Абдулъ-Азиса, они выступили какъ обособленная группа. Въ 1868 году вышелъ первый манифестъ партіи, составленный Кереднъ-пашой, подъ заглавіемъ: „Необходимыя для оттоманской имперіи реформы". Главная задача младо-турокъ заключалась въ ограниченіи власти султана. „Единоличное управленіе,—писалъ въ вышеупомянутой брошюрѣ Кереднъ-паша,—опасно, какими высокими качествами ни обладалъ бы автократъ". Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, во главѣ младо-турокъ выступилъ извѣстный Мидхадъ-паша. Какъ либерально ни высказывались младо-турки, они сами не могли освободиться отъ многихъ инстинктовъ и предразсудковъ, привитыхъ имъ турецкой средой. Лучше всего это можно было провѣрить на Мидхадъ-пашѣ. Это былъ несомнѣнно дальновидный человѣкъ, серьезно стремившійся къ введенію внутренняго порядка въ Турціи. Его пребываніе во главѣ дунайскаго вилайета (Болгарія) въ концѣ шестидесятыхъ годовъ оставило до сихъ поръ слѣды хорошей администраціи, какъ, напр., проведеніе дорогъ, устройство мелкаго земледѣльческаго кредита, который былъ сохраненъ и болгарскимъ правительствомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Мидхадъ-паша проявлялъ въ подавленіи болгарскаго повстанческаго движенія 1868 года жестокость, какую можно встрѣтить только у азіатскихъ сатраповъ. Между прочимъ, румынскій король—тогда князь Карлъ—разсказываетъ, въ перепискѣ съ отцомъ, какъ Мидхадъ-паша на площадяхъ Рущука по три дня оставлялъ на висѣлицахъ трупы повстанцевъ, чтобы терроризировать населеніе [1]).

Этотъ самый Мидхадъ-паша сталъ во главѣ турецкой либеральной партіи. Онъ способствовалъ сверженію Абдулъ-Азиса съ цѣлью добиться у его преемника провозглашенія конституціи. Абдулъ-Гамидъ, вступившій на престолъ три мѣсяца спустя послѣ таинственной и до сихъ поръ смерти Абдулъ-Азиса, сначала пошелъ на уступки. Мидхадъ-паша сдѣлался великимъ визиремъ, а въ декабрѣ 1876 года была провозглашена и конституція, о которой мы уже говорили выше. Для Абдулъ-Гамида она была вынужденнымъ актомъ. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ провозглашенія конституціи, какъ ея авторъ и великій визирь Мидхадъ-паша былъ сосланъ въ ссылку въ Малую Азію, а вслѣдъ затѣмъ была уничтожена и самая конституція. Но даже если бы Мидхадъ-паша остался у власти и его конституція продолжала

---

[1]) Notes sur la vie de roi Charles de Roumanie. Bucarest, t. I. Lettre de 5 (17) juillet 1868.

существовать, врядъ-ли отъ этого наступила бы новая эра для христіанскаго населенія Турціи. Чтобы сохранился либеральный строй, нужно, чтобы за нимъ стояла какая-нибудь общественная сила, а такой поддержки и недоставало младо-туркамъ. Всѣ реформы въ Турціи, начиная съ реформъ Решида-паши, проваливались, во-первыхъ, потому, что отсутствовали такіе чиновники, которые могли бы ихъ примѣнить, а главное—проведеніе этихъ реформъ встрѣчало въ турецкихъ фанатическихъ массахъ не только равнодушное, но прямо враждебное настроеніе. Это говорится и людьми, несомнѣнно расположенными къ туркамъ, какъ проф. Вамбери, изучавшій Турцію въ теченіе сорока лѣтъ [1]). Единственнымъ элементомъ, болѣе или менѣе способнымъ къ конституціонной жизни, являлись христіане. Но именно предвидя преобладающее вліяніе, которое пріобрѣтутъ христіане, если въ Турціи осуществится искренній конституціонный режимъ, младо-турки 1876 года старались всячески устранить ихъ изъ своихъ комбинацій. „Что касается христіанъ,—говорилъ великій визирь,—то о нихъ будетъ рѣчь позже"... „Христіане,—говорилъ предсѣдатель новосозданнаго государственнаго совѣта,—должны разсчитывать только на *вѣротерпимость* съ нашей стороны" [2]). Но, какъ видно изъ словъ Мурадъ-бея относительно армянъ,—словъ, приведенныхъ въ первой главѣ нашей статьи,—младо-турки и теперь не считаютъ христіанъ вполнѣ полноправными съ собою, а смотрятъ на нихъ какъ на подчиненныхъ. При этихъ условіяхъ, конституціонализмъ въ Турціи свелся къ установленію чиновничьей олигархіи, которая продолжала старыя злоупотребленія, но только съ большей смѣлостью. Конечно, для Абдулъ-Гамида, желавшаго неограниченно пользоваться своей властью, и этотъ режимъ являлся стѣснительнымъ. Онъ съ ожесточеніемъ преслѣдовалъ и преслѣдуетъ младо-турокъ. Онъ воспользовался ихъ участіемъ въ низверженіи Абдулъ-Азиса, чтобы устроить въ 1882 году судъ и избавиться отъ ихъ самыхъ вліятельныхъ вождей. Между прочимъ, былъ осужденъ и Мидхадъ-паша, приговоренный сначала къ смертной казни, а потомъ къ вѣчной ссылкѣ въ Геджасъ (Аравія), гдѣ онъ скоропостижно и нѣсколько таинственно умеръ.

Младо-турки, тѣмъ не менѣе, численно увеличивались. Среди турецкой молодежи, выходящей изъ класса чиновниковъ и зажи-

[1]) N. Vambery, Türkische Reformen und die Gefahr eines Weltkrieges (Cosmopolis, Mars 1897). S. 876.

[2]) Comte de Mouy, Souvenirs d'un diplomate. Un Essai du régime constitutionnel en Turquie (R. des Deux Mondes, etc. p. 644).

точныхъ турокъ, послѣ войны, замѣчается стремленіе къ просвѣщенію. По даннымъ, сообщеннымъ фонъ-деръ-Гольцемъ, число учениковъ военнаго училища въ Константинополѣ увеличилось съ 4.000 (1883 г.) до 14.000 (1895 г.) [1]. „Вмѣсто стараго духа рабства и апатіи,—пишетъ тотъ же авторъ,—замѣчается живое стремленіе къ свободѣ и болѣе современному управленію". Противъ этого-то стремленія и направилъ всѣ свои репрессіи Абдулъ-Гамидъ. Самъ фонъ-деръ-Гольцъ, положившій много усилій для организаціи турецкой арміи, долженъ былъ покинуть Турцію, чтобы избѣгнуть вѣчнаго выслѣживанья со стороны султанскихъ агентовъ. Абдулъ-Гамидъ подозрѣвалъ фонъ-деръ-Гольца въ сочувствіи младо-туркамъ; его подозрительному воображенію самыя обыкновенныя дѣйствія нѣмецкаго генерала казались направленными противъ его собственной особы. Такъ, напр., султанъ Гамидъ былъ необыкновенно встревоженъ донесеніемъ дворцовыхъ агентовъ, что фонъ-деръ-Гольцъ занимается тактическими упражненіями съ учениками военной школы на одной изъ высотъ Константинополя, откуда можно обстрѣливать и Ильдизъ-Кіоскъ. Еще бо̀льшимъ недовѣріемъ проникнутъ султанъ къ образованнымъ туркамъ. Обыкновенно, кончающіе курсъ офицера, обращающіе вниманіе своими выдающимися способностями, отсылаются въ отдаленные гарнизоны Аравіи, Малой Азіи или Македоніи [2]. Но борьба съ младо-турками не ограничивается только предохранительными мѣрами; не проходитъ мѣсяца, чтобы телеграмма изъ Константинополя не сообщала о массовыхъ арестахъ и ссылкахъ изъ среды чиновниковъ и, главнымъ образомъ, изъ среды офицерства; съ другой стороны, каждый годъ, чтобы избѣжать преслѣдованій, множество младо-турокъ эмигрируетъ за границу: въ Египетъ, Румынію, Болгарію и западную Европу. Какъ извѣстно, въ прошломъ году состоялся даже конгрессъ младо-турокъ въ Парижѣ. По отношенію къ живущимъ за границей младо-туркамъ политика султана мѣняется. Невозможность воспользоваться силой для подавленія младо-турецкаго движенія заставляетъ его прибѣгать къ соблазнительнымъ обѣщаніямъ, на которыя поддался не одинъ младо-турокъ. Недавно преданные Ильдизу органы заговорили о возвращеніи въ Константинополь Дамадъ-Махмуда-паши, зятя султана, бѣжавшаго вмѣстѣ со своими сыновьями

---

[1]) C. Freiherr von der Goltz, Stärke und Schwäche des Türkischen Reiches. (Deutsche Rundschau, October 1897, p. 96).

[2]) Georges Gaulis, Les Allemands à Constantinople (Revue de Paris, 1897, t. II, pp. 338—339).

года два тому назадъ. Но Дамадъ на дняхъ поспѣшилъ опровергнуть это сообщеніе.

Политика Абдулъ-Гамида по отношенію къ христіанскимъ національностямъ сводилась къ подавленію и той маленькой самостоятельности, которую онѣ пріобрѣли послѣ гати-гумаюна. Закрытіе газетъ, журналовъ, школъ, церквей,—уничтоженіе одного за другимъ ихъ правъ,—вотъ какими средствами Ильдизъ-Кіоскъ думалъ отрѣзать христіанамъ возможность всякаго протеста и неминуемаго за этимъ вмѣшательства европейской дипломатіи. „Еще съ 1882 года,—пишетъ Мурадъ-бей,—были изданы секретные циркуляры о преслѣдованіи армянъ. Чиновники получали спеціальныя инструкціи о сокращеніи числа армянскихъ литературныхъ и политическихъ изданій, о преслѣдованіи народа и даже, если нужно, его разграбленіи (le dépouiller), но съ осторожностью, такъ чтобы не было повода къ жалобамъ. Какъ членъ высшаго совѣта министерства народнаго просвѣщенія, я былъ свидѣтелемъ возмутительныхъ дѣйствій по отношенію къ армянской печати. Я даже обратился съ протестомъ къ министру народнаго просвѣщенія, протестовавъ въ то же время и передъ своими товарищами въ совѣтѣ, но министръ показалъ мнѣ циркуляръ двора, изданный по приказанію султана“ [1]).

Однако, когда, несмотря на эти мѣры, армяне все-таки протестовали, надъ ними разразились ужасныя, памятныя всѣмъ читателямъ репрессіи. Въ этой рѣзнѣ, покрывшей кровью улицы малоазійскихъ городовъ и самой султанской столицы, характеренъ констатированный всѣми послами въ Константинополѣ фактъ, что самое избіеніе произошло по распоряженію свыше. Во главѣ свирѣпствовавшихъ въ Константинополѣ шаекъ находились полицейскіе офицеры и агенты Ильдизъ-Кіоска. Еще за три дня до рѣзни, константинопольская полиція рекрутировала будущихъ убійцъ. Извѣстны, между прочимъ, показанія турокъ, служащихъ при нѣкоторыхъ посольствахъ, о сдѣланномъ имъ предложеніи за деньги подкрѣпить ряды переодѣтыхъ полицейскихъ [2]). На помощь послѣднимъ пришли и офицеры регулярной арміи. Турецкое правительство, желая повліять на общественное мнѣніе Европы, просило находящихся на турецкой службѣ европейскихъ офицеровъ засвидѣтельствовать, что поведеніе арміи было корректно. Но какъ французскій генералъ

---

[1]) Mourad Bey, La Force et la faiblesse, p. 50.

[2]) Ministère des affaires étrangères. Affaire d'Arménie. 1897. См. въ донесеніи Камбона текстъ протеста пословъ.

Лекокъ-паша, такъ и нѣмецкій Кампгофейеръ,—занявшій мѣсто фонъ-деръ-Гольца,—отказались съ негодованіемъ [1]).

Другое средство, къ которому прибѣгъ Абдулъ-Гамидъ, чтобы обезсилить христіанъ въ Турціи, заключалось въ искусственномъ распредѣленіи мусульманскихъ элементовъ. Были ассигнованы особые фонды для поддержки турецкой эмиграціи изъ Румыніи и, въ особенности, Болгаріи. Переселившіеся турки получали земли въ округахъ, гдѣ населеніе состояло, главнымъ образомъ, изъ христіанъ. Съ другой стороны, подобныя привилегіи получили и курды. Подъ предлогомъ дисциплинировать эту разбойничью расу, султанъ создалъ курдскую кавалерію — „гамидіе", игравшую такую печальную роль въ избіеніяхъ въ Малой Азіи. Въ Македоніи роль курдовъ, какъ противовѣса христіанамъ, играли албанцы. По отношенію къ нимъ султанъ прибѣгъ къ той самой политикѣ особыхъ благоволеній: онъ дѣлалъ торжественные пріемы ихъ вожакамъ, въ родѣ Хаджи-Молла-Зека, Исса-Болитинацъ и др., и оказывалъ имъ всякаго рода уступки. Результаты этой политики въ Македоніи выразились уже въ томъ, что многія деревни сѣверной части провинціи, населенныя раньше исключительно болгарами, теперь стали албанскими. Болгарское населеніе вытѣсняется больше и больше къ городамъ и къ югу [2]). Окружить христіанъ со всѣхъ сторонъ живымъ кольцомъ враждебно настроенныхъ къ нимъ магометанъ—является любимой задачей Ильдизъ-Кіоска.

Заигрыванье съ турецкой чернью и ея фанатизмомъ было для султана тѣмъ болѣе пріятной и легкой ролью, что онъ самъ проникнутъ идеологіей старо-турокъ. По сообщеніямъ фонъ-деръ-Гольца, въ первые годы своего царствованія Абдулъ-Гамидъ находился подъ исключительнымъ вліяніемъ одного стараго фанатика, Юсуфъ-Риза-паши, олицетворенія политики панисламизма [3]). Однимъ изъ обычныхъ пріемовъ султана для воздѣйствія на турецкое населеніе являются религіозныя миссіи. Онъ ихъ отправляетъ не только во всѣ концы турецкой имперіи, но еще и по всѣмъ частямъ мусульманскаго міра. Проповѣдь этихъ миссіонеровъ носитъ не только религіозный, но и политическій характеръ. Не разъ иностранныя правительства нападали на слѣды этой подпольной организаціи, поддерживаемой на средства Турціи. Этимъ миссіонерамъ приписывали французы враждебное къ нимъ

---

[1]) Gaulis, Les Allemands à Constantinople, p. 350 et 369.

[2]) Victor Berard, La Macédoine. Paris 1897.

[3]) Von der Goltz. S. 112.

отношеніе тунисскаго магометанскаго населенія въ 1880 г. [1]). Впрочемъ, тогда турецкая печать, какъ, напр., полу-оффиціозная газета „Вакитъ“ („Время“), открыто проповѣдывала объединеніе всѣхъ магометанскихъ владѣтелей подъ скипетромъ султана. Тѣ же самые миссіонеры въ 1897 году, во время греко-турецкой войны, вызвали броженіе среди болгарскихъ мусульманъ, особенно въ варненскомъ округѣ, броженіе, которое угрожало превратиться въ вооруженное возстаніе, еслибы болгарское правительство не приняло своевременно предохранительныхъ мѣръ. Существованіе этой арміи мусульманскихъ миссіонеровъ—не тайна для иностранныхъ пословъ въ Константинополѣ. Во время армянскихъ ужасовъ, французскій посолъ Камбонъ предлагалъ султану отправить по мечетямъ миссіонеровъ—остановить своею проповѣдью фанатизированную чернь. Съ другой стороны, во время боксерскаго движенія въ Китаѣ, въ позапрошломъ году, самъ Абдулъ-Гамидъ любезно предложилъ Европѣ услуги своихъ миссіонеровъ, которые, по его словамъ, своею проповѣдью среди китайскихъ мусульманъ могли бы способствовать умиротворенію страны. Наконецъ, проведеніе желѣзной дороги въ Мекку было предпринято султаномъ изъ тѣхъ же побужденій панисламскаго прозелитизма. Несомнѣнно, эта политика поднимаетъ престижъ султана въ глазахъ турецкихъ массъ, которыя въ своей наивности охотно вѣрятъ въ могущество калифа.

Намъ остается еще охарактеризовать политику Абдулъ-Гамида по отношенію къ европейскимъ державамъ. Зная о громадномъ вліяніи, какое общественное мнѣніе Запада оказываетъ на политику государствъ, султанъ старался прежде всего заручиться или поддержкой, или, по крайней мѣрѣ, молчаніемъ европейской печати въ вопросахъ о Турціи. Теперь извѣстно, что во время армянскихъ безпорядковъ во Франціи семнадцать газетъ получали субсидію турецкаго правительства [2]). Однако, этимъ способомъ Турціи далеко не всегда удается скрыть настоящее положеніе дѣлъ. Даже тѣ газеты, которыя за деньги печатаютъ анонимныя сообщенія турецкаго посольства, стараются оградить свою нравственную отвѣтственность. Такъ, напр., „Figaro“ недавно напечаталъ одно опроверженіе турецкаго посольства въ Парижѣ относительно событій въ Македоніи, но помѣстилъ его на третьей страницѣ, *между объявленіями*, такъ чтобы для чи-

---

[1]) Gabriel Charme, La politique du Chalifat et ses conséquences (R. des Deux Mondes, 15 Oct. 1881, p. 739).

[2]) Victor Berard, La Turquie et le Sultan.

тателя не могло быть сомнѣній относительно характера и происхожденія этого документа. До какой степени доходитъ въ этомъ смыслѣ цинизмъ турецкихъ агентовъ за границей,—можно судить по недавнему заявленію швейцарскаго депутата Гоба, въ бернской федеральной палатѣ. Онъ сказалъ, что, на основаніи признаній самого турецкаго консула въ Женевѣ, турецкій посланникъ въ Парижѣ Мюниръ-бей вытребовалъ отъ своего правительства 140.000 фр. „на чай" швейцарскому федеральному совѣту [1]). Конечно, эти деньги остались въ карманѣ Мюниръ-бея, что и возмутило его женевскаго коллегу, выдавшаго все дѣло. Распространенность подкуповъ въ Турціи развила у турецкихъ правителей представленіе, что деньгами можно все сдѣлать. Разсказываютъ, что во время берлинскаго конгресса Махмудъ-Недимъ-паша восклицалъ съ горечью: „Если бы былъ у насъ теперь милліонъ турецкихъ лиръ, легко было бы закрыть ротъ Бисмарку".

Гораздо характернѣе для современной политики Турціи исторія реформъ послѣ 1878 года.

VIII.

Мы уже упомянули о XXIII-мъ параграфѣ берлинскаго трактата, въ силу котораго Турція обязывалась ввести рядъ реформъ въ своихъ европейскихъ провинціяхъ. Для этой цѣли должны были быть назначены спеціальныя коммиссіи съ представителями отъ различныхъ провинцій. Кромѣ того, реформы должны были подвергнуться разсмотрѣнію и одобренію со стороны европейской коммиссіи, занимавшейся устройствомъ Восточной Румеліи. Но Порта не спѣшила исполнить свои обязательства. Когда, по окончаніи устройства Восточной Румеліи, европейская коммиссія обратилась къ турецкому правительству съ вопросомъ, приняло ли оно мѣры къ исполненію § XXIII-го берлинскаго трактата, турецкіе коммиссары отвѣтили, что въ берлинскомъ трактатѣ не опредѣлено никакого срока для исполненія XXIII-го параграфа и что кромѣ того нужно сдѣлать предварительную анкету [2]).

Тѣмъ не менѣе, Порта не могла оттягивать исполненіе своихъ обязательствъ, но вмѣсто того, чтобы назначить спеціальныя коммиссіи изъ турокъ и христіанъ для выработки устройства своихъ

---

[1]) Gazette de Lausanne, 11 Juin 1902, стр. 1, столб. 5.

[2]) Engelhardt, II, p. 203.

европейскихъ провинцій, она возложила эту задачу на нѣсколькихъ чиновниковъ. Составленный ими проектъ и былъ предложенъ на разсмотрѣніе европейской коммиссіи. Делегаты европейскихъ государствъ въ своемъ протоколѣ 23-го августа 1880 года отмѣчаютъ не-корректное поведеніе Турціи, не назначившей предусмотрѣнныхъ берлинскимъ трактатомъ спеціальныхъ коммиссій; но, не желая затягивать дѣло, они согласились принять за отправную точку своихъ работъ проектъ Порты [1]). Результатомъ работъ европейской коммиссіи явился солидный законопроектъ, осуществленіе котораго, несомнѣнно, положило бы конецъ многимъ злоупотребленіямъ. Онъ давалъ широкую автономію общинному управленію христіанъ, вводилъ выборное начало для постоянныхъ смѣшанныхъ совѣтовъ при центральныхъ административныхъ властяхъ, предвидѣлъ устройство смѣшанныхъ судовъ, поставилъ раціонально вопросъ о собираніи податей и распредѣленіи доходовъ между бюджетомъ провинцій и центральнымъ бюджетомъ, но, къ сожалѣнію, этотъ проектъ абсолютно не примѣнялся. Случилось еще разъ то, что сами европейскіе делегаты констатируютъ въ своемъ послѣднемъ протоколѣ: „Въ Турціи никогда не было недостатка въ хорошихъ законахъ, но они никогда не исполнялись“.

Европейская дипломатія какъ бы заснула на этомъ своемъ послѣднемъ платоническомъ актѣ. Она положилась на слово султана и ждала цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ до армянскихъ безпорядковъ, чтобы убѣдиться въ неисполненіи всѣхъ этихъ реформъ. Начались опять переговоры о реформахъ, опять коммиссіи, опять проекты и контръ-проекты. Замѣчательнѣе всего въ этихъ новыхъ переговорахъ было то, что европейскіе посланники теперь довольствовались меньшими уступками, а султанъ, наоборотъ, сопротивлялся и тѣмъ реформамъ, на которыя онъ уже согласился въ 1880 году. Даже больше: чѣмъ дальше длились переговоры, тѣмъ менѣе уступчивымъ дѣлалось турецкое правительство. Никогда по отношенію къ европейской дипломатіи оно не проявляло такого дерзкаго сопротивленія, какъ въ 1895—97 годахъ. Кромѣ того, и тѣ обѣщанія, которыя даетъ Порта, носятъ условный характеръ. „Если это будетъ возможно“... „если это окажется нужнымъ“,—вотъ стереотипныя фразы, постоянно встрѣчающіяся въ оффиціальныхъ отвѣтахъ турецкаго правительства.

Новый проектъ реформъ 1895 года, составленный посланни-

[1]) Текстъ этого протокола, какъ и всѣхъ документовъ по вопросу о реформахъ, напечатанъ въ англійской синей книгѣ за 1880 годъ: „Correspondance respective... the New Law for the European Provinces of Turkey. 1880“.

ками, повторялъ главныя положенія проекта 1880 года, что касается выборныхъ учрежденій и устройства администраціи. Тамъ предусматривалось между прочимъ, что если управители вилайетовъ и ихъ подраздѣленій не христіане, то ихъ помощники должны быть непремѣнно таковыми. Кромѣ того, турецкое правительство должно было всегда „оффиціознымъ путемъ" сообщать посланникамъ имена новоназначенныхъ управителей вилайетовъ. Въ проектѣ предвидѣлось еще созданіе смѣшанной жандармеріи изъ турокъ и христіанъ, для охраненія деревень отъ разбойничества. Кромѣ того, предвидѣлось назначеніе провинціальныхъ инспекторовъ по всѣмъ отраслямъ управленія. Всѣ эти требованія въ той или иной формѣ входили уже въ проектъ 1880 года. Единственнымъ нововведеніемъ являлось устройство постоянной смѣшанной коммиссіи изъ шести магометанъ и шести христіанъ, для наблюденія за дѣйствительнымъ осуществленіемъ реформъ. Эта коммиссія должна была собираться каждый мѣсяцъ въ Константинополѣ при Портѣ и должна была пользоваться широкими полномочіями, какъ, напр., входить въ непосредственныя сношенія съ представителями пословъ, выслушивать жалобы турецкихъ подданныхъ, назначать слѣдствія и т. п. Для европейскихъ пословъ эта постоянная смѣшанная контрольная коммиссія (§ 8 проекта реформъ) была самымъ существеннымъ требованіемъ; подобное учрежденіе могло служить болѣе или менѣе серьезной гарантіей, что реформы будутъ проведены. Что же отвѣтило турецкое правительство?—Оно отвергло не только это требованіе, но и многія другія. „Принятіе § 8-го—говорилось въ отвѣтѣ султана,—допускающаго вмѣшательство представителей пословъ во внутреннія дѣла, можетъ вызвать частыя и непріятныя пререканія между Портой и послами. Но кромѣ этихъ неудобствъ, посламъ извѣстно, что независимость турецкаго правительства признается трактатами парижскимъ и берлинскимъ. Въ особенности изъ постановленій парижскаго трактата вытекаетъ ясно, что великія державы ни отдѣльно, ни сообща, не должны вмѣшиваться въ дѣла Турціи. То же самое признается и въ берлинскомъ трактатѣ. Поэтому гг. посланникамъ слѣдуетъ согласиться, что турецкое правительство можетъ только отклонить § 8 проекта реформъ" [1]).

На основаніи тѣхъ же доводовъ турецкое правительство отвергло и „оффиціальное предупрежденіе", которое оно должно было дѣлать посламъ о новоназначаемыхъ чиновникахъ. „Такъ какъ въ меморандумѣ пословъ,—говоритъ турецкій отвѣтъ,—

[1]) Ministère des affaires étrangères. La Réforme en Arménie, etc., p. 74.

предусмотрѣно, что губернаторы должны выбираться среди людей, отличившихся своими способностями, и что, съ другой стороны, тѣ которые не отвѣчаютъ своему назначенію, будутъ смѣщены, то господа посланники должны согласиться, что „оффиціозное предупрежденіе", котораго они требуютъ, затрогиваетъ обезпеченную трактатами самостоятельность императорскаго правительства". Турція отвергла и требованіе о смѣшанной жандармеріи, какъ несогласное съ существующими законами. Наконецъ, на предложеніе пословъ, совѣтовавшихъ Турціи возмѣстить матеріальные убытки пострадавшихъ армянъ, Порта отвѣтила буквально слѣдующей ироніей: „Е. и. в. султанъ выдалъ до сихъ поръ на эту цѣль 1.500 турецкихъ лиръ (т.-е. около 9.000 р.). *Но если мѣстные чиновники* доведутъ до свѣдѣнія правительства, *что есть еще люди, достойные императорскаго великодушія*, то въ немъ не будетъ отказано". Такъ же условно обѣщаетъ Порта назначить и помощниковъ управителей изъ христіанъ: „Если возможно будетъ назначить—тамъ, гдѣ государство сочтетъ это нужнымъ—христіанъ-*муавиновъ* (помощниковъ)". Изъ обѣщаній Порты слѣдуетъ отмѣтить только ея согласіе назначить провинціальныхъ инспекторовъ. Этотъ проектъ реформы помѣченъ сентябремъ 1895 года, и онъ касался пока азіатскихъ провинцій. Но его совершенная недостаточность была очевидной еще тогда, и вотъ почему послы сослались на новые безпорядки, чтобы требовать болѣе широкихъ уступокъ со стороны Турціи.

Можно было думать, что Турція послѣ константинопольскихъ ужасовъ сознается въ несостоятельности своей правительственной системы и пойдетъ на дальнѣйшія уступки. Случилось какъ разъ наоборотъ. Правда, султанъ согласился распространить реформы на всю имперію, а стало быть и на Македонію, но зато его новый проектъ обѣщалъ еще меньше, чѣмъ прошлогодній. „Уже при первомъ разсмотрѣніи новаго проекта,—писалъ французскій посолъ Камбонъ, — я замѣчаю значительную разницу сравнительно съ разъ принятымъ уже нами текстомъ. Такъ, напр., въ новомъ проектѣ Порта заботливо избѣгаетъ говорить о принятіи христіанъ на гражданскія должности. Тогда какъ декретъ прошлаго года предусматривалъ двухъ инспекторовъ для каждаго вилайета—одного мусульманина и другого христіанина,—въ новомъ проектѣ говорится лишь объ одномъ инспекторѣ, да и то для двухъ или трехъ вилайетовъ. Во всѣхъ другихъ параграфахъ говорится о сохраненіи существующихъ уже законоположеній. Между тѣмъ, вашему превосходительству извѣстно, что постановленія существующихъ законовъ не примѣняются и что цѣль реформъ

заключалась именно въ воскрешеніи тѣхъ законовъ, которые оставались до сихъ поръ мертвой буквой. Поэтому я спрашиваю себя, не будутъ ли новыя уступки султана такъ же призрачны, какъ, къ несчастью, были призрачны и всѣ сдѣланныя до сихъ поръ" [1]).

Убѣжденіе въ призрачности всякихъ реформъ въ Турціи безъ европейскаго контроля Камбонъ высказываетъ во всѣхъ своихъ донесеніяхъ. „Султанъ далъ мнѣ самыя удовлетворительныя обѣщанія,—пишетъ онъ 26-го сентября 1896 года,—но боюсь, что онъ не сдержитъ ни одного". „Изветъ-бей (секретарь султана) приходилъ ко мнѣ два раза, — опять пишетъ Камбонъ мѣсяцъ спустя.—Отъ имени султана онъ повторилъ тѣ же обѣщанія, которыя мнѣ были сдѣланы самимъ султаномъ въ аудіенціи 26-го сентября и изъ кототорыхъ ни одно не было сдержано". Два дня послѣ посѣщенія Изветъ-бея, посолъ имѣетъ у султана новую аудіенцію, длившуюся три часа. „Султанъ мнѣ заявилъ, что реформы, касающіяся шести армянскихъ вилайетовъ, почти вполнѣ проведены. На это я замѣтилъ, что свѣдѣнія его величества находятся въ полномъ противорѣчіи съ нашими, и что нигдѣ реформы не были серьезно примѣнены" [2]). „Я прошу ваше превосходительство, — пишетъ 16-го ноября того же года Камбонъ своему министру,—не придавать никакого значенія заявленіямъ Мюниръ-бея. Единственно, что до сихъ поръ сдѣлала Порта, это приступъ къ процедурѣ выбора армянскаго патріарха. Дѣло Махзаръ-бея (убійцы французскаго миссіонера Сальватора) даже еще не начиналось. Этотъ офицеръ еще и теперь разгуливаетъ на свободѣ... Султанъ прибѣгаетъ ко всякимъ средствамъ, чтобы выиграть время, и письменныя отношенія его парижскаго посланника имѣютъ исключительною цѣлью заставить васъ вѣрить, что турецкое правительство что-то предпринимаетъ, когда, въ сущности, оно ничего не дѣлаетъ". „Еще много времени пройдетъ,—писалъ 24-го декабря того же года французскій консулъ въ Салоникахъ,—раньше, чѣмъ реформы будутъ примѣнены въ Македоніи" [3]). Чтобы можно было выставить что-либо передъ Европой, турецкое правительство единственно лишь назначило въ Македоніи въ муавины двухъ болгаръ—Пандурова и Кристевича, но оба они долгое время занимали подчиненную должность въ турецкой полиціи, а потому не имѣютъ ни самостоятельности, ни авторитета. Болгары имъ не довѣряютъ, а турецкое начальство надъ ними издѣвается. Такъ, напр., одному изъ этихъ муа-

[1]) Тамъ же, стр. 323.
[2]) Тамъ же, стр. 294 и 320.
[3]) Тамъ же, стр. 345.

виновъ дали должность вести статистику подводъ, въѣзжающихъ въ городъ.

Въ началѣ декабря прошлаго года султанъ, по настоянію посланника Россіи, издалъ новый декретъ о реформахъ въ Македоніи. Въ немъ, поскольку можно судить по напечатанному въ газетахъ, повторяются тѣ же стереотипныя фразы о безпристрастномъ судѣ, о честныхъ чиновникахъ и хорошемъ финансовомъ хозяйствѣ, образчики которыхъ даетъ еще гати-шерифъ 1839 года. Порта обѣщаетъ еще назначить генеральнаго инспектора для контроля надъ чиновниками. Но эта должность была уже создана въ 1880 году. Габріель Шарль еще тогда въ „Revue des Deux Mondes" описывалъ одиссею одного инспектора, посланнаго въ Малую Азію, но которому турецкое правительство скоро перестало высылать жалованье и который долженъ былъ на свои средства вернуться въ Константинополь. Должность инспекторовъ проектировалась и въ 1896 году, и тотъ фактъ, что турецкое правительство опять ее вводитъ, доказываетъ лишь одно, что она никогда не была осуществлена въ дѣйствительности. Наконецъ, Порта назначаетъ контрольную коммиссію изъ трехъ человѣкъ, засѣдающую въ Константинополѣ, въ обязанность которой вмѣняется слѣдить за дѣйствіями управителей вилайетовъ. Но какая гарантія, что чиновники этой коммиссіи, назначаемые Портой, составятъ счастливое исключеніе изъ всего остального чиновничьяго класса? Это лишь новое бюрократическое учрежденіе въ турецкой государственной машинѣ, уже и безъ того сложной и тяжелой. Лишь тѣ реформы оказались бы серьезными, которыя дали бы дѣйствительную, а не только номинальную возможность войти въ управленіе страной интеллигентнымъ христіанскимъ элементамъ. Но это означало бы передать власть въ руки христіанъ. „Вы можете уничтожить Турцію, — говорилъ въ 1876 году Мидхадъ-паша, делегатъ константинопольской конференціи, — но вы никогда не добьетесь того, чтобы Турція сама на себя подняла руку".

IX.

„Никогда обширная турецкая имперія не была такъ дезорганизована, никогда ея положеніе не было столь критическимъ, какъ теперь. Съ этимъ согласится всякій разумный и безпристрастный турокъ. Во всякой другой странѣ царствующее здѣсь безправіе, административный произволъ и отчаянная нищета вы-

звали бы всеобщее возстаніе. Если этого до сихъ поръ не случилось, то только благодаря безграничному терпѣнію и уваженію магометанъ къ намѣстнику пророка и, наконецъ, благодаря трудности объединить всѣ элементы противъ правительства, которая проистекаетъ отъ различія расъ и отъ господствующей взаимной религіозной ненависти".

Такъ писалъ, 4-го мая 1880 года, сэръ Лэйардъ, англійскій посланникъ въ Константинополѣ своему министру иностранныхъ дѣлъ, лорду Грэнвиллю [1]). Опасенія англійскаго дипломата сбылись не такъ скоро, но вотъ уже семь лѣтъ, начиная съ 1895 года, не проходитъ года, чтобы какая-нибудь турецкая провинція не была театромъ частичныхъ возстаній. Сначала мы были свидѣтелями армянскаго движенія, и турецкое правительство еще не успѣло его усмирить, какъ вспыхнуло движеніе въ Македоніи.

Раньше, чѣмъ дойти до этого фазиса, македонское движеніе пережило періодъ безпримѣрной борьбы національностей. Болгары, сербы, греки—каждый со своими основаніями предъявлялъ свои права на Македонію. Такъ, напримѣръ, по греческимъ статистикамъ, въ Македоніи территорія греческаго діалекта обнимаетъ 1.162.000 жителей, тогда какъ территорія славянскихъ діалектовъ—всего лишь 513.000 (Николаидесъ). По болгарскимъ статистикамъ, въ Македоніи живетъ всего-на-всего 229.000 грековъ и, наоборотъ, 1.235.000 болгаръ, изъ которыхъ 1.090.000 православныхъ, а остальные—магометанскаго вѣроисповѣданія (Кънчевъ). По численности, послѣ болгаръ идутъ турки (511.750); что же касается сербовъ, то по болгарскимъ статистикамъ въ Македоніи ихъ не больше 500. Сербскіе источники уменьшаютъ число турокъ до 215.000, грековъ—до 201.000, а болгаръ по этимъ источникамъ въ Македоніи всего-на-всего 57.600 человѣкъ. Наоборотъ, число сербовъ восходитъ до 1.686.000—изъ которыхъ 321.500, магометанскаго вѣроисповѣданія (Гопчевичъ). Если теперь мы обратимся къ статистикѣ нѣмецкаго профессора Вайганда, который долго оставался въ Македоніи и пользовался турецкой статистикой, то найдемъ слѣдующія цифры. Все населеніе Македоніи, т.-е., трехъ вилайетовъ (Салоникъ, Монастира и Ускюба) доходитъ до 2.275.000 жителей, которые распредѣляются такъ: славяне—1.200.000, турки и албанцы—700.000, греки — 220.000, евреи — 90.000 и румыны — 70.000. Изъ 1.200.000 славянъ нужно вычесть 300.000 исповѣдывающихъ магометанство; изъ остальныхъ 900.000 одна девятая, т.-е.,

[1]) Engelhardt. II, 221.

100.000, находится еще подъ вѣдѣніемъ греческой патріархіи, а 800.000 признаются болгарами и находятся подъ духовнымъ управленіемъ болгарской экзархіи. Но именно за этими 800.000 болгарами сербы и отрицаютъ право называться болгарами; они таковы лишь по недоразумѣнію, ибо между ними и сербами больше родства въ лингвистическихъ формахъ и въ нравахъ, чѣмъ между ними и болгарами. Болгары доказываютъ какъ разъ обратное. Мы здѣсь не можемъ входить въ эти филологическіе споры, для насъ они, въ сущности, лишены всякаго значенія, и гораздо важнѣе, какимъ образомъ случилось, что македонское славянское населеніе примкнуло къ обще-болгарскому движенію. Прежде всего характерно одно обстоятельство, на которое указывалъ, между прочимъ, и г. Милюковъ, что до послѣднихъ территоріальныхъ перемѣнъ на Балканскомъ полуостровѣ сербы не предъявляли никакихъ претензій на Македонію [1]). Въ первый разъ они заговорили о Македоніи, какъ о сербской странѣ, послѣ берлинскаго конгресса, когда сербскія провинціи Боснія и Герцеговина перешли къ Австріи. О расширеніи территоріи на западѣ Сербія уже не могла мечтать,—дорога къ Адріатическому морю для нея была закрыта. Тогда она обратилась лицомъ къ Македоніи, которая вмѣстѣ съ двумя милліонами жителей и обширной, плодородной территоріей, могла ей дать выходъ къ морю. Пріобрѣтеніе Македоніи сдѣлалось для Сербіи вопросомъ, отъ разрѣшенія котораго зависѣло экономическое и политическое будущее страны. Это одно уже указываетъ на специфическій характеръ, который носитъ сербская пропаганда въ Македоніи.

Что же касается самихъ македонцевъ, то ихъ симпатіи—на сторонѣ болгаръ. И тому есть причины. Во время турецкаго ига македонцы вели ту же борьбу противъ греческаго духовенства, какъ и болгары дунайскихъ провинцій; они одинаково и вмѣстѣ требовали устройства независимой болгарской церкви. Политическій идеалъ—освобожденіе отъ турецкаго владычества—былъ тотъ же. Европейская дипломатія подтвердила не только общность ихъ интересовъ, но и ихъ полную тождественность, рѣшивъ на константинопольской конференціи дать Македоніи названіе Западной Болгаріи, включивъ въ послѣднюю, вмѣстѣ съ теперешними македонскими вилайетами, и нѣкоторые округа дунайской Болгаріи. По санъ-стефанскому договору Македонія также входитъ въ составъ болгарскаго княжества. Тогда этого никто не

---

[1]) П. Милюковъ, Сербско-болгарскія отношенія по македонскому вопросу. Сборникъ журнала „Русское Богатство". 1899 г.

находилъ неестественнымъ. Отдѣленіе на берлинскомъ конгрессѣ дунайской Болгаріи и Ѳракіи въ особыя провинціи, вмѣсто того, чтобы уничтожить узы между ними и Македоніей, еще болѣе ихъ укрѣпило. Взоры македонцевъ обратились къ свободному княжеству, какъ къ ихъ будущему освободителю. Болгарія открыла свою границу для македонцевъ, которые являлись въ нее, какъ въ родную страну, и немедленно пользовались всѣми правами болгарскихъ гражданъ. По послѣднимъ статистическимъ даннымъ, въ Болгаріи проживаетъ теперь въ качествѣ постоянныхъ жителей около 50.000 македонцевъ; изъ 20.509 болгарскихъ чиновниковъ, 955—македонцы, изъ нихъ 167—офицеры болгарской арміи [1]). Кромѣ того, македонская интеллигенція играла и играетъ теперь громадную роль въ политической и литературной жизни Болгаріи. Эти македонцы, конечно, естественно тяготѣютъ къ соединенію своей страны съ болгарскимъ княжествомъ. Но такъ какъ, съ другой стороны, македонцы такіе же славяне, какъ и сербы, такъ какъ они отлично понимаютъ другъ друга „безъ словаря", какъ понимаютъ другъ друга сербы и болгары, самые близкія между собою изъ всѣхъ славянскихъ племенъ, то сербская пропаганда могла разсчитывать на извѣстный успѣхъ. И вотъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ Македонія стала театромъ отчаянной борьбы сербской и болгарской пропаганды, — борьбы, которой не разъ приносились кровавыя жертвы со стороны тѣхъ и другихъ. Въ 1898 году, болгары силой воспротивились отдачѣ ихъ кладбища при Кумановской церкви сербамъ. Въ дракѣ была ранена прикладомъ въ животъ болгарская учительница Симиджіева, которая и умерла нѣсколькими днями позже отъ преждевременныхъ родовъ. Извѣстно, съ какой энергіей болгары сопротивлялись рукоположенію Фирмиліана на постъ ускюбскаго митрополита. Дѣло тянулось годами, и нуженъ былъ весь авторитетъ посланника одной великой державы, чтобы сломить упорство болгаръ [2]). Турція, конечно, очень довольна этими національными столкновеніями: они переносятъ македонскій вопросъ съ его настоящей почвы—борьбы съ турецкими злоупотребленіями—на почву междоусобной борьбы, которая раздѣляетъ и обезсиливаетъ и сербовъ, и грековъ, и болгаръ.

---

[1]) Кънчевъ, Етнографията на Македонія, стр. 24.

[2]) Ускюбскій вилайетъ, граничащій съ Сербіей, является и главнымъ полемъ дѣйствія сербской пропаганды. Въ настоящее время, по болгарскимъ источникамъ, изъ всего населенія ускюбскаго вилайета 12,9% признаютъ себя сербами, 36%—болгарами, 47,5%—турками и албанцами.

Въ такомъ фазисѣ находилось македонское движеніе въ теченіе пятнадцати лѣтъ; въ такомъ фазисѣ оно находится и теперь, но только отчасти. Борьба пропагандъ продолжается и будетъ продолжаться, но она мало-по-малу уступаетъ мѣсто борьбѣ противъ турецкаго правительства. Эта перемѣна произошла въ связи съ армянскими событіями. Еще при первыхъ армянскихъ манифестаціяхъ въ 1894 году болгарская печать заговорила о политическихъ реформахъ въ Македоніи. Тогдашняя оффиціозная газета „Свобода", органъ находившагося еще у власти Стамбулова, воскресила проектъ Раковскаго о созданіи сильной дуалистической турецко-болгарской державы. Западные органы, сочувствовавшіе Стамбулову, начиная съ вѣнской „Neue Freie Presse" и кончая бернскимъ „Bund"'омъ, указывали на невыгодность для Турціи этого проекта. Но еще въ томъ же году Стамбуловъ палъ. Въ слѣдующемъ году основался въ Софіи верховный македонскій комитетъ, подъ предсѣдательствомъ покойнаго Китанчева,—македонца по происхожденію и извѣстнаго болгарскаго политическаго дѣятеля. Въ скоромъ времени всѣ города Болгаріи покрылись сѣтью отдѣленій верховнаго комитета. Параллельно съ тѣмъ, что происходило въ княжествѣ, въ самой Македоніи организовались подпольные комитеты, поставившіе себѣ цѣлью подготовленіе широкаго народнаго возстанія. Вотъ уже семь лѣтъ, какъ существуютъ эти комитеты въ Болгаріи и Македоніи, и уже ихъ исторія чрезвычайно богата всякими инцидентами, внутренними разногласіями, по поводу которыхъ на болгарскомъ языкѣ существуетъ множество брошюръ и статей. Если оставить въ сторонѣ обвиненія частнаго характера, которыя македонскіе дѣятели взваливаютъ другъ на друга, мы найдемъ двѣ коренныя причины ихъ разногласій: во-первыхъ, различное отношеніе къ болгарскому правительству и, во-вторыхъ, различныя представленія о будущемъ самой Македоніи.

Еще въ самомъ началѣ македонскаго движенія, когда во главѣ комитета находился Китанчевъ, болгарское правительство старалось овладѣть этимъ движеніемъ. Нѣкоторые даже приписываютъ ему, не безъ основанія, помощь въ организаціи повстанческихъ дружинъ, перешедшихъ въ Македонію лѣтомъ 1895 года. Князю Фердинанду приписывалось, опять-таки не безъ основанія, желаніе воспользоваться этимъ движеніемъ, какъ средствомъ обратить на себя вниманіе нѣкоторыхъ державъ, которыя, увидавъ, что въ его рукахъ миръ на Балканскомъ полуостровѣ, согласились бы признать его законнымъ княземъ Болгаріи, въ замѣнъ чего онъ обязался бы удерживать македонское движеніе въ из-

вѣстныхъ границахъ. Однако, разъ движеніе возникло, оно быстро развивалось далѣе по своимъ собственнымъ законамъ. Въ средѣ комитета образовались двѣ партіи: одна, продолжавшая вдохновляться политикой болгарскаго правительства, и другая, дѣйствующая самостоятельно, на свой рискъ и страхъ. Во главѣ первой находились генералъ Цончевъ, профессоръ Михайловскій; во главѣ второй—Борисъ Сарафовъ, македонецъ и бывшій офицеръ болгарской арміи. Борьба этихъ двухъ фракцій продолжается уже два года и закончилась тѣмъ, что вмѣсто одного верховнаго македонскаго комитета ихъ оказалось два. Это раздѣленіе произошло прошлымъ лѣтомъ въ Софіи, когда во время ежегоднаго македонскаго конгресса партизаны генерала Цончева отказались признать полномочія партизановъ Сарафова. Между тѣмъ, послѣдніе составляютъ большинство не только въ Болгаріи, но что самое главное—и внутри Македоніи. Генералъ Цончевъ и его товарищи, чтобы привлечь на свою сторону эти внутреннія македонскія организаціи, поспѣшили провозгласить въ октябрѣ возстаніе въ Македоніи. Однако, это возстаніе, провозглашенное лишь однимъ—и при томъ не пользующимся въ Македоніи авторитетомъ—верховнымъ комитетомъ, должно было остаться частичнымъ. „Желая дѣйствовать какъ можно поспѣшнѣе,—пишетъ заграничный органъ фракціи Сарафова, „Le Mouvement Macédonien",—генералъ Цончевъ и его друзья провозгласили возстаніе, несмотря на твердое и неотмѣнное рѣшеніе внутренней тайной организаціи ждать момента, благопріятнаго для всеобщаго и хорошо организованнаго движенія... Вотъ почему внутренняя организація отказалась слѣдовать за Цончевымъ. Не потому, что она была бы противъ возстанія, а какъ разъ наоборотъ. Но возстаніе есть средство, и, какъ таковое, оно опредѣляется соображеніями о своевременности и полезности. Между тѣмъ внутренняя организація убѣждена, что возстаніе, провозглашенное въ сентябрѣ,—несвоевременно, и что сверхъ того оно не произведетъ того дѣйствія, котораго можно ожидать отъ всеобщаго движенія македонскаго народа. Вотъ объясненіе того обстоятельства, что внутренняя организація приказала своимъ комитетамъ воздержаться" [1]).

Однако, несмотря на отсутствіе поддержки со стороны внутренней организаціи, генералъ Цончевъ и полковникъ Янковъ продержались больше двухъ мѣсяцевъ на двухъ театрахъ своихъ дѣйствій: на юго-западной границѣ Македоніи, въ окрестностяхъ

---

[1]) Le Mouvement Macédonien, 5 Nov. 1902, p. 2.

Водена и Коситуръ, и на восточной границѣ, по близости отъ Болгаріи, въ окрестностяхъ Мельника, Неврокопа и Демиръ-Гиссара. Это было первой попыткой болѣе широкаго повстанческаго движенія, обратившей на себя вниманіе европейской дипломатіи. Но въ Македоніи, даже въ періодъ чисто націоналистической пропаганды, никогда не переставали появляться отдѣльныя дружины. Отчасти онѣ организовались въ Болгаріи, отчасти рекрутировались среди недовольныхъ элементовъ въ самой странѣ. Ихъ цѣль—или месть какому-нибудь бегу, или защита деревень отъ разбойниковъ, или же, наконецъ, такъ называемая „вооруженная пропаганда". Дружина „гайдуковъ" входитъ въ деревни, собираетъ крестьянъ и убѣждаетъ ихъ организовать комитетъ. Если судить по нѣкоторымъ цифровымъ даннымъ, крестьяне-земледѣльцы численно преобладаютъ въ подпольной организаціи, а главная руководящая роль принадлежитъ деревенскимъ учителямъ. Изъ одного списка, опубликованнаго въ четвертомъ нумерѣ „Mouvement Macédonien", видно, что изъ 45 осужденныхъ на каторгу по дѣлу Киримидги-оглу (имѣвшему мѣсто въ адріанопольскомъ вилайетѣ) 24 принадлежатъ къ крестьянскому слою, 11 являются народными учителями, а остальные распредѣляются такъ: 2 купца, 3 рабочіе, 1 лавочникъ, 2 кузнеца и 1 служащій болгарской метрополіи въ Адріанополѣ. Другой списокъ, касающійся 49 убитыхъ въ разныхъ схваткахъ или убившихъ себя, чтобы не попасться въ руки баши-бузуковъ, отличается болѣе разнообразнымъ составомъ: 14 крестьянъ-земледѣльцевъ, 11 учителей (среди нихъ одна учительница Вассилка Иванова), 5 рабочихъ, 6 купцовъ, 2 мясника, 2 портныхъ, 2 студента, 3 служащихъ, изъ которыхъ одинъ на желѣзной дорогѣ, и, наконецъ, одинъ телеграфистъ, одинъ пастухъ и одинъ каменьщикъ. По другимъ даннымъ, напечатаннымъ въ той же газетѣ отъ 20-го ноября 1902 года, выходитъ, что съ апрѣля до половины сентября, т.-е. до начала возстанія, вызваннаго Цончевымъ, было около сорока схватокъ отдѣльныхъ повстанческихъ дружинъ съ турецкими жандармами и солдатами. Число убитыхъ доходитъ до нѣсколькихъ сотъ; особенно много убитыхъ въ рядахъ турецкой жандармеріи и войска. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ фактомъ, что турки нападаютъ, тогда какъ повстанцы, въ большинствѣ случаевъ, выбираютъ самыя защищенныя позиціи.

Программа македонскихъ комитетовъ сводится къ требованію широкой автономіи подъ верховной властью султана. Но въ пониманіи этой автономіи обѣ фракціи различаются. Тогда какъ для такъ называемыхъ „цончевистовъ" и вообще для громаднаго

большинства собственно болгаръ эта автономія является только переходной фазой къ окончательному присоединенію Македоніи къ Болгаріи, другая фракція все усиленнѣе проповѣдуетъ идею „Македоніи для македонцевъ, разъ навсегда". Пять-шесть лѣтъ тому назадъ, эта идея встрѣчала сочувствіе лишь у отдѣльныхъ болгарскихъ публицистовъ. Ссылаясь, между прочимъ, на составъ населенія и на необходимость дать македонскому вопросу не только справедливое, но и такое практическое рѣшеніе, на которомъ могли бы сойтись всѣ балканскіе народы,—эти публицисты настойчиво доказывали, что Македонія не должна быть присоединена къ Болгаріи. Въ противномъ случаѣ,—предположивъ, что это присоединеніе допустятъ великія державы,—Балканскій полуостровъ сдѣлается театромъ жесточайшей борьбы національностей, что̀ неминуемо поведетъ къ ихъ политическому и экономическому порабощенію.

Съ тѣхъ поръ эта идея совершила свое развитіе. Она раздѣляется теперь уже не отдѣльными публицистами или идеологическими группами, а цѣлыми партіями. Она вошла въ программу демократической партіи, отдѣлившейся, два года назадъ, отъ Каравелова. Эту идею раздѣляютъ и руководители внутреннихъ македонскихъ организацій. Ихъ идеалъ—автономная Македонія, „которая, какъ самостоятельное государство, вошла бы въ конфедерацію балканскихъ государствъ" [1]).

Стремленія и дѣятельность македонскихъ комитетовъ не могли, конечно, оставаться тайной для Турціи. Еще съ 1895 года турецкое правительство предпринимаетъ всѣ предохранительныя мѣры, увеличиваетъ полицейскій надзоръ, сосредоточиваетъ громадныя войска и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, переходитъ законныя границы и превращаетъ предохранительныя мѣры въ жестокія репрессаліи. Жертвами этихъ репрессалій становятся не только виновные, но—что̀ еще важнѣе—и люди невинные, непричастные къ какому бы то ни было движенію. Въ турецкой практикѣ за дѣйствія каждаго должны отвѣчать не только его родственники, но и всѣ его сограждане. Турція въ этомъ отношеніи дошла до такой смѣлости, что потребовала отъ великихъ державъ признанія за этимъ принципомъ коллективной отвѣтственности силы закона. Для этой цѣли въ свой проектъ реформъ 1896 года Порта внесла слѣдующій параграфъ: „Въ случаѣ намѣреннаго поджога или уничтоженія домовъ, жатвы или земледѣльческихъ продуктовъ въ какой бы то ни было мѣст-

---

[1]) Le Mouvement Macédonien, № 2, p. 3.

ности, жители послѣдней обязаны найти и выдать властямъ виновниковъ или же оплатить сдѣланный убытокъ" [1]). Этотъ неслыханный принципъ, заставляющій всю деревню отвѣчать за поступки отдѣльныхъ личностей, примѣняется турецкимъ правительствомъ и въ Македоніи. Такъ, напр., въ 1897 году, возлѣ деревни Виницы найдено было въ полѣ зарытое оружіе. Турецкое правительство сочло отвѣтственными за это всѣхъ крестьянъ ближнихъ деревень, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль начальникъ солунской полиціи Мехмедъ-паша, о которомъ мы уже упоминали выше, свирѣпствовалъ, казнилъ, арестовывалъ, подвергалъ пыткамъ и заставилъ десятки семействъ спасаться бѣгствомъ въ Болгарію. Когда турецкая полиція нападаетъ на слѣды какой-нибудь подпольной организаціи, это является для нея предлогомъ массовыхъ арестовъ всѣхъ подозрѣваемыхъ людей. Послѣ этого начинается слѣдствіе, причемъ насиліями и пытками власти стараются и у невинныхъ вынудить признаніе въ несуществующихъ преступленіяхъ. Такъ было осуждено большинство обвиняемыхъ по дѣлу Киримидги-оглу,—болгарина, убійство котораго турецкія власти приписывали болгарскому комитету. Много было невинно осужденныхъ и въ большомъ процессѣ—обвиняемыхъ было больше ста,—который разсматривался въ солунскомъ судѣ въ мартѣ 1901 года. Во время суда одинъ изъ обвиняемыхъ, Христоматовъ, учитель солунской гимназіи, поднялся и въ энергичныхъ выраженіяхъ началъ раскрывать, какими пытками судебный слѣдователь вырывалъ какъ у него, такъ и у другихъ невѣрныя показанія; реизъ (прокуроръ) его остановилъ словами: „Здѣсь не мѣсто и не время жалобамъ; перейдемъ къ дальнѣйшему допросу". Онъ не успѣлъ еще окончить своей фразы, какъ молодой господинъ изъ присутствовавшей публики, возмущенный пристрастностью суда, воскликнулъ: „Это позоръ! да, позоръ! Это не судъ, а безстыдная комедія"! Предсѣдатель суда Сами-Эфенди, сначала ошеломленный, пришелъ въ себя и строгимъ голосомъ началъ: „Кто осмѣливается..?"—но его вопросъ застылъ на этомъ словѣ, когда онъ увидѣлъ, что протестующій не кто иной, какъ секретарь австро-венгерскаго консульства въ Салоникахъ [2]).

Недавнее движеніе въ Македоніи дало поводъ къ новымъ репрессаліямъ, подробности которыхъ всѣмъ извѣстны уже очень хорошо по газетнымъ корреспонденціямъ. По подсчетамъ бол-

---

[1]) См. цитированную выше французскую желтую книгу, стр. 229.

[2]) D'Espagnat, p.p. 297—298.

гарской газеты „Право“, въ одной монастирской тюрьмѣ находится теперь 290 заключенныхъ. По свѣдѣніямъ „Mouvement Macédonien“, за шесть мѣсяцевъ, съ апрѣля по октябрь, 76 деревень было ограблено или сожжено. Больше двухъ тысячъ бѣглецовъ, главнымъ образомъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей, нашло себѣ убѣжище въ болгарскихъ пограничныхъ городахъ и Рильскомъ монастырѣ. Каждый день телеграфъ и газеты приносили новыя извѣстія о жестокостяхъ турецкихъ властей. Одно изъ новѣйшихъ—сообщеніе объ избіеніи 24 мирныхъ македонскихъ рабочихъ, когда они переходили болгаро-македонскую границу. Хотя у нихъ всѣ бумаги были въ порядкѣ, турецкія пограничныя власти отвели ихъ въ мѣстность, называемую „Бѣлопольскій мостъ“, и избили всѣхъ до одного, отрѣзавъ имъ сначала руки, ноги и, наконецъ, головы. Это случилось ночью 12-го ноября [1]). Болгарскія газеты сообщали имена, мѣсторожденія и возрастъ всѣхъ убитыхъ. Нѣсколько дней спустя, болгарское правительство оффиціально подтвердило достовѣрность этого, повидимому, неправдоподобнаго факта. Правда, телеграмма изъ Константинополя назвала потомъ извѣстіе вымышленнымъ, но такъ же поступало турецкое правительство и раньше, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. На стр. 289 французской желтой книги объ армянскихъ дѣлахъ находится заявленіе турецкаго правительства, что виновниками константинопольской рѣзни были по большей части переодѣтые армянскіе революціонеры.

Послѣднія турецкія репрессаліи снова обратили вниманіе европейской дипломатіи на внутренніе порядки Турціи. Но еще характернѣе то, что онѣ вызвали перемѣну настроенія въ Сербіи и Греціи. До сихъ поръ сербская и греческая печать не поднимала вопроса о политическихъ реформахъ въ Македоніи, боясь, что ими воспользуются болгары въ своихъ націоналистическихъ цѣляхъ. Наоборотъ, она старалась, вмѣстѣ съ султаномъ, отвѣтственность за турецкія жестокости возложить на болгарскіе комитеты или на албанскихъ беговъ (въ Старой Сербіи) и вела узко-націоналистическую пропаганду. Но теперь греческая печать, начиная съ „Неологосъ“ и кончая издающимся по-французски „Messager d'Athènes“, требуетъ реформъ, которыя обезпечили бы устойчивый порядокъ въ Македоніи. То же самое говорятъ и сербы. Извѣстно, что въ октябрѣ состоялся въ Бѣлградѣ большой митингъ. Нѣкоторые ораторы, интересовавшіеся прежде всего тѣмъ, чтобы турецкое правительство отмѣчало въ своей статистикѣ по-

[1]) Прѣпорецъ, № 59 (Софія, 27-го ноября 1902 г.).

больше сербовъ, предложили послать султану адресъ, въ которомъ, вмѣстѣ съ выраженіемъ привѣтствія, требовали его покровительства противъ болгарскихъ комитетовъ. Но другіе ораторы осудили политику раболѣпія и предложили резолюцію о политическихъ реформахъ. На ихъ сторонѣ оказалось и большинство митинга. Теперь всѣ требуютъ, чтобы въ Македоніи былъ установленъ „устойчивый порядокъ" путемъ „серьезныхъ реформъ". Но изъ нашего очерка видно, что серьезными можно считать лишь тѣ реформы, которыя создадутъ организованный европейскій контроль надъ внутренними дѣлами Турціи и обезпечатъ христіанамъ широкій доступъ къ власти.

Х. Г. Инсаровъ.

ЗВУКИ СТАРИНЫ ДАЛЕКОЙ...

Зимой мнѣ были молчаливы
Явленья жизни; я вѣдь глухъ;
Но музыкальные мотивы
Ласкали мой духовный слухъ.

Сижу, бывало, одинокій
Въ невозмутимой тишинѣ,
А звуки старины далекой
Былое воскрешаютъ мнѣ.

Все больше отрочества годы
Мнѣ шлютъ радушный свой привѣтъ.
Я ужъ тогда былъ другъ природы;
Уже тогда я былъ поэтъ...

Въ аллеѣ липъ, въ аллеѣ вишенъ
Весеннимъ днемъ гуляю я;
Мнѣ птичій гамъ отвсюду слышенъ;
Я свѣтелъ, добръ; мой духъ возвышенъ;
Я полонъ счастьемъ бытія.

„Я убѣжденъ, что мошки, пчелы
Такимъ же счастіемъ полны,
И всѣ слагаютъ гимнъ веселый
Во славу жизни и весны.

„Я увлеченъ пѣтушьемъ крикомъ;
И объяснилъ мнѣ чуткій слухъ,

Что̀, въ удовольствіи великомъ,
Повѣдать силится пѣтухъ:

„—Какъ хорошо!—кричитъ онъ, славя
Природу щедрую за все;
И юный сынъ его, картавя,
Кричитъ за нимъ:—Какъ халясё!

„Сижу я въ классной. Не пускаютъ
Меня гулять въ ненастный день;
Но звуки вскорѣ развлекаютъ
Мою задумчивую лѣнь.

„То чтенье слышится: красиво
Звучитъ „Онѣгина“ строфа;
То мать поетъ—иль „Casta diva“,
Иль „Una voce poco fà“.

„Въ столовой—всенощной служенье.
Открыты окна настежь въ садъ;
И дымъ кадильнаго куренья
Цвѣтамъ струитъ свой ароматъ.

„Сталъ уставать я понемногу,
И сталъ разсѣянъ; но потомъ,
При пѣньѣ:—Слава въ вышнихъ Богу!
Души я чувствую подъемъ.

„И въ то же время изъ-за сада
Я слышу топотъ, ржанье, рёвъ
Домой вернувшагося стада—
Овецъ, коней, телятъ, коровъ.

„Сперва всѣ взрослые смутились;
Но далъ примѣръ священникъ самъ,
Чтобы погромче возносились
Молитвы клира къ небесамъ.

„Весь трудъ, однако, былъ напраснымъ,
И стадо заглушить не могъ
Ни дьяконъ басомъ громогласнымъ,
Ни звонкимъ тѐноромъ дьячокъ.

„А мнѣ пріятенъ выси съ доломъ
Такой нечаянный союзъ;
И я, въ волненіи веселомъ,
Еще усерднѣе молюсь...“

Такъ звуки старины далекой
Былое воскрешали мнѣ,
Когда мечталъ я, одинокій,
Въ невозмутимой тишинѣ...

Алексѣй Жемчужниковъ.

Мартъ 1903.
Тамбовъ.

ВѢСТИ о КИТАѢ

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія союзныхъ отрядовъ въ Пекинъ и освобожденія иностранцевъ изъ пасти ихэтуанцевъ, китайское правительство, въ сознаніи всей безпомощности своего положенія и настоятельной необходимости коренныхъ реформъ, предложило англійскому миссіонеру Ричарду Тимоти, извѣстному въ средѣ китайцевъ своимъ глубокимъ знаніемъ жизни Китая и его языка,—представить проектъ реформъ, которыя могли бы вывести его изъ хаотическаго состоянія, возродить его и сдѣлать сильнымъ и богатымъ.

Проектъ этотъ, являющійся выраженіемъ идей и взглядовъ, которые въ большей или меньшей степени раздѣляются всѣми соотечественниками его автора, не можетъ не представлять для насъ извѣстнаго интереса. Изъ него мы узнаемъ, какимъ образомъ, какими средствами и при помощи какихъ силъ авторъ предполагаетъ осуществить гигантскую работу возрожденія Китая, и въ какой мѣрѣ онъ признаетъ необходимымъ, желательнымъ и полезнымъ участіе въ ней другихъ націй вообще и Россіи въ особенности. Проектъ этотъ, написанный на китайскомъ языкѣ и со всею свойственною ему образностью, былъ переведенъ нами вскорѣ по его представленіи по его высокому назначенію, но по разнымъ обстоятельствамъ не могъ появиться въ печати ранѣе.

Одновременно съ переводомъ проекта англичанина Ричарда Тимоти, нами переведена была статья одного китайца—„О способахъ вытѣсненія иностранцевъ“. Находя, что взгляды автора не лишены извѣстнаго интереса, заключаютъ въ себѣ много жизненной правды въ характеристикѣ взаимныхъ отношеній между китайцами и иностранцами и носятъ печать нѣкоторой оригинальности въ общихъ сужденіяхъ, показывающихъ, что предста-

вители желтой расы начинаютъ проникаться идеями Запада и освоиваться съ ними, мы рѣшаемся подѣлиться также и ими съ читателями.

I.

Проектъ китайскихъ реформъ.

„Небо нелицепріятно; ко всѣмъ оно относится съ одинаковою любовью; послушные ему остаются, а противящіеся погибаютъ. Это—вѣковѣчный, неизмѣнный законъ. Прошло болѣе 50 лѣтъ съ открытія торговыхъ сношеній Китая съ иностранцами, въ теченіе которыхъ между Китаемъ и иностранными державами, вслѣдствіе ничтожныхъ причинъ, случались нарушенія мирныхъ отношеній. Эти нарушенія происходили вслѣдствіе различія языковъ, воздвигшихъ между ними преграду, — однимъ словомъ, отъ взаимнаго непониманія, которое влекло къ неумышленнымъ промахамъ (нарушенію приличій), а эти послѣдніе вызывали войны. Коль скоро имѣются международныя сношенія, то необходимо взаимное пониманіе взаимныхъ руководящихъ принциповъ и условій. Если же при этомъ одно какое-нибудь государство ограничивается только знаніемъ собственныхъ дѣлъ, а незнакомо съ дѣлами иностранными, читаетъ только однѣ свои книги, а не читаетъ иностранныхъ, то при взаимныхъ сношеніяхъ оно неизбѣжно терпитъ.

„Вникая въ государственное управленіе Китая и иностранныхъ земель, я нахожу, что Китаю крайне необходимо измѣнить слѣдующіе четыре предмета: систему образованія народа, способы пропитанія его, мѣры къ успокоенію его и къ его обновленію.

„1. Система воспитанія. Въ настоящее время взаимныя сношенія Китая и иностранцевъ незамѣтнымъ образомъ терпятъ громадный вредъ. Настоятельно необходимо, чтобы китайскій государь и чины его могли понимать истинное положеніе Китая и иностранныхъ державъ, а равнымъ образомъ имѣть полное знакомство съ положеніемъ своего народа и правительственныхъ сферъ. А такъ какъ ближайшіе совѣтники государя не осмѣливаются говорить правду, то, само собою разумѣется, является необходимость въ людяхъ, которые бы знакомили ихъ величества съ сущностью просвѣщенія и государственнаго строя иностранныхъ земель. Такъ какъ князья императорской крови впослѣдствіи будутъ держать въ своихъ рукахъ правительственную

власть, то настоятельно необходимо выбрать изъ нихъ десять человѣкъ и отправить въ путешествіе въ чужіе края на два года. Затѣмъ, дѣтей высшихъ столичныхъ и провинціальныхъ чиновниковъ, генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, также слѣдуетъ отправить въ чужіе края для обученія на нѣсколько лѣтъ, съ цѣлью полнаго ознакомленія ихъ съ иностранными порядками. Изъ китайскихъ ученыхъ, знакомыхъ съ древними и новыми знаніями и понимающихъ высшіе интересы, надлежитъ командировать за границу сто человѣкъ для изученія разныхъ спеціальностей.

„Для установленія связи между правительствомъ и народомъ необходимо: а) основаніе газетъ. Если желаете, чтобы государство было сильно, для этого необходимо обогатить народъ; а желая обогатить народъ, необходимо произвести преобразованія, которыя немедленно приведутъ къ богатству и силѣ. Но, для того, чтобы китайскіе чиновники и народъ понимали пользу новаго правительственнаго строя, необходимо широкое распространеніе газетной прессы, которою бы вѣдали лица, понимающія современныя дѣла. б) Переводъ иностранныхъ книгъ. Китайскую старинную ученость, насчитывающую нѣсколько тысячелѣтій, никоимъ образомъ нельзя бросать, но, въ виду сношеній съ иностранцами, нельзя и не знать и новыхъ общеупотребительныхъ между иностранцами наукъ, прибавленіе которыхъ доставитъ большую пользу, а отсутствіе причинитъ большой вредъ. Напримѣръ, на одноколесной телѣгѣ также возможно ѣхать далеко; но если мы замѣнимъ ее двухколесною телѣгою, запряженною хорошею лошадью, не будетъ ли отъ этого ѣзда быстрѣе и покойнѣе? По всѣмъ иностраннымъ наукамъ существуютъ спеціальныя книги, какъ элементарныя, такъ и спеціальныя, которыя нужно переводить въ обширныхъ размѣрахъ для того, чтобы люди, незнакомые съ иностранными языками, также могли получать доступъ къ основательному изученію иностранныхъ наукъ. в) Основаніе школъ. Иностранныя науки не составляютъ достоянія одной какой-либо національности и не представляютъ трудъ одного лица,— это общее достояніе всего человѣчества. Для распространенія ихъ необходимо во всѣхъ областныхъ городахъ и торговыхъ портахъ открыть школы и пригласить въ нихъ ученыхъ иностранныхъ спеціалистовъ для преподаванія, которое можетъ идти на китайскомъ или же иностранномъ языкѣ. г) Расширеніе экзаменовъ. Китайскіе экзамены, прекрасные по идеѣ и отличные по системѣ, не слѣдуетъ упразднять. Одно только, что темы ихъ не отличаются обширностью и, ограничи-

ваясь разсужденіями объ отечественныхъ предметахъ, игнорируютъ совершенно способы управленія иностранныхъ государствъ. Въ западныхъ государствахъ учатся не для того только, чтобы быть чиновниками, но также и для принесенія пользы въ разныхъ другихъ профессіяхъ. Тамъ на каждыхъ десять человѣкъ приходится по 7—8 человѣкъ грамотныхъ, тогда какъ въ Китаѣ—только по 1—2. Учащихся мало,—оттого мало и годныхъ людей. Выбирать ученыхъ на экзаменахъ одинъ разъ въ три года—это слишкомъ мало; и при этомъ ограничиваться одною только спеціальностью—это слишкомъ узко. Если не ввести новаго метода, для расширенія пути къ почестямъ, то Китай останется всегда позади другихъ странъ. Считаю долгомъ просить милостиваго указа о прибавкѣ одного китайско-иностраннаго экзамена. Каждый годъ изъ каждой области брать около ста студентовъ китайско-иностранныхъ наукъ; каждый годъ въ главномъ городѣ всякой провинціи удостоивать по экзаменамъ около ста человѣкъ степени кандидата китайско-иностранныхъ наукъ; каждый годъ на испытаніяхъ въ столицѣ удостоивать степени магистра китайско-иностранныхъ наукъ приблизительно сто человѣкъ, а затѣмъ, чтобы каждый годъ на дворцовыхъ экзаменахъ были высочайшею властью отмѣчаемы десять академиковъ. Этимъ путемъ при небольшихъ расходахъ образуется значительный запасъ дѣльныхъ людей.

„2. Система пропитанія народа. Всѣ провинціи Китая отличаются громаднымъ приростомъ населенія. А между тѣмъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, въ Китаѣ ежегодно погибаетъ отъ голода и холода отъ 3-хъ до 4-хъ милліоновъ людей, а тѣхъ, которые влачатъ жалкое существованіе, и не перечесть. Да, не только одно простонародье находится въ такомъ положеніи, но даже большая половина столичныхъ и провинціальныхъ чиновниковъ, за исключеніемъ немногихъ счастливцевъ, не въ состояніи пропитываться на получаемое жалованье. Что же касается чиновниковъ, ожидающихъ вакансій, то крайне бѣдственное положеніе ихъ трудно себѣ представить. Неизвѣстные же ученые пробиваются уроками, получая въ годъ ланъ 100 (около 140 р.), да и то нужно еще быть расторопнымъ, чтобы получить и эту скромную сумму. Кромѣ этого, нѣтъ другихъ средствъ къ жизни. Такое бѣдственное положеніе—дѣло невиданное въ другихъ государствахъ. Китай, въ сущности,—богатѣйшее государство, а между тѣмъ доводитъ свой народъ до такой крайней степени бѣдствія и страданія. А почему? Все потому, что онъ не усвоилъ себѣ хорошихъ способовъ пропитанія народа, глав-

ныя основанія которыхъ сводятся къ слѣдующимъ десяти положеніямъ: а) Къ проложенію путей сообщенія. Если желѣзныя и шоссейныя дороги покроютъ весь Китай, то произведенія распространятся повсюду и на провозной платѣ ежегодно будутъ получаться огромныя сбереженія; какъ путешественники, такъ и остающіеся на мѣстахъ получатъ большія выгоды; продавцы и покупатели также не будутъ въ убыткѣ. б) Къ ускоренію обмѣна корреспонденціи учрежденіемъ по всему государству почтовыхъ конторъ; почтовые сборы доставятъ казнѣ нѣсколько милліоновъ дохода, а ускореніе движенія корреспонденціи будетъ выгодно и для правительства, и для публики. в) Къ открытію минеральныхъ богатствъ, разработка которыхъ, при быстротѣ перевозки по желѣзнымъ дорогамъ, можетъ быть распространена на всѣ провинціи Китая и кроющаяся въ нѣдрахъ земли безполезная грязь на поверхности ея превратится въ полезные, дорогіе металлы. г) Къ распашкѣ пустырей, которыхъ не мало въ Манчжуріи и въ сѣверо-западномъ Китаѣ; но, благодаря отсутствію путей сообщенія, онѣ остаются заброшенными; съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, можно будетъ двинуть туда переселенцевъ для обработки ихъ и, такимъ образомъ, на непринадлежащей никому землѣ кормить бездомовный народъ, который уже не будетъ, расходясь отъ нужды, превращаться въ воровъ и разбойниковъ. д) Къ увѣщаніямъ заниматься ремеслами. Ручной трудъ одного человѣка можетъ прокормить только его, тогда какъ при машинномъ производствѣ одинъ человѣкъ можетъ замѣнить десятерыхъ и въ одинъ день сдѣлать десятидневную работу, и, заработывая болѣе, доставлять довольство семьѣ. е) Къ сооруженію машинъ, распространеніе которыхъ въ западныхъ государствахъ на первыхъ порахъ также вызывало безпокойство по поводу отнятія средствъ къ жизни у бѣднаго населенія, тогда какъ въ сущности это было не отнятіемъ занятія, а измѣненіемъ и расширеніемъ его. Наоборотъ, съ развитіемъ машиннаго производства и средства къ жизни увеличиваются, потому что съ увеличеніемъ предметовъ производства увеличивается сбытъ ихъ въ иностранныя государства. Кромѣ того, не только не будетъ опасности отлива денегъ за границу, но и въ самомъ государствѣ число людей, участвующихъ въ прибыляхъ, съ каждымъ днемъ будетъ уменьшаться, а число производителей цѣнностей— увеличиваться. ж) Къ открытію банковъ, потому что Китай страдаетъ бѣдностью отъ запустѣнія полей и многолюдства, вслѣдствіе чего денежная наличность съ каждымъ днемъ уменьшается. Съ открытіемъ банковъ можно пустить въ обращеніе ассигнаціи,

съ полнымъ обезпеченіемъ ихъ наличнымъ капиталомъ, соотвѣтствующимъ выпускной суммѣ; тогда капиталъ въ 10.000 будетъ дѣйствовать за 20.000. з) Къ чеканкѣ монеты. Въ иностранныхъ государствахъ право чеканить монету принадлежитъ государству. Монета бываетъ трехъ родовъ: золотая, серебряная и мѣдная; только въ Китаѣ существуетъ одна мѣдная монета, да и то не вездѣ одинаковая; поэтому денежное обращеніе совершается при содѣйствіи мѣняльныхъ лавокъ, пропитывающихъ нѣсколько милліоновъ праздныхъ людей, подтачивающихъ благосостояніе государства. и) Къ покровительству торговому классу, который, содѣйствуя свободному обращенію товаровъ, какъ бы служитъ для государства регуляторомъ для равномѣрнаго распредѣленія ихъ; поэтому необходимо охранять ихъ выгоды, чтобы правительство могло побольше получать пошлинъ и сборовъ. і) Къ объявленію о каждомъ правительственномъ распоряженіи и мѣропріятіи, съ цѣлію искорененія обмана и предупрежденія корыстолюбія.

„3. Мѣры къ успокоенію народа. Причинъ безпокойства китайскаго народа двѣ: опасности извнѣ и внутреннія невзгоды— обѣ крайне опасныя и, безъ надлежащихъ предупредительныхъ мѣръ, могущія привести государство къ немедленной гибели. Для успокоенія народа существуетъ два способа: поддержаніе мирныхъ отношеній съ иностранцами и обезпеченіе внутренняго спокойствія. Для поддержанія мирныхъ отношеній съ иностранцами требуется установленіе дружественныхъ связей, видимыми проявленіями которыхъ служитъ заключеніе договоровъ и отправленіе посольствъ. Иностранныя державы отправляютъ своихъ посланниковъ въ Китай, для поддержанія дружественныхъ отношеній; эту мысль необходимо хорошо усвоить себѣ и обходиться съ ними искренно, безъ обмана и подозрѣнія. Международный мирный конгрессъ также является однимъ изъ средствъ къ скрѣпленію мирныхъ отношеній, и Китай, чтобы быть въ немъ участникомъ, долженъ вмѣстѣ съ другими государствами содѣйствовать поддержанію общихъ интересовъ и охраненію всеобщаго мира. Необходимо также и заключеніе союзовъ. При настоящемъ, крайне опасномъ положеніи дѣлъ въ Китаѣ и въ виду того, что едва ли общественное мнѣніе успѣетъ придти къ нему на помощь, ему необходимо заключить тайный союзъ съ однимъ изъ могущественныхъ, высокопочтенныхъ государствъ (разумѣй Англію), принимающихъ къ сердцу общіе интересы. Какъ посторонній человѣкъ, я не могу знать въ настоящее время намѣреній Китая, а также и не осмѣливаюсь разсуждать объ этомъ. Но въ прошлую

весну мною былъ представленъ одинъ прекрасный проектъ, и еслибы главноуправляющіе сѣвернымъ и южнымъ Китаемъ могли исполнить его, то не было бы настоящей опасности. Теперь же положеніе дѣлъ значительно измѣнилось, и проектъ этотъ едва ли осуществимъ. Къ тому же, безъ особаго плана, составленнаго высокоталантливымъ и понимающимъ современное положеніе дѣлъ знатокомъ международнаго права, положительно невозможно обойтись. Но, судя по настоящему времени, если не прибѣгнуть къ заключенію съ иностранными державами мира на нѣсколько лѣтъ, я опасаюсь, что, подъ давленіемъ внѣшнихъ политическихъ условій, у Китая никогда не будетъ свободнаго времени для необходимыхъ внутреннихъ преобразованій. Поэтому миръ—это великое благодѣяніе и великая польза для Китая, а раздоръ — великая опасность и великій вредъ. Для поддержанія внутренняго спокойствія необходимо устранить пристрастіе къ одной какой-либо школѣ или ученію, и безразлично изучать все полезное для человѣка въ томъ или другомъ отношеніи. Затѣмъ, необходимо изысканіе средствъ. Въ настоящее время Китаю, какъ для внутренняго устройства, такъ и для внѣшней политики нужны громадныя средства. Прежняя финансовая система не только безполезна, но и соединена со множествомъ злоупотребленій, а потому необходимо замѣнить ее самою лучшею иностранною финансовою системой, съ лучшими иностранными финансистами. Только при этихъ условіяхъ Китай можетъ немедленно удовлетворить неотложнымъ потребностямъ, а затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, при громадномъ населеніи Китая и обширномъ пространствѣ его, финансово-экономическое положеніе его совершенно исправится. Кромѣ этого, необходимо заняться военнымъ дѣломъ. Особенно это крайне необходимо для Китая послѣ понесеннаго имъ пораженія. Для этого ему настоятельно требуется прибѣгнуть къ иностранной системѣ, пригласить изъ Европы спеціалистовъ военнаго дѣла и вмѣстѣ съ хорошими китайскими военачальниками заняться обученіемъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, и когда введена будетъ точная и строгая военная дисциплина, Китай, конечно, не подвергнется оскорбленіямъ отъ другихъ. Съ этимъ ему слѣдуетъ поторопиться, потому что система набора солдатъ, въ моментъ нужды въ нихъ, никакой пользы не принесетъ. Далѣе, необходимо поощреніе всякихъ новыхъ изобрѣтеній, полезныхъ для народа, осуществленію которыхъ правительство должно содѣйствовать матеріальными средствами. Между иностранцами въ Китаѣ также имѣются люди, способные на разныя изобрѣтенія, которыми они могли бы до-

ставить пользу Китаю. Зачѣмъ же бросать ихъ и предоставлять другимъ государствамъ пользоваться ихъ талантами?

„4. Мѣры къ обновленію народа. Въ разныхъ провинціяхъ Китая, среди образованнаго класса встрѣчается весьма много людей гуманныхъ, достойныхъ и заслуживающихъ глубокаго уваженія. Къ сожалѣнію, большая часть изъ нихъ пропитана глубокою ненавистью къ иностранцамъ, не сознавая того, что чувство ненависти къ иностранцамъ совершенно противно желаніямъ Неба. Проповѣдываніе единенія есть небесный законъ, а разъединенія—отрицаніе его. Верховное Небо (Богъ) есть милосердіе и любовь; оно желаетъ вѣчнаго мира и безъ сомнѣнія объединитъ всѣ народы. Глубокая ненависть къ иностранцамъ происходитъ отъ непониманія ихъ. Напримѣръ, представьте себѣ, что торгующій на базарѣ пшеницею вдругъ, увидавъ продающаго рисъ и воспылавъ къ нему глубокою ненавистью, сталъ бы поносить его, утверждая, что рисъ есть ядъ, могущій убить человѣка. Законно ли это? Всѣ злаки служатъ для питанія человѣческаго организма. Точно также и всѣ религіи служатъ средствомъ для питанія человѣческаго духа. Всякому предоставляется свобода слѣдовать той или другой религіи. Поношеніе послѣдователемъ одной религіи исповѣдывающаго другую походитъ на то, какъ торгующій пшеницею поноситъ продавца риса, считая рисъ ядомъ, убивающимъ человѣка. Разсудительный человѣкъ поступитъ не такъ. Въ началѣ Индія и Японія позаимствовали много новаго, благодаря миссіонерамъ. Съ этого времени между ними и туземнымъ населеніемъ существуетъ полное согласіе, нѣтъ никакихъ религіозныхъ споровъ, и силы государства быстро поднялись. Въ Китаѣ особеннымъ уваженіемъ пользуются пять основныхъ нравственныхъ качествъ (человѣколюбіе, справедливость, вѣжливость, пониманіе и честность), во главѣ которыхъ стоитъ человѣколюбіе, которое, съ ученіемъ западныхъ религій: „люби ближняго, какъ самого себя“, выходитъ изъ одного источника. Въ иностранныхъ государствахъ повсюду есть гуманисты, и глубоко жаль, что эти государства ежедневно затрачиваютъ нѣсколько милліоновъ на содержаніе армій. Желательно, чтобы китайскіе и западные гуманисты воздѣйствовали въ смыслѣ вѣчнаго прекращенія войнъ, чтобы міръ управлялся не силою, а нравственными принципами. Объединеніе всѣхъ народовъ составляетъ главную цѣль всѣхъ религій.

„Въ теченіе пятидесяти лѣтъ Китаю неоднократно приходилось терять землю и уплачивать вознагражденіе. Это происходило не отъ отсутствія патріотизма у его государственныхъ людей

и не было ошибкою какого-нибудь современнаго дѣятеля, а отъ того, что во всемъ Китаѣ не было хорошей системы, да, къ тому же, не было и исполнителей. При настоящихъ международныхъ сношеніяхъ Китая съ иностранными державами, если ограничиваться только знаніемъ собственныхъ дѣлъ, то во всемъ неизбѣжны будутъ ошибки и упущенія. Чтобы запастись хорошимъ планомъ (средствомъ), необходимо предварительно всестороннее пониманіе положенія иностранцевъ, для чего китайцамъ слѣдовало побольше вращаться между иностранцами и бесѣдовать съ ними. Конечно, кругозоръ ихъ отъ этого расширялся; но дѣло въ томъ, что ихъ знакомые были люди разношерстные, съ узкими взглядами, а не ученые спеціалисты; вслѣдствіе этого они не могли распространить по всему Китаю всѣ хорошія мѣры и узаконенія западныхъ странъ. Знакомились они съ иностранными сочиненіями въ переводахъ; но иностранныхъ сочиненій, переведенныхъ на китайскій языкъ, вообще крайне ограниченное количество, и притомъ между ними весьма мало солидныхъ сочиненій. Возможно ли по нимъ полное знакомство съ Западомъ? Читаютъ китайцы и газеты; но между редакторами китайскихъ газетъ нѣтъ ни одного, который былъ бы всесторонне знакомъ съ великими и важными вопросами Запада. А коль скоро самъ редакторъ не понимаетъ дѣла, то какъ же можетъ понять его читатель? Посылаетъ Китай своихъ воспитанниковъ за границу. Мѣра эта сама по себѣ—въ высшей степени прекрасная. Но жаль, что изъ нихъ вышло только нѣсколько человѣкъ, а всѣ остальные бросили ученіе на полпути. Посланники, отправляемые Китаемъ въ иностранныя государства, при незнакомствѣ съ иностранными языками и ихъ литературой и при трехлѣтнемъ только срокѣ пребыванія ихъ на своихъ постахъ, также не имѣютъ возможности пріобрѣсти основательныя познанія о нихъ. Правда, составленные ими дневники, въ которыхъ они толкуютъ объ иностранныхъ дѣлахъ,—довольно дѣльные, но въ нихъ масса ошибокъ и упущеній. Въ столицѣ существуетъ институтъ иностранныхъ языковъ и наукъ. Мысль основанія этого института была отличная, но количество воспитанниковъ незначительное, ученіе—слишкомъ поверхностное; при параллельномъ изученіи китайскихъ и иностранныхъ наукъ получается крайне мало спеціалистовъ,—все равно что капля въ морѣ. Вотъ тѣ средства, которыми китайцы пользуются для пріобрѣтенія иностранныхъ знаній, не понимая того, что это—знанія поверхностныя, недостаточныя. Но какъ же тутъ быть, когда именно люди требуются немедленно?—Въ данномъ случаѣ не остается другого средства, какъ послѣ-

довать примѣру Россіи и Японіи, то-есть, пригласить иностранцевъ и назначить китайскихъ сановниковъ для совмѣстнаго съ ними веденія дѣлъ, а по истеченіи какого-нибудь десятка лѣтъ, когда китайцы усвоятъ все основательно, приняться за работу самостоятельно, безъ иностранной помощи. Такъ поступали не только Россія и Японія, но даже Германія и Франція при введеніи желѣзныхъ дорогъ. Такъ поступали не только иностранныя государства, но и самъ Китай, который, при императорѣ Канъ-Си, пользовался въ астрономическомъ приказѣ содѣйствіемъ иностранцевъ. Что же касается китайскихъ сановниковъ-сотрудниковъ, необходимо, чтобы они были знакомы съ западными науками и имѣли не болѣе сорока слишкомъ лѣтъ, чтобы быть въ состояніи окончить работу"....

Разсмотрѣвъ общія основанія необходимыхъ реформъ, авторъ проекта полагаетъ, что для скорѣйшаго осуществленія ихъ необходимо, а именно:

„1) Слѣдуетъ пригласить двухъ пользующихся довѣріемъ иностранцевъ, которые бы составили наилучшій планъ къ скорѣйшему заключенію договора съ великими державами; этотъ договоръ обезпечивалъ бы Китаю миръ на десять лѣтъ, а этимъ временемъ можно было бы воспользоваться для заключенія съ ними новыхъ договоровъ.

„2) Слѣдуетъ основать новыя, высшія правительственныя учрежденія изъ восьми главноуправляющихъ,—четырехъ китайцевъ и четырехъ иностранцевъ. Послѣдніе должны быть англичане и американцы, такъ какъ они ранѣе другихъ заключили договоры съ Китаемъ, и хотя мирныя между ними отношенія и нарушались, но это никогда не приводило къ войнѣ, и дѣло рѣшалось посредничествомъ другихъ державъ. Оба государства не питали къ Китаю ненависти, оба не любятъ войны, и потому наиболѣе пригодны въ качествѣ помощниковъ Китаю. Такіе-то и такіе-то люди—выдающіеся между англичанами, а такіе-то и такіе-то—даровитѣйшіе изъ американцевъ. Если бы эти нѣсколько человѣкъ стали во главѣ новаго управленія и работали вмѣстѣ съ четырьмя китайскими сановниками, то новое правленіе походило бы на дерево, имѣющее корни, или на рѣку съ истоками. Веденіе дѣлъ по разнымъ отраслямъ новаго управленія должно быть поручено извѣстнымъ иностраннымъ спеціалистамъ, съ назначеніемъ ко всѣмъ имъ китайскихъ сановниковъ для совмѣстной работы; это какъ бы рукава у рѣкъ, или вѣтви и листья у деревьевъ.

„3) Китай обширенъ и богатъ дарами природы. Желѣзныя до-

роги составляютъ основу и источникъ богатства и силы. Въ настоящее время, когда поднятъ вопросъ о постройкѣ ихъ, въ „цзунъ-ли-я-мынь“ поступило весьма много предложеній, въ которыхъ безъ основательнаго знакомства трудно разобраться. Въ виду этого слѣдуетъ вызвать въ Пекинъ такихъ и такихъ иностранцевъ для разбора и въ то же время пригласить по телеграфу первѣйшаго иностраннаго желѣзнодорожнаго спеціалиста, приблизительно лѣтъ сорока, и съ нимъ совѣтоваться. Такъ какъ постройка желѣзныхъ дорогъ по всему Китаю не можетъ быть окончена ранѣе 20-ти лѣтъ, то поэтому необходимо, чтобы этотъ спеціалистъ былъ въ цвѣтущемъ возрастѣ, и тогда только онъ можетъ довести дѣло до конца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для совмѣстнаго веденія дѣла надобно назначить къ нему двухъ китайскихъ сановниковъ.

„4) Такой-то, отличающійся цвѣтущимъ возрастомъ, человѣкъ въ высшей степени искусный, долженъ занять въ новомъ управленіи постъ министра финансовъ и имѣть двухъ китайскихъ финансовыхъ сановниковъ въ качествѣ помощниковъ.

„5) Китай долженъ временно пригласить англичанина такого-то и американца такого-то, которые во всякое время могли бы видѣть богдыхана для подробныхъ докладовъ по всѣмъ иностраннымъ дѣламъ.

„6) Въ виду жизненной важности государственной газетной прессы, необходимо, для главнаго завѣдыванія ею, пригласить такого-то англичанина и такого-то американца и назначить къ нимъ, въ качествѣ редакторовъ, китайцевъ, основательно знакомыхъ съ положеніемъ Китая и иностранныхъ земель.

„7) Министерство народнаго просвѣщенія составляетъ основу для образованія талантовъ. Для главнаго управленія имъ слѣдуетъ пригласить такого-то нѣмца и такого-то американца. Эти два лица пользуются высокою репутаціей, обладаютъ талантами и нравственными качествами и будутъ въ состояніи совмѣстно съ китайскими сановниками вѣдать дѣломъ просвѣщенія.

„8) Съ военнымъ дѣломъ я не особенно знакомъ; для него слѣдуетъ пригласить особыхъ спеціалистовъ.

„9) По поводу всѣхъ вышеупомянутыхъ вопросовъ слѣдуетъ издать указъ о томъ, что новое правленіе полезно для государства и для народа, что оно необходимо и должно быть введено, и объявить его въ рѣшительныхъ выраженіяхъ, чтобы ученые и разумные люди съ удовольствіемъ приняли участіе въ дѣятельности. Только при этомъ условіи возможенъ успѣхъ.

„При серьезномъ проведеніи вышеуказанныхъ мѣропріятій я

надѣюсь, что въ теченіе двадцатити лѣтъ внутреннія смуты улягутся и рознь между Китаемъ и Западомъ исчезнетъ. Способы самые усовершенствованные, отличнѣйшіе, испытанные и дѣйствующіе во всѣхъ государствахъ міра, всѣ могутъ быть переданы Китаю. Ежедневный доходъ, самое меньшее, можетъ увеличиться на милліонъ ланъ, или въ годъ, по меньшей мѣрѣ, на 360 милліоновъ. При довольствѣ народа и государь будетъ доволенъ. Когда государь съ чинами и всѣми сословіями въ государствѣ богаты, тогда какая необходимость скорбѣть о бѣдности и недостаткахъ, о томъ, что нечѣмъ будетъ кормиться и содержать себя, или заботиться, что нечѣмъ будетъ платить по займамъ? Положимъ, земледѣльцу, во время посѣва, потребуется занять денегъ на покупку сѣмянъ. Послѣ жатвы, когда урожай будетъ несравненно обильнѣе, за уплатою долга, онъ получитъ еще громадную пользу. Если же земледѣлецъ, не имѣя средствъ на покупку сѣмянъ, не осмѣлится прибѣгнуть къ займу, то, значитъ, онъ самъ хочетъ умереть съ голоду, чего умный человѣкъ, конечно, не сдѣлаетъ. Китаю двадцать лѣтъ тому назадъ слѣдовало заняться этимъ, а онъ медлилъ до настоящаго времени и, подъ давленіемъ обстоятельствъ, сильно пострадалъ; но онъ еще можетъ разсчитывать на половину выгодъ, если скоро примется за дѣло. Но въ случаѣ дальнѣйшаго промедленія и нанесенія себѣ вреда можно опасаться, что степная засуха въ мигъ уничтожитъ все, что сливающійся съ горизонтомъ потопъ немедленно распространитъ повсюду мракъ и смятеніе. Великое и нескончаемое бѣдствіе будетъ передъ глазами. Тогда хотя бы появились государи, подобные Яо и Шуню, и подданные, подобные Чжоу-Гуну, и они никоимъ образомъ не могли бы излечить отъ неизлечимой, тяжкой болѣзни и продлить непродлимую жизнь. Какъ видно, вначалѣ Китай страдалъ только онѣмѣніемъ членовъ, а теперь пораженъ параличомъ и застоемъ крови въ мозгу. Только одно это средство (т.-е. созданіе новаго управленія при помощи англичанъ, американцевъ и нѣмцевъ) и можетъ возвратить его къ жизни и воскресить изъ мертвыхъ. А между тѣмъ, когда онъ борется между жизнью и смертью, находятся еще люди, которые немилосердно препятствуютъ ему въ этомъ. Спрашивается, чѣмъ же эти, губящіе свое отечество, невѣжды отличаются отъ невѣжественныхъ докторовъ, убивающихъ людей? Въ добавокъ къ этому, человѣкъ, котораго они губятъ и убиваютъ,— вѣдь это ихъ государь, ихъ отецъ, а они — его дѣти. Китай всегда толковалъ о преданности государю, сыновней почтительности, милосердіи и любви, и потому онъ никоимъ образомъ не можетъ ожесточиться до такой степени, чтобы попрать законы и добро-

вольно погубить отечество. Къ сожалѣнію, по непониманію международной политики, Китай незамѣтно усвояетъ пристрастный взглядъ, а вслѣдствіе этого нарушаетъ законы приличія, вѣроломствуетъ и вызываетъ нескончаемое бѣдствіе. Жалко и больно! Если онъ желаетъ проявить энергію и озаботиться сохраненіемъ своего существованія, то ему необходимо въ теченіе десяти дней пригласить по телеграфу въ Пекинъ четыре вышеупомянутыя лица для главнаго завѣдыванія новымъ управленіемъ. Остальныя лица также должны поспѣшить прибыть до закрытія навигаціи; потому что каждый день промедленія, по меньшей мѣрѣ, будетъ стоить ему 1.000.000 ланъ, не считая потери войска и территоріи, о чемъ даже трудно составить себѣ понятіе.

„Кромѣ англичанъ, американцевъ и нѣмцевъ, и между русскими, французами, японцами и другими иностранцами также нѣтъ недостатка въ способныхъ людяхъ, которыхъ также можно своевременно пригласить на помощь Китаю, для обезпеченія всеобщаго, вѣчнаго мира. Я провелъ въ Китаѣ 25 лѣтъ, питаясь его продуктами и попирая его землю. Глубоко признательный за безпредѣльныя милости вашихъ величествъ, я, удостоившись чести быть спрошеннымъ вами, не могъ не объяснить всего съ полною откровенностью, и, повергая на ваше высокое усмотрѣніе мой проектъ, прошу о скорѣйшемъ приведеніи его въ исполненіе. Это будетъ великимъ счастьемъ какъ для Китая, такъ и для всѣхъ вообще...

„Что же касается того, что положеніе Китая крайне критическое, что дальнѣйшія промедленія невозможны и что кромѣ этого способа нѣтъ другого, то это—общее мнѣніе всѣхъ разумныхъ китайцевъ и иностранцевъ, а не одно только мое личное“.

II.

Средства къ вытѣсненію иностранцевъ изъ Китая.

„Нашъ Китай на весь міръ ославился преслѣдованіемъ иностранцевъ. За убійство иностранцевъ, разрушеніе храмовъ, нападеніе на посольства, убійство посланника—все человѣчество клеймитъ его именемъ губителя принциповъ гуманности и считаетъ общимъ врагомъ, не терпимымъ международнымъ правомъ. Этими дѣйствіями онъ погубилъ свою столицу, народъ и армію, довелъ до урѣзанія территоріи, уплаты вознагражденія и совершенно потерялъ свои державныя права, такъ что государство почти пере-

стало быть государствомъ. Дѣло въ томъ, что чѣмъ съ большею силою вытѣсняютъ иностранцевъ, тѣмъ ужаснѣе бѣдственныя послѣдствія того.

„По моему мнѣнію, китайцы не умѣютъ вытѣснять иностранцевъ. Для этого существуютъ два способа: варварскій — при помощи физической силы, и цивилизованный—при помощи умственной силы. Вытѣсняющіе при помощи физической силы, въ своемъ негодованіи на иностранцевъ за то, что они тѣснятъ Китай,— смотрятъ на нихъ какъ на враговъ, остерегаются ихъ какъ разбойниковъ. Если Китай крѣпко-на-крѣпко станетъ запирать свои ворота и оказывать упорное сопротивленіе иностранцамъ, то этимъ самымъ онъ, безъ сомнѣнія, лишитъ себя возможности воспользоваться выгодами иностранныхъ знаній и цивилизаціи. Но физическая сила одного человѣка не въ состояніи противостоять физической силѣ сотни лицъ; она, безъ сомнѣнія, истощится, а съ истощеніемъ ея и иностранное давленіе сдѣлается гораздо сильнѣе прежняго, и у насъ тѣмъ менѣе будетъ средствъ противодѣйствовать ему. Кромѣ того, безразсудное нарушеніе международнаго права вызоветъ взрывъ всеобщаго гнѣва иностранцевъ, которые, видя въ насъ дикарей и общаго врага, соединятъ свои силы для отмщенія и воспользуются этимъ для удовлетворенія своихъ частныхъ видовъ, и уже безъ всякой боязни будутъ смотрѣть на крайнее попраніе и угнетеніе насъ, какъ на должное по международному праву обращеніе съ дикарями. Съ истощеніемъ же нашихъ силъ для вытѣсненія иностранцевъ и при нашей неправотѣ, мы не можемъ не преклонить головы и будемъ должны молча выносить ихъ давленіе.

„Тѣ же, которые вытѣсняютъ иностранцевъ силою ума, обращаются съ ними съ изысканною вѣжливостью и, отличаясь тактомъ въ международныхъ сношеніяхъ, не нарушаютъ этикета. Даже въ сношеніяхъ съ своими исконными врагами, отъ которыхъ терпѣли угнетеніе и позоръ, они отличаются тѣмъ же вниманіемъ, какъ и къ родственнымъ имъ домамъ. Мало того, вслѣдствіе затаенной вражды, они изучаютъ ихъ государственный строй, усвояютъ ихъ цивилизацію, по наружности почитаютъ ихъ за своихъ наставниковъ, а сами въ то же время совершенствуютъ свой государственный строй. Но когда дѣло касается самостоятельности во внутреннемъ управленіи, державныхъ правъ и привилегій своего народа, то ни одно хотя бы самое слабое и ничтожное государство не допуститъ ни малѣйшаго посторонняго вмѣшательства и посягательства на нихъ. Зная это, ни одно государство, имѣющее на него поползновеніе, не осмѣливается пустить

въ ходъ свои замыслы для осуществленія посягательства и вмѣшательства.

„Эти два способа вытѣсненія иностранцевъ, одинаковые по цѣли, однако далеко разнятся по средствамъ. Отъ этого-то и результаты процвѣтанія или упадка, возвышенія или паденія государствъ, получаются различные.

„Китай уже нѣсколько десятковъ лѣтъ находится во взаимныхъ сношеніяхъ съ иностранцами. Въ теченіе этого времени политика его по отношенію къ иностранцамъ въ сущности сводится къ двоякому образу дѣйствій. Вначалѣ онъ держался принципа враждебности. Представители этого направленія, проникшись мыслью, усвоенною ими изъ обращенія съ разными древними инородцами, что Китай—единственное самостоятельное, всемірное государство, возвеличивая себя, называли его „небесною монархіей", и унижая другихъ, величали ихъ „варварами". Политика ихъ состояла въ стремленіи къ прекращенію всякихъ сношеній съ иностранцами, на которыхъ они смотрѣли какъ на ядовитыхъ змѣй, какъ на дикихъ животныхъ, какъ на большой пожаръ и какъ на враговъ, на ихъ просвѣщеніе и чудесныя науки—какъ на ужасный ядъ, и потому прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы слѣда иностранцевъ не осталось въ Китаѣ. Разъ-другой попытались вытѣснить иностранцевъ этимъ путемъ, но не могли одолѣть ихъ. Испугавшись, что вытѣсненіемъ иностранцевъ можно навлечь бѣдствіе, вдругъ измѣнили политику, принявъ покорность за главное основаніе ея. Подавленные могуществомъ иностранцевъ и устрашенные ихъ силою и убѣдившись, что они имъ не пара, хитрые люди воспользовались ихъ силою для упроченія своего положенія, для собственной защиты и снисканія средствъ къ жизни; люди низшаго класса думали обезпечить этимъ путемъ свою жизнь и имущество, люди высшаго класса—сохранить богатство и знатность. Мало того, нѣкоторые, заручившись тѣнью иностраннаго вліянія, съ гордостью и презрѣніемъ смотрѣли на своихъ собратьевъ и угнетали своихъ единоплеменниковъ, считая это за удовольствіе. Люди кроткіе, видя, что иностранцы своимъ вліяніемъ дѣйствительно въ состояніи оказать покровительство, съ оживленіемъ передавали объ этомъ другъ другу, устремлялись къ нимъ, словно бѣшеные, и прибѣгали ко всевозможнымъ уловкамъ, чтобы состоять у нихъ въ подчиненіи и пользоваться ихъ покровительствомъ. На иностранцевъ смотрѣли какъ на духовъ, какъ на боговъ; служили имъ, какъ слуги господамъ; льстили имъ какъ жены и наложницы; прежде смотрѣвшіе на нихъ какъ на враговъ—теперь охотно превратились въ ихъ рабовъ и почти

забыли свое отечество и свою національность. Да, возносящійся смирится. Вытѣсненіе иностранцевъ варварскимъ способомъ всегда оканчивается тѣмъ, что вытѣсняющій становится рабомъ своего врага.

„Въ сущности, ненависть Китая къ иностранцамъ—не болѣе какъ повтореніе старинныхъ разсказовъ объ изгнаніи варваровъ. Подобно тому, какъ собака, услышавъ лай, лаетъ на тѣнь, такъ было и здѣсь. При одномъ имени иностранцевъ, у нихъ поднимается гнѣвъ или негодованіе на то, что обращенные китайцы давятъ ихъ своимъ вліяніемъ, или же ропотъ на жестокое обращеніе иностранцевъ вообще и на гордость иностранныхъ чиновниковъ, слишкомъ притѣсняющихъ народъ. Но, на первыхъ порахъ, они не умѣли скорбѣть объ униженіи государственнаго могущества, проникаться негодованіемъ при видѣ похищенія державной власти, отстаивать народныя права и со всею энергіей стремиться къ самостоятельности.

„Извѣстно, что, при крайнемъ напряженіи силы и крайней быстротѣ движенія, даже самое слабѣйшее тѣло и то не можетъ не имѣть отраженнаго движенія. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ желаніе иностранцевъ раздѣлить Китай было слишкомъ стремительно и планы захвата его слишкомъ быстры. Они взялись за дѣло черезчуръ круто и вызвали смуту.

„Теперь всѣ западные интеллигентные люди порицаютъ свои правительства за неумѣнье захватить Китай. Если иностранцы измѣнятъ свою политику, замѣнятъ стремительный образъ дѣйствій медленнымъ, оставятъ идею открытаго раздѣла и будутъ подходить къ осуществленію его незамѣтнымъ образомъ, располагая къ себѣ частными благодѣяніями, приманивая ничтожными выгодами и удовлетворяя тщеславію, то наши китайцы, никогда не занимавшіеся политическими науками и не имѣющіе ни малѣйшаго понятія о дипломатіи, конечно, станутъ полагаться на нихъ, какъ на близкихъ людей, какъ на помощниковъ, попадутся въ ихъ сѣти и будутъ прославлять и благодарить ихъ. Вѣдь иностранцы всегда поносили насъ, китайцевъ, и признавали за людей съ рабскими наклонностями; а рабы не оказываютъ сопротивленія; и послѣднее движеніе, въ сущности, было не болѣе, какъ слабымъ отраженіемъ слишкомъ стремительно направленнаго удара. Китайцы не умѣютъ и не могутъ вытѣснять иностранцевъ.

„Нѣтъ ни одного государства въ мірѣ, вытѣснявшаго иностранцевъ и не погибшаго; равнымъ образомъ, нѣтъ и государства, которое, не вытѣсняя иностранцевъ, могло бы сохранять

свою самостоятельность. Отчего происходитъ вытѣсненіе чужихъ, т.-е. того, что не-я? Отъ ограниченія, присущаго природѣ всякаго человѣка. Ограничивая себя, мы называемъ другого: „чужой человѣкъ"; ограничивая свой домъ, мы называемъ домъ другихъ „чужимъ" домомъ; ограничивая свое государство, мы говоримъ о другомъ государствѣ: „это чужое государство"; точно также другое племя въ отличіе отъ своего мы называемъ чужимъ. Выдѣляя такимъ образомъ себя, свою семью, свое государство и свой родъ, мы, конечно, не можемъ не дѣлать разницы въ выраженіи нашихъ чувствъ и въ нашихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ тѣмъ и другимъ. Поэтому своего брата мы любимъ, а чужого не любимъ. Когда ссорятся домашніе, то мы ихъ прикрываемъ, а когда ссорятся сосѣди, то затворяемъ ворота. Вотъ почему вѣкъ варварства отличался горячимъ желаніемъ исключенія иностранцевъ, и обычаи относительно этого были чрезвычайно строги. Въ періодъ родового и племенного быта къ иностранцамъ относились враждебно, и пребываніе ихъ въ чужой странѣ возможно было не иначе, какъ за поручительствомъ туземцевъ, и правила вѣжливости и законы въ приложеніи къ нимъ отличались крайней несправедливостью. Римъ началъ цивилизоваться чрезвычайно рано, и потому для защиты иностранцевъ были установлены общіе законы. Современная Европа все болѣе и болѣе славится своею цивилизаціей. Ея гражданскіе и уголовные законы составляетъ одинъ общій кодексъ, въ которомъ не дѣлается различія между своими гражданами и иностранцами. Но что касается государственныхъ законовъ, то уложенія ихъ все-таки ставятъ на высшую точку гражданскія права, которыми могутъ пользоваться только собственные граждане и въ которыхъ не могутъ участвовать иностранцы. Мало того, лицо, переселившееся въ другое государство, или вышедшее замужъ за иностранца, исключается изъ списковъ своего государства, лишается гражданскихъ правъ и ставится наравнѣ съ иностранцами. Такимъ образомъ, стремленіе вытѣснять иностранцевъ, составляя общее прирожденное свойство, можетъ быть прекращено человѣческими законами. Коль скоро существуетъ обособленіе государствъ, то хотя бы самъ Іисусъ былъ государемъ, а Моди, древній проповѣдникъ всеобщей любви, былъ у него министромъ, и они не могли бы сгладить этой грани и объединить всѣхъ. Еслибы мы спросили почтенныхъ и достойныхъ государей, извѣстныхъ своею любовью къ народу, печаловавшихся въ поляхъ и усердно работавшихъ въ совѣтахъ, что въ сущности за цѣль ихъ работы, то они отвѣтили бы намъ: „обезпеченіе своихъ дѣтей и своего народа". Европейскія госу-

дарства, при заключеніи каждаго договора, непремѣнно добиваются соотвѣтствующихъ условій и во всякомъ дѣйствіи—взаимности, и ежегодно расходуютъ огромныя суммы на содержаніе армій. Если вы спросите ихъ, для чего они собственно стараются, то они также отвѣтятъ вамъ: „для предупрежденія посягательства иностранцевъ на наши права". Почему же они не охраняютъ чужихъ дѣтей и не заботятся о чужомъ народѣ? Почему они не дѣлятся своими выгодами со всѣми государствами, а непремѣнно принимаютъ мѣры противъ иностранныхъ захватовъ? Развѣ это не доказываетъ того, что коль скоро границы государствъ поставлены,—даже самъ святой человѣкъ не въ состояніи ихъ сгладить? Кромѣ того, западные великіе ученые, въ видахъ поднятія народнаго духа, то взываютъ къ патріотизму, то къ чувству независимости и самостоятельности, то къ борьбѣ изъ-за выгодъ и, неустанно проповѣдуя законъ о побѣдѣ лучшихъ особей и гибели худшихъ, добиваются расширенія вліянія своего государства и увеличенія народныхъ силъ, съ цѣлью одержать верхъ надъ иностранцами. Они открыто и безбоязненно проповѣдуютъ, что самое спокойное дѣло —полагаться на тѣхъ, кто связанъ съ вами общими интересами, и самое опасное дѣло—ввѣряться тѣмъ, интересы которыхъ отличны отъ вашихъ. Это дѣлается для возбужденія въ своихъ согражданахъ стремленія къ вытѣсненію иностранцевъ. Вытѣсненіе англичанъ американцами и образованіе своей независимости, вытѣсненіе итальянцами Австріи и основаніе ими національнаго государства—это факты дѣйствительнаго вытѣсненія иностранцевъ. И представители общественнаго мнѣнія прославляютъ полноту ихъ народнаго духа и крѣпость народной силы, и ни единымъ словомъ не порицаютъ ихъ за нарушеніе международныхъ правъ. По всей вѣроятности, съ постепеннымъ повышеніемъ уровня цивилизаціи, возростаетъ и сила вытѣсненія иностранцевъ, а вмѣстѣ съ этимъ и искусство вытѣсненія ихъ становится утонченнѣе. Идею вытѣсненія иностранцевъ скрываютъ подъ такими прекрасными именами, какъ патріотизмъ, независимость, самостоятельность и конкурренція. Патріотизмъ и независимость, рѣзко отличаясь отъ вытѣсненія иностранцевъ по имени, по существу тождественны съ нимъ. На что въ чужихъ государствахъ смотрятъ какъ на вытѣсненіе иностранцевъ—то въ своемъ государствѣ называютъ патріотизмомъ. Когда западные народы вытѣсняютъ иностранцевъ, то силы ихъ государствъ развиваются; а когда мы вытѣсняемъ иностранцевъ, то силы нашего государства сокращаются. Отчего это? Отъ недостатка свободы, говорятъ намъ запад-

ные ученые. Такъ какъ мы ставимъ чужую свободу границею (нашей дѣятельности), то и при вытѣсненіи иностранцевъ безъ сомнѣнія существуетъ извѣстная граница. Когда мы вытѣсняемъ ихъ при помощи правительственныхъ узаконеній, то, какъ бы они ни были строги, лишь бы только не выступали изъ предѣловъ законности,— мы тѣмъ расширяемъ вліяніе государства и пріобрѣтаемъ добрую славу; но если мы вытѣсняемъ ихъ въ области международныхъ сношеній, то, при каждомъ нашемъ движеніи, мы тотчасъ же выходимъ за предѣлы, подвергаемся дѣйствительному бѣдствію и покрываемся позорнымъ именемъ. Нашъ народъ не умѣетъ правильно вытѣснять, незнакомъ съ искусствомъ вытѣсненія иностранцевъ при помощи правительственныхъ мѣръ и, не вынося ничтожнаго неудовольствія, безразсудно прибѣгаетъ къ варварскимъ дѣйствіямъ; но при первомъ неудачномъ нападеніи онъ теряется, падаетъ духомъ, умоляя не тѣснить его"...

П. Поповъ.

Окт., 1902.

НА НОВОМЪ МѢСТѢ

РАЗСКАЗЪ.

I.

По изрытой и пыльной дорогѣ отъ города къ селу Тюменцевскому медленно двигалась довольно странная для непривычнаго глаза группа.

Впереди, едва передвигая ноги, шелъ полицейскій, держа подъ мышкой книгу; за нимъ, лѣниво шагая, пара маленькихъ сибирскихъ лошаденокъ тащила телѣгу, всю нагруженную массою всевозможныхъ узловъ, кульковъ, ящиковъ, на которыхъ съ большимъ трудомъ держались немолодая женщина и двое дѣтей. Съ правой стороны телѣги шли среднихъ лѣтъ мужчина, одѣтый въ арестантскій халатъ, и мальчуганъ лѣтъ десяти.

Изрѣдка попадавшіеся на встрѣчу крестьяне мелькомъ и равнодушно оглядывали группу, не обнаруживая никакого любопытства. Лишь одинъ крестьянинъ, поровнявшись съ полицейскимъ, спросилъ:

— Къ намъ, что-ль, везешь?

— А ты тюменцевскій?

— Ну!

— Къ вамъ.

— А кто такіе?

— Да кто ихъ знаетъ! Жиды!—отвѣтилъ полицейскій.

Крестьянинъ, осмотрѣвъ еще разъ группу, поѣхалъ дальше. И онъ, да и остальные, встрѣчавшіеся на пути, мужики ежедневно встрѣчали и встрѣчаютъ такіе обозы, доставляющіе сибирскимъ селамъ новыхъ обитателей. Шедшій возлѣ телѣги человѣкъ въ арестантскомъ платьѣ и былъ однимъ изъ этихъ новыхъ невольныхъ гражданъ Сибири, а мальчикъ и сидѣвшія на возу женщина и дѣти были его семьей, добровольно слѣдовавшей за своимъ главой въ далекій, страшный для нея край. Поселенца Зелига Кормана и его семью арестантская партія доставила еще три дня тому назадъ на мѣсто—конечный пунктъ ихъ странствованія. А мѣстная полиція выбрала поселеніемъ для Кормана село Тюменцевское, куда его и сопровождалъ теперь полицейскій.

Длинное и тяжелое трехмѣсячное странствіе съ арестантской партіей наложило страшную печать на лица всей семьи. Всѣ они были изжелта-блѣдные, утомленные, особенно дѣти. Но въ этотъ моментъ во всѣхъ движеніяхъ, въ каждомъ взглядѣ Кормана и его жены проглядывало одно чувство смертельнаго страха и безграничнаго испуга. Ихъ страшило и пугало неизвѣстное будущее, незнакомый край, полное одиночество, въ которомъ они очутятся чрезъ нѣсколько часовъ, когда ихъ окончательно освободятъ.

Однако, ѣхали всѣ молча. Близость свободы, а слѣдовательно и момента, когда одиночество и неизвѣстность сразу охватятъ ихъ, не побѣждала испуга, и супруги во всю дорогу не обмѣнялись ни однимъ словомъ на этотъ счетъ. Испугъ покорилъ и мысль, и усталость, и голодъ, а въ душѣ и Корманъ, и его жена, ужасались и жаждали этого страшнаго конца долгихъ мученій.

— Ну, слава Богу, вотъ ужъ и Тюменцево!—радостно сказалъ полицейскій, а Корманы испуганно повернули головы по указанію полицейскаго.

Село помѣщалось въ глубокой лощинѣ, и съ высокой горы, на которой находились странники, было ясно видно все. Тюменцевское, какъ и большинство сибирскихъ селъ, было громадное, растянувшееся на нѣсколько верстъ поселеніе, безпорядочно застроенное высокими деревянными домами, съ разрисованными ставнями на окнахъ. Дома отдѣлялись другъ отъ друга большими пространствами,—очевидно, мѣстомъ не стѣснялись. Къ одной части села примыкалъ рѣдкій и молодой березовый перелѣсокъ.

Корманы, не отрываясь, смотрѣли на село и не замѣтили,

какъ спустились съ горы и очутились у поскотины. Старый, хромой поскотинщикъ открылъ ворота, и телѣга очутилась въ грани села; однако до волости они добрались еще не скоро. Версты три тянулась поскотина, затѣмъ столько же почти они ѣхали селомъ до волостного правленія, помѣщавшагося на другомъ концѣ.

Въ самомъ селѣ они также никакого интереса къ себѣ не возбудили. Ихъ внимательно, но очень равнодушно осматривали и ни о чемъ не спрашивали.

— Ну, слава Богу, добрались!—еще разъ радостно повторилъ полицейскій, когда телѣга, наконецъ, остановилась у зданія волостного правленія.—Ну, ты, слѣзай!—обратился онъ къ сидѣвшей на возу женщинѣ. Та отъ страха чуть не свалилась съ воза; дѣти начали плакать.

Подошедшему десятскому полицейскій приказалъ сбѣгать за писаремъ, а самъ усѣлся на крылечко.

— Ну, паренёкъ, скидай барахло-то, да поѣдемъ чай пить. У тебя дружокъ есть тутъ? поѣзжай самоваръ готовить!—обратился онъ къ ямщику.

— Есть,—отвѣтилъ тотъ и принялся разгружать телѣгу.

— Ну, а вы чего стоите? Помогай ему!—крикнулъ онъ точно остолбенѣвшимъ Корманамъ.

Тѣ всей семьей бросились снимать свое добро, но отъ испуга только мѣшали ямщику.

— Ну, васъ! мѣшаете только, оставь, самъ сниму,—остановилъ ихъ ямщикъ. Они послушно оставили.

Ямщикъ выгрузилъ все на землю и поѣхалъ, разсказавъ полицейскому, какъ добраться до дружка. Корманы, буквально, очутились на улицѣ съ дѣтьми и всѣмъ своимъ скарбомъ.

Къ волости одинъ за другимъ стали подходить мужики, здоровались за руку съ полицейскимъ, спрашивали: „кто такіе?“, и получивъ односложный отвѣтъ: „жиды“, принимались осматривать новоприбывшихъ. Одинъ изъ подошедшихъ, послѣ того какъ внимательно осмотрѣлъ всѣхъ, обратился къ Корману:

— А вы чьи будете?

Корманъ ничего не отвѣтилъ,—только испуганно моргалъ глазами.

— Пужаются,—усмѣхнулся полицейскій.

— Чьи вы будете? спрашиваю; звать-то тебя какъ?—повторилъ мужикъ.

— Звать... звать... Зелигъ...—едва переводя дыханіе и словно давясь, отвѣтилъ Корманъ.

— Ка-акъ?—переспросилъ мужикъ.

— Зелигъ...—тѣмъ же тономъ сказалъ Корманъ.

— Зе-лигъ,—раздѣльно произнесъ, недоумѣвая, мужикъ.— Зе-е-лигъ... гмъ... А по-русски это какъ будетъ?

Съ такимъ же недоумѣніемъ посмотрѣлъ Корманъ на мужика, не зная, что̀ отвѣтить. Этотъ вопросъ былъ ему еще болѣе непонятенъ, чѣмъ первый.

— Да что ты его спрашиваешь? Вѣдь это рассейскій,—съ презрѣніемъ замѣтилъ полицейскій.—У нихъ вѣдь все по-иному. Ишь, труситъ.

— То-то труситъ! У насъ, братъ, не по вашему; тутъ тебѣ и крышка, и тебѣ, и бабѣ твоей, и ребятишкамъ,—добродушнымъ тономъ, усмѣхаясь, обратился къ Корману другой мужикъ.

Женщина не совсѣмъ поняла сказанное; ускользнулъ отъ нея и добродушный тонъ; она инстинктивно догадалась, что рѣчь идетъ о ея дѣтяхъ, и прижала къ себѣ двоихъ.

— Ну, что зря пужаешь? Безъ тебя напуганы,—остановилъ насмѣшника первый мужикъ.

— Да я, дядя Егоръ, пошутилъ,—оправдывался тотъ и прибавилъ:

— Придется къ дядѣ Левонтію послать; куды жъ имъ дѣваться?

— Извѣстно, къ дядѣ Левонтію; это ты правильно,—согласился дядя Егоръ, и обратился къ одному, вертѣвшемуся у волости и тоже глазѣвшему мальчугану:—Эй, Миколка! Сбѣгай къ дядѣ Левонтію; скажи, чтобъ шелъ къ волости: дѣло, молъ, есть.

— Дядя Левонтій даве на пашню поѣхалъ, я видалъ,— отвѣтилъ мальчуганъ.

— Ну, такъ тетка Настасья пускай... — началъ-было дядя Егоръ.

— Вернулся, вернулся уже дядя Левонтій. Эвона когда вернулся еще, мы видали!—закричали другіе ребятишки.

— Ну, такъ бѣги, Миколка, да скорѣй, мотри!—распорядился дядя Егоръ. Миколка побѣжалъ. Тѣмъ временемъ къ волости подошли еще нѣсколько крестьянъ. Убитый, подавленный видъ всей семьи, особенно дѣтей, жавшихся къ матери, видимо трогалъ мужиковъ, и всѣ одобрили распоряженія дяди Егора, пославшаго за дядей Левонтіемъ.

— Да гдѣ у васъ писаря запропали?—сказалъ полицейскій, которому надоѣло сидѣть на крылечкѣ.

— Писарей, братъ, теперь не скоро сыщешь. Да ты оставь

ихъ, ступай чай пить. Не убѣгутъ, поди, — усмѣхнулся дядя Егоръ, показавъ на Кормановъ. Остальные мужики тоже усмѣхнулись. Полицейскій внялъ совѣту и отправился; съ нимъ ушли и нѣкоторые мужики. Дядя Егоръ тоже хотѣлъ-было идти.

— А ты куды же? Обожди ужъ дядю Левонтія, обскажи ему, —остановили его уходящіе.

— Ну, ладно,—согласился дядя Егоръ. Онъ усѣлся на крылечкѣ и уставился на Кормановъ.

Нѣсколько минутъ онъ молчалъ, потомъ спросилъ Кормана:

— А тебя за что прислали къ намъ?

Корманъ опять испугался. Ни добродушный тонъ, ни явное участіе дяди Егора не успокоивали его возбужденную, перепуганную душу; каждый вопросъ повергалъ его въ неописуемый ужасъ. Давясь и дрожа, онъ началъ объяснять. По-русски говорилъ онъ скверно, съ польскимъ акцентомъ. Дядя Егоръ плохо понималъ его спутанную и нервную рѣчь.

— За поджогъ, значитъ,—скорѣе догадался, чѣмъ понялъ тотъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... не я... не я... напрасно совсѣмъ...—еще торопливѣй, еще съ большимъ испугомъ залепеталъ Корманъ и снова пустился въ объясненія, изъ которыхъ дядя Егоръ только и слышалъ часто повторяемое Корманомъ: „напрасно“.

— Да что̀ ты все: напрасно да напрасно!—перебилъ онъ. —Намъ, братъ, все равно. Прислали, ну и живи. А тамъ понапрасну али нѣтъ—намъ-то какое дѣло?..

Снова наступило небольшое молчаніе. Жена Кормана, нагнувшись къ мужу, что-то прошептала ему на ухо. Онъ замахалъ на нее руками. Дядя Егоръ это замѣтилъ.

— Что̀ бабу обижаешь?—сказалъ онъ.

— Я... нѣтъ... я... она спрашиваетъ, есть ли тутъ евреи,— едва выговорилъ Корманъ, и отеръ потъ съ лица.

— Есть-то, есть, только... совсѣмъ ты, братецъ мой, не такой,—почесывая затылокъ, сказалъ дядя Егоръ.

— А эвона и дядя Левонтій съ Миколкой!—закричали ребятишки.

Сердца у Кормановъ забились. Какъ они ни были напуганы, но невольно обратили вниманіе на такъ часто повторяемое имя „дядя Левонтій“, связывая его съ своей участью. Теперь, посмотрѣвъ по указанному ребятишками направленію, они увидали высокаго, коренастаго крестьянина, неторопливо направлявшагося къ нимъ. Подходившій былъ одѣтъ, какъ и остальные крестьяне, въ рубахѣ на выпускъ, перепоясанной узкимъ поясомъ, и въ высокихъ сапогахъ.

Дядя Левонтій подошелъ къ волости, поздоровался за руку съ вставшимъ ему на встрѣчу Егоромъ и такъ же молча уставился въ Кормановъ. Онъ не торопясь и внимательно осматривалъ каждаго отдѣльно и весь хламъ, окружавшій семью. Наконецъ, послѣ того, какъ онъ все осмотрѣлъ, онъ направился къ Корману.

— Шолемъ алейхемъ [1])! — выговорилъ онъ по-еврейски и широкимъ, размашистымъ движеніемъ протянулъ руку.

Корманъ съ минуту простоялъ, точно ошеломленный, потомъ схватилъ протянутую руку обѣими своими и зашепталъ по-еврейски:

— Вы... вы... вы еврей, еврей?..

Онъ задыхался, дрожалъ и старался заглянуть въ глаза дяди Левонтія.

— Ну, да, еврей,—спокойно сказалъ тотъ, не отнимая протянутой руки.—А это ваша жена и дѣти?—показалъ онъ на притаившуюся женщину.

— Слава Богу... слава Богу...—не отвѣчая, бормоталъ Корманъ, и вдругъ слезы полились у него изъ глазъ; жена его заплакала въ голосъ; ее поддержали ничего не понимавшія дѣти.

— Шшъ! тише... что̀ вы? Слава Богу!—старался успокоить ихъ Корманъ, но и онъ самъ продолжалъ всхлипывать.

— Ишь, обрадовались!—улыбаясь, обратился Егоръ къ дядѣ Левонтію.—По-каковски это ты съ ними разговаривалъ?

— По-нашему, по-еврейски,—важно отвѣтилъ тотъ.

— По-еврейски? — недовѣрчиво произнесъ дядя Егоръ. — Что-то онъ совсѣмъ не такъ, какъ ты... Одначе, куды ты его, къ себѣ?

— Къ себѣ возьму, а тамъ посмотримъ.—А какъ васъ зовутъ?—обратился онъ къ Корманамъ.

— Зелигъ... Меня зовутъ Зелигъ... А ее тоже зовутъ Ентой, —неизвѣстно почему „тоже“,—отвѣтилъ Корманъ. Онъ говорилъ хотя торопливо и волнуясь, но уже болѣе веселымъ и бодрымъ тономъ.

— Во-во-во!—обрадовался дядя Егоръ.—Слышь, какъ зовутъ-то? Зеликъ! Это какъ же по-нашему будетъ?

— Захаръ,—послѣ небольшого раздумья рѣшилъ дядя Левонтій.

— Захаръ, говоришь? Ну, это хорошо. А бабу какъ?

---

[1]) Миръ вамъ!—еврейское привѣтствіе.

— Бабу, значитъ, Ѳедосья,—такъ же скоро рѣшилъ дядя Левонтій.

— Ну, вотъ, это такъ. Захаръ, значитъ, да Ѳедосья. А то, чудакъ человѣкъ, говоритъ, что... Зе-ликъ... и не выговоришь!.. —благодушно болталъ дядя Егоръ.—Ну, что-жъ, веди ихъ чай пить; поди, проголодались,—закончилъ онъ.

— Пойдемъ теперя ко мнѣ, чайку попьемъ, — сейчасъ же обратился къ Корманамъ дядя Левонтій.

— А, хорошо, спасибо. Вы здѣсь посидите, а я...

Дядя Левонтій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Зачѣмъ же оставаться? Всѣ пойдемъ.

— Какъ всѣ? куда всѣ? къ вамъ? — не менѣе удивленный спросилъ Корманъ.

— Ну, да. Тамъ пробудете, пока что̀.

— Какъ же это? Какъ же это? Насъ вѣдь пятеро.

— Ну, такъ что̀-жъ? У меня чистая горница, большая, помѣститесь. Все же лучше, чѣмъ такъ-то, на улицѣ.

Корманъ посмотрѣлъ на заплаканную жену, на истомленныя лица дѣтей и, крайне взволнованный, началъ со слезами благодарить дядю Левонтія, призывая на него благословеніе Божіе.

— Да за что̀ вы меня благодарите?—съ искреннимъ недоумѣніемъ спросилъ дядя Левонтій, и замѣтивъ, что и Корманъ, и жена его, и дѣти принялись нагружать на себя свои безчисленные узлы, мѣшки и ящики, сказалъ:

— Да вы оставьте это. Я пришлю телѣгу, и все привезутъ.

Корманы переглянулись и какъ-то замялись.

— Да вы не бойтесь, никто не тронетъ. Эй, ребята! Постерегите тутъ. Я сейчасъ Гриньку пришлю, привезете съ нимъ,— крикнулъ онъ ребятишкамъ.—Ну, пойдемъ теперь!—и онъ двинулся впередъ съ дядей Егоромъ. Корманы послѣдовали за ними всей семьей, оглядываясь назадъ, на оставленне добро свое, которое окружила толпа ребятишекъ.

— Ахъ, вы, рассейскіе!—не вытерпѣлъ дядя Егоръ, замѣтивъ ихъ встревоженныя лица, и, неодобрительно покачавъ головой, распростился съ дядей Левонтіемъ.

II.

Теперь на Кормановъ, предводительствуемыхъ дядей Левонтіемъ, обращали гораздо больше вниманія. Встрѣчавшіеся то-и-дѣло справлялись:

— Дядя Левонтій! Земляки что-ли? кто такіе?

— Богъ ихъ знаетъ! Евреи! — не останавливаясь, отвѣчалъ дядя Левонтій.

— А-а! Къ себѣ, значитъ, ведешь?

— Ну!—слѣдовалъ краткій отвѣтъ.

Частью изъ-за этихъ разспросовъ, частью потому, что Корманы едва поспѣвали за своимъ предводителемъ, они во всю дорогу не обмѣнялись ни словомъ. Дядя Левонтій, невозмутимо спокойный, шелъ медленно, и Корманъ едва поспѣвалъ за нимъ. На ходу разница въ ихъ наружности сказывалась довольно рѣзко. Высокій, коренастый и широкоплечій, дядя Левонтій казался прямо богатыремъ въ сравненіи съ маленькимъ, тощимъ Корманомъ. Одинъ представлялъ олицетворенное спокойствіе, въ то время какъ другой, нервный, взволнованный и перепуганный, боязливо оглядывался во всѣ стороны и отъ всякаго вопроса, обращеннаго къ дядѣ Левонтію, вздрагивалъ и дрожалъ.

— Вотъ это мой домъ!—и съ этими словами дядя Левонтій открылъ висѣвшія на петляхъ изъ прутьевъ воротца и, подождавъ, пока вся семья прошла, закрылъ ихъ снова.

Корманы очутились на большомъ и чистомъ дворѣ. Съ одной стороны, стоялъ на высокомъ фундаментѣ большой деревянный домъ, а съ другой помѣщался громадный крытый навѣсъ, подъ которымъ въ безпорядкѣ валялись колеса, передки отъ телѣгъ, плетушки и много крестьянскихъ саней-дровней. На столбахъ, поддерживавшихъ навѣсъ, были развѣшаны хомуты, шлеи и другая сбруя.

— Гринька дома?—остановившись посреди двора, крикнулъ въ пространство дядя Левонтій.

— Дома, у лошадей,—откуда-то отвѣтилъ женскій голосъ.

— Гринька!—позвалъ дядя Левонтій.

— Что?—донесся звонкій дѣтскій голосъ.

— Подь-ка сюда! А вы ступайте пока въ горницу!—обратился онъ къ Корманамъ и снова крикнулъ въ пространство:—Настя! чай готовь!

Въ этотъ моментъ изъ-за угла дома показался мальчуганъ лѣтъ двѣнадцати. Онъ былъ босикомъ, безъ шапки.

— Кони у насъ дома?—обратился къ нему дядя Левонтій.

— Которые дома.

— Ну, такъ обхомутай-ка гнѣдка, съѣзди къ волости, да привези вотъ ихъ лопатину [1]).

[1]) Вещи.

— Гнѣдка нельзя, онъ по сѣно бѣгалъ, — важно отвѣтилъ мальчуганъ.

— Ну, буланку...

— Да на буланкѣ ты же на пашню ѣздилъ,—на выстойкѣ еще.

— Ну, такъ рыжку. Да живѣй, мотри! Поилъ ты ихъ?

— Нѣтъ еще. Да я лучше карьку запрягу,—что̀ онъ все стоитъ?

— Карьку? Смотри, какъ бы не понесъ.

— На́ вотъ! понесетъ!—презрительно отвѣтилъ мальчуганъ и, оглядѣвъ Кормановъ, не спѣша, скрылся за уголъ дома.

— Ну, теперь пойдемъ!—сказалъ Корманамъ дядя Левонтій. Они слушали весь этотъ разговоръ, не понимая ни слова. Опять вся семья двинулась за дядей Левонтіемъ.

По довольно высокой лѣстницѣ они поднялись и очутились въ полутемныхъ сѣняхъ, полъ которыхъ былъ устланъ сѣрымъ крестьянскимъ холстомъ. По обѣимъ сторонамъ сѣней были одностворчатыя, грубо размалеванныя разноцвѣтными звѣздами двери. Прямо противъ входа настежь раскрытая дверь вела въ большую, свѣтлую и чистую кухню, на полкахъ которой помѣщалось много кухонной и молочной посуды. Изъ кухни на встрѣчу Корманамъ вышла здоровая, высокая женщина и вопросительно посмотрѣла на дядю Левонтія.

— Самоваръ у тебя готовъ?—спросилъ ее тотъ.

— Сейчасъ подамъ, веди въ горницу,—сказала она, широко раскрывая двери и проходя первая. Она, ни о чемъ не спрашивая, направилась къ стеклянному шкафу, стала доставать изъ него чайную посуду и разставлять ее на столѣ. Дядя Левонтій снялъ шапку и, оправивъ рубаху, сказалъ:

— Это вотъ моя жена, Настя. Ну, садитесь, гостьми будете.

Корманъ былъ въ большомъ затрудненіи, не зная, снимать ли ему шапку, или нѣтъ. Онъ приподнялъ ее, тревожно оглядываясь.

— Да вы можете не снимать шапки. Я вѣдь знаю, что безъ шапки нельзя, да ужъ мы привыкли по-крестьянски,—и дядя Левонтій въ первый разъ добродушно улыбнулся.—Ну, присаживайтесь, да не стѣсняйтесь, что̀ вы въ самомъ дѣлѣ? Халатъ снимите, жарко вѣдь!—продолжалъ онъ, обращаясь къ Корману. Тотъ густо покраснѣлъ; онъ совершенно забылъ, что на немъ арестантскій халатъ. Торопливо снявъ его, онъ остался въ одной рубашкѣ, поверхъ которой былъ надѣтъ „арбе-канфесъ“ съ длинными „цицесъ“.

— Ужъ вы извините... извините... привезутъ вещи, я сейчасъ...—бормоталъ Корманъ, весь красный.

— Зачѣмъ? Совсѣмъ не надо. А арбе-канфесъ у васъ хорошій. У меня тоже есть, хотя совсѣмъ простой, только я не ношу его, никакъ невозможно при работѣ. Зато талесъ [1]) у меня хорошій, изъ Рассеи выписалъ, двадцать-восемь рублей стоилъ.

— Съ серебромъ талесъ-то, — съ видимымъ удовольствіемъ сказала по-русски Настя. Она принесла самоваръ, цѣлую гору калачей, кринку молока и громадный кусокъ сливочнаго масла. Все это она разставила на большомъ, накрытомъ синей крестьянской скатертью столѣ. Усѣвшись за самоваръ, она налила чашку чаю и подала ее Корману со словами:

— Получайте, кушайте съ прикуской!

Эти слова сопровождали каждую налитую ею чашку чаю. Корманы стѣснялись. Они опять чего-то пугались; на нихъ дѣйствовала эта странная, невиданная обстановка, это искреннее и простое радушіе, но всего болѣе этотъ диковинный еврей, говорящій по-еврейски такъ, какъ въ Россіи говорятъ на жаргонѣ долго жившіе среди евреевъ русскіе. Но если въ чертахъ дяди Левонтія и можно было еще, внимательно вглядѣвшись, найти типичныя еврейскія черты, то жену его никоимъ образомъ за еврейку признать нельзя было. Здоровая, краснощекая крестьянская баба, съ сутулой, широкой спиной и высокой грудью, одѣта она была также совершенно по-крестьянски, въ синей юбкѣ и желтой грубой рубахѣ, дѣлавшей еще болѣе широкой ея и безъ того широкую фигуру. По-еврейски говорила она еще хуже, чѣмъ мужъ ея, и съ большимъ затрудненіемъ подыскивала слова.

— Что же вы ничего къ чаю не берете? Кушайте съ прикуской, кушайте! — говорила она.

— Да вы, можетъ, руки помыть хотите? Настя, покажи рукомойникъ. Мы, вѣдь, знаемъ, что надо руки мыть, а только такъ, значитъ, по-крестьянски, все грѣшимъ, — сказалъ дядя Левонтій. Съ Корманомъ онъ говорилъ по-еврейски, къ женѣ обращался по-русски. Точно такъ же поступала и та.

Корманы все-таки чувствовали себя скверно, послѣ каждой чашки отказываясь, но Настя упрашивала „выкушать еще“, и очень огорчалась, что гости не ѣдятъ. Зато она съ удовольствіемъ смотрѣла, какъ ѣли голодные ребятишки, тоже сначала стѣснявшіеся. Она поминутно подкладывала имъ что-нибудь, и ея большіе добрые сѣрые глаза съ участіемъ смотрѣли на блѣдныя, истощенныя лица дѣтей.

---

[1]) „Талесъ“—облаченіе, надѣваемое при утренней молитвѣ. „Арбе-канфесъ“— тоже, только малыхъ размѣровъ и носится постоянно.

Разговоръ не клеился. Стѣсняющіеся гости стѣсняли и хозяевъ. Въ это время раздался грохотъ телѣги, и во дворъ въѣхалъ Гринька въ сопровожденіи нѣсколькихъ ребятъ.

— Ты это Гриньку куды посылалъ?—спросила мужа Настя.

— За лопатиной, вотъ. Надо будетъ въ чистую горницу стаскать, подь-ка, приготовь,—отвѣтилъ тотъ.

Настя встала и, посмотрѣвъ въ окно, снова обратилась къ мужу.

— Онъ что-жъ это? На карькѣ ѣздилъ?

— На карькѣ. Самъ захотѣлъ.

— Самъ захотѣлъ! — недовольно сказала Настя.—Лошадь закидается, а онъ ребенка посылаетъ.

— Что-жъ коню пропадать? Надо же къ хомуту пріучать!

— Такъ самъ пріучай, а не ребенка... Лошадь закидается, могла разнести, а онъ...

— Не разнесла же!—перебилъ дядя Левонтій жену.

— Не разнесла! — недовольно повторила Настя и вышла изъ комнаты.

— Мать, значитъ, за сына боится,—добродушно улыбаясь, обратился къ Корману дядя Левонтій послѣ ухода жены.

Корманъ тоже улыбнулся вымученной, жалкой улыбкой. Онъ ни слова не понялъ изъ разговора мужа и жены, и только изъ обращенія къ себѣ догадался, что босоногій, ведшій такой серьезный и такъ же малопонятный разговоръ съ дядей Левонтіемъ мальчуганъ—сынъ его. Совершенно машинально Корманъ посмотрѣлъ на своего блѣднаго и хилаго сына, не обмолвившагося за все время ни словомъ. Разница между нимъ и мальчуганомъ была большая.

Въ сѣняхъ раздались шаги, и Гринька появился на порогѣ.

— Куды таскать-то? Въ горницу? Тамъ писарь сказывалъ, чтобы привести ихъ, потому не записаны еще; безъ спросу, говоритъ, зачѣмъ ушли? Сердился...

Корманъ поблѣднѣлъ и испуганно посмотрѣлъ на дядю Левонтія.

— Какой писарь-то? Иванъ Ефремычъ? — спокойно справился тотъ.

— Ну.

— Ну, ничего. Завтра успѣетъ. Ничего, не бойтесь. Я завтра схожу съ вами,—сказалъ онъ Корману. Не столько слова, сколько тонъ, какимъ они были сказаны, успокоили послѣдняго.

— А баню затопить не надо?—спросилъ Гринька, собираясь уходить.

— Баню? Какъ же, какъ же, скажи Прасковьѣ. Это ты хорошо придумалъ,—живо подхватилъ дядя Левонтій, и когда сынъ вышелъ, сказалъ:—Вотъ, вамъ баньку истопятъ, попаритесь. Поди, давно уже въ банѣ-то не были...

Онъ не успѣлъ окончить, какъ жена Кормана разрыдалась. На нее, измученную, истерзавшуюся, словно закаменѣвшую въ страданіяхъ, это искреннее и могучее по своей простотѣ участіе этихъ странныхъ, невиданныхъ единовѣрцевъ дѣйствовало какъ горячее солнце на ледъ. Бѣдная женщина словно оттаивала, охваченная сердечной лаской, такъ давно ею не испытанной. Она горько плакала, не сознавая—о чемъ. Давно накопившіяся въ душѣ слезы, которыхъ горе уже не могло вызвать наружу, текли безъ удержу, несмотря на старанія удержать ихъ.

— Богъ съ вами, что̀ вы?!—испуганно произнесъ дядя Левонтій. Рыданія привлекли и Настю. Она вошла и, посмотрѣвъ на бившуюся въ слезахъ женщину, быстро подбѣжала къ ней.

— Что̀ вы, что̀ вы, о чемъ? Что̀ ты ей сдѣлалъ?—рѣзко обратилась она къ мужу.

— Ничего не сдѣлалъ. Гринька, вотъ, баню хотѣлъ затопить, а я, значитъ, сказалъ, что хорошо; что, значитъ, попариться имъ теперя хорошо,—все еще испуганно пояснялъ мужъ.

— Будетъ плакать, не надо, родная!—сердечно заговорила по-русски Настя, наклонившись надъ рыдающей.—Смотрите, и дѣтей напугаете; будетъ, будетъ, выкушайте водицы! — говорила она.

Дѣти, не зная и не понимая, о чемъ плачетъ мать, жались другъ къ другу, вотъ-вотъ готовыя разрыдаться. Самъ Корманъ тоже хлопоталъ возлѣ жены, уговаривая ее успокоиться.

— Пойдемте въ ту горницу, тамъ вы скорѣе заспокоитесь,— наконецъ, сказала Настя, и чуть ли не силой поставила Енту на ноги.

— Богъ вамъ заплатитъ, Богъ вамъ заплатитъ!—захлебываясь отъ слезъ, шептала Ента, выходя съ Настей изъ комнаты.

— Ну и бабы эти, чтобъ имъ пусто было! — сказалъ дядя Левонтій.—И чего плачетъ-то, скажи на милость? за что̀ благодаритъ? — и онъ въ полномъ недоумѣніи развелъ руками.

III.

Дядя Левонтій, или Леонтій Григорьичъ Винеръ—коренной сибирякъ и житель села Тюменцевскаго. Здѣсь же жили и два

брата его: большакъ — Василій и средній братъ — Аронъ. При жизни отца братья жили одной семьей, безусловно подчиняясь волѣ старика Винера, также сибиряка. Когда старикъ отецъ умеръ, братья продолжали жить вмѣстѣ, управляемые большакомъ Василіемъ. Все у нихъ было общее: и работа, и плоды ея. Но между большакомъ и среднимъ братомъ начались недоразумѣнія, и „старики", къ которымъ братья обратились за разрѣшеніемъ ихъ недоразумѣній, посовѣтовали имъ раздѣлиться. Раздѣлъ былъ совершенъ опять-таки при участіи тѣхъ же стариковъ, распредѣлившихъ достояніе семьи по-божески, никого не обидѣвъ. Однако Леонтію, какъ самому младшему и малосемейному, — у него былъ всего одинъ сынъ, — досталось меньше братьевъ, и онъ считался бѣднякомъ. Большакъ Василій далъ ему денегъ на постройку избы, полтора десятка лошадей, восемь штукъ рогатаго скота и пятьдесятъ овецъ. Обидѣлъ Василій Леонтія и пашней, отвелъ ему на косогорѣ. Въ то время, какъ Аронъ горячо отстаивалъ свои интересы и получилъ все, что считалъ въ правѣ получить изъ общаго достоянія семьи, добродушный, относившійся съ большимъ почтеніемъ къ старшему брату Леонтій удовольствовался полученнымъ безъ спора.

Впрочемъ, первое время Василій помогалъ брату. Не имѣя наличныхъ денегъ на наемъ работника, Леонтій самъ не поднялъ бы громадную, въ тридцать съ лишнимъ сибирскихъ десятинъ пашню, и Василій „занялъ" ему денегъ, а иногда посылалъ ему на помощь своихъ „ребятъ", двухъ рослыхъ и здоровыхъ парней, — Левку и Ефимку. Въ сѣнокосъ и жнитво Василій парней не отпускалъ, посылалъ одну только дѣвку, такую же рослую и здоровую, какъ и ея братья.

Ребята съ удовольствіемъ помогали дядѣ, у котораго все время помощи и проживали, и въ домѣ котораго они чувствовали себя гораздо свободнѣе, чѣмъ въ родномъ домѣ, подъ вѣчнымъ надзоромъ строгаго и требовательнаго отца. Добродушные дядя Левонтій и тетка Настасья такъ искренно были признательны племяшамъ за ихъ помощь, что тѣ работали на нихъ изо всѣхъ силъ.

Черезъ два года, послѣ отдѣла отъ старшаго брата, Леонтій уже окончательно оправился: прикупилъ еще нѣсколько лошадей, нанялъ работника и уже имѣлъ въ запасѣ нѣсколько тысячъ пудовъ хлѣба, котораго рѣшилъ не продавать, а выжидать „случая", т.-е. повышенія цѣны. Ко времени прибытія Кормановъ Леонтій уже считался „средственнымъ мужикомъ", т.-е. человѣкомъ небогатымъ, но вполнѣ обезпеченнымъ, какъ и большин-

ство крестьянъ села Тюменцевскаго, среди которыхъ бѣдноты вообще не было.

На селѣ Леонтія, за его добродушіе, уважали искренно и, пожалуй, больше, чѣмъ большака, который слылъ за богача, и котораго, поэтому, называли не просто дядя Василій, а Василій Григорьичъ. Средній братъ не пользовался такимъ расположеніемъ, хотя говорили, что онъ еще богаче старшаго брата. Причина тому была та, что онъ, слабосильный и больной, самъ пашней не занимался, а предоставилъ это двумъ своимъ сыновьямъ, нанявъ имъ въ помощь нѣсколькихъ работниковъ. Кромѣ того, Аронъ сдѣлался „купцомъ", т.-е. открылъ лавочку, и старики крайне не одобряли его.

— Ты что-жъ это, Аронъ Григорьичъ, въ купцы записался? На легкіе хлѣбы сѣлъ?—говаривали ему старики.

— Что-жъ такъ-то безъ дѣла сидѣть? Хворь одолѣла. Даве, вонъ, по сѣно поѣхалъ, такъ и назадъ ворочаться пришлось; ломитъ спину и — шабашъ. Ужъ что и дѣлать, не знаю,—оправдывался Аронъ, но его оправданія въ резонъ не принимались.

— Должно, знаешь, что лавочку, вотъ, открылъ. Что тебѣ— кормиться нечѣмъ стало, что-ли? Всталъ бы покойничекъ Григорій, посмотрѣлъ бы на тебя,—небось, узналъ бы, что дѣлать. А то, эвона! — лавочку открылъ; еще, можетъ, и питейное откроешь? одно уже къ одному,—корили старики.

— Ну, ужъ питейное! Это зачѣмъ же?—бормоталъ сконфуженно Аронъ.

— А кто тебя знаетъ? Ишь тебя на легкіе хлѣбы потянуло.

— Хоть бы ты, Василій Григорьичъ, брату поговорилъ,— срамъ вѣдь одинъ! Что онъ, поселюга что-ли, чтобы въ лавочкѣ сидѣть?—обращались къ большаку старики.

Василій и самъ былъ крайне скандализированъ затѣей брата, съ которымъ по этому поводу даже ссорился, но ничего не могъ съ нимъ сдѣлать. На обращенія стариковъ онъ только отмахивался недовольно. Въ сущности, и самъ Василій, и корившіе Арона старики были тоже „купцами"; они всѣ занимались продажей хлѣба, покупая другъ у друга и перепродавая на заводы и горожанамъ, но эта купля-продажа не считалась зазорною. Тѣмъ не менѣе, открытая Ароном лавочка работала на славу. Подроставшихъ сыновей своихъ, которыхъ всѣхъ у него было пятеро, онъ уже пріучалъ къ „торговлѣ", чѣмъ окончательно уронилъ себя въ глазахъ однодеревенцевъ, съ презрѣніемъ прозвавшихъ его Аронкой. Отъ общественныхъ дѣлъ Аронъ совершенно

отсталъ, и если, бывало, онъ являлся на сходку, его встрѣчали удивленными либо насмѣшливыми возгласами.

— Глянь-ка, ребята, кто пришелъ! А, купецъ! съ какимъ товаромъ пожаловалъ? Дорого, смотри, не бери, все-же знакомые...

Аронъ пересталъ являться на сходки, въ противоположность своимъ братьямъ, изъ которыхъ Василій пользовался громаднымъ вліяніемъ на мірскія рѣшенія, отчасти по своему богатству, но всего больше потому, что слылъ за „серьезнаго мужика", т.-е. умнаго, хорошо знающаго деревенскія дѣла и крайне заинтересованнаго въ правильномъ рѣшеніи ихъ. Если Василій не оказывался на сходкѣ, за нимъ командировали нарочнаго, и онъ немедленно являлся, и сейчасъ же его глухой, осипшій голосъ смѣшивался съ общимъ гамомъ спорившихъ стариковъ.

Леонтій активнаго участія въ рѣшеніи мірскихъ дѣлъ не принималъ, но на сходки являлся исправно и всегда вотировалъ согласно съ мнѣніемъ брата, котораго онъ продолжалъ,—несмотря на то, что жилъ самостоятельно и независимо отъ него,—уважать какъ большака, и въ глаза, и за глаза называя его: „братецъ Василь-Григорьичъ".

Національность братьевъ никакой роли въ глазахъ деревни не играла. Вѣрнѣе, о томъ, что Винеры евреи, никто и не думалъ. Одинъ былъ справный мужикъ Василь-Григорьичъ, другой—мужикъ средственный дядя Левонтій. Не только Леонтія, не имѣвшему недоброжелателей за свое добродушіе, мирный нравъ и адское трудолюбіе, но даже Василія, у котораго были враги, особенно среди богатѣевъ, никогда не попрекали и не указывали ему на его еврейство. Если случалось Василію совершить какую-нибудь ловкую, не безъ доли лукавства или прижимки, операцію съ хлѣбомъ, выгодно купить или продать, то это ему въ упрекъ не ставилось,—наоборотъ, проникались еще большимъ уваженіемъ къ „сурьезности", т.-е., къ уму „Василь-Григорьича".

По наружности также ничто не говорило о національности братьевъ. Одѣвались они какъ всѣ, рѣчь была чисто русская, вѣрнѣе—сибирская. Такъ же одинаковы были и распорядки ихъ домовъ, и весь укладъ ихъ жизни. Какъ у Василія, такъ и у Леонтія были однообразные съ другими высокіе дома, дѣлившіеся на двѣ половины: чистую, состоящую изъ одной большой комнаты, и обыкновенную. Первая служила для пріема гостей въ большіе праздники, во второй жили круглый годъ. Чистота въ обѣихъ половинахъ была образцовая, но она совсѣмъ не была исключеніемъ,—чистота для дома сибиряка обязательна. Стѣны вымазаны,

полы сплошь устланы „половиками“—узенькими дорожками изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ. Эти же половики покрываютъ и желѣзные сундуки, въ которыхъ хранится „лопатина“ семьи. Деревянныя, окрашенныя въ буро-красный цвѣтъ скамьи тянутся вдоль двухъ стѣнъ; возлѣ остальныхъ стоятъ также крашенные табуреты. Въ углу, противоположномъ красному,—гдѣ обыкновенно помѣщается громадный столъ, накрытый синей крестьянской скатертью,—стоитъ большая кровать съ цѣлой горой подушекъ, застланная одѣяломъ, составленнымъ изъ лоскутковъ всевозможныхъ цвѣтовъ и матерій, отъ ситца до бархата включительно. Кровать накрыта ситцевой занавѣсью отъ подполка до полу. Это—обычное убранство комнаты сибирскаго крестьянина, и когда къ дядѣ Левонтію или къ Василь-Григорьичу являлись сосѣди, они чувствовали себя какъ дома. Только незнакомые, не знающіе братьевъ, входя въ „горницу“, долго вертѣли головой во всѣ стороны и, прежде чѣмъ „поздоровкаться“, спрашивали:

— А гдѣ у васъ Богъ-отъ? Что-то не найду.

— Мы евреи,—отвѣтитъ дядя Левонтій или тетка Настасья.

— А-а! То-то!—удовлетворится тотъ, перекрестится „безъ Бога“ и потомъ уже скажетъ:—Ну, здравствуйте!

Что касается повседневной работы и занятій, то оба брата дѣлали все то и совершенно такъ же, что̀ и какъ дѣлала вся деревня. Они были два типичныхъ сибирскихъ крестьянина хлѣбопашца, жили и интересовались исключительно землей, считая другой трудъ либо пустымъ, либо зазорнымъ занятіемъ. Внутреннія отношенія членовъ семьи опять-таки были чисто крестьянскія, сибирскія. Всѣ подчинялись старшему, безконтрольно распоряжавшемуся не только имуществомъ, но и судьбою своихъ чадъ и домочадцевъ. Большое вліяніе на домашнія дѣла имѣли и женщины, пользующіяся у сибиряковъ большимъ уваженіемъ, и безъ совѣта съ которыми они не предпринимали ни одного дѣла, но именно только женщины, „бабы“, жены или матери. Дѣвки же абсолютно устранялись не только отъ общихъ семейныхъ, но и своихъ личныхъ дѣлъ. Ихъ „пропиваютъ“ безъ спроса за „парней“, нравящихся старикамъ, нисколько не интересуясь тѣмъ, нравится ли парень пропиваемой.

Но если сибирскіе евреи не сохранили никакихъ національныхъ чертъ, если по наружности, по внутреннимъ распорядкамъ, по укладу жизни они вполнѣ слились съ сибиряками, то въ смыслѣ вѣроисповѣдномъ они являлись самыми правовѣрными евреями. Въ самое горячее время и какъ бы къ спѣху ни было,

Леонтій Винеръ не выѣзжалъ изъ дому, или, если бывалъ на пашнѣ, не принимался за работу, не прочитавъ всѣхъ утреннихъ молитвъ. Талеса онъ при этомъ не надѣвалъ, а если при этомъ бывалъ „рассейскій", то наивно объяснялъ ему:

— Ужъ больно хорошъ талесъ, съ серебромъ. Поди, Богу-то все равно, что въ талесѣ, что безъ.

„Рассейскій" иногда соглашался, иногда сомнительно качалъ головой.

— Ну?—испуганно говорилъ въ послѣднемъ случаѣ Леонтій.—Что же дѣлать-то? Выписать развѣ какой дешевенькій. Говорю тебѣ, ужъ больно хорошъ талесъ-то, только бы для праздниковъ... А все она виновата,—показывалъ онъ при этомъ на жену.—Говорилъ ей,—не порть старый, пригодился бы, вотъ, на будни; а она взяла, да на одѣялко Гринькѣ и изрѣзала!—жаловался онъ, а тетка Настасья при этомъ страшно конфузилась.

Молитвы Леонтій читалъ нараспѣвъ, раскачиваясь и однимъ тономъ, водя толстымъ пальцемъ по молитвеннику, но не понимая ни слова изъ читаемаго. Въ дѣтствѣ его выучили еврейской азбукѣ, но не сочли нужнымъ обучить переводу съ древнееврейскаго на жаргонъ, и онъ молился съ одинаковымъ чувствомъ, читалъ ли что-либо торжественное, или же о порядкѣ приношенія жертвъ въ древнемъ храмѣ. Тетка Настасья всегда съ удовольствіемъ прислушивалась, какъ молится супругъ, и при этомъ тяжко вздыхала.

Въ пятницу, задолго до захода солнца, Леонтій бросалъ работу, подметалъ дворъ и затѣмъ отправлялся въ баню. Вернувшись, онъ усаживался пить чай и все торопилъ жену:

— Кончай, смотри, скорѣй! Сейчасъ звѣзда будетъ.

Тетка Настасья бросала тревожный взглядъ на залитый солнцемъ дворъ и удвоивала энергію. У нея было много работы—заготовить пищу на два дня. Въ субботу печь не топилась.

Тетка Настасья не только кончала все „до звѣзды", но успѣвала и сама въ баню сбѣгать. Послѣ этого супруги франтились. Она надѣвала яркихъ цвѣтовъ ситцевое платье, онъ облекался въ красную рубаху и синюю поддевку. Гриньку командировали смотрѣть „звѣзду".

— Есть, тятька, есть! Эвона!—радостно выкрикивалъ Гринька. Тетка Настасья сейчасъ же зажигала свѣчи и благословляла ихъ, закрывъ лицо ладонями рукъ. Мужъ, важно заложивъ руки за спину, смотрѣлъ, какъ молится „баба".

— Тятька! ты безъ шапки!—иногда выкрикивалъ Гринька, неизмѣнно присутствовавшій при обрядѣ благословенія свѣчей.

Тятька испуганно хватался за голову и бросался за шапкой. Тетка Настасья, не переставая шептать молитвы, укоризненно качала головой.

— Спасибо тебѣ, Господи, за святую субботу!—кончала всегда тетка Настасья свою молитву. Эту фразу она случайно подслушала у одной благочестивой „рассейской" еврейки и считала поэтому обязательной для себя.

— Аминь!—откликался мужъ. Это онъ уже импровизировалъ. Послѣ этого супруги выходили за ворота, усаживались на деревянный обрубокъ и смотрѣли на улицу, дожидаясь, когда совсѣмъ стемнѣетъ. Проходившіе мимо мужики здоровались съ ними и неизмѣнно справлялись:

— Шабашуешь, дядя Левонтій?

— Ну,—говорилъ тотъ.

— А тетка Настасья нынче рано управилась, до звѣзды; молодецъ она у тебя!—хвалили мужики, хорошо знавшіе громадное значеніе звѣзды для начала субботы. Тетка Настасья конфузилась отъ похвалы себѣ и застѣнчиво закрывала лицо.

Когда сумерки совсѣмъ сгущались, Леонтій возвращался въ домъ и, усѣвшись за столъ, открывалъ свой молитвенникъ и читалъ субботнюю молитву, окончивъ которую и подождавъ, пока вернувшіеся съ поля работники управлялись со скотиной, вся семья вмѣстѣ съ работниками ужинала и сейчасъ же отправлялась на покой.

Въ будни тетка Настасья вставала раньше мужа; въ субботу же онъ поднимался, не будя жены, и отправлялся по хозяйству. Снаряжалъ и отправлялъ работника.

Потомъ шелъ за теткой Агаѳьей, которая „по сосѣдски" не отказывалась доить коровъ. Сосѣдка Агаѳья иногда шла сама, иногда посылала „дѣвку" свою. Она знала, что Настасьѣ въ субботу доить коровъ нельзя, ибо это—тяжкій грѣхъ. Тѣмъ временемъ вставала и Настасья. Пили чай, потомъ опять облекались во вчерашнее праздничное платье, прибавивъ къ нему—тетка Настасья яркій платочекъ на шею, а Леонтій—новенькія блестящія галоши, въ которыхъ и щеголялъ весь день, безразлично лѣтомъ и зимою, въ знойный или ненастный день. Въ послѣднемъ случаѣ онъ избѣгалъ выходить на улицу, чтобы не запачкать галошъ.

Часовъ въ восемь Настасья доставала изъ сундука талесъ и торжественно подавала его мужу. Тотъ съ едва скрываемымъ

восхищеніемъ развертывалъ дорогой талесъ и, полюбовавшись на блестящую серебряную отдѣлку, облекался въ него и снова принимался за молитвы. Обѣдали въ субботу рано и сейчасъ укладывались спать. Снова пили чай, послѣ котораго Леонтій принимался за псалтирь. Такъ какъ читалъ онъ его сравнительно рѣдко и по порядку, то псалмы были ему плохо знакомы. Онъ по нѣскольку разъ повторялъ каждое слово, а особенно трудныя повторялъ по десятку разъ и все при этомъ качалъ сомнительно головой, самъ не зная, правильно произноситъ или нѣтъ. Онъ обливался потомъ, но старательно читалъ, а жена сидѣла напротивъ и все тяжко вздыхала, особенно при трудныхъ словахъ.

Послѣ этого шли въ гости, все больше къ „братцу Василь-Григорьичу". Другого брата, Арона, Леонтій посѣщалъ рѣдко. Василій считался мудрымъ, ибо онъ умѣлъ не только читать по-еврейски, но даже съ грѣхомъ пополамъ объяснять читаемое. Объяснялъ по-русски, такъ какъ на жаргонѣ не находилъ подходящихъ выраженій. Леонтій съ благоговѣніемъ слушалъ поясненія Василія и проникался еще большимъ уваженіемъ къ мудрому и ученому брату.

IV.

Съ ранней весны до поздней осени всѣ три брата и ихъ семьи не ѣдали мяса. Не потому, что его не было, или изъ скупости, а потому, что не было мяса кошернаго. Шойхетъ [1]) жилъ далеко, за пятьсотъ верстъ отъ села Тюменцевскаго, и некому было колоть скотину. Все лѣто, несмотря на тяжкую работу, питались исключительно молочными продуктами, благо послѣднихъ было въ изобиліи, да рыбой. Зато осенью, когда наступала пора „забойки" [2]), братья дѣлали складчину и выписывали шойхета. Обходилось это очень недешево. Кромѣ вознагражденія, оплачивался и проѣздъ туда и обратно шойхета, такъ что на долю одного Леонтія, который, какъ малосемейный, участвовалъ въ расходахъ въ меньшемъ размѣрѣ, падала довольно большая для крестьянскаго бюджета сумма въ сорокъ-пятьдесятъ рублей ежегодно. Зато мяса заготовляли столько, что когда наступало тепло, его приходилось, какъ порченное, выбрасывать.

---

[1]) Лицо, спеціально изучившее законы рѣзки скота.

[2]) Сибирскіе крестьяне, при наступленіи холоднаго времени, готовятъ себѣ мясо на цѣлую зиму заразъ. Каждая семья бьетъ нѣсколько скотинъ, мясо солится и сохраняется до весны. Пора эта называется „забойкой".

— Что, дядя Левонтій, попортилось мясцо-то?—говорили мужики.

— Попортилось, язви его! Ужъ какъ солилъ!

— Тепло, оттого. Теперь, значитъ, у тебя постъ. Опять до осени безъ мяса.

— Ну, ничего не подѣлаешь.

— Извѣстно. Коли нельзя—чего подѣлаешь?—соглашались мужики.

Зная, что „нельзя", мужики, приходившіе въ гости къ братьямъ, не обижались, если ихъ „не подчивали" мясомъ.

— Ужъ не обезсудьте. Мяса-то у насъ нѣтъ.

— На вотъ, чего обижаться! Чай, и самимъ-то не сладко безъ мяса.

— Какое тамъ сладко! Просто ужъ заскучали. Вотъ уже осенью заготовимъ.

— Опять выписывать будете? Дорого, поди, стоитъ?

— Охъ, какъ дорого, просто бѣды! А ничего не подѣлаешь.

Зато, когда Леонтій приходилъ въ гости къ мужикамъ, его тоже мясомъ не подчивали.

— Ужъ мы тебѣ, Григорьичъ, мяса-то не тово... знаемъ, что нельзя. Развѣ курятины вотъ, поди, можно?

— Покорнище благодарю, никакъ невозможно.

— Ну, такъ рыбки пожалуйте, а то шанежку съ черемушкой. А отчего это, скажи на милость, Григорьичъ, нельзя? Примѣрно, вотъ, курица, али, скажемъ, цыпленокъ, какъ ты его ни зарѣжь все единственно цыпленкомъ будетъ,—резонерствовалъ радушный хозяинъ.

— А это, вишь ты, надо безпремѣнно, чтобы такой человѣкъ рѣзалъ, который, значитъ, тово... шойхетъ... который по книгамъ знаетъ,—объяснялъ Леонтій.

— А-а! Ученый, значитъ,—догадывался резонеръ.

— Ну, акромя того, старики наши такъ дѣлывали, а намъ чего же? Сказано: нельзя—ну, и нельзя,—добавлялъ Леонтій, чувствуя, что первое объясненіе мало убѣдительно.

Ссылка на стариковъ рѣшала вопросъ до того радикально, что Леонтію и его женѣ подносили угощенье не на тарелкахъ, которыя считались трефными, а на нейтральныхъ чайныхъ блюдцахъ, причемъ если увлекшійся разговоромъ Леонтій нечаянно клалъ кусокъ на тарелку, то замѣтившій это хозяинъ или хозяйка съ искреннимъ испугомъ кричали:

— Стой, стой, стой, Григорьичъ! на тарелку положилъ.

Григорьичъ еще больше пугался, а хозяинъ продолжалъ:

— Брось, брось, кусокъ-отъ, возьми другой!

Съ теткой Настасьей такихъ прорухъ не случалось. Бывая въ гостяхъ, она ѣла съ большимъ выборомъ, и бабы на нее не обижались, зная, что „скиняется“ она не потому, что брезгаетъ, а потому, что „законъ у нея такой“.

Въ гости ходили и гостей принимали только въ большіе праздники, которые праздновались деревней и братьями особенно торжественно. Круглый годъ заходили или принимали „пососѣдски“, пили неизмѣнный чай съ прикуской; въ праздники же Рождества и Пасхи Винеры дѣлали визиты оффиціальные всѣмъ многочисленнымъ знакомымъ. Точно также эти знакомые считали обязанностью „проздравить“ Василь-Григорьича и дядю Леонтія съ еврейской пасхой и осенними праздниками Новаго года и кущей. Нейтральнымъ праздникомъ была масляница съ неизбѣжными блинами. Самыми торжественными, особенно чтимыми праздниками были осенніе—Новый годъ, судный день и кущи.

Къ этимъ праздникамъ въ Тюменцевское съѣзжались многіе родственники, знакомые и незнакомые Винеровъ изъ смежныхъ деревень. Въ общей сложности собиралось больше полсотни душъ: мужчинъ, женщинъ и дѣтей; всѣ размѣщались у братьевъ и жили у нихъ до окончанія праздниковъ, т.-е., чуть ли не мѣсяцъ. Больше остальныхъ ютилъ у себя Василій, у котораго и помѣщенія было больше, и который, вообще, какъ большакъ, пользовался почетомъ, и гости считали долгомъ не отказываться отъ его приглашенія „погостить“.

— Чтой-то вы, братецъ, Василій Григорьичъ, всѣхъ гостей себѣ забираете?—обижались другіе братья, и тоже на перебой просили „погостить“. И гости живали цѣлый мѣсяцъ. Открывались чистыя половины, и тамъ располагались семьи прибывшихъ, все равно—знакомые или незнакомые. Послѣднимъ даже оказывалось больше вниманія, за ними усиленно ухаживали.

Особенно много работы доставляли осенніе праздники и съѣздъ въ Тюменцевское евреевъ смежныхъ деревень — „бабамъ“. Не легко было принять столько гостей, цѣлый мѣсяцъ ухаживать за ними, да еще ухаживать такъ, чтобы, храни Господь, „не обезсудили“, не обвинили въ скупости или негостепріимствѣ,—и женщины выбивались изъ силъ, стараясь угодить. Онѣ поднимались далеко до свѣту и до поздней ночи работали, какъ каторжныя, варили, пекли, ставили самовары. Если какая-нибудь гостья желала помочь хозяйкѣ въ ея адскомъ трудѣ,—та энергично протестовала:

— На вотъ! что это вы, кумушка, Господь съ вами! Гостить пріѣхали, а работой себя неволить будете. Нѣтъ ужъ, не обижайте!—И кумушки не обижали, и продолжали жить на всемъ готовомъ.

Мужчины по праздникамъ молились, принимали гостей, но едва наступалъ вечеръ будней—сейчасъ же отправлялись на пашни, гдѣ шла самая горячая осенняя работа по уборкѣ хлѣба съ поля.

Молились въ домѣ Василія, которому остался при раздѣлѣ съ братьями маленькій свитокъ Пятикнижія. Святыня содержалась въ большомъ почетѣ. Въ одной изъ двухъ комнатъ чистой половины дома былъ сооруженъ особый ящичекъ, въ которомъ Пятикнижіе сохранялось въ теченіе круглаго года. Обѣ эти комнаты въ большіе праздники превращались въ синагогу. Въ первой молились женщины, во второй, большой—мужчины.

Россійскіе евреи, впервые посѣщавшіе Винеровъ въ эти дни моленій, посмотрѣвъ на составъ молящихся, приходили въ ужасъ. Высокіе, коренастые, съ загрубѣлыми и загорѣлыми лицами, одѣтые въ синія поддёвки, поверхъ красныхъ рубахъ навыпускъ, съ большими бобровыми шапками на головахъ—сибиряки такъ мало походили на своихъ россійскихъ единовѣрцевъ. Разнились они и въ формѣ моленій. Въ то время, какъ россійскіе евреи, понимая смыслъ молитвъ, относились къ нимъ сообразно ихъ внутреннему содержанію, т.-е. далеко не съ одинаковымъ вниманіемъ, многихъ изъ нихъ совершенно не читая,—сибиряки, разложивъ предъ собой молитвенники, читали все безъ разбора, искренно сокрушаясь лишь о томъ, что не могутъ поспѣть за канторомъ, россійскимъ евреемъ, легко и свободно произносящимъ эти трудныя, непонятныя, но священныя слова молитвъ.

Еще съ бо́льшимъ усердіемъ молились женщины. Вѣрнѣе, онѣ не молились, а плакали самыми горькими и искренними слезами.

— Ну, что вы, бабы, зря плачете?—проходя черезъ бабью половину синагоги, урезонивалъ какой-нибудь дядя Левонтій или дядя Захаръ.—Совсѣмъ тутъ плакать не полагается. Вотъ ужо, какъ завидите, что всѣ встали, ну, тогда и плакать надо, а теперя совсѣмъ понапрасну,—съ видомъ знатока пояснялъ онъ. Но бабы ему не вѣрили и продолжали плакать.

Зато тамъ, „гдѣ полагается“, эти коренастые, загрубѣлые мужики плакали такъ же горько и такъ же искренно, какъ и „бабы“ ихъ; особенно много слезъ проливалось при чтеніи покаянной молитвы, сопровождающейся ударами въ грудь. Случа-

лось, впрочемъ, и такъ, что во время самой торжественной молитвы вдругъ раздастся сиплый голосъ Василь-Григорьича,—голосъ, покрывающій и кантора, и шумъ молящихся:

— Лёвка! Скажи-ка дѣвкамъ телятъ загнать; вышли вонъ, разбредутся—и не найдешь.—Это Василь-Григорьичъ увидалъ черезъ окно вышедшихъ со двора телятъ и распорядился по хозяйству.

Или дядя Левонтій вдругъ нагнется къ сосѣду:

— Ахти мнѣ! Рыжка-то у меня все на выстойкѣ стоитъ. Давно бы спустить надо. И куда это Гринька дѣвался?

Левонтій выбѣгалъ, отыскивалъ Гриньку и, распорядившись, возвращался и принимался снова за молитвенникъ.

Во время чтенія торы, когда россійскіе евреи дѣлали перерывъ, выходили въ большія сѣни и болтали о разныхъ разностяхъ, сибиряки оставались на мѣстахъ, напряженно прислушиваясь къ монотонному чтенію.

— Леонтій Григорьичъ! тебя зовутъ!—вдругъ раздается предупредительный возгласъ.—Леонтій до того привыкъ къ тому, что онъ—Григорьичъ или дядя Леонтій, что совершенно не обратилъ вниманія на еврейское имя, произнесенное притомъ скороговоркой чтецомъ, вызывающимъ его къ торѣ. Леонтій нерѣшительно поднимается и по-русски спрашиваетъ чтеца:

— Меня, что-ль?

И только послѣ того, какъ чтецъ кивкомъ головы подтвердитъ, онъ идетъ къ столу, благоговѣйно прикладывается къ торѣ и по молитвеннику читаетъ благословеніе.

Цѣлый день въ импровизированную синагогу заходятъ группами мужики. Они на цыпочкахъ пробираются черезъ „бабью половину“ и, остановившись въ дверяхъ, внимательно и серьезно наблюдаютъ, а выходя—дѣлятся впечатлѣніями.

— Хорошо молятся,—одобрительно отзывается одинъ.

— Что-жъ, такъ и слѣдуетъ; каждый, значитъ, по-своему.

— А бабы-то, бабы какъ плачутъ, страсть!—говоритъ третій и, придя домой, обращается къ своей женѣ:

— Подь-ка, Митревна, посмотри, какъ у Василь-Григорьича молятся. Бабы плачутъ, страсть! Настасья Абрамовна такъ и разливается.

— Ну-у!—съ живѣйшимъ любопытствомъ отзывается Митревна и, накинувъ на голову платокъ, бѣжитъ смотрѣть. Она также входитъ на цыпочкахъ, но только въ женскую половину, останавливается у косяка и, глядя, какъ горько и искренно

„разливаются бабы“, у Митревны самой слезы навертываются на глаза.

Само собой, что въ грозный судный день всѣ—мужчины, женщины и даже „дѣвки“—постничаютъ самымъ строгимъ образомъ, т.-е. отъ звѣзды до звѣзды не позволяя себѣ даже глотка воды. Зато разговляются шумно. Двѣ-три рюмки водки, выпитыя на тощакъ, дѣйствуютъ быстро, и въ многочисленномъ обществѣ царитъ самое непосредственное и искреннее веселье, прерываемое изрѣдка грубыми и добродушными шутками мужиковъ надъ „бабами“ и безпрерывнымъ приставаніемъ къ гостямъ то хозяина, то хозяйки—„выкушать“.

Разговѣвшись у Василья, шли къ Арону, затѣмъ къ Леонтію, потомъ снова возвращались къ Василью и уже тамъ заканчивали вечеръ. Василь-Григорьичъ затягивалъ какую-нибудь русскую пѣсню; подхватывали его парни, затѣмъ болѣе солидные мужики, наконецъ и женщины присоединяли свои пискливые голоса. Пѣсня смѣняется пѣсней, привлекая неспящихъ еще мужиковъ, которыхъ хозяинъ, давшій тонъ веселью, радушно встрѣчаетъ, угощаетъ, и тѣ, изрядно „проздравивъ“ съ праздникомъ, присоединяются къ общему веселью.

А на утро, чуть свѣтъ, Василь-Григорьичъ, босой и въ одной рубашкѣ, стоялъ уже на покрытомъ инеемъ крыльцѣ, торопилъ своихъ парней и работниковъ на пашню. Парни, плохо проспавшіеся, двигались медленно, а это сердило хозяина.

— Да что вы, язви васъ, копаетесь тамъ? Смотри, вонъ, уже солнышко, а они еще со двора не выѣхали! Все бы вамъ пѣсни играть да съ дѣвками возиться!—кричалъ онъ.

Парни, не возражая на брань, выѣзжали со двора, крикнувъ:

— Ворота запри!

Василь-Григорьичъ шелъ босой по инею, закрывалъ ворота и, воротившись въ кухню, гдѣ его, еще раньше вставшая, „баба“ возилась у печи, говорилъ:

— А гдѣ Ѳенька-то? Спитъ еще?

— Спитъ, пускай. Вчера поздно легла, посуды эвонъ сколько! —и она показываетъ на цѣлыя горы столовой и чайной посуды, служившей вчера для угощенья и, несмотря на поздній часъ, въ который послѣднее кончилось, прибранной, вычищенной и поставленной на обычномъ мѣстѣ.—Пускай поспитъ еще!—заканчивала жена.

— Пускай поспитъ!—сердится мужъ.—Скотина, вонъ, загонъ разноситъ, Дарьѣ одной не управиться. А то, смотри, гости начнутъ вставать, самоваръ надо.

— Еще молиться будете, успѣете самоваръ-отъ,—говоритъ мать, которой жалко будить уставшую дочь. Но Василь-Григорьичъ неумолимъ:

— Да что̀ молиться, что̀ молиться!—кричитъ онъ.—Долго ли? Сегодня, поди, не праздникъ, скоро. Ѳенька! вставай!

Появляется заспанная Ѳенька и командируется на помощь работницѣ Дарьѣ. Успокоившись, Василь-Григорьичъ моется, обертываетъ ноги громадными онучами, одѣваетъ сапоги и садится читать псалтирь.

Читаетъ онъ долго, пока всѣ гости просыпаются. Сообща помолившись, пьютъ чай. Только послѣ этого Василь-Григорьичъ закладываетъ лошадь и, захвативъ „харчи", ѣдетъ на пашню къ работникамъ и парнямъ, откуда всѣ возвращаются уже поздно ночью.

Кончились еврейскіе праздники и начались обычные, крестьянскіе, рабочіе будни.

П. Хотымскій.

МОЯ ЖИЗНЬ

и

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

1832—1884 гг.

Воспоминанія и замѣтки.

X *).

Вступленіе мое въ совѣтъ.—Назначеніе генералъ-губернаторомъ Анненкова.—Польскія банды въ окрестностяхъ Кіева.—Университетскій уставъ 1863 года.—Приватъ-доцентъ.—Шульгинское дѣло.—Оставленіе ректорства Иванишевымъ.

18-го января 1863 года я въ первый разъ засѣдалъ въ университетскомъ совѣтѣ. Наконецъ, и я въ этомъ сонмѣ университетскихъ „сенаторовъ", гдѣ скоро я замѣтилъ и смѣлыхъ вожаковъ, и робкихъ молчальниковъ. Всѣхъ членовъ совѣта было тогда не болѣе тридцати человѣкъ, изъ которыхъ въ засѣданія являлись человѣкъ не болѣе двадцати-пяти. Нашъ ректоръ Иванишевъ былъ человѣкъ очень умный, и я не сомнѣваюсь, что онъ могъ бы прекрасно вести совѣтскія засѣданія, но на дѣлѣ выходило иначе. Дѣло дошло до того, что по порученію совѣта въ 1864 г. я внесъ записку о правѣ предсѣдателя руководить совѣтскими преніями и о предѣлахъ этихъ преній. Пренія бы-

*) См. выше: апр., 527 стр.

вали дѣйствительно безконечными; Иванишевъ терялся, и дѣло не разъяснялось, а только запутывалось. Все это происходило отъ того, какъ мнѣ кажется, что его никогда не покидала мысль объ оппозиціи, всегда стоящей за нимъ и зорко слѣдящей за каждымъ его шагомъ. Эти опасенія оппозиціи отравляли все его ректорство и, можетъ быть, были одной изъ причинъ его перехода на службу въ Варшаву. Контингентъ оппозиціи составляли мы, совѣтскіе юнцы, къ которымъ отъ времени до времени приставали и нѣкоторые старшіе члены совѣта. Извѣстна была шутка Иванишева: „я похожъ на Сатурна, и отличаюсь отъ него только тѣмъ, что тотъ поѣдалъ своихъ дѣтей, а меня поѣдаютъ мои". Оппозиція, въ самомъ дѣлѣ, была неугомонная, и старалась обратить въ смѣшную сторону всякое предложеніе ректора, какъ бы симпатично оно ни было. Я помню, напримѣръ, какъ было осмѣяно весьма хорошее предложеніе ректора организовать постоянныя публичныя лекціи, къ которымъ кіевская публика показывала несомнѣнный интересъ. Мы, совѣтскіе юнцы, многимъ обязанные Иванишеву, перешли на сторону оппозиціи, на знамени которой читалось: „прогресъ". Демченко, Сидоренко, Рененкампфъ, я, а по возвращеніи изъ-за границы и Цѣхановецкій, составили сплоченную солидарную группу, всегда готовую откликнуться на вызовъ оппозиціи. Таково было впечатлѣніе, которое на меня произвелъ сонмъ университетскихъ „сенаторовъ", когда я самъ сдѣлался его членомъ. Но тѣмъ не менѣе онъ вліялъ на меня, и я былъ робкимъ молчальникомъ. Даже когда обсуждался въ совѣтѣ вопросъ о судьбахъ нѣжинскаго лицея, я ничего не сказалъ въ защиту этого почтеннаго заведенія, заслуги котораго были мнѣ хорошо извѣстны и которое слѣдовало бы не упразднить, а сохранить.

Настроеніе совѣта въ 1863 г. обусловливалось политическими причинами: начиналось польское повстанье.

Осенью 1862 года, отъ крупознаго воспаленія легкихъ, умеръ генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ, ровно десять лѣтъ правившій краемъ. Убѣжденный аристократъ, князь Васильчиковъ былъ истиннымъ антиподомъ демократа Бибикова: если послѣдній заботился объ интересахъ крестьянъ, то главной заботой перваго было оберегать интересы мѣстнаго дворянства. Подъ охраной такой политики зрѣла мысль о возстановленіи Рѣчи Посполитой въ самыхъ стародавнихъ предѣлахъ: подготовлялись нужные военные припасы для вооруженнаго возстанія. Преемникомъ князя Васильчикова былъ назначенъ дряхлый и неопытный въ дѣлахъ края, совершенно ему незнакомаго, Анненковъ. Вмѣсто полнаго энергіи

и свѣдѣній, какимъ долженъ былъ быть администраторъ края, назначается немощный старикъ, кажется, прежде стоявшій во главѣ государственнаго контроля, но совершенно не вѣдавшій особенностей западно-русской окраины. Тѣмъ легче было подготовлять въ Кіевѣ повстанье при такомъ администраторѣ: собиралось оружіе, созывались повстанцы, изъ которыхъ формировались то пѣшіе, то конные отряды. Университетскій берейторъ Ольшанскій въ своемъ манежѣ образовалъ кавалерійскую школу и, по данному сигналу, выступилъ во главѣ ея изъ Кіева. Въ концѣ апрѣля разнеслась вѣсть, что въ окрестностяхъ Кіева идетъ война польскихъ повстанцевъ съ русскими войсками. Производился тогда экзаменъ изъ католическаго богословія, на который были назначены, по обычаю, отъ факультетовъ депутаты: я — отъ юридическаго. Хорошо помню озадаченнаго преподавателя римско-католическаго богословія, ксендза Добшевича, которому пришлось экзаменовать только нѣсколькихъ человѣкъ, такъ какъ другіе его слушатели были въ бандахъ. Пришелъ я съ этого экзамена домой и сѣлъ обѣдать. Является знакомый студентъ Тарновскій, предлагая поѣхать въ Бородянку, посмотрѣть на войну поляковъ съ русскими. Я, конечно, отъ этой прогулки отказался, но Тарновскій, въ сопровожденіи Жевакова, бывшаго впослѣдствіи правителемъ канцеляріи попечителя, и другихъ товарищей, поѣхалъ-таки въ Бородянку—и дорого за это поплатился: его съ товарищами приняли за польскихъ повстанцевъ, перевязали и привели въ Кіевъ вмѣстѣ съ плѣнными польскими воинами. Не забылъ я и до сихъ поръ этого тяжелаго зрѣлища, когда избитые и израненные польскіе юноши, которыхъ я недавно видѣлъ въ своей аудиторіи, приведены были въ Кіевъ и, подъ эскортомъ жандармовъ, отправлены въ крѣпость. Затѣмъ, не проходило дня, чтобы крестьяне, вооруженные своими цепками, не приводили въ Кіевъ своихъ прежнихъ помѣщиковъ, изловленныхъ въ разныхъ лѣсахъ и оврагахъ.

Въ виду всѣхъ этихъ событій задумано было подать государю всеподданнѣйшій адресъ. Въ квартирѣ ректора собралось нѣсколько профессоровъ, и я въ томъ числѣ, и мы выслушали проектъ адреса, составленный Незабитовскимъ. Проектъ былъ хорошо составленъ и безъ измѣненій предложенъ былъ совѣту, отъ лица котораго и препровожденъ государю. Скоро мы получили благодарность. Адресомъ университетъ не ограничился: въ иностранной прессѣ помѣщалась масса невѣрныхъ свѣдѣній изъ польскихъ источниковъ; составлена была брошюра за подписью всѣхъ членовъ совѣта, въ которой эти ложныя свѣдѣнія опро-

вергались, а факты возстановлялись въ ихъ подлинномъ видѣ. Отвѣтныя ноты вице-канцлера Горчакова приняты были съ энтузіазмомъ, а авторъ ихъ единогласно былъ избранъ въ почетные члены университета. Въ 1864 году, по предложенію Митюкова, всегда прежде индифферентнаго къ общественнымъ дѣламъ, былъ выбранъ почетнымъ членомъ университета Катковъ, какъ бы въ видѣ протеста противъ Шедо-Феротн, порицавшаго публицистическую дѣятельность редактора „Московскихъ Вѣдомостей".

Засѣданія совѣта, такъ патріотически настроеннаго, были интересны. Но этотъ патріотическій энтузіазмъ совѣта заходилъ уже слишкомъ далеко: я не могъ, напримѣръ, оправдать ходатайства о закрытіи католической каплицы, гдѣ подъ звуки органа совершалось католическое богослуженіе, разрѣшенное императоромъ Николаемъ въ стѣнахъ университета св. Владиміра, въ виду значительнаго числа студентовъ-католиковъ; органъ былъ, помнится, проданъ, а каплица превращена въ зоологическую лабораторію. Мнѣ казалось также, что совѣтъ проявилъ trop de zèle, когда процентъ поляковъ-студентовъ, ограниченный императоромъ Александромъ II-мъ одной пятой общаго числа, распространилъ на фармацевтовъ и вольныхъ слушателей; такое установленіе ограничительнаго процента для иноплеменниковъ мнѣ всегда казалось крайне некультурнымъ и нецѣлесообразнымъ; оно наноситъ государству, вмѣсто ожидаемой пользы, несомнѣнный вредъ.

Пришли каникулы, и мнѣ понадобилось съѣздить въ полтавскую губернію. Эмансипація уже акклиматизировалась среди лохвицкаго дворянства, и не замѣчалъ я въ немъ такого дурмана, какъ въ прошломъ году. Уже меньше боялись крестьянскихъ бунтовъ, а выкупные платежи залечили сердечныя язвы, причиненныя актомъ 19 февраля 1861 года. Мировые посредники, составъ которыхъ въ лохвицкомъ уѣздѣ былъ весьма изряденъ, дѣйствовали бойко, а тѣ помѣщики, которые лили пули, чтобы застрѣлиться по случаю освобожденія крестьянъ, какъ, напримѣръ, почтенный Николай Романовичъ Зарудный, поуспокоились и принялись за старое житье-бытье. Для меня вообще было очень интересно наблюдать, какъ прививалась къ мѣстному мало просвѣщенному дворянству грандіозная идея освобожденія крѣпостныхъ. Насмотрѣвшись на все это, я вернулся въ Кіевъ, гдѣ ждалъ меня пріятный сюрпризъ: университетскій уставъ 1863 г. Онъ былъ прочтенъ ректоромъ въ засѣданіи совѣта 30 іюля; настроеніе совѣта было ликующее, исполненное благодарности за дарованіе устава, такъ широко раздвинувшаго автономію

университета. Съ какой охотой выработывались въ коммиссіяхъ уставы разныхъ университетскихъ учрежденій, составленіе которыхъ предоставлялось самому университету; работы было много, но какъ легка казалась она въ виду тѣхъ благъ, которыми уставъ надѣлялъ русскій университетъ! Скоро началась практика устава: первымъ проректоромъ былъ выбранъ Митюковъ; первыми судьями —Демченко, Ходецкій и Тютчевъ. Первое дѣло, которое разобрано ими, было дѣло о повстанцѣ Витольдѣ-Леонардѣ Волкъ-Лапевскомъ, получавшемъ стипендію и ушедшемъ въ банды, котораго судъ приговорилъ къ исключенію, представивъ этотъ приговоръ на утвержденіе совѣта. Полномочія судей возобновлялись ежегодно. Сначала составъ судей мѣнялся, а потомъ сдѣлался болѣе или менѣе постояннымъ. Дѣятельность его проявлялась очень рѣдко; это не то, что судъ университетскаго правленія, чуть ли не еженедѣльно занятаго то увольненіемъ, то исключеніемъ, то отдачей въ солдаты студентовъ. Я могу говорить объ этомъ, какъ лицо компетентное, такъ какъ я былъ членомъ какъ университетскаго суда, такъ и правленія, и могу сказать лишь одно: процедура университетскаго суда была болѣе правильная и болѣе гарантировала справедливость рѣшенія. Въ немъ, напримѣръ, никогда не возбуждался вопросъ о томъ, что можно постановить заочное рѣшеніе, даже исключеніе изъ университета, не видя обвиняемаго въ глаза. Жаль только, что уставу 1863 года пришлось дѣйствовать недолго въ его первобытномъ видѣ: въ 1866 году Головнина смѣнилъ графъ Д. А. Толстой. На первыхъ порахъ онъ не нарушалъ устава. Но съ начала 70-хъ годовъ задумалъ отмѣнить его, и начались постоянныя колебанія, такъ что нѣкоторыя его распоряженія противорѣчили уставу. Я глубоко убѣжденъ, что если бы уставъ 1863 года привился къ русскимъ университетамъ, исторія послѣднихъ не имѣла бы многихъ печальныхъ страницъ. Возвратясь изъ совѣта домой, я обрадовалъ жену вѣстью объ усиленныхъ окладахъ профессорскаго жалованья. Для насъ это было тѣмъ болѣе кстати, что клѣточки Богуша были ужъ слишкомъ тѣсными, и намъ хотѣлось имѣть болѣе просторное жилище. Я нанялъ на Козинкѣ, въ домѣ университетскаго учителя рисованія Васько, пять приличныхъ комнатъ за 325 рублей въ годъ. Я нарочно выставляю прежнія цѣны, для сравненія ихъ съ настоящими.

Уставъ 1863 года животворно подѣйствовалъ на русскіе университеты. Появляется въ нихъ небывалая приватъ-доцентура. Правда, она скоро оказалась тощимъ плодомъ, до времени созрѣлымъ. Но на первыхъ порахъ она обѣщала жизнь и развитіе.

Припоминаю первенцевъ приватъ-доцентовъ университета св. Владиміра: Леонтовичъ, Ващенко-Захарченко, Авсѣенко, Драгомановъ, Николай Степановъ, Кистяковскій, Чешихинъ, Маровскій, Деларю, Борщовъ, Паульсонъ. Вотъ ихъ списокъ, можетъ быть, не совсѣмъ полный. Не всѣ они вышли въ люди, по крайней мѣрѣ въ люди академическіе, но о многихъ изъ нихъ я сохранилъ воспоминанія. Припоминаю приватъ-доцентскіе диспуты Авсѣенка и Драгоманова: двѣ личности во многомъ противоположныя. Сухой и холодный авторъ „Похода Карла VIII въ Италію", Авсѣенко, держалъ себя на диспутѣ чрезвычайно импозантно—не то Гизо, не то Шульгинъ. Когда онъ читалъ свою вступительную лекцію, я не мало удивлялся, что онъ, довольно стройный и красивый, могъ такъ уподобляться горбатому и невзрачному Шульгину: онъ такъ же держался на каѳедрѣ, такъ же поправлялъ свои большіе очки, такъ же жестикулировалъ. Можетъ быть, за это уподобленіе факультетъ къ нему не благоволилъ, что̀ сказалось на диспутѣ въ обращеніи съ нимъ Ставровскаго. Это неблаговоленіе, можетъ быть, и было причиною, что Авсѣенко не долго сидѣлъ на каѳедрѣ, и что изъ него не вышло академическаго человѣка. Онъ скоро оставилъ приватъ-доцентуру и замѣнилъ Шульгина въ редактированіи газеты „Кіевлянинъ", которая въ его рукахъ отличалась безцеремонными выходками мѣстнаго краснобая „Ѳеди-Миленькаго" противъ университета и его членовъ. Этотъ Ѳедя-Миленькій—также интересная фигура изъ университетскихъ неудачниковъ. Когда припомнишь его первые шаги на поприщѣ кіевской сатиры и каррикатуры,—за что̀ онъ иногда подвергался патріархальной расправѣ фешенеблей,—и сравнишь съ его послѣдними шагами,—его, Ромера, на поприщѣ орловской агрономіи и садоводства, то думаешь, тотъ ли это самый Ѳедя-Миленькій, который когда-то въ Кіевѣ писалъ свои развязные каламбуры и акростихи? Мы еще встрѣтимся съ этимъ сатирически-каррикатурнымъ направленіемъ „Кіевлянина", которое поддерживалось такимъ просвѣщеннымъ человѣкомъ, какъ Шульгинъ.

Весьма живо помню фигуру Драгоманова, защищавшаго—pro venia legendi—своего императора Тиверія и отшучивавшагося отъ нападеній очевидно къ нему расположеннаго Селина. Умный и находчивый, съ игривой фразой, онъ, какъ видно было, хотѣлъ быть похожимъ на Добролюбова: по крайней мѣрѣ, его бакенбарды, окружавшія лицо, напоминали критика „Современника". Фигура Драгоманова заслуживаетъ, чтобы на ней нѣсколько остановиться. Онъ воспитывался въ интернатѣ полтавской гимназіи, въ которой вѣроятно былъ enfant gaté такихъ учителей, какъ

Стронинъ и Полевичъ. Изъ гимназіи, такимъ образомъ, этотъ даровитый юноша могъ вынести значительную долю самомнѣнія и чрезмѣрной вѣры въ свои силы. Студенчество его проходило при Пироговѣ, когда даровитые студенты, и особенно умѣвшіе хорошо говорить, выдвигались на первый планъ, играя выдающуюся роль въ средѣ товарищей. Я помню, какъ его самонадѣянность потерпѣла на его магистерскомъ диспутѣ отъ его оппонентовъ Бильбасова и Модестова. Я помню еще одну сцену этого диспута: демонстрацію студентовъ противъ Лучицкаго, который оказался на сторонѣ противниковъ Драгоманова. Гордое сознаніе своихъ дарованій вредило Драгоманову, этому несомнѣнно талантливому и симпатичному русскому человѣку, къ которому я всегда питалъ глубокое сочувствіе. Изъ него могъ бы выработаться выдающійся профессоръ.

Въ моемъ воображеніи рисуется еще черноволосая прилизанная голова Николая Степанова, защищавшаго свое сочиненіе о цехахъ—pro venia legendi. Онъ былъ любимцемъ Иванишева, который вообще не отличался умѣньемъ выбирать любимцевъ. Николай Степановъ не былъ похожъ на ученаго, а его диспутъ былъ диспутомъ Молчалина, спорящаго съ Фамусовымъ. Онъ мнѣ потомъ говорилъ, что такимъ характеромъ диспута онъ хотѣлъ отмѣтить свое обращеніе съ начальствомъ въ отличіе отъ слишкомъ развязной и фамильярной манеры Драгоманова. Степановъ прочелъ вступительную лекцію о цензурѣ, но мы не могли составить себѣ мнѣнія, какъ онъ самъ смотритъ на это учрежденіе: полезна ли цензура или вредна, слѣдуетъ ли ее сохранить или упразднить. Потомъ онъ подвергался магистерскому экзамену изъ полицейскаго права: Иванишевъ думалъ, что онъ былъ отлично подготовленъ, и хотѣлъ въ протоколѣ написать, что экзаменъ выдержанъ удовлетворительно. Но Бунге, предложившій магистранту нѣсколько вопросовъ по кредитнымъ учрежденіямъ, нашелъ его малосвѣдущимъ. Факультетъ постановилъ предложить Степанову повторить экзаменъ. Это оскорбило Степанова, и онъ бросилъ дѣло, для котораго, впрочемъ, не имѣлъ природныхъ наклонностей.

Между приватъ-доцентами этой свѣтлой университетской поры выдѣляется въ моихъ воспоминаніяхъ громоздкая фигура Александра Ѳедоровича Кистяковскаго, сдѣлавшагося потомъ извѣстнымъ криминалистомъ. Я его зналъ еще по студенческой скамьѣ, такъ какъ онъ былъ двумя курсами ниже меня и, подобно мнѣ, жилъ въ казеннокоштномъ интернатѣ. Учился онъ въ черниговской духовной семинаріи, въ которой уже сложи-

лись его атеистически-радикальныя убѣжденія и жажда ихъ пропагандировать для спасенія міра, погрязшаго въ ошибкахъ и заблужденіяхъ. Большой спорщикъ, онъ уже и тогда вступалъ со мной въ споръ, но, уважая мое филистерство, не придавалъ этимъ спорамъ того рѣзкаго колорита, къ которому онъ былъ такъ способенъ. Окончаніе имъ курса очень замедлилось столкновеніемъ его съ субъ-инспекторомъ Тулубомъ, за что онъ подвергся ссылкѣ учителемъ козелецкаго приходскаго училища. По возвращеніи изъ этой ссылки, онъ держалъ окончательный экзаменъ, но получилъ только званіе дѣйствительнаго студента, такъ какъ отмѣтка изъ педагогіи была неудовлетворительна. Мои первые профессорскіе шаги сопровождались нерѣдкими встрѣчами съ нимъ, которыя, по обыкновенію, и оканчивались спорами. Я помню, что когда я жилъ въ домѣ Лагоды, то по сосѣдству со мной жилъ и Кистяковскій; тогда наши бесѣды нерѣдко продолжались по длиннымъ зимнимъ ночамъ. Потомъ Кистяковскій попробовалъ петербургской службы, сначала въ сенатѣ, а потомъ въ департаментѣ народнаго просвѣщенія. Оставленный за штатомъ, онъ прибылъ въ Кіевъ въ 1863 году, когда мы, его товарищи, были уже экстраординарными профессорами. Во мнѣ и въ Демченкѣ онъ встрѣтилъ такую поддержку, что довольно скоро его положеніе въ факультетѣ сдѣлалось лучше нашего. Наши взаимныя отношенія всегда были безупречно товарищескими, хотя я не встрѣчалъ человѣка, въ которомъ высокое мнѣніе о себѣ было бы развито до такихъ размѣровъ, какъ у Кистяковскаго. Его никогда не оставляла жажда играть первую роль, быть „властителемъ думъ", и ему это дѣйствительно удавалось въ нѣкоторыхъ сферахъ—среди студенчества и украинофильства. Но едва ли его умственные рессурсы соотвѣтствовали его притязаніямъ: умъ его былъ довольно тяжеловѣсный; въ факультетѣ и совѣтѣ, несмотря на всѣ его стремленія, ему не удавалось играть первую роль. Онъ стремился первенствовать и въ сферѣ городского управленія, пріобрѣвъ большое вліяніе на избирателей послѣдней категоріи. Но здѣсь онъ встрѣчался съ оппозиціей Рененкампфа—человѣка болѣе предпріимчиваго и ловкаго. Несомнѣнная сила Кистяковскаго заключалась въ его рѣдкомъ трудолюбіи и любви къ своей наукѣ, которую онъ излагалъ хотя довольно вяло, но обогатилъ ее нѣсколькими, довольно цѣнными работами.

Другую физіономію представлялъ приватъ-доцентъ Борщовъ—человѣкъ широкаго европейскаго образованія, вполнѣ научныхъ стремленій, испытанный альтруистъ, павшій жертвой любви къ

ближнему: онъ умеръ отъ тифа, полученнаго имъ при уходѣ за больными русскими солдатами—жертвами русско-турецкой войны 1877 года. Еще симпатичнѣе свѣтлая личность доктора Чешихина. Каѳедра оказалась не по немъ, такъ какъ онъ не былъ мастеромъ слова, которое ему очень трудно давалось. Но изъ него вышелъ замѣчательный практическій врачъ, рѣдкой доброты и безкорыстія... Уставъ 1863 г. установилъ выборъ двумя третями на дополнительное пятилѣтіе. При бѣдности русскихъ ученыхъ силъ, едва ли можно было оправдать такое постановленіе. Притомъ оно примѣнялось совѣтомъ крайне неразборчиво. За исключеніемъ немногихъ случаевъ, рѣдко кому удавалось благополучно пройти двумя-третями голосовъ. Мы ниже еще встрѣтимся съ этимъ вопросомъ, а пока припомнимъ, что первой жертвой его сдѣлался профессоръ факультетской терапевтической клиники Сергѣй Петровичъ Алферьевъ; онъ получилъ 20 избирательныхъ при 12 неизбирательныхъ. Такимъ образомъ, при значительномъ абсолютномъ большинствѣ, признавшемъ его годнымъ, онъ долженъ былъ оставить каѳедру, что едва ли было полезно медицинскому факультету, лишившемуся замѣчательнаго клинициста и славнаго діагноста. Недаромъ медицинскій факультетъ хотѣлъ исправить совѣтскую ошибку, предлагая оставить Алферьева преподавателемъ по найму, но это встрѣтило протестъ въ самомъ медицинскомъ факультетѣ, въ лицѣ Мацона. Правда, медицинскій факультетъ скоро поправился, замѣнивъ Алферьева Мерингомъ, а Меринга—Покровскимъ, однимъ изъ талантливѣйшихъ профессоровъ университета. Для другихъ же факультетовъ эти двѣ-трети имѣли болѣе роковыя послѣдствія: историко-филологическій факультетъ былъ почти разрушенъ. Отмѣна двухъ-третей была поэтому вполнѣ основательна.

Но важнѣйшимъ дѣломъ совѣта во время ректорства Иванишева было дѣло Шульгина, пріобрѣвшее почти всероссійскую огласку. Припомнимъ, что Шульгинъ былъ украшеніемъ университета св. Владиміра и что такого профессора исторіи рѣдко приходилось слышать не только у насъ, но и за границей. Осенью 1862 года, по чисто личнымъ и семейнымъ обстоятельствамъ, онъ оставилъ профессуру. Его тогдашніе слушатели и теперь хорошо помнятъ его послѣднюю лекцію по исторіографіи, когда онъ излагалъ значеніе историческихъ работъ братьевъ Тьери. Рукоплесканіями провожали Шульгина по университетскому коридору, а толпы студентовъ сопутствовали ему до самаго выхода изъ университета. Будучи магистромъ, и притомъ русской исторіи, онъ имѣлъ рангъ исправляющаго должность экстраординар-

наго профессора. Шульгинъ былъ рожденъ для каѳедры, и поэтому понятно, какъ больно ему было оставить ее. Онъ женился, одумался, ему захотѣлось возвратиться на каѳедру, на которой онъ такъ блисталъ. Въ августѣ 1863 года онъ подалъ попечителю прошеніе о разрѣшеніи прочесть ему рядъ публичныхъ лекцій о французской революціи. Къ прошенію была приложена обычная программа, которая была передана на разсмотрѣніе университетскаго совѣта. Друзья Шульгина воспользовались этимъ случаемъ и подняли вопросъ о его возвращеніи въ университетъ. Началось знаменитое дѣло, не одинъ мѣсяцъ занимавшее умы университетскихъ „сенаторовъ". Душою этого дѣла былъ профессоръ Бунге, интимный другъ Шульгина; но такъ какъ Бунге пришлось отлучиться на продолжительное время въ Петербургъ, по вызову графа Строганова, для преподаванія покойному Наслѣднику финансовъ и статистики, то веденіе Шульгинскаго дѣла въ университетскомъ совѣтѣ онъ поручилъ Рененкампфу, пріемы котораго едва ли не повліяли на неблагопріятный и для университета, и для Шульгина исходъ дѣла. Ректору поручено было войти въ сношеніе съ Шульгинымъ, чтобы узнать, не пожелаетъ ли онъ возвратиться въ университетскую среду. Получился отвѣтъ: возвратиться-де согласенъ, но на прежнихъ условіяхъ, т.-е. съ званіемъ экстраординарнаго профессора, чему противорѣчилъ тотъ параграфъ устава, который для этого требовалъ докторской степени. Тѣмъ не менѣе, совѣтъ постановилъ баллотировать Шульгина на прежнее званіе, и онъ значительнымъ большинствомъ голосовъ былъ избранъ; послѣдовалъ энергическій протестъ историко-филологическаго факультета, который нашелъ такое избраніе противозаконнымъ, такъ какъ оно противорѣчило требованіямъ новаго устава. Во главѣ этого протеста былъ энергическій деканъ филологическаго факультета—Селинъ. Между нимъ и Шульгинымъ были личныя неудовольствія на почвѣ институтскаго прекраснаго пола, такъ какъ они оба были лириками и романтиками. Началась борьба факультета съ совѣтомъ—борьба, можно сказать, двухъ силъ, забывавшихъ объ интересахъ университета и науки и задавшихся грубымъ интересомъ: чья возьметъ? Протестъ филологическаго факультета дошелъ до министра, который не утвердилъ совѣтскаго избранія, въ слѣдствіе его несоотвѣтствія съ требованіями новаго устава. Дѣло получило иной оборотъ: профессоръ акушерства Матвѣевъ, въ засѣданіи совѣта въ февралѣ 1864 года, предложилъ возвести Шульгина въ доктора безъ испытанія. Полагаемъ, что въ интересѣ пріобрѣтенія университетомъ такого даровитаго профессора эксцентричное, по-

видимому, предложеніе профессора акушерства было цѣлесообразно. Да и не заслуживалъ ли такой докторской степени авторъ курса всеобщей исторіи и такой несравненный лекторъ, какимъ былъ Шульгинъ? Но филологическій факультетъ думалъ иначе: послѣдовалъ новый сильный протестъ противъ принятаго совѣтомъ предложенія профессора Матвѣева, такъ какъ голосованіе состоялось въ пользу Шульгина, и совѣтъ постановилъ выдать ему докторскій дипломъ. Деканъ филологическаго факультета отказался отъ подписи этого диплома; подписать его совѣтъ поручилъ тихому и кроткому Нейкирху. Шульгинъ поблагодарилъ за честь такого избранія, но факультетскій протестъ былъ слишкомъ силенъ и энергиченъ, и министръ не могъ не обратить на него вниманія. Дѣло рѣшилось не въ пользу Шульгина, который долженъ былъ возвратить свой дипломъ министру. Побѣдила грубая сила, съ которой ея же пріемами думала бороться противная партія. Потерялъ не только Шульгинъ, но потеряла русская наука и русскій университетъ. Шульгинъ былъ сбитъ съ его настоящаго пути и превратился въ злобствующаго на университетъ публициста. Университету, которому онъ такъ доблестно служилъ, онъ нанесъ не мало уколовъ фельетонами Ѳеди-Миленькаго, а это въ нашей провинціальной средѣ могло дискредитировать высшее учрежденіе. Русская наука лишилась такихъ изслѣдователей, какимъ былъ авторъ „Исторіи русской женщины“, а русскій университетъ потерялъ такую блестящую силу на каѳедрѣ, какою былъ Шульгинъ.

Уставъ 1863 года впервые, можно сказать, правильно поставилъ факультетское преподаваніе государственнаго права, разбивъ его на три отдѣла: теорія государственнаго права, иностранное государственное право и русское. Я принялся за разработку новаго курса своего предмета и двѣ первыя части слилъ въ одну, обработавъ хотя довольно эклектическій курсъ, но стоявшій на уровнѣ современной науки. Лекціи этого курса записывались студентами Скордели и Зиберомъ, а потомъ литографировались: первый опытъ примѣненія литографіи къ университетскимъ курсамъ. Оба слушателя были люди талантливые, но только для различныхъ дѣлъ. Скордели, хотя былъ преподавателемъ въ нѣжинскомъ лицеѣ и съ успѣхомъ выдержалъ устный экзаменъ на степень магистра гражданскаго права, но его сердце лежало не къ наукѣ: изъ него вышелъ бойкій финансовый дѣлецъ, нажившій большое состояніе. Но все-таки онъ сохранилъ платоническую любовь къ юридической наукѣ, и въ его библіотекѣ всегда можно было найти полный подборъ все-

возможныхъ руководствъ и курсовъ по всѣмъ частямъ науки права. Совсѣмъ другого рода была личность Николая Ивановича Зибера — фанатика науки и послѣдовательнѣйшаго идеалиста. Вспоминаю его магистерскій экзаменъ изъ политической экономіи, на которомъ мы впервые услышали имя экономиста Маркса и его знаменитую теорію, которую магистрантъ излагалъ съ такимъ увлеченіемъ. Зиберъ получилъ званіе штатнаго доцента, но не долго читалъ свои лекціи, такъ какъ скоро оставилъ факультетъ и, связанный тѣсной дружбой съ Драгомановымъ, послѣдовалъ за нимъ за границу, гдѣ избралъ своею резиденціей Бернъ. Оставивъ университетъ, онъ не покидалъ своей любимой науки, которую обогатилъ рядомъ цѣнныхъ книгъ. Въ спискахъ научныхъ именъ имя Зибера всегда должно быть вспоминаемо, какъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ. Курсъ русскаго государственнаго права подвергся также значительной переработкѣ, и все-таки съ большимъ расширеніемъ историческаго элемента, котораго я былъ рѣшительнымъ сторонникомъ. Несмотря на изданный профессоромъ петербургскаго университета Андріевскимъ учебникъ русскаго государственнаго права, я задумывалъ уже тогда издать свой курсъ, что̀ и сдѣлалъ, спустя нѣсколько лѣтъ.

Мы видѣли, какъ былъ принятъ новый университетскій уставъ профессорскимъ сословіемъ. Какъ же онъ былъ принятъ студентами? Студентами онъ былъ принятъ крайне равнодушно, и это было вполнѣ понятно: новый уставъ не только не давалъ студентамъ ничего, но даже лишалъ ихъ того, что̀ само собою сложилось въ ихъ средѣ во времена попечителей Ребиндера, Пирогова и Николаи,—разумѣемъ студенческія сходки и всяческія организаціи. Принципомъ новаго устава въ сферѣ студенчества было полное отрицаніе всякой солидарности и единства между студентами, которые должны были считать себя отдѣльными слушателями — сепаратными единицами, которыя случайно встрѣчаются въ стѣнахъ университета, но между которыми не должно быть ничего общаго. Такое воззрѣніе составителей устава могло быть навѣяно воспоминаніями о безпорядкахъ петербургскаго университета при графѣ Путятинѣ въ 1861 году. Но для русскихъ университетовъ эта теорія сепаратности студентовъ имѣла роковыя послѣдствія: вмѣсто организацій явныхъ и легальныхъ, стали развиваться организаціи секретныя и конспиративныя, всецѣло подчинившіяся вліянію политическихъ агитаторовъ и провокаторовъ, которые долго господствовали надъ русскими университетами.

Въ январѣ 1865 года, ректоръ Иванишевъ получилъ отпускъ

въ Петербургъ, а въ началѣ февраля мы узнали, что онъ переводится на службу въ Варшаву. Все это было сдѣлано такъ быстро и секретно, что университетъ не могъ устроить своему ректору обычной прощальной оваціи, и Иванишевъ изъ своего родного университета, которому онъ такъ долго и такъ успѣшно служилъ, уѣхалъ какъ чужой. Переходомъ на службу въ Варшаву Иванишевъ лично потерялъ не мало, но не мало потерялъ и университетъ, лишившись такого даровитаго члена. Возникъ вопросъ, кѣмъ замѣнить выбывшаго ректора. Совѣтъ остановился на Митюковѣ, котораго и выбралъ ректоромъ, 28 февраля 1865 г., большинствомъ 23-хъ противъ 8-ми. Полагаю, что этотъ выборъ былъ вполнѣ удаченъ. Къ сожалѣнію только, Митюковъ ректорствовалъ очень недолго. Человѣкъ гордый и самолюбивый, онъ боялся уронить какимъ-нибудь актомъ свою репутацію глубокаго ума, и въ августѣ того же 1865 года сложилъ свои ректорскія полномочія. Ректорство его было такъ непродолжительно, что трудно было уловить его особенности. Въ моей памяти сохранилось только, что это ректорство совпало со столѣтіемъ Ломоносовскаго юбилея, и что мы собрались на чашку чая въ квартирѣ ректора, гдѣ обсуждался вопросъ о томъ, какъ ознаменовать этотъ юбилей. Къ сожалѣнію, это было, кажется, послѣднее наше собраніе въ ректорской квартирѣ въ стѣнахъ университета, которая скоро была упразднена въ личныхъ интересахъ ректора Матвѣева. За отказомъ Митюкова послѣдовалъ выборъ новаго ректора; въ началѣ сентября 1865 года былъ выбранъ Бунге большинствомъ семнадцати противъ десяти; отъ этого ректорства онъ отказался. Дважды предъ этимъ его не избирали: въ мартѣ 1862 и въ февралѣ 1865 года; въ немъ могло заговорить чувство недовольства совѣтомъ; во всякомъ случаѣ отказъ былъ настолько категоричен, что въ слѣдующее засѣданіе былъ выбранъ Матвѣевъ, большинствомъ девятнадцати противъ девяти. Зная хорошо Матвѣева, я, признаюсь, былъ удивленъ его выборомъ, и особенно альтернативой—или Бунге, или Матвѣевъ; но что было общаго между этими двумя личностями, діаметрально противоположными? Выросшій въ семьѣ неустаннаго труда, профессоръ Бунге отличался рѣдкимъ трудолюбіемъ и образцовой аккуратностью въ веденіи порученнаго ему дѣла. Потомокъ богатой дворянской фамиліи, выроставшій среди ея преданій въ орловской средѣ, Матвѣевъ былъ лѣнивый сибаритъ, для котораго важнѣйшее значеніе въ жизни принадлежало чувственнымъ матеріальнымъ благамъ. Какъ онъ думалъ относиться къ своимъ ректорскимъ обязанностямъ, можно усмотрѣть изъ того, что вслѣдъ за своимъ

выборомъ онъ испросилъ разрѣшеніе министра отлучаться изъ Кіева, не испрашивая каждый разъ особаго дозволенія. И эти отлучки, какъ, напримѣръ, во Флоренцію къ Демидову, были довольно продолжительны.

Начало ректорства Матвѣева ознаменовалось празднованіемъ Карамзинскаго юбилея 1 декабря 1865 года. Я помню юбилейный обѣдъ, весьма многолюдный. Помню рѣчь Юзефовича о Карамзинѣ, которую онъ произносилъ съ особенными удареніями; на этомъ обѣдѣ я услышалъ печальную вѣсть о болѣзни Н. А. Милютина, которая свела въ могилу этого блестящаго государственнаго человѣка.

XI.

Графъ Д. А. Толстой и его отношеніе къ университетскому уставу 1863 года.—Ректорство Матвѣева. — Опека надъ историко-филологическимъ факультетомъ.—Планъ преобразованія совѣта, предложенный ректоромъ Матвѣевымъ.—Моя поѣздка въ Петербургъ для напечатанія докторской диссертаціи.—Докторскій диспутъ.—Мое знакомство съ семействомъ Искры и вторичная женитьба.

Въ началѣ своего управленія графъ Д. А. Толстой къ новымъ университетскимъ порядкамъ, созданнымъ уставомъ 1863 г., относился, какъ онъ самъ выразился въ разговорѣ съ казанскимъ попечителемъ Шестаковымъ, „какъ конституціонный король". Порядки эти такъ соотвѣтствовали истиннымъ интересамъ университета, что нужна была продолжительная интрига и науськиванье, чтобы накинуться на эти порядки и нарушить ихъ. Такое направленіе въ университетской политикѣ графа Толстого замѣчается съ тѣхъ поръ, какъ „лизнули крови Леонтьева", который пригрозилъ злой местью. Актъ этой злой мести дѣйствительно совершился надъ русскими университетами, органическій строй которыхъ распался подъ гнетомъ устава 1884 года на отдѣльныя составныя части, которыя такъ трудно государству опять собрать во единое цѣлое. Строго говоря, нашъ университетъ, какъ цѣльное органическое учрежденіе, въ настоящее время существуетъ въ развалинахъ. Правительству долго придется бороться съ тѣми вѣяніями, которыя смущаютъ академическую жизнь и съ которыми съ большимъ успѣхомъ могло бы бороться самое учрежденіе, если бы только оно имѣло цѣлесообразный строй. Графъ Толстой не сразу поддался интригѣ противъ университета, мотивированной личной страстью и злобой. Уставъ духовныхъ академій 1869 года былъ сколкомъ съ университетскаго устава

1863 года. Когда въ 1867 году былъ возбужденъ вопросъ о болѣе точномъ опредѣленіи полномочій ректора и его отношеній къ совѣту, то вопросъ этотъ былъ предоставленъ обсужденію самихъ университетскихъ совѣтовъ. Вообще, читая университетскіе протоколы за первые годы министерства графа Толстого, мы въ нихъ не усматриваемъ еще никакихъ посягательствъ на университетскую автономію. Единственнымъ нарушеніемъ была отмѣна правила насчетъ двухъ-третей, но она была вызвана злоупотребленіями и неосмотрительнымъ примѣненіемъ этого параграфа новаго устава. Но когда читаешь эти протоколы,—какою стройною представляется тогдашняя жизнь университета въ сравненіи съ теперешней, хаотической и запутанной! Изъ этихъ протоколовъ выдѣляется университетъ, какъ цѣльное органическое учрежденіе, отдѣльные элементы котораго связаны между собою солидарно. Составъ членовъ совѣта, по крайней мѣрѣ въ университетѣ св. Владиміра, былъ ниже дарованнаго университету самоуправленія, но достоинства организаціи покрывали слабыя стороны персонала, и совѣты дѣйствовали съ полнымъ успѣхомъ, преслѣдуя истинные интересы университета и его достоинство. Рознь между членами университета существовала, конечно, и тогда, но надъ ними стояло властное учрежденіе—совѣтъ, предъ которымъ эта рознь унималась, а на сцену выступалъ интересъ, примиряющій всѣхъ, интересъ университета.

Хорошо я помню шумъ преній и рѣзкія рѣчи тогдашняго времени, но я также хорошо помню и свѣтлыя, симпатичныя черты былого. Я помню, напримѣръ, какъ принята была всѣмъ совѣтомъ выходка предсѣдателя кіевской гражданской палаты, Чернова, и его товарища, Рашета, представлявшихъ начальству, что судебная реформа въ юго-западномъ краѣ не можетъ быть введена, вслѣдствіе того, что такой слабый юридическій факультетъ, какъ въ университетѣ св. Владиміра, не можетъ подготовить нужныхъ судебныхъ дѣятелей. Оскорбленіе, нанесенное факультету, почувствовалось всѣмъ совѣтомъ, и совѣтъ выслушалъ благородное, исполненное достоинства, объясненіе факультета. Словомъ, чувство связности, солидарности отдѣльныхъ членовъ было естественнымъ послѣдствіемъ устава 1863 года, даровавшаго университету значеніе правящаго своими дѣлами органическаго цѣлаго. Насколько велики были достоинства тогдашнихъ университетскихъ порядковъ, можно видѣть изъ того, что на ходъ дѣла существеннаго вліянія не имѣла личность ректора. Автономическіе порядки дѣйствовали сами собой, корректируя возможные личные недостатки главы университета.

Собственно говоря, новые порядки насаждались во время ректорства Матвѣева съ 1865 по 1871 годъ, такъ какъ Иванишевъ былъ при нихъ недолго, а Митюковъ—только въ каникулярное время. Но какимъ же ректоромъ могъ быть Матвѣевъ? Это былъ типическій орловскій дворянинъ и спортсменъ, для котораго охота и рыбная ловля, цвѣты и фрукты были важнѣйшей стороной жизни. Человѣкъ очень даровитый, онъ былъ знатокомъ и отличнымъ преподавателемъ своего предмета; но дѣльнымъ ректоромъ онъ быть не могъ, такъ какъ былъ лѣнивъ и бѣжалъ отъ дѣла. При немъ правили секретари. Но зато Матвѣевъ былъ очень пріятенъ и вполнѣ русскій хлѣбосолъ: угощать товарищей было его слабостью. Я помню, какъ, послѣ засѣданій совѣта, къ нему на Тарасовскую улицу, гдѣ охраняли его медвѣди и волченята, собирался чуть ли не весь персоналъ университета, начиная отъ приватъ-доцентовъ и оканчивая настоятелемъ университетской церкви. Столы ломились подъ тяжестью яствъ и наливокъ, и мы пили и ѣли на славу. Черта эта, конечно, очень почтенная, но ея одной мало, чтобы быть хорошимъ ректоромъ, обязанности котораго были тяжелы для такого сибарита, какъ Матвѣевъ, который дремалъ и похрапывалъ въ засѣданіяхъ совѣта. Тѣмъ не менѣе, автономическая машина дѣйствовала съ полнымъ успѣхомъ и университетскія дѣла были въ полномъ порядкѣ,—такъ мудра и цѣлесообразна была организація по уставу 1863 года. А что, еслибы при нынѣшнихъ порядкахъ во главѣ университета стояла личность, подобная Матвѣеву?!

Важнѣйшимъ вопросомъ, занимавшимъ совѣтъ въ разсматриваемое нами время, былъ вопросъ о замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ. Особенно озабочивали каѳедры историческія: русская исторія не была замѣщена съ 1859 года, когда профессоръ Павловъ перешелъ въ Петербургъ, а каѳедра всеобщей исторіи осиротѣла съ 1862 г., когда оставилъ ее Шульгинъ, и единственнымъ ея представителемъ былъ Ставровскій, имѣвшій мало общаго съ наукой. Между прочимъ, этотъ знаменитый въ лѣтописяхъ университета св. Владиміра историкъ держалъ въ своихъ рукахъ обѣ исторіи, не давая хода той талантливой молодежи, которая нашлась бы. Дѣйствительно, между тогдашними стипендіатами можно отмѣтить цѣлый рядъ талантливыхъ молодыхъ людей, посвятившихъ себя занятіямъ исторіей. Это были: Владимірскій-Будановъ, Пигулевскій, Васильевъ, Драгомановъ, Иконниковъ, Авсѣенко, Лучицкій. Можно даже удивляться, что ихъ собралось столько въ такое печальное для исторической науки

время: не традиціи ли Павлова и Шульгина привлекли эту молодежь къ занятіямъ то русской, то всеобщей исторіей? Между прочимъ, молодежь хода не имѣла, и Ставровскій продолжалъ быть монополистомъ исторіи. Совѣтъ напоминалъ объ этомъ факультету, который и сносился то съ Костомаровымъ, то съ Иловайскимъ, получая отъ нихъ то положительные, то отрицательные отвѣты, а дѣло все-таки стояло, не двигаясь. Всеобщую исторію поручали преподавать приватъ-доценту Драгоманову. Но, конечно, онъ не могъ обнять всѣ части такой обширной науки: Куторга рекомендовалъ Бильбасова. Въ декабрѣ 1866 года онъ былъ выбранъ единогласно въ штатные доценты по каѳедрѣ всеобщей исторіи, а въ ноябрѣ 1867 года, при баллотировкѣ въ экстраординарные профессора, онъ былъ забаллотированъ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Какъ и почему произошло все это — не знаю. Онъ оставилъ университетъ и явился вновь по назначенію министра, какъ ординарный профессоръ. Если память мнѣ не измѣняетъ, въ 1871 году онъ опять разстался съ нашимъ университетомъ уже навсегда. Назначеніе Бильбасова совпало съ приглашеніемъ на каѳедру всеобщей исторіи харьковскаго профессора Петрова, переходу котораго къ намъ это назначеніе помѣшало, а съ оставленіемъ каѳедры Бильбасовымъ эта важнѣйшая наука въ историко-филологическомъ факультетѣ опять осталась безъ представителя, пока не возвратился изъ-за границы Драгомановъ и не перешелъ къ намъ Фортинскій.

Кромѣ историческихъ каѳедръ, совѣтъ озабочивала вакансія каѳедры зоологіи, которая имѣла такого блестящаго представителя, какъ профессоръ Кеслеръ, въ 1862 году перешедшій въ петербургскій университетъ: факультетъ велъ переговоры съ извѣстнымъ Сѣверцевымъ, но безуспѣшно. Преподаваніе зоологіи поручалось приватъ-доценту Паульсону, рекомендованному Бэромъ и Пироговымъ, а затѣмъ каѳедра была замѣщена знаменитымъ эмбріологомъ Ковалевскимъ, перешедшимъ къ намъ изъ Казани. Изъ Казани же, на каѳедру Дёллена, перешелъ къ намъ и Модестовъ. Вообще, это время ознаменовалось капитальными пріобрѣтеніями новыхъ ученыхъ силъ, которыя значительно измѣнили прежній составъ университета. Совѣтъ какъ бы старался искупить свои забаллотировки двумя-третями голосовъ.

Выдающіяся пріобрѣтенія были сдѣланы медицинскимъ факультетомъ: по предложенію Вальтера былъ избранъ профессоръ Покровскій—человѣкъ большихъ дарованій, ранняя смерть котораго отъ заразы сыпнымъ тифомъ лишила Россію второго

Боткина. Нѣсколько лѣтъ списокъ профессоровъ нашего медицинскаго факультета украшалъ своимъ именемъ Склифасовскій, перешедшій къ намъ, по предложенію Караваева, изъ Одессы, но, къ сожалѣнію, скоро промѣнявшій нашъ университетъ на петербургскую академію. Была также возможность получить Бергмана, пользующагося въ настоящее время міровой репутаціей: профессоръ Гюббенетъ, оставляя свою каѳедру, рекомендовалъ въ свои преемники Бергмана, но послѣдній не имѣлъ тогда громкаго имени, и факультетъ не очень старался о его приглашеніи.

Тогда какъ медицинскій факультетъ вмѣстѣ съ другими обогащался такими капитальными пріобрѣтеніями, историко-филологическій факультетъ почти-что разрушился. Ни одному изъ факультетовъ 78-й параграфъ не нанесъ такихъ ударовъ, какъ историко-филологическому. Можетъ быть, это было отместкой за Шульгинскую исторію. Дѣло дошло до того, что факультетъ состоялъ изъ одного только профессора Яроцкаго.

Въ концѣ сентября 1869 года, праздновался юбилей кіевской духовной академіи. Онъ праздновался весьма чинно и торжественно. Скажу—болѣе чинно и выдержанно, чѣмъ нашъ юбилей 1884 года, ознаменованный такими событіями, какъ разгромъ ректорской квартиры и увольненіе изъ университета всѣхъ наличныхъ студентовъ. Вспоминаю не очень обширную залу торжественныхъ собраній кіевской духовной академіи: стѣны ея изукрашены портретами всѣхъ выдающихся ея питомцевъ-архіереевъ; въ тѣсныхъ рядахъ—депутаты отъ разныхъ учрежденій. Я вижу коренастую фигуру Погодина, съ черногорской лентой черезъ плечо; вотъ и ректоръ московскаго университета Сергѣй Баршевъ, сухо и холодно привѣтствующій академію отъ лица своего университета; вотъ Михаилъ Сербскій, горячимъ словомъ вспоминающій свою связь съ академіей, а вотъ и высокая, благородная фигура Дмитрія Херсонскаго, отъ котораго такъ и вѣетъ добротой и милосердіемъ...

Кстати о юбилеяхъ. Вспоминаю чрезвычайно веселый и оживленный юбилей 50-лѣтней литературной дѣятельности Максимовича. Максимовича я видѣлъ еще въ дѣтствѣ, когда, живя въ университетѣ, я приготовлялся въ гимназію. Его выразительное лицо настолько запечатлѣлось въ моей памяти, что когда, много лѣтъ спустя, я встрѣтилъ его на постояломъ дворѣ въ Переяславлѣ, я тотчасъ же узналъ фигуру перваго ректора нашего университета. Во дворъ въѣхала бричка—обычный экипажъ мелкопомѣстнаго помѣщика, а изъ нея вышелъ Максимовичъ съ молодой дамой, какъ оказалось—его женой. Кисетъ съ табакомъ

и длинный чубукъ, крѣпостной Селифанъ—все это было, какъ тому и подобаетъ быть. Максимовичъ былъ слишкомъ живой и разговорчивый, чтобъ не наговориться всласть со словоохотливымъ студентомъ. Затѣмъ, много лѣтъ спустя, я встрѣтился съ нимъ на пароходѣ изъ Переяслава въ Кіевъ. Максимовича сопровождалъ извѣстный библіографъ Пономаревъ. Я удивился моложавости и рѣзвой мысли этого пожилого человѣка. Живя на своей Михайловской горѣ, Максимовичъ болѣе сносился съ Москвой, гдѣ жилъ его другъ Погодинъ, чѣмъ съ нашимъ университетомъ, который какъ будто забылъ о своемъ первомъ ректорѣ. О немъ вспомнилъ Сидоренко, представивъ его въ почетные члены нашего университета, а Хрущевъ предложилъ историко-филологическому факультету отпраздновать, 6-го сентября 1871 года, въ день именинъ Максимовича, 50-лѣтіе его литературной дѣятельности.

Совѣту пришлось обсуждать въ разсматриваемое нами время и нѣкоторые другіе вопросы, если только память позволитъ вспомнить о нихъ. Мы обсуждали, напримѣръ, вопросъ, возбужденный харьковскимъ профессоромъ Лавровскимъ, о причинахъ малочисленности историко-филологическаго факультета; мы изыскивали мѣры привлеченія студентовъ къ серьезнымъ и практическимъ занятіямъ; мы говорили объ обязательности посѣщенія лекцій студентами и о мѣрахъ побужденія къ этому посѣщенію; мы возстановили студенческія сочиненія по предложенію юридическаго факультета; мы ограничили примѣненіе коллоквіума случаями сомнѣнія въ подлинности автора... Мы о многомъ думали-гадали, да всего не припомнишь, не перескажешь. Я хорошо только помню эксцентричный проектъ Матвѣева о преобразованіи совѣта. Нашему ректору-хлѣбосолу захотѣлось быть и законодателемъ, а можетъ быть, онъ чуялъ перемѣну вѣтра. Онъ внесъ въ совѣтъ предложеніе о его радикальномъ преобразованіи. Совѣтъ,—разсуждалъ Матвѣевъ,—обремененъ массой дѣлъ, рѣшеніе которыхъ очень затягивается, а участіе въ совѣтѣ сдѣлалось для профессоровъ тяжелой обязанностью. Для устраненія этого онъ предлагалъ два способа: 1) уменьшеніе состава совѣта такъ, чтобы онъ состоялъ изъ ректора, проректора, декановъ и депутатовъ отъ каждаго факультета по одному, по избранію факультета; 2) возложить на правленіе университета рѣшеніе большей части тѣхъ дѣлъ, которыя теперь рѣшаются въ общемъ собраніи совѣта. Въ такомъ случаѣ въ засѣданіи правленія должны присутствовать депутаты отъ факультетовъ. Что же касается общаго собранія совѣта, то оно должно было быть со-

зываемо для рѣшенія болѣе важныхъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ этимъ предложеніемъ ректора былъ доложенъ рапортъ Мацона, утверждавшаго, что если только будутъ приняты предложенныя ректоромъ перемѣны, то необходимо сократить сроки службы по университетскимъ административнымъ должностямъ до одного года. Это могло бы предупредить развитіе бюрократизма. Не помню, какъ отнесся совѣтъ къ этимъ предложеніямъ. Онъ постановилъ передать ихъ на обсужденіе факультетовъ, но я не могу сказать, какая была ихъ дальнѣйшая судьба. Несомнѣнно одно: предложеніе Матвѣева—симптомъ того новаго направленія университетской политики графа Толстого, которое вело его къ уставу 1884 года. Что же касается мыслей профессора Мацона, то онѣ казались мнѣ сочувственными: долговременное исполненіе административныхъ должностей одними и тѣми же лицами создавало въ университетѣ какъ бы династію бюрократовъ. Такими династіями были Матвѣевъ, Митюковъ, Бунге, Незабитовскій. Къ нимъ всегда стремился Рахманиновъ, дворянская амбиція котораго какъ-то уживалась съ такимъ честолюбіемъ. А появленіе такихъ династій едва ли согласовалось съ тѣмъ равенствомъ, которое должно быть отличительной чертой академической среды.

Я говорилъ выше, что мы, молодые члены совѣта, имѣвшіе одинъ и тотъ же рангъ исправляющихъ должность экстраординарнаго профессора, составляли цѣльную солидарную группу, дѣйствовавшую единодушно. Но солидарность и единодушіе поколебались; группа стала разлагаться, а въ 1870 году между нѣкоторыми ея членами установилась вражда. Главная связь состояла въ единствѣ положенія, но оно постепенно нарушалось: въ апрѣлѣ 1868 года Рененкампфъ защитилъ свою докторскую диссертацію, вызвавшую такой тонкій разборъ Незабитовскаго; въ маѣ 1869 года Сидоренко защитилъ на степень доктора свою работу о рекрутской повинности, а затѣмъ Цѣхановецкій защитилъ свой прекрасный трактатъ о желѣзныхъ дорогахъ. Такимъ образомъ, группа распалась на трехъ докторовъ и ординарныхъ профессоровъ и на двухъ магистровъ, исправляющихъ должность экстраординарныхъ профессоровъ. Къ послѣднимъ принадлежали Демченко и я. Кистяковскій же успѣлъ присоединиться къ докторамъ: въ декабрѣ 1869 года онъ защищалъ докторскую диссертацію, а мнѣ пришлось быть его оппонентомъ. Ухъ, какъ тяжело было спорить съ такимъ упрямымъ дефендентомъ! Я много работалъ надъ своей докторской диссертаціей, но она еще далеко не была окончена. Сложность и необработанность задачи замедляли дѣло, но къ апрѣлю 1870 года рукопись была окончена, и я

представилъ ее факультету, прося исходатайствовать пособіе на ея изданіе. Незабитовскій далъ благопріятный отзывъ, и совѣтъ назначилъ около 700 руб. на напечатаніе. Я задумалъ для этого поѣхать въ Петербургъ.

Между прочимъ, нанявши другую квартиру и рѣшивши отправить семью въ деревню, въ маѣ 1870 года я уѣхалъ въ Петербургъ. Въ первый разъ я былъ въ этомъ городѣ, и онъ мнѣ очень понравился. Меня особенно поражали бѣлыя ночи, къ которымъ я долго не могъ привыкнуть, страдая безсонницей. Рукопись своей исторіи русскаго дворянства я отдалъ для напечатанія въ типографію министерства внутреннихъ дѣлъ, а самъ устроился въ Надеждинской улицѣ, противъ государственнаго коннозаводства. Неподалеку отъ меня жилъ Щегловъ, авторъ „Исторіи соціальныхъ системъ", къ которому я имѣлъ рекомендательную карточку отъ Модестова. Со Щегловымъ познакомился и подъѣхавшій изъ Кіева Цѣхановецкій. Они столковались о томъ, что осенью пріѣдетъ въ Кіевъ Щегловъ, чтобы выдержать экзаменъ на степень магистра политической экономіи. Къ сожалѣнію, этотъ экзаменъ не удался автору исторіи соціализма, который провалился на письменномъ отвѣтѣ о рентѣ. Печатаніе моей рукописи затянулось довольно долго; я имѣлъ много свободнаго времени, чтобы хорошо изучить Петербургъ, тонущій въ водахъ Невъ и Невокъ. Изъ тогдашнихъ встрѣчъ въ Петербургѣ вспоминаю покойнаго Замысловскаго, съ которымъ я довольно хорошо познакомился, да Барсукова, который много меня разспрашивалъ о Максимовичѣ. Припоминаю также завѣдывавшаго синодальнымъ архивомъ Григоровича, который тогда собирался писать біографію канцлера Безбородко. Но особенно часто я проводилъ время съ своимъ прежнимъ профессоромъ Павловымъ. Я нашелъ въ немъ большую перемѣну: глядя на него, разбитаго жизнью, мнѣ жалко было того молодого, полнаго мысли Платона Васильевича, котораго мы такъ любили слушать. Даже наружный видъ его очень измѣнился: не было его чудныхъ кудрей до плечъ, потускнѣли черные огненные глаза, на лицѣ—слѣды перенесенной оспы... такимъ былъ Павловъ въ 1870 году, черезъ 11 лѣтъ послѣ того, какъ мы дѣлали ему въ Кіевѣ прощальныя оваціи. Въ бесѣдѣ онъ былъ довольно тяжелъ своимъ многословіемъ и повтореніемъ уже сказаннаго. Видно было, что имъ пережита нравственная катастрофа. Но мнѣ все-таки онъ былъ милъ и дорогъ: съ нимъ связывались воспоминанія о студенческихъ годахъ, о мысли ранней. Я задумалъ, какъ бы переселить нашего Павлова опять въ уни-

верситетъ св. Владиміра, на каѳедру теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ. И мнѣ это удалось, благодаря въ особенности поддержкѣ Кистяковскаго. Мы опять увидѣли Павлова на каѳедрѣ нашего университета. Но это былъ уже не прежній Павловъ, а его развалина, и намъ больно было думать, что Модестовъ имѣлъ основаніе такъ энергически противодѣйствовать возвращенію въ Кіевъ Павлова.

Въ концѣ іюля книга моя была готова. Часть ея я распродалъ петербургскимъ книгопродавцамъ, а большую часть экземпляровъ передалъ на коммиссію Кожанчикову. Это былъ преинтересный типъ русскаго книгопродавца. Малограмотный, онъ наметался въ бесѣдахъ съ петербургскими литераторами настолько, что не только могъ судить о книгахъ, но даже меценатствовалъ, оказывая покровительство молодымъ начинающимъ ученымъ. Ощупавъ книгу, онъ уже составлялъ понятіе, насколько она интересна и рыночна. Онъ очень покровительственно отнесся къ моей „Исторіи дворянства", обѣщавъ ей полный успѣхъ. Не предсказалъ онъ только той печальной исторіи, которая постигла мою книгу. Я уже совсѣмъ собрался выѣхать изъ Петербурга, какъ получилъ изъ цензуры приглашеніе пожаловать къ г. предсѣдателю цензурнаго комитета, Петрову, объясниться по поводу изданнаго мною сочиненія. Петровъ когда-то былъ въ Кіевѣ директоромъ первой гимназіи и встрѣтилъ меня привѣтливо, какъ земляка. Онъ предложилъ мнѣ перепечатать нѣкоторыя страницы, такъ какъ онѣ могутъ дать поводъ къ недоразумѣніямъ и непріятностямъ. На это я отвѣтилъ, что это невозможно, такъ какъ книга уже въ ходу. На этомъ мы и разстались, и я на другой день выѣхалъ въ Москву, въ которой пробылъ нѣсколько дней, посвященныхъ знакомству съ этимъ интереснымъ городомъ. Въ Москвѣ я занесъ свою книгу Соловьеву и Сергѣевичу, который тогда былъ еще профессоромъ государственнаго права въ московскомъ университетѣ. Пріѣхавъ въ Кіевъ, я тотчасъ же поѣхалъ къ семьѣ, въ радомысльскій уѣздъ, но скоро вернулся, такъ какъ мнѣ предстоялъ диспутъ.

Разборъ моей диссертаціи былъ написанъ Незабитовскимъ, но какъ будто противъ него написалъ рецензію Сидоренко, вызвавшійся быть моимъ оппонентомъ, хотя предметъ моей диссертаціи мало соприкасался съ его спеціальностью. 1-го сентября состоялся мой докторскій диспутъ, при огромномъ стеченіи публики, заинтересованной предметомъ диссертаціи и тезисами.

Въ сентябрѣ 1870 года я былъ выбранъ ординарнымъ профессоромъ, получивъ 22 противъ 9. Въ это же засѣданіе былъ

выбранъ на первое пятилѣтіе Н. Х. Бунге, перемѣнившій свою прежнюю каѳедру на каѳедру полицейскаго права, большинствомъ 27 противъ 5. Но съ утвержденіемъ меня въ званіи ординарнаго профессора произошла маленькая заминка. Обыкновенно проходитъ на это недѣли три, а относительно моего дѣла шелъ уже третій мѣсяцъ, а дѣло не кончалось. До меня дошли тревожные слухи: моя „Исторія дворянства" подверглась гоненію министра внутреннихъ дѣлъ Тимашева, который, будто бы, указалъ на нее, какъ на книгу вредную, оскорбительную для высшаго сословія, а между тѣмъ разрѣшенную къ печати факультетскою цензурой. Объ этомъ было, будто бы, сообщено графу Толстому. Положеніе графа Толстого обязывало его быть моимъ защитникомъ, что для него было тѣмъ легче, что книга моя стояла на самой лойяльной почвѣ. Дѣло кое-какъ разъяснилось, и къ концу декабря послѣдовало мое утвержденіе въ званіи ординарнаго профессора. Но черезъ нѣсколько времени попечитель получилъ, для сообщенія мнѣ, конфиденціальную бумагу, въ которой министръ дѣлалъ мнѣ строгія замѣчанія за нѣкоторыя страницы моей книги, значеніе которой вообще онъ оцѣнивалъ и признавалъ.

За это время произошли перемѣны правящихъ лицъ. На мѣсто Анненкова генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ Безакъ —человѣкъ большого ума и страннаго, оригинальнаго нрава. Это былъ типъ администратора-демократа, всецѣло отдававшагося разрѣшенію запутаннаго крестьянскаго дѣла. Суровый и властный, онъ умѣлъ внушить уваженіе къ своей власти, велѣніямъ которой безпрекословно все повиновалось. Но Безакъ вскорѣ умеръ и замѣненъ былъ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. Это былъ человѣкъ совсѣмъ другого типа, совсѣмъ другой административной программы: сердце его не болѣло отъ крестьянской нужды, и онъ готовъ былъ болѣе склоняться на сторону землевладѣльцевъ. Впрочемъ, онъ пользовался общими симпатіями въ краѣ, который сохранилъ о немъ свѣтлыя воспоминанія.

Попечителя Витте смѣнилъ князь Ширинскій-Шихматовъ— если не ошибаюсь—племянникъ министра. Онъ былъ также усерденъ къ церкви и богомоленъ, но до ханжества у него дѣло не доходило. Отставной морякъ, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка добраго и прямого. Достаточно было всмотрѣться въ его открытую физіономію, чтобы вполнѣ довѣриться ему. Я не знаю, какъ онъ правилъ округомъ, но къ университету и профессорамъ онъ относился корректно. Онъ очень цѣнилъ ревизіи гимназій профессорами и часто обращался къ совѣту съ предложеніями

о назначеніи такихъ ревизій. Въ 1867 году онъ былъ замѣненъ генераломъ Антоновичемъ, который довольно долго правилъ округомъ. Это былъ человѣкъ болѣе обширнаго ума и болѣе сложной психологіи. Въ молодости онъ, студентъ московскаго университета, былъ разжалованъ въ солдаты. Можетъ быть, вслѣдствіе этого на всю жизнь сохранилъ онъ снисхожденіе къ ошибкамъ и заблужденіямъ молодости. Новгородъ-сѣверецъ, онъ былъ не безъ малороссійской хитрости, и нерѣдко ему приходилось балансировать между симпатіями либераловъ и требованіями начальства. Но человѣкъ широкаго ума и благороднаго сердца, онъ велъ свое дѣло правильно, и о немъ сохранились воспоминанія, какъ объ одномъ изъ лучшихъ попечителей.

Моя частная жизнь въ описываемое мною время была содержательна и разнообразна. Важнѣйшими ея эпизодами были— смерть моей первой жены въ маѣ 1864 года и моя вторичная женитьба. Въ мартѣ 1866 года, на одномъ изъ благотворительныхъ концертовъ, я услышалъ дивное сопрано, которое своей силой могло бы покрыть цѣлый оркестръ. Къ этому присоединялась осмысленная вокализація. Я выросталъ въ пѣвучей семьѣ, которая съ утра до вечера пѣла малороссійскія пѣсни, и обожалъ пѣніе. Изъ программы концерта я увидѣлъ, что высокое сопрано и художественная вокализація принадлежатъ дѣвицѣ Искрѣ. Мнѣ удалось съ нею познакомиться. Я погостилъ у нихъ въ деревнѣ: мы сблизились, и въ августѣ 1866 года, въ сельской церкви села Оранова, я обвѣнчался съ моей новой подругой. Мнѣ вторично пришлось породниться съ родовитой малороссійской семьей. Но какая разница была между лѣвобережными Гамалѣями и правобережными Искрами! Отъ Гамалѣевъ вѣяло малороссійской козацкой старшиной, съ ея эгоизмомъ и довольно грубыми инстинктами. Въ потомствѣ полковника Ивана Искры, подписавшаго „доносъ на гетмана-злодѣя царю Петру отъ Кочубея“, не замѣчалось слѣдовъ ничего козацкаго. Отца моей жены я уже не засталъ въ живыхъ, но о немъ сохранилось много свѣтлыхъ, симпатичныхъ воспоминаній, какъ о человѣкѣ доброй и кроткой души, какъ о помѣщикѣ, заботившемся о своихъ крестьянахъ, которые называли его своимъ „батькой“.

Впервые мнѣ, полтавцу, привыкшему къ чернозему, къ степнымъ пейзажамъ и чуднымъ видамъ лохвицкаго и лубенскаго уѣздовъ,—впервые пришлось побывать въ Полѣсьѣ, радомысльскаго уѣзда. Какая унылая, монотонная природа: пески да вырубленный сосновый лѣсъ, и вездѣ одно и то же. Не на чемъ остановиться взору. Лѣвобережный помѣщичій бытъ носилъ дру-

гой, болѣе жесткій характеръ. Но что меня въ особенности удивляло—что большинство помѣщиковъ радомысльскаго уѣзда были поляки, что подъ самымъ Кіевомъ господствовалъ польскій языкъ. Эти польскіе элементы представляли собою болѣе высокую культуру; хозяйство велось гораздо лучше, чѣмъ на лѣвомъ берегу; строй жизни былъ правильнѣе; семейные нравы чище; было болѣе дисциплины и менѣе распущенности, которою такъ отличалось лѣвобережное дворянство. Все это я наблюдалъ скоро послѣ повстанья 1863 года, навалившагося такимъ тяжелымъ бременемъ на мѣстную помѣщичью жизнь, которая еще не пришла въ себя, не устроилась, и все-таки представляла много и и хорошихъ чертъ.

А. В. Романовичъ-Славатинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

НЕВА.

На сѣверѣ суровомъ, гдѣ зимою
Такъ рѣдко блещетъ неба синева,
Прозрачною, студеною волною
Несется въ даль красавица-Нева.
На берегахъ, гдѣ нѣкогда осокой
Заглохшія болота поросли,
Гдѣ средь глуши пустынно-одинокой
Лишь вѣтеръ съ моря завывалъ вдали,
И чайка бѣлая, спускаясь надъ водою,
Перомъ скользила рѣзваго крыла,
Возсталъ богатый городъ надъ рѣкою
По мановенью царскаго жезла.
Краса и гордость сѣверной столицы,
Нева ее какъ лентой обвила;
Надъ ней горятъ весеннія зарницы,
Встаетъ ночь мая—словно день свѣтла.
Я блескъ люблю струи ея холодной,
Просторъ и ширь могучаго русла,
Льдинъ хороводъ весною полноводной,
Алмазы брызгъ подъ взмахами весла.
Люблю, когда въ сіяньи яркомъ злата
Надъ ней багряный гаснетъ лучъ зари
И въ сумеркахъ морознаго заката
Вдругъ замелькаютъ, вспыхнувъ, фонари.
Подъ льдомъ прозрачнымъ схоронясь глубоко,
Покрыта бѣлымъ снѣговымъ ковромъ,
Она равниной стелется далеко,
Теряяся въ пространствѣ голубомъ.

И страшенъ мигъ, когда, движенья полны,
Сердито бьютъ береговой гранитъ,
Бѣлѣя пѣной, бѣшеныя волны,
И ярость ихъ погибелью грозитъ.
Но въ тщетной злобѣ съ бурею поспоря,
Вновь усмирится гнѣвная рѣка,
И воды слить съ струей привольной моря
Она спѣшитъ, спокойна и легка.

---

* * *

День весенній угасъ, потемнѣлъ кругозоръ,
Встала ночь краше сказочной феи,
И луна набросала дрожащій узоръ
На пескѣ, подъ вѣтвями аллеи.
Въ полу-мглѣ потонулъ зеленѣющій садъ,
Все окутали мягкія тѣни;
Отъ березовыхъ листьевъ, струясь, ароматъ
Слился съ запахомъ первой сирени.
Соловей защелкалъ... Что за чудная ночь!
Въ сердцѣ смолкла дневная забота,
И уснуть въ эту чудную пору не въ мочь,
И входить въ душный домъ неохота...
Приходи, милый другъ, посидѣть у пруда,
Гдѣ, сплетаясь, склонились березы,
И глядя, какъ луной серебрится вода,
Отдадимся во власть тихой грезы.
Говорить я не стану съ тобой ни о чемъ,
Чтобъ волшебную тишь не нарушить.
Лишь, къ плечу твоему наклоняясь плечомъ,
Буду трель соловьиную слушать.

Л. Кологривова.

УРОЖЕНЕЦЪ
ВИРГИНІИ

РОМАНЪ.

—The Virginian. A Horseman of the plains, by Owen Wister. London—New-York. 903.

XIII *).

Вся Америка—это несомнѣнный фактъ—дѣлится на два класса: на знатныхъ—и на равныхъ. Послѣдніе всегда признаютъ аристократію, если ихъ ошибочно причисляютъ къ ней. Такъ оно будетъ у насъ обстоять до тѣхъ поръ, пока наши американки не будутъ производить на свѣтъ только однихъ королей... „Декларація независимости" была, собственно, со стороны американцевъ, признаніемъ „вѣчнаго неравенства" людей. Ею уничтожена была только родовая аристократія, при которой мелкіе люди занимали высокое положеніе, а люди значительные обречены были на скромныя роли; наша любовь къ справедливости не могла мириться съ такимъ насиліемъ надъ человѣческою природой. Вотъ почему мы и постановили, что у насъ отнынѣ всякій человѣкъ одинаково имѣетъ право искать себѣ самъ соотвѣтствующее ему мѣсто въ обществѣ. Тѣмъ самымъ мы признали у себя дѣйствительный аристократизмъ: „побѣда за достойнѣйшимъ, кто бы онъ ни былъ"—таковъ жизненный лозунгъ Америки. Истинная аристократія и истинная демократія—это одно и то же. Кто этого не видитъ, тотъ слѣпъ...

---

*) См. выше: апр., 605 стр.

Такъ разсуждалъ я, направляясь въ Биллингсъ, въ Монтанѣ, недѣли три спустя послѣ неожиданной встрѣчи съ моимъ виргинцемъ въ Омагѣ, въ Небраскѣ. Я не зналъ, что судья Генри поручилъ ему дѣло, по которому онъ долженъ былъ отправиться на Западъ. А я собрался поѣздить съ нимъ по горамъ, надѣясь застать его въ мѣстечкѣ „Глубокой-Рѣкѣ". Но вдругъ я встрѣтился съ нимъ въ „Гастрономическомъ дворцѣ" полковника Кира Джонса.

Дворецъ этотъ находился въ Омагѣ, вблизи станціи, и представлялъ собою деревянную хижину, расписанную золотыми эмблемами, орлами и пароходами; у входа лежалъ ручной медвѣдь. Въ хорошую погоду двери дворца раскрывались настежь, и передъ взорами обѣдающихъ проходили вереницы людей всѣхъ оттѣнковъ кожи: индійскіе вожди, китайцы, африканцы, выходцы изъ Европы, всевозможные авантюристы, женщины въ яркихъ одеждахъ, и т. п.

Я направился туда, выйдя изъ спальнаго вагона, и у самаго входа пораженъ былъ доносившимся до меня голосомъ полковника, котораго я никогда до того не видалъ. Онъ стоялъ въ глубинѣ своего дворца, въ конфедератскомъ мундирѣ, съ пышными сѣдыми усами, и передавалъ требованія своихъ гостей повару черезъ отверстіе въ стѣнѣ. При входѣ нужно было купить билетъ, уплачивая заранѣе за ѣду; мѣра эта была принята въ виду того, что посѣтители часто уходили, не заплативъ по счету. Я купилъ билетъ и вошелъ въ залу. Давно уже я не слыхалъ такого голоса, какъ голосъ полковника, и на меня повѣяло свѣжестью долинъ отъ его окриковъ. Я подошелъ поближе—и вдругъ увидалъ передъ собой виргинца; онъ сидѣлъ одинъ за столикомъ.

Поздоровавшись со мной съ тѣмъ равнодушіемъ, которое ему казалось болѣе приличествующимъ для встрѣчъ въ городѣ, онъ все-таки прибавилъ почти ласково:—Я радъ увидѣть наконецъ *человѣка*! Вѣдь этотъ народъ не умѣетъ даже ѣсть—всѣ они спѣшатъ только насытиться.—И онъ окинулъ присутствующихъ своимъ зоркимъ и вмѣстѣ хмурымъ взглядомъ.

— А зачѣмъ вы сюда явились?—спросилъ я.

— Что жъ дѣлать? Когда нѣтъ выбора, берешь что есть.— И виргинецъ взялъ въ руки списокъ блюдъ. Я понялъ, что онъ чѣмъ-то занятъ, и оставилъ его въ покоѣ.

Онъ продолжалъ просматривать „меню".

— Какъ вамъ это понравится?—спросилъ онъ, передавая мнѣ грязную бумажку, на которой были обозначены самыя невѣроятныя кушанья: salmis, canapés, suprêmes и т. п. Я зналъ эту

устарѣвшую манеру въ Америкѣ списывать какое-нибудь европейское ресторанное меню, и зналъ, какая ужасная пища соотвѣтствуетъ широковѣщательнымъ названіямъ. И виргинецъ зналъ это, очевидно, не хуже меня.

— Старая штука!—сказалъ я.

— Посмотримъ, что выйдетъ, если заказать вотъ это,—и онъ показалъ пальцемъ на одно изъ обозначенныхъ въ спискѣ блюдъ: „Лягушечьи лапки à la Delmonico".—Интересно, дѣйствительно, какъ выпутается хозяинъ изъ подобнаго затрудненія,—отвѣтилъ я. Но мнѣ припомнился старый техасскій анекдотъ о томъ, какъ путешественникъ, прочтя меню, потребовалъ себѣ vol-au-vent,—хозяинъ же, приставивъ ему пистолетъ къ уху, сказалъ:—Вамъ подадутъ котлеты!—Вспоминая это, я потребовалъ лягушечьихъ лапокъ для виргинца.

— Лягушечьихъ лапокъ ему?—переспросилъ полковникъ громовымъ голосомъ. Онъ пристально взглянулъ на меня и прищурилъ глаза.—Сегодня, видите, здѣсь завтракало много ученыхъ,—сказалъ онъ.—Одинъ миссіонеръ, только-что передъ вашимъ приходомъ, съѣлъ послѣднюю порцію лапокъ... — Поджареной пшеницы!—крикнулъ онъ въ отверстіе въ стѣнѣ, передавая требованіе одного изъ гостей, заказавшаго пшенныя лепешки.

— Дайте мнѣ тогда печеныхъ яицъ, да чтобы ихъ подпекли съ обѣихъ сторонъ!—потребовалъ виргинецъ.

— Подайте „бѣлыя крылья"!—передалъ полковникъ пѣвучимъ голосомъ требованіе виргинца.—Взмахните ихъ вверхъ и внизъ!

— Да еще непрожаренный бифштексъ и чернаго кофе,—прибавилъ виргинецъ.

— „Убійство на сковородѣ", такъ чтобы кровь стекала!—крикнулъ полковникъ:—да еще нацѣдите „ночнаго мрака"!

— Мнѣ, пожалуйста, стаканъ воды,—сказалъ я.

Полковникъ взглянулъ на меня съ сожалѣніемъ.—Миссури со льдомъ для профессора!—крикнулъ онъ.

Въ эту минуту въ залу вошло нѣсколько человѣкъ, запыленныхъ съ дороги. Усаживаясь за столъ, каждый изъ нихъ кивнулъ головой виргинцу. Одного изъ вошедшихъ я узналъ.

— Да вѣдь это тотъ самый человѣкъ, съ которымъ вы играли въ карты въ Медесинъ-Боу,—сказалъ я.—Да, это Трампасъ. У него теперь здѣсь оказалось дѣло.—Виргинецъ ничего болѣе не добавилъ и продолжалъ завтракать.

Наружность виргинца значительно измѣнилась со времени нашей послѣдней съ нимъ встрѣчи; онъ не очень возмужалъ, но

утратилъ прежнее выраженіе дѣтскости. Это уже не былъ задорный проказникъ, который поднялъ на ноги весь Медесинъ-Боу своимъ пари со Стивомъ и возмутилъ все населеніе „Медвѣжьей-Рѣки“ своей продѣлкой съ младенцами. Но нѣкоторая возмужалость уже была замѣтна теперь на его лицѣ и очень шла къ нему. Его молодыя силы, казалось, развились и окрѣпли, и онъ научился сдерживать ихъ.

Послѣ завтрака мы отправились на станцію.

— Судья очень расширилъ свое дѣло въ этомъ году,—началъ виргинецъ небрежнымъ тономъ, изъ чего я заключилъ, что онъ сообщалъ нѣчто важное для него.—Это—первый транспортъ нашихъ воловъ,—продолжалъ онъ.—Ихъ отправляютъ въ Чикаго двумя партіями черезъ Берлингтонъ.

Мы медленно прошлись вдоль обоихъ поѣздовъ: двадцать вагоновъ нагружены были волами, испуганно глядѣвшими на насъ изъ-за рѣшетокъ.—Они почти ничего не ѣли,—сказалъ виргинецъ,—и не пили съ тѣхъ поръ, какъ попали въ поѣздъ; видъ у нихъ такой, точно они знаютъ, зачѣмъ ихъ везутъ въ Чикаго.

И тѣмъ же небрежнымъ тономъ онъ разсказалъ мнѣ остальное. Судья Генри не могъ отпустить своего управляющаго; онъ ему нуженъ былъ для второго транспорта; поэтому эти два поѣзда—каждый изъ десяти вагоновъ, съ двойнымъ составомъ погонщиковъ—ввѣрены были виргинцу. На обратномъ пути изъ Чикаго онъ еще долженъ былъ повидаться съ директорами нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ и выхлопотать льготные тарифы для провоза дальнѣйшихъ транспортовъ скота.

— Вы, значитъ, получили повышеніе, стали управляющимъ,—сказалъ я.

— Нужно же, чтобы кто-нибудь былъ управляющимъ, я полагаю.

— И вы, конечно, тяготитесь этимъ повышеніемъ?

— Ни о какомъ повышеніи нѣтъ и рѣчи,—отвѣтилъ онъ.—Погонщики привыкли смотрѣть на меня какъ на товарища... А почему бы и вамъ не поѣхать съ нами до Платсмута?—Этимъ вопросомъ онъ какъ бы отклонилъ отъ себя дальнѣйшій разговоръ на эту тему. Я принялъ его предложеніе, такъ какъ изъ Платсмута я могъ поѣхать дальше съ другимъ поѣздомъ.

Хозяинъ, очевидно, былъ о немъ высокаго мнѣнія, если довѣрилъ ему нѣсколько тысячъ головъ скота и команду надъ людьми. Отвѣтственность за скотъ кончалась въ Чикаго, но на обратномъ пути управляющему предстояло выполнить гораздо болѣе трудную задачу—увезти незанятыхъ дѣломъ товарищей изъ

городовъ и доставить ихъ обратно на работу въ помѣстье судьи. Послѣдній былъ бы очень огорченъ, если бы они не вернулись, такъ какъ нуждался въ работникахъ. А управлять людьми въ странѣ, гдѣ всѣ считаютъ себя равными, не легко, и положеніе виргинца было довольно затруднительное. Нашъ поѣздъ, между тѣмъ, медленно шелъ вдоль береговъ Миссури и добрался до Платсмута, гдѣ его отставили на запасный путь, чтобы дать проѣхать поѣзду, съ которымъ ѣхало одно миссіонерское общество. Погонщики усѣлись коротать время за игрой въ покеръ; я же съ виргинцемъ сѣлъ на платформу и смотрѣлъ вдаль на необъятныя пространства песковъ.

— Можетъ быть, вамъ тоже хочется поиграть съ ними?— спросилъ я.

— Въ покеръ? съ этими щенятами?—Въ глазахъ его на минуту сверкнуло выраженіе гордости и быстро исчезло; онъ закончилъ фразу своимъ обычнымъ благодушнымъ тономъ, растягивая слова:—Я люблю играть только въ интересныя игры,—и вынувъ изъ кармана книгу, романъ Вальтеръ Скотта, „Кенильвортъ“ (онъ уже раньше сообщилъ мнѣ, что романъ этотъ ему дала для прочтенія миссъ Молли Вудъ), онъ сталъ медленно перелистывать страницы.

— Королева Елизавета навѣрное отлично сыграла бы въ покеръ,—неожиданно сказалъ виргинецъ.

— Въ покеръ?

— Да. А скажите, помните вы Шекспировскаго толстяка?

— Фальстафа? Еще бы.

— Какая грандіозная фигура! А жаль, что Шекспиръ не зналъ игры въ покеръ. Фальстафъ въ его драмѣ навѣрное по цѣлымъ днямъ игралъ бы въ покеръ съ Долли Тиршитъ. А принцъ выигралъ бы у нихъ партію.

— Принцъ былъ уменъ,—сказалъ я.

— Развѣ?—а я объ этомъ и не подумалъ.

— А Фальстафъ, по вашему, не уменъ?

— Достаточно для того, чтобы играть въ вистъ.

— Вы, можетъ быть, понимаете, о чемъ говорите—а я вѣдь не знаю.

Виргинецъ кротко поглядѣлъ на меня.—Умный человѣкъ, видите, всегда съумѣетъ играть въ вистъ—для этого нужны только карты. Для покера же этого мало. Такой человѣкъ, какъ Шекспировскій принцъ (тутъ дѣло не въ умѣ, а въ чемъ-то гораздо болѣе глубокомъ) будетъ выигрывать въ покеръ, что̀ бы у него ни было въ рукахъ—маленькій ли дрянной пистолетъ, или

заряженный шестиствольный револьверъ, или даже ничего, кромѣ присутствія духа. Всякая старая ветошь годится такому человѣку, какъ принцъ, для покера.

— Хотѣлъ бы я, чтобы вы точнѣе опредѣлили, въ чемъ состоитъ, по вашему, игра въ покеръ,—сказалъ я.

Но прежде чѣмъ виргинецъ успѣлъ мнѣ отвѣтить, миссіонерскій поѣздъ сталъ переѣзжать мостъ; всѣ вагоны были украшены яркими флагами, и у оконъ стояли члены христіанскаго братства, весело махая платками и оглашая воздухъ радостными кликами. Раздался сигналъ, товарный поѣздъ могъ двинуться въ путь—и я соскочилъ съ платформы.

— Скажите судьѣ, что, пока, все обстоитъ благополучно,—сказалъ виргинецъ, и мы на время разстались съ нимъ.

XIV.

Въ „Глубокую-Рѣку" мнѣ пришлось ѣхать не прямымъ путемъ. По желѣзной дорогѣ я нѣсколько уклонился на сѣверо-западъ, въ фортъ Мидъ, гдѣ провелъ нѣсколько времени въ пріятномъ военномъ обществѣ. Оттуда я поѣхалъ верхомъ, но въ „Черныхъ-Горахъ" меня настигъ пренепріятный дождь, и я былъ радъ, когда могъ сѣсть въ дилижансъ и разстаться съ моей измученной лошадью.

— Значитъ, сегодня будетъ шесть ногъ въ этой таратайкѣ,—сказалъ кто-то, когда я взбирался по колесу въ дилижансъ.—Спасибо еще, что не восемь,—прибавилъ онъ веселымъ голосомъ,—не правда ли, Шорти!—Сказавъ это, онъ хлопнулъ по плечу своего сосѣда. Я принялъ ихъ за старыхъ пріятелей, но оказалось, что мы всѣ одинаково чужіе другъ другу. Они разсказали мнѣ о новой вспышкѣ „золотой горячки" въ Рогайдѣ, и мы разговорились по этому поводу. Когда разговоръ прервался, я сталъ мечтать о предстоящихъ осеннихъ развлеченіяхъ въ помѣстьѣ судьи. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ онъ сообщалъ, что изъ Биллингса отправляется кавалькада къ нему седьмого числа, и что для меня заказана лошадь. Въ дилижансъ я сѣлъ пятаго и надѣялся попасть во-время въ Биллингсъ. Мы кое-какъ размѣстили свои шесть ногъ въ дилижансѣ и тряслись по размоченной дождемъ дорогѣ, ничего не зная другъ о другѣ, кромѣ того, что можно было прочесть на лицахъ.

Мои спутники, впрочемъ, ничего не утаивали. Тотъ, кто хлопнулъ по плечу Шорти, поспѣшилъ назвать себя:

— Мое имя Сципіонъ Лемуанъ, изъ Галлиполиса въ Огайо,— сказалъ онъ.—У насъ всегда старшему въ родѣ даютъ это имя; оно французское. Наша семья бѣлая уже болѣе ста лѣтъ.

Онъ былъ подвиженъ и ловокъ, и умѣлъ такъ искусно мѣнять положеніе, когда дилижансъ подпрыгивалъ или накренялся на бокъ, что совершенно не стукался при толчкахъ. У него были блѣдные, выцвѣтшіе глаза и странный, длинный, смѣшной носъ. Онъ занимался главнымъ образомъ скотоводствомъ, но въ настоящее время былъ безъ дѣла и подыскивалъ подходящее занятіе. Мысль о Рогайдѣ его очень занимала. Шорти, какъ мнѣ казалось, тоже высматривалъ себѣ дѣло. У него были свѣтлые волосы и кроткій, приниженный видъ.

По прихоти судьбы и желѣзной дороги, намъ пришлось короче познакомиться другъ съ другомъ. Мы приближались къ Медорѣ. Я усѣлся поудобнѣе и дремалъ въ пріятномъ ожиданіи конца путешествія въ дилижансѣ. Вдругъ я почувствовалъ рѣзкій толчокъ и, проснувшись, увидѣлъ быстро выпрыгивающаго изъ дилижанса Сципіона; вслѣдъ за нимъ полетѣлъ и Шорти. Выглянувъ въ окно, я увидѣлъ паръ отъ локомотива. Поѣздъ остановился на довольно далекомъ разстояніи отъ насъ, и уже собирался двинуться въ путь. Когда нужно догнать поѣздъ, чемоданъ становится очень неудобнымъ дорожнымъ товарищемъ, особенно если приходится бѣжать сначала по глубокому песку, а потомъ—по топкому болоту; подъ моими ногами очутился еще, вдобавокъ, кусокъ оборванной проволоки, въ которой я запутался. Но мы все-таки бѣжали изо всѣхъ силъ; мои товарищи по несчастью махали платками; но все оказалось тщетнымъ. Когда мы подбѣжали къ полотну, поѣздъ уже тронулся, сердито и отрывисто пыхтя. Намъ предстояло ждать слѣдующаго поѣзда цѣлыя сутки.

Я швырнулъ съ досадой чемоданъ на землю и сѣлъ на него молча.

Шорти сталъ громко изливать свою душу. Всѣ его незатѣйливыя тайны вышли наружу: и то, что онъ потерялъ теперь работу, что онъ несчастливо игралъ въ карты и долженъ былъ продать лошадь и сѣдло, чтобы нагнать товарища, ѣхавшаго съ этимъ поѣздомъ; онъ точно разсказалъ о томъ, что этотъ пріятель собирался сдѣлать для него. Такъ онъ оглашалъ воздухъ перечисленіемъ своихъ бѣдъ, точно воздуху было до него какое-нибудь дѣло.

Сципіонъ же притворялся сначала спокойнымъ. Онъ засунулъ руки въ карманы, прищурилъ глаза, слѣдя за послѣднимъ

вагономъ уходящаго вдаль поѣзда, и когда поѣздъ окончательно скрылся изъ виду, Сципіонъ принялся изо всѣхъ силъ ругать его, точно это былъ живой человѣкъ, обманувшій его надежды.

— Ты вѣрно полагаешь, что надулъ меня?—кричалъ онъ.— Какъ бы не такъ, щенокъ! Очень ты мнѣ нуженъ! Гордишься тѣмъ, что катишься по рельсамъ,—а вотъ еслибы я тебя поволокъ саженъ на десять въ кусты,—посмотримъ, какъ бы ты нашелъ дорогу! Ахъ, ты, обитая бархатомъ, обшитая никкелемъ, свистящая уборная! По твоему, мнѣ не все равно, ѣхать ли на западъ или на востокъ?..

Исчерпавъ цѣлый лексиконъ бранныхъ словъ, неудобныхъ для передачи, Сципіонъ вдругъ сжалился надъ локомотивомъ и сталъ соболѣзновать ему, въ виду того, что у него навѣрное нѣтъ матери.

— А отецъ, по вашему, есть?—спросилъ чей-то протяжный голосъ.

Я вскочилъ—передо мною былъ виргинецъ.

— Я доставилъ скотъ, куда слѣдуетъ,—сообщилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, и затѣмъ прибавилъ:—Мнѣ было васъ очень жалко, когда я видѣлъ, какъ вы бѣжали за поѣздомъ. А чемоданъ вашъ не пострадалъ, когда вы его такъ швырнули объ землю?

— Кто это?—съ любопытствомъ спросилъ меня Сципіонъ.

Южанинъ сидѣлъ, съ газетой въ рукахъ, на задней площадкѣ вагона для рабочихъ, прицѣпленнаго къ товарному поѣзду, шедшему на западъ. Часть его порученія была исполнена; онъ сдалъ свой грузъ въ Чикаго и возвращался теперь домой съ погонщиками (я слышалъ, какъ они галдѣли въ вагонѣ). Управляющій, казалось, былъ доволенъ положеніемъ дѣлъ и совершенно спокоенъ. Я тоже успокоился, такъ какъ зналъ, что теперь доберусь въ Биллингсъ.

— Кто это?—повторилъ свой вопросъ Сципіонъ.

Изъ вагона доносился смѣхъ и шумъ, заглушавшій наши слова. Кто-то запѣлъ: „Сегодня ночью мой чередъ выть“.

— Всѣ завтра завоемъ въ Рогайдѣ,—произнесъ другой голосъ, и всѣ закричали хоромъ.

Виргинецъ не обращалъ вниманія на шумъ въ вагонѣ и продолжалъ разговаривать съ нами. Намъ было совѣстно передъ нимъ, такъ какъ теперь выяснилось, что онъ былъ свидѣтелемъ нашей неудачной попытки нагнать поѣздъ и нашей безпомощной ярости при видѣ ушедшаго поѣзда.

Виргинецъ внимательно и, какъ мнѣ показалось, одобрительно поглядѣлъ на Сципіона.

— Судя по вашимъ ногамъ, вы привыкли къ сѣдлу, — сказалъ онъ.

— Еще бы не привыкнуть въ моемъ дѣлѣ!

— А судя по рукамъ,—продолжалъ южанинъ,—вамъ за послѣдніе годы не приходилось держать повода. Вы поваромъ, что-ли, были, или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ?

— Предположимъ, что такъ,—отвѣтилъ Сципіонъ.—Ну, а теперь предскажите мнѣ будущее. Можетъ быть, вы на этотъ разъ примете въ соображеніе мой ротъ.

— Мнѣ очень жаль, — кротко отвѣтилъ южанинъ, — но у насъ съ собой нѣтъ ни капли спиртныхъ напитковъ.

— Пойдемте выпить со мной въ городъ! Вы мнѣ очень нравитесь.

Виргинецъ взглянулъ въ сторону питейныхъ заведеній, расположенныхъ вблизи станціи, и покачалъ головой.

— Да вѣдь отсюда такъ близко къ водкѣ,—приставалъ Сципіонъ.—Идемъ. Меня зовутъ Сципіономъ Лемуанъ. Вы ищете на мнѣ мѣдныхъ серегъ—напрасно. Наша семья бѣлая уже болѣе ста лѣтъ. Идемте же! У меня жажды на сорокъ долларовъ.

Въ вагонѣ пѣніе становилось все болѣе громкимъ, и подъ звуки его колеса вагона задвигались—товарный поѣздъ двинулся въ путь.

Виргинецъ вдругъ поднялся.

— Согласны вы потерпѣть на этотъ разъ жажду и заработать сорокъ долларовъ?

— Чѣмъ же это: опаздываньемъ на поѣзда, руганью или чѣмъ другимъ?

— Я вамъ скажу, когда буду знать навѣрное.

Сципіонъ пристально взглянулъ на виргинца.

— Да вѣдь вы дѣло говорите,—сказалъ онъ и быстро вскочилъ на платформу вагона, куда я взобрался уже до него.—Я подумывалъ о Рогайлѣ,—прибавилъ онъ,—но теперь оставилъ эту мысль.

— Что-жъ, счастливаго пути! — сказалъ Шорти, стоя на полотнѣ подлѣ насъ.

— Пожалуйста,—попросилъ за него Сципіонъ,—возьмите и его съ собой; ему также хотѣлось поѣхать съ этимъ поѣздомъ, какъ и мнѣ.

— Входите,—сказалъ виргинецъ, подзывая Шорти.—Но для него я работы не имѣю, онъ—не то, что вы.

Такимъ образомъ Шорти все-таки присоединился къ намъ, какъ заблудившаяся собака, которая прибѣгаетъ, если ей свист-

нуть. Колеса загромыхали по рельсамъ. Въ вагонѣ ревъ и пѣніе не прекращались.

— Это ваши друзья?—спросилъ Сципіонъ.

— Моя команда,—протянулъ виргинецъ.

— Вы всегда сидите на платформѣ?—продолжалъ свои вопросы Сципіонъ.

— Внутри вагона чувствуешь себя слишкомъ одинокимъ,—отвѣтилъ виргинецъ.

Въ эту минуту изъ вагона вышелъ человѣкъ и захлопнулъ за собой дверь.

— Адъ и черти!—крикнулъ онъ, глядя на остававшійся позади городъ, и прибавилъ наглымъ тономъ, обращаясь къ виргинцу:—Я вѣдь сказалъ, что мнѣ нужно сходить за бутылкой водки до отхода поѣзда.

— Такъ отправляйся за ней!—отвѣтилъ южанинъ и сбросилъ его съ платформы. Въ то же время онъ вынулъ заряженный револьверъ и прицѣлился. Очутившись на полотнѣ, бунтовщикъ присмирѣлъ. Наблюдая за нимъ, пока онъ не скрылся изъ виду, мы увидѣли, какъ онъ всталъ и поплелся по направленію къ питейнымъ заведеніямъ.

XV.

— Это первый рѣшительный шагъ, который мнѣ пришлось сдѣлать за все время,—сказалъ виргинецъ, пряча револьверъ.—Я боялся, что онъ заставитъ меня выстрѣлить.—Онъ съ отвращеніемъ взглянулъ въ сторону исчезавшаго изъ виду города.

— Вы давно знаете вашего друга? — шопотомъ спросилъ меня Сципіонъ.

— Да, довольно давно.

— Съ нимъ шутки плохи—его не проведешь.

— Я надѣялся, что довезу ихъ домой въ полномъ составѣ,—сказалъ виргинецъ, прислушиваясь къ шуму въ вагонѣ.—Это бы удалось—вотъ только этотъ негодяй испортилъ дѣло. Это очень досадно,—добавилъ онъ, помолчавъ,—вы меня понимаете.

Я зналъ, что онъ самолюбивъ, но не подозрѣвалъ, до какой степени въ немъ развито это чувство. Сципіонъ сталъ его утѣшать.

— У васъ ихъ еще много,—сказалъ онъ.

— Я до сихъ поръ ладилъ съ ними,—продолжалъ виргинецъ.—Всю дорогу до самаго Сентъ-Поля они слушались меня

и признавали мой авторитетъ. Вотъ теперь только слухи о золотѣ смутили ихъ. Но какъ бы они ни своевольничали, они все-таки вернутся со мной, согласно приказаніямъ судьи. Никто не сбѣжитъ въ Рогайдъ. Одинъ только остался здѣсь упрямецъ. Придется, быть можетъ, принять мѣры противъ него. А теперь вотъ что: человѣкъ, котораго я выбросилъ на полотно, былъ нашимъ поваромъ, и я предлагаю вамъ, полковникъ, занять его мѣсто.

Сципіонъ вскрикнулъ отъ изумленія.

— Какъ такъ полковникъ? — Онъ сталъ вглядываться въ виргинца.—Развѣ я встрѣчался съ вами во дворцѣ?

— Мы не то что встрѣчались, но я былъ при томъ, какъ, около мѣсяца тому назадъ, вотъ этотъ господинъ заказывалъ за завтракомъ лягушечьи лапки.

— Господи помилуй, въ какомъ я былъ тогда жалкомъ положеніи!—воскликнулъ Сципіонъ, выдавая себя.—Мнѣ приходилось по цѣлымъ днямъ выдумывать разныя глупости гостямъ, вѣчно напрягать мозгъ и за самое жалкое вознагражденіе. Дѣло вѣдь не безопасное; надувая людей, раздражаешь ихъ нервы. Я сказалъ, чтобы наняли кого-нибудь другого, а я снова сдѣлаюсь погонщикомъ или пойду воевать съ индѣйцами, или просто буду отдыхать, лишь бы не оставаться здѣсь, гдѣ меня могутъ подстрѣлить въ концѣ концовъ; вѣдь мнѣ только двадцать-пять лѣтъ, и мнѣ жаль моей жизни. Настоящій полковникъ Киръ Джонсъ уже давно умеръ, но его дворецъ пользуется большой извѣстностью, и онъ самъ служилъ ему рекламой—поэтому всегда и нанимаютъ кого-нибудь для исполненія роли полковника. Пренепріятная должность! Я, конечно, съ удовольствіемъ буду служить у васъ поваромъ. Ну, и память же у васъ на лица!

Дверь еще разъ отворилась. На платформу вышелъ человѣкъ съ густыми черными бровями, черными усами и въ черной рубахѣ, подпоясанной бѣлымъ платкомъ. Онъ пристально взглянулъ на насъ.

— Здравствуйте! — сказалъ онъ не особенно привѣтливо и прибавилъ, обращаясь къ виргинцу:—Гдѣ же Шофнеръ?

— Онъ теперь, вѣрно, досталъ уже бутылку водки, Трампасъ.

Трампасъ опять поглядѣлъ на каждаго изъ насъ въ отдѣльности.

— Вѣдь онъ сказалъ, что вернется.

— Я долженъ сказать, что когда онъ спустился съ поѣзда, то не имѣлъ вида человѣка, который собирается вернуться.

Сципіонъ кашлянулъ при этихъ словахъ виргинца и сосре-

доточенно занялся чисткой ногтей. Мы избѣгали глядѣть другъ другу въ глаза. Шорти не шелъ въ счетъ; онъ все время сидѣлъ на верхней ступенькѣ лѣсенки и не принималъ участія въ разговорѣ.

Трампасъ, казалось, былъ въ нерѣшительности.

— А давно уже поѣздъ двинулся?—спросилъ онъ.

— Порядочно, — протяжно отвѣтилъ виргинецъ, взглянувъ на часы.

Трампасъ поглядѣлъ на насъ на этотъ разъ съ явнымъ недоброжелательствомъ.

— Поѣздъ, кажется, становится пассажирскимъ, — сказалъ онъ и, быстро повернувшись, ушелъ въ вагонъ.

— Это и есть упрямецъ, о которомъ вы говорили?—спросилъ Сципіонъ.

— Да,—отвѣтилъ южанинъ.

Шумъ внутри вагона затихъ и смѣнился тишиной—не слышно было даже звука разговора. Нашъ поѣздъ неспѣшно громыхалъ по рельсамъ, пробѣгая милю за милей на западъ, въ то время какъ ночь начинала спускаться на землю.

— Ужъ не отрядили ли они кого-нибудь изъ своихъ искать Шофнера?—сказалъ виргинецъ. — Пойду-ка я къ нимъ. — Онъ открылъ дверь вагона.—Темновато что-то.—Засвѣтивъ фонарь, онъ вошелъ въ вагонъ и оставилъ насъ однихъ на платформѣ.

— Какъ вамъ кажется,—спросилъ меня Сципіонъ,—довезетъ онъ ихъ до „Глубокой-Рѣки“?

— Ему очевидно кажется, что довезетъ. А разъ онъ убѣжденъ, то у него хватитъ храбрости, чтобы выполнить это на дѣлѣ.

— Такой храбрости еще далеко не достаточно, — воскликнулъ Сципіонъ.—Бываютъ минуты, когда нужна храбрость *вопреки* убѣжденію, безъ *вѣры* въ успѣхъ—иначе все пропало. А вашъ другъ такой глубокій человѣкъ, что ни вы, ни я не можемъ угадать его мысли.

— Если дойдетъ дѣло до стрѣльбы,—вставилъ свое замѣчаніе добрякъ Шорти,—я буду ему помогать.

— Ну васъ со стрѣльбой!—отвѣтилъ Сципіонъ, окончательно развеселившись.—На кой чортъ судьѣ грузъ мертвыхъ погонщиковъ, когда ему нужны живые рабочіе?

— Вѣрно,—согласился Шорти.

— Нѣтъ, — размышлялъ Сципіонъ въ то время, какъ ночь сгущалась вокругъ насъ.—Онъ ждетъ, чтобы кто-нибудь другой надоумилъ его, какъ дѣйствовать. Я готовъ биться объ закладъ,

что теперь онъ хочетъ только одного—не дать никому догадаться, что онъ самъ не знаетъ, чѣмъ все это кончится.

Сципіонъ высказалъ всѣ свои мысли, закурилъ папиросу и замолчалъ; мудрость его изсякла. Наступила ночь. На крышѣ вагона появился рабочій, зажигая фонари, и прошелъ дальше, не обращая на насъ вниманія. Холодный вѣтеръ подулъ издалека, свидѣтельствуя о приближеніи къ горамъ.

— Это вѣтеръ изъ Монтаны,—сказалъ Сципіонъ втягивая въ себя воздухъ.—Какъ я радъ снова подышать имъ.

— Вамъ не холодно?—раздался голосъ виргинца.—Въ вагонѣ мѣста достаточно.

Ему очевидно хотѣлось, чтобы мы вошли вслѣдъ за нимъ, но онъ не хотѣлъ подать вида, что нуждается въ подкрѣпленіи. —Эти господа опоздали на экспрессъ въ Медорѣ,—сказалъ онъ погонщикамъ, когда мы вошли. За кого они насъ приняли—я не знаю. Въ вагонѣ чувствовалось какое-то общее напряженіе. Я старался расположить ихъ къ себѣ въ виду того, что намъ предстояло проѣхать еще триста миль вмѣстѣ, и сталъ напоминать имъ о нашемъ прежнемъ знакомствѣ въ помѣстьѣ судьи. —Я такъ радъ, что нагналъ васъ,—сказалъ я,—а то бы мнѣ никакъ не попасть въ „Глубокую-Рѣку". Я еще сталъ говорить имъ разныя любезности, но они отвѣчали мнѣ очень кратко и уклончиво и глядѣли въ сторону.

Разговоръ не клеился, но Трампасъ задѣлъ оживившую всѣхъ тему.

— Вы отправляетесь туда, гдѣ теперь идетъ горячка?— спросилъ онъ, обращаясь къ Шорти.

— Горячка?—переспросилъ Шорти, поднимая глаза.

— Ну да, въ Рогайдъ, — сказалъ Трампасъ, и всѣ стали пристально глядѣть на Шорти.

— Я самъ не знаю, куда мнѣ ѣхать, въ виду того, что я упустилъ экспрессъ, — отвѣтилъ Шорти.

— Можетъ быть, я дамъ вамъ работу,—сказалъ виргинецъ. —Мнѣ нужна партія людей для земляныхъ работъ.

— Если вы ищете компанію, то отправляйтесь въ Рогайдъ, туда многіе ѣдутъ, — продолжалъ Трампасъ, вербуя себѣ сторонника.

— А что̀ тамъ болтаютъ про Рогайдъ?—спросилъ Сципіонъ, искусно отклоняя уговоры Трампаса.—Много они тамъ достаютъ золота? Видали ли вы руду?

— Руду!—воскликнулъ одинъ изъ присутствующихъ.—Вотъ. —И онъ вынулъ изъ кармана кусокъ руды.

— Вѣчно вы показываете вашу руду, — сказалъ недовольнымъ тономъ Трампасъ, такъ какъ Шорти снова сталъ дремать, и общимъ вниманіемъ овладѣлъ Сципіонъ.

— Гмъ! — сказалъ Сципіонъ, разглядывая руду. Онъ вертѣлъ ее въ рукахъ, внимательно оглядывалъ со всѣхъ сторонъ, подбрасывая ее на воздухъ, и отдалъ ее обратно собственнику. — Это порфирій. — Онъ сказалъ это спокойнымъ и безапелляціоннымъ тономъ, прекращавшимъ всякіе дальнѣйшіе разговоры, и сталъ разсказывать о знакомыхъ ему золотыхъ пріискахъ въ Мексикѣ и Аризонѣ.

Шорти заснулъ, и Трампасъ не могъ болѣе возобновлять съ нимъ разговора, а къ утру мы посовѣтовали Шорти то-и-дѣло мѣнять свои рѣшенія, чтобы окончательно отвадить Трампаса отъ желанія завербовать его.

Мы улеглись на койки въ вагонѣ и представляли собой очень мирное зрѣлище. Я почти тотчасъ же заснулъ отъ усталости и проснулся среди ночи, почувствовавъ, что въ вагонъ врывается свѣжій воздухъ. Открывъ глаза, я увидѣлъ, что дверь раскрыта, и у нея сидитъ одинокая фигура виргинца, глядящаго на луну.

XVI.

Вамъ случалось, вѣроятно, проснуться иногда утромъ, совершенно не понимая, гдѣ вы очутились. Такъ и я, проснувшись въ вагонѣ, услышалъ голоса, но не понималъ, въ чемъ дѣло.

Вдругъ раздались слова: — Гаттавэй; отъ Портлэнда 1291.

Эти слова не пробудили ничего въ моемъ сознаніи, и я продолжалъ дремать подъ мѣрный звукъ колесъ. Черезъ нѣсколько времени я проснулся на слѣдующей стоянкѣ; когда мы снова двинулись въ путь, кто-то снова произнесъ: — Росбутъ; отъ Портлэнда 1279. — Эта цифра меня окончательно разбудила: — Что это? прежде вѣдь было 1291.

Я сталъ вспоминать настроеніе вагона въ предшествующій вечеръ, и на слѣдующей стоянкѣ окончательно понялъ, что собственно происходитъ.

— Форситъ, — прочелъ одинъ изъ табунщиковъ названіе станціи. — Отъ Портлэнда 1266.

Они считали уменьшающееся разстояніе по направленію къ западу, т.-е. къ Рогайду и тамошнимъ золотымъ пріискамъ. Въ этомъ чувствовалось мятежное настроеніе, и я замѣтилъ, какъ оно ростетъ, когда раздобылъ себѣ свѣжей воды въ Форситѣ и

сталъ умываться въ присутствіи моихъ спутниковъ. Мы приближались къ Рогайду, т.-е. къ станціи, съ которой нужно было свернуть на пріиски. Въ этой близости соблазна была сила Трампаса, и въ этомъ заключался его перевѣсъ надъ виргинцемъ. Послѣдній, однако, казалось, никакой опасности не предвидѣлъ и спокойно завтракалъ въ Форситѣ.

Поѣздъ, послѣ остановки, снова медленно поползъ вдоль береговъ Іеллоустона, и бунтовщики сидѣли нѣсколько времени молча, предаваясь отдыху.

— Откуда у тебя этотъ шрамъ? — спросилъ одинъ погонщикъ у своего сосѣда.

— По глупости получилъ его.

— Твоей?

— Да, моей собственной. Я какъ-то, прошлымъ лѣтомъ, гуляя, увидалъ большую змѣю, и когда товарищи стали раззадоривать меня, говоря, что я не могу справиться съ ней, я со всего размаха закинулъ лассо и схватилъ ее за хвостъ; затѣмъ сталъ размахивать ею по воздуху, какъ бичемъ, и отхватилъ у нея такимъ образомъ голову. Вы видали когда-нибудь, какъ это дѣлается?

Слушатели кивнули головой съ нѣсколько усталымъ видомъ.

— Но оторванная голова полетѣла прямо на меня, захватила меня зубами, и я долго послѣ того былъ боленъ.

— Вотъ что̀ значитъ быть неловкимъ. Нужно было такъ схва́тить змѣю, чтобы голова упала не на тебя, а въ противоположную сторону, въ кусты.

— Кстати объ укусахъ, — вмѣшался въ разговоръ другой погонщикъ: — что̀ вы скажете объ этомъ?—Онъ показалъ свой большой палецъ.

— Господи помилуй! — воскликнулъ Сципіонъ: — ужъ не львиный ли это укусъ?

— Вовсе нѣтъ,—обиженно отвѣтилъ погонщикъ.—Я добывалъ совиныя яйца для одного ботаника изъ Бостона,—сталъ онъ объяснять мнѣ.

Вся компанія почему-то недовѣрчиво отнеслась къ началу его разсказа; мнѣ стало его жалко, и я попросилъ его продолжать разсказывать. Моя вѣжливость тоже почему-то вызвала хихиканіе у двухъ погонщиковъ; Сципіонъ же поглядѣлъ на меня съ явной досадой, и, посидѣвъ нѣсколько минутъ съ нами, вышелъ на платформу къ виргинцу.

— Этотъ молодой человѣкъ, — продолжалъ разсказчикъ,— носилъ короткіе до колѣнъ штаны, толстые очки и черезъ плечо

у него висѣла длинная жестяная коробка—оттого-то я и зналъ, что онъ ботаникъ. Ему нужны были совиныя яйца—той породы маленькихъ совъ изъ прерій, которыя, будто бы, могутъ вертѣть головой и въ упоръ глядятъ на человѣка. Мы проѣзжали черезъ одинъ городъ въ преріяхъ, и я сказалъ, что найду совиное гнѣздо; мнѣ самому было интересно узнать, правда ли, что совы живутъ вмѣстѣ съ собаками и змѣями.

Разсказчикъ остановился и поглядѣлъ на меня. Я изобразилъ на своемъ лицѣ полное вниманіе и довѣріе къ его разсказу.

— Такъ вотъ,—продолжалъ онъ,—пока ботаникъ бродилъ по городу, отыскивая совмѣстное жилище собаки и совы, я сталъ рыть яму въ землѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ только-что передъ тѣмъ увидѣлъ сову, скрывшуюся въ землю. И вотъ что̀ вышло изъ этого!—онъ снова показалъ палецъ.

— Въ норѣ оказалась змѣя!—воскликнулъ я.

— Да, сэръ. Какъ разъ тогда змѣя осталась охранять домъ. Я вытащилъ ее вмѣстѣ съ пальцемъ, въ который она вцѣпилась. Это была длинная гремучая змѣя, съ восьмью позвонками въ хвостѣ.

— Съ восьмью позвонками!—воскликнулъ я.—Такая огромная!

— Да, сэръ, я уже думалъ, что мнѣ конецъ пришелъ. Но женщина...

— Какая женщина?

— Да жена ботаника. Развѣ я вамъ не сказалъ, что съ нимъ была жена? Она оказалась гораздо храбрѣе мужа. Онъ сейчасъ потерялъ голову, сталъ плакаться на то, что у него нѣтъ водки, что ножъ его недостаточно острый, чтобы ампутировать имъ палецъ, что докторъ живетъ за двадцать миль, и всякую другую ерунду,—а самъ ничего не дѣлалъ. Она же кинулась къ нему, стала шарить въ его карманѣ и кричать: „Дай ему камень, Августъ“! Вытащивъ у него цѣлительный индійскій камень—это былъ первый, который я увидалъ въ моей жизни,—она приложила его къ моему пальцу—и весь ядъ сразу вышелъ.

— Какъ же это случилось?—спросилъ я.

— Да камень всосалъ ядъ, какъ пропускная бумага всасываетъ чернило. Странный это камень съ виду—мягкій и сѣрый; и какъ только онъ всосалъ ядъ, такъ и отвалился самъ собой. Я поблагодарилъ ее за то, что она сохранила присутствіе духа. Но я не догадывался, до чего она была тогда взволнована—это обнаружилось только нѣкоторое время спустя: у нея родился ребенокъ съ восьмью лишними позвонками.

Въ вагонѣ поднялся неистовый хохотъ, къ которому и я

добродушно присоединился, хотя и былъ самъ жертвой ловкой выдумки; но разсказчикъ такъ искусно переплелъ правду съ выдумкой, что трудно было не попасться на удочку,—и мнѣ вовсе не было стыдно за свою недогадливость—а только забавно. Я сталъ хохотать вмѣстѣ съ другими, но вдругъ замолкъ, чувствуя что-то странное въ настроеніи окружающихъ. Они слишкомъ ужъ громко смѣялись. Я замѣтилъ также, что Трампасъ поглядѣлъ на виргинца съ злобнымъ торжествомъ, а Сципіонъ, стоявшій у дверей, посмотрѣлъ на меня съ неудовольствіемъ.

Изумленный всѣмъ этимъ, я вышелъ на платформу, чтобы хоть избавиться отъ шума.

— Что̀ тутъ собственно произошло?—спросилъ я Сципіона.

— Вѣдь я старался оградить васъ отъ нихъ, но вы вашими вопросами прямо-таки напрашивались на то, чтобы васъ одурачили. Но вѣдь дѣло не въ томъ, что васъ осмѣяли, а въ томъ, что вы—другъ управляющаго, и что черезъ васъ въ него мѣтили. Это возбуждаетъ въ нихъ мятежный духъ—развѣ вы не понимаете?

Сципіонъ сказалъ правду. Уже на слѣдующей стоянкѣ они самымъ вызывающимъ тономъ стали орать:—Портлэндъ, 1256!

Мимо насъ, вдоль полотна, все время проходили партіи рабочихъ. Виргинецъ поднялся.

— Пойду-ка я къ своимъ,—сказалъ онъ.—Эти рабочіе, идущіе все по одному направленію, какъ будто подтверждаютъ слухъ о томъ, что размыло мостъ.

— Какой?—спросилъ Сципіонъ.

— Мостъ Большого-Рога,—его смыло, кажется, четыре дня тому назадъ.

— Ахъ, какъ это некстати!

— Ничего, обойдется,—отвѣтилъ виргинецъ протяжнымъ и спокойнымъ тономъ, приводя Сципіона въ изумленіе и восхищеніе своимъ присутствіемъ духа.

Войдя въ вагонъ, виргинецъ завелъ съ погонщиками, и въ частности съ Трампасомъ, спокойный дѣловой разговоръ о частыхъ поврежденіяхъ на желѣзныхъ дорогахъ и о лучшихъ способахъ предупреждать ихъ. Въ этомъ дѣловомъ разговорѣ чувствовалось, однако, что два врага соперничаютъ въ умѣньѣ подчинять себѣ умъ и чувство слушателей.

Разговоръ снова зашелъ о поврежденномъ мостѣ и о томъ, какъ поѣздъ переберется черезъ него.

— Нашъ-то поѣздъ станетъ значительно болѣе легкимъ, подъѣзжая къ мосту,—сказалъ Трампасъ.

— И то правда,—отвѣтилъ виргинецъ.—Можетъ быть, никто, кромѣ меня, не будетъ переѣзжать черезъ мостъ Большого-Рога. Вотъ была бы штука, еслибы вы и меня убѣдили отказаться отъ должности и тоже отправиться на пріиски!

— Не забудьте, что я нанялся къ вамъ въ повара,—хмуро сказалъ Сципіонъ.

Въ это время поѣздъ замедлилъ ходъ — мы подъѣзжали къ Рогайду. Всѣ засуетились и заговорили: — Ну, что-жъ, маршъ сейчасъ же на пріиски! — Нѣтъ, раньше хорошо бы поѣсть! — Да сегодня, все равно, слишкомъ поздно, и т. д. — Всѣ стали собираться, складывать вещи, натягивать куртки, суетиться. Виргинецъ не обращалъ вниманія на то, что̀ происходило въ вагонѣ; онъ стоялъ на платформѣ и глядѣлъ вдаль. Сципіонъ не отводилъ отъ него изумленнаго взора. Когда мы остановились около водокачки, виргинецъ воскликнулъ: — Они еще здѣсь! — Это открытіе доставило ему очевидное удовольствіе.

Слова его относились къ задержаннымъ по случаю починки моста поѣздамъ. Передъ нами стояли четыре экспресса и нѣсколько товарныхъ поѣздовъ; должно было пройти по крайней мѣрѣ еще два часа прежде, чѣмъ можно было переѣхать черезъ мостъ.

Путешественники стояли съ растеряннымъ видомъ около вагоновъ или ходили вдоль полотна. Къ нимъ подходили индѣйцы, предлагая имъ стрѣлы, рога и разныя бездѣлушки.

— Полагаю, что пассажиры предпочли бы кусокъ баранины всему этому, — сказалъ виргинецъ, обращаясь къ человѣку, подошедшему къ нашему вагону.

— Еще бы! — отвѣтилъ подошедшій. — Первый поѣздъ стоитъ здѣсь уже четыре дня. Пассажиры изголодались, съѣли все, что̀ было припасено въ буфетѣ, въ вагонномъ ресторанѣ. Все, что̀ можно было достать въ городѣ, закуплено и съѣдено. Еслибы мы предвидѣли это, можно было бы сдѣлать блестящія дѣла. Вы не представляете себѣ, какія деньги платили мѣстнымъ индѣйцамъ за мясо, дичь и рыбу. Пассажировъ восточнаго поѣзда совсѣмъ ограбили.

— Кто-нибудь отправляется сегодня въ Рогайдъ? — спросилъ Трампасъ, показываясь у дверей вагона.

— До завтрашняго утра никто туда не идетъ, — сказалъ собесѣдникъ виргинца и, обращаясь къ нему, прибавилъ: — А вы тоже на пріиски?

— Не знаю еще, — отвѣтилъ южанинъ медленно и небрежно, обращаясь исключительно къ своему новому знакомому и намѣ-

ренно не обращая вниманія на Трампаса.—Во всякомъ случаѣ, —продолжалъ онъ,—мы или всѣ отправляемся въ Рогайдъ, или всѣ въ Биллингсъ. Мы вѣдь составляемъ одну неразлучную компанію.

Трампасъ громко разсмѣялся, входя въ вагонъ къ своимъ товарищамъ.—Пусть онъ притворяется передъ другими,—сказалъ онъ такъ, чтобы мы могли слышать его слова.—Не все ли намъ равно, что онъ говоритъ постороннимъ.

— Но прежде всего я хочу поѣсть,—продолжалъ виргинецъ. —А грабить себя, однако, не позволю. Я собирался устроить здѣсь пиръ въ случаѣ остановки.

— Я вѣдь говорю вамъ, что въ городѣ ничего не осталось.

— Мало ли что̀ вы говорите! Вы сами не знаете, что у васъ подъ рукой непочатый источникъ дохода. Если у васъ есть прочный полотняный мѣшокъ, я научу васъ заработать деньги.

— Что̀ вы такое придумали?

— Мистеръ Лемуанъ, — сказалъ виргинецъ, обращаясь къ Сципіону,—возьмите кастрюлю изъ походной кухни, разложите огонь, и мы попробуемъ, вкусны ли лягушечьи лапки.

Сказавъ это, онъ сейчасъ же ушелъ, и его новый знакомый послѣдовалъ за нимъ, какъ вѣрный песъ.

— Лягушечьи лапки! — пробормоталъ Сципіонъ, изумленно обращаясь ко мнѣ.—Это еще что?

— Онѣ значились въ спискѣ кушаній полковника Кира Джонса,—сказалъ я.—„Лягушечьи лапки à la Delmonico“.

— Вотъ оно что̀! Но это не я ихъ придумалъ—ихъ до меня стали выписывать. Я никогда ихъ и не видывалъ. Да можно ли жарить лягушекъ?—Онъ медленно и задумчиво спустился съ вагона на землю и покачалъ головой.—Вотъ ужъ, дѣйствительно, невозможно предвидѣть, что̀ ему взбредетъ въ голову! Ну, да что̀ жъ дѣлать, буду раскладывать огонь. Я ему во всемъ вѣрю, и у него такой увѣренный видъ, что я совершенно спокоенъ.

Сципіонъ взялся за работу; Шорти сталъ ему помогать; я притащилъ дровъ. Трампасъ съ компаніей отправились всѣ вмѣстѣ на станцію.

Мы разложили огонь около нашего вагона, чтобы недалеко было ходить за кухонной утварью. Казалось бы, въ томъ, что̀ мы дѣлали, было мало интереснаго для голодныхъ пассажировъ: нѣсколько горящихъ полѣньевъ, сковорода, немного сала въ горшкѣ, вода, тарелки, ножи и вилки, и три молчащихъ человѣка, суетящихся вокругъ всего этого—вотъ и все. Варить и жарить было нечего. Однако, вокругъ насъ стали собираться

пассажиры, сначала по одиночкѣ, потомъ группами, и стали заговаривать съ нами. — Что̀, ужинъ варите? спросилъ одинъ.— Нѣтъ, завтракъ,—сердито отвѣтилъ Сципіонъ, — и послѣ этого къ намъ уже не приставали.

— Видно, тамъ много лягушекъ, — сказалъ Сципіонъ, ожидавшій съ нетерпѣніемъ возвращенія виргинца.

Мы пошли пройтись, и вскорѣ увидали виргинца, занятаго ловлей лягушекъ въ пруду.

— Знаете,—сказалъ Сципіонъ,—я какъ будто начинаю понимать его. Онъ, очевидно, хочетъ отомстить Трампасу за попытку поднять бунтъ, и собирается всѣхъ одурачить,—вотъ увидите. Помните, что̀ онъ говорилъ объ игрѣ въ покеръ?—Трампасъ проиграетъ. Однако, нужно вернуться къ огню, а не то Шорти дастъ ему угаснуть.

Въ то время, какъ мы подошли обратно къ костру, вернулись Трампасъ и его товарищи со станціи. Они не нашли ничего съѣстного въ городѣ, и нельзя было разсчитывать на подвозъ новыхъ припасовъ до слѣдующаго поѣзда съ запада. Въ этомъ, конечно, Трампасъ не былъ виноватъ;—однако, число слѣдовавшихъ за нимъ людей теперь уменьшилось. Они несли кусокъ сыра, величиной въ кулакъ, вѣсомъ въ кирпичъ, неаппетитнаго зеленоватаго цвѣта. Пассажиры привѣтствовали сыръ, какъ стараго знакомаго, и даже стали снимать шапки передъ нимъ, такъ какъ за эти дни его много разъ предлагали имъ по весьма высокой цѣнѣ.

— Вотъ и нашъ ужинъ приближается,—сказалъ Сципіонъ, глядя въ сторону пруда. Онъ пересталъ смѣяться и принялъ серьезный видъ.

— Надѣюсь, что скоро придетъ поѣздъ,—сказалъ Трампасъ, —и у насъ будетъ ужинъ получше лягушекъ.

Общій интересъ сосредоточился теперь на виргинцѣ. Онъ возвращался въ сопровожденіи своего помощника и съ мѣшкомъ на плечѣ; мѣшокъ былъ тяжело нагруженный. Не обращая вниманія на собравшихся вокругъ людей, онъ усѣлся и на половину опорожнилъ мѣшокъ. — Вотъ, — сказалъ онъ дѣловымъ тономъ своему помощнику,—этого намъ пока довольно. Я полагаю, что будетъ достаточно спроса на вашъ товаръ.

— Господи помилуй! — сказалъ одинъ изъ погонщиковъ.— Да какой же это дуракъ станетъ ѣсть лягушекъ?

— Я согласенъ ѣсть хоть головастиковъ, — воскликнулъ одинъ изъ проголодавшихся пассажировъ, и вслѣдъ за нимъ всѣ стали вынимать кошельки, чтобы купить себѣ ужинъ.

— Почемъ вы берете за пару?—спросилъ погонщикъ, только-что смѣявшійся надъ затѣей виргинца.

Виргинецъ взглянулъ на него съ пріятнымъ изумленіемъ.

— Берите и ѣшьте,—сказалъ онъ.—Мы еще пока составляемъ одну компанію. Ѣшьте на здоровье!—повторилъ онъ, обращаясь къ Трампасу и его товарищамъ.

Они на минуту отшатнулись, потомъ какъ-то неожиданно для самихъ себя положили сыръ на землю и приблизились къ огню, чтобы поужинать лягушками.

— Конечно, онѣ не такъ хороши, какъ у Дельмонико,—объяснялъ виргинецъ пассажирамъ,—и въ особенности у Августина.

Онъ имѣлъ въ виду знаменитаго филадельфійскаго ресторатора Августина, о которомъ я разсказывалъ ему за завтракомъ во дворцѣ полковника Кира Джонса.

Сципіонъ работалъ на славу, и, отвѣдавъ его стряпню, виргинецъ громко расточалъ ему похвалы. Многіе пассажиры ѣли очевидно съ удовольствіемъ; только самъ Сципіонъ не притрогивался къ своей стряпнѣ.

— Вотъ вы и заработали кое-что,—сказалъ виргинецъ человѣку, который помогъ ему наловить лягушекъ. Тотъ предложилъ виргинцу подѣлить прибыль, но виргинецъ отвѣтилъ ему, что онъ и безъ денегъ извлекъ достаточно пользы изъ этой затѣи.

— Вотъ, посмотрите, — сказалъ одинъ изъ пассажировъ,—какъ глупы здѣшніе жители. Мы тутъ умирали съ голоду столько дней, а вы пріѣхали—и сразу все устроилось.

— Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, — сказалъ виргинецъ.—Я выросъ въ странѣ, гдѣ на лягушкахъ заработываютъ огромныя деньги, а они этого не знаютъ. Здѣсь все сосредоточено на скотѣ. Они говорятъ о скотѣ, думаютъ о скотѣ, и поэтому банкротятся. Вѣдь всѣ разоряются, не правда ли?—спросилъ онъ туземца.

— Почти-что такъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Очень трудно заняться не тѣмъ, чѣмъ занимаются сосѣди,—продолжалъ виргинецъ. — Въ Монтанѣ все переполнено скотомъ, значитъ, всѣ только о скотѣ и думаютъ, но забываютъ, что пастбищъ здѣсь мало, а болотъ много, такъ что страна какъ бы создана для лягушечьяго промысла.

При этихъ словахъ всѣ насторожились.

— Я вовсе не считаю себя смышлёнѣе здѣшнихъ людей,—скромно сказалъ виргинецъ своему помощнику. — Но когда

много путешествуешь, многому и научаешься. Имѣете ли вы представленіе о томъ, какъ лягушечій промыселъ процвѣтаетъ въ Туларе, въ Калифорніи, на сѣверномъ берегу озера? Тамошніе жители, дѣйствительно, великолѣпно воспользовались своими болотами. Конечно, вложили въ это дѣло большой капиталъ, затѣмъ разработали вопросъ научно, обратились за совѣтомъ въ рыбную коммиссію. Къ тому же, у нихъ оказались огромные рынки для сбыта—Санъ-Франциско, Лосъ-Анжелесъ. Благодаря новой линіи желѣзной дороги, они экспортировали лягушекъ даже прямо въ Нью-Іоркъ. Но вы могли бы начать съ того, что продавали бы лягушекъ пассажирамъ каждый день—вотъ какъ сегодня; вашъ товаръ сталъ бы извѣстенъ по всей линіи, такъ какъ конкуррирующихъ болотъ немного въ окрестностяхъ. Вагонные рестораны закупали бы у васъ лягушекъ, лучшіе отели посылали бы вамъ заказы. Вѣдь въ отеляхъ очень гонятся за деликатессами. Вотъ бы и завелась у васъ оживленная торговля.

— Очень практичная идея,—сказалъ одинъ изъ пассажировъ. — И осуществленіе ея совсѣмъ не требуетъ большихъ затратъ.

— Вотъ именно,—подтвердилъ виргинецъ.

— А почемъ будутъ платить за лягушекъ?—спросилъ Трампасъ. Я видѣлъ, какъ Сципіонъ при этихъ словахъ особенно усердно углубился въ стряпню.

— Не знаю,—сказалъ пассажиръ.—Мы сегодня заплатили довольно дорого.

— Вы-то ужъ опоздали въ Туларе, Трампасъ, — сказалъ виргинецъ.

Сципіонъ уткнулся носомъ въ свою сковороду.

— Забавное это мѣсто, — продолжалъ виргинецъ, озираясь кругомъ, чтобы привлечь какъ можно больше слушателей. Онъ позволилъ себѣ улыбнуться при одномъ воспоминаніи.—Интересно послушать, какъ они говорятъ о лягушкахъ въ Туларе—какъ въ другихъ городахъ о лошадяхъ, о стадахъ, или о какой-нибудь другой отрасли промышленности. И вы сами заговорили бы тѣмъ же тономъ, еслибы завели это дѣло. Все, что даетъ человѣку хлѣбъ, становится для него серьезнымъ — будь это даже лягушки.

— Вѣрно,—сказалъ туземецъ. — А что же, дѣло оказалось выгоднымъ?

— Единственно-выгоднымъ въ этой мѣстности, — отвѣтилъ виргинецъ.—Все другое не удавалось, кромѣ лягушечьяго промысла. Вначалѣ это казалось страннымъ, такъ какъ населеніе

слишкомъ привыкло къ скотоводству. Но потомъ дѣло развилось, и стало обогащать предпринимателей, — оно давало до сорока процентовъ въ годъ. Хозяева платили рабочимъ огромныя жалованья,—это имъ было легко. Они сбывали свой товаръ во всѣ французскіе рестораны въ Санъ-Франциско и во множество другихъ мѣстъ. Нѣкоторые отели сдѣлали изъ лягушекъ свою спеціальность. Слава туларскихъ лягушекъ распространилась досамаго Нью-Іорка. Вотъ только въ Сакраменто торговля шла вяло: тамъ сенаторы не доросли до такихъ тонкостей.

Виргинецъ остановился среди разсказа и сталъ доѣдать лягушечью лапку. И затѣмъ, съ дьявольскимъ коварствомъ, онъ сдѣлалъ видъ, точно хочетъ разсказать анекдотъ, не имѣющій прямого отношенія къ вопросу о лягушкахъ. — Кстати о сенаторахъ,—продолжалъ онъ.—Сенаторъ Вайзъ...

— Какое жалованье платятъ рабочимъ въ Туларе?—спросилъ одинъ изъ партіи Трампаса.

— Не знаю, право, сколько получалъ главный завѣдующій, но хорошіе рабочіе получали по сто.

— По сто въ мѣсяцъ?

— Ну да; вѣдь работа-то грязная, и къ тому же легко схватить ревматизмъ, шатаясь по болотамъ. Ну, вотъ, возвращаюсь къ генералу Вайзу: когда онъ говорилъ, что собирается поѣхать въ Аляску...

— Вы говорите, что дѣло даетъ сорокъ процентовъ?—сказалъ Трампасъ.

— Я долженъ позвать сюда жену,—произнесъ за моей спиной одинъ пассажиръ.—Вѣдь мы именно для этого пріѣхали на западъ.—И онъ поспѣшно ушелъ.

— Въ плохіе годы сорока процентовъ нельзя было получить,—отвѣтилъ виргинецъ.—У лягушекъ есть враги, какъ и у другихъ животныхъ. Я помню, какъ однажды весной на лугъ, гдѣ паслись лягушки, попалъ пеликанъ, и все стадо разбѣжалось, перепрыгивая черезъ заборъ.

— Какой заборъ?—спросилъ пассажиръ.

— Пастбища состояли изъ огороженныхъ проволочной сѣткой болотистыхъ пространствъ. Слышали ли вы смѣшанные мрачные звуки, издаваемые стадами, согнанными въ одно мѣсто? Точно также шумъ лягушечьихъ пастбищъ въ Туларе слышенъ былъ за много миль. Весной лягушки заливались пѣніемъ какъ молодыя дѣвушки, а осенью превращались въ густые басы. Да, въ плохіе годы, когда появлялись пеликаны, больше двадцати процентовъ дѣло не давало. Вѣдь если лягушка попала въ рѣку,

она погибла, какъ вырвавшійся изъ стада быкъ. А они еще не додумались до того, чтобы накладывать тавро на лягушекъ и тѣмъ обезпечивать право собственности.

— Ну, и двадцати процентовъ для меня хватитъ,—сказалъ Трампасъ,—если Рогайдъ мнѣ не подойдетъ.

— Доходило до пятидесяти процентовъ,—продолжалъ виргинецъ,—когда Филадельфія и Нью-Іоркъ стали соперничать между собой въ доставкѣ туларскихъ лягушекъ. Цѣлые поѣзда съ лягушками мчались черезъ Аризону,—ихъ возили въ большихъ стеклянныхъ резервуарахъ съ проволочными крышками, изъ-за которыхъ выглядывали лягушки; такъ ихъ довозили до Нью-Іорка.

— Послушай, Джорджъ, да вѣдь онъ ихъ дурачитъ! Все это выдумки!—сказала жена пассажира, подошедшая къ намъ во время разсказа виргинца.

— Конечно, дорогая; въ томъ-то и прелесть!

Но избалованной дамѣ надоѣло слушать, и она вернулась въ свой спальный вагонъ.

Мужъ ея остался въ группѣ слушателей, число которыхъ все увеличивалось. Ихъ объединяло общее любопытство, уничтожавшее всѣ классовыя различія. Желтыя туфли пассажировъ спальныхъ вагоновъ топтались рядомъ съ мексиканскими шпорами. Всѣ глаза устремлены были на виргинца, съ явнымъ сочувствіемъ его словамъ. Спекуляторы стали взвѣшивать выгоды предпріятія и сравнивать ихъ съ шансами Рогайда—жажда наживы разгорѣлась до крайности. Если бы въ эту минуту кто-нибудь сталъ урезонивать ихъ, они бы поступили съ нимъ по закону Линча. Даже индѣйскіе вожди приблизились къ намъ въ своихъ военныхъ шапкахъ и плащахъ. Они не понимали, о чемъ идетъ рѣчь, но чувствовали, что виргинецъ—герой всего происходящаго, и смотрѣли на него съ восторгомъ. Онъ же сидѣлъ у огня, съ сковородой въ рукахъ, улыбаясь съ дьявольскимъ коварствомъ. Когда Трампасъ заявилъ, что билеты въ Калифорнію стоятъ дорого, и что поэтому все-таки лучше начать съ Рогайда, онъ предоставилъ полную волю своей фантазіи.

— Рогайдъ слѣдуетъ предпочесть не только потому, что билеты туда дешевле, Трампасъ,—сказалъ онъ.—Я вѣдь говорилъ вамъ, что въ Туларе уже поздно ѣхать.

— Я слышалъ, что вы это сказали,—отвѣтилъ Трампасъ.—Но мы съ вами часто расходимся въ мнѣніяхъ.

— Да подумайте, Трампасъ,—сказалъ виргинецъ:—неужели

бы я торчалъ здѣсь на сорока долларахъ жалованья, если бы Туларе былъ въ прежней силѣ! Нѣтъ, туларское дѣло кончено.

— Что̀ же его доконало—вашъ отъѣздъ?

— Нѣтъ, месть,—сказалъ виргинецъ, ударяя сковородой по колѣну, такъ какъ уже всѣ лягушки были изжарены.—Изъ-за лягушекъ вышла страшная распря между знаменитымъ филадельфійскимъ рестораторомъ Августиномъ и его нью-іоркскимъ соперникомъ, Дельмонико. Послѣдній хотѣлъ получить монополію на лягушекъ, которыя тогда вошли въ большую моду, и отбить это дѣло у Филадельфіи. Поэтому онъ сталъ скупать лягушекъ, платя долларомъ больше за партію; Августинъ надбавилъ по три доллара, и пошла игра, такъ что цѣны на лягушекъ страшно поднялись. Потомъ вдругъ Августинъ самъ отправился въ Туларе, а вслѣдъ за нимъ и Дельмонико; каждый изъ нихъ хотѣлъ заключить условіе съ туземцами, по которому онъ бы одинъ имѣлъ монополію туларскихъ лягушекъ. Тамъ, однако, стали смѣяться надъ ними; они обидѣлись и, превратившись изъ враговъ и соперниковъ въ союзниковъ, задумали страшную месть. Эта месть убила лягушекъ.

— Какъ такъ?—спросилъ Трампасъ.

— Убила—вотъ и все. Дельмонико и Августинъ вывели изъ моды лягушекъ. У нихъ въ ресторанахъ никогда болѣе не подавалось этого кушанья, и ни одинъ банкиръ Пятой-улицы ни за что не рѣшится теперь ѣсть лягушекъ изъ боязни, чтобы его не уличилъ въ несвѣтскости другой банкиръ. Лягушкамъ пришелъ конецъ, Трампасъ,—и вамъ также.

— Встаньте, выдумщики, и преклонитесь передъ вашимъ королемъ!—крикнулъ Сципіонъ въ восторгѣ.—Я прямо-таки влюбился въ васъ.—И онъ бросился обнимать виргинца.

— Позвольте и мнѣ пожать вамъ руку,—сказалъ путешественникъ, которому не удалось заинтересовать свою жену разсказами виргинца.

Другіе путешественники тоже стали благодарить его за интересный разсказъ, и къ нимъ присоединились индѣйскіе вожди, хотя и не понимали, что̀ собственно произошло на ихъ глазахъ.

— Не обижайтесь на меня, братцы,—сказалъ виргинецъ смущеннымъ погонщикамъ.—Эти господа, пріѣхавшіе съ востока, немного позабавились на вашъ счетъ; но подумайте,—вѣдь они здѣсь такъ долго скучали. Да вѣдь вы сами начали играть со мной въ эту игру; мнѣ по неволѣ пришлось слѣдовать за вами. И въ утѣшеніе вамъ я могу сказать еще вотъ что̀: когда я дошелъ до половины исторіи съ лягушками, я самъ сталъ вѣрить

въ нее.—И онъ въ первый разъ за все время сердечно разсмѣялся.

Погонщики сдались на его объясненія и одинъ за другимъ стали пожимать ему руку. Трампасу пришлось продѣлать это вмѣстѣ съ другими, и чтобы сдѣлать его пораженіе менѣе замѣтнымъ, виргинецъ самымъ непринужденнымъ образомъ заговорилъ съ нимъ о другомъ.

Наконецъ объявили, что мостъ исправленъ и путь открытъ. Поѣзда шумно двинулись на западъ. Пассажиры стояли у оконъ, махали платками на прощанье и отъѣзжали среди говора и смѣха. Черезъ двадцать минутъ всѣ запоздавшіе поѣзда ушли, и пришелъ нашъ чередъ.

— Послѣдній срокъ для отправки въ Рогайдъ,—сказалъ виргинецъ.

— Послѣдній срокъ для отъѣзда въ „Глубокую-Рѣку",—сказалъ одинъ изъ одумавшихся мятежниковъ, и всѣ вскочили въ поѣздъ. Виргинецъ побѣдилъ.

Нашъ вагонъ медленно направился къ Биллингсу. И когда издали стали показываться знакомыя снѣжныя вершины, всѣ стали собирать вещи. Виргинецъ заботливо завертывалъ „Кенильвортъ", чтобы вернуть книгу собственницѣ въ опрятномъ видѣ. Я сказалъ ему:—Не правда ли, вы смогли бы играть въ покеръ съ королевой Елизаветой?

— Нѣтъ, она бы меня обыграла,—отвѣтилъ онъ,—потому что она была лэди.

XVII.

Оставивъ поѣздъ, мы отправились верхомъ въ „Глубокую-Рѣку". Виргинецъ долженъ былъ еще пригнать въ имѣніе судьи разбѣжавшійся съ пастбищъ скотъ. Оживленіе, которое охватило виргинца во время путешествія, смѣнилось молчаливымъ настроеніемъ; онъ былъ привѣтливъ съ погонщиками, отдавалъ нужныя приказанія, но ни въ какіе разговоры не вступалъ. На видъ онъ казался спокойнымъ, отлично спалъ, но что-то, очевидно, завладѣло его мыслями. Погонщики совершенно подчинились его вліянію и относились къ нему съ особымъ преклоненіемъ,—одинъ только Трампасъ, очевидно, не забылъ нанесенной ему обиды.

Сципіонъ, зорко наблюдавшій за отношеніями двухъ соперниковъ, часто разговаривалъ со мной о нихъ и доказывалъ, что счеты между ними еще далеко не кончены. Недовольство Трам-

паса было совершенно понятно: ему тяжело было видѣть, что всѣ его сторонники сразу отпали отъ него. Всякій другой на его мѣстѣ сбѣжалъ бы послѣ такой неудачи; если же онъ этого не сдѣлалъ, то только потому, какъ мнѣ объяснялъ Сципіонъ, что не хотѣлъ уйти, не получивъ жалованья, которое ему слѣдовало отъ судьи за все это время. Кромѣ того, въ „Глубокой-Рѣкѣ" положеніе его могло измѣниться къ лучшему. Виргинецъ только временно занималъ постъ управляющаго, и по возвращеніи домой, его полномочія оканчивались; онъ снова дѣлался равнымъ своимъ товарищамъ, и Трампасъ освобождался отъ его начальства. Настоящій же управляющій благоволилъ къ Трампасу, такъ что послѣдній могъ надѣяться, что ему удастся отомстить за пораженіе, которое онъ претерпѣлъ,—эта надежда и удерживала его среди насъ.

Но и виргинецъ, по мнѣнію Сципіона, тоже обдумывалъ планы мести. Счеты его съ Трампасомъ не были покончены тѣмъ, что онъ его такъ зло и остроумно одурачилъ на глазахъ у всѣхъ. Въ данную минуту для виргинца было самымъ важнымъ оправдать довѣріе судьи и въ точности исполнить возложенное на него порученіе. Это ему удалось. Онъ возвращался со всѣми ввѣренными ему погонщиками,—выгнанный поваръ былъ замѣщенъ Сципіономъ; грозившій мятежъ былъ подавленъ, и онъ могъ разсчитывать, что хозяинъ останется имъ доволенъ. Но по возвращеніи домой положеніе его должно было измѣниться, и тогда отношенія съ Трампасомъ могли обостриться.

Я признавалъ вѣрность психологическихъ разсужденій Сципіона и старался провѣрить ихъ собственными наблюденіями надъ характеромъ виргинца. Но мнѣ никакъ не удавалось вызвать его на бесѣду. Однажды, грѣясь у огня въ довольно холодный весенній день, я сталъ говорить о чувствѣ равенства, составляющемъ національную черту американцевъ. Онъ давалъ мнѣ уклончивые отвѣты. Когда я спросилъ его, что, по его мнѣнію, даетъ власть надъ людьми, онъ ничего не отвѣтилъ и, покачавъ головой, продолжалъ курить трубку. Я завелъ разговоръ о погодѣ, удивился перемѣнчивости американскаго климата, и высказалъ мнѣніе, что постоянные переходы отъ холода къ теплу вліяютъ на характеръ обитателей страны и, можетъ быть,—прибавилъ я,—благодаря климату, закаляющему характеръ, американцы и стали такими мастерами въ игрѣ въ покеръ.

Какъ бы въ отвѣтъ на мои слова, виргинецъ вдругъ выстрѣлилъ изъ ружья. Пуля скользнула мимо моего плеча. Я вскочилъ съ мѣста, сильно раздосадованный.

— Вотъ первая глупость, которую вы совершили на моихъ глазахъ!—сказалъ я.

— Да,—протяжно сказалъ онъ.—Мнѣ слѣдовало сдѣлать это раньше. Она опять ожила.—Онъ поднялъ змѣю, лежавшую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Она окоченѣла отъ холода и начала оживать отъ солнечныхъ лучей. Теперь онъ отстрѣлилъ ей голову.

XVIII.

Во время остального пути я почти не пытался заводить разговоры съ виргинцемъ. Подъѣзжая къ помѣстью судьи, мы замѣтили большое оживленіе: у судьи были гости. Я предоставилъ виргинца его препирательствамъ съ Трампасомъ и его домашнимъ дѣламъ, и пошелъ къ хозяевамъ. Въ числѣ гостей, которыхъ я засталъ у него, была миссъ Молли Вудъ, а также миссіонеръ Мак' Брайдъ, господинъ съ очень авторитетнымъ и монотоннымъ голосомъ. При моемъ приближеніи, онъ какъ разъ заканчивалъ начатую фразу: „...это дастъ имъ возможность часто слушать проповѣди".

— Конечно, сэръ!—Мнѣ показалось, что судья привѣтствовалъ меня съ особеннымъ жаромъ, радуясь, что мой приходъ положитъ конецъ начатому разговору.—Позвольте вамъ представить доктора богословія, пастора Александра Мак' Брайда.—Докторъ, это гость, котораго мы поджидали,—представилъ меня судья. Въ числѣ гостей были еще м-ръ Огденъ, изъ Нью-Іорка, и его жена,—съ ними я молча раскланялся. Мое появленіе не нарушило, однако, хода разговора.

— Мы, кажется, уже видѣлись,—сказалъ д-ръ Мак' Брайдъ, устремляя на меня начальническій взоръ. Я подумалъ, что если бы небо нуждалось въ полиціи, онъ былъ бы по меньшей мѣрѣ сотникомъ въ небесномъ отрядѣ.—Я видѣлъ васъ верхомъ, когда ѣхалъ сюда,—сказалъ онъ; и я, дѣйствительно, припомнилъ, глядя на него, фигуру всадника, которую замѣтилъ наканунѣ въ дорогѣ.

— Вашъ пріятель,—продолжалъ миссіонеръ, обращаясь къ судьѣ,—отлично ѣздитъ верхомъ. Хорошо бы, если бы люди такъ быстро мчались въ церковь по воскресеньямъ.

— Да,—согласился судья,—это было бы хорошо.

М-съ Генри пробормотала что-то о хозяйскихъ обязанностяхъ и удалилась.

— Меня предупреждали,—продолжалъ д-ръ Мак' Брайдъ,—

когда я предпринялъ эту поѣздку, что я попаду въ одичалую и почти безбожную страну. Но никто мнѣ все-таки не сказалъ, что изъ Медесинъ-Боу я проѣду верхомъ триста миль, не встрѣтивъ ни одной церкви.

Судья объяснилъ ему, что въ сторонѣ отъ пути, по которому онъ ѣхалъ, справа и слѣва, было нѣсколько церквей.—Но вы все-таки, конечно, правы,—прибавилъ онъ.—Не забудьте только, что вы здѣсь въ самой новой части Новаго Свѣта.

Разговоръ на этомъ прервался. Воспользовавшись наступившимъ молчаніемъ, судья отозвалъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ на ухо жалобнымъ голосомъ:—Онъ собирается остаться здѣсь цѣлую недѣлю!

Изъ дальнѣйшихъ словъ судьи я узналъ, что онъ и его жена—въ большомъ затрудненіи. Они очень рады были гостямъ, но не ожидали, что всѣ пріѣдутъ одновременно. Поэтому двоимъ изъ гостей приходилось поселиться вмѣстѣ въ домѣ управляющаго. Этими двумя оказались я и миссіонеръ. Я думалъ, что послѣдній будетъ недоволенъ, но онъ сказалъ хозяйкѣ, что лучше жить вдвоемъ, чѣмъ спать на соломѣ въ конюшнѣ, какъ ему часто приходилось во время миссіонерскихъ поѣздокъ. Мы отправились въ предназначенную намъ комнату, разложили свои вещи и вернулись къ нашимъ хозяевамъ.

М-съ Генри приготовила намъ прекрасный ужинъ, и судья старался изо всѣхъ силъ, чтобы за ужиномъ было нескучно. Онъ усердно подливалъ намъ вина и разсказывалъ безъ конца анекдоты. Мы бы всѣ дѣйствительно веселились, если бы среди насъ не сидѣлъ д-ръ Мак' Брайдъ, который отъ времени до времени тяжеловѣсно произносилъ: „ха-ха"! Миссъ Молли шепнула мнѣ, что смѣхъ его звучитъ какъ изъ бочки.—Что это онъ обдумываетъ?—спросила она меня.—Вѣроятно проповѣди, которыми онъ насъ будетъ угощать въ теченіе недѣли.—Я разсказалъ ей, что въ нашей общей комнатѣ разложены цѣлые вороха проповѣдей.—Господи Боже мой!—сказала она.—Неужели онъ намъ каждый вечеръ будетъ читать проповѣдь?—Я утѣшилъ ее.—Нѣтъ, онъ вѣроятно только привезъ всѣ свои проповѣди, чтобы выбрать для насъ лучшую и показаться передъ нами въ самомъ выгодномъ свѣтѣ.—Она успокоилась и сказала, какое впечатлѣніе произвелъ на нее пасторъ.—Знаете, когда я въ первый разъ услышала его, мнѣ его голосъ показался сердечнымъ. Но потомъ я убѣдилась, что голосъ этотъ только воинственный. Докторъ Мак' Брайдъ никогда не можетъ тронуть слушателя,—все время кажется, что онъ ведетъ какую-то войну.

— Онъ найдетъ здѣсь очень закоренѣлаго язычника, сказалъ я.

— Судью Генри?

— Нѣтъ, того дикаря, котораго вы укрощаете. Могу вамъ сообщить, что онъ привезъ „Кенильвортъ“ въ сохранности.

У нея былъ невозмутимый видъ.—Не такъ-то легко приручить его,—сказала она.—Но не правда ли, онъ очень уменъ?

Я вдругъ понялъ, что она вовсе не хотѣла приручить его. Но что же она собственно хотѣла? Онъ краснѣлъ при всякомъ упоминаніи о ней,—она же совершенно спокойно говорила о немъ.

По общему смѣху за столомъ я понялъ, что судья закончилъ свой излюбленный анекдотъ о „единственномъ оставшемся въ живыхъ свидѣтелѣ“.

— Такимъ образомъ,—заключилъ судья,—всѣ они разбѣжались какъ безумные, именно потому, что не произошло избіенія.— Всѣ гости хохотали, и черезъ нѣсколько секундъ раздалось запоздавшее тяжеловѣсное „ха-ха!“ пастора, упавшее какъ тяжелый камень на общую веселость.

— Я никакъ бы не выдержала семи его проповѣдей,—сказала мнѣ миссъ Вудъ.

— Кстати объ избіеніяхъ,—вмѣшался я въ общій разговоръ: —я недавно самъ едва уцѣлѣлъ отъ подобной катастрофы.

Судья, исчерпавшій всѣ свои средства для увеселенія гостей, сталъ умолять меня разсказать о случившемся.

— Серьезно говоря, мы были на краю трагическихъ происшествій, но вашъ замѣчательный управляющій искусно превратилъ трагедію въ комедію.

Всѣ съ интересомъ стали внимать моимъ словамъ, и я разсказалъ подробно обо всемъ, что произошло съ той минуты, какъ виргинецъ сбросилъ съ поѣзда повара, о томъ, какъ назрѣвалъ мятежъ, и какъ виргинецъ побѣдилъ его своей находчивостью и юморомъ, такъ что гроза разразилась смѣхомъ.

Всѣ внимательно слѣдили за моимъ разсказомъ: нью-іоркскіе гости—потому что подобныя происшествія рѣдко случаются на берегахъ Гудсона; м-съ Генри—потому что, въ качествѣ хозяйки, хотѣла быть любезной; миссъ Вудъ—по какимъ-то своимъ причинамъ; я не видѣлъ ея глазъ, но чувствовалъ, что она очень напряженно внимала разсказу о поступкахъ человѣка, котораго не хотѣла укрощать. Но наибольшее вниманіе отражалось во взглядахъ судьи и миссіонера, и оба они выяснили свое отношеніе къ моему разсказу. Судья стукнулъ кулакомъ объ столъ. —Я зналъ это!—сказалъ онъ и откинулся на спинку стула съ

видимымъ удовлетвореніемъ. Онъ радъ былъ, что довѣріе его къ виргинцу оправдалось на дѣлѣ.

— Простите меня, — произнесъ, обращаясь ко мнѣ, д-ръ Мак' Брайдъ, и такъ проговорилъ эти слова, что никакъ нельзя было простить ему.

Судья взглянулъ на него вопросительно.

— Насколько я понялъ, эти погонщики хотѣли поднять мятежъ, и смирились, увидавъ, что не умѣютъ такъ искусно лгать, какъ человѣкъ, власть котораго они хотѣли свергнуть.

— Видите ли, сэръ,—отвѣтилъ я ему, скрывая свое возмущеніе:—онъ обнаружилъ совершенно другія качества и способности въ томъ, что вы называете его лганьемъ.

— А какъ же мнѣ это иначе назвать? Произошелъ турниръ въ искусствѣ выдумывать, и онъ—я съ этимъ согласенъ—одержалъ побѣду надъ другими.

— Оставьте его!—шепнула мнѣ миссъ Вудъ:—онъ, все равно, ничего не понимаетъ.

Судья тоже вмѣшался въ разговоръ:—Видите ли, докторъ...—началъ онъ.

М-ръ Огденъ пришелъ ему на помощь.—Вы сами объяснили, въ чемъ тутъ дѣло, докторъ,—сказалъ онъ:—произошло состязаніе,—провѣрка силы—не все ли равно на чемъ.

— Да,—неожиданно проговорила миссъ Вудъ.—Даже Георгъ Вашингтонъ могъ сказать неправду въ случаѣ нужды. Если бы онъ задался цѣлью выдумать что-нибудь, то навѣрное сдѣлалъ бы это лучше Корнваллиса.

— Для меня ясенъ весь ходъ дѣла, — продолжалъ Огденъ. —Люди были мрачно настроены. Управляющій сердилъ ихъ своимъ поведеніемъ. Тогда онъ надоумилъ ихъ разсказывать выдумки, и самъ потомъ одурачилъ ихъ. Убѣдившись въ этомъ, они сразу присмирѣли:—ничто такъ не расхолаживаетъ, какъ смѣхъ.

Д-ръ Мак' Брайдъ задумался, отыскивая самый сильный аргументъ въ свою пользу.—Извините меня,—сказалъ онъ,—я не могу стать на такую точку зрѣнія. У насъ въ странѣ и такъ царитъ духъ легкомыслія. Какъ бы вы ни оправдывали этого человѣка, все-таки я вижу только одно: происходила борьба между людьми, и побѣдителемъ оказался умѣющій искуснѣе врать. Гораздо лучше, если бы дѣло честно рѣшили пули. Война — не худшее изъ золъ.

Докторъ оглядѣлъ насъ побѣднымъ взоромъ. Но никто изъ насъ не задрожалъ, а если бы и задрожалъ, то не отъ страха. М-съ Генри поспѣшила отклонить разговоръ на другую тему,

и заговорила о ловлѣ форелей. Д-ръ Мак' Брайдъ очень любилъ этотъ спортъ, и обрадовался, когда ему сообщили, что рѣки въ помѣстьѣ судьи изобилуютъ форелями. Такимъ образомъ бесѣда отклонилась отъ опасной темы, и ужинъ окончился въ миролюбивомъ настроеніи.

XIX.

— И часто у васъ бываютъ подобныя посѣщенія?—спросилъ Огденъ у судьи Генри.

Нашъ хозяинъ угощалъ насъ виски въ столовой, а докторъ Мак' Брайдъ, пока мы курили, разставшись съ дамами, отправился въ свое помѣщеніе въ домѣ управляющаго, чтобы приготовиться къ предстоявшему богослуженію.

Судья разсмѣялся.

— Наѣзжаютъ нѣсколько разъ въ годъ,—сказалъ онъ.—Я люблю, когда пріѣзжаетъ епископъ. И люди всегда бываютъ довольны. Но я боюсь, что нашъ другъ едва-ли имъ понравится.

— Вы не предполагаете, однако, чтобы они стали...

— О, нѣтъ. Они сохранятъ полное спокойствіе. У нихъ фактически гораздо лучшія манеры, чѣмъ у него. Но чтобы онъ принесъ имъ пользу...

— Я сомнѣваюсь въ его научныхъ познаніяхъ, — замѣтилъ я.

— Научныя познанія! Онъ даже не знаетъ, что такое христіанство. Нашъ миссіонеръ никогда не пойметъ, что одной изъ основъ христіанства является чувство, заставляющее относиться ко всѣмъ людямъ какъ къ братьямъ.

Раздался довольно сильный стукъ въ дверь, и мы всѣ со страхомъ подумали, что это докторъ Мак' Брайдъ. Но когда судья отворилъ дверь, то въ темнотѣ обрисовалась фигура виргинца.

— Наконецъ-то вы вернулись!—сердечнымъ тономъ воскликнулъ судья Генри.

— Вернулся, чтобы ѣхать опять,—отвѣчалъ табунщикъ, и они пожали другъ другу руку.

Огденъ подтолкнулъ меня локтемъ.

— Это тотъ самый молодецъ, который вытолкнулъ повара съ поѣзда?—спросилъ онъ, разглядывая виргинца.

Я утвердительно кивнулъ головой.

Судья Генри, придерживавшійся демократическихъ взглядовъ, представилъ своего служащаго Огдену.

Уроженецъ Нью-Іорка тоже захотѣлъ выказать себя демократомъ.

— Вы тотъ человѣкъ, о которомъ мнѣ разсказывали цѣлую кучу разныхъ разностей?—произнесъ онъ.

Но фамильярность не есть равенство.

— Къ сожалѣнію, я не имѣлъ случая слышать о васъ, сэръ,—отвѣчалъ очень вѣжливо виргинецъ.—Прикажете мнѣ выѣхать завтра?—продолжалъ онъ, снова переводя свои серьезные глаза на судью. На меня онъ не обратилъ никакого вниманія. Онъ явился какъ служащій къ своему хозяину.

— Да, да,—отвѣчалъ Генри,—завтра я васъ разспрошу о скотѣ. Но войдите на минуту. Тутъ есть одно дѣло...—Виргинецъ вошелъ въ комнату и снялъ шляпу. — Садитесь. У васъ были непріятности... я уже кое-что слышалъ,—продолжалъ судья.

Виргинецъ граціознымъ движеніемъ опустился на стулъ, сохраняя прежнюю серьезность, не выпуская изъ рукъ шляпы и недружелюбно поглядывая на меня и на Огдена.

— У васъ были непріятности?—повторилъ судья.

— Да, было время, когда, можетъ быть, объ этомъ и стоило говорить. Они славные ребята!—и онъ слегка улыбнулся.

Выраженіе удовольствія въ лицѣ судьи усилилось.

— Трампасъ тоже славный малый?

Улыбка виргинца исчезла, и онъ въ упоръ посмотрѣлъ на своего хозяина. Тотъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Вы привезли ихъ всѣхъ обратно въ цѣлости?

Виргинецъ опустилъ глаза на свою шляпу и снова поднялъ ихъ на судью.

— Мнѣ пришлось разстаться съ поваромъ,—произнесъ онъ и, взглянувъ на меня какъ бы съ упрекомъ, прибавилъ:—я полагаю, что вамъ это уже извѣстно.

— Да, и я нахожу, что вы поступили правильно.

— Благодарю васъ,—сказалъ виргинецъ и сдѣлалъ движеніе, намѣреваясь встать.

— Я еще не кончилъ,—произнесъ судья;—вотъ что я хотѣлъ сказать вамъ: мнѣ кажется, Трампасъ узналъ неожиданную для него новость... относительно Робертса.

Выраженіе торжества промелькнуло въ лицѣ южанина, придавъ ему на мгновеніе что-то дикое, но онъ ничего не сказалъ.

— Дѣло въ томъ,—пояснилъ судья, обращаясь ко мнѣ,—что мнѣ пришлось на прошлой недѣлѣ отпустить моего управляющаго. Его женѣ нельзя было жить здѣсь зимою, и онъ получилъ хорошее мѣсто возлѣ Лосъ-Анжелесъ.

Теперь мнѣ все стало ясно. Судья былъ очень ловкій человѣкъ. Онъ понялъ отношеніе Трампаса къ виргинцу и то, что въ лицѣ Робертса Трампасъ терялъ могущественнаго друга. Теперь у него не было больше посредника и защитника, и онъ становился лицомъ къ лицу съ виргинцемъ.

— Такимъ образомъ, — заключилъ судья, — я остался безъ управляющаго въ самое неподходящее для этого время. Вотъ развѣ,—и онъ подмигнулъ мнѣ, прежде чѣмъ повернуться къ виргинцу,—вотъ развѣ вы согласитесь взять на себя эту обязанность. Хотите?

Я видѣлъ, какъ одна рука виргинца замерла, сжимая шляпу, а другая стала медленно комкать ея мягкую тулью. Въ этомъ предложеніи заключалось для него многое: и повышеніе, и матеріальное обезпеченіе, и отдѣльный домъ, а главное, оно, быть можетъ, приближало его хоть на одинъ шагъ къ любимой имъ женщинѣ. Не знаю, что̀ сказалъ бы онъ судьѣ, еслибы находился съ нимъ наединѣ. При насъ онъ произнесъ только:

— Благодарю васъ.

— Ну, вотъ, для меня это большое облегченіе! — воскликнулъ судья, вставая.—Тотчасъ же можете вступить въ отправленіе вашихъ обязанностей. Переселяйтесь изъ помѣщенія для служащихъ. Эти джентльмены разрѣшатъ вамъ ночевать въ вашемъ собственномъ домѣ.

И онъ съ веселой и шутливой улыбкой отпустилъ своего новаго управляющаго. Но новый управляющій, уже выйдя изъ дверей, вдругъ вернулся опять, чтобы произнести отрывисто, почти рѣзко:

— Я постараюсь угодить вамъ.

Послѣ этого онъ быстро ушелъ. Я разглядѣлъ на фонѣ освѣщенныхъ оконъ, какъ онъ ловко перепрыгнулъ черезъ заборъ, направляясь къ помѣщенію для служащихъ. Вскорѣ оттуда донеслись радостные возгласы и выстрѣлы. Это табунщики узнали о случившемся и привѣтствовали своего новаго начальника.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, стрѣляетъ ли также и Трампасъ?—сказалъ Огденъ.

— Гмъ,—произнесъ судья,—въ эти подробности я не вхожу и умываю руки... А вотъ и докторъ Мак' Брайдъ.

XX.

Въ душѣ миссіонера уже скоплялись громы небесные, но насъ онъ еще озарялъ солнечнымъ сіяніемъ.

— Мнѣ, право, очень совѣстно, что я перевертываю у васъ все вверхъ дномъ,—произнесъ онъ съ важностью,—но вашъ домъ —наиболѣе подходящее мѣсто для моей службы.

И онъ сталъ говорить о томъ, что надо отодвинуть столы и придвинуть стулья въ помѣщеніи, гдѣ должна была разразиться буря его краснорѣчія. До начала оставалось двадцать минутъ. Мы бросили наши недокуренныя сигары и вернулись къ дамамъ, чтобы предложить имъ наши услуги. Но онѣ справились и безъ насъ, и въ залѣ все уже было готово.

— Онъ объявилъ, на какой текстъ будетъ говорить проповѣдь?—спросила, подходя къ намъ, Молли Вудъ.—Я выбрала для него подходящій текстъ,—и, ставъ на цыпочки, она прошептала каждому изъ насъ на ухо комическимъ тономъ: — „Рекъ я въ поспѣшности своей,—всѣ люди лжецы".

Всѣ засмѣялись, и я оставилъ дамъ, чтобы посмотрѣть, что дѣлалось въ помѣщеніи для служащихъ. Табунщики готовились къ церковной службѣ—причесывались, брились и мылись среди разговоровъ и шутокъ, иногда довольно кощунственныхъ.

— Въ концѣ концовъ я, какой ни-на-есть, а все-таки—христіанинъ,—объявилъ одинъ.

— По нѣкоторымъ соображеніямъ сдается мнѣ, что я—мормонъ,—замѣтилъ другой.

— А я—магометанинъ,—заявилъ третій,—и надѣюсь, что мнѣ не придется услыхать ничего для меня оскорбительнаго.

Шутки въ такомъ родѣ продолжались, и только Трампасъ не принималъ въ нихъ участія. Онъ лежалъ на кровати, читалъ газету и совсѣмъ не старался быть любезнымъ.

Въ это время появился сіяющій Сципіонъ. Онъ помогалъ виргинцу перебраться изъ дома для служащихъ въ помѣщеніе для управляющаго, а самъ долженъ былъ занять его кровать.

— Надѣюсь, частица его счастья перейдетъ ко мнѣ,—сказалъ Сципіонъ.—Посмотрѣли бы вы, что было, когда онъ сообщилъ намъ о своемъ назначеніи,—онъ слегка вздохнулъ;—хорошо, должно быть, чувствуется человѣку, когда друзья такъ радуются за него.

— Особенно Трампасъ, — сказалъ я и прибавилъ: — судьѣ уже все извѣстно.

— Извѣстно? Что же онъ говоритъ?—Сципіонъ быстро увелъ меня изъ помѣщенія для служащихъ.

— Говоритъ, что не станетъ входить въ подробности и умываетъ руки.

— А какъ онъ узналъ? Вы сказали!—тотчасъ же догадался

Сципіонъ.—*Онъ* никогда бы не сказалъ,—прибавилъ онъ, указывая запрокинутымъ большимъ пальцемъ на освѣщенное окно, въ которомъ показалась фигура виргинца.

— Онъ не любитъ впутывать другихъ въ свои дѣла, даже не намекнулъ ни о чемъ судьѣ, это на него похоже, и вотъ вы увидите, какъ онъ поступитъ съ Трампасомъ. Держите ухо востро̀ и присматривайтесь къ окружающему.

— Да почему вы знаете, что должно что-то случиться?

— Я не выдержалъ и прямо спросилъ его, когда тащилъ въ дверь сундукъ, и онъ мнѣ прямо отвѣтилъ. Присматривайтесь къ окружающему. Я больше ничего не могу вамъ сказать,— это было бы нечестно съ моей стороны.

Легко понять, что послѣ такого разговора я не понялъ ни одного слова изъ молитвъ и отрывковъ священнаго писанія, которые читалъ докторъ Мак' Брайдъ. Я опомнился и сообразилъ, что нахожусь нѣкоторымъ образомъ въ церкви, только когда онъ развернулъ рукопись, заключавшую его проповѣдь. Я сидѣлъ въ первомъ ряду, но сбоку, возлѣ стѣны, такъ что отлично могъ видѣть всѣхъ табунщиковъ. Если м-съ Огденъ надѣялась увидать отчаянныхъ смѣльчаковъ съ пистолетами и кинжалами, то ее ожидало полное разочарованіе. Это были самые обыкновенные молодые люди, скромные и вѣжливые. Только сильный загаръ свидѣтельствовалъ объ ихъ образѣ жизни.

Докторъ Мак' Брайдъ выбралъ не тотъ текстъ, который изобрѣла для него миссъ Вудъ.

— „Нечестивцами стали они всѣ; нѣтъ ни единаго творящаго благо, нѣтъ ни единаго",—проговорилъ онъ громко и обвелъ присутствовавшихъ взглядомъ, ясно говорившимъ, что они не составляли исключенія изъ общаго правила. Онъ еще разъ повторилъ текстъ и, развивая первоначальную мысль, не оставилъ намъ ни единаго луча надежды. Табунщики узнали изъ проповѣди, что не только они не могли творить добро, но что еслибъ и стремились къ этому, то, все равно, это ничему бы не помогло. Они были обречены проклятію еще до рожденія, еще до существованія Адама. Объявивъ имъ это, миссіонеръ пригласилъ ихъ прославить имя Создателя и восхвалить Господа, проклявшаго ихъ. Все это было доказано логически. Громоздя камень на камень, строилъ онъ черное зданіе своего богословія, исключая изъ него и солнце, и цвѣты, и радость.

Епископъ имѣлъ обыкновеніе попросту бесѣдовать съ табунщиками объ ихъ трудовой тяжелой жизни и представлявшихся имъ искушеніяхъ, и если имъ случалось падать, онъ го-

ворилъ имъ о любви и прощеніи. Но этому миссіонеру не было дѣла до ихъ жизни. Догматъ былъ для него всѣмъ, а бѣдное человѣчество являлось только цѣлью для ударовъ, наносимыхъ догматомъ.

Изъ всѣхъ слушателей проповѣдь повидимому произвела впечатлѣніе только на одного виргинца. Онъ не спускалъ глазъ съ проповѣдника и не проронилъ ни одного слова.

По окончаніи проповѣди, миссіонеръ поговорилъ о ловлѣ форели и о томъ, что въ окрестностяхъ появились индѣйцы, и, пожелавъ намъ спокойной ночи, рано ушелъ спать.

— Свезти мнѣ его, что-ли, рыбу ловить, — меланхолично проговорилъ судья.

— Да, мой другъ, свези, — отвѣчала его жена,—а я буду поить его чаемъ въ продолженіе шести дней.

— Иначе,—замѣтилъ Огденъ,—на васъ донесутъ, что вы—враги религіи.

— Съ людьми я умѣю ладить, — сказалъ судья,—но слоны меня положительно подавляютъ.

Въ помѣщеніи для служащихъ табунщики укладавались спать и обмѣнивались замѣчаніями по тому же поводу.

— Вы вѣрите, что дѣти пойдутъ въ адъ?

— Конечно, нѣтъ.

— Если онъ правду говоритъ, такъ я останусь мормономъ.

— А я перестану бѣгать отъ соблазновъ.

— Конечно, лучше попасть въ пекло послѣ веселой жизни, чѣмъ послѣ скучной, и т. п.

Когда я пришелъ въ помѣщеніе новаго управляющаго, въ его комнатѣ было тихо и темно. Не оставалось сомнѣнія въ томъ, что и докторъ Мак' Брайдъ спалъ. Я улегся и скоро заснулъ, несмотря на это неудобное сосѣдство.

Меня разбудилъ голосъ виргинца. Онъ стоялъ, нагнувшись надъ миссіонеромъ, и замѣтивъ, что я проснулся, извинился за причиненное мнѣ безпокойство.

— Кто вы такой? Берегитесь! При мнѣ есть оружіе!—воскликнулъ, вскакивая, миссіонеръ.

— Можете положить ваше ружье, сэ. Я чувствую, какъ будто духъ во мнѣ готовъ начать свидѣтельствовать. Какъ будто на меня находитъ просвѣтленіе.

Онъ употреблялъ выраженія изъ только-что слышанной проповѣди. Докторъ всталъ, зажегъ лампу, взялъ какую-то книгу и прошелъ съ виргинцемъ въ его комнату. Черезъ нѣсколько времени онъ вернулся, потушилъ лампу и улегся. Я началъ засы-

пать, какъ вдругъ дверь скрипнула, и виргинецъ очутился возлѣ кровати миссіонера.

— Вы не спите, сэ?

— Что̀? Что̀ такое?

— Простите, сэ, но врагъ одолѣваетъ меня. Я не чувствую въ себѣ довольно силы, чтобы бороться съ грѣхомъ.

Снова была зажжена лампа, и опять въ сосѣдней комнатѣ были слышны увѣщеванія. Укладываясь черезъ часъ въ постель, докторъ вздохнулъ. Вскорѣ я задремалъ, и меня разбудилъ свѣтъ лампы. Это докторъ въ третій разъ возвращался отъ виргинца. Прежде чѣмъ потушить лампу, онъ взглянулъ на часы, и я освѣдомился, который часъ.

— Три,—отвѣчалъ онъ.

Черезъ нѣсколько времени изъ комнаты виргинца раздался стонъ:

— Мнѣ страшно быть одному! Я боюсь, я боюсь. Чувствую, какъ грѣхъ проникаетъ въ мои нѣдра...

Опять докторъ зажегъ лампу и ушелъ.

На этотъ разъ ихъ бесѣда продолжалась дольше прежняго. Уже окно стало сѣрымъ и начали выдѣляться очертанія мебели. За окномъ раздавались голоса птицъ, цыплятъ, нетерпѣливое постукиваніе лошадиныхъ копытъ и мычанье коровы, искавшей своего теленка. Я взглянулъ на часы. Было шесть часовъ утра. Значитъ, я провелъ въ постели около семи часовъ, а докторъ провелъ около семи часовъ внѣ постели. Дверь отворилась, и онъ вошелъ съ лампой и книгой въ рукахъ. Онъ слегка дрожалъ, и я замѣтилъ, съ какимъ вожделѣніемъ взглядъ его прильнулъ къ постели, но за нимъ слѣдовалъ виргинецъ. Они представляли удивительную пару въ своихъ ночныхъ костюмахъ. Виргинецъ— сухощавый и стройный, какъ породистая лошадь, а миссіонеръ— съ большимъ животомъ, жирный и неповоротливый.

— Вы скоро пойдете завтракать и къ дамамъ, сэ,—скромно проговорилъ виргинецъ, — а я буду мучиться безъ васъ цѣлый день. Но я надѣюсь, что ночью...

Я зарылъ лицо въ подушку, но все-таки не могъ удержаться и сталъ испускать звуки, похожіе на крикъ курицы, снесшей яйцо.

Я услышалъ голосъ миссіонера. Онъ старался говорить спокойно:

— Какая гнусность. Какое недостойное поведеніе. Никогда въ жизни мнѣ не приходилось...

Я повернулъ голову и, увидавъ несоотвѣтствіе его важнаго

вида съ безпорядкомъ костюма, сталъ издавать клохтанье двѣнадцати несущихся куръ. Виргинецъ не выдержалъ. Онъ убѣжалъ въ свою комнату и бросился на полъ, закрывъ голову руками, а докторъ захлопнулъ за нимъ дверь. Я плакалъ отъ смѣха и ждалъ, что миссіонеръ убьетъ меня. Изъ-за двери до меня доносились конвульсивныя движенія виргинца, а рядомъ— злобныя движенія поспѣшно одѣвавшагося доктора. Я боялся взглянуть на него, и выглянулъ только, услыхавъ его удаляющіеся шаги. Онъ выходилъ изъ комнаты съ чемоданомъ въ рукахъ. Я лежалъ измученный и раскисшій отъ хохота, когда отворилась дверь изъ комнаты виргинца, и онъ появился умытый и одѣтый. Только въ его глазахъ еще продолжали прыгать дьяволы. Я никогда не видывалъ никого болѣе красиваго.

— Что̀ вы надѣлали!—сказалъ я:—онъ уложился, и сейчасъ навѣрное уѣдетъ.—Виргинецъ выглянулъ въ окно.

— Да, въ самомъ дѣлѣ уѣзжаетъ; но я, конечно, не побѣгу за нимъ. Скатертью дорога!

Онъ подошелъ и сѣлъ на край моей кровати.

— Дѣйствительно, вѣдь было досадно сидѣть битый часъ и слушать, какъ васъ называютъ и нечестивцемъ, и свиньей. И И все это какъ разъ послѣ того, какъ совершилъ поступокъ, который всякій близко стоящій человѣкъ назоветъ вполнѣ честнымъ и чистымъ...

— Трампасъ!—не удержавшись, воскликнулъ я.

— Я пріѣхалъ сюда, и разныя у меня въ головѣ бродили мысли. Ни одну изъ нихъ нельзя было назвать христіанской. Но когда судья поговорилъ со мной... вы вѣдь слышали, — я передумалъ...

Звукъ шаговъ за дверью заставилъ его замолчать.

— Съ добрымъ утромъ! — проговорилъ Трампасъ, входя и не глядя на насъ.

Мы отвѣтили на его привѣтствіе.

— Кажется, я опоздалъ съ поздравленіемъ,—сказалъ Трампасъ угрюмо.

Виргинецъ взглянулъ на часы.

— Еще только половина седьмого,—замѣтилъ онъ.

Трампасъ сталъ еще угрюмѣе.

— Всѣхъ, я думаю, поздравляютъ съ повышеніемъ, — произнесъ онъ.

— Конечно, и я не забуду, насколько я обязанъ вамъ моимъ повышеніемъ.

— Я пришелъ сюда не для того, чтобы просить прощенія, —проговорилъ Трампасъ и фыркнулъ.

— Развѣ вы когда-нибудь чувствовали потребность въ чемъ-нибудь подобномъ?—произнесъ невозмутимымъ тономъ виргинецъ.

Трампасъ увидалъ, что этимъ путемъ онъ ничего не добьется.

— О, вѣдь у меня за спиною не было судьи. Я слышалъ, что вы сегодня утромъ хотѣли расплачиваться съ ребятами, и пришелъ за разсчетомъ.

— Вы хотите уйти отъ насъ?—спросилъ новый управляющій. —А чѣмъ же вы недовольны?

— Я не хочу ждать, чтобы меня выгнали въ шею,—лучше самъ уйду.

Виргинецъ переложилъ одну ногу на другую, отклонился немного назадъ и разсмѣялся.

— Идите-ка и принимайтесь за свою работу, Трампасъ, если вамъ не на что больше жаловаться. Вы говорили о моемъ повышеніи. Это вѣрно, мнѣ посчастливилось, но, можетъ быть, посчастливилось не мнѣ одному.

Вотъ что̀ зналъ, но отказался сообщить мнѣ Сципіонъ. Ему хотѣлось, чтобы я самъ былъ свидѣтелемъ благороднаго поступка виргинца.

Трампасъ ушелъ, пробормотавъ что-то, чего я не могъ разслышать, и виргинецъ послѣдовалъ за нимъ, сказавъ мнѣ на прощанье:

— Вы опоздаете къ завтраку.

Дамы были нѣсколько скандализованы поступкомъ виргинца съ миссіонеромъ, но зато судья не скрывалъ своего восторга. Миссъ Молли Вудъ ничего не сказала, но послѣ завтрака отправилась удить рыбу въ сопровожденіи виргинца. Я поѣхалъ съ ними, рѣшивъ очень скоро избавить ихъ отъ своего присутствія.

— А вѣдь это хорекъ,—сказалъ я, замѣтивъ маленькое, хорошенькое животное, пробиравшееся какъ разъ передъ нами, возлѣ густого кустарника.

— Ахъ, гдѣ, гдѣ? Я боюсь! — воскликнула Молли и при этомъ по истинѣ женскомъ возгласѣ виргинецъ посмотрѣлъ на молодую дѣвушку съ такой улыбкой, что, на ея мѣстѣ, я, ни минуты не колеблясь, призналъ бы себя его собственностью. Но на миссъ Вудъ этотъ взглядъ произвелъ гораздо менѣе сильное впечатлѣніе, или она просто сдѣлала видъ, что не замѣтила его.

Я уже разстался съ ними и удилъ въ одиночествѣ, когда до меня долетѣли слѣдующія слова:

— Вы все еще не имѣете сказать мнѣ ничего особеннаго?

— Нѣтъ, имѣю. Мнѣ до сихъ поръ никто еще не нравился такъ, какъ вы, но я надѣюсь, что это случится.—Больше словъ не было слышно, и только звукъ голосовъ долеталъ до меня сквозь шумъ потока.

XXI.

Пребываніе супруговъ Огденъ въ „Медвѣжьей-Рѣкѣ“ и ихъ разговоры произвели на Молли Вудъ такое же впечатлѣніе, какъ еслибы къ птицѣ, живущей случайно среди чуждыхъ ей породъ, вдругъ прилетѣли птицы одной съ нею породы. Дѣло виргинца отъ этого, конечно, значительно проиграло. Отношеніе къ нему молодой дѣвушки не дошло еще до той стадіи развитія, когда отсутствіе усиливаетъ любовь, и поэтому, встрѣтясь съ нимъ послѣ долгой разлуки, она сказала ему такъ легко и свободно, что надѣется встрѣтить человѣка, который понравится ей больше, чѣмъ онъ. Огдены и не подозрѣвали, что явились союзниками Молли Вудъ въ ея жестокой борьбѣ съ своимъ собственнымъ чувствомъ. Она часто ѣздила къ нимъ въ „Глубокую-Рѣку“, разговаривала и вспоминала о своей прежней жизни, находила общихъ знакомыхъ и общіе интересы. Ея стремленіе найти союзниковъ и стараніе вызвать прошлое для борьбы съ настоящимъ могли служить хорошими признаками для молодого человѣка. Очевидно, она боялась своего противника и сознавала его силу. Но, къ сожалѣнію, многочисленныя служебныя обязанности виргинца отвлекали его отъ его сердечныхъ дѣлъ. Онъ обѣщалъ судьѣ Генри, что постарается угодить ему, и теперь хлопоталъ о томъ, чтобы слова перешли въ дѣло. Онъ не зналъ, что уже вполнѣ угодилъ судьѣ, и что Генри не могъ только рѣшить, какой изъ двухъ поступковъ новаго управляющаго ему больше нравится: его остроумное поведеніе съ миссіонеромъ или его великодушіе относительно Трампаса. Многочисленныя дѣла не позволяли виргинцу видаться наединѣ съ любимой дѣвушкой, и какъ разъ въ это время миссъ Молли собралась съѣздить на родину въ компаніи Огденъ. Было гораздо пріятнѣе путешествовать съ друзьями, чѣмъ одной. Всѣ были такъ довольны занятіями миссъ Вудъ въ школѣ, что охотно дали ей отпускъ.

— Нѣтъ, книгъ мнѣ больше не нужно до вашего возвращенія,—сказалъ огорченный виргинецъ, прощаясь съ нею.—Мы обмѣнялись ролями,—прибавилъ онъ:—тотъ разъ я уѣзжалъ, а вы оставались.

— Да, это правда,—отвѣчала она, — но вы теперь заняты болѣе, чѣмъ когда-либо; и у васъ не хватитъ свободнаго времени, чтобы тосковать обо мнѣ.

Она дѣлала ему больно, и ее радовало сознаніе, что она одна имѣетъ эту власть надъ нимъ, но онъ постарался отпарировать ея ударъ.

— Слѣдующій разъ ни одинъ изъ насъ не останется,—сказалъ онъ:—мы оба поѣдемъ вмѣстѣ.

И при этомъ такъ посмотрѣлъ на нее, что она долго сидѣла задумавшись въ вагонѣ, и все ей слышался его голосъ и мерещились его глаза.

Въ Беннингтонѣ Молли Вудъ встрѣтили съ распростертыми объятіями; знакомые давали обѣды въ честь ея пріѣзда, и она нѣсколько разъ ѣздила кататься верхомъ съ Самомъ Баннеттомъ. Ей хотѣлось повидать всѣ любимыя съ дѣтства знакомыя мѣста.

— Какъ здѣсь хорошо! — восклицала она иногда, любуясь деревьями какого-нибудь лѣса, и потомъ прибавляла задумчиво:— но, конечно, всего интереснѣе быть въ такомъ лѣсу, гдѣ можно повстрѣчаться съ медвѣдемъ или оленемъ!—или же говорила:— Какое это милое мѣстечко,—такъ напоминаетъ одно мѣсто въ „Медвѣжьей Рѣкѣ“! Только, конечно, здѣсь нѣтъ такого чистаго воздуха.

— Я не забылъ васъ,—сказалъ Самъ,—а вы, помните ли вы обо мнѣ? Или: съ глазъ долой—изъ сердца вонъ?

Молли отвѣчала, что всѣхъ отлично помнитъ. Въ Дунбартонѣ старая двоюродная бабушка долго держала Молли за руку, глядя ей въ лицо, и наконецъ сказала:

— Ты очень измѣнилась.

— Я постарѣла на годъ,—замѣтила молодая дѣвушка.

— Пустяки, моя милая! Ты мнѣ лучше скажи, кто онъ?

— Никто!—съ негодованіемъ воскликнула Молли.

— Тогда бы ты такъ не закричала, —замѣтила старушка.

Молодая дѣвушка спрятала лицо ей въ колѣни.

— Мнѣ кажется, я никого не могу любить, кромѣ себя самой,—сказала она. Старая лэди, въ юности своей встрѣчавшаяся съ Лафайетомъ, стала нѣжно гладить склоненную къ ней головку и не задавала больше вопросовъ, потому что поняла болѣе, чѣмъ на половину.

— Я очень стара,—сказала она,—но отлично все помню. Онъ былъ смѣлый и красивый, но они не хотѣли меня за него выдать, потому что у него не было состоянія. А я любила его; только, должно быть, надо было любить еще сильнѣе. Я обѣщала

ему, что не забуду его; онъ уѣхалъ на своемъ кораблѣ, и этотъ корабль и онъ погибли.—Голосъ старушки зазвучалъ медленно и тихо. — Еслибъ я... еслибъ... можетъ быть, и тогда онъ погибъ бы, но это было бы уже послѣ... Если можешь не выходить замужъ, не выходи ни за что; но если не въ силахъ разстаться съ человѣкомъ, не слушайся никого, кромѣ голоса любви. Я знаю, дорогая, что твой выборъ не можетъ быть недостоинъ Старковъ. А теперь покажи мнѣ его портретъ. Навѣрное ты привезла его вмѣстѣ съ фотографіями западныхъ мѣстностей, которыя показывала намъ вчера.

Догадливость старой бабушки загипнотизировала Молли. Она покорно встала и принесла фотографію виргинца. Онъ былъ снятъ въ своемъ характерномъ костюмѣ, съ пистолетомъ за поясомъ и лассо въ рукахъ.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнула старушка.

Молли молчала, но въ ея глазахъ появилось враждебное выраженіе.

— Господи!—повторила старая лэди:—и неужели такой человѣкъ могъ осмѣлиться...

— Онъ совсѣмъ не такой. То-есть, онъ именно такой,—сказала Молли, и хотѣла выхватить фотографію изъ рукъ бабушки, но та не дала ей.

— Я надѣюсь,—произнесла она,—что выпадаютъ дни, когда онъ никого не убиваетъ.

— Онъ никогда никого не убиваетъ!—со смѣхомъ воскликнула Молли.

— Милая моя, ты просто влюбилась въ его костюмъ.

— Совсѣмъ не въ костюмъ. И я нисколько не влюбилась. Онъ очень часто одѣвается иначе и носитъ бѣлый воротникъ, какъ всякій другой.

— Вотъ такъ бы ему и снятся. Не можетъ же онъ явиться сюда въ такомъ видѣ. Я бы сама не могла его принять.

— Онъ никогда не думаетъ о такихъ вещахъ. Вы говорите о немъ, какъ о какомъ-нибудь дикарѣ.

Старая лэди внимательно разглядѣла фотографію.

— У него хорошее лицо,—сказала она наконецъ.—Онъ въ самомъ дѣлѣ такъ красивъ, какъ на портретѣ?.. — и прощаясь съ внучкой, она проговорила:—Да благословитъ и да сохранитъ тебя Богъ, дитя мое. Я не стану тебя оберегать, какъ они меня оберегали. Ты никогда не дѣлала ничего недостойнаго Старковъ. И если ты рѣшила его взять, то сдѣлай это, пока еще я жива,

чтобъ я могла привѣтствовать васъ обоихъ. Господь съ тобою, дитя мое!

Проводивъ молодую дѣвушку, старушка задумалась.

„Она—какъ всѣ мы. Она хочетъ, чтобъ мужъ ея былъ настоящій мужчина, въ лучшемъ значеніи этого слова".

Никому изъ семьи старушка ни слова не сказала о своемъ разговорѣ съ внучкой. Такимъ образомъ никто не видалъ портрета и ни слова не слыхалъ отъ Молли, но тѣмъ не менѣе послѣ ея отъѣзда вся семья была взволнована. Кто-то сообщилъ мужу сестры Молли, что она собралась выйти замужъ за „rustler"'а.

Никто не понималъ хорошенько этого слова и въ лексиконѣ его нельзя было найти. Кто-то сказалъ, что это слово употребляли въ похвальномъ смыслѣ, говоря о живыхъ и ловкихъ людяхъ, но что иногда подъ этимъ словомъ разумѣютъ извѣстную породу лошадей. Самая непріятная версія заключалась въ томъ, что подъ этимъ словомъ разумѣли грабителей скота. Всѣ эти объясненія имѣли основаніе, такъ какъ одно слово выражало собою нѣсколько понятій. Какъ бы то ни было, но въ Беннингтонѣ черезъ нѣсколько дней передавалась сплетня, что Молли обручилась съ картежникомъ, золотопромышленникомъ, бѣглымъ разбойникомъ и мексиканскимъ бандитомъ, а м-съ Флинтъ увѣряла, что она вышла замужъ за мормона.

А въ это время Молли Вудъ ѣхала верхомъ съ виргинцемъ вдоль „Медвѣжьей-Рѣки". Они не были ни женаты, ни обручены, и она разсказывала ему о Вермонтѣ.

— Мнѣ никогда не случалось тамъ бывать,—сказалъ онъ.

— А что руководило вашимъ выборомъ во время путешествій?—спросила Молли.

— Счастливый случай и стремленіе къ удачѣ. Я, вѣроятно, самолюбивѣе моихъ братьевъ или безпокойнѣе ихъ. Они всѣ сидятъ по своимъ фермамъ. Шесть лѣтъ я былъ въ отлучкѣ и двадцати лѣтъ вернулся домой. Они все еще говорили о тѣхъ же старыхъ вещахъ; тридцатилѣтніе и двадцатипяти-лѣтніе люди сидѣли и все толковали о томъ же. Никакого движенія въ ихъ жизни не было. А я разсказывалъ матери о томъ, гдѣ былъ, и что видѣлъ, и мои разсказы радовали ее до самой смерти. Послѣ ея смерти я ушелъ, а они всѣ остались на мѣстѣ. Обѣщалъ я имъ вернуться, когда мнѣ будетъ пятьдесятъ лѣтъ, чтобы посмотрѣть, не заговорятъ ли они о чемъ-нибудь новомъ, да только едва ли.

— Мнѣ иногда кажется, что вы знаете гораздо больше, чѣмъ я,—сказала Молли.

— Ну, еще бы, конечно!—отвѣчалъ онъ совершенно просто. —Я съ четырнадцати лѣтъ самъ заработывалъ свой хлѣбъ и никогда не укралъ и не попросилъ ни единаго цента. Не хотѣлось бы мнѣ, чтобы вы знали все, что̀ я знаю. Много счастливыхъ случаевъ потерялъ я въ жизни, но зато получилъ васъ, и это—мое самое большое счастье.

Она была очень довольна, что какъ разъ въ эту минуту ихъ догналъ на своей лошадкѣ Жоржикъ Тэлоръ. Зато виргинецъ шопотомъ произнесъ проклятіе. Больше ничего не случилось во время этой прогулки.

XXII.

Пришла зима. Дѣла у виргинца стало гораздо меньше, но, несмотря на это, онъ былъ очень занятъ. Вмѣсто Шекспира и современныхъ романовъ, на столѣ его лежали всевозможные учебники, и онъ читалъ и писалъ цѣлыми часами. Большіе листы бумаги были исписаны задачами и упражненіями. М-съ Генри помогала ему, дѣлала поправки и давала совѣты и указанія.

— Я, правда, кажется, готова влюбиться въ него,—говорила она судьѣ: — теперь ты въ самомъ дѣлѣ можешь начать безпокоиться.

— Мнѣ не угрожаетъ никакая опасность,—возражалъ судья, —для него существуетъ только одна женщина въ мірѣ.

Однажды утромъ Сципіонъ Лемуанъ вошелъ въ комнату виргинца, ту самую комнату, гдѣ докторъ Мак' Брайдъ цѣлую ночь боролся съ дьяволомъ. Виргинецъ сидѣлъ за столомъ. Кругомъ лежали раскрытыя книги, а передъ нимъ—полуисписанный листъ бумаги. Пальцы его были выпачканы чернилами, но онъ смотрѣлъ не на книги и бумагу, а въ окно, на далекую холодную равнину. Сципіонъ улыбнулся про себя и подумалъ: „ему чудится Медвѣжья-Рѣка", но тотчасъ же убѣдился, что ошибся. Виргинецъ слѣдилъ взглядомъ за чѣмъ-то реальнымъ, и Сципіонъ подошелъ къ окну, чтобы узнать, на что онъ смотрѣлъ. Далеко, на фонѣ окружавшей бѣлизны, выдѣлялись двѣ маленькія темныя фигуры.

— Когда онъ наконецъ уберется отъ насъ, какъ вы думаете?—спросилъ Сципіонъ.

— Онъ?—прошепталъ виргинецъ, все еще не спуская глазъ съ далекихъ всадниковъ, и повторилъ:—онъ?

Сципіонъ свободно развалился на стулѣ. Онъ и виргинецъ

хорошо изучили другъ друга со времени ихъ первой встрѣчи въ Мендорѣ, и поэтому теперь Сципіонъ понялъ, о чемъ думалъ его другъ.

— Ну, что̀ жъ!—сказалъ онъ:—отсутствіе одного—для насъ не потеря, а отсутствіе другого—прямая выгода.

— Бѣдный Шорти,—произнесъ виргинецъ,—бѣдный дурачокъ!

— Ну, нѣтъ,—сказалъ менѣе сострадательный Сципіонъ,—мнѣ его совсѣмъ не жаль; всякій взрослый человѣкъ долженъ видѣть Трампаса насквозь.

— Шорти добръ къ животнымъ,—возразилъ виргинецъ, все еще глядя въ окно.—Какъ онъ приручилъ эту лошадь, Педро, купленную имъ на первыя заработанныя деньги! Удивительно выдрессировалъ. Подумайте только, какіе у насъ жестокіе нравы относительно животныхъ! Что̀ мы дѣлаемъ съ сотнями и тысячами маленькихъ телятъ! Мы ихъ бросаемъ на землю, жаримъ, рѣжемъ, клеймимъ ихъ, выпускаемъ на волю и опять ловимъ. Иначе нельзя, конечно. Но я только говорю, что въ человѣкѣ, сохраняющемъ при всемъ этомъ жалость и любовь къ животнымъ, должно быть много хорошаго. А Шорти—именно такой человѣкъ. Но онъ позволилъ Трампасу завладѣть собою, и оба вмѣстѣ уйдутъ отъ насъ.—Онъ снова взглянулъ на безбрежную снѣжную равнину, но всадники скрылись за подножіемъ холма.

Сципіонъ сидѣлъ молча. Ему никогда не приходили такія мысли относительно людей и животныхъ, но онъ сознавалъ, что онѣ были справедливы.

— Странно!—выговорилъ онъ наконецъ.

— Что̀ странно?

— Все.

— Ничего нѣтъ страннаго,—возразилъ виргинецъ,—кромѣ брака и молніи. Эти двѣ вещи меня всегда удивляютъ.

— Нѣтъ, все-таки странно,—настаивалъ Сципіонъ.—Вотъ, напримѣръ, Трампасъ. Онъ поступилъ съ вами подло. Вы ему простили. Могли застрѣлить его, а вмѣсто этого дали работу. Это былъ добрый поступокъ, а изъ него вышло зло.

— Вы жестоко ошибаетесь,—возразилъ виргинецъ:—доброта тутъ ни при чемъ. Я управляющій, и не выжилъ, и не убилъ Трампаса, чтобы имѣть теперь возможность сказать всякому: „я выше всѣхъ этихъ гадостей“. И зло явилось не слѣдствіемъ моего добраго поступка, а слѣдствіемъ самого Трампаса. Онъ вездѣ останется самимъ собой. Вы помните, какъ мы чуть-было не поймали человѣка, убившаго одну изъ нашихъ ко-

ровъ и утащившаго теленка? Мы ничего не могли доказать, потому что онъ ускользнулъ отъ насъ, но съ тѣхъ поръ воровство и убійство скота прекратились. А теперь Трампасъ рѣшилъ перемѣнить свое мѣстопребываніе. Можетъ быть, скоро опять начнутся убійства и грабежи, и намъ еще предстоитъ много дѣла и придется прибѣгать къ очень энергичнымъ мѣрамъ.

— Я бы хотѣлъ знать, что испытываешь, когда убиваешь человѣка?—спросилъ задумчиво Сципіонъ.

— Это не трудно, если человѣкъ заслуживаетъ быть убитымъ.

— Что Трампасъ уйдетъ отъ насъ—я зналъ, но почему вы думаете—уйдетъ Шорти?

— Онъ попросилъ у меня прибавки.

— Онъ и своего-то жалованья не стоитъ.

— Трампасъ внушилъ ему другое. Бѣдный Шорти! Онъ разсказывалъ мнѣ о своей жизни,—тяжелая она. И никогда онъ не поумнѣетъ. Онъ хлопочетъ о прибавкѣ жалованья, потому что большую часть своихъ денегъ отсылаетъ на родину.

— А зачѣмъ онъ понадобился Трампасу?

— Тотъ хочетъ пользоваться имъ, какъ ловкимъ орудіемъ.

— Ну, ужъ не очень-то ловкимъ.

— Во всякомъ случаѣ, всякому вору удобно имѣть молодого подручнаго и брать все себѣ, предоставляя на его долю одну отвѣтственность за совершенныя кражи.

Сципіонъ всталъ и, подойдя къ столу, заглянулъ въ учебники и на исписанный до половины листъ бумаги.

— Въ ариѳметикѣ я еще маракую немного, а вотъ въ орѳографіи—много фантазіи. Что касается географіи,—продолжалъ онъ,—то я всѣ свои познанія изъ этой области растерялъ въ преріяхъ. Развѣ Беннингтонъ—столица Вермонта? И какъ пишется слово „женихъ“?

Въ тотъ же вечеръ виргинецъ призвалъ къ себѣ Шорти. Обыкновенно, когда у него являлась опредѣленная мысль, онъ говорилъ свободно и фразы складывались сами собою, но, взглянувъ на Шорти, онъ почувствовалъ себя въ затруднительномъ положеніи. Въ лицѣ стоявшаго передъ нимъ человѣка не было ничего злого, но и никакой силы. Ни одна черта лица ничего не обѣщала и все сливалось въ одну безформенную посредственность. Но такъ какъ все-таки надо было начать говорить, то виргинецъ произнесъ:

— Интересно бы знать, сколько градусовъ. Возьмите лампу и освѣтите градусникъ,—онъ съ правой стороны окна.

— Я не умѣю смотрѣть, — отвѣчалъ Шорти, подойдя съ лампой къ окну,—никогда не приходилось.

Виргинецъ вспомнилъ, что онъ былъ неграмотный, и самъ взглянулъ на градусникъ.

— Двадцать-два—ниже нуля... Табакъ довольно недурной, — не хотите ли?

Шорти набилъ себѣ трубку.

— Здоровый былъ морозъ, когда вы ѣздили сегодня верхомъ,—замѣтилъ управляющій.

Глаза Шорти выразили удивленіе.

— А мы васъ не видали,—сказалъ онъ.

— Скоро морозы кончатся, — продолжалъ виргинецъ, пропустивъ это замѣчаніе мимо ушей,—и, кромѣ того, работа насъ всѣхъ согрѣетъ. Въ конюшняхъ очень много дѣла, и, мнѣ кажется, это самая подходящая для васъ работа.

— Я могу больше заработать, — началъ Шорти и остановился.

— Мнѣ скоро понадобится человѣкъ, умѣющій дрессировать лошадей, которыхъ собирается купить м-ръ Генри. Онъ будетъ платить такому человѣку пятьдесятъ въ мѣсяцъ.

— Я могу заработать больше,—произнесъ Шорти уже съ упорствомъ.

— Да, иногда человѣкъ заработываетъ больше того, что можетъ заработать по настоящему. И со мною это бывало, когда я рыскалъ по свѣту. Я не могъ заработать настоящимъ трудомъ больше пятидесяти или даже двадцати-пяти въ мѣсяцъ, а иногда въ одну ночь выигрывалъ въ карты цѣлую кучу денегъ.

Глаза Шорти расширились.

— И потомъ—трахъ! все сразу прокучивалось съ товарищами и женщинами.

— А я никогда...—началъ Шорти и опять остановился.

Виргинецъ зналъ, что онъ думаетъ о деньгахъ, посылаемыхъ на родину.

— И всегда,—продолжалъ онъ,—деньги, которыя легко достаются, легко и уходятъ. А деньги, заработанныя настоящимъ трудомъ, я сталъ откладывать. Еслибы вы только знали, какое это пріятное чувство...

— Да, еслибъ мнѣ ваше счастье.

— Какое счастье?—строго спросилъ виргинецъ.

— Еслибъ я занялъ землю на берегу непересыхающей рѣки и былъ утвержденъ ея владѣльцемъ, какъ вы, и еслибы эта

земля съ каждымъ годомъ поднималась въ цѣнѣ, а я бы для этого и пальцемъ не пошевелилъ...

— А почему же вы не шевелили пальцемъ?—перебилъ его виргинецъ.— Кто вамъ мѣшалъ занять какую-нибудь землю? Она повсюду вокругъ васъ. Когда нужно было шевелить пальцемъ, я и шевелилъ, а вы—нѣтъ. Впрочемъ, и это все равно. Возьмите у меня завтра мою землю, у меня все-таки останутся мои сбереженія въ банкѣ, а они не даромъ мнѣ достались. Я всячески старался найти то дѣло, для котораго я именно годенъ, и нашелъ. И вы можете сдѣлать то же самое. Начните дрессировать лошадей судьи—и вы получите возможность откладывать сбереженія въ банкъ.

— Я могу больше заработать,—упрямо повторилъ Шорти.

Виргинцу хотѣлось крикнуть ему:— Въ такомъ случаѣ убирайтесь вонъ!—но онъ сдержался и произнесъ добродушно:

— Теперь еще стоятъ морозы, времени много. Обдумайте все хорошенько и сообщите мнѣ ваше рѣшеніе.

XXIII.

Снѣгъ растаялъ, и Монте отлично могъ бы пройти по горнымъ тропинкамъ отъ „Глубокой-Рѣки“ до „Медвѣжьей-Рѣки“, но его хозяинъ былъ занятъ исполненіемъ своихъ обязанностей, и вмѣсто того, чтобы ѣхать самому, послалъ письмо. Это было его первое посланіе къ миссъ Молли Вудъ, и онъ, конечно, трусилъ, отправляя его. Онъ привыкъ писать дѣловыя письма по порученію судьи Генри и справлялся съ ними отлично, но тутъ было совсѣмъ другое дѣло. Сначала онъ написалъ черновикъ карандашомъ, а потомъ уже сталъ переписывать чернилами. Это давалось ему нелегко, и когда Шорти просунулъ голову къ нему въ дверь и спросилъ:— Вы придете обѣдать?— то получилъ въ отвѣтъ:

— А вы убирайтесь къ чорту!

Вѣроятно, письмо никогда не было бы окончено и послано, еслибы не тоскливое состояніе духа, въ которомъ находился нашъ герой. Онъ мечталъ о свиданіи съ любимой дѣвушкой, но вдругъ обстоятельства сложились такъ, что это свиданіе приходилось отложить на многіе дни, можетъ быть, даже недѣли. Не видѣть ее и даже не быть въ состояніи сказать ей нѣсколько словъ—было слишкомъ невыносимо, и только въ письмѣ могъ

виргинецъ найти исходъ своему мученью. Письмо было отправлено и путешествовало очень долго. Когда оно пришло въ „Медвѣжью-Рѣку“, ему уже было двѣнадцать дней отъ рожденія. Сначала оно находилось въ частныхъ рукахъ, потомъ ѣхало въ почтовомъ экипажѣ и очень долго дожидалось, пока почтарь не началъ, не продолжалъ и не кончилъ игру въ покеръ, обильно орошаемую виски. Послѣ этого оно снова было передано въ частныя руки и, наконецъ, доставлено адресату.

Молли Вудъ взглянула на конвертъ. Ей до тѣхъ поръ ни разу не приходилось видѣть почеркъ виргинца, но она узнала его тотчасъ же. Она заперлась въ своей комнатѣ и стала читать письмо съ бьющимся сердцемъ.

„Помѣстье „Глубокая-Рѣка“, 5 мая 188....

„Дорогая миссъ Вудъ! Мнѣ ужасно досадно. Я думалъ, что выйдетъ совсѣмъ иначе, и мы скоро поѣдемъ съ вами кататься верхомъ. Весна ранняя въ этомъ году. Снѣгъ сошелъ на плоскогорьяхъ по эту сторону горной цѣпи, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ солнцу удается сильно пригрѣвать цѣлый день, земля зеленѣетъ и показывается множество цвѣтовъ. Видно, какъ они перепутываются и качаются по вѣтру. Я надѣялся смотрѣть на все это вмѣстѣ съ вами, и это была моя лучшая мечта. Вода поднялась высоко, но я перебрался бы черезъ нее, а что касается снѣга на горныхъ вершинахъ, то одинъ человѣкъ сказалъ мнѣ, что еще недѣлю не будетъ тамъ проѣзда, а самъ только-что проѣхалъ. Ну, не смѣшной ли онъ человѣкъ? Все это ничего бы, да вотъ я не могу пріѣхать, миссъ Вудъ. Я именно теперь очень нуженъ судьѣ Генри, и не былъ бы хорошаго мнѣнія о себѣ, еслибы бросилъ его и всю работу, чтобы только исполнить свое личное желаніе. Еслибы я зналъ, когда могу пріѣхать, то предупредилъ бы васъ, но самъ не знаю.

„Не вѣрьте разсказамъ объ индѣйцахъ. Это все выдумываютъ редакторы газетъ. Во всякомъ случаѣ, индѣйцы не явятся въ такое населенное мѣсто, какъ „Медвѣжья-Рѣка“.

„Ничего важнаго не случилось, что бы стоило сообщать вамъ. Я прочелъ „Отелло“. Не надо писать такихъ вещей. Вы не знаете, правда ли все это? Я самъ разъ былъ свидѣтелемъ еще болѣе ужаснаго случая въ Аризонѣ. Одинъ человѣкъ убилъ своего маленькаго ребенка и жену, но не надо писать красивымъ языкомъ такихъ вещей для публики. Прочелъ я „Ромео и Джульетту“. Это очень красиво написано, но Ромео—не настоящій мужчина. Мнѣ больше нравится его другъ Меркуціо. Еслибъ онъ женился на Джульеттѣ, то не вышло бы такихъ безумій и ужасовъ.

„Какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть васъ сегодня, миссъ Вудъ. Знаете, я думаю, еслибъ я сѣлъ на моего Монте и бросилъ поводъ, онъ привезъ бы меня прямо въ „Медвѣжью-Рѣку“, къ вашей калиткѣ, потому что вѣдь у этой лошади большое пониманіе („въ этомъ словѣ—первая ошибка“, подумала Молли). Наши коровы, телята и куры очень радуются веснѣ. Не помню, разсказывалъ ли я вамъ объ одной нашей курицѣ, Эмиліи? У нея не было настоящаго пониманія, и она не хотѣла заводить свою семью, а старалась интересоваться чужими дѣтьми и заводила сношенія съ цыплятами, индюшатами и щенятами и воспитывала ихъ. Она умерла, не испытавъ семейныхъ радостей, какъ-разъ въ то время, какъ я началъ строить для нея домъ, чтобы завести въ немъ школу („Каковъ, дерзкій!“—воскликнула Молли и густо покраснѣла, сидя одна съ письмомъ въ рукахъ). Я пріѣду къ вамъ при первой возможности. Готовъ сдѣлать сто миль, чтобы провести съ вами одинъ часъ, и Монте также готовъ. Посылаю вамъ цвѣтокъ. Только-что сорвалъ его и поцѣловалъ“.

Молли опустила письмо на колѣни, потомъ вдругъ вскочила и прижала цвѣтокъ къ своимъ губамъ.

А черезъ нѣсколько времени м-съ Тэлоръ увидала, какъ она быстро вышла изъ калитки и вернулась черезъ полчаса вся розовая отъ быстрой ходьбы и весенняго воздуха.

На другой день утромъ, выглянувъ изъ окна, Молли увидала голову Монте, привязаннаго къ забору Тэлора. Ахъ, еслибъ онъ могъ пріѣхать днемъ раньше и она встрѣтила бы его послѣ своей первой весенней прогулки!

XXIV.

Виргинецъ не могъ пробыть у миссъ Молли даже и часа. Онъ проѣзжалъ мимо по дѣлу и заѣхалъ только взглянуть на нее.

— Получили вы мое письмо?—спросилъ онъ.

— Да, вчера.

— Вчера! А я написалъ его три недѣли тому назадъ. Но все равно, вы его получили. Только сегодня я не могу провести съ вами цѣлый часъ. Этотъ часъ придетъ и, можетъ быть, скоро.

Она ничего не могла ему отвѣтить. Она чувствовала облегченіе и вмѣстѣ съ тѣмъ тоску. Онъ привелъ ей верховую лошадь для катанья и на прощанье передалъ ей букетъ цвѣтовъ.

Потомъ онъ уѣхалъ, а она глядѣла ему вслѣдъ, какъ онъ двигался по берегу рѣки, вдоль густого кустарника, покрытаго дикими розами. Изъ травы раздавалась неожиданная пѣсня невидимыхъ жаворонковъ, взлетала и уносилась въ необъятныя пространства. И небо, и земля, были бы благопріятны для него, еслибъ онъ остался. И сердце ея отчасти благопріятствовало ему. Оно стыло отъ доводовъ разсудка, но таяло отъ страсти, все отдаваясь во власть противорѣчій, самообвиненій и нерѣшимости. Для нея наступили мучительные дни, а онъ, между тѣмъ, работалъ и страстно ждалъ возможности увидать ее снова.

Наконецъ, эта возможность явилась, и онъ уже повернулъ Монте въ сторону „Медвѣжьей-Рѣки". Ему пришлось ѣхать мимо помѣстья Балаама, и онъ увидалъ самого хозяина на противоположномъ берегу рѣки. Онъ невольно сдержалъ Монте, чтобы посмотрѣть, что такое дѣлалъ Балаамъ.

— Правду мнѣ разсказывали про него,—прошепталъ онъ, увидавъ, что Балаамъ привелъ лошадей на водопой и съ силой хлесталъ тѣхъ изъ нихъ, которыя не хотѣли пить. Виргинецъ такъ внимательно слѣдилъ за этой сценой, что не замѣтилъ подъѣхавшаго къ нему Шорти.

— Здорово!—произнесъ Шорти принужденнымъ тономъ, но виргинецъ поздоровался съ нимъ очень ласково.

— Боялся, что не удастся васъ скоро найти, — сказалъ Шорти.—Вотъ вамъ!—и онъ передалъ своему прежнему начальнику довольно измятое и запачканное письмо.

Это было письмо отъ судьи, и перебывало оно попеременно въ карманахъ трехъ табунщиковъ. Взглянувъ на конвертъ, виргинецъ увидалъ, что письмо имѣло отношеніе къ Балааму, и сердце его упало. Въ письмѣ судья давалъ ему еще новое порученіе, и онъ не могъ ѣхать на свиданье къ Молли Вудъ.

— Галло, Шорти! — крикнулъ Балаамъ съ противоположнаго берега. Виргинцу онъ только слегка кивнулъ головой. Онъ не былъ съ нимъ знакомъ, хотя отлично зналъ, кто онъ такой.

— Вамъ здѣсь есть письмо отъ судьи Генри,—сказалъ виргинецъ, и переѣхалъ черезъ рѣку.

Много недѣль тому назадъ, еще ранней весной, Балаамъ занялъ у судьи двухъ лошадей и обѣщалъ вернуть ихъ очень скоро.

Генри напоминалъ ему объ этомъ въ вѣжливомъ тонѣ, прося извинить за безпокойство. Балаамъ пожалѣлъ, что не вернулъ лошадей раньше. Судья былъ болѣе значительнымъ лицомъ, чѣмъ онъ, и письмо вызвало у него дурное настроеніе.

— Судьѣ Генри лошади нужны къ тридцатому,—сказалъ онъ, разсматривая письмо,—какимъ же образомъ вы доставили мнѣ это письмо черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ оно было написано?

Глаза виргинца сверкнули на мгновенье, но онъ очень вѣжливо объяснилъ, что самъ только-что получилъ письмо отъ Шорти.

— Какъ же вы разсчитываете, что я доставлю лошадей къ тридцатому, когда сегодня двадцать-седьмое?—снова спросилъ Балаамъ.

— Я ни на что не разсчитываю,—возразилъ виргинецъ:—къ судьѣ должны пріѣхать друзья изъ Нью-Іорка,—прибавилъ онъ,—и для нихъ понадобились эти лошади.

Балаамъ былъ очень не въ духѣ, но надо было что-нибудь предпринять. Онъ позвалъ одного изъ своихъ рабочихъ и сталъ отдавать ему приказанія, дѣлая ударенія на подробностяхъ и приказывая торопиться.

Виргинецъ стоялъ въ выжидательной позѣ, положивъ руку на сѣдло, а Шорти усѣлся въ тѣни, и привычный глазъ Балаама невольно остановился на его лошади.

— Вы больше не работаете въ „Глубокой-Рѣкѣ"?—спросилъ онъ, отдавъ всѣ нужныя приказанія и обращаясь къ Шорти.

— Нѣтъ.

— Такъ, значитъ, въ какомъ-нибудь другомъ помѣстьѣ?

— Нѣтъ.

Балаамъ усмѣхнулся. Онъ замѣтилъ, какъ желтоватые волосы Шорти выглядывали изъ дыры на его шляпѣ и до какой степени старъ и поношенъ былъ весь его костюмъ.

Шорти съ радостью взялся отвезти письмо виргинцу, чтобы заработать немного денегъ, но ужъ и эти деньги перешли изъ его кармана въ карманъ Трампаса, обыгравшаго его въ покеръ. Единственной оставшейся у него драгоцѣнностью была его лошадь Педро.

— Хорошая у васъ лошадка,—произнесъ Балаамъ и при этомъ ударилъ по мордѣ свою собственную лошадь, не хотѣвшую подойти вмѣстѣ съ другими къ водѣ.

Виргинецъ посмотрѣлъ на него молча и мрачно. Онъ не могъ вмѣшиваться въ то, какъ человѣкъ обращался со своими собственными животными.

— Не хотите ли пообѣдать со мною, Шорти?—предложилъ Балаамъ.—Сейчасъ подадутъ.

Шорти разсѣдлалъ Педро и пустилъ его на пастбище Балаама.

Среди безконечнаго желтаго пейзажа это пастбище выдѣлялось зеленымъ кускомъ, да еще берега узкой рѣки, покрытые хлопчатникомъ, извивались и уходили вдаль зеленой змѣею.

Виргинецъ тоже пустилъ свою лошадь на пастбище. Ему предстояло ждать въ помѣстьѣ Балаама, пока не отыщутъ лошадей судьи.

— М-съ Балаамъ нѣтъ, она уѣхала на Востокъ,—заявилъ хозяинъ, ведя гостей въ столовую. Пригласивъ Шорти, онъ не могъ отказать въ гостепріимствѣ и виргинцу, хотя это ему совсѣмъ не улыбалось.

— Ну что, видали вы индѣйцевъ? — спросилъ за обѣдомъ Балаамъ.

— Разсказываютъ, будто одинъ охотникъ поѣхалъ въ большой лѣсъ, что за „Глубокою-Рѣкою", да и не вернулся, а лошадь его одна прибѣжала назадъ,—отвѣчалъ Шорти.—Ну, да мало ли что болтаютъ!—прибавилъ онъ презрительно и, подумавъ, закончилъ:—Ничего страшнаго въ этихъ индѣйцахъ нѣтъ; я любому изъ нихъ скорѣе довѣрюсь, чѣмъ Трампасу.

Балаамъ наклонилъ на-бокъ свою бычачью голову и разсмѣялся иронически, поглядывая на своего гостя.

— Ну, а въ какомъ положеніи ваши банковскія дѣла?

Онъ положилъ винограду на тарелку Шорти.

— У меня нѣтъ никакихъ дѣлъ въ банкѣ,—пробормоталъ молодой человѣкъ.

Балаамъ вынулъ изъ жилетнаго кармана сигару и бросилъ ее Шорти черезъ столъ.

— Спички сзади васъ,—прибавилъ онъ и протянулъ другую сигару виргинцу.

Когда Шорти собрался уѣзжать, Балаамъ пошелъ вмѣстѣ съ нимъ на пастбище.

— Захватили лассо?—спросилъ онъ.

— Мнѣ его не нужно. Я могу такъ подойти къ Педро, а вы оставайтесь сзади.

Держа уздечку за спиною, Шорти подошелъ къ берегу, гдѣ стояла его лошадь, обмахиваясь своимъ длиннымъ хвостомъ. Онъ что-то убѣдительное говорилъ ей и наконецъ, подойдя совсѣмъ близко, положилъ руку на ея темную сравнительно съ мастью гриву. Педро повернулъ голову съ ожиданіемъ, и хозяинъ протянулъ ему кусокъ хлѣба.

— Развѣ онъ ѣстъ?—спросилъ черезъ заборъ Балаамъ.

— Очень любитъ соль, — отвѣчалъ Шорти. — Ну, теперь разожми зубы, н-но! Не хочешь, чтобы тебя взнуздали? Любишь

показывать, что никому не принадлежишь и живешь независимо на собственныя средства!

Педро, очевидно, доставляло удовольствіе, что съ нимъ такъ разговаривали. Онъ далъ взнуздать себя и покорно послѣдовалъ за хозяиномъ.

Шорти остановился и протянулъ руку.

— Ну, здравствуй!—сказалъ онъ, и лошадь подняла и подала ему правую переднюю ногу.

— Ну, теперь другое копытце!—и Педро точно такъ же подалъ лѣвую ногу.

— Это я его выучилъ этому,—произнесъ табунщикъ съ гордостью и любовью.—Скажи, Педе, вѣдь ты самая лучшая лошадка во всей странѣ?.. Да нѣтъ больше хлѣба, нечего тамъ искать,—прибавилъ онъ лошади, опустившей до половины носъ въ его карманъ.

— А сколько бы вы за него взяли?—спросилъ Балаамъ.

— Кусочекъ грязи съ его шерстки стоитъ больше ста долларовъ,—произнесъ Шорти, величественно приподнявъ голову и глядя на небо.

— Ну, такъ и оставьте себѣ грязь, а я вамъ дамъ тридцать долларовъ за лошадь.

Шорти разсмѣялся особеннымъ смѣхомъ настоящаго лошадника и взялся за сѣдло.

— Во всякомъ случаѣ сегодня вамъ нечего ѣхать,—сказалъ Балаамъ, поднимая камешекъ и бросая его въ рѣку.—Переночуйте у меня, а завтра я васъ отправлю самымъ удобнымъ образомъ въ фурѣ.

— Педро меня скорѣе довезетъ,—произнесъ Шорти и задумался.—А сколько бы вы мнѣ, серьезно, могли дать?—спросилъ онъ, держа въ рукахъ подпругу.

— Я вамъ сказалъ: тридцать долларовъ,—отвѣчалъ Балаамъ, взлѣзая и усаживаясь на заборѣ.—Я вѣдь не буду плакать о вашемъ Педро, но для васъ же было бы удобнѣе имѣть теперь эти деньги, а потомъ заработать побольше и выкупить лошадь.—Онъ заложилъ большой палецъ въ карманъ жилета.—Впрочемъ, я не плачу о вашемъ Педро... Подождите-ка, почему это онъ такъ стоитъ? Что это у него съ передней ногой?—онъ соскочилъ съ забора, подбѣжалъ къ лошади и сталъ осматривать ея ноги.—М-м!—протянулъ онъ, нахмурившись:—всегда этого можно ожидать, когда начинаютъ ѣздить на слишкомъ молодой лошади.

— Да чего ожидать-то? Что ее будутъ до сыта кормить? Это вѣрно, онъ ѣстъ у меня здорово.

При этомъ замѣчаніи виргинецъ не могъ удержаться отъ сочувственнаго и одобрительнаго смѣха.

— Кость повреждена,—со вздохомъ произнесъ Балаамъ:— его на всемъ скаку круто поворачивали, когда еще кости не окрѣпли,—вотъ причина.

Шорти съ негодованіемъ выругался и, подтянувъ подпругу, вскочилъ на сѣдло и ускакалъ, исчезая въ облакѣ пыли. Балаамъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и разсмѣялся непріятнымъ, рѣзкимъ смѣхомъ.

Онъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ, и дѣйствительно, когда онъ, отдавъ нужныя приказанія рабочимъ, вернулся въ столовую, на порогѣ его встрѣтилъ Шорти.

— Можно ли такъ говорить о хорошей лошади?—произнесъ онъ обидчиво.—Взгляните еще разъ. Въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго брака, онъ даже никогда не спотыкается.

— Лучше уводите-ка отсюда вашу лошадь,—сказалъ виргинецъ.

Балаамъ повернулъ къ нему свою бычачью голову.

— Кажется, это не ваше дѣло, мой другъ?

— Уводите свою лошадь, Шорти!—медленно повторилъ виргинецъ.

Лицо Балаама исказилось отъ гнѣва, но южанинъ спокойно и серьезно смотрѣлъ на Педро. Онъ тоже былъ очень недоволенъ, испытывая смѣшанное чувство жалости къ Шорти и злобы къ Балааму. Онъ съ радостью прекратилъ бы этотъ торгъ, давъ за Педро возможную и даже невозможную цѣну и оставивъ его за собою. Но онъ уже и такъ своимъ вмѣшательствомъ нарушилъ общепринятыя правила. Когда бьются объ закладъ, играютъ въ карты и торгуютъ лошадей, каждый долженъ заботиться самъ о себѣ, а зритель долженъ сохранять полное спокойствіе и оставлять про себя свои мудрые совѣты.

Вечеромъ Шорти курилъ уже вторую сигару. Онъ продалъ Педро за сорокъ долларовъ, полосатый мексиканскій коверъ и пару шпоръ.

— Я выкуплю Педро, какъ только достану заработокъ,— сказалъ онъ вечеромъ, раздѣваясь, виргинцу, но тотъ проворчалъ что-то сердито въ отвѣтъ. Ему предстояла непріятная поѣздка съ лошадьми, и кромѣ того и главнымъ образомъ, его мучила невозможность попасть въ „Медвѣжью-Рѣку“.

На разсвѣтѣ Шорти всталъ и осторожно вышелъ изъ дома, чтобы не разбудить спящихъ вокругъ него рабочихъ.

Надъ пустыннымъ хребтомъ отвѣснаго рѣчного берега еще

лежала блѣдная луна, но уже не свѣтила въ просвѣтлявшемся отъ зари сумракѣ. Педро стоялъ на пастбищѣ возлѣ забора. Шорти присѣлъ на крыльцѣ, вынулъ полученныя деньги, лѣниво подбросилъ ихъ нѣсколько разъ на рукѣ, не испытывая никакого удовольствія отъ обладанія ими. Потомъ онъ спряталъ ихъ и осторожно подошелъ къ Педро. Онъ сталъ въ послѣдній разъ разговаривать съ лошадью, соскабливая пальцами кусочки приставшей къ шерсти грязи и поглаживая пушистую гриву. Потомъ оглянулся, чтобы убѣдиться, что его никто не видитъ, и обнялъ лошадь за шею, прижавшись головою къ ея мордѣ. На мгновеніе его незначительное лицо преобразилось отъ настоящаго сильнаго чувства. Лошадь стала искать хлѣба.

— Прощай, Педро!—произнесъ онъ.—Нѣтъ, хлѣба больше не будетъ. Прощай, моя милая, милая лошадка!

Послѣ завтрака мимо пастбища проѣхала фура, и Педро внимательно, но равнодушно прослѣдилъ за нею взглядомъ, переставъ жевать траву. Его хозяинъ, сидѣвшій въ фурѣ, низко опустилъ голову и не взглянулъ на него.

XXV.

Лошади судьи были приведены, и Балаамъ велѣлъ сѣдлать Педро и вьючную лошадь. Онъ рѣшилъ самъ отвести лошадей м-ру Генри. Эта любезность должна была сгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное его неаккуратностью, и кромѣ того ему очень хотѣлось повидать пріѣзжихъ изъ Нью-Іорка. О томъ, что̀ творилось на бѣломъ свѣтѣ, онъ узнавалъ только изъ газетъ, запаздывавшихъ на восемь дней.

Было жарко и безоблачно; со всѣхъ сторонъ тянулась безбрежная пустыня. Къ вечеру имъ удалось найти мѣстечко, гдѣ еще сохранилось немного желтоватой воды. Лошади долго и жадно пили ее, а люди развели костеръ и, молча закусивъ и покуривъ, улеглись спать, закрывшись одѣялами. Лошадей пустили пастись на свободѣ, и на утро Балаамъ на Педро отправился за ними. Когда онъ вернулся, то Педро весь былъ въ мылѣ и съ губъ у него капала кровавая пѣна.

— Вы бы лучше пересѣли на свою вьючную лошадь,—замѣтилъ виргинецъ, приготовляя кофе для Балаама.

— Спасибо за совѣтъ,—отрѣзалъ Балаамъ и сталъ бранить лошадей и разсказывать, какъ трудно было съ ними справиться.

У вьючной кобылы виргинецъ замѣтилъ на боку рану, сдѣ-

ланную очевидно брошеннымъ въ нее камнемъ. Когда послѣ завтрака Балаамъ подошелъ къ Педро, лошадь шарахнулась въ сторону, а когда онъ схватилъ ее подъ уздцы, то она рванулась и взвилась на дыбы.

— Прежде никогда ничего подобнаго съ Педро не бывало,—замѣтилъ виргинецъ, до тѣхъ поръ молча перемывавшій и укладывавшій посуду.

— Дрянь этакая!—воскликнулъ Балаамъ;—онѣ всѣ одинаковы. Ихъ надо держать въ страхѣ, если не хотите, чтобы онѣ надѣлали вамъ бѣды. Этого Педро и холили, и баловали, а что въ немъ хорошаго? Ну, да теперь онъ будетъ знать, какъ себя вести со мною!

— М-ръ Балаамъ,—сказалъ виргинецъ,—я у васъ куплю эту лошадь хоть сейчасъ.

— Не сейчасъ и никогда,—покачалъ головою Балаамъ:—она мнѣ самому нужна.

Виргинецъ вспомнилъ, какъ иногда табунщики говорили своимъ лошадямъ:—стой смирно, а то я тебя „побалаамлю"!—Теперь онъ начиналъ понимать значеніе этихъ словъ.

Балаамъ повелъ напоить Педро передъ отъѣздомъ. Лошадь упиралась и не шла, и онъ ударилъ ее хлыстомъ по лбу. Это не помогло. Виргинецъ ждалъ, сидя уже на лошади.

— Какъ же она пойдетъ за вами, если вы бьете ее по головѣ?—замѣтилъ онъ наконецъ.

— Вы думаете учить меня, какъ обращаться съ лошадьми?—спросилъ Балаамъ.

— Да, казалось бы, это совершенно лишнее,—небрежно отвѣчалъ виргинецъ.

— А въ такомъ случаѣ и прекратите ваши замѣчанія, мой другъ.

Виргинецъ поднялъ глаза на Балаама.

— Хорошо,—сказалъ онъ все тѣмъ же тихимъ и мягкимъ голосомъ,—а вы прекратите называть меня вашимъ другомъ. Вы уже два раза сдѣлали эту ошибку.

Молча отправились они дальше. Остановившись черезъ нѣсколько часовъ, чтобы напоить лошадей, они увидѣли возлѣ лужи кучку остывшей золы, нѣсколько кольевъ и основаніе постройки изъ ивовыхъ вѣтвей, похожей на клѣтку.

— Стоянка индѣйцевъ,—сказалъ виргинецъ.

— Они были здѣсь не ближе какъ недѣлю тому назадъ,—замѣтилъ Балаамъ:—вѣроятно охотились. А далеко отсюда до „Глубокой-Рѣки"?

— Мы должны поторопиться, чтобы до ночи переѣхать каналъ.

— Знаете что, свяжемте вмѣстѣ лошадей судьи и погонимъ ихъ передъ собою, это будетъ гораздо скорѣе,—сказалъ Балаамъ, и, оставивъ виргинца съ вьючной кобылой, онъ помчался на Педро за лошадьми. Но лошади не поддавались, и началась бѣшеная скачка. Педро сталъ ослабѣвать, но Балаамъ еще сильнѣе вдавливалъ ему шпоры въ бока. Виргинецъ видѣлъ издали, какъ отъ лошади шелъ паръ; она двигалась, раскрывъ ротъ и спотыкаясь каждую минуту. Ведя вьючную лошадь въ поводу, онъ поѣхалъ на помощь Балааму, но ничего не могъ сдѣлать. Одичавшія лошади судьи, безъ клади и безъ всадниковъ, какъ вѣтеръ взлетѣли на холмы и, наконецъ, совсѣмъ исчезли за горнымъ хребтомъ. Виргинецъ слѣзъ съ лошади и сѣлъ въ ожиданіи Балаама. Балаамъ подскакалъ къ нему, тоже сошелъ на землю и сталъ бѣшено колотить Педро, пока палка не сломалась. Тогда онъ схватилъ обломанный конецъ и хотѣлъ продолжать.

— Лучше оставьте лошадь!—сказалъ виргинецъ, но Балаамъ не слыхалъ его. Онъ былъ блѣденъ какъ полотно и въ глазахъ его появилось выраженіе маніака.

— Онъ притворялся, что усталъ,—произнесъ онъ, глядя на виргинца стеклянными глазами. Злоба его превратилась въ болѣзненный припадокъ. Голосъ звучалъ хрипло и глухо.—Провести меня хочетъ!—прибавилъ онъ и, повернувшись къ Педро, закрывшему отъ изнеможенія глаза, онъ схватилъ его ослабѣвшую голову и потрясъ ее. Виргинецъ отвернулся съ отвращеніемъ, а Балаамъ машинально влѣзъ опять на сѣдло. Педро не двигался съ мѣста. Оглянувшись, наконецъ, виргинецъ увидалъ, какъ Балаамъ, съ совершенно звѣрскимъ выраженіемъ лица, нагнулся и такъ стиснулъ колѣнями бока лошади, что она рухнула на землю, подняла голову и стала жалобно мотать ею изъ стороны въ сторону. У виргинца потемнѣло въ глазахъ. Онъ бросился на Балаама, схватилъ его, ударилъ, швырнулъ на землю, поднялъ, опять швырнулъ и сталъ бить, нанося удары куда попало и совершенно не помня себя отъ ярости. Бычачье сложеніе и сила Балаама не могли ему помочь. Онъ страшно вскрикнулъ отъ злобы и боли и схватился за шестиствольный револьверъ, спрятанный у него за поясомъ, но новый ударъ почти лишилъ его сознанія. Гнѣвъ и мщеніе виргинца пронеслись, какъ сильная, но короткая гроза. Онъ остановился надъ человѣкомъ, неподвижно лежавшимъ рядомъ съ лошадью.

— Если бы вы умерли,—произнесъ онъ,—то я былъ бы

доволенъ, но вы живы и даже не особенно пострадали. Погодите, я принесу вамъ воды.—Когда онъ вернулся съ водою, Балаамъ уже сидѣлъ, дико оглядываясь по сторонамъ. Рядомъ съ нимъ лежалъ револьверъ и поблескивалъ на солнцѣ. Къ Педро также стали возвращаться силы; онъ всталъ на ноги и, пошатываясь, направился къ лужѣ. Когда виргинецъ подошелъ къ нему, то онъ испугался только въ первую минуту, а потомъ понялъ, что находится въ дружескихъ рукахъ, и спокойно далъ разсѣдлать себя.

— Я полагаю, вы въ состояніи ѣхать,—сказалъ виргинецъ, подходя къ Балааму.—Садитесь на вьючную лошадь, а Педро пойдетъ въ поводу. Мы должны отправляться скорѣе, чтобы не упустить лошадей. Вотъ вашъ револьверъ.—Балаамъ молча повиновался, и они снова пустились въ путь. Послѣ только-что случившагося, ихъ взаимная ненависть и раздраженіе вдругъ утихли. Они даже обмѣнялись нѣсколькими замѣчаніями. Между тѣмъ стало вечерѣть и гдѣ-то въ ущельѣ застонали совы. Онѣ кричали черезъ извѣстный промежутокъ времени, точно переговаривались другъ съ другомъ. Среди тишины этотъ унылый звукъ непріятно подѣйствовалъ на обоихъ путниковъ. Вершины горъ, еще горѣвшія красноватымъ свѣтомъ, померкли. Миновавъ ивовый кустарникъ, виргинецъ и Балаамъ увидали лошадей. Онѣ поднимались на холмъ и направлялись къ лѣсу.

— Имъ надо помѣшать,—сказалъ виргинецъ,—въ лѣсу намъ ихъ не найти. Вы ступайте по этой тропинкѣ, а я поѣду имъ наперерѣзъ, — и онъ быстро ускакалъ. Балаамъ подъѣхалъ къ опушкѣ лѣса и уже собирался спѣшиться, думая, что имъ придется заночевать подъ деревьями, какъ вдругъ Педро насторожилъ уши, захрапѣлъ, вырвалъ поводъ изъ рукъ Балаама и, круто повернувъ, вошелъ въ воду, очевидно, намѣреваясь переправиться на другой берегъ. Балаамъ, боясь, что онъ убѣжитъ, схватилъ револьверъ и выстрѣлилъ передъ его мордой, чтобы испугать его и заставить вернуться. Но рука его, сильно ушибленная виргинцемъ, дрогнула, и онъ выстрѣлилъ ниже и правѣе, чѣмъ хотѣлъ. Педро упалъ въ воду, но тотчасъ же поднялся и выскочилъ на противоположный берегъ. Балаамъ переправился черезъ рѣку, подъѣхалъ къ нему и увидалъ, что пулей раздробило ему ногу. И въ ту же минуту онъ вдругъ понялъ, чего испугался Педро и что заставило его повернуть отъ опушки лѣса. Очевидно, въ лѣсу были индѣйцы, и это они перекликались, подражая крику совъ. Ему вспомнился разсказъ объ охотникѣ, отправившемся въ лѣсъ, и объ его лошади, вернувшейся

домой безъ всадника. Очевидно, и его ждала та же участь, и только Педро спасъ его отъ неминуемой гибели. Несчастная лошадь лежала на травѣ и спокойно глядѣла на долину, начинавшую исчезать въ сумеркахъ. Вѣроятно она не испытывала страданій отъ раны и не сознавала своей гибели,—по крайней мѣрѣ выраженіе ея великолѣпныхъ глазъ было спокойно и кротко. Балаамъ зарядилъ револьверъ и, приставивъ его къ уху Педро, выстрѣлилъ—и на этотъ разъ не промахнулся. Прострѣленная навылетъ голова лошади упала на траву. Это было все, что̀ могъ сдѣлать Балаамъ, чтобы отплатить Педро за спасеніе своей жизни.

Потомъ онъ сѣлъ на свою кобылу и въ полумракѣ сталъ отыскивать дорогу назадъ. Онъ не могъ ѣхать въ „Глубокую-Рѣку", весь избитый, безъ лошадей судьи и съ полной увѣренностью, что виргинецъ какъ разъ попалъ въ лѣсу на засаду индѣйцевъ. Онъ переночевалъ, положивъ подъ голову сѣдло и не смѣя развести огня, изъ боязни, что его увидятъ, а на другой день къ вечеру доѣхалъ до своего помѣстья. Тамъ его дожидался Шорти. Ему сразу повезло; онъ заработалъ немного денегъ и явился выкупить Педро.

— Опоздали вы, Шорти!—сказалъ Балаамъ, и видя, какъ Шорти блѣднѣетъ, прибавилъ въ объясненіе:

— Насъ съ этимъ человѣкомъ изъ Виргиніи преслѣдовали индѣйцы. Онъ попался, а я нѣтъ. Индѣйцы же и вашу лошадь убили. Дѣлать нечего. Отдохните у меня и пойдите пообѣдать съ рабочими.

Съ англ. П—на С—ва.

ИЗЪ

ПѢСЕНЪ БЕРАНЖЕ

I.

ДУРНАЯ ПРИМѢТА.

(Treize à table).

Друзья, однако, насъ тринадцать за столомъ
И соль просыпана случайно предо мною!
Несчастное число грозитъ, навѣрно, зломъ...
Да вотъ и смерть вошла и стала за спиною.
Богиня, фея, духъ?.. Мнѣ страшно... Кто она?
Прекрасна, молода, съ улыбкою во взглядѣ.
Давайте пѣть скорѣй, пока намъ жизнь дана!
Нѣтъ, право, не страшна мнѣ смерть въ такомъ нарядѣ.

Какъ гостья, къ намъ теперь она пришла на пиръ,
Пришла вѣнчанная, въ волнѣ цвѣтовъ душистыхъ,
А вы не видите... Въ лицѣ—покой и миръ,
И вся въ сіяніи какихъ-то искръ лучистыхъ.
Я слышу словно звонъ разорванныхъ цѣпей.
Младенецъ къ ней приникъ, спитъ на груди въ усладѣ.
Мой кубокъ опустѣлъ. Вина,—вина живѣй!
Нѣтъ, право, не страшна мнѣ смерть въ такомъ нарядѣ.

Она сказала мнѣ: „Чего бояться, другъ!
Я небомъ рождена, сестра моя—Надежда.

Когда жалѣетъ рабъ, что сталъ свободнымъ вдругъ,
Что, вмѣсто тяжкихъ узъ, на немъ—какъ снѣгъ, одежда?
Какъ падшему, тебѣ верну я крылья вновь,
Что̀ не даны судьбой въ житейскомъ маскарадѣ".
Тѣснѣй, красавицы! Сердца пьянитъ любовь...
Нѣтъ, право, не страшна мнѣ смерть въ такомъ нарядѣ.

„Едва приду къ тебѣ", услышалъ я опять:
„Душа твоя вспорхнетъ въ лазурныя селенья,
Гдѣ огненнымъ мірамъ повелѣно сіять,
Гдѣ движутся они отъ первыхъ дней творенья.
Пока не сбросила душа плотскихъ оковъ,—
Сомнѣнья заглушивъ, иди къ земной отрадѣ".
Друзья, отъ жизни все возьмемъ безъ дальнихъ словъ!
Нѣтъ, право, не страшна мнѣ смерть въ такомъ нарядѣ.

Видѣнье чудное исчезло безъ слѣда.
Завылъ, залаялъ песъ у нашего порога.
Трусливый мы народъ... Какая въ томъ бѣда,
Что смерть являлась къ намъ!.. Всѣхъ ждетъ одна дорога.
Друзья, пускай волна умчитъ впередъ челнокъ!
Придемъ вѣдь къ той же все кладбищенской оградѣ.
Тринадцать за столомъ—такъ предназначилъ рокъ.
Нѣтъ, право, не страшна мнѣ смерть въ такомъ нарядѣ.

II.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНІЕ.

(La Métempsycose).

Въ переселенье душъ давно я слѣпо вѣрилъ
И про себя вчера, улегшись отдохнуть,
Свои всѣ склонности я мысленно измѣрилъ
И, для разгадки ихъ, рѣшилъ съ душой болтнуть.
„Чѣмъ безъ меня бъ ты былъ! Имѣй ко мнѣ почтенье!
Во мракѣ былъ бы ты",—послышался отвѣтъ:
„Но я не дѣвственной сошла въ твое владѣнье"...
—Душа права, сомнѣній нѣтъ,
Сомнѣній нѣтъ, сомнѣній нѣтъ!

„Мнѣ смутно помнится, что я плющомъ сначала
Росла и головы вѣнчала на пирахъ,
Потомъ, переродясь, нѣжнѣй и меньше стала
И птицей пѣвчею носилась въ небесахъ,
То возлѣ пастуховъ порхала въ сочномъ полѣ,
Рѣзвилась, прыгала и пѣла сколько лѣтъ,
И крылья у меня расправились на волѣ“...
—Душа права, сомнѣній нѣтъ,
Сомнѣній нѣтъ, сомнѣній нѣтъ!

„Была собакою, по прозвищу Медоромъ,
Опорой твердою убогаго слѣпца,
И съ чашею въ зубахъ бродила подъ заборомъ,
Сопутствуя ему повсюду безъ конца.
Утѣха нищаго, я богачей плѣняла,
Кормила одного, у всѣхъ прося чуть-свѣтъ,
И, дѣлая добро, другихъ къ добру склоняла“...
—Душа права, сомнѣній нѣтъ,
Сомнѣній нѣтъ, сомнѣній нѣтъ!

„Какъ было чудно мнѣ въ укромномъ заключеньи,
Когда я въ дѣвушку красивую вошла!
Но ринулись туда Амуры въ изступленьи,
И этотъ уголокъ былъ разнесенъ до тла.
Ихъ воинскій отрядъ потратилъ много жару:
Пока я тамъ жила,—и ночью, и въ разсвѣтъ
Все было въ пламени. Привыкла я къ пожару“...
—Душа права, сомнѣній нѣтъ,
Сомнѣній нѣтъ, сомнѣній нѣтъ!

„Но чтобы мой разсказъ яснѣе сталъ немного“,
Закончила душа: „еще скажу тебѣ,—
Прогнѣвавъ небеса, наказана я строго...
Меня замкнуть въ тебя Богъ приказалъ судьбѣ.
Заботы, вѣчный трудъ... а женское коварство!..
А слезы!.. Я молчу, какъ ты живешь, поэтъ.
Съ тобою, какъ въ аду, несмѣтныя мытарства“...
—Душа права, сомнѣній нѣтъ,
Сомнѣній нѣтъ, сомнѣній нѣтъ!

В. Умановъ-Каплуновскій.

ЕКАТЕРИНА II

и

МОНТЕСКЬЁ

Въ своихъ мемуарахъ—именно въ ихъ части, еще неизданной—императрица Екатерина разсказываетъ, какъ въ своей ранней юности,—ей было тогда четырнадцать лѣтъ,—она узнала въ первый разъ шведскаго графа Гилленбурга. Екатерина съ своей матерью гостила тогда въ Гамбургѣ у бабушки, которая—въ дѣвичествѣ принцесса баденъ-дурлахская – была вдовой герцога гольштейнъ-готторпскаго, епископа любекскаго. Фамильныя и политическія отношенія были таковы: старшій сынъ этой вдовствующей герцогини и старшій братъ матери Екатерины былъ принцъ-епископъ любекскій,—онъ же былъ опекуномъ герцога Карла-Петра-Ульриха, который по смерти отца, Карла-Фридриха шлезвигъ-голштинскаго (по матери—племянника Карла XII, и женатаго на дочери Петра I), становился одновременно претендентомъ на два сѣверные престола, шведскій и русскій. По дипломатическому соглашенію Россіи съ Швеціей, затруднительность или прямая невозможность этого двоякаго наслѣдства была разрѣшена такъ, что когда русское наслѣдство было предоставлено Карлу-Петру-Ульриху (потомъ Петръ III), на престолъ шведскій предоставлено было избрать его опекуна, принца-епископа любекскаго, другого принца голштинскаго дома. Дѣйствительно, въ 1739 г. Карлъ-Петръ-Ульрихъ отказался отъ шведскаго престола, принялъ греко-россійское исповѣданіе, получилъ имя Петра и объявленъ былъ наслѣдникомъ русскаго престола и преемникомъ имп. Елизаветы, съ титуломъ великаго князя.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ матери Екатерины (вмѣстѣ съ дочерью) въ Гамбургъ, кажется въ 1743, тамъ именно ожидали прибытія шведскаго посольства, которое должно было окончательно призвать въ Швецію принца-епископа любекскаго: „онъ былъ избранъ наслѣдникомъ шведскаго престола, или, вѣрнѣе, статья мирнаго договора Россіи съ Швеціей дѣлала этого принца наслѣдникомъ шведской короны". Дѣйствительно, многочисленное шведское посольство прибыло въ Гамбургъ; принцъ уѣхалъ съ нимъ въ Швецію, простившись съ семействомъ, которое видѣлъ въ послѣдній разъ... Въ составѣ посольства былъ и графъ Гилленбургъ.

Императрица разсказываетъ дальше, что со времени этой поѣздки въ Гамбургъ мать стала обращать на нее больше вниманія, чѣмъ прежде. Одной изъ главныхъ причинъ перемѣны былъ этотъ графъ Гилленбургъ.

Въ это время, „онъ каждый день бывалъ въ домѣ бабушки" (повторимъ, что это была мать призываемаго въ Швецію наслѣдника престола) „и имѣлъ возможность ближе познакомиться съ моей матерью и со мной; онъ видѣлъ, что мать не обращала на меня особеннаго вниманія; однажды онъ сказалъ ей: „madame, вы не знаете этого ребенка; я ручаюсь вамъ, что у нея гораздо больше ума и способностей, чѣмъ вы думаете; прошу васъ, обратите на нее больше вниманія, чѣмъ вы дѣлали это до сихъ поръ; она заслуживаетъ того во всѣхъ отношеніяхъ". Этотъ графъ Гилленбургъ не переставалъ воспитывать мою душу всѣми лучшими чувствованіями и самыми высокими нравственными правилами, какія только можно внушать молодымъ людямъ; я жадно это схватывала и себѣ усвоивала".

Видимо, это былъ просвѣщенный человѣкъ того типа XVIII столѣтія, какой сталъ тогда распространяться подъ вліяніемъ уже начавшагося „философскаго" направленія: оно обращалось на вопросы нравственные, а также вопросы общественные, образовывало людей съ опредѣленными убѣжденіями, внушало не только личную твердость въ этихъ убѣжденіяхъ, но и стремленіе дать имъ силу въ общественномъ примѣненіи.

Послѣ встрѣчи въ Гамбургѣ, другая встрѣча произошла въ Петербургѣ, въ 1745. Тѣмъ временемъ Екатерина, въ качествѣ ангальтъ-цербстской принцессы, была приглашена съ матерью въ Россію, гдѣ она должна была стать невѣстой великаго князя, который уже раньше былъ вызванъ въ Россію, какъ наслѣдникъ престола. Въ 1745, дворъ жилъ въ Москвѣ.

„Къ концу нашего пребыванія въ Москвѣ",—пишетъ Екатерина въ другихъ, болѣе извѣстныхъ ея мемуарахъ,—„прибыло

шведское посольство, во главѣ котораго находился сенаторъ Цедеркрейцъ. Немного времени спустя прибылъ также графъ Гилленбургъ, съ извѣщеніемъ къ императрицѣ о бракѣ шведскаго королевскаго принца, брата моей матери, съ одной прусской принцессой. Этотъ графъ Гилленбургъ былъ намъ знакомъ; мы видѣли его въ Гамбургѣ, куда онъ пріѣзжалъ со многими другими шведами во время отъѣзда королевскаго принца въ Швецію. Это былъ человѣкъ большого ума; онъ уже не былъ молодъ, и моя мать оказывала ему большое уваженіе; что касается меня, я была ему нѣкоторымъ образомъ обязана, потому что въ Гамбургѣ, видя, что моя мать почти или совсѣмъ не обращала на меня вниманія, онъ сказалъ ей, что она была неправа и что несомнѣнно я была ребенкомъ гораздо выше своего возраста. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ пришелъ къ намъ и какъ въ Гамбургѣ онъ всегда мнѣ говорилъ, что у меня складка ума очень философическая, онъ спрашивалъ меня, какъ идетъ моя философія въ томъ вихрѣ, въ которомъ я находилась; я разсказала ему, что̀ я дѣлала въ своей комнатѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что философъ въ пятнадцать лѣтъ еще не можетъ знать самого себя и что я окружена была такими подводными камнями, что надо было очень опасаться, чтобы я не подверглась крушенію, если только моя душа не была самымъ высокимъ образомъ закалена; что нужно питать ее самымъ лучшимъ чтеніемъ, какое только возможно, и для этого онъ рекомендовалъ мнѣ жизнеописанія знаменитыхъ людей Плутарха, жизнь Цицерона и „Причины величія и упадка римской республики“ Монтескьё. Я тотчасъ послала за этими книгами, которыя съ трудомъ можно было тогда найти въ Петербургѣ, и я сказала ему, что я сдѣлаю ему свой портретъ, какъ я себя знала, чтобы онъ могъ видѣть, знала я себя или нѣтъ. Дѣйствительно я написала свой портретъ, который назвала „Портретъ философа въ 15 лѣтъ“, и отдала ему. Много лѣтъ спустя, а именно въ 1758, я нашла это сочиненіе и была удивлена глубиной знанія самой себя, какое въ немъ заключалось. Къ сожалѣнію, я сожгла тогда это сочиненіе со всѣми другими моими бумагами, боясь держать что-нибудь изъ нихъ у себя въ комнатѣ, во время несчастнаго дѣла графа Бестужева. Графъ Гилленбургъ черезъ нѣсколько дней возвратилъ мнѣ мою рукопись; я не знаю, списалъ ли онъ себѣ копію. Онъ сопроводилъ мою рукопись нѣсколькими страницами размышленій на мой счетъ, которыми онъ старался укрѣпить во мнѣ какъ возвышенность души и твердость, такъ и другія качества сердца и ума. Я много разъ перечитала написанное имъ; я прониклась

его словами и положила себѣ серьезно слѣдовать его совѣтамъ. Я дала себѣ это обѣщаніе, и когда я себѣ что-нибудь обѣщала, я не помню, чтобы когда-нибудь этого не исполняла. Потомъ я возвратила графу Гилленбургу его рукопись, какъ онъ меня просилъ, и признаюсь, что онъ много послужилъ къ тому, чтобы образовать и укрѣпить складъ моего ума и моей души".

Этотъ разсказъ является въ разныхъ отношеніяхъ любопытнымъ эпизодомъ и въ исторіи имп. Екатерины, и въ исторіи русскаго общественнаго просвѣщенія. Правительницей русской имперіи предстояло быть принцессѣ мелкаго нѣмецкаго двора; ея нравственно-философскимъ руководителемъ привелось быть шведскому графу, который направилъ ее къ сильнѣйшему нравственно-философскому и общественно-политическому движенію того времени, главнымъ очагомъ котораго была французская литература. Графъ Гилленбургъ прямо указалъ ей на Монтескьё. Такіе пути потребовались между прочимъ для культурнаго русскаго развитія, въ которомъ имп. Екатерина имѣла такую сильную, вліятельную роль.

Монтескьё (1689—1755) въ эти годы былъ еще только авторомъ „Персидскихъ писемъ" (1721) и „Причинъ величія и упадка римской республики" (1734); еще готовился „Духъ Законовъ" (1748). Но двѣ первыя книги, особливо вторая, людямъ серьезнымъ указали въ Монтескьё глубокаго мыслителя, который искалъ раскрыть въ судьбѣ человѣческихъ обществъ или государствъ основные мотивы ихъ историческаго бытія, найти законы явленій и, наконецъ, извлечь изъ этихъ сознательныхъ историческихъ изученій и указанія для болѣе или менѣе правильной оцѣнки и постановки учрежденій, дѣйствующихъ на политическую жизнь обществъ въ настоящее время.

Наконецъ, появленіе главнаго труда Монтескьё, „Esprit des Lois", было настоящимъ событіемъ, не только во Франціи, но во всей просвѣщенной Европѣ: вездѣ книга была переведена, и въ особенности она была высоко оцѣнена въ Англіи, потому что въ первый разъ для самихъ англичанъ объяснила глубокое значеніе ихъ представительныхъ учрежденій. Впечатлѣнія книги во французскомъ обществѣ такъ описывалъ Рейналь въ письмѣ къ просвѣщенной нѣмецкой герцогинѣ Луизѣ-Доротеѣ: „Во Франціи нѣтъ изученій болѣе заброшенныхъ, чѣмъ изученіе публичнаго права. Немногія сочиненія, какія у насъ есть объ этомъ предметѣ, очень плохи, и еслибы даже онѣ были хороши, ихъ бы не читали. Нужно было очень большого человѣка и, что еще важнѣе, человѣка въ модѣ, чтобы измѣнить въ этомъ вкусъ націи.

Президентъ Монтескьё совершилъ теперь эту перемѣну. Его книга, подъ названіемъ „Духъ Законовъ", изданная нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Женевѣ и вскорѣ тайно перепечатанная въ Парижѣ, вскружила голову у всѣхъ французовъ. Это сочиненіе можно найти одинаково въ кабинетѣ нашихъ ученыхъ и на туалетѣ нашихъ дамъ и нашихъ свѣтскихъ франтовъ. Не знаю, будетъ ли этотъ энтузіазмъ продолжителенъ, но несомнѣнно, что онъ не можетъ идти дальше". Извѣстный Мельхіоръ Гриммъ (лѣтъ десять спустя ставшій ревностнымъ корреспондентомъ импер. Екатерины) въ 1756 писалъ въ своей Перепискѣ: „Духъ Законовъ произвелъ совершенный переворотъ въ духѣ націи. Лучшія головы въ послѣднія семь или восемь лѣтъ посвятили себя объясненію политическихъ вещей. Правительственныя дѣла стали теперь предметомъ философскихъ толковъ, и если не въ дѣйствительности, то въ наукѣ политики мы уже можемъ теперь равняться съ англичанами".

Намъ нѣтъ надобности останавливаться на подробностяхъ книги Монтескьё. Сочиненіе о причинахъ величія и паденія Рима и „Духъ Законовъ" были у насъ переведены еще въ концѣ XVIII и началѣ XIX-го вѣка; потомъ „Духъ Законовъ" былъ переведенъ еще разъ и наконецъ явился въ новѣйшемъ переводѣ съ обширнымъ комментаріемъ М. М. Ковалевскаго, 1900. Для цѣльнаго знакомства съ личностью знаменитаго писателя, въ нашей литературѣ есть переводъ прекрасной книги о Монтескьё, Альберта Сореля, 1898.

Суровый Шлоссеръ, въ его строгихъ сужденіяхъ объ обществѣ, правительствахъ, политическихъ дѣятеляхъ, „философахъ" XVIII-го вѣка, выдѣляетъ великія достоинства Монтескьё, указываетъ во многихъ случаяхъ его глубоко справедливыя мысли о разныхъ вредныхъ и ложныхъ законодательныхъ положеніяхъ и общественныхъ понятіяхъ того времени. Онъ находилъ, что „непосредственное дѣйствіе „Духа Законовъ" въ Германіи и во Франціи было не очень значительно": „въ обѣихъ этихъ странахъ слишкомъ привыкли презирать народъ и считать преступленіемъ мысль о государственныхъ дѣлахъ со стороны частнаго человѣка, такъ что не могли думать ни о конституціи, ни о свободѣ",—хотя, какъ мы видѣли, уже въ то самое время книга Монтескьё произвела большое впечатлѣніе во французскомъ обществѣ. Далѣе Шлоссеръ указываетъ, что позднѣе Монтескьё сталъ, однако, оракуломъ для историковъ и политиковъ, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, что къ его авторитету прибѣгало потомъ и феодальное дворянство противъ демократіи. Сорель особо

останавливается на разнообразномъ „потомствѣ“ Монтескьё въ эпоху революціи и послѣ, во времена реставраціи: разныя партіи и взгляды искали у него аргументовъ въ свою защиту...

Это появленіе „потомства“ Монтескьё, какъ выражается Сорель, указывало именно на богатство идей и историко-политическихъ соображеній, собранныхъ въ двухъ знаменитыхъ книгахъ. Основа ученій Монтескьё заключалась именно въ томъ, чтобы въ массѣ событій, въ разнообразіи учрежденій, въ измѣнчивой судьбѣ государствъ, найти какую-либо путеводную нить,—если она существовала. Уже въ тѣ времена вопросъ о существѣ исторіи ставился сильными умами, и если съ одной стороны онъ рѣшался провиденціальной теоріей Боссюэта, съ другой—онъ вызывалъ теоріи скептическія, которыя приписывали ходъ исторіи, судьбы государствъ и народовъ простому сцѣпленію случайныхъ обстоятельствъ. Когда Монтескьё поставилъ вопросъ о *причинахъ* величія и потомъ упадка Рима, онъ съ перваго раза отвергъ случай, а въ „Духѣ Законовъ“ все изслѣдованіе посвящено опредѣленію общихъ причинъ, создающихъ судьбу народовъ и учрежденій. Эти причины—физическія и нравственныя: съ одной стороны условія природы, въ какихъ живетъ народъ, климатъ, почва и т. д.; съ другой—складъ характера, нравы. Такъ онъ находитъ три основныя формы правленія, сложившіяся у народовъ: республика, представительная монархія и деспотія. Шлоссеръ въ слѣдующихъ словахъ указываетъ, „какимъ образомъ эти формы представлены здѣсь большой публикѣ“. „Республика блеститъ какъ недосягаемый идеалъ; основаніе ея есть чистая добродѣтель, принципъ ея любовь къ совершенному равенству. Конституціонная монархія является какъ послѣднее прибѣжище нашихъ европейскихъ племенъ какъ они есть и какъ могутъ быть, такъ какъ имъ недостаетъ той добродѣтели, которую Монтескьё добродушно признаетъ за нѣкоторыми древними республиками; принципъ этой государственной формы составляетъ, по его мнѣнію, честь. Напротивъ, деспотія, свойства которой, по положительнымъ словамъ Монтескьё, всего больше встрѣчаются въ абсолютно-монархическихъ военныхъ государствахъ континента, есть язва человѣчества, причина испорченности и вредъ для нравовъ; принципъ ея есть страхъ“.

Строгій критикъ, Шлоссеръ, какъ можно замѣтить и въ приведенной цитатѣ, не считаетъ трудъ Монтескьё безупречнымъ,—принимая даже во вниманіе тогдашнее состояніе историческихъ знаній. Онъ отдаетъ всю похвалу честному гражданину, просвѣщенному мыслителю, смѣлому публицисту,—но находитъ не-

малые недостатки у научнаго изслѣдователя... Въ свое время эти недостатки указывались. Шлоссеръ смѣется надъ Вольтеромъ, который упрекалъ Монтескьё въ поверхностныхъ сужденіяхъ, когда въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ былъ такъ поверхностенъ. Но были и болѣе серьезные судьи: основательный ученый, глубокій знатокъ древнихъ языковъ, Кревье—„во всякое другое время былъ бы страшнымъ противникомъ Монтескьё". „Въ большей части случаевъ, онъ былъ безспорно правъ: но голосъ публики, которая не обращала никакого вниманія на ученость Кревье, былъ за Монтескьё. Кревье не безъ основанія упрекалъ прославленнаго писателя въ тщеславіи, фразерствѣ, въ недостаткѣ основательныхъ свѣдѣній... Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кревье бралъ подъ защиту устарѣвшее правительственное устройство и устарѣвшій общественный порядокъ: онъ хотѣлъ спасти и защитить такія религіозныя и государственныя формы, какія не могли спастись. Подобный родъ школьной учености, естественно, долженъ былъ замолкнуть передъ голосомъ свѣта"...

Но безъ сомнѣнія онъ долженъ былъ бы замолкнуть и передъ голосомъ истинной науки. Какія бы ни были частныя фактическія ошибки, когда онѣ были, эти ошибки не измѣняли цѣльной широкой постановки историческаго и политическаго сооруженія Монтескьё, и новѣйшіе историки видятъ въ немъ именно одного изъ великихъ начинателей, или даже перваго начинателя современной исторіографіи.

Такъ смотритъ на него Альбертъ Сорель, въ предѣлахъ французской исторіографіи.

И здѣсь, правда, сказался еще разъ тотъ историческій скептицизмъ, о которомъ мы выше упоминали. Выразителемъ его явился Сентъ-Бёвъ.

„Онъ соглашается съ Монтескьё только на половину и съ безчисленными ограниченіями, — говоритъ о немъ Сорель.— Именно въ его сочиненіяхъ можно найти въ самой мягкой формѣ наиболѣе существенныя возраженія, какія были сдѣланы Монтескьё... Сентъ-Бёвъ много разъ обращался къ Монтескьё, подходилъ къ нему со всѣхъ сторонъ... Человѣкъ его плѣняетъ, писатель очаровываетъ, сочиненіе тревожитъ, историкъ приводитъ въ нетерпѣніе, законодатель ставитъ въ тупикъ.

„Какъ законодателя, Сентъ-Бёвъ упрекаетъ Монтескьё въ томъ, что онъ слишкомъ высоко ставитъ средняго человѣка, слишкомъ много жертвуетъ декораціи міра и человѣческому уваженію, довольно мягко говоритъ о первоначальной, всегда скрытой злости человѣка, слишкомъ скрываетъ подъ общественной

драпировкой людскую одежду, т.-е. рубище... Сентъ-Бёвъ не видитъ, что въ великой политической гигіенѣ оптимизмъ является условіемъ и душой всякаго предпріятія. Какъ руководить человѣкомъ, если не считаешь его способнымъ быть руководимымъ; какъ усовершенствовать его, если считаешь его неспособнымъ къ совершенствованію?..

„Въ исторіи Сентъ-Бёвъ находитъ, что Монтескьё слишкомъ пренебрегаетъ непослѣдовательностью людей и капризами судьбы. Монтескьё, по его мнѣнію, слишкомъ все упрощаетъ и представляетъ все слишкомъ симметрично; онъ оставляетъ въ сторонѣ случайности; изолируетъ извѣстные эпизоды, соединяетъ ихъ и влагаетъ въ нихъ подобіе разума, котораго они никогда не имѣли; считается только съ событіями, принесшими свои слѣдствія, пропуская всѣ тѣ, которыя не имѣли успѣха; изъ тысячи формъ, которыя могло принять событіе, выбираетъ только одну, ту, которая осуществилась на самомъ дѣлѣ; проходитъ мимо неожиданностей; не знаетъ „правды интриги и человѣческаго маскарада“... Великіе перевороты и великія побѣды являются (по мнѣнію Сентъ-Бёва) дѣломъ безсознательныхъ актеровъ; все сводится здѣсь къ волненіямъ неизвѣстныхъ слѣпцовъ, которые копошатся въ тѣни“...

Дальше мудрено идти въ историческомъ скептицизмѣ. Сорель указываетъ опроверженіе его въ словахъ Монтескьё по поводу такого же отрицанія (еще въ XVIII вѣкѣ) исторической причинности: „случайность не имѣетъ подобнаго рода постоянства“.

„Это вѣрно въ явленіяхъ историческихъ, какъ и явленіяхъ физической природы,—продолжаетъ Сорель:—одинъ случай не можетъ произвести того, чтобы при тождественныхъ условіяхъ явленія повторялись и смѣняли другъ друга. Эта смѣна имѣетъ свои законы: факты не нагромождены другъ на друга и не изолированы; они держатся другъ за друга, они имѣютъ свою связь. Случай распоряжается только формой событій“... „Общая причина влечетъ за собою всѣ частные случаи“. Это именно и является причиной того, что еслибы не явился Цезарь, то другой занялъ бы его мѣсто. Монтескьё никогда не выражалъ этого лучше, чѣмъ въ слѣдующемъ примѣрѣ: „Возстановленіе республики (въ древнемъ Римѣ) было такъ невозможно, что случилось то, чего никогда еще не было видано: не было уже тирана, и все-таки не было болѣе свободы, потому что причины, уничтожившія ее, все время продолжали существовать“.

„Между Монтэнемъ и Паскалемъ,—продолжаетъ Сорель,—излишкомъ человѣческой ироніи и бездной разсудка, уничтожаю-

щагося въ самомъ себѣ, существуетъ середина для знанія, мысли и здраваго смысла: это—мѣсто Монтескьё. Онъ прежде всего—честный общественный человѣкъ и честный политикъ, которому ничто человѣческое не чуждо, который стремится къ познанію самого себя съ цѣлью познать другихъ и къ тому, чтобы познакомить людей съ условіями ихъ существованія съ цѣлью научить ихъ сдѣлать его болѣе сноснымъ. Его сочиненія не утрачиваютъ своего значенія, потому что они — историческія и потому, что основываются на наблюденіяхъ надъ природой. Его общіе взгляды справедливы, это главное; что касается ошибокъ въ деталяхъ, то онѣ не имѣютъ важнаго значенія. Вилльменъ очень хорошо сказалъ: „Въ сочиненіяхъ подобнаго рода эти ошибки стоятъ не больше дробей въ большихъ смѣтахъ". Монтескьё оставилъ нѣчто лучшее, чѣмъ правила: методъ, который позволилъ развить его мысль и примѣнить ее къ случаямъ, которыхъ онъ не могъ предвидѣть. Онъ оказалъ глубокое и продолжительное вліяніе на свое время; онъ еще исполненъ поучительности и для нашего времени. Его имя связано съ большею частью лучшихъ реформъ, которыя мы произвели въ теченіе вѣка. Онъ представляетъ нашъ національный духъ въ томъ, что есть въ немъ наиболѣе точнаго, наиболѣе широкаго, благороднаго и мудраго".

Таковъ былъ писатель, котораго графъ Гилленбургъ рекомендовалъ юной принцессѣ: мы видѣли, какъ она цѣнила совѣты своего руководителя, и нѣтъ сомнѣнія, что она читала „Les causes de la grandeur et de la décadence". Какъ выше замѣчено, въ это время еще не былъ изданъ „Esprit des Lois"; но опять едва ли сомнительно, что книга, о которой поднялись такіе оживленные толки не въ одной французской, но и въ цѣлой европейской литературѣ, не миновала рукъ будущей императрицы. Опредѣленныхъ свѣдѣній объ этомъ пока нѣтъ, и отношеніе имп. Екатерины къ Монтескьё выясняется для насъ уже только въ шестидесятыхъ годахъ XVIII-го вѣка, черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ она въ первый разъ познакомилась съ этимъ писателемъ... Въ перепискѣ императрицы между прочимъ нашлось и было издано отвѣтное письмо ея къ графу Гилленбургу отъ 1766,—письмо котораго было доставлено Екатеринѣ его сыномъ. Отвѣтъ былъ чрезвычайно благосклонный. Въ письмѣ Гилленбурга она „съ удовольствіемъ увидѣла тѣ же знаки вниманія, какіе онъ показывалъ ей больше двадцати лѣтъ тому назадъ"; она говорила, что многіе соотечественники графа могли

ему повторить, что ей всегда хотѣлось знать обо всемъ, что его касается; она очень многимъ ему обязана—„и если я имѣю нѣкоторые успѣхи, то и вы въ нихъ участвуете, такъ какъ развили во мнѣ желаніе достигнуть до совершенія великихъ дѣлъ“ [1]). Одно изъ „обязательствъ“ (obligations), какія она здѣсь предполагала, было то, что Гилленбургъ первый указалъ ей на Монтескьё, который въ эти годы былъ для нея величайшимъ авторитетомъ.

Много разъ поминается имя Монтескьё въ перепискѣ императрицы именно за первые шестидесятые годы, во время работы надъ „Наказомъ“. Приводимъ нѣсколько цитатъ, которыя укажутъ ея отношеніе къ великому французскому писателю.

Въ первой половинѣ 1765 года, отвѣчая на письмо д'Аламбера (отъ апрѣля), она говоритъ очевидно о „Наказѣ“, надъ которымъ тогда работала:... „Давно я собиралась писать вамъ, такъ какъ нѣкоторымъ образомъ была вамъ должна отвѣтомъ. Я хотѣла прибавить къ этому нѣкоторую тетрадь, но требовалось время, чтобы сдѣлать ее разумною (raisonnable), и притомъ она еще не кончена. Если вы ее одобрите, я буду довольна. Вы увидите тамъ, какъ я на пользу моей имперіи обобрала президента Монтескьё, не называя его; я надѣюсь, что если съ того свѣта онъ видитъ мою работу, онъ проститъ мнѣ этотъ плагіатъ для блага двадцати милліоновъ людей, которое должно отсюда произойти. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы оскорбиться этимъ; его книга есть мой молитвенникъ“.

Въ 1766, „Наказъ“ былъ сообщенъ Гр. Орловымъ, въ числѣ другихъ лицъ, Василію Баскакову и извѣстному А. П. Сумарокову. Оба написали свои замѣчанія: первымъ императрица осталась очень довольна, но не вторымъ. Къ замѣчаніямъ его имп. Екатерина приписала: „Господинъ Сумароковъ хорошій поэтъ, но слишкомъ скоро думаетъ. Чтобъ быть хорошимъ законодавцемъ, онъ связи довольной въ мысляхъ не имѣетъ; чтобъ критиковать цѣпь—и для того привязывается къ наружности кольцевъ, составляющихъ цѣпь, и находитъ, что здѣсь или тамъ въ полирѣ ошибки есть, которыхъ пороковъ онъ бы оставилъ, есть ли бы понялъ связь“...

Между прочимъ Сумароковъ упомянулъ о Монтескьё: ...„великіе и всею Европою почитаемые авторы, а особливо несравненный Монтескіу, но и въ немъ многое критикѣ подлежитъ, о чемъ противъ ево и писано“. Екатерина приписала къ этому: „Многіе

---

[1]) Бумаги имп. Екатерины II, хранящіяся въ Госуд. Архивѣ и пр. Томъ II. Спб. 1872, стр. 157.

критиковали Монтескіу, не разумѣя его: я вижу, что я сей жребій съ нимъ раздѣлю“ [1]).

Въ другомъ письмѣ къ д'Аламберу, отъ 1766 (въ отвѣтъ на его письмо отъ августа того года), опять мимоходомъ упоминаніе о Монтескьё, конечно въ связи съ „Наказомъ“: „Уже два года мои главныя занятія заключаются въ томъ, что я переписываю и обдумываю принципы президента Монтескьё. Я стараюсь понять его и сегодня зачеркиваю то, что находила вчера очень хорошимъ“.

Не останавливаясь еще на нѣсколькихъ другихъ упоминаніяхъ о „Наказѣ“ въ письмахъ императрицы (напр. къ г-жѣ Жоффренъ), приведемъ еще нѣсколько словъ изъ письма ея къ Фридриху II отъ октября 1767. Посылая прусскому королю нѣмецкій переводъ „Наказа“, Екатерина писала: „...Ваше в-ство не найдетъ тамъ для себя ничего новаго, ничего неизвѣстнаго... Во всемъ моего—только распредѣленіе предметовъ по статьямъ, и въ разныхъ мѣстахъ то строчка, то слово: еслибы собрать все, прибавленное здѣсь мною, я не думаю, чтобы вышло больше двухъ, трехъ листовъ. Большая часть извлечена изъ Духа Законовъ, президента Монтескьё, и изъ сочиненія О преступленіяхъ и наказаніяхъ, маркиза Беккаріа“ [2])...

Новѣйшіе изслѣдователи собрали не мало прямыхъ сличеній „Наказа“ съ текстами Монтескьё и Беккаріа, указывали вліяніе нѣкоторыхъ другихъ писателей (напр. Мерсье де-ла-Ривьера), сосчитывали по статьямъ, какому изъ авторитетовъ Екатерины принадлежала большая доля ея труда [3]),—но достаточно прямыхъ указаній самой Екатерины, чтобы видѣть, что главнѣйшимъ ея руководителемъ былъ именно Монтескьё. И это естественно: Монтескьё давалъ цѣлую обширную философскую исторію политической жизни народовъ и законодательства; цѣль сочиненій Беккаріа была болѣе тѣсная.

Въ автобіографической запискѣ имп. Екатерины о первыхъ годахъ ея царствованія указаны мотивы, которые тогда же убѣдили ее въ необходимости дать русскому законодательству лучшій порядокъ,—и именно порядокъ раціональный. „И для того я начала читать, потомъ писать наказъ коммиссіи уложенія. Два года я читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова“... Повидимому, только послѣ она взяла себѣ сотруд-

[1]) Тамъ же, стр. 83, 84, 87.

[2]) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. XX, Спб. 1877, стр. 236.

[3]) См. обзоръ данныхъ объ исторіи „Наказа“ въ предисловіи къ прекрасному изданію „Наказа“ г. Пантелѣева. Спб. 1893, стр. 14—23, 31—53.

никовъ, говорила съ княземъ Орловымъ (Гр. Гр.), который „цѣны не ставилъ ея работы и требовалъ часто, чтобъ тому или другому оную показать"... Такимъ образомъ работа надъ Наказомъ происходила въ самые первые годы царствованія. Очевидно, что иначе и быть не могло, потому что самый планъ былъ уже дѣйствіемъ правительственнымъ. Здѣсь и началось пристальное и детальное изученіе Монтескьё и Беккаріа.

Какъ видно изъ мемуаровъ Екатерины II, она уже задолго до воцаренія предчувствовала, и предвидѣла, будущую царственную роль. Она и готовилась къ ней—пока размышленіями. Сюда безъ сомнѣнія относятся тѣ замѣтки, относимыя ко времени *до* 1762 года, которыя изданы были въ первомъ томѣ „Бумагъ имп. Екатерины" [1]).

Мнѣ кажется, что есть еще одно болѣе раннее указаніе на эти теоретико-политическіе интересы Екатерины, когда она была еще великой княгиней, и что въ этихъ интересахъ занимали уже важное мѣсто идеи Монтескьё.

Въ 1760, вышла безъ указанія имени автора и мѣста печатанія книга подъ названіемъ „Lettres Russiennes" [2]). Библіографы, упоминавшіе объ этой книгѣ, обыкновенно приписываютъ ее нѣкоему Струбе де-Пирмонтъ, между прочимъ бывшему во второй половинѣ XVIII вѣка членомъ петербургской академіи наукъ [3]). Отъ XVIII вѣка не осталось біографіи этого ученаго; краткія свѣдѣнія о немъ,—такъ какъ онъ дѣйствовалъ между прочимъ въ Россіи и писалъ о русскихъ предметахъ,—даны были въ извѣстномъ Словарѣ митрополита Евгенія [4]); наконецъ, если не ошибаемся, первая нѣсколько обстоятельная біографія его дана Пекарскимъ по архивнымъ матеріаламъ Академіи наукъ [5]).

---

[1]) Спб., 1871, стр. 82—101.

[2]) Lettres Russiennes. MDCCLX. Съ эпиграфомъ: Ne dùm tacemus, non verecundiae, sed diffidentiae causa, tacere videamur. Cyprian. 12°. 270 стр. и 1 непом. Errata.—Въ „Russica" И. Публ. Библіотеки, 1873, см. L 770, S 2889.

[3]) Lettres Russiennes не указаны, однако, въ числѣ сочиненій Струбе въ обстоятельномъ „Лексиконѣ" Мейзеля: „Lexikon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller. Ausgearbeitet von Johann Georg Meusel". 13-й томъ. Лейпц. 1813, стр. 494—495.

[4]) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи. Изданіе Москвитянина. М. 1845. II, 184: здѣсь онъ названъ Струбъ де Пирмонъ.

[5]) Исторія Имп. Академіи наукъ въ Петербургѣ. П. Пекарскаго, Спб. 1871, I, стр. 671—689.

Интересъ книги „Lettres Russiennes“ заключается въ томъ, что это—критическій разборъ „Esprit des Lois“, особливо въ той его части, гдѣ рѣчь касается Россіи, и что этотъ разборъ встрѣтилъ живѣйшія возраженія имп. Екатерины.

Струбе, или Штрубе, де-Пирмонтъ родился въ 1704 и былъ родомъ изъ Ганновера; именно, родиной своей онъ называлъ Пирмонтъ [1]); хотя онъ былъ настоящій нѣмецъ, онъ къ своей фамиліи прибавлялъ *де*,—такова была мода, и притомъ онъ писалъ почти только по-французски. Онъ учился въ Галле, гдѣ, между прочимъ, его профессоромъ былъ знаменитый Христіанъ Томазіусъ, одинъ изъ достойнѣйшихъ нѣмецкихъ ученыхъ первой половины XVIII вѣка, защитникъ просвѣщенія, вѣротерпимости и общественной справедливости. Отъ него, вѣроятно, Струбе перенялъ вкусъ къ вопросамъ нравственной философіи и естественнаго права, а также извѣстную нѣмецкую методичность и начитанность. Съ 1730 года, какъ говорится въ академическихъ документахъ, онъ „служилъ, въ качествѣ секретаря, во многихъ посольствахъ“ [2]) въ Вѣнѣ, Англіи и Польшѣ, а затѣмъ, опять въ качествѣ секретаря, онъ долго состоялъ при герцогѣ Курляндскомъ, т.-е. герцогѣ Биронѣ. Въ эти годы началась и его литературная дѣятельность французскими книжками и брошюрами по дипломатической политикѣ; первою былъ, кажется, „L'Examen des réflexions d'un patriote allemand au sujet de la garantie de la pragmatique impériale“ (въ Амстердамѣ, 1732), по поводу прагматической санкціи имп. Карла VI, и потомъ „La réponse à la lettre de l'auteur des réflexions“ и пр. (въ Ратисбоннѣ, 1733).

Въ петербургскую академію Струбе попалъ въ 1738. Въ протоколахъ просто записано, что президентъ академіи, баронъ

Впослѣдствіи архивные матеріалы, изъ которыхъ черпалъ Пекарскій, напечатаны были сполна или въ извлеченіяхъ, въ двухъ изданіяхъ Академіи, посвященныхъ ея исторіи:

— Матеріалы для исторіи Импер. Академіи наукъ. Т. III. Спб. 1886, стр. 804—805; т. IV, 1887, стр. 52, 389, 575, 576 и др. (въ указателѣ); т. V, 1889, стр. 4; т. VI, 1890, стр. 471—472, 474, 608 и др.; т. VII, 1895, стр. 215, 453 и д.; т. VIII, 1895, стр. 124, 142—147, 301, 408 и др.; т. IX, 1897, стр. 87, 126, 156, 597 и др.; т. X, 1900, стр. 56, 83, 85, 94, 103, 121, 125 и д.

— Протоколы засѣданій конференціи Имп. Академіи наукъ съ 1725 по 1803 года. Томъ I. Спб. 1897; т. II, 1899; т. III, 1900,—о Струбе упоминается въ протоколахъ съ 1738 по 1771 годъ.

[1]) Въ академическихъ архивныхъ матеріалахъ ближайшимъ образомъ его родиной указывается Галлершпрингъ, близъ Ганновера.

[2]) Чьихъ?

Корфъ, заявилъ въ академическомъ собраніи 4 сентября, что на мѣсто выбывшаго изъ академіи Бекенштейна назначенъ имъ Струбе де-Пирмонтъ, и 11 сентября Струбе былъ введенъ президентомъ въ академическое собраніе. Въ заключенномъ съ нимъ контрактѣ (на пять лѣтъ, съ 860 р. жалованья) онъ названъ профессоромъ „юриспруденціи и политики". Первый трудъ Струбе, напечатанный при Академіи, относится къ естественному праву: „Recherche nouvelle del'origine el des fondemens du droit de la nature", 1740. Въ томъ же году ему было поручено „сочинить настоящую исторію" изъ реляцій и вѣдомостей о польскихъ и турецкихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ царствованіе имп. Анны; онъ приступилъ къ этой работѣ, но въ слѣдующемъ году она была прервана, такъ какъ ему поручено было состоять секретаремъ при графѣ Петрѣ Чернышевѣ въ Копенгагенѣ, потомъ въ 1743 —въ Берлинѣ. За границей онъ продолжалъ ученыя работы, писалъ опять о естественномъ правѣ, психологіи, составилъ для академической гимназіи логику,—въ 1746, съ нимъ заключенъ былъ новый контрактъ, гдѣ говорилось однако, что „понеже профессія его [1]) не такая, въ которой частыя должно дѣлать изобрѣтенія [2]) которыя бы вносить можно было въ Комментаріи", то онъ назначенъ былъ секретаремъ академіи: онъ долженъ былъ вести протоколы. Кромѣ исполненія своихъ академическихъ обязанностей, Струбе предлагалъ какому-то (неизвѣстному) высокопоставленному лицу, въ 1746, свои финансовые проекты: въ одномъ предлагалось ввести бумажныя деньги (papiers royaux) вмѣсто пятикопеечниковъ; въ другомъ—обязательная мужская одежда новаго образца, болѣе соотвѣтствующая нашему климату и менѣе дорогая, чѣмъ французское платье, и притомъ полагалось, что носящіе новую одежду должны были платить особую пошлину.

Въ 1748, Струбе объявлялъ курсъ юриспруденціи и также заявлялъ въ академіи, что такъ какъ невозможно излагать юношеству законы россійской имперіи, если не имѣется къ тому руководства, то онъ бралъ на себя составить „краткое руководство къ россійскимъ правамъ": онъ надѣялся завершить эту работу въ два года. Въ архивныхъ бумагахъ сохранился реестръ главъ предполагавшагося сочиненія, гдѣ указаны общіе вопросы права и частные предметы русскаго законодательства. Для по-

[1]) Т.-е. спеціальность. Самъ Струбе называлъ себя, въ *Русскихъ* письмахъ (онъ скоро овладѣлъ нѣсколько русскимъ языкомъ), „профессоромъ юрисъ и политицесъ".

[2]) По старымъ уставамъ, академики обязаны были дѣлать „инвенціи", которыя и должны были публиковаться въ „Комментаріяхъ" (—латинскихъ).

ощренія труда, Струбе назначена была прибавка къ жалованью. Въ библіотекѣ академіи хранится рукопись „Краткаго руководства къ россійскимъ правамъ“ (переводилъ его академическій переводчикъ Лебедевъ), писанная въ 1750; въ 1753, Струбе представилъ въ академическую канцелярію „Гражданскихъ правъ часть вторую“,—но въ концѣ концовъ академическое начальство видимо осталось трудомъ его недовольно, прибавка къ жалованью была прекращена—на томъ основаніи, что его книга была сочинена „не тѣмъ образцомъ, какъ онъ обѣщался и ее назвалъ, т.-е. краткимъ руководствомъ, ибо въ оной ничего болѣе не учинено, какъ только что подъ краткими заглавіями расположены матеріи и содержанія указовъ, регламентовъ и прочаго во всемъ ихъ пространствѣ отъ слова до слова“... Однимъ словомъ, Струбе только собралъ подъ рубрики сырой матеріалъ. Академическая канцелярія, не безъ основанія, нашла книгу для юношества „неспособною“ и въ такомъ видѣ ее „въ печать произвесть за излишне признано“...

Въ 1754, при сенатѣ учреждена была особая коммиссія для разсмотрѣнія дѣйствующаго законодательства и для „сочиненія ясныхъ и понятныхъ законовъ“; въ числѣ восьми членовъ этой коммиссіи былъ и Струбе.

Въ 1756, въ конференцію, учрежденную при дворѣ имп. Елизаветы, былъ призванъ Шумахеръ, и ему велѣно было издавать при академіи французскую газету. Академическая канцелярія поручила это дѣло Струбе; послѣдній отказывался за болѣзнью, но долженъ былъ взяться за изданіе. Въ 1757 онъ снова отказался, и за то былъ уволенъ совсѣмъ изъ академіи. Онъ поступилъ потомъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, гдѣ повидимому оставался до 1775 года, когда за старостью и будучи „непроченъ болѣе къ дѣламъ“ получилъ отставку съ значительной пенсіей. Годъ его смерти неизвѣстенъ; полагаютъ, что онъ умеръ до 1790.

Струбе оставилъ свое имя и въ русской исторіографіи. Здѣсь принадлежатъ ему два сочиненія: во-первыхъ, книжка (рѣчь въ торжественномъ собраніи академіи): „Sur l'origine et les changements des lois russiennes“, 1756, замѣчательная какъ первое изслѣдованіе по исторіи русскаго законодательства. Калачовъ, въ своей книгѣ о „Русской Правдѣ“ (1846), обратилъ вниманіе на то, что Струбе находилъ уже въ древнихъ русскихъ законахъ большое сходство съ древними законами германскихъ народовъ, въ особенности датскими и шведскими, доказывая это примѣрами и сравненіями. „Для того времени это было въ са-

момъ дѣлѣ новымъ открытіемъ, и самъ знаменитый Шлёцеръ спѣшилъ имъ воспользоваться какъ доказательствомъ въ пользу своего мнѣнія о происхожденіи Руси" [1]...

Вторымъ сочиненіемъ Струбе о русскихъ древностяхъ (и послѣднимъ изданнымъ его трудомъ) была книга: „Dissertation sur les anciens Russes" [2]. Въ предисловіи говорится, что авторъ приступилъ къ этому изслѣдованію уже давно, сорокъ лѣтъ тому назадъ—т.-е. въ 1749—50 годахъ, когда шло слѣдствіе о разсужденіи Герарда-Фридриха Миллера на ту же тему. Выводы Миллера казались ему не отвѣчающими „краткимъ и яснымъ показаніямъ нашихъ лѣтописцевъ" и извѣстіямъ иноземныхъ историковъ, и онъ предположилъ „обстоятельнѣе изслѣдовать пунктъ, о которомъ и доселѣ еще спорятъ", и собрать о немъ достовѣрныя свѣдѣнія. По своему времени изслѣдованіе Струбе было замѣчательно: къ истолкованію началъ древней Руси были привлечены, кромѣ русской лѣтописи, извѣстія историковъ византійскихъ, лѣтописи западныя, извѣстія и преданія народовъ скандинавскихъ и кельтскихъ.

Наконецъ, до послѣднихъ своихъ трудовъ Струбе не оставлялъ своихъ давнихъ интересовъ къ „естественному праву". Очевидно, здѣсь онъ считалъ себя спеціалистомъ. Въ этомъ смыслѣ онъ не могъ не обратить особеннаго вниманія на книгу Монтескьё, которая произвела тогда сильное впечатлѣніе во всей европейской литературѣ и которая именно примыкала къ разысканіямъ о „естественномъ правѣ", когда стремилась объяснить естественными условіями климата, почвы, „нравовъ" (т.-е. сложившагося изъ рѣшающихъ первобытныхъ данныхъ народнаго характера), объяснить особенности самыхъ политическихъ формъ и законовъ. Въ изслѣдованіи этихъ основаній „Духа законовъ" Струбе не всегда соглашался съ знаменитымъ писателемъ. Къ этому обще-

---

[1]) Книжка Струбе тогда же была переведена на русскій языкъ: „Слово о началѣ и перемѣнахъ россійскихъ законовъ въ торжественное празднество тезоименитства Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшей государыни императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійской въ публичномъ собраніи Санктпетербургской Императорской Академіи наукъ говоренное Ѳедоромъ Штрубомъ сентября 6 дня 1756 году. И переведенное на Россійской языкъ Семеномъ Нарышкинымъ. Печатано при Императорской Академіи Наукъ". 4⁰. 34 стр.

[2]) Par F. H. S. D. P. (4⁰. 76 стр.), 1785. И это сочиненіе также было переведено на русскій языкъ:

„Разсужденіе о древнихъ Россіянахъ, сочиненное Ф. Г. С. Д. П." (т.-е. Фридрихомъ Генрихомъ Струбе де Пирмонтъ). „Съ французскаго перевелъ Левъ Павловскій. Москва, въ Университетской Типографіи, у В. Окорокова. 1791". 8⁰. 7 неном. стр. VIII и 192 стр.

историческому разнорѣчію присоединилось и другое. Въ книгѣ Монтескьё находились замѣчанія о формѣ правленія въ европейскихъ континентальныхъ государствахъ, и сколько онъ сочувствовалъ англійскимъ учрежденіямъ, столько не сочувствовалъ учрежденіямъ континентальнымъ, гдѣ правленіе онъ представлялъ какъ деспотическое. Монтескьё упоминалъ здѣсь и о Россіи; а кромѣ того дѣлалъ частныя замѣчанія объ отдѣльныхъ узаконеніяхъ. То и другое вызывало у Струбе болѣе или менѣе настойчивыя опроверженія: онъ хотѣлъ исправлять ошибки Монтескьё, а въ особенности хотѣлъ опровергнуть существенную, по его мнѣнію, ошибку въ сужденіяхъ Монтескьё о „деспотизмѣ" и „рабствѣ" (крѣпостномъ правѣ), насколько то и другое примѣнялось имъ къ Россіи. Первый примѣръ такихъ возраженій находимъ уже въ упомянутой книжкѣ Струбе: „Слово о началѣ и перемѣнахъ россійскихъ законовъ" [1]).

Полемикѣ противъ Монтескьё посвящены сполна и упомянутыя „Lettres Russiennes". Пекарскій говорилъ о нихъ: „книга эта замѣчательна если не даровитостью и не убѣдительностью доводовъ автора, то по цѣли, которую онъ преслѣдовалъ; въ „Lettres russiennes" опровергаются въ началѣ тѣ мѣста знаменитыхъ „Lettres persannes" Монтескьё, въ которыхъ говорится о деспотизмѣ и рабствѣ, а потомъ слѣдуютъ доказательства, что въ Россіи правленіе не деспотическое" [2]). Но это указаніе на „Lettres Persannes" невѣрно: намекъ на нихъ представляетъ только одно заглавіе „Lettres Russiennes", въ подражаніе первымъ, но самое содержаніе не имѣетъ къ „Персидскимъ письмамъ" никакого отношенія. На первыхъ же страницахъ книги Струбе, въ предисловіи издателя, прямо названъ „Esprit des Lois", какъ предметъ полемики; онъ ярко указанъ и въ первыхъ строкахъ изло-

---

[1]) Онъ говоритъ въ „Словѣ", что для исполненія своей задачи думалъ „послѣдовать нѣкоторымъ писателямъ, упомянувшимъ о законахъ Россійской имперіи. Но тотчасъ увидѣлъ, что они сами не имѣя объ нихъ довольнаго понятія не могли описать ихъ ясно, по чему и подражанія недостойны". Въ подстрочномъ примѣчаніи онъ продолжаетъ: „Я буду доволенъ, есть ли сообщу здѣсь одинъ примѣръ, котораго никто не уповалъ бы найти въ столь славномъ писателѣ, какъ господинъ Монтескіу". И онъ приводитъ изъ Esprit des Lois дѣйствительно нѣсколько странныя замѣчанія о русскихъ торговыхъ дѣлахъ, что „векселя... и самая коммерція, противны ихъ законамъ"... „Нѣтъ сего несходнѣе съ истиною,—пишетъ Струбе,—и видно, что сей писатель мало имѣлъ попеченія въ пріобрѣтеніи себѣ знанія о коммерціи и законахъ сей имперіи". Онъ приводитъ дальше доказательства. „Слово", стр. 2—3.

[2]) Исторія Академіи Наукъ, I, стр. 687. Мѣсто печатанія книги не указано; Пекарскій замѣчаетъ, что „по шрифту и мелкимъ украшеніямъ легко примѣтить, что книга вышла изъ петербургской академической типографіи".

женія самого Струбе, и къ „Esprit des Lois“ относятся цитаты, которыми книга испещрена.—Да и странно было бы говорить о спеціально французской сатирѣ, какою были „Lettres Persannes“, когда уже изданъ былъ „Esprit des Lois“, гдѣ и находились подробныя толкованія политическаго вопроса.

Книга Струбе имѣетъ форму писемъ автора къ какому-то, вѣроятно важному, лицу, которое желало его отзыва о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частностяхъ въ сочиненіи Монтескьё. Авторъ писемъ относится съ великимъ почтеніемъ къ знаменитому писателю, „которому ученый міръ обязанъ остроумной системой права и политики“; но авторъ сожалѣетъ, что этотъ „превосходный писатель, увлеченный невѣрными свѣдѣніями, даетъ неудовлетворительное понятіе о законахъ и правительствѣ имперіи, которой до сихъ поръ извѣстно только могущество и величіе“. Авторъ желалъ исправить это неудовлетворительное понятіе, и такъ какъ большая часть невѣрныхъ показаній связана съ представленіемъ, какое Монтескьё составилъ о деспотизмѣ вообще, то авторъ счелъ нужнымъ прежде всего съ точностью анализировать это представленіе.

„Авторъ (Монтескьё) даетъ такое опредѣленіе тому роду правленія, о которомъ идетъ рѣчь. „„Это такое правленіе,—говоритъ онъ, — гдѣ одинъ, безъ правилъ и безъ закона, увлекаетъ все своей волей и своимъ произволомъ““. Чтобы живѣе нарисовать его, онъ сравниваетъ его съ дурнымъ обычаемъ дикарей Луизіаны, „„когда, чтобы имѣть плодъ, они срубаютъ дерево у корня и снимаютъ тогда плодъ““. Соотвѣтственно этимъ взглядамъ, онъ утверждаетъ, что „„деспотизмъ чудовищенъ, что онъ причиняетъ человѣческой природѣ страшныя бѣдствія, и что о немъ нельзя говорить безъ содроганія““.

„Я не буду,—говоритъ дальше Струбе,—требовать отъ сочиненія, гдѣ господствуютъ соль и цвѣты, опредѣленій, строго отвѣчающихъ всѣмъ правиламъ искусства. Я замѣчу только, что идея, которую г. Монтескьё связываетъ съ деспотизмомъ, такъ неясна и обманчива, что когда мы думаемъ увидѣть здѣсь государства, не имѣющія основныхъ законовъ, которые ограничиваютъ власть государя, мы находимъ въ сущности только тѣ, какія имѣютъ несчастіе управляться дурными государями, которыхъ неправильное поведеніе не имѣетъ ничего общаго съ формой правленія, какое имъ поручено, и такимъ образомъ (это поведеніе) не могло бы сообщить этимъ государствамъ постоянное устройство, какого онѣ не имѣютъ; изъ чего слѣдуетъ прежде всего, что эта идея, отвѣчающая дѣйствительно только чудови-

щамъ, не приложима ни къ какому частному роду или къ настоящей формѣ гражданскаго правленія". Такимъ образомъ онъ изслѣдуетъ далѣе: „что есть собственно такъ называемый деспотизмъ, и есть ли это правленіе дурное (vicieux) само по себѣ, или только вслѣдствіе злоупотребленій, которыя оно можетъ причинить". — „Я не такъ тщеславенъ, чтобы имѣть притязаніе противопоставить мое перо перу г. Монтескьё. Но я и вовсе не отчаяваюсь, что могу сопротивляться огню и очарованіямъ его реторики простымъ свѣтомъ, который чувствую себя въ состояніи пролить на предметы, о которыхъ мы думаемъ различно".

Для объясненія своего взгляда Струбе цитируетъ древнихъ писателей, новѣйшихъ путешественниковъ (описанія деспотизма въ Турціи), писателей политическихъ отъ Бодэна и Гуго Гроція до Локка и т. д. Ближайшая цѣль его—устранить нареканія на образъ правленія въ русской имперіи, который называли также деспотическимъ и которому это названіе вовсе не соотвѣтствуетъ; разъяснить съ точностью, что такое „рабство", и т. п.

Эта полемика противъ Монтескьё вызвала живѣйшія возраженія имп. Екатерины.

Въ одномъ драгоцѣнномъ книгохранилищѣ, гдѣ между прочимъ привелось мнѣ изучать рукописные труды имп. Екатерины, мнѣ встрѣтился также экземпляръ „Lettres Russiennes", покрытый на поляхъ (писанными карандашомъ) замѣчаніями императрицы. На книгѣ нѣтъ никакихъ указаній на то, когда она была читана, и когда эти замѣтки могли быть сдѣланы. Ясно одно, что „Esprit des Lois" былъ уже изученъ и былъ для императрицы высокимъ авторитетомъ. Она съ видимой нетерпѣливостью относилась къ „опровергателю" (refuteur), между прочимъ и тамъ, гдѣ повидимому могла бы согласиться съ тѣми возраженіями или ограниченіями, какія „опровергатель" предлагалъ относительно выводовъ Монтескьё.

Было бы очень долго излагать сполна аргументацію „Lettres Russiennes", которая вызывала, на поляхъ книги, собственноручныя возраженія императрицы. Мы предпочтемъ краткія выписки изъ текста этихъ „Lettres" и приведемъ подъ каждой изъ выписокъ сполна самыя возраженія и замѣтки имп. Екатерины [1]).

---

[1]) Возраженія и замѣтки императрицы набираются курсивомъ подъ каждой отдѣльной выпискою. Экземпляры книги Струбе нерѣдки; они имѣются въ библіотекахъ Публичной и Академической.

Въ первыхъ замѣткахъ императрица опровергаетъ возраженія „Lettres R.“ противъ того, что̀ говорилъ Монтескьё относительно „рабства“. Авторъ „Lettres“ какъ будто имѣлъ въ виду отличить „рабство“ отъ русскаго крѣпостного права и защитить это послѣднее:

Стр. 33: Un serf, ce sont ses paroles, ne peut rien faire par vertu; et le maître contracte avec ses esclaves toutes sortes de mauvaises habitudes, et s'accoûtume insensiblement à manquer à toutes les vertus morales.

L'insuffisance de cette preuve paroît d'abord...

„*Cela est très vrai cependant*“.

Стр. 34: N'est-il pas bon de se nourrir, de se vêtir, de bâtir des maisons pour se loger? D'ailleurs, comment l'A(uteur, т.-е. Montesquieu) pourra-t-il vérifier qu'un serf ne sauroit rien faire par vertu?

„*Des maisons des habit*(ants) *sont bons, mais ne sont pas des vertus. M*(ontesquieu) *qu'on refute pensoit plus profondement, que son refuteur*“.

Qu'est ce qui l'empêcherait de cultiver la terre, ou de conduire un troupeau, avec la même fidélité qu'un homme libre peut administrer l'Etat et travailler au bien de la société?...

„*Une hirondelle ne fait point d'été, dit-on en Allemand*“.

Стр. 35: Rome a-t-elle élevé un plus grand nombre d'hommes illustres, depuis que l'esclavage y a été aboli, qu'elle ne l'a fait dans le tems, où cette merveilleuse ville fourmilloit des serfs?

„*Illustre et vertueux n'est point synonime. La peur peut abbatre le crime, mais elle abbat la vertu aussi. Qui n'ose penser, n'ose que ramper*“.

Стр. 36: C'est la raison, pour laquelle plusieurs savans aussi éclairés que sincères ont fort désapprouvé l'abolition de la servitude dans les États de l'Europe les plus policés.

„*Ses* (sic) *savans choquoient la raison*“.

Voici comment l'habile M-r de Busbecq s'est exprimé à ce sujet: „Je ne sais, dit-il, si nous sommes fort obligez à celui qui a défendu l'esclavage parmi nous. La servitude a des utilités qui contrepesent et surmontent *peut-estre* le mal qu'elle fait

endurer, si on la prattiquoit avec justice et douceur, comme les lois Romaines le demandent, etc.

„*Voilà un: peut être de grande conséquence*".

Cmp. 44—45: Il me semble assez inutile de prouver ici qu'un homme qui nous attaque injustement, ou qui nous refuse sans raison ce qu'il nous doit, rompt lui même les liens qui l'unissoient avec nous et anéantit ainsi par la propre faute les obligations que nous imposoient ces liens, etc.

(Отчеркнуто на поляхъ: „Il me semble... imposoient ces liens").

Cmp. 59. Cela fait assez voir que les Jurisconsultes Romains en soutenant que la liberté est une chose inestimable, n'ont voulu dire autre chose, sinon que la liberté d'un homme ne pouvant être estimée que par lui-même, ou de son gré, il n'est pas permis aux juges, ou à un tiers, d'en fixer le prix, etc.

„*Verbiage que tout cela*".

Cmp. 61: Mais on a déjà fort bien observé que les serfs n'étant en état de nourrir leurs enfans qu'aux dépens de leurs maîtres, et ceux-ci n'étant pas obligés, par un droit parfait et rigoureux, de se mettre en fraix pour l'éducation de ces enfans, il dépend d'eux de ne le faire que sous la condition qu'ils leur appartiendront, et que ces pauvres créatures ne peuvent payer un bienfait ou un service de cette nature, qu'en y acquiesçant lorsqu'elle parviennent à l'âge de raison.

„*Voilà de belles suites*".

Cmp. 82: Un fauteur de la servitude ne pourroit-il pas renvoyer la bale, en soûtenant que la liberté est aussi inutile dans certains pays que dans les autres, parce que tout peut s'y faire par des serfs. Cette raison ne prouve donc autre chose, sinon que la liberté et la servitude des personnes, dont il s'agit ou du bas peuple, sont en elles-mêmes indifférentes à la société, et que tout dépend des moeurs ou des loix, qui peuvent les rendre utiles ou dangéreuses dans tous les Etats, où elles existent actuellement.

„*Un ancien Grec ou Romain auroit dit que ce livre est l'opprobre de l'esprit humain, l'éloge de la servitude! Et pourquoi l'Auteur ne ce (sic) vend il pas pour esclave?*"

Послѣ объясненія сущности рабства, или собственно послѣ его защиты противъ Монтескьё, авторъ „Lettres“ переходитъ къ его опредѣленію политическихъ формъ (республика, представительная монархія и пр.) и доказываетъ, что „добродѣтель“ (по Монтескьё спеціальная принадлежность и особенность республики) можетъ одинаково принадлежать и другимъ формамъ правленія:

Стр. 168—169: Après avoir rendu à la vertu la place, qu'elle doit tenir dans les Etats monarchiques, comme dans tous les autres, il me reste à examiner de quel droit l'A[uteur] a exilé l'honneur des Etats absolus, et s'il est vrai qu'il y seroit dangéreux.

„*L'honneur expose les particuliers, non l'état à des dangers, où, il est très aisé de nommer, il n'est pas permis quasi dans un état despotique de ce (sic) plaindre p. e. d'un passe droit ou de refuser telle charge dont on ce (sic) croit incapable*“.

Qu'on me dise donc quels sont les dangers, où l'honneur exposeroit ces Etats? On sent d'abord que les Citoyens n'en auroient rien à craindre; d'autant qu'il ne peut manquer de les rendre meilleurs, par la ressemblance, qu'ont ses effets avec ceux de la vertu. Ce ne sera pas non plus un Chef attentif à la félicité de ses peuples qu'il pourra allarmer. Restent donc les seuls Princes injustes et cruels, à qui il pourroit faire ombrage.

„*Ici notre refuteur n'entend absolument pas M(ontesquieu)*“.

Стр. 170: Je suis bien éloigné de soupçonner Mr. de M. d'avoir voulu prêcher les vices. Mais la manière, dont il s'est exprimé ici, comme en beaucoup d'autres endroits, que je passe pour le présent sous silence, ne fait-elle pas croire que, sans y penser, il s'approche trop d'un Ecrivain si justement décrié? Machiavel auroit-il pu donner d'autres leçons à ses Héros?

„*Ose-t'on ainsi parler d'un aussi grand homme et ne sauroit on plus dire le pour et le contre sans être exposé à la calomnie? Coute que coute il faut finir l'apologie du Despotisme, chose difficile*“.

Стр. 171—172: A ce que l'A(uteur) observe sur les récompenses, que peut donner un Prince alsolu, je n'opposerai que le magnifique tableau, que Mr. de Busbecq a fait de la Cour de Soliman. „La Cour de ce Prince, dit-il, étoit parfaitement belle. Il y avoit les plus grands Officiers de la courone. Il y avoit toute la cavalerie et ses gardes, tous les Spahis, Garipiges,

Ulufages et grand nombre de Janissaires. Mais dans toute cette troupe de Courtisans l'on ne connaissoit personne que par ses vertus et par ses belles actions", etc.

„*Mais où trouvera t'on des Solimans*"?

Стр. 173: Je viens à l'observation, que Mr. de M. a faite sur le degré d'obéissance, qu'il suppose dans les Etats despotiques, „où, selon lui, la volonté du Prince doit faire le même effet que fait une boule jettée contre une autre. Il n'y a point de tempérament, ajoûte-t-il, point de modification, de rémontrances, rien d'égal, ou de meilleur à proposer", etc.

„*Par conséquent point de réparation d'honneur, donc l'honneur s'éteint*".

Стр. 178: Qui pourroit donc s'imaginer que le pouvoir des Rois de Perse ait été, ou soit encore actuellement plus borné que celui de tous les autres Princes absolus, par rapport à la revocation de leurs ordres ou de leurs arrêts?

„*On pourroit donner pour règle à ces Princes bien penser avant que de publier, mais ne jamais revoquer*".

Стр. 177—178 (примѣчаніе): „C'est une absurdité que de s'imaginer, que ceux qui ont l'autorité de faire des loix, ne puissent aussi en suspendre quelcune, quand le bien le demande. Sans ce pouvoir tout Gouvernement seroit défectueux, et n'auroit ni la force ni les moyens de se conserver."

„*Mais jamais par caprice*".

Стр. 181—182: Le meme Roi (Darius) ayant ordonné de faire mourir un juge, qui s'étoit laissé corrompre, et s'étant souvenu des services importans, que ce juge avoit rendus à l'Etat, revoqua ses ordres dans le moment même qu'ils alloient être en exécution.

„*Voilà une misérable querelle*".

Стр. 182—183: Il y a quelque chose, dit-il, qu'on peut quelquefois opposer a la volonté du Prince: c'est la Religion. Dans les Etats monarchiques, ajoûte-t-il, on n'ira point lui alléguer les loix de la Religion: „un Courtisan se croiroit ridicule". On lui alléguera sans cesse celles de l'honneur".

„*Adieu l'honneur*".

N'est-ce dons pas assez de pouvoir alléguer loix de la Religion à un Prince qui la respecte.

Стр. 183 (примѣчаніе): C'est sans doute parce que ce n'est pas le metier d'un Courtisan de prêcher les Princes. Mais leurs Aumoniers et leurs Confesseurs pourroient-il leur proposer les loix de l'honneur, sans se rendre ridicules à leur tour?

„*Non*".

Стр. 184: Seroit-on plus heureux dans les Etats, où les Souverains n'écouteroient que les loix de l'honneur, par lesquelles Mr. de M. n'entend lui-même que celles qui peuvent être connues aux Courtisans.

„*Pourvu qu'il écoute importe*".

Стр. 187: Suffit-il pour conserver la liberté des peuples que les Ministres aient assez de finesse pour leur cacher leur véritable état, et ne soient pas les premiers à leur montrer les chaines, qu'ils leur font porter? Si cela étoit, Mr. de M. auroit rendu un très mauvais service à sa patrie en lui révélant un secret, qu'il lui importoit d'ignorer.

„*Begueleries*".

Стр. 190 (примѣчаніе): Il achève (Montesquieu) de brouiller tout par les observations, qu'il ajoûte sur certaines circonstances et sur le physique du Climat, qu'il croit avoir fait des prodiges pour la Chine seule. Rien ne seroit donc plus aisé que de faire voir la frivolité de ses décisions.

„*Il est aisé de traiter de frivole ce qu'on n'est pas à porté d'entendre; pour Vous en croire, il vous faudroit l'égalité de génie avec Mr. de M(ontesquieu)*".

Стр. 192 (примѣчаніе b): Dans le Liv. VI Chap. XV L'A(uteur, т.-е. Montesquieu) dit que „sous les Empéreurs l'Empire Romain étoit devenu despotique et militaire". Il est vrai qu'il avoit remarqué dans un autre endroit (Liv. II. Chap. XVII), que „sous les bons Empéreurs l'Etat reprenoit ses principes, et que le thrésor de l'honneur suppléoit aux autres thrésors".

„*Cela n'est pas disputable*".

Стр. 192 (примѣчаніе d): Il n'est pas difficile de juger

par les paroles qu'on trouve dans le Liv. XVII. Chap. IV, que „l'autre Royaume du Nord qui a perdu ses loix, ne peut être, dans l'idée d'A(uteur) que le Danemarc".

„*Mais il faut être bien ignorant pour ne pas savoir, que le Roi de Danemarck est Despotique, pouvoir qui lui a été donné par le consentement de se* (sic) *sujets il y a 100 ans*".

Стр. 193 (примѣчаніе): Charles XII étant à Bender, trouvant quelque résistance dans le Sénat de Suède, écrivit qu'il leur enverroit une de ses bottes pour les commander.

„*Charles*" *подчеркнуто, и на поляхъ:* „*Il n'y ait que sa soeur qui y renonce*".

Стр. 195—196 (примѣчаніе): Mais on n'a pas vu que ces Princes, dont la puissance étoit d'ailleurs sur son déclin, aient fait, ou pu faire la moindre altération dans le Gouvernement, et il est très certain que ce changement s'est borné au titre... Je crois ne pas mal faire d'ajoûter ici une remarque assez singulière, que le Hardouin a faite à ce sujet.

„*Voilà un homme à citer*".

Стр. 197—198: Je commencerai par prouver que le Gouvernement de Russie n'est pas un Gouvernement despotique proprement dit.

„*Monsieur dispute pour le nom, non pour chose*".

Стр. 201 (примѣчаніе): N'a-t-on pas vu de véritables Monarchies sans ce que nous appellons Noblesse, tout comme nous voyons actuellement cette Noblesse dans des Etats, où il n'y a point de Rois?

„*Où sont-elle*" (sic)?

Стр. 215—216: Pierre le Grand n'a donc jamais pensé à donner la moindre atteinte à la forme du Gouvernement, qu'il avoit trouvé établie dans cet Empire, et qui le mettoit à même d'opérer les merveilles, qui l'ont fait admirer de toutes les Nations, et qui passent de loin les effets d'un pouvoir limité.

Quant à ce que l'A(uteur, т.-е. Montesquieu) soûtient, tantôt que, malgré l'industrie avec laquelle le Gouvernement Russien cherche à descendre de son Despotisme, il ne le peut; tantôt que des causes particulières pourroient y ramener l'espèce de Gouvernement, qu'il y suppose actuellement; j'avoue que je n'y

comprens rien. Les oracles ne s'énonçoient pas avec plus d'obscurité.

„*Cependant cela n'est pas obscur*".

Cmp. 216: Quand il dit ailleurs: qu'un autre Royaume du Nord „ait perdu ses loix; on peut s'en fier an climat, il ne les a pas perdues d'une manière irrévocable; on ne peut s'y tromper". Ce sont les influences du Septentrion, ou plutôt la nature du froid, etc.

„*Notre refuteur mérite uniquement ce titre, mais il n'a ni talens ni savoir ni experience et il est très indigne de ce* (sic) *mesurer contre Mr. de M. et s'il n'osoit dire ce qu'il pense que prouveroit-il*"?

Cmp. 216—218... A l'égard de la Russie, non seulement les causes les plus efficaces, auxquelles l'A. attribue le Despotisme, le Climat chaud, p. e. une Religion, qui comporte la violence, le manque de loix, de Tribunaux et de Noblesse, l'abbattement et la timidité des peuples, la dureté, la mollesse et l'incapacité des Princes et de leurs Ministres; n'y existent point. Mais encore tout ce qui, selon lui, s'oppose à cette espèce de Gouvernement: le Climat du Nord, la Religion Chrêtienne, les Loix, les Magistrats, la Noblesse, l'intrépidité des peuples, la débonnaireté, la valeur et les lumières des Souverains, l'habileté de leurs Ministres; s'y voit actuellement.

Подчеркнуты слова: „une Religion, qui comporte la violence"... „l'abbattement et la timidité... la mollesse et l'incapacité... de leurs Ministres... n'y existent point... l'habileté de leurs Ministres... s'y voit actuellement".

Cmp. 218—220: L'A(uteur, т.-е. Montesquieu) affirme, qu'„en Russie le peuple n'est composé que d'esclaves attachés aux terres et d'esclaves qu'on appelle Ecclesiastiques, ou Gentilshommes, parce qu'ils sont seigneurs de ces esclaves". D'où il conclut qu'„il ne reste personne pour le Tiers-Etat, qui doit former les ouvriers et les marchands".

„*Pierre le Grand tâchoit de former ce Tiers-Etat*".

J'ai déjà prouvé d'une manière incontestable la réalité de la différence qu'il y a dans cet Empire, comme dans tous les autres Etats, où la servitude subsiste, entre les personnes libres et les serfs. Il suffira donc de faire voir que la Noblesse y est préci-

sément ce qu'elle est par sa nature partout où elle se trouve; que ce sont les prérogatives et les droits particuliers, qu'elle tient des Souverains, qui la distinguent des serfs et du Tiers-Etat...

...que la Noblesse Russienne n'a jamais été dépouillée de ses droits, et qu'enfin les villes et les bourgs de ce pays fourmillent d'ouvriers, de marchands et de différentes espèces de personnes, qui ne sont comprises ni dans la Noblesse, ni dans le Clergé.

Подчеркнуты слова: „Qui la distinguent des serfs et du Tiers-Etat“ (съ вопросомъ на полѣ: *„En quoi?“*) — *„que la Noblesse Russienne n'a jamais été depouillée de ses droits“* (съ вопросомъ на полѣ: *„Mais quels sont-ils?“*)—*„fourmillent d'ouvriers“* (съ восклицаніемъ: *„Morbleu! ce sont donc des serfs ou des affranchis ou des déserteurs“*).

Стр. 226: Струбе приводитъ сличеніе терминовъ: gentillesse (старинное), noblesse, nobles hommes, gentry (англійское).

„L'étimologie et les citations à tort et à travers sont le fond de notre homme, mais il est plus que faible dans les raisonemens politiques, encore plus dans les conclusions“.

Стр. 229: Il est donc indubitable que les Knias et les Dvorianin ont joui ici, dès l'établissement de la Monarchie, comme ils le font encore actuellement, de tous les droits et de toutes les prérogatives, que donne la Noblesse par elle-même, et que sous ce regard ils se trouvent exactement au niveau des vrais Nobles de tous les autres Etats, où l'on en connoît.

Подчеркнуто: „de tous les droits et de toutes les prérogatives“, съ вопросомъ на поляхъ: *„Mais où sont-elles“?*

Стр. 231—232 (примѣчаніе): Liv. XVII. Chap. V. Si Mr. de M(outesquieu) avoit dit que dans les pays du Nord la connoissance et le voisinage des Etats modérés peuvent inspirer l'envie de les imiter: au lieu que dans les pays méridionnaux l'éloignement et l'ignorance de ces mêmes Etats empêchent d'y penser; il auroit dit, selon moi, quelque chose de beaucoup plus spécieux.

„Voilà le premier mot raisonable du livre“.

Стр. 249—250: Je ne dissimulerai point que les inductions, que Mr. de M. a tirées de la force du Climat m'ont paru également injurieuses et frivoles. Que peut-on penser lorsque d'un côté cet Auteur pose en fait que „les peuples Asiatiques et

méridionnaux sont „paresseux, timides, efféminés et faits par la „nature pour le Gouvernement despotique"; ...quand d'un autre côté on lit dans des Rélations dignes de foi que les Tartares, les Turcs, les Arabes, les Mores, etc., sont vaillans, infatigables, opiniâtres et mutins, que Mustapha II a été juridiquement déposé...

„*Mais le desespoir fait agir les plus timides*".

Въ началѣ и концѣ книги, на бѣлыхъ листкахъ переплета, Екатерина сдѣлала свои общія замѣчанія.

Въ началѣ—впечатлѣніе отъ цѣлаго сочиненія:

La cause est mauvaise.
La dispute scholastique
Le commencement du livre ennuyex.
Le milieu très foible.
La fin passable.

Первая фраза означала, безъ сомнѣнія, то, что Екатерина осуждала самое намѣреніе автора, какъ претензію посредственнаго человѣка критиковать столь великаго писателя, какимъ былъ въ ея глазахъ Монтескьё. Въ самыхъ замѣткахъ на поляхъ не однажды высказалось пренебрежительное отношеніе къ критику.

Въ концѣ, на свободномъ листкѣ переплета, Екатерина изложила свои мысли о самомъ существѣ вопроса,—о формѣ правленія, наиболѣе подходящей для Россіи. Приводимъ ея строки въ подлинникѣ [1]):

„Un Grand Empire comme celui de Russie se détruiroit, s'il y étoit établie une forme du Gouvernement autre que Despotique, parce que c'est le seul qui peut remédier avec promptitude nécessaire aux besoins des Provinces éloignées, toute autre forme détruisant par des longueurs cette activité, qui donne la vie à tout. Ainsi prions seulement Dieu qu'il nous donne toujours des maîtres raisonables, qui se conforment aux Loix et n'en fassent qu' après mûr examen et uniquement en vuë du bien de leurs sujets".

Какъ выше замѣчено, въ книжкѣ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ указаній на то, когда она могла быть читана Екатериной и когда могли быть составлены эти замѣтки. Остается руководиться общимъ тономъ и впечатлѣніемъ. Прежде всего намъ кажется, что замѣтки писаны тогда, когда Екатерина сама еще

---

[1]) Исправляя только неправильности правописанія.

не была обладательницей власти надъ „великой имперіей“: нѣтъ указаній на какой-либо собственный правительственный опытъ. Нѣтъ, далѣе, слѣда, чтобы Екатерина теперь уже видѣла въ Монтескьё своего политическаго учителя, какъ то было по ея воцареніи. Внѣшнія обстоятельства также указывали бы на раннюю пору этого чтенія. Екатерина узнала Монтескьё еще въ свои самые юные годы; графъ Гилленбургъ такъ настойчиво рекомендовалъ ей этого писателя, что, безъ сомнѣнія, когда она доставала его книги, читала его внимательно. Когда вышли „Lettres Russiennes“, невѣроятно, чтобы Екатерина не узнала о книжкѣ, направленной противъ „Esprit des Lois“ и появившейся рядомъ, въ самомъ Петербургѣ. Вѣроятно, что тогда же, въ 1760, она читала эту книжку и писала свои замѣчанія.

Такимъ образомъ, эти критическія замѣтки на „Lettres Russiennes“ могли быть первымъ опытомъ Екатерины II въ изученіи Монтескьё и въ размышленіяхъ о политическихъ предметахъ. Въ замѣткахъ видна уже ревностная почитательница знаменитаго писателя; взгляды ея уже очень рѣшительны: она нетерпѣливо встрѣчаетъ критическія неодобренія, даже негодуетъ на автора книжки; нѣкоторыя мнѣнія его считаетъ прямо „позорными“. Біографъ Струбе разсказываетъ, что въ 1767 году, въ разгаръ вопроса о Коммиссіи для сочиненія новаго уложенія, Струбе думалъ предложить императрицѣ свои услуги (въ качествѣ юриста и спеціалиста по естественному праву), но предложеніемъ, видимо, не воспользовались [1]), и въ этомъ, быть можетъ, участвовало старое нерасположеніе къ критику Монтескьё.

Что замѣчанія къ „Lettres Russiennes“ относились ко времени до воцаренія, можно думать вообще по ея отношенію къ вопросамъ правленія и учрежденій, какъ крѣпостное право. Къ послѣднему, именно къ его практическому примѣненію, она и потомъ (какъ напр. въ „Мемуарахъ“) относилась нерѣдко съ строгимъ осужденіемъ,—но, вступивъ на престолъ и встрѣтившись на дѣлѣ съ прочно утвердившимся дворянскимъ бытомъ, она сдѣлала ему уступку. Что касается правленія, то въ эпоху полемики съ аббатомъ Шаппомъ она, похоже на то, какъ въ „Lettres Russiennes“, весьма настойчиво опровергаетъ его опредѣленіе русской формы правленія, какъ деспотизма, и старается, сколько возможно, смягчить картину русскихъ учрежденій и нравовъ ея времени.

А. Пыпинъ.

---

[1]) Пекарскій, I, стр. 687—688.

ЯСНЫЕ ДНИ

Есть у каждаго міръ неизвѣстный,
И у каждаго думы свои...
Но сплотили насъ дружбою тѣсной
Нашей юности ясные дни.
Погостивъ, какъ друзья дорогіе,
Улетятъ невозвратно они,
И придутъ имъ на смѣну другіе,
Безпокойные, грустные дни.
Но, быть можетъ, потомъ, незамѣтно,
Какъ вечерняго неба огни,
Улыбнутся тепло и привѣтно
Намъ далекіе ясные дни.
И тѣ грезы, что въ сердцѣ проснутся,
Мы поймемъ и оцѣнимъ одни...
И одни намъ на нихъ отзовутся
Отлетѣвшіе ясные дни.

О. П.

ОБЩИНА И „ВЫДѢЛЪ“

ОЧЕРКЪ.

I.

Предъ нами выдвигается вопросъ о будущности общиннаго крестьянскаго землевладѣнія. Но пока говорить приходится не столько о его сущности и теоретическихъ достоинствахъ,—такъ какъ о нихъ существуетъ цѣлая литература,—сколько о тѣхъ практическихъ сторонахъ дѣла, которыхъ, повидимому, можетъ коснуться въ ближайшемъ будущемъ состоявшееся нынѣ указаніе: совмѣстить сохраненіе общиннаго владѣнія съ облегченіемъ „выхода“ изъ общины отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяевъ. Здѣсь мы подходимъ къ дѣлу, требующему крайней внимательности и осторожности, потому что иначе можно, вмѣсто улучшеній, водворить въ сельскомъ мірѣ не мало такого замѣшательства, которое способно породить новые чувствительные имущественные и общественные перевороты, тѣмъ болѣе нежелательные, что бытовыя деревенскія ненормальности лишь черезъ большіе промежутки времени, и то по исключительнымъ поводамъ, привлекаютъ къ себѣ правительственное участіе и серьезныя поправочныя усилія.

Извѣстно, что на ряду съ горячими сторонниками общиннаго принципа существуютъ у насъ настойчивые его противники, доходящіе въ своихъ увлеченіяхъ до совершенной безоглядочности. И замѣчательно, что въ послѣдніе годы противъ означеннаго принципа выступаютъ все съ болѣе и болѣе легкимъ вооруженіемъ. Происходитъ это частью отъ коренного различія въ понятіяхъ нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ и крестьянской массы, частью отъ недостаточнаго знакомства первыхъ съ фактическимъ бытовымъ матеріаломъ, но въ неменьшей степени—отъ возростающей у насъ легкости отношенія къ наиболѣе

труднымъ и сложнымъ народнымъ вопросамъ, при которой многіе готовы смѣло предлагать всякія внѣшнія ломки. Серьезнаго отношенія къ данному дѣлу, требовательности отъ себя при предложеніи мнѣній, у насъ много убыло сравнительно съ прежнимъ временемъ, напр. около эпохи крестьянской реформы и ближайшей къ ней. Тогда больше сознавалась необходимость обосновывать свои мысли возможно солидно. Были и тогда безусловные противники общиннаго начала, не видѣвшіе отличія крестьянскаго надѣла отъ всякой другой земельной собственности, но выдвинутый дѣйствительными знатоками сельскаго быта матеріалъ, вмѣстѣ съ солидностью ихъ соображеній, успѣли обуздать усилія означенныхъ противниковъ и доставить торжество—хотя съ извѣстною уступкою—гораздо болѣе справедливому, основательному и даже практичному принципу—уваженія къ свободѣ народныхъ воззрѣній и воздержанія отъ принудительности въ этой сферѣ. Кто держится личнаго начала—пусть держится; кто твердо усвоилъ общинное—пусть его сохраняетъ, а для перехода отъ общиннаго къ личному владѣнію—достаточно одной свободы мірского выбора, безъ всякаго навязыванія извнѣ.

Но съ теченіемъ времени проектное творчество безъ солидной критики видимо становится легче и получаетъ бо̀льшій просторъ. Кто воспитался на исключительныхъ понятіяхъ о личной собственности, тотъ не придаетъ несходнымъ съ ними правовымъ народнымъ воззрѣніямъ никакой цѣны и видитъ въ нихъ просто какую-то нелѣпость, не задумываясь надъ тѣмъ, что если подобная „нелѣпость“ держится вѣка и сохраняется у рѣшительно преобладающаго большинства населенія нѣсколько десятковъ лѣтъ, послѣ открытія вполнѣ достаточной возможности разстаться съ нею, то это—результатъ не одной только тупости и косности населенія, а навѣрное имѣетъ и болѣе глубокія основанія. Встрѣчаются по прежнему и просто нетерпимые приверженцы безусловно личнаго владѣнія, готовые распоряжаться интересами массъ, какъ пѣшками. А склонные вообще къ беззаботности по части достаточныхъ основаній для предлагаемыхъ проектовъ справляются съ вопросомъ еще легче и быстрѣе. Тутъ и широчайшія обобщенія случайныхъ примѣровъ, и натянутые выводы, и надергиваніе фактовъ изъ совсѣмъ неподходящихъ сферъ, и „сваливаніе съ больной головы на здоровую“, въ видѣ приписыванія общинному владѣнію того, что̀ вовсе не отъ него происходитъ и относится къ другимъ причинамъ, даже скорѣе—къ самому личному началу. Со всѣмъ этимъ приходилось считаться общинному принципу въ самое послѣднее время. Необходимо по возможности устранять подобныя грубыя примѣси, чтобы данный вопросъ, ставъ очереднымъ, могъ разрѣшаться на основаніи только солидныхъ соображеній въ ту и другую сторону.

II.

Характерныя черты легковѣсности преслѣдованія общины въ особенности далъ прошлогодній газетный походъ на нее. Кто только не выдвигалъ противъ нея обвиненій? Общину винили, не только повторяя старинныя общія мѣста, но и въ томъ, что̀ происходитъ просто отъ крестьянской бѣдности, отъ недостатка примитивнаго образованія и тому подобное,—то-есть, отъ такихъ причинъ, которыя способны вредить крестьянскому хозяйству и благосостоянію при всякой формѣ владѣнія,—и этимъ отводили глаза отъ дѣйствительныхъ корней зла. Общинѣ приписывали такіе грѣхи, въ которыхъ она даже по существу дѣла не можетъ быть повинна. Критикуя ее, ссылались на примѣры, взятые не только въ полтавской губерніи, гдѣ, при господствѣ личнаго владѣнія, объ общинѣ могутъ знать хоть по наслышкѣ изъ сосѣднихъ мѣстностей, но даже въ ковенской, гдѣ у литовскаго населенія такъ глубоко вкоренена полная подворщина съ сильнымъ инстинктомъ обособленности и неравенства владѣній, что едва ли можно предполагать у тамошнихъ крестьянъ и понятіе о возможности общинныхъ порядковъ. Встрѣчая подобныя ссылки, приходилось заключать, что у самихъ авторовъ неясно представленіе, противъ чего именно они возстаютъ; обвиняя общину, они имѣютъ въ виду не то, что̀ обыкновенно разумѣется подъ ея именемъ, а нѣчто другое. Словомъ, путаницы много оказывалось не въ предметѣ критики, а въ самихъ критикахъ; но если это вообще у насъ дѣло частое, то нѣкоторые образцы обвиненій столь замѣчательны, что на нихъ сто̀итъ остановиться. Напримѣръ, въ общинѣ видѣли причину—черезполосья, неудобныхъ фигуръ земельныхъ владѣній и—считаемой вредною для хозяйства—излишней крупности селеній. Взглянемъ на каждое изъ этихъ указаній отдѣльно.

Развитіе черезполосья находитъ благопріятную почву именно въ личной собственности, а не въ общинномъ владѣніи, что̀ нагляднѣе всего представляется примѣрами помѣщичьихъ имѣній. Была, напр., большая земельная дача, ее начинаютъ дѣлить между собою сонаслѣдники, а попутно совершаются продажи отдѣльныхъ ея кусковъ, тоже постепенно идущихъ въ раздѣлъ. Земельная площадь—не шахматная доска, на которой всѣ бѣлыя или черныя поля одинаковы, а—совокупность разнаго рода и количества угодій, имѣющихъ нерѣдко самыя прихотливыя очертанія. Тутъ—пашня, тамъ—извивающійся лентою мокрый лугъ, здѣсь—сухой оврагъ, а кое-гдѣ лѣсъ, и притомъ всѣмъ нужно пользованіе водою, источникомъ которой являются криво текущая рѣка, извилистый ручей и тому подобное. Когда люди дѣ-

лятся, ища возможной равномѣрности выгодъ, то они, пока можно, добиваются и равенства свойствъ угодій. И въ результатѣ возникаютъ выкройки длинными полосами, въ свою очередь потомъ дробящимися на куски и кусочки. Но съ теченіемъ времени идутъ не одни дѣлежи, а также и скупки; покупать же можно не все, что угодно, а только то, что продается. И вотъ покупщикъ пріобрѣтаетъ одинъ кусокъ изъ владѣнія одного сосѣда, другой изъ владѣнія другого, третій у третьяго,—и всѣ эти куски разобщены между собою нерѣдко значительными разстояніями,—послѣ чего совершаются новые раздѣлы, перепродажи и т. под. Вотъ, черезполосица и готова; а когда объясненный процессъ тянется долго, то со смѣною нѣсколькихъ поколѣній черезполосье доходитъ до неимовѣрности. Не мало такихъ образцовъ встрѣчается въ средней Россіи,—напр., въ какой-нибудь курской губерніи,—но едва ли еще не больше въ западныхъ губерніяхъ. Въ юго-западномъ краѣ я встрѣчалъ такія селенія, гдѣ образовалось нѣсколько десятковъ, а въ одномъ даже болѣе трехъ-сотъ помѣщичьихъ „имѣній“, и расположеніе ихъ представляло въ высшей степени затѣйливую мозаику. Тамъ—разбросанныя двадцать-тридцать десятинъ, здѣсь—пять, тутъ—три, а между ними затерлись и дроби десятинъ отдѣльнаго владѣнія. Въ глубоко-подворной ковенской губерніи одно имѣніе часто состоитъ изъ совокупности разрозненныхъ полосокъ, перемежаемыхъ такими же полосками помѣщичьяго и крестьянскаго владѣнія. Сколько подобной путаницы у бессарабскихъ „резешей“ (крестьянъ-личныхъ владѣльцевъ)! Все это—частная, личная собственность, къ которой неприложимы никакія соображенія объ общинѣ. При общинномъ владѣніи, напротивъ, коль скоро почувствовалось неудобство земельнаго расположенія—есть возможность коренным образомъ измѣнять его путемъ періодическихъ передѣловъ. Если крестьяне при этихъ передѣлахъ дѣлятъ земли на сорта и стараются отвести каждому по куску въ каждомъ сортѣ, то это дѣлается по инстинкту справедливой равномѣрности—котораго хаять не за что,—но дѣлается не на вѣкъ, а при всегдашней доступности исправленій, коль скоро въ нихъ сознается потребность. А попробуйте развести частныхъ владѣльцевъ мозаичной дачи—вамъ придется не только вызвать еще болѣе обостренныя сцены, чѣмъ описанныя въ Тургеневскомъ „Завтракѣ у предводителя“, но встрѣтить еще огромное затрудненіе въ самомъ способѣ взаимныхъ земельныхъ переуступокъ, требующихъ совершенія крѣпостнымъ порядкомъ. Сколько повозитесь съ нотаріусами, съ нотаріальными архивами, сколько переплатите пошлинъ, несмотря на то, что тутъ никто не получаетъ лишней десятины, а идетъ только округленіе. Не выходитъ ли, что не только

развитіе, но и охрана черезполосья гораздо сильнѣе при личномъ, а не при обвиняемомъ общинномъ владѣніи, которое тутъ ни при чемъ?

То же слѣдуетъ сказать и относительно неудобныхъ фигуръ отдѣльныхъ владѣній. Происхожденіе ихъ такое же, какъ объясненное выше происхожденіе черезполосья (т.-е. дѣлежи, перепродажи, доступъ къ водѣ и т. д.), и устраненіе ихъ затрудняется такими же причинами, но гдѣ больше можно встрѣтить подобныхъ фигуръ, какъ не въ областяхъ господства подворщины и личной собственности? Въ отличающейся господствомъ личнаго начала ковенской губерніи входящія въ составъ имѣній полоски часто имѣютъ саженъ пять ширины, а въ длину тянутся на версту или на двѣ, т.-е. владѣніе выкроено узенькими ленточками. Нѣчто сходное найдете и въ юго-западномъ краѣ. Въ Бессарабіи встрѣчаются большія имѣнія шириною около 300 саженъ, а въ длину—до десяти верстъ; а у резешей—ленточки въ нѣсколько пядей ширины и длиною во всю большую вотчину. Даже въ Новороссійскомъ-краѣ, при сравнительной недавности образованія землевладѣнія, отведенныя когда-то по генеральному межеванію квадратныя или прямоугольныя дачи успѣли уже много уступить приближенію ленточной системы.

Не болѣе причастна община и третьему грѣху—образованію черезчуръ крупныхъ селеній. Нѣтъ надобности входить въ разборъ—грѣхъ ли это по существу? — но достаточно вспомнить о географическомъ распредѣленіи крупныхъ и мелкихъ поселеній. Сколько огромныхъ селъ встрѣчается, напр., въ кіевской и подольской губерніяхъ,—а тамъ владѣніе подворное; какія громадныя слободы образовались въ харьковской губерніи,—а тамъ онѣ создались колонизаціею малоруссовъ, вовсе не сторонниковъ общины; какія непомѣрныя селенія тянутся по берегамъ рѣкъ въ херсонской, — а это просто потому, что при маловодности страны люди тянутся къ водѣ, гдѣ она есть. И въ то же время какая масса населенія расположилась разбросанными мелкими деревнями, напр., въ смоленской или тверской губерніяхъ, гдѣ коренной народъ—великоруссы-общинники.

Если безоглядочно валятъ „съ больной головы на здоровую", приписывая общинѣ слѣдствія личнаго начала, то это, конечно, можно разъяснять; однако, при распространяющейся у насъ короткости памяти, подобныя разъясненія давно выясненнаго представляются повтореніемъ задовъ, чѣмъ-то въ родѣ наполненія бочки Данаидъ, къ чему едва-ли можетъ быть большая охота. Между тѣмъ, подыманіе напраснаго шума все-же усиливаетъ соотвѣтствующее впечатлѣніе у людей, мало расположенныхъ вникать глубже въ суть дѣла, и создаетъ излишнее предрасположеніе противъ общины, такъ что и въ отношеніи къ ней вспоминается изреченіе: „calomniez, calomniez, il

en reste toujours quelque chose“... А это грозитъ опять и извѣстными свойствами мѣропріятій.

III.

Возникавшія въ прошломъ году опасенія отмѣны извнѣ общиннаго владѣнія, въ общемъ его видѣ, теперь устранились манифестомъ 26 февраля с. г. Вмѣстѣ съ тѣмъ предположено облегчить „выходъ“ изъ общины для отдѣльныхъ крестьянъ-домохозяевъ, причемъ способы такого выхода еще не предрѣшены и въ главныхъ чертахъ. Поэтому означенные способы становятся очень серьезнымъ очереднымъ вопросомъ. Надо сдѣлать удачный выборъ, и это тѣмъ важнѣе, что между означенными способами есть такіе, которые могутъ если не прямо разрушать, то косвенно и существенно подрывать общинное владѣніе фактически. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что при выборѣ тоже много значатъ благопріятность или неблагопріятность отношенія къ существу общины, и вотъ почему освобожденіе ея отъ напрасныхъ нареканій не теряетъ значенія и въ настоящую пору.

Выходъ изъ общины большею частью считаютъ дѣломъ свободы, открытія простора личной иниціативѣ, толчкомъ къ полезной предпріимчивости, а потому и способы его нужны такіе, которые вполнѣ соотвѣтствуютъ только этого рода цѣлямъ, т.-е. флагомъ свободы и доброй иниціативы не прикрываютъ какого-либо иного содержанія, напримѣръ—нарушенія или стѣсненія чужихъ правъ. А въ этомъ отношеніи надо серьезно посчитаться съ указаніями предъидущей долгой практики подобныхъ выходовъ.

Когда крестьянинъ выходитъ изъ общины только лично, для обращенія къ другимъ занятіямъ, оставляя обществу состоявшую въ его пользованіи надѣльную землю,—къ этому не можетъ быть никакихъ препятствій. Но обыкновенно имѣется въ виду не такой выходъ, а сопровождаемый выдѣломъ уходящему его наличной земельной доли изъ общиннаго владѣнія въ личную собственность, съ правомъ продажи впослѣдствіи кому угодно. Такую форму допускали и Положенія 1861 года, что произвело много послѣдствій. По 165-й статьѣ „Положенія о выкупѣ“, каждому отдѣльному домохозяину предоставлялось, внеся въ казначейство всю причитающуюся на его участокъ долю общественной выкупной ссуды, не только освободиться отъ дальнѣйшаго взноса выкупныхъ платежей, но и *требовать* выдѣла этого участка въ личную собственность, причемъ общество *обязывалось* произвести подобный выдѣлъ, *по возможности*, къ одному мѣсту, но по своему же собственному (т.-е. общества) *усмотрѣнію*. Слова: „обязывается“, „по возможности“ и „по усмотрѣнію самого общества“—пред-

ставляли нѣкоторое взаимное противорѣчіе, почему точный смыслъ закона какъ бы не дѣлалъ безусловно обязательнымъ отводъ выкупленной доли къ одному мѣсту; но законъ съ такимъ недоразумѣніемъ практиковался болѣе тридцати лѣтъ и во многихъ случаяхъ фактически приводилъ къ тому, что выдѣляемыя доли отводились именно „къ одному мѣсту"—даже при нежеланіи общества, особенно когда выдѣляющійся или тотъ, кто руководилъ имъ въ своихъ личныхъ интересахъ, пользовались мѣстною протекціею. На такую практику въ теченіе десятковъ лѣтъ шли непрерывныя жалобы, въ томъ числѣ и въ печати (о 165-й статьѣ существуетъ цѣлая литература), а въ результатѣ состоялось, наконецъ, сокращеніе правъ на подобные выдѣлы. По закону 14 декабря 1893 года, до погашенія обществомъ выкупного долга, выдѣлъ отдѣльныхъ домохозяевъ и досрочный выкупъ ими участковъ изъ земли, пріобрѣтенной цѣлымъ обществомъ, допускается уже не иначе, какъ *съ согласія* общества и на *условіяхъ*, указанныхъ въ приговорѣ сельскаго схода; да и послѣдующая продажа такихъ участковъ дозволяется только въ руки членовъ того же крестьянскаго общества, къ которому принадлежалъ выдѣлившійся. Исключеніе допущено только для особыхъ случаевъ, для „промышленныхъ" цѣлей, причемъ и въ этихъ случаяхъ продажа постороннимъ лицамъ обусловливается разрѣшеніемъ трехъ министерствъ. Таковъ дѣйствующій нынѣ законъ, и если онъ твердо соблюдался, то новое положеніе рѣзко отличается противъ бывшаго раньше. Прежде—выдѣлявшійся „требовалъ", а общество „обязывалось"; теперь же общество можетъ разрѣшить и не разрѣшить выдѣлъ или поставить для него свои условія, въ томъ числѣ и относительно отвода или неотвода къ одному мѣсту.

Итакъ, старый законъ открывалъ широкій просторъ личнымъ выдѣламъ и продажамъ надѣльной земли на сторону, а послѣдующій, сравнительно недавній, счелъ нужнымъ сократить подобныя операціи. Теперь вопросъ о выдѣлѣ вновь ставится на очередь. Можно ли предполагать, въ той или другой степени, возвращеніе къ старому порядку или слѣдуетъ разсчитывать на совсѣмъ новую комбинацію, предотвращающую прогрессивное умаленіе состава надѣльныхъ земель, сообразно указаніямъ прошлаго и съ необходимымъ просторомъ для дѣйствительно полезныхъ выходовъ? Здѣсь надобно обратиться къ нѣкоторымъ юридическимъ и практическимъ соображеніямъ относительно существа выдѣла, особенно по старымъ основаніямъ.

IV.

Существенный аттрибутъ общиннаго владѣнія составляютъ періодическіе передѣлы надѣльной земли между домохозяевами. При этихъ передѣлахъ мѣняются не только мѣста земельнаго пользованія, но и самое количество даваемой каждому земли, основаніемъ чему служатъ обыкновенно перемѣны въ хозяйственныхъ силахъ дворовъ, образованіе новыхъ хозяйствъ, а также присущій населенію инстинктъ уравнительности выгодъ и тягостей. Въ прежнія времена, когда доходность земли была значительно меньше нынѣшней, а выкупные платежи были выше и существовала еще подушная подать—земельное пользованіе соединялось съ такими обязанностями, что становилось чувствительнымъ обремененіемъ, и потому на сходахъ, при передѣлахъ или частныхъ накидкахъ и скидкахъ долей, каждый старался получить земли поменьше. Тогда бывали драки изъ-за отказовъ отъ пріема накидываемыхъ земельныхъ частицъ. Но такое положеніе рѣшительно измѣнилось съ отмѣною подушной подати, пониженіемъ выкупныхъ платежей и подъемомъ земельной доходности въ ея денежномъ выраженіи. Владѣніе землею обратилось изъ обремененія въ *выгоду*, и каждый желаетъ уже взять земли побольше. Если прежній передѣлъ былъ уравненіемъ „тягостей“, то нынѣшній сталъ уравненіемъ „выгодъ“, и теперь драки случаются уже изъ-за стремленія хозяевъ по возможности увеличить свои доли. Аппетитъ къ землѣ вообще возросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилился и инстинктъ къ выдѣламъ. Многимъ интересно закрѣпить за собою свои участки, избавляя ихъ отъ шансовъ будущаго уменьшенія при передѣлахъ; иныхъ же соблазняетъ и перспектива поторговать ими, сбыть за хорошія деньги,—а для подобныхъ цѣлей особенно пригодно округленіе владѣній, возвышающее ихъ цѣну. Отрубной кусокъ земли, конечно, найдетъ лучшаго покупателя, чѣмъ разбросанныя среди владѣній другихъ крестьянъ полоски, особенно когда онъ выгодно выкроенъ, да и чѣмъ свободнѣе доступъ къ покупкѣ людямъ всякихъ сословій, тѣмъ шире кругъ покупателей и выгоднѣе тому, кто можетъ быть продавцомъ. Таковы интересы выдѣляющихся крестьянъ, но—насколько они согласуются съ правами и интересами обществъ?

Право отдѣльнаго домохозяина при общинномъ владѣніи состоитъ въ томъ, что онъ получаетъ извѣстную долю надѣла, но—*подъ условіемъ подчиненія будущимъ ея измѣненіямъ*. Сегодня у него пять десятинъ, а при передѣлѣ могутъ ему назначить только три или двѣ. Положимъ, не исчезаетъ вѣроятность полученія и шести или семи, то-есть увеличенія; однако, въ виду постояннаго и быстраго прироста

населенія прибавки могутъ являться только дѣломъ случайности, вѣроятность которой слаба; слѣдовательно, устраняя исключительныя явленія, надо признать въ качествѣ общаго правила, что каждый владѣетъ подъ условіемъ подчиненія будущему *уменьшенію* своей доли. Между тѣмъ, выдѣляющійся, получая въ собственность всю наличную величину своего владѣнія, закрѣпляетъ ее за собою навсегда. Всѣ другіе члены общества будутъ дѣлиться и дробить свои доли, а выдѣлившійся освободится отъ этого невыгоднаго условія. Стало быть, выдѣломъ онъ достигаетъ *увеличенія* принадлежавшаго ему прежде права за счетъ уменьшенія правъ другихъ. Если онъ продаетъ выдѣленный участокъ постороннему, то онъ передаетъ послѣднему бо́льшее право, чѣмъ какимъ до выдѣла самъ пользовался въ составѣ своихъ односельцевъ. Значитъ, выдѣлъ, во всякомъ случаѣ, заключаетъ въ себѣ несправедливое начало усиленія выгодъ одного лица въ ущербъ всему обществу, и потому правильно—обусловливать его допущеніе вполнѣ добровольнымъ согласіемъ всѣхъ. Если же выкупъ производится принудительно (какъ по отмѣненной 165-ой статьѣ, когда одинъ „требовалъ", а масса „обязывалась"), то онъ прямо усвоиваетъ характеръ насильственнаго дѣйствія одного противъ всѣхъ. Притомъ, возможность такого дѣйствія давалась тому, кто побогаче, такъ какъ взносъ разомъ всей выкупной ссуды за владѣніе, конечно, доступенъ былъ только исключительнымъ по состоятельности членамъ общества. Положимъ, выдѣлялись и малосостоятельные, но это бывало тогда, когда кто-нибудь посторонній давалъ мужику свои деньги на выкупъ, съ цѣлью потомъ купить выдѣленный участокъ. Тутъ было для постороннихъ открытіе дверей ко вторженію въ крестьянскій надѣлъ и уменьшенію его состава ради своихъ выгодъ. Итакъ, выдѣлъ на старыхъ основаніяхъ, принудительно преувеличивая право одного за счетъ цѣлаго общества, представлялъ серьезную юридическую ненормальность. Но за послѣднею выступали еще бо́льшія практическія ненормальности.

V.

Изъ практическихъ ненормальностей прежде всего надо обратиться къ отводу всей выкупленной земли къ одному мѣсту. Если сдѣлать для одного отводъ всѣхъ его (расположенныхъ въ разныхъ клинахъ) смѣнъ сѣвооборота изъ одной общественной смѣны, то это можетъ стѣснить порядокъ общественнаго земельнаго хозяйства и нарушить распредѣленіе угодій, давъ одному больше земли лучшаго сорта, предоставивъ ему больше пашни или луга, съ оставленіемъ другимъ большаго количества овраговъ и вообще худшихъ угодій и т. под. А если изъ одного общества станутъ выдѣляться цѣлыя

группы, выкраивающія себѣ участки то въ одномъ, то въ другомъ клину, то это можетъ такъ поломать общій хозяйственный порядокъ, что обществу придется очень жутко; ему останется или терпѣть всѣ невыгоды, или—когда стѣсненіе стараго порядка дойдетъ до невозможности—наконецъ обратиться, вопреки желанію и издавна усвоеннымъ воззрѣніямъ, къ общему переходу на подворное владѣніе. Но такой переходъ будетъ уже явно *вынужденнымъ*, а потому несправедливымъ и невыгоднымъ. Напомнимъ опять, что земельная площадь—не шахматная доска съ одинакими полями, а нѣчто очень прихотливое по составу и по формѣ. Такимъ образомъ, излишнимъ просторомъ для выдѣловъ можно, не отмѣняя общиннаго владѣнія прямымъ закономъ, подорвать его на дѣлѣ очень успѣшно. Эту сторону дѣла необходимо особенно имѣть въ виду и направить вопросъ такъ, чтобы онъ не разрѣшался фактически подобными закулисными способами. Охраняя общинное владѣніе отъ принудительнаго разрушенія, въ принципѣ, слѣдуетъ защитить его и отъ косвеннаго подрыва.

Мотивомъ къ выдѣлу часто выставляютъ желаніе завести лучшее хозяйство, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ примѣненія бывшей 165-ой статьи не оправдывалось и это. Выдѣлявшійся оставался при прежнемъ хозяйственномъ способѣ, но имѣлъ въ виду другія цѣли. Въ свое время сообщалось много фактовъ (особенно изъ приволжскихъ губерній, гдѣ выдѣлы практиковались всего шире), показывавшихъ, что выдѣленные пользовались своимъ положеніемъ для притѣсненія односельцевъ или для земельной торговли, а въ результатѣ возникали огромныя затрудненія для обществъ и многочисленныя жалобы. Крестьяне часто бывали только орудіемъ въ рукахъ постороннихъ. Облюбуетъ надѣльный кусокъ сторонній человѣкъ и начнетъ соблазнять отдѣльныхъ крестьянъ. Дастъ деньги на выкупъ, а потомъ и приберетъ все къ себѣ; и при умноженіи подобныхъ промышленниковъ—мірской надѣлъ таялъ, вопреки своей юридической неприкосновенности. Но если въ первое двадцатипятилѣтіе объемъ выдѣловъ еще ограничивался, то тѣмъ, что тягость платежей была больше, а зе́мли сто́или дешевле. Внести выкупную ссуду прежняго размѣра было труднѣе и землею менѣе интересовались, почему ею еще не такъ соблазнялись, какъ теперь, когда предвидится мѐньшая уплата въ казну и бо́льшая прибыльность сдѣлокъ. А ко всему этому надо вспомнить, что низкопробный промышленный духъ больше и больше вторгается въ нашъ сельскій міръ. Мелкіе промышленники, факторы, прожектеры, неказистыя цѣли—теперь сильно умножились вездѣ, почему что-либо въ родѣ возстановленія былой 165-ой статьи грозитъ гораздо большею опасностью, чѣмъ въ прежнее время, и открыло бы болѣе широкія двери къ постороннему оперированію надъ

крестьянскимъ надѣломъ, помимо всякихъ улучшительныхъ для хозяйства цѣлей.

Припомню кстати случай, встрѣченный мною въ саратовской губерніи въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Крестьяне сильно жаловались на своего односельца, который, въ свою очередь, негодовалъ на общественную нелюбовь къ нему. Этотъ односелецъ выкупилъ свою долю, добился извѣстными ему способами отвода ея къ одному мѣсту и сталъ тѣснить своихъ сосѣдей. „Всю свою землю,—говорили они,—забралъ онъ себѣ въ одинъ кусокъ, да еще общимъ мірскимъ пастбищемъ пользуется, и мірскихъ сборовъ платить не хочетъ; я, говоритъ, свое выкупилъ, а пастбище—общее для всей деревни; значитъ, и для меня; платить же, говоритъ, не желаю, потому что послѣ выкупа отъ всѣхъ сталъ особнякомъ, и нѣтъ мнѣ дѣла до ихъ нуждъ“.— И уже слышался ему практичный совѣтъ: „Глупъ ты и больше ничего; выкупившись, тебѣ надо въ мѣщане переписаться; тогда землею будешь пользоваться крестьянскою, а отъ общественныхъ крестьянскихъ повинностей будешь свободенъ, какъ мѣщанинъ“. Вотъ куда пошло; а о сельскохозяйственномъ прогрессѣ и слуху не было.

Много я слышалъ, до закона 1893 года, жалобъ на распоряженіе личными владѣніями въ курской губерніи, гдѣ распространено такъ называемое „четвертное“ владѣніе. Это владѣніе имѣетъ особое происхожденіе и выражается въ томъ, что, на ряду съ общиннымъ владѣніемъ деревни бывшихъ государственныхъ крестьянъ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ есть участки, предоставленные въ личное владѣніе. Хозяева этихъ участковъ и сами сбывали ихъ, и запутывались въ долговыя обязательства, по которымъ означенные участки продавались принудительно. Помню особенно характерный разсказъ сильно возмущавшагося такимъ порядкомъ судебнаго пристава, которому постоянно приходилось возиться съ подобными дѣлами... „Когда земля общественная,—разсказывалъ онъ,—такъ ее по крайней мѣрѣ продать на сторону нельзя. Запилъ, разорился мужикъ—земля останется въ обществѣ, могутъ его же сыну надѣлить, если онъ дѣльный; иной и радъ бы выманить у мужика его общественную или—какъ они называютъ—душевую землю, да законъ не велитъ, а съ четвертникомъ не церемонятся. Четвертной участокъ считается его собственность— ну и распоряжайся имъ, какъ знаешь. Кто заглядѣлся на четвертную землю—сейчасъ ея хозяина въ кабакъ, поить, угощать, деньги взаймы давать, да проценты насчитывать. Задолжалъ мужикъ рублей десять, а смотри—черезъ полгода уже есть вексель на пятьдесятъ, а тамъ дальше и дальше. Кончается тѣмъ, что мужикъ свое четвертное владѣніе по-боку, самъ пошелъ по міру, да и семья тоже. А не хочетъ продать земли, заупрямился—вексель ко взысканію, я же и пріѣду продавать его четвертныя десятины. Довольно я наглядѣлся

этихъ картинъ. Пріѣдешь, мужикъ гдѣ-нибудь спрятался, а тутъ тебя встрѣчаетъ бабій да дѣтскій крикъ, вой, плачъ... просто, хоть вонъ бѣги. И ничего не подѣлаешь: самъ видишь, что творится безобразіе, а долженъ продавать и безпріютную семью выгонять на улицу. Страхъ, сколько мы уже обезземелили этихъ крестьянъ-четвертниковъ!.. Не мало народу идетъ по міру. Вотъ, еслибы вы могли ко мнѣ заѣхать, я готовъ бы хоть вѣдомость такихъ случаевъ вамъ составить... а то легко расписывать издалека всѣ эти благодѣянія личнаго владѣнія... На бумагѣ все выходитъ гладко да прекрасно, а я вижу, какъ все это выходитъ въ деревнѣ, на улицѣ, въ хатѣ, во дворѣ“...

Великъ у насъ просторъ предположенію, что выдѣлы надѣльной земли главнымъ образомъ имѣютъ цѣлью улучшеніе хозяйства отдѣльныхъ крестьянъ. Но, не отрицая возможности въ отдѣльныхъ случаяхъ и подобныхъ цѣлей, слѣдуетъ преимущественно опасаться явленій вреднаго характера, спекуляцій, безразсуднаго распоряженія и т. д. Тогда какъ улучшеніе—дѣло громоздкое, затяжное, требующее разныхъ благопріятныхъ условій, о чемъ свидѣтельствуетъ и положеніе многихъ помѣщичьихъ хозяйствъ,—спекуляціи и всякія торговыя и кулацкія продѣлки всегда подъ рукою, для нихъ легче найдутся совѣтчики, пособники и соблазнители. Какъ бы, въ погонѣ за фикціями хозяйственнаго прогресса у отдѣльныхъ крестьянъ, не открыть каналовъ къ широкой утечкѣ изъ массы важнаго крестьянству надѣльнаго землевладѣнія, при которой, вмѣстѣ съ рядомъ новыхъ неприглядныхъ явленій, станутъ тощать средства и къ содержанію крестьянъ, и къ отбытію возростающихъ общественныхъ повинностей. Все это будетъ падать на сокращающуюся площадь. Для спекуляцій и торговыхъ сдѣлокъ довольно простора представляютъ земли частнаго владѣнія. Если даже и будутъ у нѣкоторыхъ улучшенія отъ выдѣла, то едва ли правильно жертвовать для нихъ интересами цѣлыхъ обществъ и нарушеніемъ ихъ правъ, такъ какъ, конечно, хозяйства существуютъ для людей, а не человѣческая масса должна составлять пассивный матеріалъ для спорадическихъ хозяйственныхъ опытовъ.

VI.

Но нельзя отрицать также полезныхъ случаевъ выдѣла отдѣльнымъ крестьянамъ выгодъ надѣльнаго владѣнія. Подобные случаи могутъ встрѣчаться, напримѣръ, при переселеніяхъ, ставшихъ у насъ рѣшительною необходимостью. Когда людямъ надобно разстаться съ родиною, нельзя удерживать ихъ насильно, потому что это было бы дѣйствительнымъ стѣсненіемъ свободы и удовлетворенія вопіющей потребности. И точно также нельзя отпускать ихъ ни съ чѣмъ. Какъ бы ни было мало ихъ участіе въ надѣлѣ—это участіе составляетъ принадле-

жащее имъ право и имѣетъ существенную матеріальную цѣнность. Доходность ихъ надѣльныхъ долей, за вычетомъ причитающихся на нихъ платежей, во всякомъ случаѣ даетъ остатокъ, который доступенъ капитализаціи. Несправедливо сказать переселенцамъ: „уходите, коли желаете, и оставьте эту цѣнность остающимся на мѣстѣ членамъ общества безъ всякаго вознагражденія". Надо дать имъ возможность реализировать принадлежавшую имъ выгоду. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы способъ подобной реализаціи состоялъ лишь въ выдѣлѣ земельнаго участка для продажи его кому угодно. Вопросъ этотъ могъ бы разрѣшаться, напримѣръ, вознагражденіемъ уходящихъ за ихъ право отъ самого общества, которому на то могла бы выдаваться соотвѣтствующая ссуда. Тогда переселенецъ ушелъ бы съ деньгами, общество сохранило бы за собою его земельную долю, да и само не было бы въ убыткѣ, такъ какъ уплаты по ссудѣ покрывались бы разницею между доходомъ отъ покинутой переселенцемъ доли и обременяющими эту долю прежними платежами. Облегченіе такого „выхода" дѣйствительно соглашало бы интересы свободы, полезныхъ цѣлей и охраны общественнаго владѣнія землею. Возможны и другіе особо уважительные поводы къ выдѣленіямъ на подобномъ или сходномъ съ нимъ основаніи, но въ проектированіе ихъ вдаваться не стану, не имѣя въ виду разбирать здѣсь это дѣло детально и ограничиваясь лишь общими замѣчаніями.

Въ манифестѣ 26 февраля сказано слово „выходъ", а не выдѣлъ. Способы же выхода не предрѣшены и могутъ быть различны, а это даетъ основаніе выразить желаніе, чтобы окончательно избранный способъ состоялъ не въ чемъ-либо близкомъ къ возстановленію былой 165-ой статьи „Положенія о выкупѣ". Охрана общиннаго владѣнія отъ внѣшней принудительности нужна полная, такъ чтобы это владѣніе, будучи свободно отъ прямого разрушенія, не подрывалось и косвенно путемъ принудительныхъ и своеобразныхъ пріемовъ земельнаго „выдѣла". Разрѣшая этотъ вопросъ, необходимо какъ можно больше соображаться съ фактическими указаніями прошлой практики, дающей не мало полезныхъ предостереженій. Народнымъ воззрѣніямъ нуженъ просторъ: нельзя сдѣлать принудительно ни общинника подворникомъ, ни подворника общинникомъ, и слишкомъ самоувѣренно было бы диктовать извнѣ внутренніе хозяйственные порядки массѣ нашихъ деревень, особенно при нерѣдкой смѣнѣ преобладающихъ вѣяній. И способы перехода отъ одного рода владѣнія къ другому, и разрѣшенія выдѣловъ—правильнѣе предоставить добровольному рѣшенію самихъ обществъ, причемъ только очень серьезную потребность составляютъ достаточныя гарантіи этой добровольности.

Ѳ. Воропоновъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1903.

Именной Высочайшій указъ сенату 22 марта.—Новое уголовное уложеніе.—Его исторія.—Дѣленіе преступныхъ дѣяній.—Система наказаній.—Досрочное освобожденіе.—Зачетъ предварительнаго ареста.—Тюрьма и работный домъ.—Одиночное заключеніе.—Лишеніе и возстановленіе правъ.—Смягченіе и замѣна наказаній.—Законъ 12-го марта; его отношеніе къ земскимъ учрежденіямъ.

22-го марта состоялся слѣдующій Именной Высочайшій указъ правительствующему сенату:

„Болѣе полувѣка тому назадъ, въ царствованіе Прадѣда Нашего, Императора Николая I, обнародовано было въ 1845 году уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, изданію коего предшествовали продолжительныя законодательныя работы.

„Послѣдовавшія въ царствованіе Дѣда нашего, Императора Александра II, коренныя преобразованія обновили весь строй государственнаго быта Россіи. Измѣнившіяся подъ вліяніемъ этихъ преобразованій условія народной жизни вызвали необходимость привести въ соотвѣтствіе съ ними уголовные законы.

„Дѣло сіе, начатое по Монаршему предъуказанію Императора Александра II, Державною волею Незабвеннаго Родителя Нашего, Императора Александра III, ввѣрено было особой коммиссіи, коей повелѣно начертать проектъ уголовнаго уложенія.

„По вступленіи на Прародительскій Престолъ, Мы не переставали заботиться о приведеніи къ окончанію этого труда первостепенной государственной важности.

„Въ сихъ видахъ, по завершеніи обширныхъ работъ коммиссіи, Мы повелѣли выработанный ею проектъ уголовнаго уложенія, въ связи съ заключеніями вѣдомствъ, подвергнуть обсужденію сперва въ особомъ совѣщаніи при Государственномъ Совѣтѣ, а затѣмъ въ особомъ присутствіи соединенныхъ его департаментовъ и въ общемъ онаго собраніи.

„Признавъ за благо утвердить составленное и разсмотрѣнное въ такомъ порядкѣ уголовное уложеніе и препровождая его въ Правительствующій Сенатъ, повелѣваемъ сдѣлать надлежащія распоряженія

къ обнародованію онаго и къ приведенію засимъ въ дѣйствіе въ срокъ, который будетъ Нами особо къ тому назначенъ.

„Уповая, что новый уголовный законъ, сообразованный съ современными условіями государственнаго и общественнаго быта, будетъ способствовать успѣшному отправленію уголовнаго правосудія, Мы пребываемъ въ твердой увѣренности, что законъ этотъ, разграничивая область воспрещеннаго и дозволеннаго и противодѣйствуя преступнымъ посягательствамъ, послужитъ къ вящшей охранѣ гражданскаго порядка и къ укрѣпленію въ народѣ чувства законности, которое должно быть постояннымъ руководителемъ каждаго какъ отдѣльно, въ кругу личной его дѣятельности, такъ и въ совокупномъ составѣ сословій и обществъ".

Изъ вышеизложеннаго видно, что срокъ введенія въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія еще не установленъ. Нужно надѣяться, что онъ не будетъ продолжителенъ, такъ какъ ознакомленіе учрежденій и лицъ судебнаго вѣдомства съ новымъ законодательнымъ актомъ не можетъ потребовать много времени. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, утвержденное 15-го августа 1845-го года, было введено въ дѣйствіе 1-го мая 1846-го года, т.-е. менѣе чѣмъ черезъ годъ; между тѣмъ, въ своемъ первоначальномъ видѣ оно заключало въ себѣ болѣе двухъ тысячъ статей— а въ новомъ уложеніи ихъ менѣе 700, да и все построеніе его, сравнительно ясное и простое, очень облегчаетъ его изученіе. Скорѣйшее его осуществленіе представляется тѣмъ болѣе желательнымъ, чѣмъ дольше продолжалась его подготовка [1]). Необходимость коренныхъ перемѣнъ въ уложеніи 1845-го года была сознана уже въ 1860-мъ году и сдѣлалась еще болѣе очевидной, когда рѣшена была, въ принципѣ, судебная реформа. Одновременно съ судебными уставами 1864-го года былъ изданъ, однако, только уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями—уставъ, обновившій собою лишь небольшую часть уголовнаго законодательства. Въ 1870 г. особая коммиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, высказалась за общій пересмотръ уложенія. Этой работѣ рѣшено было предпослать созданіе новой системы наказаній и основныхъ правилъ, опредѣляющихъ ея примѣненіе. Одна коммиссія слѣдовала за другою, сосредоточиваясь то на лѣстницѣ наказаній, то спеціально на тюремной реформѣ. 11-го декабря 1879-го года были установлены главные типы карательныхъ учрежденій; въ то же время второму отдѣленію Собственной Е. И. В. канцеляріи и министерству

---

[1]) Исторія новаго уложенія подробно разсказана г. Евангуловымъ въ № 16 газеты „Право".

юстиціи предоставлено было начертать планъ работъ по составленію новаго уложенія. Этотъ планъ былъ утвержденъ 22-го апрѣля 1881-го года, и вслѣдъ затѣмъ началась дѣятельность редакціонной коммиссіи, въ составъ которой вошли, подъ предсѣдательствомъ Э. В. Фриша, профессора Таганцевъ, Фойницкій и Неклюдовъ, старшій чиновникъ второго отдѣленія Розинъ и юрисконсультъ министерства юстиціи Лицкій; мѣсто послѣдняго, вскорѣ умершаго, заступилъ профессоръ Случевскій. Предполагалось, что работа коммиссіи будетъ окончена въ 3—4 года, но на самомъ дѣлѣ она затянулась на четырнадцать лѣтъ, до 1895-го года. Три года потребовалось, далѣе, для обсужденія проекта въ различныхъ вѣдомствахъ и для исправленія его министромъ юстиціи, совмѣстно съ предсѣдателемъ коммиссіи. Въ 1898 г. проектъ былъ внесенъ въ государственный совѣтъ и разсмотрѣнъ сначала въ особомъ совѣщаніи, подъ предсѣдательствомъ Э. В. Фриша, потомъ въ особомъ присутствіи, подъ предсѣдательствомъ гр. К. И. Палена, и наконецъ въ общемъ собраніи. Со времени начала трудовъ редакціонной коммиссіи до утвержденія проекта прошло, такимъ образомъ, *двадцать два* года, хотя, по окончаніи работъ коммиссіи, и было признано возможнымъ обойтись безъ одного изъ первоначально намѣченныхъ фазисовъ движенія—безъ разсмотрѣнія проекта въ учрежденномъ въ 1881-мъ году особомъ комитетѣ. Еще болѣе поразительна продолжительность промежутка, отдѣляющаго первоначальное рѣшеніе отъ окончательнаго исполненія: если принять за исходный пунктъ реформы обнародованіе основныхъ положеній судебной реформы (28 сентября 1862-го года), предопредѣлившихъ, въ сущности, судьбу стараго уложенія, то съ тѣхъ поръ до 22-го марта нынѣшняго года прошло болѣе *сорока* лѣтъ!

Указанныя выше данныя какъ нельзя болѣе характерны для нашего законодательнаго механизма. Быстроты, иногда очень большой, его работа достигаетъ, съ одной стороны, въ эпохи поступательнаго движенія, всюду вносящаго жизнь, учащающаго біеніе государственнаго и общественнаго пульса, съ другой—въ моменты обостряющейся реакціи, для которой недостаточно скорымъ кажется иногда даже обычный, нормальный ходъ законопроектовъ. Только чрезвычайнымъ подъемомъ духа, иногда граничившимъ съ вдохновеніемъ, можно объяснить тотъ фактъ, что крестьянская реформа, несмотря на сложную процедуру подготовки ея въ губернскихъ комитетахъ, была приведена къ концу въ три съ небольшимъ года (считая съ рескрипта 20-го ноября 1857-го года), судебная реформа—въ два года (считая съ обнародованія основныхъ положеній), земская реформа—въ полтора (считая съ утвержденія, 2 іюля 1862 г., главныхъ началъ ея); немногимъ болѣе трехъ лѣтъ потребовалъ, въ первой половинѣ шести-

десятыхъ годовъ, и пересмотръ законодательства о печати. Гораздо медленнѣе двигалась городская реформа, осуществленіе которой состоялось уже послѣ окончанія преобразовательнаго періода; съ 20 марта 1862-го года, когда рѣшено было приступить къ улучшенію общественнаго управленія во всѣхъ городахъ имперіи, до изданія городового положенія 16 іюня 1870-го года прошло болѣе восьми лѣтъ... Образцомъ быстроты другого рода, вызываемой соображеніями охранительнаго свойства, можетъ служить законъ 9 мая 1878-го года (объ изъятіи цѣлой категоріи дѣлъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ), непосредственнымъ поводомъ къ которому послужилъ оправдательный приговоръ, состоявшійся 31-го марта того же года. Положенія объ усиленной охранѣ и о полицейскомъ надзорѣ, равно какъ и цѣлый рядъ „временныхъ" правилъ о печати, были проведены, въ видахъ ускоренія, даже помимо государственнаго совѣта. Прямую противоположность обѣимъ только-что упомянутымъ группамъ законодательныхъ мѣръ представляютъ тѣ, которыя, совпадая съ періодами застоя или регресса, имѣютъ, если можно такъ выразиться, нейтральный характеръ, т.-е. не затрогиваютъ непосредственно политической злобы дня. Здѣсь медленность процедуры вступаетъ во всѣ свои права; движеніе законопроектовъ нерѣдко исчисляется не годами, а десятилѣтіями. Работа надъ новымъ вексельнымъ уставомъ продолжалась около сорока лѣтъ. Къ давнопрошедшему времени относится начало работы надъ уставами опекунскимъ, гипотечнымъ, межевымъ. Прошло уже болѣе девяти лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ рѣшено было пересмотрѣть законоположенія по судебной части—а государственный совѣтъ лишь недавно приступилъ къ обсужденію проектовъ, составленныхъ министерствомъ юстиціи. Только въ связи съ этими и другими аналогичными фактами становится понятной исторія проекта уголовнаго уложенія. Невольно приходитъ на память, что сѣверо-германское уголовное уложеніе, обнародованное въ 1870 г. и годъ спустя обращенное въ уголовное уложеніе германской имперіи, было изготовлено въ три года. Мы далеки отъ мысли, чтобы такая же точно скорость была обязательна для составителей нашего уголовнаго уложенія: мы очень хорошо знаемъ, что пропасть между старымъ и новымъ, мостомъ черезъ которую служитъ кодексъ, у насъ гораздо шире, чѣмъ въ Германіи шестидесятыхъ годовъ, а матеріаловъ для постройки моста гораздо меньше. Чтобы заручиться содѣйствіемъ юридическаго міра и вообще образованнаго общества, составители проекта должны были идти впередъ не спѣша, останавливаясь для выслушанія и для обсужденія замѣчаній (которыхъ было сдѣлано немало). Задержка работы была неизбѣжна—но неизбѣжна, конечно, не въ такой степени, чтобы намѣченные четыре года обратились въ четырнадцать. Еще болѣе воз-

можно было ускореніе дальнѣйшихъ фазисовъ дѣла, начиная съ 1895-го года. А между тѣмъ, скорость, въ данномъ случаѣ, была далеко не безразлична. Недостатки стараго уложенія, цѣлые десятки лѣтъ остававшагося неприспособленнымъ къ новымъ процессуальнымъ порядкамъ, отражались на дѣятельности суда присяжныхъ и были, de facto, одною изъ главныхъ причинъ недовѣрія къ этому институту, нѣсколько разъ проявлявшагося въ оффиціальныхъ сферахъ и вызвавшаго значительное ограниченіе его компетенціи. Суровость наказаній, въ связи съ недостаточнымъ просторомъ въ ихъ назначеніи, нерѣдко приводила къ оправданію сознавшихся или несомнѣнно виновныхъ подсудимыхъ—и, что̀ еще важнѣе, къ несправедливому отягощенію участи осужденныхъ. Частныя поправки, внесенныя въ дѣйствующее уложеніе за послѣднюю четверть вѣка, не устранили и не могли устранить всѣхъ этихъ неудобствъ; многія перемѣны къ лучшему, признанныя необходимыми, откладывались до изданія новаго уложенія. Послѣдствія запозданія можно будетъ признать изглаженными только тогда, когда будетъ возстановленъ первоначальный кругъ вѣдомства суда присяжныхъ.

По мѣрѣ того, какъ подвигались впередъ занятія редакціонной коммиссіи, намъ приходилось говорить о главныхъ нововведеніяхъ, вносимыхъ ею въ наше уголовное законодательство. Не всѣмъ этимъ нововведеніямъ суждено было войти въ окончательную редакцію уголовнаго уложенія: проектъ коммиссіи подвергся, во время послѣднихъ фазисовъ работы, довольно существеннымъ передѣлкамъ. Остановимся, покамѣсть, на первой главѣ уложенія: „О преступныхъ дѣяніяхъ и наказаніяхъ вообще“ [1]). Измѣнена, прежде всего, терминологія коммиссіи: вмѣсто дѣленія преступныхъ дѣяній, смотря по тяжести назначаемыхъ за нихъ наказаній, на преступленія, проступки и нарушенія, принято дѣленіе на тяжкія преступленія, преступленія и проступки. Большого значенія эта перемѣна не имѣетъ, такъ какъ границы всѣхъ трехъ группъ остаются прежнія; но терминологія коммиссіи была ближе къ привычному смыслу словъ. Проступками назывались до сихъ поръ всѣ преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями—а между ними немало такихъ, которыя новое уложеніе подводитъ подъ понятіе о преступленіи. Словомъ: *проступокъ* въ нашихъ курсахъ уголовнаго права принято переводить французское слово *délit* и нѣмецкое *Vergehen*, и такъ понимала его и редакціонная коммиссія: въ уложеніи

---

[1]) Объ этой главѣ см. „Внутреннія Обозрѣнія“ въ № 12 „Вѣстн. Европы“ за 1882 г., № 1 за 1883 г. и № 8 за 1885 г.

оно употреблено для означенія тѣхъ преступныхъ дѣяній, которыя обыкновенно называются *нарушеніями* (contraventions, Uebertretungen). Весьма распространено между криминалистами мнѣніе, что трехчленное дѣленіе должно уступить мѣсто двухчленному (преступленія и нарушенія)—но уложеніе не примкнуло и къ этому мнѣнію, выдѣливъ въ особую группу *тяжкія* преступленія. Послѣднее выраженіе кажется намъ не особенно удачнымъ, потому что преступное дѣяніе, высшимъ наказаніемъ за которое назначена каторга, можетъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, оказаться не особенно тяжкимъ и повлечь за собою значительно смягченное наказаніе.

Въ перечнѣ наказаній уложеніе отступаетъ отъ проекта только по одному пункту: на мѣсто *заточенія* оно ставитъ заключеніе въ крѣпости. Разница здѣсь не только въ словахъ: заточеніе могло быть отбываемо не только въ крѣпости, но и въ другомъ устроенномъ для того помѣщеніи. Можно было предполагать, что такія помѣщенія будутъ больше приспособлены къ такъ называемой custodia honesta (лишеніе свободы, не затрогивающее чести заключеннаго), чѣмъ крѣпость, съ ея по необходимости суровой дисциплиной. Въ проектѣ было сказано, что приговоренные къ заточенію занимаются работами по ихъ выбору; въ уложеніи относительно приговоренныхъ къ заключенію въ крѣпости это не оговорено, но молчаніе закона должно быть, повидимому, толкуемо въ томъ же смыслѣ, какъ и правило проекта, потому что для всѣхъ остальныхъ видовъ лишенія свободы (кромѣ ареста на срокъ не свыше семи дней) прямо установлена обязательность работы. Лучше было бы, однако, еслибы была сохранена редакція проекта, устранявшая всякія сомнѣнія по этому предмету.

Въ проектѣ были съ точностью опредѣлены права заключенныхъ на весь чистый доходъ отъ ихъ работы (при заточеніи и арестѣ) или на извѣстную часть этого дохода (одну десятую—при каторгѣ, $^3/_{10}$—при заключеніи въ исправительномъ домѣ, $^4/_{10}$—при заключеніи въ тюрьмѣ). Въ текстѣ уложенія объ этомъ ничего не говорится, вѣроятно потому, что признано болѣе удобнымъ перенести соотвѣтствующія постановленія въ уставы различныхъ мѣстъ заключенія. Намъ кажется, что правильнѣе было бы сохранить редакцію проекта, такъ какъ способъ распредѣленія дохода, получаемаго отъ работы заключенныхъ, составляетъ немаловажную особенность каждаго вида заключенія и вліяетъ, до извѣстной степени, на тяжесть наказанія.

Изъ числа наказаній, опредѣляемыхъ уложеніемъ, всего болѣе возраженій встрѣтили, при обсужденіи проекта, смертная казнь и каторга. За смертную казнь не стояла, въ сущности, сама редакціонная коммиссія; не признавая себя въ правѣ разрѣшить вопросъ, имѣющій преимущественно политическое значеніе, она выразила убѣжденіе, что

„Россія могла бы сдѣлать новый дальнѣйшій шагъ по историческому пути, преемственно начертанному еще съ XVIII-го вѣка, съ царствованія Елизаветы, и не только ограничить число случаевъ примѣненія смертной казни, но и вычеркнуть ее вовсе изъ списка наказаній, налагаемыхъ по общимъ законамъ". Это благое пожеланіе коммиссіи осталось неисполненнымъ: достигнуто только *ограниченіе* сферы примѣненія смертной казни, освобожденіемъ отъ нея несовершеннолѣтнихъ, стариковъ (свыше семидесяти лѣтъ) и женщинъ (кромѣ осужденныхъ за наиболѣе тяжкое политическое преступленіе), а также смягченіемъ отвѣтственности за нарушеніе карантинныхъ узаконеній (подведенное подъ общій законъ о несоблюденіи правилъ предосторожности противъ заразныхъ болѣзней). Что касается до каторги, то съ разныхъ сторонъ (между прочимъ—и въ нашемъ журналѣ) было высказано мнѣніе о возможности соединенія ея съ исправительнымъ домомъ, въ видахъ большаго упрощенія системы наказаній. Указывалось на то, что въ Германіи существуетъ только одна тяжкая форма лишенія свободы—заключеніе въ смирительномъ домѣ (Zuchthaus), наибольшая продолжительность котораго (15 лѣтъ) равняется высшему (по новому закону) сроку каторги, наименьшая (одинъ годъ)—низшему сроку заключенія въ исправительномъ домѣ. Выставлялась, далѣе, на видъ чрезвычайная трудность выработать два различныхъ порядка и типа для учрежденій столь близкихъ между собою, какъ каторга и исправительный домъ. Одно изъ двухъ: или каторга приблизится къ исправительному дому и сдѣлается излишней, или она станетъ чрезмѣрно тяжелой, безъ достаточной надобности и безъ правильной цѣли. Самое названіе каторги, вызывая представленіе о „мертвомъ домѣ", принадлежитъ къ числу тѣхъ, съ которыми неразрывно связанъ цѣлый рядъ предразсудковъ и традиціонныхъ пріемовъ. Такого взгляда на вопросъ мы продолжаемъ держаться и до сихъ поръ. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что максимальная продолжительность срочной каторги уменьшена, сравнительно съ дѣйствовавшимъ до сихъ поръ уложеніемъ, съ двадцати до пятнадцати лѣтъ, а минимальная, проектомъ опредѣленная въ пять лѣтъ, окончательною редакціею уложенія сокращена до нынѣшняго размѣра, т.-е. до четырехъ лѣтъ.

Согласно съ проектомъ, уложеніе допускаетъ досрочное освобожденіе отъ каторги, поселенія и исправительнаго дома, обусловливая его одобрительнымъ поведеніемъ сосланныхъ или заключенныхъ. При безсрочной каторгѣ оно возможно по истеченіи пятнадцати, при поселеніи—десяти лѣтъ, при срочной каторгѣ—по истеченіи двухъ третей, при заключеніи въ исправительномъ домѣ—пяти шестыхъ опредѣленнаго приговоромъ срока. Сочувствуя досрочному освобожденію вообще, мы продолжаемъ думать, что его слѣдовало бы примѣнить и

къ другимъ видамъ лишенія свободы—заточенію (заключенію въ крѣпости), тюрьмѣ, аресту. Для приговоренныхъ къ аресту на шесть мѣсяцевъ или къ тюрьмѣ на одинъ годъ далеко не безразлично быть освобожденнымъ однимъ или двумя мѣсяцами раньше: надежда на такое освобожденіе и для нихъ могла бы послужить могучимъ побужденіемъ къ усердной работѣ, къ точному соблюденію тюремныхъ правилъ... Вполнѣ справедливо, далѣе, установляемое новымъ уложеніемъ факультативное (т.-е. необязательное для суда) сокращеніе срока лишенія свободы, сообразно съ временемъ, проведеннымъ въ предварительномъ заключеніи; жаль только, что оно не распространено на каторгу. Возражая, въ свое время, противъ такого ограниченія, мы приводили слѣдующій примѣръ: убійство совершено двумя лицами; одно поймано на мѣстѣ преступленія, другое—шесть мѣсяцевъ спустя, когда слѣдствіе надъ первымъ было уже закончено. Поимка второго преступника заставляетъ отложить разбирательство дѣла еще на шесть мѣсяцевъ, такъ что одинъ изъ виновныхъ сидитъ подъ стражей, до приговора, цѣлый годъ, другой—только полгода. При назначеніи обоимъ одной и той же мѣры наказанія и при отсутствіи зачета, лица, одинаково виновныя, понесутъ, такимъ образомъ, наказаніе на самомъ дѣлѣ далеко не одинаковое. Замѣтимъ, что при факультативности зачета нѣтъ основанія опасаться намѣреннаго затягиванья дѣла со стороны подсудимыхъ. Если замедленіе въ ходѣ слѣдствія зависѣло отъ подсудимаго, судъ, безъ сомнѣнія, откажетъ ему въ зачетѣ.

Новымъ является въ уложеніи слѣдующее постановленіе, котораго не было въ проектѣ редакціонной коммиссіи: „приговоренный къ заключенію въ тюрьмѣ, если судъ признаетъ его учинившимъ преступленіе вслѣдствіе тунеядства или праздности, можетъ быть, по опредѣленію суда, помѣщенъ, непосредственно по отбытіи заключенія въ тюрьмѣ, въ работный домъ на срокъ отъ шести мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ“. Для насъ не совсѣмъ ясно, когда должно быть постановляемо опредѣленіе объ отдачѣ въ работный домъ—одновременно ли съ опредѣленіемъ о заключеніи въ тюрьму, или по окончаніи срока заключенія? Въ первомъ случаѣ оно можетъ оказаться излишнимъ и, слѣдовательно, несправедливымъ: если осужденный, во время содержанія въ тюрьмѣ, усердно и тщательно исполнялъ всѣ тюремныя работы, то едва ли есть надобность въ дальнѣйшемъ ограниченіи его свободы. Во второмъ случаѣ судъ по неволѣ долженъ будетъ руководствоваться отзывомъ тюремнаго начальства и принимать на себя несвойственную ему роль исполнителя чужихъ внушеній. При хорошей организаціи тюремныхъ работъ, сближающей тюрьму съ работнымъ домомъ, присоединеніе къ тюремному заключенію содержанія въ работномъ домѣ едва ли окажется согласнымъ съ правиломъ: non bis in idem.

На основаніи проекта, приговоренные къ исправительному дому должны были содержаться въ одиночномъ заключеніи первые шесть мѣсяцевъ, приговоренные къ тюрьмѣ—все время (т.-е. отъ двухъ недѣль до одного года). Послѣднее правило сохранено уложеніемъ, но продолжительность одиночнаго заключенія для приговоренныхъ къ исправительному дому опредѣлена болѣе эластично—отъ трехъ до шести мѣсяцевъ. Намъ кажется, что максимальный срокъ одиночнаго заключенія (годовой) слишкомъ великъ, хотя мнѣніемъ госуд. совѣта, утвержденнымъ одновременно съ уложеніемъ, и допущенъ переводъ изъ одиночнаго заключенія въ общее, какъ только удостовѣрена опасность одиночества для здоровья заключеннаго. Не всегда вредное вліяніе одиночнаго заключенія можетъ быть своевременно обнаружено врачомъ, даже внимательнымъ и опытнымъ. Кто, въ силу особенностей своей натуры, не расположенъ просить о снисхожденіи, тотъ можетъ молча, незамѣтно для посторонняго глаза переносить муки одиночнаго заключенія—и избавленіе отъ нихъ можетъ придти для него слишкомъ поздно, когда онѣ успѣли уже оставить въ немъ неизгладимый слѣдъ. Для людей слабыхъ, нервныхъ, склонныхъ къ ипохондріи критическій моментъ можетъ наступить весьма скоро... Другая разница между проектомъ и уложеніемъ состоитъ въ томъ, что по проекту продолжительность содержанія въ тюрьмѣ не ставилась въ зависимость отъ отбыванія его въ общемъ или въ одиночномъ заключеніи, а по уложенію четыре дня общаго считаются равными тремъ днямъ одиночнаго заключенія; другими словами, переводъ изъ одиночнаго заключенія въ общее удлиняетъ остающійся срокъ заключенія на одну треть (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда переводъ вызванъ опасностью одиночнаго заключенія для здоровья заключеннаго). Цѣлесообразность такого правила кажется намъ тѣмъ болѣе спорною, что переводъ въ общее заключеніе обусловливается (помимо случаевъ, упомянутыхъ выше) не желаніемъ, не просьбою заключеннаго, а исключительно неимѣніемъ или недостаткомъ въ тюрьмѣ одиночныхъ камеръ. Есть лица, для которыхъ общее заключеніе гораздо тягостнѣе одиночнаго; обострять претерпѣваемую ими кару увеличеніемъ срока содержанія въ тюрьмѣ тѣмъ болѣе несправедливо, что самый переводъ въ общее заключеніе совершается помимо ихъ воли, вслѣдствіе независящихъ отъ нихъ обстоятельствъ. Въ особенности это примѣнимо къ короткимъ срокамъ тюремнаго заключенія: если оно не превышаетъ нѣсколькихъ недѣль, многіе, безъ сомнѣнія, предпочли бы отбыть его въ одиночной камерѣ.

Проектъ редакціонной коммиссіи отмѣнялъ лишеніе *всѣхъ* правъ состоянія въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно понимается дѣйствующимъ уложеніемъ. За осужденными къ самымъ тяжкимъ наказаніямъ—ка-

торгѣ и поселенію—сохранялись ихъ имущественныя права; ограничивалось только пользованіе ими, путемъ взятія имущества въ управленіе (организацію котораго предполагалось опредѣлить въ законахъ гражданскихъ). Новое уложеніе разрѣшаетъ вопросъ иначе: оно устанавляетъ, что присужденіе къ каторгѣ и поселенію влечетъ за собою потерю правъ по имуществу, какъ вытекающихъ изъ союза родственнаго, такъ и вообще принадлежавшихъ осужденному до вступленія приговора въ законную силу. Удержано въ силѣ, такимъ образомъ, открытіе наслѣдства при жизни осужденнаго, едва ли согласное съ нормальными семейными отношеніями. Намъ кажется, что система проекта, въ достаточной степени охраняя интересы государства, была болѣе справедлива къ самому осужденному и менѣе опасна для его семейства. Едва ли желательно, чтобы судебный приговоръ являлся источникомъ матеріальной выгоды для ближайшихъ родственниковъ осужденнаго... Всецѣло, за то, усвоено уложеніемъ другое нововведеніе проекта: общественныя и политическія права, утраченныя въ силу судебнаго приговора (за исключеніемъ правъ сословныхъ и зависѣвшихъ отъ прежняго званія или службы), пріобрѣтаются вновь по прошествіи извѣстныхъ сроковъ со времени отбытія наказанія, а въ случаѣ одобрительнаго поведенія осужденныхъ—могутъ быть возстановлены и раньше, по истеченіи половины означенныхъ сроковъ.

Безъ всякихъ перемѣнъ вошла въ составъ уложенія та статья проекта, которая опредѣляетъ власть суда въ смягченіи наказаній. Власть эта весьма обширна. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ законѣ опредѣленъ особый низшій предѣлъ наказанія (напр. каторга на срокъ не ниже десяти лѣтъ), судъ можетъ спуститься до низшаго законнаго размѣра даннаго рода наказанія (т.-е. до четырехъ лѣтъ каторги); если же низшій предѣлъ не указанъ, судъ въ правѣ перейти къ слѣдующему, въ порядкѣ постепенности, роду наказанія (отъ смертной казни—къ каторгѣ безъ срока или на срокъ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ, отъ безсрочной каторги — къ срочной, отъ срочной каторги—къ исправительному дому, отъ поселенія—къ заключенію въ крѣпости на срокъ не ниже одного года, отъ исправительнаго дома—къ тюрьмѣ, отъ тюрьмы—къ аресту). Единственный недостатокъ этой системы, указанный нами въ свое время [1]), заключается въ томъ, что она даетъ суду возможность почти не принимать въ разсчетъ снисхожденіе, данное подсудимому присяжными засѣдателями. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ виды смягченія, упомянутые выше, совершенно факультативны: обязательно для суда только одно — не назначать, при признаніи подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія, *высшей*

[1]) См. „Внутр. Обозр.“ въ № 1 „Вѣстн. Европы“ за 1883 г. и № 7 за 1896 г.

мѣры наказанія, установленной закономъ за данное дѣяніе. Сравнительно съ этимъ болѣе существеннымъ можетъ иногда оказаться даже смягченіе, обязательное для суда за силою дѣйствующихъ законовъ. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. За предумышленное убійство дѣйствующее уложеніе опредѣляетъ наказаніе по 2-ой степени ст. 19-ой, т.-е. ссылку въ каторжную работу на время отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ. Слѣдующія двѣ степени, третья и четвертая—каторжная работа отъ двѣнадцати до пятнадцати и отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ. При признаніи виновнаго въ убійствѣ заслуживающимъ снисхожденія судъ, обязанный, по дѣйствующему закону, понизить наказаніе по крайней мѣрѣ на одну степень и не имѣющій права понизить его больше чѣмъ на двѣ степени, не можетъ назначить осужденному каторжную работу ни на срокъ болѣе пятнадцати лѣтъ (высшая мѣра третьей степени), ни на срокъ менѣе десяти лѣтъ (низшая мѣра четвертой степени). По новому уложенію виновный въ убійствѣ наказывается каторгой на срокъ не ниже восьми лѣтъ; при признаніи его заслуживающимъ снисхожденія судъ можетъ, слѣдовательно, понизить срокъ работы до четырехъ лѣтъ, но можетъ и уменьшить его только на одно полугодіе противъ высшаго срока каторги (срокъ каторги исчисляется, на основаніи новаго уложенія, годами и полугодіями), т.-е. назначить осужденному четырнадцать съ половиною лѣтъ каторги. Разстояніе между возможными максимумомъ и минимумомъ наказанія по новому уложенію является, такимъ образомъ, болѣе значительнымъ, чѣмъ по дѣйствующему закону (десять съ половиною лѣтъ вмѣсто пяти), но уменьшается (съ пяти лѣтъ до полугода) размѣръ смягченія, *обязательнаго* для суда: другими словами, уменьшается обязательное вліяніе снисхожденія, даннаго подсудимому присяжными засѣдателями. Другой примѣръ, еще болѣе яркій: по дѣйствующему уложенію умышленный поджогъ обитаемаго зданія наказывается каторжной работой по 5-ой степени ст. 19-ой, т.-е. на время отъ восьми до десяти лѣтъ. Слѣдующія двѣ степени, шестая и седьмая — каторжная работа отъ шести до восьми и отъ четырехъ до шести лѣтъ. Итакъ, высшее наказаніе для поджигателя, признаннаго заслуживающимъ снисхожденія — восемь лѣтъ, низшее—четыре года каторжной работы. Новое уложеніе за поджогъ обитаемаго зданія назначаетъ срочную каторгу; такъ какъ низшій предѣлъ ея здѣсь не опредѣленъ, то судъ, при признаніи виновнаго заслуживающимъ снисхожденія, можетъ перейти къ исправительному дому (и даже дойти до низшей мѣры этого наказанія, т.-е. до полутора года), но можетъ и ограничиться наименьшимъ законнымъ пониженіемъ срока каторги, т.-е. присудить поджигателя къ каторгѣ на четырнадцать съ половиною лѣтъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что прак-

тика скоро обнаружитъ необходимость повысить минимальныя нормы смягченія, обязательнаго для суда въ случаѣ признанія подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія.

Особыя правила о замѣнѣ наказаній для несовершеннолѣтнихъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они включены въ уложеніе, заключаютъ въ себѣ нѣсколько отступленій отъ проекта редакціонной коммиссіи. Для несовершеннолѣтнихъ отъ четырнадцати до семнадцати лѣтъ (если преступное дѣяніе вмѣнено имъ въ вину) проектъ замѣнялъ смертную казнь и безсрочную каторгу—тюрьмой на время отъ пяти до десяти лѣтъ, срочную каторгу—тюрьмой съ сокращеніемъ срока заключенія на половину. Уложеніе назначаетъ въ первомъ случаѣ тюрьму на время отъ восьми до двѣнадцати, во второмъ случаѣ—на время отъ трехъ до восьми лѣтъ (при дѣйствіи правила, предположеннаго проектомъ, максимумъ тюремнаго заключенія составлялъ бы въ послѣднемъ случаѣ семь лѣтъ съ половиной, минимумъ—два года); въ обоихъ случаяхъ повышаются, такимъ образомъ, сроки лишенія свободы. По проекту несовершеннолѣтніе отъ десяти до семнадцати лѣтъ безусловно освобождались отъ лишенія правъ; уложеніе исключаетъ изъ дѣйствія этого правила тѣхъ несовершеннолѣтнихъ, которые присуждены къ долгосрочному тюремному заключенію въ замѣнъ смертной казни или безсрочной каторги. Для несовершеннолѣтнихъ женщинъ уложеніе допускаетъ замѣну исправительно-воспитательнаго заведенія женскимъ монастыремъ. Перемѣною къ лучшему, сравнительно съ проектомъ редакціонной коммиссіи, кажется намъ правило, въ силу котораго несовершеннолѣтній, при невозможности помѣстить его въ исправительно-воспитательное заведеніе, можетъ быть—если преступное дѣяніе, имъ совершенное, влечетъ за собою, по общему закону, заключеніе въ тюрьмѣ,—отданъ подъ отвѣтственный надзоръ родителей, или лицъ, на попеченіи которыхъ онъ состоитъ, или другихъ благонадежныхъ лицъ.

Отлагая до слѣдующаго обозрѣнія указаніе другихъ главныхъ особенностей, которыми новое уголовное уложеніе отличается, съ одной стороны, отъ дѣйствующаго права, съ другой—отъ проекта редакціонной коммиссіи, мы считаемъ долгомъ замѣтить, что, какъ бы ни смотрѣть на тѣ или другія отдѣльныя постановленія уложенія, *въ общемъ* оно представляетъ собою такой шагъ впередъ, какого давно уже не дѣлало наше законодательство.

Высочайше утвержденное 12-го марта мнѣніе государственнаго совѣта, обнародованное одновременно съ именнымъ Высочайшимъ

указомъ отъ того же числа [1]), установляетъ новый порядокъ взысканія окладныхъ сборовъ, обусловливаемый отмѣною круговой поруки, и вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ существенно важныя измѣненія въ положеніе земскихъ финансовъ. Изъ сборовъ съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель прежде всего должны быть покрыты: окладъ земскаго сбора—сполна, недоимка этого сбора—въ размѣрѣ до 20% оклада. На вторую очередь ставится окладъ государственныхъ сборовъ, съ такою же недоимкой; затѣмъ покрываются остальныя недоимки, сперва земскія, потомъ казенныя. Такой порядокъ, представляя собою возвращеніе къ существовавшему въ началѣ дѣятельности земскихъ учрежденій, безспорно благопріятенъ для земства, получавшаго, на основаніи закона 1899-го года, не болѣе 20% съ каждаго поступленія и вслѣдствіе этого, особенно въ первой половинѣ года, часто остававшагося безъ средствъ на выполненіе самыхъ неотложныхъ расходовъ. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что не меньшую роль, чѣмъ платежи съ надѣльныхъ крестьянскихъ земель, играютъ въ земскомъ хозяйствѣ платежи съ частновладѣльческихъ земель [2]), исправное поступленіе которыхъ по прежнему ничѣмъ не обезпечено. Прочный порядокъ въ земскихъ финансахъ сдѣлается возможнымъ только тогда, когда самому земству будетъ предоставлено взысканіе недоимокъ съ частныхъ владѣльцевъ. Только тогда прекратятся такія явленія, какъ, напримѣръ, накопленіе на одномъ имѣніи (въ аткарскомъ уѣздѣ саратовской губерніи) недоимки въ *двадцать тысячъ* рублей. Ничего подобнаго не могло бы случиться, еслибы всякій плательщикъ земскаго сбора зналъ, что существуютъ дѣйствительныя средства понудить его къ исполненію долга, лежащаго на немъ по отношенію къ земству. Не было бы тогда мѣста для мысли, что земскій сборъ, въ противоположность казенному, больше напоминаетъ собою добровольное приношеніе, чѣмъ обязательный платежъ. Не встрѣчались бы разсужденія въ родѣ того, которымъ „Московскія Вѣдомости“ сопровождаютъ извѣстіе о высокой цифрѣ земскихъ недоимокъ за частными владѣльцами валковскаго уѣзда (харьковской губерніи). „Вся дѣятельность нашихъ всесословныхъ земствъ,—говоритъ московская газета,—направлена исключительно для удовлетворенія дѣйствительныхъ и мнимыхъ нуждъ одного только крестьянскаго сословія. Что же удивительнаго, что каждый крестьянинъ старается покрыть земскіе платежи изъ своего случайнаго заработка? А гдѣ найти этотъ заработокъ частнымъ владѣльцамъ? Гдѣ взять имъ денегъ на уплату зем-

---

[1]) Текстъ этого указа напечатанъ въ концѣ нашей апрѣльской „Общественной Хроники“.

[2]) Въ саратовской губерніи, напримѣръ, губернскій земскій сборъ съ надѣльныхъ земель составляетъ только одну треть общей суммы оклада.

скихъ налоговъ? Еслибы хотя часть ихъ платежей тратилась въ ихъ интересахъ, то и у нихъ явилась бы, вѣроятно, возможность платить болѣе аккуратно". Въ этомъ разсужденіи все, съ начала до конца, лишено всякой тѣни основанія. Совершенно невѣрно, чтобы накопленіе частновладѣльческихъ недоимокъ обусловливалось преимущественно неимѣніемъ средствъ для уплаты земскаго сбора. Вовсе онъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не такъ великъ, чтобы своевременный взносъ его представлялъ непреодолимыя затрудненія. Не уплачивается онъ, сплошь и рядомъ, просто потому, что не предвидится отъ того никакихъ непріятныхъ послѣдствій — и только черезъ нѣсколько лѣтъ, когда недоимка, вмѣстѣ съ пеней, во много разъ превышаетъ окладъ, ея погашеніе становится иногда дѣйствительно нелегкимъ. Съ другой стороны, земскій сборъ, какъ и всякій налогъ, вовсе не зависитъ отъ суммы удобствъ, предоставляемыхъ плательщику. Такая пропорціональность мыслима только на первыхъ ступеняхъ развитія податной системы, когда налогомъ оплачиваются отдѣльныя услуги власти; у всѣхъ культурныхъ народовъ она давно уступила мѣсто обложенію, такъ или иначе соотвѣтствующему платежнымъ силамъ. Невозможнымъ сдѣлалось бы веденіе государственнаго и общественнаго хозяйства, еслибы исправность плательщика опредѣлялась субъективной оцѣнкой выгодъ, извлекаемыхъ изъ принадлежности къ государству или къ общественному союзу. Безпочвенна, дальше, попытка доказать, что крестьянину легче, чѣмъ частному владѣльцу, уплатить земскій сборъ изъ „случайнаго заработка". Если понимать подъ этимъ именемъ доходъ, извлекаемый не изъ обложенной земскимъ сборомъ земли, то у частнаго владѣльца источниковъ такого дохода (служба, профессіональный трудъ, проценты съ капитала, промышленныя и торговыя предпріятія) конечно не меньше, чѣмъ у крестьянина. Нельзя, наконецъ, согласиться и съ тѣмъ, что *вся* дѣятельность земства направлена *исключительно* на удовлетвореніе крестьянскихъ нуждъ. Не говоря уже о той косвенной пользѣ, которую приноситъ всему населенію начальная школа, хотя бы въ ней обучались одни крестьянскія дѣти,—земскими дорогами и мостами, земской почтой, земской медициной и ветеринаріей частные владѣльцы пользуются наравнѣ съ крестьянами. Любопытно въ аргументаціи „Московскихъ Вѣдомостей" только одно: признаніе, что крестьяне понимаютъ пользу, приносимую имъ земствомъ. Понадобившееся, въ данную минуту, какъ подтвержденіе болѣе чѣмъ парадоксальнаго тезиса, это признаніе идетъ прямо въ разрѣзъ съ обычными увѣреніями реакціонной печати.

По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей", законъ 12-го марта, уменьшая, отмѣною круговой поруки, зависимость крестьянъ отъ сельскаго общества, увеличиваетъ зависимость ихъ отъ мѣстныхъ

властей (земскихъ начальниковъ и податныхъ инспекторовъ), которымъ предоставляется разсрочка и отсрочка платежа не только казенныхъ, но и *земскихъ* сборовъ. Къ администраціи переходитъ, такимъ образомъ, одно изъ правъ, до сихъ поръ принадлежавшихъ земству. „Торгово-промышленная Газета", отвѣчая „Русскимъ Вѣдомостямъ", старается доказать, что своевременное и правильное облегченіе населенія въ уплатѣ земскихъ сборовъ можетъ быть достигнуто только при предоставленіи соотвѣтственныхъ полномочій мѣстнымъ учрежденіямъ, дѣйствующимъ непрерывно въ теченіе всего окладного года и близко знакомымъ съ условіями хозяйственнаго быта и платежными средствами крестьянъ. По мнѣнію „Торгово-промышленной Газеты", къ числу такихъ учрежденій земское собраніе, собирающееся только однажды въ годъ, отнесено быть не можетъ. „Московскія Вѣдомости" мотивируютъ новую мѣру нѣсколько иначе: онѣ утверждаютъ, что земства, въ лицѣ земскихъ управъ, весьма часто, несмотря на засвидѣтельствованное администраціей затруднительное положеніе крестьянъ, отказывали въ льготахъ по земскому сбору и настаивали на немедленномъ его взысканіи, причиняя тѣмъ самымъ трудно поправимый иногда вредъ крестьянскому благосостоянію. Нѣсколькими строками ниже московская газета впадаетъ въ противорѣчіе сама съ собою, признавая, что на практикѣ отказы въ льготѣ „не приносили земствамъ желательныхъ результатовъ, такъ какъ земскіе сборы фактически обыкновенно не взыскивались". И дѣйствительно, разъ что мѣры понужденія къ платежу зависятъ всецѣло отъ администраціи, трудно предположить, чтобы онѣ были пускаемы въ ходъ по требованію земства, когда плательщики, по убѣжденію администраціи, имѣли право на льготу. Извѣстны случаи разоренія крестьянъ взысканіемъ казенныхъ недоимокъ (напр. въ вятской губерніи, вслѣдъ за неурожаями начала девятидесятыхъ годовъ)—но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы къ такому результату приводило когда-либо взысканіе недоимокъ земскаго сбора. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что земству гораздо чаще приходилось ходатайствовать о предоставленіи крестьянамъ, въ тяжелыя для нихъ годины, всяческихъ податныхъ льготъ, чѣмъ хлопотать о неукоснительномъ взысканіи земскихъ недоимокъ... Не болѣе убѣдительны и доводы „Торгово-промышленной газеты", какъ нельзя лучше опровергнутые „Русскими Вѣдомостями". Однажды въ годъ созывается очередное земское собраніе, но ничто не препятствуетъ созыву собраній чрезвычайныхъ; возможно, притомъ, и разрѣшеніе податныхъ льготъ земскою управою, въ предѣлахъ, установленныхъ собраніемъ. Что свѣдѣніями о хозяйственномъ бытѣ и о платежныхъ средствахъ крестьянъ земства обладаютъ не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ администрація—это не подлежитъ никакому сомнѣнію:

стоитъ только припомнить хотя бы исторію борьбы съ послѣдствіями недавнихъ голодовокъ. Если въ разрѣшеніи разнаго рода податныхъ льготъ необходимо единство, то всего естественнѣе было бы сосредоточить его въ рукахъ земства, какъ учрежденія, наиболѣе близкаго къ населенію.

Отрицательно относясь къ нѣкоторымъ сторонамъ закона 12-го марта, мы привѣтствуемъ отъ души главное нововведеніе, вносимое имъ въ русскую жизнь: отмѣну круговой поруки. Подорванная почти полвѣка тому назадъ, изъятіемъ изъ ея дѣйствія небольшихъ сельскихъ обществъ, круговая порука рѣдко примѣнялась на практикѣ и еще въ 1899 г. была обречена на окончательное уничтоженіе: тѣмъ не менѣе ея отмѣна составляетъ шагъ впередъ къ освобожденію личности крестьянина, къ уравненію крестьянъ съ другими гражданами имперіи. Не существуетъ больше одного изъ препятствій, затруднявшихъ выходъ крестьянина изъ общества; не существуетъ одного изъ источниковъ зависимости его отъ міра. Само собою разумѣется, однако, что все главное еще впереди. Исполнилось только одно изъ желаній, высказанныхъ губернскими и уѣздными сельско-хозяйственными комитетами—и притомъ именно то, осуществленіе котораго съ самаго начала не возбуждало почти никакихъ сомнѣній.

ГЛАВНЫЯ ОСНОВАНІЯ ЗАКОНОПРОЕКТОВЪ О СРЕДНЕЙ ШКОЛѢ.

Въ половинѣ истекшаго нынѣ апрѣля мѣсяца, по поводу ожидаемой реформы нашей средней школы,—какъ общеобразовательной, гуманитарной, такъ и технической и профессіональной, или прикладной,—въ газетахъ было сообщено, что 15 марта Государю Императору благоугодно было Высочайше преподать управлявшему тогда министерствомъ народнаго просвѣщенія нижеслѣдующія указанія, долженствующія служить главными основаніями подлежащихъ разработкѣ законопроектовъ о средней школѣ:

„1) Гимназіи сохраняютъ восьмиклассный составъ; въ нихъ преподаются оба древніе языка, но обученіе греческому языку въ большей части ихъ не обязательно. Усвоеніе гимназическаго курса открываетъ доступъ къ высшему университетскому образованію.

„2) За реальными училищами, коихъ учебный планъ подлежитъ тоже пересмотру, сохраняется составъ шести основныхъ классовъ и седьмого дополнительнаго. Окончаніе курса сего послѣдняго класса открываетъ доступъ въ высшія техническія заведенія.

„3) Помимо гимназій и реальныхъ училищъ, должны быть организованы среднія учебныя заведенія съ законченнымъ общеобразовательнымъ курсомъ при шестиклассномъ составѣ. Окончаніе курса въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ даетъ право на службу въ губерніи.

„4) Широкое развитіе должно быть дано среднему техническому и профессіональному образованію, разсчитанному на удовлетвореніе практическихъ потребностей жизни.

„5) Особливое вниманіе должно быть обращено на изысканіе способовъ къ поднятію религіозно-нравственнаго и вообще воспитательнаго воздѣйствія школъ всѣхъ типовъ на учащихся, а также на укрѣпленіе въ нихъ преданности русской государственности и народности.

„6) Въ видахъ возможно полнаго разрѣшенія воспитательныхъ задачъ должны быть учреждены пансіоны, въ которыхъ могли бы пользоваться соотвѣтственнымъ руководствомъ питомцы извѣстной группы учебныхъ заведеній даннаго города.

„7) Въ соотвѣтствіи съ требованіями, предъявляемыми къ преобразуемой средней школѣ, должны быть безотлагательно установлены способы болѣе цѣлесообразной подготовки учителей для оной.

„Затѣмъ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, 28-го марта Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть:

„Въ тѣхъ гимназіяхъ, въ которыхъ на основаніи таблицы уроковъ, Высочайше утвержденной 20-го іюля 1902 г., начало изученія грече-

скаго языка отнесено къ V классу, приступить къ постепенному, начиная съ 1903—1904 учебнаго года, введенію необязательности изученія греческаго языка, съ тѣмъ, чтобы для учениковъ, имѣющихъ перейти нынѣшнею весною и въ ближайшіе послѣдующіе годы изъ IV класса въ V безъ изученія греческаго языка въ предыдущихъ классахъ, изученіе означеннаго предмета не было обязательнымъ до окончанія ими гимназическаго курса, и съ тѣмъ, чтобы будущіе абитуріенты гимназій, не обучавшіеся греческому языку, пользовались тѣми же правами, которыя нынѣ пріобрѣтаются окончаніемъ гимназическаго курса, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что они могутъ быть принимаемы въ число студентовъ историко-филологическихъ и восточнаго факультетовъ, а также въ историко-филологическіе институты не иначе, какъ по выдержаніи дополнительнаго испытанія изъ греческаго языка по программѣ, которая имѣетъ быть установлена для преобразованныхъ въ законодательномъ порядкѣ гимназій.

„Приведенныя Высочайшія указанія Его Императорскаго Величества сообщены предсѣдателю ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія къ неуклонному руководству, при разсмотрѣніи переданнаго уже въ этотъ комитетъ матеріала по вопросу о преобразованіи среднихъ учебныхъ заведеній. Ученому комитету предложено также обсудить вопросъ о тѣхъ видоизмѣненіяхъ въ дѣйствующихъ нынѣ учебныхъ планахъ и программахъ старшихъ классовъ гимназій, которыя вызываются постепеннымъ установленіемъ необязательности изученія греческаго языка, и опредѣлить, какой учебный матеріалъ долженъ быть усвоенъ учащимися означенныхъ классовъ гимназій взамѣнъ греческаго языка“.

I.

Изъ всего сообщеннаго предсѣдателю ученаго комитета и что̀ должно послужить послѣднему „главнымъ основаніемъ подлежащихъ разработкѣ законодательныхъ проектовъ о средней школѣ“ въ Россіи, —видно, что комитету предстоитъ, при разсмотрѣніи уже переданнаго ему матеріала по вопросу о преобразованіи средней школы, ограничиться выборомъ только той его части, которая можетъ послужить къ наилучшему осуществленію и приведенію въ исполненіе Высочайшихъ указаній, такъ какъ они сообщены ему къ *неуклонному* руководству. Ученому комитету предоставлено обсудить самостоятельно только одинъ вопросъ: о видоизмѣненіяхъ программъ старшихъ классовъ гимназій. Такимъ образомъ, главный характеръ проектируемой на будущее время средней школы, въ его существенныхъ чертахъ, представляется уже и нынѣ вполнѣ опредѣленнымъ.

Въ предшествующее министерство генерала П. С. Ванновскаго, какъ извѣстно, полагалось въ основаніе общеобразовательной, т.-е. гуманитарной средней школы, въ отличіе ея отъ профессіональной,

прикладной, *единство* этой школы; и она была довольно тѣсно связана съ высшею, также общеобразовательною школою, научною, т.-е. университетомъ; по настоящему же плану средняя общеобразовательная школа должна будетъ представить нѣсколько типовъ, и только одинъ изъ нихъ, какъ мы видѣли,—съ двумя классическими языками,—послужитъ вполнѣ открытою дорогою во всѣ факультеты университета; другому, съ однимъ латинскимъ языкомъ, предоставляется доступъ въ историко-филологическій и восточный факультеты условно,—по выдержаніи дополнительнаго экзамена изъ греческаго языка; третьему же и четвертому типамъ—вовсе загражденъ путь въ университетъ. Такимъ образомъ, съ настоящаго времени, мы будемъ имѣть:

1) *Восьмиклассныя гимназіи съ двумя древними языками*; ихъ абитуріентамъ, выпускнымъ, открытъ путь въ университетъ на всѣ факультеты безъ различія.

2) *Восьмиклассныя гимназіи, съ однимъ латинскимъ языкомъ*; ихъ абитуріентамъ закрытъ свободный доступъ въ историко-филологическій факультетъ и факультетъ восточныхъ языковъ.

3) *Шестиклассныя реальныя училища*, съ дополнительнымъ классомъ для тѣхъ, которые желаютъ получить право на поступленіе въ высшія техническія учебныя заведенія.

4) *Шестиклассныя среднія учебныя заведенія*, которымъ пока еще не дано опредѣленнаго названія, а только пояснено, что они будутъ организованы, „помимо гимназій и реальныхъ училищъ съ законченнымъ общеобразовательнымъ курсомъ“, и слѣдовательно, какъ бы параллельно съ ними и въ замѣщеніе ихъ; а абитуріенты этихъ училищъ получатъ „право на службу (конечно, государственную) въ губерніи“.

II.

Гимназіи классическія и полуклассическія оставлены, какъ видно, попрежнему съ восьмилѣтнимъ курсомъ. Такой срокъ установленъ былъ только начиная съ 70-хъ годовъ, въ министерство гр. Д. А. Толстого, и оправданіемъ къ тому служилъ тогда чрезмѣрный расходъ времени на обученіе латинскому и греческому языку, потребовавшій и соотвѣтственнаго увеличенія времени на прохожденіе гимназической программы въ ея полномъ объемѣ. До 70-хъ годовъ, Уваровскія гимназіи, въ которыхъ преподаваніе одного или двухъ древнихъ языковъ было вполнѣ нормальное, требовали не болѣе семи лѣтъ для прохожденія всей программы гимназическаго курса. Надобно думать, что сохраненіе срока, установленнаго для гимназическаго курса при гр. Д. А. Толстомъ, и имѣвшаго для того свои причины, никакимъ обра-

зомъ не означаетъ возвращенія къ прежней программѣ, въ которой древніе языки занимали главное мѣсто, подавляя собою всѣ прочіе предметы. Если же преподаваніе древнихъ языковъ будетъ, при осуществленіи новаго плана, введено въ естественные берега, какъ оно происходило въ Уваровскихъ гимназіяхъ, то пока мы не можемъ сами себѣ объяснить, почему именно оказалось необходимымъ остаться, однако, при срокѣ гр. Д. А. Толстого; абитуріенты семилѣтнихъ гимназій, какъ это, вѣроятно, признаютъ знавшіе гимназіи той эпохи, нисколько не уступали абитуріентамъ восьмилѣтнихъ, по мнѣнію же иныхъ —во многомъ были превосходнѣе, и абитуріенты ихъ не были столь великовозрастны, какъ нынѣшніе; если же нѣтъ какихъ-либо особыхъ причинъ настаивать и теперь на срокѣ, установленномъ гр. Д. А. Толстымъ, то, конечно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что лишній годъ гимназическаго курса требуетъ и отъ казны, и отъ родителей учащихся, увеличенія матеріальныхъ расходовъ, и кромѣ того, въ извѣстной мѣрѣ затрудняетъ, равнымъ образомъ, доступъ къ высшему образованію. Чѣмъ вся эта невыгода будетъ возмѣщена при 8-лѣтнемъ курсѣ гимназіи, при нормальномъ преподаваніи древнихъ языковъ—о томъ можно будетъ судить только по составленіи программъ въ ученомъ комитетѣ, а пока приходится ограничиваться одними общими соображеніями: мы имѣемъ живой примѣръ въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ, напримѣръ, Александровскій лицей или училище правовѣдѣнія, гдѣ на прохожденіе гимназическаго курса и факультетскаго, вмѣстѣ взятыхъ, требуется не болѣе 9 и 10 лѣтъ; между тѣмъ, для такого же курса въ гимназіи и университетѣ требовалось до сихъ поръ 12 лѣтъ, вмѣсто прежнихъ 11 лѣтъ. Все это заставляетъ думать, что семилѣтній курсъ для гимназій не долженъ бы считаться слишкомъ тѣснымъ, какъ онъ, впрочемъ, и не считался никогда до гр. Д. А. Толстого.

Абитуріенты изъ гимназій съ однимъ латинскимъ языкомъ и въ прежнее время также допускались условно на историко-филологическій факультетъ, но съ тѣмъ, что имъ предоставлялось льготное время для греческаго языка, а именно, они обязывались держать экзаменъ, по общей программѣ, черезъ годъ, съ правомъ одновременно держать переводный экзаменъ во второй курсъ. Безъ такой льготы, можно опасаться, что историко-филологическій факультетъ скоро совсѣмъ опустѣетъ, если, напримѣръ, въ Петербургѣ будетъ всего двѣ или три гимназіи съ обоими древними языками; между тѣмъ, важность этого факультета очевидна сама собою, и притомъ не въ одномъ научномъ отношеніи: этотъ факультетъ доставляетъ, какъ и прежде доставлялъ, отлично приготовленныхъ факультетомъ преподавателей важнѣйшихъ предметовъ не только гимназическаго курса, но и университетскаго.

Предоставленіе абитуріентамъ гимназій съ однимъ древнимъ язы-

комъ права поступать на историко-филологическій факультетъ не послужило, однако, примѣромъ для того, чтобы предоставить, на томъ же основаніи, абитуріентамъ реальныхъ училищъ, по выдержаніи дополнительнаго экзамена изъ латинскаго языка, такого же права поступать на физико-математическій факультетъ, къ которому они подготовлены больше и лучше абитуріентовъ классическихъ гимназій, а потому и могли бы успѣвать больше абитуріентовъ классическихъ гимназій, поступающихъ, притомъ, на физико-математическій факультетъ безъ дополнительнаго экзамена изъ естественныхъ наукъ и математики. Реалистамъ, правда, открытъ доступъ въ высшія техническія заведенія, но при этомъ не объяснено: имѣютъ ли они право поступать туда безъ пріемнаго экзамена, какъ поступаютъ изъ классическихъ гимназій въ университетъ?—впрочемъ, еслибы они и имѣли такое право, то, тѣмъ не менѣе, для тѣхъ изъ нихъ, которые желали бы посвятить себя чистой наукѣ, а не примѣненію ея къ практикѣ, преподаваніе на физико-математическомъ факультетѣ дало бы имъ больше удовлетворенія, нежели техническое. Вѣроятно, именно потому изъ германскихъ реальныхъ гимназій (у насъ называются реальными училищами) открытъ доступъ на физико-математическій факультетъ.

III.

„Помимо гимназій и реальныхъ училищъ", а слѣдовательно, какъ бы параллельно съ ними, предполагается учредить совершенно новый типъ „средняго учебнаго заведенія съ законченнымъ общеобразовательнымъ курсомъ, при шестиклассномъ составѣ"; ихъ курсъ, такимъ образомъ, долженъ какъ бы замѣнить собою для многихъ курсъ гимназій; это будетъ, такъ сказать, сокращенный гимназическій курсъ. Такого типа училищъ не существовало до сихъ поръ у насъ, и мы не находимъ никакого подобнаго учебнаго заведенія и за границей, а потому затрудняемся пока понять ихъ настоящее значеніе. Ясно уже теперь одно, что положеніе такихъ училищъ является вполнѣ изолированнымъ въ общей системѣ школъ; узнаёмъ еще и то, что „окончаніе курса въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ даетъ право на службу въ губерніи". Но въ этомъ отношеніи эти училища могутъ оказаться излишними, такъ какъ они будутъ отличаться отъ „городскихъ четырехклассныхъ училищъ", по Положенію о нихъ 31 мая 1872 года, единственно тѣмъ, что къ четыремъ классамъ городского училища прибавляется еще два года ученія, а права ихъ и преимущества остаются тѣ же: абитуріенты четырехкласснаго училища пользуются та-

кимъ же, какъ и шестиклассные, „правомъ вступать въ гражданскую службу“ и „при производствѣ въ первый классный чинъ, они освобождаются отъ установленнаго для сего испытанія“ (39 статья Положенія о город. учил. 1872 г.; Свод. Закон., т. XI, ч. I, изд. 1893 г., ст. 3150). Мало этого: въ силу того же „Положенія“ (ст. 40; 1151 Св. Зак., т. XI), „ученики, успѣшно окончившіе полный курсъ ученія въ городскомъ училищѣ и желающіе впослѣдствіи быть учителями городскихъ училищъ... по достиженіи ими шестнадцати лѣтъ (принимаются въ училище не моложе двѣнадцати лѣтъ, на четыре года) они поступаютъ въ первый классъ учительскаго института (сравнительно высшее учебное заведеніе), преимущественно передъ другими кандидатами“... Итакъ, городскія четырехклассныя училища,—училища народныя,—какъ видно, имѣютъ даже большое преимущество предъ шестиклассными средними учебными заведеніями: во-первыхъ, воспитанники ихъ поступаютъ на гражданскую службу, безъ ограниченія мѣста служенія губерніею, а слѣдовательно и въ столицѣ; а во-вторыхъ, и что̀ гораздо важнѣе, четырехклассныя училища поставлены все-таки въ связь съ другими учебными заведеніями, каковы учительскіе институты, дающіе право службы въ „городскомъ училищѣ“—высшей народной школѣ. Такимъ образомъ, кромѣ права на канцелярскую службу, и то въ провинціи,—которое нужно пріобрѣсти цѣною шестилѣтняго обученія, довольно дорогого въ матеріальномъ отношеніи, сравнительно съ народнымъ училищемъ (20 р. въ годъ),—проектируемое нынѣ „среднее учебное заведеніе“ не дастъ своимъ абитуріентамъ ничего больше, и аттестатъ, выданный имъ, не открываетъ имъ никакого доступа въ болѣе высшее учебное заведеніе. Между тѣмъ, примѣняя къ нимъ то условіе, какое, мы видѣли, было допущено для гимназій съ однимъ латинскимъ языкомъ, на случай желанія ихъ абитуріентовъ поступить на историко-филологическій факультетъ, а именно, держать дополнительный экзаменъ,—быть можетъ, окажется возможнымъ ученому комитету составить программу этого средняго учебнаго заведенія, шестиклассныхъ гимназій, такимъ образомъ, чтобы ихъ абитуріенты, по выдержаніи дополнительнаго экзамена, могли поступать въ восьмиклассную гимназію на послѣдніе два года, когда обыкновенно сильно сокращается число учащихся, сравнительно съ числомъ поступившихъ въ младшій классъ. Тогда и шестиклассныя гимназіи въ провинціи могутъ сдѣлаться точно также полезны, и даже болѣе, нежели прогимназіи, въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ вовсе еще гимназій. Иначе же можно опасаться, что эти шестиклассныя гимназіи будутъ имѣть такую же незавидную участь, какую имѣли четырехклассныя: исполнилось тридцать лѣтъ со времени ихъ учрежденія, а и до сихъ поръ они не получили надлежащаго развитія. Да и вообще, много ли най-

дется отцовъ семействъ, которые рѣшатся, съ „легкимъ сердцемъ", впередъ произнести жестокій приговоръ надъ десятилѣтнимъ сыномъ, лишающій его права на высшее образованіе, и отдадутъ его въ шестиклассное среднее училище? Вотъ почему, мы полагаемъ, необходимо будетъ, рано или поздно,—и лучше раньше, чѣмъ позже,—ввести эти „среднія учебныя заведенія" въ общую систему „народнаго просвѣщенія", связавъ ихъ съ учебными заведеніями, между которыми они занимаютъ средину. Это будетъ имѣть болѣе значенія для ихъ будущности, нежели „права на службу въ губерніи", которыя, притомъ, какъ мы видѣли, можно получить и безъ нихъ, окончивъ курсъ ученія въ четырехклассномъ училищѣ, и притомъ безъ ограниченія службою въ провинціи.

Противъ этого можно было бы сдѣлать одно возраженіе: этой цѣли можно—скажутъ намъ—достигнуть другимъ, болѣе простымъ и вполнѣ раціональнымъ способомъ, а именно—программу восьми-классныхъ гимназій выработать такъ, чтобы въ первыхъ пяти или шести классахъ было общее всѣмъ и законченное обученіе, а послѣдніе три класса оставались бы, какъ то практикуется и въ Германіи, исключительно для тѣхъ, которые ищутъ высшаго образованія. Это—вѣрно; но это значило бы—ввести единство средней школы, что̀ походило бы на уклоненіе отъ утвержденнаго плана, а потому осуществленіе такого единства средней школы дозволительно у насъ ожидать только отъ болѣе или менѣе отдаленнаго времени. Но, по нашему мнѣнію, не уклоняясь нисколько отъ плана, возможно, однако, путемъ внимательнаго и строго обдуманнаго составленія программъ для всѣхъ типовъ будущей средней школы, установить если не единство ея, то соглашеніе программъ среднихъ учебныхъ заведеній различныхъ типовъ, съ тѣмъ, чтобы облегчить переходъ изъ одного типа средней школы въ другой. Это подготовило бы въ скоромъ времени и установленіе единства средней школы [1]).

---

[1]) На-дняхъ происходило весьма интересное засѣданіе въ прусской „палатѣ господъ" (верхней), причемъ пренія коснулись и вопроса о единствѣ средней школы. Въ отчетѣ объ этомъ засѣданіи берлинскій корреспондентъ одной изъ здѣшнихъ газетъ („Новое Время", 17-го апрѣля) сообщаетъ между прочимъ рѣчь извѣстнаго проф. Шмоллера и его заключительныя слова: „Когда дѣло идетъ о среднемъ образованіи для сотенъ тысячъ юношей, то руководствоваться лишь эстетическимъ влеченіемъ (т.-е. классическимъ) невозможно; *единая* же, или реформенная школа (введенная нынѣ въ Пруссіи) хороша именно тѣмъ, что до 15-ти-лѣтняго возраста она не предназначаетъ своему питомцу—быть или реалистомъ, или классикомъ"... Въ Германіи реалисты, впрочемъ, могутъ поступать нынѣ даже на юридическій факультетъ, не говоря уже о физико-математическомъ.—Замѣтимъ кстати, что у насъ, при обсужденіи вопроса о судьбѣ средней школы, не были затребованы мнѣнія тѣхъ которые болѣе всего заинтересованы ея судьбой, такъ какъ средняя школа доставляетъ имъ весь матеріалъ,—это, именно, не отдѣльные профессоры, а самые совѣты

IV.

Относительно средняго техническаго и профессіональнаго образованія, указано именно на необходимость дать ему „широкое развитіе“, такъ какъ оно „разсчитано на удовлетвореніе практическихъ потребностей жизни“; но это, конечно, не значитъ, чтобы общее образованіе, гуманитарное, не нуждалось въ такомъ же широкомъ развитіи, такъ какъ оно одно удовлетворяетъ уже не практическимъ, а высшимъ потребностямъ нашей духовной природы, и потому ничѣмъ не можетъ быть замѣнимо—никакимъ приспособленіемъ человѣка къ удовлетворенію практическихъ, но преходящихъ потребностей физической жизни.

Далѣе, указывается еще на необходимость обратить особенное вниманіе на изысканіе способовъ къ поднятію религіозно-нравственнаго и вообще воспитательнаго воздѣйствія школъ всѣхъ типовъ на учащихся. Это, безъ сомнѣнія, составляло и до сихъ поръ постоянно главную задачу всякой школы; если же теперь, тѣмъ не менѣе, указывается на необходимость обратить особенное къ тому вниманіе, то это можетъ быть разсматриваемо, какъ признаніе слабости получаемыхъ до сихъ поръ результатовъ. Впрочемъ, отчасти это дѣло и не зависитъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ религіозное воздѣйствіе находится исключительно въ рукахъ духовенства, а потому, можетъ быть, необходимо было бы позаботиться также и о томъ, чтобы семинаріи и духовныя академіи могли приготовлять законоучителей, вполнѣ способныхъ оказывать религіозное воздѣйствіе; мы отступили бы далеко отъ истины, если бы сказали, что въ этомъ отношеніи духовная школа у насъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Что же касается до преданности учащихся русской государственности и народности, то во всѣхъ странахъ, какъ и у насъ, дѣти съ этимъ рождаются; школа только укрѣпляетъ въ нихъ и то, и другое, лишь бы за стѣнами школы дѣйствительность не опровергала часто то доброе, законное и справедливое, чему учатъ въ школѣ,—а это-то обстоятельство именно и можетъ скорѣе всего расшатывать въ учащемся вѣру и въ доброе, и въ законное, и въ справедливое.

М. Ст.

17 апрѣля 1903 г.

университетовъ. Впрочемъ, въ наше время, въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, университеты были болѣе тѣсно связаны съ гимназіями: имъ принадлежало право повѣрки абитуріентовъ изъ гимназій, и профессоры приглашались присутствовать на выпускныхъ экзаменахъ воспитанниковъ гимназій и такимъ образомъ близко слѣдить за состояніемъ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1903.

Кризисъ въ турецкихъ провинціяхъ.—Оффиціальныя донесенія и телеграммы.—Убійство русскаго консула въ Митровицѣ.—Политика великихъ державъ и вопросъ о турецкихъ реформахъ.—Туркофильскія мнѣнія въ нашей печати.—Багдадская желѣзная дорога и патріотическія заботы „Новаго Времени".—Внутреннія дѣла во Франціи.

Въ послѣднее время дѣятельность дипломатіи на Балканскомъ полуостровѣ получила весьма опредѣленное направленіе, которое не можетъ быть названо иначе какъ туркофильскимъ. Традиціонная политика вѣнскаго кабинета стала вновь играть руководящую роль на Востокѣ, уже не только отъ имени Австро-Венгріи, но и отъ имени Россіи и Европы, благодаря австро-русскому соглашенію 1897 года. Примѣняя къ современному турецкому кризису австрійскіе охранительные принципы, дипломатія выдвинула на первый планъ заботу не о прекращеніи мусульманскихъ насилій въ Македоніи и Старой Сербіи, а объ удержаніи болгаръ и сербовъ отъ заступничества за угнетенныхъ христіанъ; въ интересахъ миролюбія производилось постоянное и энергическое давленіе не на Турцію, а на Болгарію; жестокія расправы и безчинства башибузуковъ гораздо менѣе волновали мѣстныхъ дипломатическихъ агентовъ, чѣмъ дѣйствія македонскихъ комитетовъ и организуемыхъ ими „революціонныхъ" отрядовъ. Обѣщанія султана относительно реформъ, предложенныхъ державами, считаются достаточными для успокоенія его христіанскихъ подданныхъ; даже въ донесеніяхъ консуловъ замѣчается какой-то странный избытокъ довѣрія къ турецкимъ властямъ, рядомъ съ чрезмѣрною подозрительностью и враждебностью къ недовольнымъ христіанамъ. Даже наши дипломатическіе представители невольно, какъ будто, прониклись австрійскимъ духомъ, что особенно ясно выразилось въ нѣкоторыхъ консульскихъ сообщеніяхъ, опубликованныхъ недавно въ газетахъ. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" отъ 18 марта напечатана, между прочимъ, слѣдующая выписка изъ донесенія россійскаго консула въ Битоли, отъ 12—24 февраля 1903 г.:

„Согласно полученнымъ отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Зиновьева указаніямъ, консульство въ Битоли оффиціально извѣстило мѣстныхъ христіанъ, что Императорское Правительство строго осуждаетъ образъ дѣйствій комитетовъ и не будетъ оказывать защиты принявшимъ участіе въ безпорядкахъ. Такое же заявленіе было сдѣлано членамъ комитетовъ, которымъ предлагалось прекратить ихъ

преступную дѣятельность и не мѣшать дѣлу осуществленія предложенныхъ державами преобразованій.

„Заявленіе было встрѣчено руководителями революціоннаго движенія съ крайнимъ неудовольствіемъ, такъ какъ послѣдніе далеко не удовлетворены предложеннымъ державами проектомъ преобразованій и мечтаютъ о введеніи въ трехъ вилайетахъ автономіи, при коей они могли бы получить хорошо оплачиваемыя выдающіяся мѣста въ администраціи. На дняхъ комитеты прислали въ консульство уполномоченнаго, заявившаго, что они считаютъ невозможнымъ распустить банды до тѣхъ поръ, пока реформы дѣйствительно не будутъ введены и не окажутся цѣлесообразными.

„Въ видахъ поддержанія въ мѣстныхъ христіанахъ недовольства и побужденія ихъ попрежнему пополнять ряды бандъ, руководители комитетовъ всѣми силами стараются мѣшать распространенію среди населенія извѣстія о дарованной султаномъ амнистіи и о принимаемыхъ Портою мѣрахъ къ улучшенію быта христіанъ въ трехъ вилайетахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность бандъ не прекращается. Между ними и преслѣдующими ихъ турецкими отрядами нерѣдко происходятъ кровопролитныя столкновенія. При преслѣдованіи повстанцевъ войскамъ часто оказываютъ содѣйствіе и башибузуки, причемъ, однако, никакихъ насилій надъ мирными жителями въ послѣднее время турки не производятъ.

„Наряду съ усиленіемъ дѣятельности бандъ за послѣднее время снова участились политическія убійства, жертвами коихъ являются главнымъ образомъ сельскіе учители и священники изъ сербовъ, отговаривающіе своихъ односельчанъ присоединяться къ бандамъ.

„За послѣднее время дѣятельность комитетовъ значительно усилилась. Фактъ этотъ совпалъ съ пріѣздомъ въ Битоли вновь назначеннаго управляющаго мѣстнымъ болгарскимъ торговымъ агентствомъ и вызвалъ неблагопріятный для Болгаріи слухъ о томъ, что княжество причастно дѣятельности комитетовъ, желая въ данномъ случаѣ доказать, что центръ революціоннаго движенія находится внѣ его предѣловъ.

„Турецкое правительство продолжаетъ дѣятельно осуществлять проектъ предложенныхъ державами преобразованій. Такъ, одновременно съ возвѣщенной недавно амнистіей, инспектору финансовъ Салоникскаго вилайета предписано составить проектъ бюджета для трехъ македонскихъ вилайетовъ.

„Значительную помощь дѣлу умиротворенія края оказываетъ назначенный недавно генералъ-губернаторомъ въ Битоли Али-Риза-паша, прилагающій всѣ усилія къ искорененію чинимыхъ служащими злоупотребленій“.

Въ этомъ донесеніи обращаютъ на себя вниманіе отдѣльныя мало понятныя замѣчанія и односторонніе намеки, съ которыми неудобно встрѣчаться въ оффиціальномъ документѣ. Очень можетъ быть, что нѣкоторые изъ членовъ македонскихъ комитетовъ мечтаютъ объ автономіи по корыстнымъ побужденіямъ, въ разсчетѣ получить „хорошо оплачиваемыя мѣста“ въ будущей администраціи края; но есть ли

основаніе приписывать подобные мотивы всѣмъ руководителямъ и участникамъ движенія, — людямъ, которые во всякомъ случаѣ идутъ на неравную кровавую борьбу и несомнѣнно жертвуютъ собою въ той или другой формѣ? Комитеты едва ли заботятся также о томъ, чтобы въ населеніи не распространялись извѣстія о дарованныхъ султаномъ милостяхъ, народъ давно уже самъ знаетъ цѣну обѣщаніямъ турецкаго правительства и неспособенъ, конечно, раздѣлять надежду дипломатовъ на „принимаемыя Портою мѣры къ улучшенію быта христіанъ въ трехъ вилайетахъ". Въ донесеніи упоминается объ участіи *башибузуковъ* въ преслѣдованіи македонскихъ повстанцевъ, но при этомъ дѣлается неожиданная и мало вѣроятная оговорка, что „однако никакихъ насилій надъ мирными жителями въ послѣднее время турки не производятъ". Вообще турецкія власти дѣйствуютъ, какъ будто, превосходно: правительство „продолжаетъ дѣятельно осуществлять проектъ предложенныхъ державами преобразованій", а мѣстный генералъ-губернаторъ „прилагаетъ всѣ усилія къ искорененію чинимыхъ служащими злоупотребленій". Сообщая въ то же время объ усиленіи дѣятельности комитетовъ въ данномъ районѣ, авторъ донесенія прямо связываетъ этотъ фактъ съ „пріѣздомъ въ Битоли вновь назначеннаго управляющаго мѣстнымъ болгарскимъ торговымъ агентствомъ": здѣсь обвиненіе въ преступной агитаціи возводится противъ точно опредѣленнаго лица, и этимъ ничѣмъ не мотивированнымъ и не провѣреннымъ указаніемъ могло бы воспользоваться (и вѣроятно уже воспользовалось) турецкое правительство для соотвѣтственныхъ практическихъ выводовъ и мѣропріятій. Само собою разумѣется, что снабжать подобнаго рода указаніями турецкую администрацію—повидимому, не дѣло дипломатическихъ агентовъ, и приведенное нами выше фактическое свѣдѣніе, быть можетъ, только совершенно случайно попало въ оффиціальный документъ.

Критическое положеніе дѣлъ въ Македоніи, подъ вліяніемъ „революціонной агитаціи" комитетовъ, весьма ясно характеризуется напечатанною затѣмъ выпискою изъ донесеній россійскаго генеральнаго консула въ Солуни, отъ 1 марта 1903 года:

„За разыгравшимися минувшей осенью безпорядками послѣдовалъ періодъ безшумной, но упорной работы революціонныхъ комитетовъ, всѣ усилія коихъ по прежнему направлены къ возбужденію поголовнаго возстанія. Призывая христіанъ къ завѣдомо неравной борьбѣ, комитеты надѣются вызвать вмѣшательство Европы въ свою пользу.

„Настроеніе, господствующее какъ въ мѣстномъ мусульманскомъ мірѣ, такъ и среди христіанъ, крайне тревожно. Въ предвидѣніи возможныхъ осложненій, власти озабочены сооруженіемъ дорогъ и постройкою казармъ. Количество бандъ со дня на день возростаетъ.

Во всемъ округѣ нѣтъ ни одного селенія, гдѣ не гнѣздилась бы чета повстанцевъ, находящихъ среди христіанъ частью вынужденныхъ, частью добровольныхъ укрывателей. Комитеты съ лихорадочной поспѣшностью подготовляютъ все необходимое для возстанія, вербуя въ свои ряды молодыхъ христіанъ, заготовляя обувь, одежду, разнаго рода запасы и перевязочныя средства.

„Что касается до программы возстанія, то въ нее входитъ главнымъ образомъ переселеніе четъ въ горы, увлеченіе туда жителей и нападеніе партизанскими отрядами на расположенныя въ разныхъ пунктахъ турецкія войска.

„Столкновенія бандъ съ турецкими войсками за послѣднее время замѣтно учащаются.

„Трудно допустить, чтобы революціонная агитація, пустившая въ теченіе многихъ лѣтъ глубокіе корни, сама распалась мирнымъ путемъ. Хотя и нѣтъ основаній ожидать всеобщаго возстанія, но не слѣдуетъ терять изъ виду возможность одновременныхъ вспышекъ мятежа въ разныхъ пунктахъ трехъ вилайетовъ".

Такимъ же пессимизмомъ проникнута телеграмма россійскаго консула въ Ускюбѣ, отъ 14 марта 1903 года, по поводу событій въ Старой Сербіи:

„Смута въ Коссовскомъ вилайетѣ не утихаетъ, а усиливается. Центромъ повстанческаго движенія, по всей вѣроятности, будетъ Иштибъ, Прилѣпъ и окрестности Кичева. Въ Кочанѣ и Иштибѣ много четъ, нерѣдко достигающихъ ста и болѣе человѣкъ, состоящихъ не изъ селянъ, а горожанъ и учителей. Предполагается взорвать динамитомъ казармы, артиллерійскій паркъ, конюшни въ Иштибѣ, гдѣ будетъ руководить офицеръ Ковачевъ, и прервать желѣзнодорожное и телеграфное сообщеніе. Ожидается много офицеровъ изъ Болгаріи. Селяковъ, подъ угрозой смерти, вынуждаютъ помогать бандамъ, давать деньги, заготовлять къ веснѣ провіантъ для четъ и принимать оружіе. Сообщеніе россійскаго консульства о неодобреніи Императорскимъ правительствомъ дѣйствій комитетовъ и предоставленіи, въ случаѣ возстанія, участниковъ послѣдняго ихъ собственной участи тщательно скрывается комитетами отъ населенія. При этомъ комитеты стараются даже убѣдить мѣстныхъ жителей, что все дѣлается подъ покровительствомъ Россіи. Такъ, 11-го марта изъ села Соколарцы, находящагося близъ Кочанъ, въ россійское консульство прибыла депутація, просившая сообщить, справедливо ли утвержденіе главарей, что движеніе возникло по приказанію Россіи, и заявившая, что въ такомъ случаѣ, несмотря на все ихъ несочувствіе комитетамъ, повергающимъ населеніе въ нищету и всякія злоключенія, они готовы идти, куда укажетъ Россія, и лишь просятъ дать убѣжище женщинамъ и дѣтямъ: фактъ этотъ служитъ нагляднымъ доказательствомъ искусственности настоящаго движенія, не опирающагося на массу населенія. Дабы обострить положеніе, комитеты подвергаютъ турокъ жестокимъ насиліямъ. Такъ, недавно въ Прилѣпѣ шайкой нѣкоего Георгія, только-что амнистированнаго, былъ умерщвленъ мѣстный нотабль Сефеддинъ Бахтіаръ, у котораго были вырваны ногти, выколоты глаза и, наконецъ, отрублена голова. Въ тотъ же день нѣкто Дечо Трайко жестоко

замучилъ мѣстнаго богача Вессель-Абди, а его старуху-мать повѣсилъ, надругавшись предварительно надъ нею. Комитеты всячески стараются вызвать общее озлобленіе мусульманъ и побудить ихъ къ поголовному избіенію христіанскаго населенія".

Общее впечатлѣніе получается такое, какъ будто источникъ всѣхъ бѣдствій заключается не въ турецкомъ режимѣ, не въ господствѣ башибузуковъ надъ безправнымъ христіанскимъ населеніемъ, а въ зловредной агитаціи комитетовъ, упорно противодѣйствующихъ благимъ намѣреніямъ и предначертаніямъ турецкаго правительства. Комитеты ставятъ себѣ такія цѣли, которыхъ даже нельзя понять съ обыкновенной человѣческой точки зрѣнія: они „всячески стараются вызвать общее озлобленіе мусульманъ и побудить ихъ къ поголовному избіенію христіанскаго населенія",—какъ сказано въ телеграммѣ изъ Ускюба. Комитеты состоятъ все-таки изъ христіанъ и основываютъ свою дѣятельность на интересахъ защиты христіанскаго населенія;—какъ же могутъ они желать „поголовнаго избіенія" своихъ же соплеменниковъ и единовѣрцевъ, которымъ именно и стремятся помочь организаціей вооруженныхъ отрядовъ? Самые эти отряды, организуемые комитетами, не имѣли бы никакого значенія, еслибы не встрѣчали всеобщей поддержки и сочувствія въ массѣ туземныхъ поселянъ, всего менѣе занимающихся политикою.

Преувеличенныя заботы о спокойномъ поведеніи христіанъ и ихъ заступниковъ привели къ тому, что наиболѣе опасные элементы мусульманскаго населенія могли безпрепятственно собраться съ силами и начать систематическую войну противъ реформъ и улучшеній, навязанныхъ Портѣ великими державами. Внимательно наблюдая за маленькими болгарскими отрядами и ихъ комитетами, дипломатія совершенно упустила изъ виду мусульманскихъ фанатиковъ и въ частности албанцевъ, которые съ своей стороны рѣшились не допускать никакихъ льготъ въ пользу христіанъ и выступили въ защиту турецкаго патріотизма не маленькими „четами", а цѣлыми, правильно вооруженными полчищами. Прискорбная односторонность, заставившая кабинеты не замѣчать открытыхъ угрозъ и приготовленій мусульманъ, имѣла крайне печальные результаты. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", отъ 20 марта, вслѣдъ за приведеннымъ сообщеніемъ изъ Ускюба, напечатаны слѣдующія краткія, но краснорѣчивыя извлеченія изъ телеграммъ россійскаго консула въ Митровицѣ (Г. С. Щербины). отъ 13-го, 17 и 18-го марта:

„Албанцы, собравшись близъ города Вучетырна, потребовали удаленія заптіевъ-христіанъ; не получивъ на это согласія властей, они 16-го марта вошли въ Вучертынъ и подъ своею стражею отправили заптіевъ-христіанъ въ Приштину. 17-го марта, они осадили Митровицу, но были отбиты и разсѣяны артиллерійскимъ огнемъ турецкихъ

войскъ. Убитыхъ и раненыхъ болѣе ста человѣкъ. Новыя толпы албанцевъ двигаются изъ Ипека и Ени-Базара".

Послѣднія извѣстія были сообщены Г. С. Щербиною 18-го марта; тѣмъ же числомъ помѣчена телеграмма россійскаго консула въ Ускюбѣ, сообщающая о покушеніи на жизнь г. Щербины:

„Нашъ консулъ въ Митровицѣ раненъ 18-го марта, въ $5^1/_2$ час. вечера, при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

„Выйдя изъ дому въ сопровожденіи каваса и военнаго конвоя, г. Щербина былъ встрѣченъ солдатомъ-албанцемъ, Ибрагимомъ, который, дѣлая видъ, что кланяется, выстрѣлилъ въ него изъ маузеровскаго ружья и ранилъ въ лѣвый бокъ навылетъ. Сдѣлавъ затѣмъ выстрѣлъ въ каваса, Ибрагимъ самъ былъ раненъ сопровождавшими г. Щербину солдатами. По словамъ Ибрагима, онъ выстрѣлилъ въ русскаго консула, желая отомстить за раненаго наканунѣ своего родственника.

„Военный комендантъ Митровицы, Саидъ-бей, въ сопровожденіи докторовъ, тотчасъ же прибылъ на мѣсто происшествія и перенесъ г. Щербину въ консульство. Генеральный инспекторъ Хильми-паша и генералъ-адъютантъ Нассиръ-паша немедленно выразили по телеграфу свои сожалѣнія. Затѣмъ, по приказанію Хильми-паши, лучшій хирургъ вилайета Іаковъ-паша съ особеннымъ поѣздомъ выѣхалъ въ Митровицу.

„По словамъ докторовъ, г. Щербина внѣ опасности".

Вопреки оптимистическому предсказанію, переданному въ приведенной депешѣ, Г. С. Щербина умеръ отъ раны;—онъ скончался 27 марта, возбудивъ общія сожалѣнія и симпатіи, въ которыхъ не могли ему отказать и турки. Насколько можно судить по имѣющимся свѣдѣніямъ, покойный консулъ былъ однимъ изъ немногихъ нашихъ дипломатическихъ дѣятелей, смотрѣвшихъ на балканскія событія не черезъ австрійскіе очки; онъ понималъ, что задача представителей великихъ державъ въ Турціи — ограждать мѣстное христіанское населеніе отъ избіеній и безчинствъ, а не только охранять турецкую власть отъ безпокоящей ее агитаціи болгарскихъ и иныхъ комитетовъ. Если христіанское населеніе Митровицы не подверглось разгрому со стороны осаждавшихъ городъ албанцевъ, то этимъ оно прежде всего обязано Г. С. Щербинѣ, который своимъ энергическимъ вмѣшательствомъ побудилъ турецкихъ начальниковъ оказать надлежащій военный отпоръ правовѣрнымъ повстанцамъ. Телеграммы Щербины о военныхъ дѣйствіяхъ албанцевъ внесли нѣкоторый диссонансъ въ общій тонъ туркофильскихъ донесеній, и внезапная смерть молодого дипломата (ему было всего 35 лѣтъ) отъ руки турецкаго солдата не была простой случайностью. Въ его лицѣ мусульманскіе фанатики устранили опаснаго врага, и, конечно, никто не повѣритъ голословнымъ утвержденіямъ, въ родѣ того, которое приводится и въ депешѣ нашего консула въ Ускюбѣ,—что, будто бы, убійца желалъ

„отомстить за раненаго наканунѣ своего родственника". Русскій консулъ въ Митровицѣ ни въ какомъ смыслѣ не могъ считаться отвѣтственнымъ за битву албанцевъ съ турецкими войсками при нападеніи на этотъ городъ; убитыхъ и раненыхъ было тогда болѣе ста человѣкъ, и если въ ихъ числѣ оказался родственникъ солдата, стрѣлявшаго потомъ въ Щербину, то это обстоятельство не имѣло, очевидно, никакой связи съ истинными мотивами покушенія. Убійство нашего консула было серьезнымъ политическимъ событіемъ, и поспѣшныя попытки умалить его значеніе были вполнѣ излишни, такъ какъ безусловное миролюбіе Россіи не нуждалось и не нуждается въ доказательствахъ. Но миролюбіе нашей дипломатіи не исключаетъ отвѣтственности Турціи за гибель русскаго представителя, убитаго турецкимъ солдатомъ, и простое „сожалѣніе", выраженное по телеграфу генеральнымъ инспекторомъ Хильми-пашою и даже самимъ султаномъ, едва ли могло быть признано достаточнымъ въ данномъ случаѣ. Печальная судьба Г. С. Щербины свидѣтельствуетъ о господствующемъ нынѣ настроеніи турецкаго мусульманства, поощряемаго туркофильскою политикою великихъ державъ, и выясняетъ въ то же время неспособность или нежеланіе турецкихъ властей оградить личную безопасность иностранныхъ представителей въ предѣлахъ Турціи. Тѣмъ не менѣе Россія, по свойственной ей скромности во внѣшнихъ дѣлахъ, выказала великодушіе относительно Порты и избавила ее отъ затрудненій, которыя неизбѣжно обрушились бы на нее при другихъ условіяхъ. Совершившемуся въ Митровицѣ грустному факту рѣшено не придавать политическаго значенія, и убійство русскаго консула не повлечетъ за собою никакихъ непріятныхъ послѣдствій для Турціи. Оцѣнитъ ли правительство султана эту сдержанность Россіи и не усмотритъ ли въ ней поощренія для своихъ преданныхъ слугъ, усердно охраняющихъ завѣты турецкаго патріотизма,—это другой вопросъ, на который трудно было бы дать опредѣленный отвѣтъ.

Опытъ прошлаго не позволяетъ поддерживать обычныя дипломатическія иллюзіи относительно возможныхъ внутреннихъ реформъ въ Оттоманской имперіи. Пока турки останутся господами и распорядителями въ областяхъ съ иновѣрнымъ населеніемъ, до тѣхъ поръ нельзя ожидать существенныхъ перемѣнъ въ положеніи и бытѣ странъ, подвластныхъ Высокой Портѣ. Если предположить, что сами правители Турціи пожелаютъ реформировать себя и ввести новые культурные порядки, болѣе благопріятные для христіанскихъ подданныхъ султана, то противъ такихъ нововведеній возстанутъ представители и защитники мусульманскихъ традицій, и на сторонѣ этой оппозиціи будутъ

всѣ правовѣрные турки, въ томъ числѣ и башибузуки всякаго рода и происхожденія. Въ настоящее же время не турецкіе министры придумали для себя программу реформъ, а имъ предложили ее въ готовомъ видѣ могущественные иностранные кабинеты, привыкшіе сопровождать свои пожеланія настойчивыми требованіями, которыя иногда похожи на скрытыя угрозы; поэтому Порта не можетъ серьезно стремиться къ осуществленію проектовъ, принятыхъ ею противъ воли, и она будетъ неизбѣжно сочувствовать попыткамъ противодѣйствія, исходящимъ отъ турецкихъ патріотовъ или даже отъ такихъ непокорныхъ союзниковъ, какъ албанцы. Можно смотрѣть на балканскій кризисъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, но одно только несомнѣнно: изъ этого хроническаго мучительнаго кризиса нѣтъ другого разумнаго выхода, кромѣ автономіи отдѣльныхъ турецкихъ провинцій подъ контролемъ и покровительствомъ великихъ европейскихъ державъ. Вотъ почему и о македонской автономіи мечтаютъ не только люди, разсчитывающіе занять выгодныя должности въ будущей областной администраціи, какъ удостовѣряетъ одно изъ приведенныхъ выше консульскихъ донесеній,—но и всѣ искренніе сторонники прочнаго мира и порядка на Балканскомъ полуостровѣ. Подобное рѣшеніе вопроса соотвѣтствовало бы также интересамъ самой Турціи и ея правительства.

Впрочемъ, широкія раціональныя рѣшенія—не по силамъ современной европейской дипломатіи, и быть можетъ даже безполезно говорить о нихъ, при установившемся равнодушіи передовыхъ культурныхъ націй къ судьбѣ чужихъ народностей, бѣдствующихъ гдѣ-то въ далекихъ турецкихъ владѣніяхъ. Послѣ горькихъ разочарованій, испытанныхъ нами въ послѣдней турецкой войнѣ и въ позднѣйшую эпоху, восточный вопросъ утратилъ для насъ значительную долю своего интереса, и мы вполнѣ основательно отказались отъ роли непомѣрно щедрыхъ благодѣтелей и опекуновъ балканскихъ христіанъ, которые въ сущности въ матеріальномъ отношеніи находятся не въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ масса нашего собственнаго крестьянства. Но внѣшняя политика существуетъ; она имѣетъ свои дорого оплачиваемые органы и свои законные способы дѣйствія, и естественно поэтому желать, чтобы по крайней мѣрѣ дипломатія пользовалась всѣми зависящими отъ нея средствами для возможнаго практическаго достиженія разумныхъ и справедливыхъ цѣлей, соотвѣтствующихъ русскимъ интересамъ въ области восточно-турецкой проблемы. Между тѣмъ нѣкоторая часть нашей печати идетъ гораздо дальше простого миролюбія и обнаруживаетъ полный индифферентизмъ къ балканскимъ дѣламъ и событіямъ, а иногда впадаетъ даже въ туркофильство, которое почти исчезло въ западно-европейской журналистикѣ; любопытнѣе всего, что на этотъ туркофильскій путь вступила газета, основавшая

свой первоначальный успѣхъ на общественномъ движеніи въ пользу турецкихъ славянъ, и нынѣшнее „Новое Время“ находитъ уже нужнымъ возставать противъ неумѣренныхъ, будто бы, симпатій французской прессы къ бѣдствующему населенію Македоніи и Старой Сербіи. Такъ мѣняются времена и обстоятельства! Западно-европейская печать идетъ теперь впереди русской даже въ излюбленной нашими „патріотами“ сферѣ славянскихъ и турецкихъ интересовъ;—это фактъ характерный и поучительный.

Оставляя почти безъ вниманія близкія намъ по разнымъ причинамъ политическія дѣла Балканскаго полуострова, наши газетные націоналисты усердно занимаются почему-то весьма отдаленными и даже вполнѣ посторонними для насъ международными вопросами и комбинаціями, въ родѣ вопроса о багдадской желѣзной дорогѣ. „Новое Время“ давно уже волнуется по поводу предположеннаго нѣмцами сооруженія желѣзнодорожной линіи, имѣющей прорѣзать всю Малую Азію и соединить Босфоръ съ Персидскимъ заливомъ. Въ чемъ причина этого волненія—неизвѣстно.

Концессія на постройку новой дороги дана германской компаніи анатолійскихъ желѣзныхъ дорогъ, согласно конвенціи, подписанной въ Константинополѣ 5 марта текущаго года. Проектированная линія должна пройти на очень далекомъ разстояніи отъ возможной сферы русскаго вліянія въ Малой Азіи, такъ какъ организаторы дѣла желали заранѣе оградить свое предпріятіе отъ будущихъ притязаній, нареканій и споровъ. Проектъ въ томъ видѣ, какъ онъ утвержденъ Портою, угрожаетъ интересамъ британской торговли и представляетъ нѣкоторую опасность для иностранныхъ кредиторовъ Турціи, но нисколько не затрогиваетъ интересовъ Россіи. Турція беретъ на себя тяжелыя финансовыя обязательства, обезпечивая доходность дороги крупными ежегодными приплатами, которыя должны составить въ лучшемъ случаѣ около полутора милліона фунтовъ стерлинговъ въ годъ; средства для этихъ приплатъ могутъ быть доставляемы только таможеннымъ доходомъ, путемъ значительнаго повышенія пошлинъ на иноземные товары, ввозимые въ страну; но пошлины служатъ уже гарантіею исправнаго платежа процентовъ по внѣшнимъ государственнымъ займамъ и не могутъ быть назначаемы для другихъ цѣлей безъ предварительнаго разрѣшенія заинтересованныхъ державъ и прежде всего Англіи; повышеніе же ввозныхъ пошлинъ причинило бы огромный ущербъ англійскимъ коммерсантамъ, снабжающимъ своими товарами Малую Азію и Турцію. Сверхъ того, вся желѣзнодорожная организація остается по проекту въ нѣмецкихъ рукахъ, хотя англичанамъ и французамъ предоставлено извѣстное число мѣстъ въ составѣ прав-

ленія и въ администраціи. На сооруженіе дороги потребуется отъ 32 до 36 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, т.-е. болѣе трехсотъ милліоновъ рублей; предполагалось, что значительнѣйшая часть этого огромнаго капитала будетъ собрана во Франціи и въ Англіи. Лондонскій кабинетъ относился на первыхъ порахъ сочувственно къ задуманному предпріятію, имѣя въ виду потребовать лишь измѣненія нѣкоторыхъ его условій; однако въ печати и въ парламентѣ проектъ подвергся жестокимъ нападкамъ, причемъ наиболѣе энергическимъ противникомъ его выступилъ членъ палаты общинъ, Гибсонъ Боульсъ. Раздраженіе вызывалось не только явнымъ желаніемъ нѣмцевъ замѣнить англичанъ въ промышленной эксплоатаціи богатыхъ мало-азіатскихъ земель, но и косвенными политическими замыслами, усмотрѣнными въ попыткѣ добраться до Персидскаго залива; а въ этомъ заливѣ Англія думаетъ утвердиться сама, въ виду близости его къ Индіи. Послѣ того какъ въ „Times" былъ напечатанъ текстъ конвенціи о багдадской дорогѣ, подтвердившій сдѣланныя ранѣе разоблаченія, вопросъ считался окончательно рѣшеннымъ: общественное мнѣніе единодушно высказалось противъ какого бы то ни было британскаго участія въ германскомъ проектѣ. Глава кабинета, Бальфуръ, первоначально отзывавшійся о предпріятіи, какъ о международномъ промышленно-культурномъ дѣлѣ, къ которому желательно привлечь англійскіе капиталы,—долженъ былъ публично сознаться въ ошибкѣ и отречься отъ своего прежняго взгляда. Правительство оффиціально заявило въ парламентѣ, что оно несогласно оказать поддержку сооруженію багдадской дороги на предположенныхъ основаніяхъ, и общественное мнѣніе въ Англіи успокоилось. Правительство готово было сдѣлать ложный шагъ подъ вліяніемъ одностороннихъ свѣдѣній, доставленныхъ заинтересованными лицами, или подъ вліяніемъ дружественныхъ и придворныхъ связей съ императоромъ Вильгельмомъ II; но общественное мнѣніе бодрствуетъ въ Англіи и своевременно раскрываетъ всякій недосмотръ или промахъ, допущенный министрами, предупреждая и устраняя его невыгодныя практическія послѣдствія. Такъ случилось и съ вопросомъ о багдадской дорогѣ, и въ этомъ нѣтъ, казалось бы, ничего особеннаго, съ общепринятой точки зрѣнія.

Однако, „Новое Время" тоже о чемъ-то усиленно хлопотало по поводу багдадской дороги, указывало на необыкновенный эффектъ своихъ статей въ Англіи и намекало на важную роль этихъ статей въ отклоненіи проекта со стороны англичанъ; газета увѣряла даже, что въ ряду мотивовъ принятаго въ Лондонѣ рѣшенія видное и чуть ли не первое мѣсто занимаетъ мысль о возможномъ неудовольствіи Россіи. Англичане, будто бы, всего больше боятся сдѣлать намъ что-нибудь непріятное; они чрезвычайно дорожатъ нашимъ расположеніемъ и готовы ради этого постоянно ссориться съ Германіею; они и отказа-

лись отъ участія въ багдадской дорогѣ главнымъ образомъ потому, что знали о неодобреніи этой дороги Россіею, а знать это они могли единственно лишь изъ статей „Новаго Времени"; слѣдовательно, „Новое Время" можетъ прямо или косвенно дѣйствовать на политику чужихъ могущественныхъ державъ, хотя въ отечествѣ оно скромно молчитъ о многомъ существенномъ и интересномъ. Кого думаетъ увѣрить газета, что англичане были серьезно озабочены предполагаемыми мнѣніями Россіи, высказанными въ „Новомъ Времени", относительно багдадской дороги? Что̀ намъ и Россіи эта мало-азіатская желѣзнодорожная линія? Она ничего у насъ не отниметъ ни въ торговомъ, ни въ политическомъ отношеніи; а еслибы и отнимала что-нибудь, то мы никакъ не могли бы помѣшать ея постройкѣ, и наши хлопоты объ этомъ были бы совершенно безцѣльны. Неужели въ самомъ дѣлѣ у насъ нѣтъ болѣе близкихъ и болѣе крупныхъ промышленно-политическихъ вопросовъ, чѣмъ багдадская дорога? Если ужъ толковать объ опасности нѣмецкихъ промышленныхъ захватовъ въ непринадлежащей намъ Малой Азіи, то не слѣдуетъ ли предварительно вспомнить о фактическомъ преобладаніи нѣмецкой промышленности и нѣмецкаго землевладѣнія во многихъ мѣстностяхъ нашего собственнаго отечества? Не смѣшно ли намъ задаваться соперничествомъ съ Германіею и Англіею въ чужихъ краяхъ, когда мы безсильны соперничать съ ними у себя дома? Наконецъ, съ какихъ поръ и почему Малая Азія представляетъ для насъ болѣе значительный интересъ, чѣмъ Балканскій полуостровъ, которымъ фактически постепенно завладѣваетъ Австро-Венгрія? Національный патріотизмъ имѣетъ и долженъ имѣть свою реальную почву,—но жизненный смыслъ его остается чуждымъ именно тѣмъ нашимъ публицистамъ, которые наибольше говорятъ о своемъ націонализмѣ и патріотизмѣ.

Во Франціи повидимому окончилась борьба съ духовными конгрегаціями,—если можно называть борьбою простое одностороннее упраздненіе, при отсутствіи или фиктивности противодѣйствія. Правительство и парламентъ поступили довольно безцеремонно съ закономъ 1901 года: всѣ его сложныя правила о способахъ разсмотрѣнія ходатайствъ отдѣльныхъ монашескихъ институтовъ, домогающихся легальнаго признанія, оказались мертвою буквою, и самыя ходатайства вовсе не разсматривались палатою, рѣшавшею ихъ судьбу. Мужскія конгрегаціи, представившія свои заявленія и документы, были распредѣлены на три группы, и каждая изъ этихъ группъ поочередно объявлялась лишенною права на дальнѣйшее существованіе; сначала происходило голосованіе о 25 учебныхъ или образовательныхъ конгрегаціяхъ, затѣмъ о 28 проповѣдническихъ, и наконецъ о монашескомъ орденѣ Шартрёзъ, знаменитомъ не столько религіозными заслугами

своихъ представителей, сколько производствомъ общеизвѣстнаго въ мірѣ ликёра. Большинство палаты уничтожило всѣ эти духовные союзы гуртомъ, тремя послѣдовательными голосованіями, не вдаваясь въ разборъ ихъ правъ, заслугъ, достоинствъ или недостатковъ.

Такой сокращенный способъ примѣненія недавно изданнаго закона былъ бы, конечно, невозможенъ, еслибы примѣненіе было предоставлено суду, а не той же палатѣ, которая выработала самый законъ. Французская палата депутатовъ не считаетъ себя связанною своими собственными законодательными постановленіями, такъ какъ въ каждое данное время она фактически можетъ ихъ измѣнить или отмѣнить; поэтому возлагать на палату исполненіе закона, имѣющаго безспорную политическую тенденцію, было крупною ошибкою или сознательнымъ коварствомъ со стороны республиканской партіи. Когда законодательное собраніе присвоиваетъ себѣ исполнительныя или судебныя функціи, то въ результатѣ получается такой же произволъ, какъ и при совмѣщеніи законодательныхъ или судебныхъ полномочій съ административными. Каждая страна имѣетъ свои особыя формы произвола или безправія: въ однихъ государствахъ администрація ставитъ себя выше законовъ и судебныхъ учрежденій; въ другихъ—законодательная власть поглощаетъ собою исполнительную; въ третьихъ—какъ, напримѣръ, въ Турціи,—нѣтъ никакой прочной организаціи властей, и все зависитъ отъ произвольнаго усмотрѣнія правителей, ничѣмъ не стѣсненныхъ и не контролируемыхъ. Только тамъ, гдѣ исполненіе законовъ зависитъ не отъ законодателей и не отъ администраціи, а отъ самостоятельнаго суда, и гдѣ суду принадлежитъ высшій контроль и надзоръ за правильнымъ истолкованіемъ и соблюденіемъ законовъ,—оффиціальный произволъ теряетъ почву или становится невозможнымъ. Во Франціи администрація подчиняется политикѣ, а политика создается въ палатѣ депутатовъ, которая устанавливаетъ законы и руководитъ ихъ исполнителями; гарантіи—если не законности, то добросовѣстности и отсутствія преднамѣреннаго произвола,—заключаются тамъ только въ неограниченной публичности и свободѣ обсужденія. Французы утѣшаются тѣмъ, что палата дѣйствуетъ и распоряжается на глазахъ всѣхъ, что она имѣетъ всѣ полномочія и можетъ въ случаѣ надобности свергнуть министровъ, которыхъ только-что возвеличила; но нѣтъ сознанія твердой законности, если творцы законовъ суть въ то же время ихъ истолкователи и исполнители.

Передовые французскіе республиканцы увѣрены, что ведутъ успѣшную борьбу съ клерикализмомъ и одерживаютъ надъ нимъ важныя побѣды при помощи крутыхъ правительственныхъ мѣръ и радикальныхъ парламентскихъ голосованій. Но религіозныя чувства и традиціи народной массы, особенно сельской, не слабѣютъ, а крѣпнутъ подъ вліяніемъ преслѣдованій, хотя бы только кажущихся; насильственныя

изгнанія монаховъ и монахинь окружили ихъ ореоломъ и создали имъ популярность, которой давно у нихъ не было. Духовенство обновило и усилило свой авторитетъ, выступивъ въ защиту свободы вѣры и совѣсти, свободы обученія и преподаванія; клерикальная печать получила благодарнѣйшій матеріалъ для нападеній на „безбожное якобинство“ и значительно расширила кругъ своихъ обычныхъ читателей. Женская половина французскаго общества по прежнему покорно слѣдуетъ внушеніямъ патеровъ, и привязанность къ католической церкви сохраняетъ полную силу въ наиболѣе вліятельныхъ классахъ населенія. Можно сказать, что клерикализмъ возродился и ожилъ во Франціи съ тѣхъ поръ, какъ правительство и парламентъ объявили войну клерикаламъ.

Рядомъ съ преслѣдованіемъ монашества и съ обсужденіемъ текущихъ политическихъ дѣлъ, палата депутатовъ иногда развлекается возвышеннымъ или горячимъ краснорѣчіемъ по вопросамъ общаго характера, и эти содержательные или поучительные эпизоды отчасти вознаграждаютъ публику за скучныя дѣловыя пренія заурядныхъ парламентскихъ дней. Въ засѣданіяхъ 6 и 7 апрѣля (нов. ст.) говорилъ Жорѐсъ, лучшій теперь ораторъ Франціи,—и говорилъ о самыхъ щекотливыхъ предметахъ, какихъ никто другой не могъ бы вовсе касаться; онъ говорилъ о дѣлѣ Дрейфуса и о сложномъ рядѣ фактовъ и явленій, прямо или косвенно связанныхъ съ этимъ дѣломъ. Поводомъ къ новымъ преніямъ о злополучномъ старомъ процессѣ послужилъ вопросъ о законности избранія въ депутаты націоналиста Сиветона, который въ своихъ избирательныхъ афишахъ и рѣчахъ называлъ министерство Вальдека-Руссо правительствомъ измѣнниковъ и ссылался на мнимую секретную записку императора Вильгельма II о „канальѣ Дрейфусѣ“. Жорѐсъ вновь освѣтилъ печальную роль націоналистовъ въ той системѣ лжи, клеветъ и подлоговъ, которою удалось опутать и затемнить чисто-судебное дѣло; онъ уличилъ бывшаго тогда военнымъ министромъ депутата Годефруа Кавеньяка въ сокрытіи важнаго письма генерала Пельё отъ главы кабинета Бриссона, чѣмъ вызвалъ бурную сцену въ палатѣ; наконецъ, онъ подробно разобралъ происхожденіе нелѣпой легенды о письмѣ германскаго императора и выставилъ все ничтожество средствъ, которыми искусственно волновалось общественное мнѣніе Франціи въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. Внѣшній успѣхъ рѣчи Жорѐса не подлежалъ никакому сомнѣнію, но попытка возобновить разслѣдованіе по дѣлу Дрейфуса не имѣла успѣха; за то выборы Сиветона были кассированы палатою, которая такимъ образомъ формально осудила агитацію націоналистовъ по поводу мнимыхъ закулисныхъ сторонъ реннскаго процесса.

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

Письмо изъ Пекина.

I.

Завѣса, которая цѣлыя столѣтія скрывала Дальній Востокъ отъ взоровъ Европы, нынѣ рукою всевластнаго времени поднята высоко, и на открывшейся сценѣ появились дѣйствующими лицами сами европейскіе народы. Разыгрываемая „комедія всемірной исторіи“ является наиболѣе интересной въ Китаѣ, который еще не приспособился, подобно Японіи, къ пониманію европейскаго искусства, почему и представляетъ въ игрѣ своихъ выдающихся дѣятелей много самобытныхъ чертъ.

Японія давно открыла свои двери для европейцевъ и въ теченіе сорока послѣднихъ лѣтъ съумѣла понять видимое содержаніе и требованія европейской цивилизаціи. Оставаясь до самаго мозга костей при своемъ національномъ японскомъ самосознаніи, Японія наружно усвоила всѣ пріемы европейской культуры, которая была ей не только полезна, но необходима въ предстоявшей борьбѣ съ европейскими же державами за первенствующую роль на Дальнемъ Востокѣ.

Китай не былъ предусмотрителенъ подобно Японіи; онъ велъ слишкомъ долго свою замкнутую и самодовольную жизнь, нисколько не интересуясь жизнью заморской Европы, которая, вторгаясь въ его предѣлы, показывала главнымъ образомъ лишь непривлекательныя стороны своей культуры. Китай откупался отъ этой культуры деньгами и расплачивался рѣками пролитой крови, если начиналъ силой противодѣйствовать піонерамъ-европейцамъ, приходившимъ просвѣщать его и будить отъ вѣкового сна.

Въ настоящее время Китай все еще продолжаетъ быть загадкой въ отношеніи ближайшаго будущаго, которое надвигается на него грозной, неминуемой тучей. Какъ встрѣтятъ эту европейскую тучу и чѣмъ отвѣтятъ ей громадныя по пространству и густо населенныя 19 провинцій, несомнѣнно тѣсно сплоченныя между собою еще непонятною для европейцевъ связью? Какая это связь, какъ прочно скованы ея цѣпи, какой силы чужеземный напоръ могутъ онѣ выдержать? Опредѣленно отвѣтить на эти вопросы невозможно. Можно только сказать, что, наблюдая китайскій народъ, не видишь того па-

тріотизма, который, какъ могучая стихійная сила охватываетъ другіе народы въ годины переживаемыхъ бѣдствій. Но, можетъ быть, еще не пришло время для проявленія этой стихійной силы у китайскаго народа. Когда время придетъ, тогда китайскій народъ, можетъ быть, проявитъ такую мощь патріотизма, передъ которымъ, пожалуй, не устоятъ европейская сила и натискъ.

Въ настоящее время можно говорить, что отдѣльныя группы китайскаго народа живутъ каждая отдѣльной своей жизнью, нисколько не интересуясь направленіемъ общенародной жизни. Устои народной жизни на всемъ пространствѣ страны остаются пока все одни и тѣ же: господство старины и патріархальный бытъ, господство ученыхъ, живущихъ преданіями своихъ отжившихъ мыслителей, а не дѣйствительностью живого знанія и пониманія современности, ея задачъ и потребностей, указываемыхъ наукой. Живое знаніе, живая мысль не создали въ самомъ Китаѣ живой науки, а принесенныя изъ-за моря европейцами оказались изнанкой, извращеніемъ живой мысли, познаніемъ зла. Эти дары европейцевъ, накопляясь изъ году въ годъ, создали въ концѣ концовъ боксерскій 1900-й годъ. Но боксерское движеніе не доразвилось до общаго народнаго движенія; оно вышло отъ отдѣльныхъ лицъ, взбаламутило народную жизнь и оставило серьезныя смуты въ трехъ провинціяхъ Китая: Сычуани, Гуан-си и Гуандунъ. Но насколько велико вліяніе боксерскаго года на эти смуты, сказать трудно, такъ какъ въ этихъ провинціяхъ смуты были постоянно и прежде, доходя до жестокихъ возстаній, каково, напр., бывшее движеніе тай-пинговъ.

Въ складѣ жизни китайскаго народа, въ устояхъ, на которыхъ она прочно покоится, есть условія для европейцевъ, отчасти непонятныя, а отчасти неизвѣстныя, неиспытанныя, создавшія такую своеобразную народную физіономію.

Къ числу этихъ особыхъ условій прежде всего относятся отсутствіе родового дворянства, отсутствіе родовой аристократіи и общій демократизмъ жизни. При существованіи всѣхъ этихъ и многихъ другихъ условій, когда я мысленно смотрю на современный Китай, наблюдаю современную дѣятельность его правительства и проявленія общественной жизни, то невольно сравниваю эту страну съ человѣкомъ, котораго только-что насильно разбудили отъ тяжелаго, крѣпкаго и продолжительнаго сна.

Съ трудомъ поднимаетъ онъ свои вѣки, не отдаетъ еще яснаго себѣ отчета о происходящемъ вокругъ и силится снова уснуть. Но спать ему не даютъ, и мало-по-малу мысли у него просвѣтляются, глаза широко раскрываются и онъ ясно начинаетъ различать окру-

жающіе предметы, начинаетъ осматриваться и понимать, что многое было у него неудобно, неладно, и это многое необходимо исправить.

Боксерскій 1900-й годъ несомнѣнно заставилъ окончательно проснуться Китай; этотъ годъ встряхнулъ сильно и китайское правительство, и китайское общество. Китайское правительство, расхлебывая ту кашу, которую заварили боксеры, поняло прежде всего, что оно должно найти себѣ покровителей и друзей среди европейскихъ державъ, что своими единичными силами правительство расхлебать этой каши не можетъ. Здравый смыслъ китайскаго народа и многовѣковая наблюдательность сразу указали правительству покровителей въ лицѣ американцевъ, а друзей—въ лицѣ японцевъ. Американцы, чуждые политики приключеній съ насильственнымъ отчужденіемъ въ свою пользу земельныхъ участковъ, поставили лишь одно условіе китайскому правительству—открытыя двери, и эту политику открытыхъ дверей американцы проводили упорно и оказали не мало услугъ китайскому народу. Японцы, которые первые дали сильный толчокъ спящему великану, заставивъ его очнуться, но не съумѣвъ окончательно разбудить войной 1894 года, поняли свою политическую ошибку и въ настоящее время искренно ее исправляютъ. Самымъ сильнымъ вліяніемъ на Китай пользуются японцы. Во всѣхъ отрасляхъ обновляемой китайской жизни японцы стали во главѣ: обученіе и организація военныхъ китайскихъ силъ находятся въ рукахъ японцевъ; высшее образованіе военное и спеціальное китайское юношество получаетъ въ Японіи; промышленность японская проникаетъ повсюду. Но не только китайское правительство прониклось необходимостью реформы,—само китайское общество, относившееся до сего времени совершенно безучастно къ политической жизни государства, проникается самосознаніемъ, становится сплоченнымъ въ борьбѣ съ европейцами, хотя первые шаги въ этой борьбѣ не настолько крѣпки, чтобы общество могло отстоять, не подчиняясь, свои предъявляемыя національныя права.

Только-что закончившееся наружно столкновеніе китайцевъ съ англичанами изъ-за поднятаго на тонгшанскихъ каменноугольныхъ копяхъ китайскаго флага съ дракономъ представляетъ собою первый примѣръ открытаго протеста со стороны китайцевъ и требованія признанія своихъ національныхъ правъ. Столкновеніе хотя и окончилось тѣмъ, что китайцы уступили англичанамъ, тѣмъ не менѣе эта первая попытка была въ высшей степени интересна и поучительна. Въ Тонгшанѣ, вблизи Тяньцзина, находятся богатыя каменноугольныя копи, разработка которыхъ впервые начата была лѣтъ 25 тому назадъ. Тогда было учреждено первое въ Китаѣ акціонерное англо-китайское общество, и въ числѣ учредителей этого общества былъ и по-

кой ный Ли-хун-чангъ. Это общество до боксерскаго года мирно и согласно вело свои дѣла. Боксерскій годъ нарушилъ правильную работу въ кайпинскихъ и тонгшанскихъ копяхъ, а послѣдующій захватъ этихъ копей европейскими иностранными войсками окончательно привелъ въ разстройство дѣла англо-китайскаго общества. Чтобы возстановить дѣятельность и работы въ копяхъ, признано было необходимымъ привлечь новыхъ членовъ капиталистовъ, для каковой цѣли уполномоченныя общества вошли въ переговоры съ одной горнопромышленной компаніей въ Англіи, которая въ сообществѣ съ бельгійскими компаніонами вступила въ дѣло англо-китайской компаніи.

Каменноугольныя копи были возвращены акціонерной компаніи иностранными представителями вмѣстѣ съ возвратомъ желѣзныхъ дорогъ въ іюнѣ истекшаго года. Вступившая въ дѣло новая компанія прислала своихъ уполномоченныхъ, которые стали совершенно игнорировать старое управленіе копями и захватили все дѣло въ свои руки. Правленіе дѣлами акціонерной компаніи было перенесено въ Лондонъ, а мѣстное правленіе въ Тяньцзинѣ уничтожено безъ соглашенія съ мѣстными акціонерами. Между тѣмъ какъ акціонеровъ-китайцевъ въ этомъ предпріятіи до тридцати человѣкъ, а общее число акціонеровъ — около двухъ-сотъ человѣкъ. Капиталъ китайцевъ-акціонеровъ составляетъ болѣе трети общаго капитала всѣхъ членовъ.

Начавшіяся недоразумѣнія и пререканія между новыми представителями, желавшими исключительно овладѣть дѣлами компаніи и старыми членами-акціонерами, и привели къ разыгравшемуся довольно характерному инциденту.

Въ день рожденія китайской императрицы, 9 ноября, представитель китайскаго правленія копями въ Тонгшанѣ, Янг-шанг-чинъ, распорядился поднять надъ главной шахтой китайскій флагъ съ дракономъ, чего ранѣе не дѣлалось. Былъ поднятъ также и англійскій флагъ, и оба флага въ этотъ день мирно развѣвались. На другой день, однако, китайскій флагъ не былъ спущенъ и по прежнему развѣвался надъ главной шахтой. Главный инженеръ, бельгіецъ г. Маметъ, не преминулъ усмотрѣть въ этомъ посягательство на права англичанъ и потребовалъ отъ Янг-шанг-чина, чтобы китайскій флагъ былъ немедленно спущенъ, а когда тотъ отказалъ исполнить требованіе инженера, то г. Маметъ разослалъ телеграммы въ Тяньцзинъ къ властямъ и къ англійскому посланнику въ Пекинъ, прося вмѣшательства. Свое требованіе г. Маметъ объяснялъ тѣмъ, что каменноугольныя копи составляютъ юридически собственность англійской компаніи и находятся подъ покровительствомъ англійскаго правительства, что правленіе находится въ Лондонѣ, слѣдовательно и флагъ можетъ быть поднимаемъ только англійскій, но не китайскій. Въ свою очередь Янг-шанг-чинъ защи-

щалъ право китайскаго флага развѣваться вмѣстѣ съ англійскимъ и указывалъ на то, что копи эти—собственность англо-китайской компаніи, слѣдовательно и китайцы считаютъ себя въ правѣ поднимать свой національный флагъ наравнѣ съ флагомъ англійскимъ, настаивалъ, что собственность акціонеровъ-китайцевъ одинакова и права ихъ тѣ же самыя, что и у англичанъ-акціонеровъ. Вопросъ о китайскомъ флагѣ поднялъ на ноги все тяньцзинское европейское общество, которое раздѣлилось на двѣ партіи, сходившіяся въ одномъ: необходимо упорядочить веденіе дѣлъ тонгшанскихъ копей разслѣдованіемъ ихъ современнаго положенія, обсужденіемъ отношеній мѣстныхъ акціонеровъ и улучшеніемъ разработки и содержанія копей. Послѣднее время то-и-дѣло въ шахтахъ происходили несчастія, при которыхъ гибли рабочіе-китайцы, но на дняхъ въ одной изъ шахтъ погибъ и бельгіецъ-инженеръ Бакстеръ вмѣстѣ съ двѣнадцатью рабочими.

Смерть молодого инженера страшно взволновала всѣхъ, и общественное мнѣніе потребовало разслѣдованія причинъ, вызвавшихъ это несчастіе.

Такимъ образомъ смерть европейца послужитъ къ улучшенію участи рабочихъ-китайцевъ въ шахтахъ и не одному изъ нихъ сохранитъ жизнь.

Инцидентъ съ китайскимъ флагомъ закончился тѣмъ, что на мѣсто недоразумѣній пріѣхалъ, по пути слѣдованія въ Шанхай-Гуань, англійскій посланникъ, сэръ Эрнестъ Сатоу, и убѣдилъ китайскихъ представителей спустить китайскій флагъ. Во всякомъ случаѣ дѣла англо-китайскаго акціонернаго общества отнынѣ становятся гласными, а гласность можетъ быть только на пользу китайскому народу во всѣхъ проявленіяхъ его общественной жизни, какъ между собою, такъ и въ отношеніяхъ съ европейцами.

II.

Дальній Востокъ проявляетъ нынѣ бодрую дѣятельность. Представителемъ этой энергичной и сильной дѣятельности служитъ Японія, которая рѣшила всемірной выставкою, устроиваемой ею, показать Европѣ весь блескъ и всю мощь своей промышленности. Выставка открывается 1 марта и продолжится до 31 іюля 1903 года въ г. Осака. Это—по счету—пятая выставка въ Японіи. На выставкѣ будетъ девять отдѣловъ: земледѣльческій, рыбный, мануфактурный, машинный, передвиженія, воспитанія, изящныхъ искусствъ, зоологическій, иностранныхъ экспонатовъ и акваріумъ.

Выставка занимаетъ громадную площадь близъ знаменитаго храма

Тенно-и въ горной части города Осаки. Мѣстность вся чрезвычайно живописна. Всѣ отдѣлы выставки помѣщаются въ нарочно для нихъ выстроенныхъ зданіяхъ.

Городъ Осака, какъ центръ коммерческой жизни Японіи и распредѣленія ея промышленности, выбранъ для выставки чрезвычайно удачно. За послѣднія пять лѣтъ этотъ городъ выросъ до степени регулятора, назначающаго и распредѣляющаго цѣнность рынковъ. Окрестности Осаки не только живописны, но интересны также и по историческимъ воспоминаніямъ. Здѣсь очень старинный храмъ Шинто, посвященный памяти великаго народнаго учителя и философа Сугавара, а также и древній буддійскій храмъ Тенно-и, построенный болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ. Здѣсь же старинные храмы Нара, Иоши, вѣковыя рощи и близко, выдѣляющееся красотой природы, Кіото. На время выставки японское правительство сдѣлало распоряженіе открыть для посѣтителей всѣ старинные храмы и замки, которые въ обычное время остаются недоступными.

Для привлеченія посѣтителей объявлены льготные проѣзды на выставку пароходными компаніями и желѣзными дорогами. Вообще надо сказать, что вопросъ о скорости сообщенія Дальняго Востока съ Западомъ сталъ „злободневнымъ". Всѣ европейцы изъ Китая направляются въ Европу по сибирской дорогѣ, и въ Пекинѣ проявился особенный среди иностранцевъ интересъ къ изученію русскаго языка. Скорость сообщенія желѣзнодорожнымъ путемъ черезъ Сибирь вызвала ускореніе и морского передвиженія пароходовъ. Въ Америкѣ образовалась уже компанія, которая открываетъ пассажирскую линію между Нью-Іоркомъ, Санъ-Франциско и Іокогама. Пароходы этой компаніи будутъ совершать рейсы въ десять дней. Такимъ образомъ, съ открытіемъ рейсовъ этими пароходами въ апрѣлѣ 1903 года, можно будетъ совершить путешествіе вокругъ свѣта всего только въ пятьдесятъ дней, гораздо скорѣе, нежели совершалъ его герой романа Жюля Верна!

Быстрота создающихся новыхъ путей сообщеній становится ощутительна и въ Китаѣ. Пройдетъ еще десятокъ лѣтъ, и вся страна будетъ прорѣзана желѣзнодорожною сѣтью, которая послужитъ къ перемѣщенію населенія изъ одной провинціи въ другую, создастъ новые модные города, приведетъ въ запустѣніе многіе изъ старыхъ и, что всего обиднѣе, мало-по-малу будетъ измѣнять складъ народной жизни, уничтожая многія народныя вѣрованія, составляющія пока краеугольный камень его душевной жизни. Съ натискомъ европейской цивилизаціи и борьбой за кусокъ хлѣба будутъ исчезать изъ народной души вѣковыя вѣрованія, мечтанія и сказанія.

III.

Въ народныхъ вѣрованіяхъ, сказаніяхъ, обычаяхъ всего ярче, всего выпуклѣе рисуются и познаются народныя чувства, народныя мысли, желанія и ожиданія, не затемненныя суровой и тяжелой дѣйствительностью, которая прикрываетъ лучшія движенія души и мысли заботами и борьбой за существованіе. Справедливо поэтому поступаютъ тѣ, кто, желая изслѣдовать, изучить и понять жизнь народа, изучаютъ его жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, будутъ ли это народныя празднества, или радости народной жизни, или ея горе, или религіозныя вѣрованія. Народная жизнь проходитъ тогда сама передъ глазами. Жизнь китайскаго народа въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересна. Въ его вѣрованіяхъ сохранилась самая сѣдая старина, отъ которой у другихъ народовъ можно найти только небольшіе слѣды.

Главныя, основныя вѣрованія и религіозныя церемоніи у китайскаго народа соединены съ наиболѣе видными проявленіями въ жизни природы: весной, лѣтомъ, осенью и зимой. Времена года, положеніе звѣздъ, весеннее и осеннее равноденствія, солнцестоянія—всѣ эти явленія природы, поражая народное чувство и умъ, создали празднества и жертвоприношенія.

Китайцы считаютъ время по лунѣ, почему каждый мѣсяцъ начинается у нихъ первымъ днемъ появленія луны и имѣетъ 29 и 30 дней.

Въ обычномъ году китайцевъ 12 мѣсяцевъ, но остатки отъ каждаго года, собираясь, составляютъ въ теченіе 13 лѣтъ наростающій 13-й мѣсяцъ. Лѣтосчисленіемъ и счисленіемъ мѣсяцевъ и всѣми астрономическими наблюденіями завѣдуетъ въ Китаѣ особый астрономическій приказъ, который издаетъ отъ себя особые календари и альманахи для народнаго пользованія.

Вслѣдствіе луннаго счисленія времени у китайцевъ новый годъ приходится въ разные сроки, но не ранѣе 21 января и не позже 19 февраля. Съ новаго года китайцы считаютъ начало весны. Весеннее равноденствіе приходится у нихъ на второй мѣсяцъ, лѣтнее солнцестояніе—на пятый мѣсяцъ, осеннее равноденствіе—на восьмой мѣсяцъ и зимнее солнцестояніе—на одиннадцатый. Такимъ образомъ, четыре центра временъ года: весны, лѣта, осени и зимы, приходятся у китайцевъ на средину этихъ временъ года. Самымъ выдающимся праздникомъ, самымъ желаннымъ и радостнымъ, является всенародный праздникъ новаго года. Только отщепенецъ, только „бывшій человѣкъ“, потерявшій все человѣческое, относится равнодушно къ этому событію,—весь же китайскій народъ готовится къ встрѣчѣ новаго года, полный радостнаго ожиданія.

Празднество въ честь зимняго солнцестоянія не составляетъ шумнаго праздника, а проходитъ семейно. День зимняго солнцестоянія, приходящійся всегда на ноябрь, но на разныя числа, указывается заранѣе каждый годъ календаремъ. День этотъ называется эрой зимы—дунъ-чжи— и начинается жертвоприношеніемъ въ честь домашнихъ боговъ и предковъ за оказанныя ими благодѣянія и добро въ теченіе прожитого года. Самое торжество состоитъ въ слѣдующемъ. На разсвѣтѣ назначеннаго календаремъ дня приготовляется праздничное тѣсто особымъ способомъ. Наканунѣ рисъ наливается водой, чтобы размокъ. Затѣмъ этотъ мягкій рисъ кладутъ въ ступку и толкутъ его, послѣ чего складываютъ въ мѣшечки и выжимаютъ прессомъ. Послѣ этого прибавляютъ сахару, придаютъ полученному тѣсту форму булочекъ и варятъ на пару.

Когда булочки готовы, то раскладываютъ ихъ на рѣшето въ особомъ порядкѣ. Всѣхъ булочекъ дѣлаютъ 12, одинаковыхъ по величинѣ, и располагаютъ ихъ кругомъ, а 13-ую, значительно бо̀льшую, или апельсинъ, украшенный живымъ или искусственнымъ цвѣткомъ, ставятъ посреди. По сторонамъ булочекъ кладутъ кусочки рисоваго тѣста, придавъ имъ форму связокъ денегъ.

Съ разсвѣтомъ дня сваренныя булочки раскладываются на блюда и вмѣстѣ съ другими жертвенными яствами, назначенными для жертвоприношенія, ставятся старшимъ членомъ семьи на домашній алтарь передъ стоящими на немъ божествами и таблицами предковъ. Совершаются колѣнопреклоненія передъ алтаремъ, зажигаются курительныя жертвенныя палочки и затѣмъ жертвенныя яства относятся на приготовленный семейный столъ для общей трапезы.

Въ обычаѣ также разсылать часть приготовленныхъ булочекъ роднымъ и близкимъ знакомымъ. Рисъ, какъ главное питающее китайскій народъ произведеніе земли, употребляется во всѣхъ жертвоприношеніяхъ. Въ праздникъ 15-го числа шестой луны выражается благодарность за первую жатву риса; въ праздникъ 15-го числа восьмой луны выражается благодарность за произведенія осени; а въ праздникъ зимняго солнцестоянія выражается благодарность за всѣ благодѣянія, которыя природа оказывала людямъ въ теченіе всего года.

Хотя днемъ зимняго солнцестоянія не заканчивается китайскій гражданскій годъ, но имъ заканчивается годъ земледѣльческій и астрономическій. Съ этого дня солнце, закончивъ свой годовой циклъ движенія, поворачиваетъ обратно. У русскаго народа „поворотъ солнца“ пріуроченъ къ празднованію дня св. Спиридона, котораго русскій народъ такъ и зоветъ „Спиридонъ-поворотъ“, ибо съ этого дня „солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ“.

Населеніе, провожая рабочій годъ, символически выражаетъ уходящему свою благодарность, готовя равныхъ двѣнадцать булочекъ, располагая около нихъ изъ тѣста подобіе связокъ денегъ, чѣмъ еще разъ высказываетъ свое убѣжденіе, что все богатство, все имущество и даже деньги получаются черезъ земледѣліе. Этими булочками изъ рисоваго тѣста народъ знаменуетъ плоды годового труда, который онъ съ признательностью приноситъ богамъ въ жертву.

Большую булочку въ центрѣ зовутъ „булочка-мать", и она знаменуетъ собою всю собранную годовую жатву, весь итогъ труда земледѣльца. Въ Амоэ, какъ говоритъ J. Groot, описавшій празднества китайскаго народа въ своей книгѣ „Annales du Musée de Guimet", есть для этого спеціальное выраженіе: „булочка-мать рождаетъ булочекъ-дѣтей".

Если въ семьѣ есть беременная женщина, то она пользуется булочками, какъ средствомъ узнать, кого она произведетъ на свѣтъ: мальчика или дѣвочку. Для этой цѣли беременная женщина сама замѣшиваетъ для себя булочку и сама варитъ ее на пару. Если булочка растрескается, то родится дѣвочка; если булочка останется цѣлой, но удлинится, то родится мальчикъ.

Въ Амоэ женщины, кромѣ булочекъ, дѣлаютъ изъ тѣста еще изображенія куръ, собакъ, свиней и разставляютъ ихъ также около, и вмѣстѣ съ булочками приносятъ, какъ жертву, домашнимъ божествамъ.

Приношеніе сдѣланныхъ изображеній животныхъ объясняютъ тѣмъ, что народъ благодаритъ боговъ не только за продукты земли, но и за размноженіе домашнихъ животныхъ въ текущемъ году, и призываетъ на нихъ благословеніе. Другіе изслѣдователи китайской жизни въ изображеніяхъ животныхъ желаютъ видѣть знакъ китайскаго зодіака, который у китайцевъ и знаменуетъ каждый мѣсяцъ однимъ изъ животныхъ, а именно: крыса, быкъ, тигръ, заяцъ, драконъ, змѣя, лошадь, коза, обезьяна, курица, собака, свинья. Какъ бы то ни было, но сохраняющаяся въ китайскихъ семьяхъ обрядность много вноситъ въ жизнь семьи радости и единства.

Въ живни китайскаго народа свято хранятся и строго исполняются обряды поминовенія умершихъ. Два раза въ году, весной и зимой, совершаются установленныя закономъ поминовенія, но, кромѣ этихъ, узаконенныхъ для всего народа, въ каждой семьѣ, въ каждомъ роду хранятся еще и свои семейные дни и годовщины, которые служатъ днями чествованія памяти отшедшихъ предковъ.

День зимняго поминовенія усопшихъ ежегодно назначается календаремъ и сопровождается слѣдующими церемоніями.

Въ большихъ храмахъ, въ которыхъ хранятся таблицы многихъ

родовъ, наканунѣ назначеннаго по календарю дня поминовенія, собираются старшіе члены семействъ, имѣющихъ здѣсь таблицы предковъ, и приводятъ все въ порядокъ для послѣдующаго торжества, ставятъ передъ таблицами предварительныя яства, сладости, чай съ печеніями и возжигаютъ курительныя палочки.

На другой день, поутру, въ храмъ собираются уже всѣ мужскіе потомки умершихъ, и каждая семья, возможно полно и пышно, устроиваетъ столы передъ таблицами своихъ умершихъ. Отдѣльно отъ этихъ отдѣльныхъ столовъ-жертвенниковъ ставится одинъ общій для всѣхъ столъ-жертвенникъ, на которомъ ставятся только курильница и двѣ восковыя свѣчи. Всѣ столики разставляются направо и налѣво отъ этого общаго стола въ порядкѣ старшинства табличекъ. Жертвенные столики съ яствами наполняются жареными и вареными мясными блюдами, мучными, фруктами, и украшаются цвѣтами. Часто можно видѣть у богатыхъ на столахъ жареныхъ барановъ, свиней, козъ, фазановъ и др. Когда всѣ столы убраны и разставлены въ порядкѣ, то старшій изъ присутствующихъ исполняетъ обязанности главнаго жреца, а двое слѣдующихъ по старшинству становятся его помощниками. Всѣ остальные родственники въ порядкѣ старшинства становятся за этими тремя старшими передъ жертвеннымъ столомъ. Старшина, ставъ впереди, дѣлаетъ нѣсколько колѣнопреклоненій, касаясь головой пола, и въ полголоса, нараспѣвъ, произноситъ соотвѣтственныя моленія. Помощники его берутъ жертвенныя палочки, зажигаютъ ихъ и разносятъ каждому изъ присутствующихъ, строго слѣдящихъ и исполняющихъ все, что исполняетъ старшій членъ передъ жертвеннымъ столомъ.

Въ извѣстный моментъ всѣ жертвенныя палочки ставятся въ одну общую курильницу. Моленіе совершается въ полнѣйшей тишинѣ, и слышно только шуршаніе одеждъ молящихся, когда они преклоняются передъ жертвенникомъ или поднимаются, да голосъ молящагося и призывающаго души предковъ, пребывающія въ таблицахъ, выйти изъ нихъ и занять мѣста за приготовленными для нихъ яствами. Старшиной избирается всегда старшій членъ родовъ, хотя бы въ данное время это былъ ребенокъ. Въ этомъ случаѣ за его спиной становятся двое взрослыхъ и исполняютъ всѣ положенные обряды. Когда церемонія заканчивается, то раздается звонъ въ гонгъ.

Если храмъ обширный и въ немъ есть свободныя помѣщенія, то тамъ устроивается общая трапеза, приготовленная изъ принесенныхъ изъ храма яствъ. За этой трапезой участвуютъ всѣ присутствующіе, которые были въ храмѣ.

Празднованіе памяти умершихъ предковъ было во времена древнія общимъ у всѣхъ народовъ; но въ настоящее время оно во всей пол-

нотѣ осталось только у китайцевъ; у остальныхъ же народовъ Европы остались только слѣды, указывающіе на бывшія когда-то тризны.

Уходя домой изъ храма, каждый изъ участниковъ уносилъ съ собой часть жертвенныхъ кушаній, дабы у себя дома раздѣлить трапезу и съ тѣми душами предковъ, которыя остаются въ таблицахъ на домашнихъ алтаряхъ.

Въ Китаѣ установлено празднованіе памяти умершихъ два раза въ году—весной и зимой, но въ семьяхъ совершаются поминки своихъ умершихъ, независимо отъ этихъ общенародныхъ дней, каждое 1-е и 15-е число.

IV.

Зима давно вступила у насъ въ свои права, и еще 19 ноября въ Пекинѣ выпалъ первый снѣгъ, покрывшій легкимъ слоемъ всю поверхность земли. Снѣгъ валилъ весь тотъ день большими хлопьями. Морозъ былъ небольшой, всего одинъ градусъ; воздухъ свѣжій и бодрый, а солнце свѣтило ярко, такъ что снѣжокъ лежалъ только въ тѣни, а на солнцѣ таялъ. Зима текущаго года обѣщала быть мягкой зимой, „сиротской", какъ говорятъ бѣдняки.

Съ началомъ зимы въ Китаѣ обычно начинаетъ появляться оспа, достигающая нерѣдко силы жестокихъ эпидемій, отличающихся высокой смертностью. Отчего оспа появляется въ Китаѣ исключительно съ началомъ холодовъ, держится упорно всю зиму и съ началомъ весны стихаетъ? На этотъ вопросъ нѣтъ положительнаго отвѣта, и приходится довольствоваться объясненіемъ, скорѣе взятымъ изъ практики жизни, нежели даваемымъ наукой. Зимнія эпидеміи оспы стараются объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что съ началомъ весны обычно всѣ теплыя вещи сдаются на сохраненіе въ склады, а вмѣстѣ съ этими вещами удаляется изъ жилищъ и оспенная зараза. Жилища, съ наступленіемъ теплыхъ дней, начинаютъ естественнымъ путемъ дезинфекцироваться, т.-е. провѣтриваться и просушиваться горячими солнечными лучами, убивающими оспенную бациллу.

Съ наступленіе холодовъ, зимнія вещи вынимаются, а вмѣстѣ съ ними поступаетъ въ обращеніе и оспенное заразное начало.

Среди китайскаго населенія совершенно не организовано оспопрививанія, равно какъ не существуетъ и леченія оспы.

Помимо множества заболѣваній, среди китайскаго населенія часты случаи и черной оспы.

На оспу китайцы смотрятъ какъ на даръ богини Доу-синь-нянь и называютъ самую болѣзнь „цвѣткомъ" хуа. Китайцы потому не избѣ-

гаютъ оспы, а наоборотъ, стараются умилостивить богиню, приводя дѣтей въ тѣ семьи, гдѣ есть больные, и стараясь привить болѣзнь отъ больного къ здоровому ребенку, надѣвая на него или платье съ больного, или же помѣщая здороваго вмѣстѣ съ больнымъ. Дѣлается все это для того, чтобы умилостивить богиню, доставивъ ей пріятное приношеніе. Населеніе убѣждено, что въ такихъ случаяхъ оспа протекаетъ легче, нежели когда дѣтей прятать и тѣмъ прогнѣвлять богиню...

В. В. Корсаковъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1903

I.

— Великій Князь Николай Михаиловичъ. Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1774—1817). Историческое изслѣдованіе эпохи императора Александра I. Томъ первый. Спб. 1903.

Новая русская исторія, XIX-й вѣкъ, и даже вторая половина XVIII-го вѣка, до сихъ поръ остаются мало разработаны; только въ послѣднее время сдѣланы или предприняты изслѣдованія, которыя давно составляли бы настоятельную потребность науки и общественнаго образованія. На подобныхъ изслѣдованіяхъ долго лежало, а частію и теперь лежитъ суровое veto: время считалось еще слишкомъ близкимъ, не подлежащимъ ни историческому разбору, ни разсказу. Объ этомъ положеніи вещей нельзя было не пожалѣть самымъ серьезнымъ образомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что историческое изученіе есть одинъ изъ самыхъ благотворныхъ путей общественнаго просвѣщенія и національнаго самосознанія, а послѣднее есть не только дѣло національнаго достоинства, но и великій интересъ самой правительственной власти. Только на почвѣ самосознанія создается истинный, глубокій патріотизмъ, съ широкимъ горизонтомъ пониманія и служенія государственному и народному благу въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ жизни.

Эта потребность въ историческомъ знаніи такъ велика, что она уже ярко выразилась въ литературѣ послѣднихъ десятилѣтій обиліемъ историческихъ работъ и даже спеціальныхъ историческихъ журналовъ. Съ другой стороны, никогда не было у насъ такого изобилія изданій историческихъ матеріаловъ именно по новой нашей исторіи, по XVIII-му и XIX-му вѣку. Таковы изданія Имп. Р. Историческаго Общества—громадное собраніе дипломатическихъ и иныхъ документовъ по двумъ послѣднимъ столѣтіямъ. Таковы изданія цѣлыхъ об-

ширныхъ фамильныхъ архивовъ за тѣ же столѣтія: архивы кн. Воронцова, кн. Куракиныхъ, Мордвиновыхъ, Шереметевыхъ. Нельзя не порадоваться, что интересъ къ разработкѣ новой русской исторіи находитъ, наконецъ, опору въ самыхъ высшихъ сферахъ русскаго общества.

За послѣднее время, въ „Литературныхъ Обозрѣніяхъ“ „Вѣстника Европы“ были указаны замѣчательныя изданія Е. И. В., Великаго Князя Николая Михаиловича: „Князья Долгорукіе, сподвижники импер. Александра I въ первые годы его царствованія“; „Луи де Сентъ-Обенъ. Тридцать-девять портретовъ 1808—1815 г. Фотографическія воспроизведенія съ біографическими очерками“. Теперь передъ нами новый трудъ Е. И. В., опять посвященный эпохѣ импер. Александра I.

Эта эпоха исполнена живого и разнообразнаго историческаго интереса, какъ въ цѣлой національной судьбѣ русскаго народа, пережившаго грозную борьбу двѣнадцатаго года, такъ, въ частности, въ развитіи русскаго общества, видѣвшаго „дней Александровыхъ прекрасное начало“, потомъ испытавшаго возбужденія того же двѣнадцатаго года, надолго отразившіяся, особенно въ молодыхъ поколѣніяхъ, броженіемъ общественно-политическихъ идей;—та же эпоха ознаменована однимъ изъ величайшихъ явленій русской литературной исторіи—развитіемъ могущественной поэзіи Пушкина, положившей начало новой русской литературѣ... За послѣднее время издано множество отдѣльныхъ матеріаловъ по этой исторіи; въ книгѣ Богдановича сдѣланъ опытъ цѣльной исторіи царствованія имп. Александра, которая осталась, впрочемъ, слишкомъ внѣшнею; цѣлымъ событіемъ въ нашей исторіографіи была книга Шильдера. Но предстояло, конечно, еще много дальнѣйшей работы—необходимой для цѣльнаго историческаго изображенія эпохи: за событіями стояли лица, требовавшія освѣщенія, и стояли нравы, составлявшіе фонъ картины, нравственную и умственную складку общества. Для этой бытовой и біографической стороны исторіи Александровской эпохи труды Великаго Князя Николая Михаиловича представляютъ высокую цѣнность. Обширная біографія, предпринятая въ настоящемъ изданіи, обѣщаетъ дать чрезвычайно интересныя объясненія къ исторіи первыхъ лѣтъ царствованія импер. Александра. Въ этомъ трудѣ, между прочимъ, впервые введенъ матеріалъ, который до сихъ поръ оставался недоступенъ нашимъ историкамъ.

„При разработкѣ славной эпохи императора Александра I,—читаемъ въ предисловіи,—личность графа Павла Александровича Строганова, среди разнохарактерныхъ сотрудниковъ государя, обращаетъ на себя особенное вниманіе.

„Рядъ счастливыхъ случайностей далъ мнѣ возможность ознако-

миться съ нетронутыми еще рукописями частныхъ архивовъ, которыя не только выяснили благородную фигуру графа П. А. Строганова и его отношенія къ другимъ дѣятелямъ того времени, но и ярко оттѣнили особу Благословеннаго Монарха.

„Архивы графа С. А. Строганова въ его знаменитомъ домѣ у Полицейскаго моста въ Петербургѣ, а также бумаги, хранящіяся въ селѣ Марьинѣ, у князя П. П. Голицына, служили мнѣ главнымъ источникомъ къ ознакомленію съ личностью графа Павла Александровича. Въ этихъ семейныхъ архивахъ сохранился, къ счастію для потомства, рядъ цѣннѣйшихъ писемъ и бумагъ, живо рисующихъ симпатичный образъ интересной личности гр. П. А. Строганова".

Кромѣ того, цѣннымъ матеріаломъ послужили пріобрѣтенныя Великимъ Княземъ во Франціи бумаги Жильбера Ромма (воспитателя гр. Строганова); наконецъ, оффиціальные документы архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ и Москвѣ и военно-ученаго архива главнаго штаба.

Цѣлый трудъ распредѣленъ на пять главъ. Первая посвящена родителямъ П. А. Строганова, особливо его отцу; вторая—его воспитанію и его наставнику Жильберу Ромму; третья—эпохѣ реформъ въ первые годы царствованія импер. Александра I, къ которому въ это время гр. Строгановъ былъ однимъ изъ наиболѣе близкихъ лицъ; четвертая—лондонской миссіи, и пятая—его военной дѣятельности.

Не менѣе этой біографіи важны будутъ обильныя приложенія. Здѣсь въ строго хронологическомъ порядкѣ сообщены будутъ оффиціальные документы и письма, „дающія полную картину жизни графа Строганова, его мнѣній и его отношеній съ современниками". Особенный интересъ должны представлять письма и документы къ третьей главѣ біографіи. Объ этомъ читаемъ въ предисловіи: „Всѣ записки, бумаги и письма, относящіяся до эпохи реформъ, издаются мною впервые полностью въ приложеніяхъ: онѣ взяты цѣликомъ изъ Строгановскаго архива. Отчетъ о засѣданіяхъ Секретнаго Комитета, изданный съ значительными пропусками въ „Исторіи царствованія императора Александра I" Богдановичемъ, на русскомъ языкѣ, печатается нынѣ на французскомъ, согласно подлиннику". Письма гр. Строганова къ его женѣ, письма Адама Чарторыжскаго, Новосильцова, Кочубея, С. Р. Воронцова и др. будутъ изданы только въ извлеченіяхъ, въ ихъ части наиболѣе важной.

Можно по этому судить о великомъ интересѣ, который представитъ трудъ Великаго Князя Николая Михаиловича въ его законченномъ видѣ. Въ первомъ томѣ изданы упомянутыя пять главъ біографіи и начало приложеній; продолженіе ихъ должно ожидаться во второмъ и третьемъ томахъ.

Мы говорили о томъ, какъ важно для полной, всесторонней картины времени изученіе детальное, біографическое. Важность его заключается вовсе не въ томъ только, чтобы разцвѣтить картину анекдотическими подробностями, которыя дѣйствительно могутъ для обыкновеннаго читателя придавать ей оживленіе и разнообразіе; для серьезной исторіи это детальное изученіе имѣетъ другую цѣну: въ изображеніи лицъ, объясненіи индивидуальнаго развитія умовъ и характеровъ, оно даетъ возможность проникать въ самыя глубины историческаго движенія, внутреннія настроенія и мотивы дѣйствій, изъ которыхъ слагаются сложныя явленія исторіи. Какъ серьезна эта сторона историческаго изображенія, это не требуетъ, кажется, особенныхъ объясненій; примѣръ, и очень важный, мы найдемъ и въ настоящемъ случаѣ. Извѣстно, какимъ нареканіямъ въ свое время (у людей „стараго вѣка“ и старыхъ, консервативныхъ, взглядовъ) и впослѣдствіи (у историковъ „стараго вѣка“, напр. у Богдановича, весьма, впрочемъ, добросовѣстнаго),—какимъ нареканіямъ подвергались „молодые совѣтники“ импер. Александра въ первые годы царствованія, между прочимъ и гр. П. А. Строгановъ: полагалось, что это были люди—„французскаго“ (или англійскаго) воспитанія и взглядовъ, не имѣвшіе „опыта“, и предполагалось, что по этому самому они не могли судить правильно и ихъ планы могли быть только вредны... Какая противоположность въ сужденіи новѣйшаго историка, изучившаго не только ходъ событій, но и самую біографію (см. въ настоящей книгѣ главу третью, „Эпоха реформъ“, въ концѣ; также стр. 217 и дал.): возстановляется правда не только относительно лица,—въ которомъ „французское воспитаніе“ не только не уменьшило патріотизма, но усилило его „болѣе высокой степенью образованія и общественнаго чувства; но возстановляется правда относительно цѣлаго явленія нашей исторической жизни. Дѣло въ томъ, что начиная съ XVIII вѣка и до нашихъ дней въ извѣстныхъ кругахъ нашего общества высказывалась крайняя вражда къ вліяніямъ европейскаго просвѣщенія, которыя считались вредными, даже гибельными для нашей самородной жизни,—когда другой сторонѣ общественнаго мнѣнія думалось, напротивъ, что это просвѣщеніе, къ которому путь открытъ былъ Петромъ, величайшимъ лицомъ русской исторіи, именно дало впервые широкій просторъ великимъ дарованіямъ и дѣятельнымъ силамъ русскаго народа, нисколько не заглушивъ ихъ, и напротивъ, давши имъ возможность развиваться во всей ихъ оригинальной самобытности,—какъ, между прочимъ, можно это видѣть на томъ сильномъ впечатлѣніи, какое въ настоящее время производятъ въ западной Европѣ русская литература и русское художество.

Въ европейскомъ вліяніи прибавлялось къ нашей жизни не „фран-

цузское“ или англійское воспитаніе, а просвѣщеніе общечеловѣческое,—это чувствовалъ другой дѣятель Александровской эпохи, величайшій поэтъ нашей литературы, Пушкинъ... Въ практической жизни того времени, противники европейскихъ вліяній, мнимые люди „опыта“ не однажды оказывались врагами русскаго народа, обскурантами, защитниками крѣпостного права и всякаго застоя, а люди „французскаго“ воспитанія — бывали истинно доблестными, просвѣщенными людьми, поборниками общественнаго и народнаго блага...

Такъ, серьезно изученная, правдивая біографія можетъ содѣйствовать разъясненію самыхъ существенныхъ вопросовъ въ исторіи общества.—Друзья нашей исторической науки будутъ несомнѣнно съ живѣйшимъ интересомъ ожидать второго и третьяго томовъ замѣчательнаго труда Великаго Князя Николая Михаиловича. — А. П.

II.

—П. А. Некрасовъ. Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности. (Пересмотръ основаній соціальной физики Кетле). Изданіе Математическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Москва. 1902.

Позитивизму рѣшительно не повезло въ послѣднее время—противъ него ополчились съ разныхъ сторонъ: одни — потерявъ терпѣніе и извѣрившись въ возможности для него стать панацеей для страждущаго человѣчества; другіе—рѣшившись низвести его на служебную роль по отношенію къ метафизикѣ; третьи—задавшись цѣлью совершенно изъять его изъ обращенія. Г-нъ Некрасовъ принадлежитъ къ самымъ строгимъ противникамъ позитивизма: послѣдній, по его мнѣнію, „долженъ быть самымъ рѣшительнымъ образомъ исключенъ изъ философіи и науки о человѣкѣ“. Предпринимая научный, по внѣшнимъ признакамъ, пересмотръ соціальной физики Кетлé, г. Некрасовъ выразилъ большую скромность, отличающую истиннаго философа, во взглядѣ на объемъ и значеніе своего труда. „Пытаясь настоящимъ краткимъ очеркомъ вернуть науку о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности на старый путь точной логики, я не надѣюсь однако, — съ грустью замѣчаетъ онъ,—на то, чтобы пропаганда этой логики по отношенію къ наукѣ о человѣческой дѣятельности имѣла успѣхъ въ близкомъ будущемъ, и это потому, что сложились крайне неблагопріятно всѣ условія. Эти условія создаютъ то, что лишь немногія отдѣльныя лица владѣютъ этою логикою, —но и эти лица большею частію математики, не стоящіе въ ряду работниковъ по исторической и юридической наукѣ и государствовѣдѣнію“. Въ примѣчаніи къ этому безспорному, съ точки

зрѣнія автора, положенію г. Некрасовъ обращаетъ вниманіе на то, что слушателямъ своихъ лекцій по теоріи вѣроятностей онъ указывалъ на тѣ заблужденія и утопіи, которыя вытекаютъ изъ неправильнаго примѣненія законовъ массовыхъ, случайныхъ явленій: „Къ сожалѣнію, слушателями моими были лишь математики, а не юристы и историки". Если лекціи г. Некрасова представляли столь легкій способъ избавиться отъ заблужденія и утопій извѣстнаго свойства, овладѣвавшихъ, какъ видно изъ словъ автора, слушателями не только одного математическаго, но и другихъ факультетовъ, то можно пожалѣть еще болѣе о томъ, что предметъ автора не сдѣланъ былъ обязательнымъ для студентовъ всѣхъ безъ исключенія факультетовъ, занявъ въ этомъ отношеніи равноправную роль, напримѣръ, съ богословіемъ...

Излагая усовершенствованную логическую схему изслѣдованія массовыхъ процессовъ, со свойственными имъ случайными явленіями, авторъ, по его словамъ, пользуется выводами не только западной науки и философіи, но и русской. Однако подробный и въ высшей степени обстоятельный разборъ труда г. Некрасова, въ статьѣ г. Z., въ „Русской Мысли" (февраль, 1903), служащій для непосвященныхъ читателей ключомъ къ опредѣленію научно-математической цѣнности его и потому составляющій существенное къ нему дополненіе, доказываетъ какъ нельзя болѣе убѣдительно, что съ чистой математикой вообще и съ западно-европейской наукой и философіей въ частности дѣло не обошлось у г. Некрасова безъ весьма крупныхъ недоразумѣній. Критикъ отмѣчаетъ въ г. Некрасовѣ: слабость историческихъ и библіографическихъ свѣдѣній въ области исторіи и теоріи вѣроятностей, т.-е. его спеціальнаго предмета, совмѣщеніе несовмѣстимыхъ понятій, подстановку или умышленное смѣшеніе послѣднихъ; въ итогѣ цѣль автора признается совершенно чуждой наукѣ, а иногда и прямо ей враждебной.

Научной стороной не исчерпываются особенности труда г. Некрасова. Въ Россіи болѣе, чѣмъ за границей, дѣятель науки есть вмѣстѣ съ тѣмъ и общественный дѣятель, въ тѣсномъ смыслѣ слова, особенно когда онъ, подобно г. Некрасову, отвлеченные выводы точной науки переводитъ на языкъ конкретныхъ жизненныхъ представленій. Если столь несостоятельна научная сторона упоминаемаго труда, то каковъ же его идейный общественный смыслъ? Не выводя послѣдній изъ-подъ скобокъ quasi-научныхъ формулъ автора и предоставляя читателямъ сдѣлать это вмѣстѣ съ подстановкой въ надлежащихъ мѣстахъ конкретныхъ жизненныхъ фактовъ, прислушаемся къ тому, что̀ говоритъ г. Некрасовъ о назначеніи своего изслѣдованія. Оно преслѣдуетъ двѣ цѣли: „1) вернуть науку о чело-

вѣкѣ и ея преподаванія на вѣрный путь, отъ котораго наука, въ лицѣ нѣкоторыхъ ея представителей, уклонилась, породивъ умственныя и нравственныя колебанія, и 2) предохранить тотъ слой общества, который участвуетъ въ практическомъ управленіи и реформахъ государственной и общественной жизни, отъ опасной склонности направлять эту дѣятельность подъ вліяніемъ отвлеченностей, то эмпирическихъ, то идеалистическихъ, забывая тотъ единственный вѣрный практическій путь, который исходитъ изъ идеализма, согласованнаго съ конкретною дѣйствительностью посредствомъ тщательной индукціи". Такимъ образомъ, логика, опирающаяся на теорію вѣроятностей, вмѣстѣ съ ея философіей, въ научномъ истолкованіи г. Некрасова, открываетъ современному читателю прежде всего ту истину, что, во-первыхъ, есть преподаватели, уклоняющіеся въ сторону умственныхъ и нравственныхъ заблужденій, и что, во-вторыхъ, тому слою общества, „который участвуетъ въ практическомъ управленіи", не мѣшаетъ подумать о предохраненіи себя отъ столь опасныхъ дѣятелей. Если сопоставить съ этой истиной, своего рода научнымъ откровеніемъ, добытое столь же научнымъ путемъ разсужденіе о свободной („доброй" и „злой") волѣ, то вопросъ объ общественныхъ побужденіяхъ автора уясняется самъ собою. „Часто никакіе разумные доводы не могутъ воздѣйствовать на дурную свободную волю, и въ этомъ опять наглядно выражается ея свобода. Въ такихъ случаяхъ остается еще одинъ ключъ къ воздѣйствію на нее для ея исправленія: этотъ ключъ есть воздѣйствіе справедливою *репрессіей* или *наказаніемъ* (курсивы автора) за всякое осуществленіе ея позывовъ своего низменнаго хотѣнія во вредъ другимъ". Совершающій репрессію долженъ быть, по рецепту г. Некрасова, строгъ, но справедливъ; уклоняющійся „отъ этого долга" долженъ быть разсматриваемъ, какъ соучастникъ въ соотвѣтствующихъ актахъ злой воли. Требуя отъ исполнителей его репрессивной теоріи твердой справедливости, г. Некрасовъ, конечно, понимаетъ, что она составляетъ необходимое условіе разумно-объективнаго, чуждаго всякаго пристрастія отношенія къ предмету репрессіи; однако нѣкоторыя особенности стиля указываютъ на непослѣдовательность автора въ этомъ смыслѣ, ярко сказывающуюся тамъ, гдѣ рѣчь заходитъ о представителяхъ несимпатичныхъ ему умственныхъ и общественныхъ теченій: послѣднихъ онъ аттестуетъ паразитами, подлыми, плутами, болтунами и т. д., что едва ли обезпечиваетъ за изслѣдованіемъ необходимую степень научнаго безпристрастія.

Дѣло обстояло бы гораздо проще, еслибы субъективное отношеніе г. Некрасова къ трактуемымъ вопросамъ нашло себѣ самостоятельное выраженіе въ открытой пропагандѣ его излюбленныхъ идей. Правда,

эта пропаганда могла бы, своимъ содержаніемъ, совпасть безъ остатка съ тѣмъ, что пишутъ, напримѣръ, „Московскія Вѣдомости“ и имъ подобные органы. Зато осталась бы въ покоѣ наука, грузъ которой оказывается слишкомъ тяжелъ для философско-публицистическаго паренія автора въ высоту. Не то, чего добраго, иные припомнятъ изъ безсмертнаго творенія величайшаго нѣмецкаго гуманиста то мѣсто, гдѣ послѣдній возражаетъ діалектикамъ, утверждавшимъ, будто—„людямъ и ниспосланы науки и знаніе для того, чтобы умъ дополнялъ недостатки природы“... Слѣдуетъ пожалѣть науку.

III.

— Проблемы идеализма. Сборникъ статей: С. Н. Булгакова, кн. Е. Н. Трубецкого, П. Г., Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, С. А. Аскольдова, кн. С. Н. Трубецкого, П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковскаго, А. С. Лаппо-Данилевскаго, С. Ѳ. Ольденбурга, Д. Е. Жуковскаго. Подъ редакціей П. И. Новгородцева. Изданіе Московскаго Психологическаго Общества. М. 1902.

Эта книга представляетъ собою видное явленіе въ текущей литературѣ. Она является, по мысли издателей, отвѣтомъ на тѣ разнообразные запросы, которые снова предъявляются къ отвлеченной мысли, знаменуя собой значительный подъемъ въ обществѣ философскаго интереса. Тѣ направленія, которыя не признавали за философіей самостоятельнаго значенія или же пытались обосновать ее исключительно на эмпирическихъ данныхъ, утратили, по ихъ мнѣнію, свою руководящую роль, и въ обществѣ пробудилось стремленіе искать разрѣшенія вѣчныхъ запросовъ жизни и духа въ новомъ направленіи. Авторы статей, служащихъ выраженіемъ новаго движенія въ области философской мысли, понимаютъ осуществленіе своей задачи въ связи съ общими условіями современнаго развитія философіи. „Исходя отъ критическаго отношенія къ недавнему прошлому нашей мысли, связанному съ господствомъ позитивизма, говорится въ предисловіи, они смотрѣли и на ея будущее съ ожиданіемъ новыхъ перспективъ, не входившихъ въ программу позитивной философіи. Они отправлялись отъ убѣжденія, что современное критическое движеніе призвано не только утвердить науку на прочныхъ и истинно-положительныхъ основаніяхъ, но, сверхъ того, еще и отстоять необходимое разнообразіе запросовъ и задачъ человѣческаго духа, для котораго наука есть лишь одна изъ сферъ проявленія“.

На почвѣ отрицанія позитивизма сошлись писатели, въ большинствѣ случаевъ уже заявившіе себя на разнообразныхъ поприщахъ не только ученой, но и публицистической дѣятельности, слѣдовательно

стоявшихъ лицомъ къ лицу съ насущнѣйшими вопросами жизни, какъ они понимаются не только въ философскомъ умозрѣніи, но во всей наготѣ своего несоотвѣтствія съ идеаломъ. И тѣмъ характернѣе этотъ призывъ къ отвлеченному идеализму и религіозной вѣрѣ, которымъ новые идеалисты пытаются подорвать кредитъ опытнаго знанія и опиравшіяся на него научныя теоріи и направленія. Метафизическое мышленіе, кажется имъ, одно только способно обезпечить людямъ правильное рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ цѣлостнымъ представленіемъ о мірѣ, какого не въ силахъ представить позитивная наука. „Компетенція метафизики больше, чѣмъ положительной науки, какъ потому, что метафизика рѣшаетъ вопросы болѣе важные, нежели вопросы опытнаго знанія, такъ и потому, что, пользуясь умозрѣніемъ, она даетъ отвѣтъ на вопросы, которые не подъ силу опытной наукѣ".

Эти слова принадлежатъ г. Булгакову, автору самой, если можно такъ выразиться, метафизической статьи объ основныхъ проблемахъ теоріи прогресса. Эта статья, какъ и большинство остальныхъ, любопытна не только своей ультра-метафизической стороной, но и своими соотношеніями съ наиболѣе яркими и типичными теченіями современной общественной мысли. Въ своемъ стремленіи доказать безсиліе позитивной науки въ попыткахъ раскрыть высшій смыслъ историческаго процесса, который „есть не только эволюція, но и прогрессъ", авторъ особенно скептически относится къ наукѣ объ общественномъ развитіи, соціологіи, которая пріобрѣла столь исключительное значеніе среди другихъ наукъ, ставъ какъ бы „богословіемъ новой религіи". Теорія научнаго соціализма, въ ученіи Маркса и Энгельса, получившая наибольшій успѣхъ среди соціологическихъ системъ, убѣдительнѣе всего доказываетъ невозможность предсказать, при помощи данныхъ научнаго опыта, неизбѣжность наступленія въ будущемъ того соціологическаго строя, который является идеаломъ современныхъ марксистовъ. Останавливаясь на понятіи, что̀ значитъ предсказывать будущее, и характеризуя это понятіе, какъ точное опредѣленіе наступленія будущихъ событій, г. Булгаковъ готовъ признать за научной теоріей прогресса ея „наукообразность", но при этомъ ставитъ вопросъ, способна ли она удовлетворить тѣхъ, кто ищетъ въ ней твердаго убѣжища, основу и вѣры, и надежды, и любви. Подобнаго удовлетворенія не можетъ дать, по мнѣнію автора, ученіе, разсматривающее личность, безъ отношенія къ ея свободному развитію, опредѣленной нравственной природѣ и способностямъ, лишь какъ продуктъ историческаго развитія, который измѣняется вмѣстѣ съ послѣдними. Понятіе личности, носительницы абсолютныхъ задачъ, исчезаетъ въ марксизмѣ, выражаясь лишь въ чисто формальномъ единствѣ *я*. Естественно, что эта теорія совершенно упраздняетъ

формулу: свободное развитіе личности. „И снова,—говоритъ г. Булгаковъ,—позитивная наука стучится въ дверь метафизики...“ Осмыслить историческій процессъ предстоитъ особой дисциплинѣ, которая до сихъ поръ носила названіе философіи исторіи; по основному характеру ея философскаго содержанія, авторъ предлагаетъ назвать ее метафизикой исторіи.

Метафизика исторіи должна служить раскрытіемъ абсолютнаго въ относительномъ, опредѣлить отраженіе вѣчнаго сіянія абсолюта въ ограниченной рамкѣ пространства и времени. „Что же значитъ найти смыслъ исторіи? Это значитъ прежде всего показать, что исторія есть раскрытіе и выполненіе одного творческаго и разумнаго плана, что въ историческомъ процессѣ выражена міровая провиденціальная мысль“. Это и есть основная проблема не только метафизики и исторіи, но и всей нравственной философіи. Эта мысль приводитъ историческій процессъ въ конечномъ результатѣ ко благу, къ тому добру, оправданіе котораго давало исчерпывающее содержаніе философской дѣятельности покойнаго Вл. С. Соловьева. И обращаясь отъ абсолюта, міровыя цѣли котораго намъ въ данное время еще неизвѣстны, къ нашей собственной личности, мы слышимъ его властный, категорическій и неумолимый голосъ, вмѣняющій намъ въ нравственный законъ хотѣть добра ради самого добра. Задачей нравственной жизни съ этой точки зрѣнія является установленіе связи между абсолютнымъ и относительнымъ, заполненіе формы абсолютнаго долженствованія конкретнымъ жизненнымъ содержаніемъ. Здѣсь пріобрѣтаетъ свой raison d'être положительная наука, являясь орудіемъ нравственной воли; соціальныя науки въ частности призваны раскрывать добро и зло въ соціальной жизни.

Авторъ считаетъ философію необходимой для жизни теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей переживаемаго нами историческаго момента. „Всѣмъ извѣстно, какой кризисъ переживаетъ теперь рабочее движеніе, своимъ вѣроисповѣданіемъ считающее ученіе Маркса. Кризисъ этотъ не экономическаго и политическаго характера, напротивъ, самая его возможность обусловлена ростущею мощью движенія, но моральнаго, скажу даже—религіознаго характера. Мы уже знаемъ, что марксизмъ представляетъ собой самую яркую версію теоріи или религіи прогресса; онъ воодушевлялъ своихъ сторонниковъ вѣрой въ близкій и закономѣрный приходъ иного, совершеннаго общественнаго строя, конца—Vorgeschichte, и начала—Geschichte. Онъ силенъ былъ, такимъ образомъ, не своими научными, а своими утопическими элементами, не своей наукой, а своей вѣрой. Но вѣра эта, неправильно направленная, должна была разсѣяться или, по крайней мѣрѣ, ослабнуть вмѣстѣ съ ростомъ движенія. На

очередь становилось все больше практическихъ задачъ, заслонявшихъ конечныя цѣли. На смѣну прежнему соціально-политическому утопизму явился соціально-политическій реализмъ, связанный совершенно случайно съ именемъ Бернштейна. Современное развитіе отличается, такимъ образомъ, двустороннимъ характеромъ: съ одной стороны, усиливаются практическія завоеванія рабочаго сословія; съ другой, это же усиленіе убиваетъ прежнія религіозно-восторженныя вѣрованія; въ полумракъ святилища оно вноситъ дневной прозаическій свѣтъ. Упадокъ идеализма (въ данномъ случаѣ выражавшагося въ соціальномъ утопизмѣ) грозитъ понизить движеніе до полной духовной буржуазности, лишить его души, несмотря на всѣ практическія побѣды".

Кн. Е. Н. Трубецкой, въ статьѣ: „Къ характеристикѣ ученія Маркса и Энгельса о значеніи идей въ исторіи", подвергаетъ критической оцѣнкѣ нѣкоторыя положенія знаменитыхъ экономистовъ. Констатируя неясность самихъ основныхъ положеній экономическаго матеріализма, авторъ опровергаетъ прежде всего ту точку зрѣнія Маркса, которая придаетъ „матеріальнымъ производственнымъ силамъ", т.-е., очевидно, „способу производства", роль первоначальнаго двигателя исторіи. По ученію Маркса, сознаніе и воля людей не являются двигателями развитія экономической структуры общества; наоборотъ, процессъ развитія сознанія и воли находится въ нѣкоторой зависимости отъ производственныхъ силъ и производственныхъ отношеній. Точно также Энгельсъ указываетъ, что послѣднія причины общественныхъ переворотовъ слѣдуетъ искать не въ возростающемъ пониманіи людьми вѣчной правды и справедливости, а въ измѣненіяхъ способа производства и обмѣна, т.-е. не въ философіи, а въ экономіи каждой данной эпохи. „Въ настоящее время,—говоритъ кн. Трубецкой,—никто не станетъ отрицать важной роли экономическихъ причинъ въ исторіи; безспорная заслуга Маркса и его послѣдователей заключается въ томъ, что они подчеркнули и выдвинули ихъ значеніе. Но въ послѣдней инстанціи ходъ исторіи опредѣляется не экономическими причинами, а рядомъ такихъ первоначальныхъ данныхъ, которыя обусловливаютъ самое хозяйство, какъ и всѣ вообще проявленія общественной жизни: условіями той внѣшней среды, въ которой протекаетъ человѣческая жизнь, особенностями человѣческой психики индивидуальной и общественной и, наконецъ, тою горнею сферою *должнаго*, тѣмъ царствомъ цѣлей, которое, возвышаясь *надъ человѣкомъ*, дастъ направленіе его сознанію и дѣятельности".

Весьма ярка для характеристики нашего философскаго развитія статья г. П. Г., въ которой онъ, по поводу книги Ранскаго, „Соціологія Н. К. Михайловскаго", проводитъ ту мысль, что Н. К. Михайловскій составляетъ крупную величину не въ качествѣ соціолога, а

философа. Слѣдуя субъективному методу Конта, г. Михайловскій тоже разрывалъ рамки позитивизма". Понимая правду въ смыслѣ сочетанія правды-истины съ правдой-справедливостью, г. Михайловскій стоялъ лицомъ къ лицу съ такой философской проблемой цѣлостнаго воззрѣнія, которое объединяло сущее и должное въ одномъ построеніи и само по себѣ было метафизической по существу. „Ошибка г. Михайловскаго, осудившая его на почти полное философское безплодіе, состояла въ томъ, что онъ метафизическую проблему выражалъ въ понятіяхъ положительной науки и думалъ разрѣшить ея средствами. Соціологія, хотя бы и „субъективная", конечно, не могла дать отвѣта на грандіозный предъявленный къ ней метафизическій запросъ. Въ лицѣ философствовавшаго г. Михайловскаго оказалось два существа, не опознавшія себя и не размежевавшіяся между собой, а потому другъ другу только мѣшавшія. Положительная наука у него извращалась безсознательно метафизикой, а метафическую мысль тяготило, связывало и обезпложивало ея подчиненіе положительной наукѣ".

Конечно, положенія г. П. Г. далеко не безспорны. Авторъ нѣсколько легко разстается съ г. Михайловскимъ, какъ публицистомъ, но принципіально нельзя не согласиться съ его общимъ требованіемъ, чтобы публицистъ былъ прежде всего и главнымъ образомъ политикомъ, стоя на стражѣ общественно-политическихъ задачъ времени. Нельзя не остановиться еще и на томъ мѣстѣ статьи г. П. Г., гдѣ онъ, находясь, повидимому, въ полномъ единомысліи съ г. Струве, говоритъ объ отношеніи позитивно-критическаго марксизма послѣдняго къ метафизической проблемѣ объ отношеніи должнаго къ сущему (въ опытѣ). Соціальная психологія представляетъ удобную почву для насильственно-догматическаго сведенія должнаго къ сущему въ опытѣ.

„Если у субъективистовъ основное заблужденіе позитивизма вызываетъ противъ себя смутный некритическій протестъ, если у догматиковъ-матеріалистовъ оно составляетъ безсознательное предположеніе ихъ философствованія, то въ этой формѣ марксизма оно открыто провозглашается, съ полнымъ сознаніемъ того, что цѣльное міросозерцаніе не можетъ удовлетвориться въ этомъ пунктѣ просто критическимъ воздержаніемъ, но должно предложить совершенно опредѣленное рѣшеніе. Лишь очень внимательный и чуткій читатель могъ и тогда уже уловить въ рѣзкихъ рѣшеніяхъ Струве скрывавшуюся за ними внутреннюю неувѣренность въ правильности найденнаго исхода, мучившую автора, но имъ не сознанную и заглушенную; некритическая насильственность этого исхода должна была, однако, обнаружиться.

„Пересмотрѣвъ свое рѣшеніе, Струве отъ него отказался и, не признавъ возможнымъ ни критическаго воздержанія, ни психологи-

ческаго субъективизма,—открыто перешелъ къ метафизикѣ, т.-е., отпавъ отъ позитивизма, въ *философскомъ* отношеніи пересталъ быть и марксистомъ. Выраженіемъ этого поворота явилась книга Бердяева съ предисловіемъ Струве. Бердяевъ обнаруживаетъ въ своей книгѣ еще двойственное отношеніе къ метафизикѣ, Струве рѣшительно отдается ей. Метафизическое недоумѣніе „субъективистовъ", тщетно искавшее себѣ удовлетворенія въ позитивизмѣ, находитъ выходъ въ метафизикѣ".

Н. А. Бердяевъ выясняетъ сущность и смыслъ философской этики изъ противоположенія *сущаго* и *должнаго*. Не являясь научнымъ изслѣдованіемъ сущей нравственности, нравовъ и нравственныхъ понятій, она ставитъ возможное рѣшеніе нравственной проблемы за гранью обыденной, условной житейской морали и эмпирическаго добра и зла „съ ихъ печатью сущаго". Нравственный законъ — есть непосредственное откровеніе абсолютнаго,—это голосъ Божій внутри человѣка, онъ данъ „для міра сего", но онъ „не отъ міра сего". Эволюціонизмъ, съ этой точки зрѣнія, теряетъ, такимъ образомъ, свое значеніе для этики, но вмѣсто него пріобрѣтаетъ значеніе телеологическая идея прогресса.

Переходя къ вопросу объ отношеніи нравственной проблемы къ свободѣ и, въ частности, внутренней свободы къ свободѣ внѣшней, г. Бердяевъ такъ формулируетъ требованія философской этики: „Этика ясно и опредѣленно требуетъ осуществленія „естественнаго права" человѣческой личности и не допускаетъ въ этомъ отношеніи никакихъ компромиссовъ, этимъ самымъ она требуетъ гарантіи правъ гражданина; вмѣстѣ съ тѣмъ этика безусловно осуждаетъ классовые антогонизмы, какъ важнѣйшее препятствіе для развитія человѣка. Съ этической точки зрѣнія оправдываются всѣ усилія, направленныя къ завоеванію того минимума правъ, при которомъ только и возможно достойное человѣка существованіе; съ этической точки зрѣнія для человѣка позорно не отстаивать тѣхъ своихъ правъ, которыя являются необходимымъ условіемъ идеальнаго самоосуществленія. Еслибы съ точки зрѣнія естественной необходимости оказалось, что насиліе, несправедливость и угнетеніе человѣка должны увеличиваться, что свобода—неосуществимая мечта, то и тогда императивы эти остались бы въ полной силѣ, зло было бы не менѣе отвратительно, но только человѣчество должно было бы пасть въ борьбѣ съ нимъ".

Кн. С. Трубецкой посвящаетъ статью вопросу о томъ, чему учитъ исторія философіи. Съ высокой степенью убѣдительности и характеризующимъ этого писателя тонкимъ изяществомъ изложенія, авторъ указываетъ на необходимость историческаго изученія философіи, какъ идеальной образующей силы, освобождающей человѣчество отъ оковъ

духовнаго рабства, въ связи съ общей культурой; каждое отдѣльное ученіе должно быть понято въ своемъ отношеніи къ другимъ ученіямъ, ему современнымъ, предшествующимъ и послѣдующимъ, къ умственнымъ и нравственнымъ теченіямъ вѣка, словомъ—къ общему міросозерцанію эпохи.

Интересная статья П. И. Новгородцева, подъ заглавіемъ: „Нравственный идеализмъ въ философіи права", приводитъ читателя къ вопросу о возрожденіи естественнаго права, который въ послѣдніе годы снова привлекъ вниманіе русскихъ ученыхъ. Авторъ—горячій сторонникъ школы естественнаго права. „Въ качествѣ идеала, создаваемаго въ виду несовершенствъ существующаго порядка, естественное право можетъ служить для самыхъ различныхъ стремленій; но съ давнихъ поръ оно сроднилось съ индивидуализмомъ, какъ съ наиболѣе законной формой своего выраженія, и въ этомъ видѣ, на этой почвѣ, оно получило свое широкое развитіе. Дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ протестомъ противъ положительнаго права естественно-правовая идея всегда несетъ съ собою и протестъ противъ власти, отъ которой исходятъ положительные законы. Въ качествѣ границы для этой власти можно было указывать на высшій нравственный законъ, на волю Божію, какъ это часто дѣлали въ средніе вѣка, но еще чаще въ качествѣ противовѣса власти выставлялись притязанія отдѣльныхъ лицъ. Такой именно смыслъ имѣютъ естественно правовыя теоріи новаго времени, формулировавшія впервые идею неотчуждаемыхъ правъ личности. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, естественное право является выраженіемъ того самостоятельнаго абсолютнаго значенія личности, которое должно принадлежать ей при всякихъ формахъ политическаго устройства. Въ этомъ видѣ оно является болѣе, чѣмъ требованіемъ лучшаго законодательства: оно представляетъ протестъ личности противъ государственнаго абсолютизма, напоминающій о той безусловной моральной основѣ, которая является единственнымъ правомѣрнымъ фундаментомъ для общества и государства".

Въ полномъ объемѣ „Сборникъ" производитъ двойственное впечатлѣніе: съ философской стороны онъ, несомнѣнно, представляетъ большой интересъ, какъ показатель новѣйшихъ теченій умственной и духовной жизни нашего общества; своимъ призывомъ въ область вѣры и религіознаго воодушевленія къ идеаламъ добра и правды, онъ способенъ вызвать въ читателѣ бодрящее настроеніе и поднять падающую вѣру въ жизнь и людей. Но общественная оцѣнка „Сборника", вѣроятно, разойдется съ чисто-философской, и призывъ по ту сторону положительнаго знанія, не давая (въ общественномъ смыслѣ) ничего взамѣнъ отвергаемаго, кромѣ соблазнительныхъ обѣщаній высшей гармоніи, можетъ быть истолкованъ иными, какъ своего рода почет-

ный выходъ для уклоненія отъ участія въ рѣшеніи ничтожныхъ, съ точки зрѣнія абсолюта, но на дѣлѣ весьма существенныхъ вопросовъ, которые выдвигаются повседневной жизнью и держатъ мысль и совѣсть въ непрестанной тревогѣ и борьбѣ. И нѣтъ ли здѣсь причинной зависимости, подъ безусловность которой, впрочемъ, такъ усердно подкапываются гг. метафизики, между возвратомъ къ метафизической философіи и тѣмъ состояніемъ общества, при которомъ дѣйствительность кажется столь неприглядной, что возникаетъ невольное стремленіе бѣжать отъ бездны отчаянья и скорби и, забывъ „скучныя пѣсни земли", утонуть въ созерцаніи абсолютныхъ идей и всемірной гармоніи?

IV.

— Н. Г. Молоствовъ. Борецъ за идеализмъ (А. Л. Волынскій). Второе изданіе Спб. 1903.

О г. Волынскомъ мы говорить не будемъ. Онъ представляетъ собою настолько опредѣлившуюся величину, какъ въ общественномъ, такъ и въ литературномъ смыслѣ, что едва ли кто-либо сознательно рѣшится поставить г. Волынскаго на ряду съ писателями, которые явились выразителями создающагося на нашихъ глазахъ идеалистическаго направленія. Можно только пожалѣть г. Молоствова, который беретъ г. Волынскаго подъ свою защиту и находитъ возможнымъ связывать въ одномъ представленіи имя своего protégé съ понятіемъ объ идеализмѣ, придавая послѣднему, такимъ образомъ, извращенный смыслъ.

„Нарисовавъ нѣсколько моментовъ изъ критико-философской дѣятельности А. Л. Волынскаго,—говоритъ г. Молоствовъ,—я этимъ хотѣлъ послужить, по мѣрѣ моихъ силъ, дѣлу идеализма и, по возможности, представить практическій матеріалъ, дающій живое представленіе о безпримѣрно одинокомъ положеніи смѣлаго агитатора за идеализмъ среди дѣятелей современной печати". Г. Молоствовъ приводитъ газетные отзывы о лекціяхъ г. Волынскаго, въ которыхъ шла рѣчь, по энергичному репортерскому опредѣленію, объ „оплеваніи" русской литературы въ лучшихъ ея представителяхъ, возмущается единодушнымъ негодованіемъ печати и общества, припоминаетъ печальный случай, происшедшій нѣсколько лѣтъ назадъ на юбилеѣ одного изъ писателей, гдѣ г. Волынскій вызвалъ скандалъ однимъ своимъ появленіемъ,—таковы моменты, которымъ авторъ безъ колебанія придаетъ серьезную и положительную окраску. Не беремся рѣшить, чего больше въ защитѣ г. Молоствова—наивнаго увлеченія по-

двигами г. Волынскаго, или извращеннаго пониманія самыхъ простыхъ требованій здраваго смысла, литературной и общественной этики. Одно можемъ отмѣтить съ увѣренностью, что эта защита, какъ и предметъ ея—критико-философская дѣятельность г. Волынскаго,—производятъ впечатлѣніе факта прискорбнаго и въ существѣ своемъ непривлекательнаго.—Евг. Л.

V.

— Дебидуръ. Политическая исторія XIX вѣка. Исторія внѣшнихъ сношеній европейскихъ державъ съ 1814 по 1878 г. Т. I. Священный союзъ. Спб. 1903.

Книга Дебидура во французскомъ подлинникѣ (Histoire diplomatique de l'Europe depuis l'ouverture du congrès de Vienne jusqu'à la clôture du congrès de Berlin) вышла въ свѣтъ въ двухъ томахъ еще въ 1891 г. До сихъ поръ, однако, это—лучшій компендій для исторіи внѣшнихъ сношеній европейскихъ державъ въ теченіе двухъ-третей XIX в., отъ вѣнскаго конгресса до конгресса берлинскаго, и такъ какъ на русскомъ языкѣ нѣтъ ни одного сочиненія, посвященнаго этому предмету, то нельзя не сочувствовать появленію книги Дебидура въ русскомъ переводѣ, какъ книги хорошей и полезной. Намъ нерѣдко приходилось обращаться къ ней при работѣ надъ IV и V томами „Исторіи Западной Европы въ новое время"; уже давно мы находили желательнымъ видѣть ея появленіе въ русскомъ переводѣ, какъ именно хорошей и полезной книги. Но особенно отмѣтить выходъ въ свѣтъ этого перевода заставляетъ насъ еще одно обстоятельство. Переводъ—подъ редакціей А. А. Пиленка, прив.-доц. петербургскаго университета по каѳедрѣ международнаго права,—сдѣланъ студентами названнаго университета въ видѣ перваго опыта въ предпринятомъ г. Пиленкомъ и еще нѣсколькими лицами дѣлѣ организаціи трудовой помощи среди студентовъ, и съ этой стороны нельзя не пожелать особаго успѣха разсматриваемому изданію. Трудовая помощь—одна изъ лучшихъ формъ помощи недостаточнымъ студентамъ, но ее особенно трудно организовать, и все, что только можетъ ей содѣйствовать, должно находить въ обществѣ особую поддержку. Уже трудъ надъ переводомъ I тома книги Дебидура доставилъ заработокъ одиннадцати молодымъ людямъ, а вся чистая выручка отъ продажи изданія пойдетъ на продолженіе этого хорошаго дѣла, развитіе котораго, такимъ образомъ, будетъ находиться въ зависимости отъ большаго или меньшаго сочувствія публики. Повидимому, организаторы и руководители предпріятія разсчитываютъ издать такимъ образомъ цѣлую серію книгъ: по крайней мѣрѣ, первый томъ книги Дебидура

отмѣченъ какъ первый выпускъ „Библіотеки общественныхъ знаній“. Насколько мы просмотрѣли, какъ сдѣланъ переводъ, онъ въ общемъ весьма удовлетворителенъ, а мѣстами даже очень хорошъ—въ зависимости, конечно, отъ разныхъ степеней способности къ работѣ подобнаго рода отдѣльныхъ переводчиковъ, но видно, что и общій редакторъ перевода, г. Пиленко, потрудился надъ нимъ немало, въ чемъ нельзя не видѣть и гарантіи точной передачи подлинника.

Въ первомъ томѣ книги Дебидура исторія международной политики доводится до 1848 г.; во второмъ, носящемъ подзаголовокъ: „La révolution“, разсматривается слѣдующее тридцатилѣтіе, и онъ будетъ еще интереснѣе для русскихъ читателей.

Прибавлю еще, что цѣна книги—полтора рубля за тридцать печатныхъ листовъ—болѣе, чѣмъ умѣренная.—Н. Карѣевъ.

VI.

— *С. К. Говоровъ.* Брачный вопросъ въ быту учащихъ начальной школы. М. 903. Ц. 25 к.

Изъ вступительныхъ словъ брошюры видно, что собственно дѣло въ ней идетъ не о „брачномъ вопросѣ въ быту учащихъ начальной школы“, а о другомъ совершенно предметѣ. Въ нашихъ начальныхъ школахъ,—говоритъ авторъ (стр. 2),—„почему-то признается возможнымъ, если не всегда оффиціально, то частно, выступать съ предъявленіемъ къ учащимъ такихъ требованій по поводу ихъ вступленія въ бракъ, которыя фактически существенно ограничиваютъ ихъ свободу перехода изъ одинокаго состоянія въ семейное и приводятъ иногда дѣло къ вынужденному ихъ безбрачію. Еще не такъ удивительно было бы примѣненіе этихъ стѣсненій въ мірѣ казенныхъ школъ, гдѣ правящія власти могутъ въ такихъ случаяхъ хотя опереться на 9-ю статью X-го тома, но совершенно непонятно, со стороны чисто формальной, *въ силу какихъ законныхъ основаній тѣ или другія стѣсненія въ этой области могли бы практиковаться со стороны общественныхъ учрежденій въ отношеніи учащихъ ихъ вѣдомства*, ибо тутъ эта статья (9-я X-го тома) и не можетъ представлять точки опоры“? Вотъ, повидимому, тотъ настоящій вопросъ, который интересуетъ автора; въ доказательство же того, что уже состоялось одно оффиціальное постановленіе по этому предмету, авторъ помѣщаетъ въ приложеніи къ брошюрѣ утвержденный петербургскою городскою Думою, въ 1897 г., „Порядокъ опредѣленія на учительскія должности въ начальныхъ народныхъ училищахъ г. С.-Петербурга“. Въ этихъ правилахъ, между прочимъ, сказано:

„§ 16. Лица, допущенныя къ должности замѣстительницы или къ должности учительницы, при выходѣ замужъ, вмѣстѣ съ симъ, считаются сложившими съ себя званіе учащаго“.

Но и помимо отсутствія „законныхъ основаній“ къ подобному постановленію городской Думы, авторъ, съ другой стороны, задается вопросомъ по существу: „Чѣмъ, спрашивается, мотивируются эти стѣсненія и ограниченія“?..

„Обыкновенно, — отвѣчаетъ авторъ, — мотивами къ тому выставляются соображенія школьныхъ пользъ и интересовъ: учитель или учительница, въ особенности если они безбрачны, могутъ безраздѣльно отдаваться школьному дѣлу; они аккуратнѣе по службѣ, въ жизни ихъ скорѣе не встрѣтится вредныхъ для школы осложненій, къ которымъ можетъ приводить брачное состояніе учащаго, — это обычные открытые мотивы для мѣропріятій указаннаго характера. Едва-ли, однако, мы ошибемся, если къ этимъ мотивамъ прибавимъ еще и другіе, болѣе интимнаго свойства: кажущуюся бо̀льшую легкость управленія учительскимъ персоналомъ, не имѣющимъ за собою семьи; кажущуюся бо̀льшую выгодность имѣть на службѣ одинокихъ, для которыхъ не нужно въ такой мѣрѣ заботиться объ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія и квартиръ, которые не потребуютъ лишнихъ расходовъ ни на пособіе имъ въ затруднительныхъ случаяхъ, ни на воспитаніе ихъ дѣтей и т. п.

„Какіе изъ этихъ мотивовъ преобладаютъ въ школьной политикѣ покровительства безбрачію учащихъ, трудно взвѣсить и опредѣлить въ точности, только несомнѣнно, что и тѣ, и другіе находятъ себѣ въ этомъ дѣлѣ примѣненіе.

„Изъ нихъ первые, какъ наиболѣе часто приводимые и касающіеся школьныхъ пользъ и интересовъ, заслуживаютъ, конечно, особаго вниманія и особенно серьезнаго анализа, хотя не слѣдуетъ упускать изъ виду и вторыхъ.

„На ряду съ этимъ, однако, небезполезно задать себѣ вопросъ: не можетъ ли и безбрачное состояніе учащихъ приводить къ отрицательнымъ результатамъ для школьнаго дѣла и его интересовъ. Не вліяетъ ли оно угнетающимъ образомъ на обычное настроеніе учащаго? Не страдаетъ ли отъ этого здоровье учащихъ. Не отражается ли, при этихъ условіяхъ, безбрачіе учащаго вредно и на учебно-воспитательномъ дѣлѣ его по школѣ“?

Для правильнаго, по мнѣнію автора, и безпристрастнаго рѣшенія всѣхъ поставленныхъ имъ вопросовъ онъ прибѣгнулъ къ подачѣ голосовъ. „Предметъ спроса, — говоритъ онъ, — по деликатности и щекотливости своей не позволялъ надѣяться на большое число отвѣтовъ при незначительномъ числѣ опросныхъ писемъ; поэтому мною

разослано было до 700 такихъ писемъ. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ не были (?) получены; на громадное большинство я, какъ и слѣдовало (?) ожидать, не получилъ никакого отвѣта; тѣмъ не менѣе, мною все-таки было получено, и довольно скоро, значительное число отвѣтныхъ корреспонденцій",—а именно, авторъ получилъ на 700 разосланныхъ имъ писемъ отвѣтъ отъ одной-десятой ихъ части,—а именно, 70 корреспонденцій. И вотъ общій результатъ этой любопытной подачи голосовъ, для рѣшенія возбужденнаго вопроса баллотировкой:

„Изъ общаго числа,—по словамъ автора,—этихъ 70-ти отвѣтовъ 13 получены мною отъ учителей (9-ти городскихъ и 4-хъ сельскихъ) и 57—отъ учительницъ (50-ти городскихъ и 7-ми сельскихъ). Изъ учителей отвѣтили: 2 холостыхъ (въ возрастѣ 26-ти лѣтъ), 10 женатыхъ (въ возрастѣ отъ 22 до 50-ти лѣтъ) и одинъ вдовецъ (въ возрастѣ свыше 60-ти лѣтъ). Изъ учительницъ отвѣтили: 44 дѣвицы (2 не указавшія возраста, а остальныя—въ возрастѣ отъ 22-хъ до 49-ти лѣтъ), 11 замужнихъ (въ возрастѣ отъ 28-ми до 42-хъ лѣтъ) и 2 вдовы (одна—въ возрастѣ около 30-ти лѣтъ, а другая—возраста своего не указавшая). Изъ отвѣтившихъ учительницъ-дѣвицъ лишь 4 оказались въ возрастѣ моложе 25-ти лѣтъ, всѣ же остальныя (т.-е. 40) оказались въ возрастѣ 25 лѣтъ и болѣе.

„Изъ 70-ти корреспондентовъ и корреспондентокъ высказались *за предпочтительность брачнаго состоянія учащихъ:* учителей—11 человѣкъ (въ томъ числѣ 1 холостой, 9 женатыхъ и 1 вдовецъ); учительницъ—35 человѣкъ (въ томъ числѣ 10 замужнихъ, 1 вдова и 24 дѣвицы въ возрастѣ отъ 22-хъ до 46-ти лѣтъ) и оказались *не противъ брачнаго состоянія учащихъ:* изъ учительницъ-дѣвицъ—8 (въ возрастѣ отъ 30 до 45 лѣтъ, преимущественно—между 30-ю и 40-ка годами); замужняя—1 и учительница-вдова—1. Такимъ образомъ, всѣхъ корреспондентовъ, высказавшихся за брачность учащихъ и не противъ нея, оказалось 56 человѣкъ (11 учителей и 45 учительницъ), или *80*% всѣхъ отвѣчавшихъ. *Противъ брачнаго состоянія учащихъ* или *за предпочтительность ихъ безбрачія* высказались: изъ учителей—1, сельскій и женатый, возражавшій лишь противъ брачности учительницъ, и 1 городской, возражавшій противъ брачности учителей лишь при современной постановкѣ школьнаго дѣла; а изъ учительницъ—12 дѣвицъ, въ возрастѣ отъ 25-ти до 49-ти лѣтъ, въ томъ числѣ 5—въ возрастѣ до 30-ти лѣтъ включительно и 7—въ возрастѣ за 30-ю годами. Такимъ образомъ, всѣхъ, высказавшихся, и вполнѣ, и отчасти, за безбрачіе и за предпочтительность безбрачія учащихъ, оказалось *14* человѣкъ (2 учителя и 12 учительницъ), т.-е. всего *20*%".

Засимъ, авторъ весьма тщательно дѣлаетъ извлеченія изъ писемъ

какъ pro, такъ и contra; эти извлеченія и составляютъ главное содержаніе брошюры, которая заканчивается помѣщеніемъ полностью двухъ писемъ учительницъ, одной—сельской, а другой—городской, и выдержки изъ письма одного старика-учителя городской школы; всѣ они говорятъ о пользѣ брака для школы, но изъ писемъ противоположнаго содержанія не приведено полностью ни одного. Безъ объясненія оставляетъ авторъ и вопросъ: почему изъ 700 учащихъ—630 оставили его безъ отвѣта; это, по меньшей степени, мало понятно, и авторъ не дѣлаетъ попытки къ объясненію, почему процентъ не считавшихъ нужнымъ отвѣчать на такой вопросъ такъ великъ!

Интересующіеся знать подробно извлеченное изъ тѣхъ 70 корреспонденцій найдутъ все это въ брошюрѣ, а мы перейдемъ прямо къ заключенію автора, которое, какъ легко увидитъ каждый, не только не оправдываетъ его идей, но, напротивъ того, говоритъ противъ семейныхъ учительницъ, и говоритъ даже гораздо болѣе, нежели могли бы сказать ихъ противники.

„Всѣ разсмотрѣнные нами факты,—по мнѣнію автора,—склоняютъ насъ, такимъ образомъ, къ тому убѣжденію, что со стороны учрежденій и лицъ, открывающихъ и вѣдающихъ начальныя школы, не только не цѣлесообразно относиться враждебно или отрицательно къ брачному состоянію учащихъ въ этихъ школахъ, но, напротивъ, было бы цѣлесообразнѣе, какъ во имя справедливости, такъ и въ интересахъ самого школьнаго дѣла, принять съ своей стороны всѣ *мѣры для облегченія учащимъ возможности безпрепятственно вступать въ бракъ, не покидая школьной службы*“ (курсивъ автора).

„Какія же для этого нужны мѣры“?—спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Въ тѣхъ же учительскихъ письмахъ есть указанія на цѣлый рядъ такихъ *мѣръ*. Большинство этихъ указаній сводится, главнымъ образомъ, къ тому, что для безпрепятственнаго вступленія учащихъ въ бракъ нужно было бы: 1) *улучшеніе ихъ матеріальнаго положенія* въ такой мѣрѣ, чтобы вознагражденіе ихъ могло хватать на безбѣдное, не только одинокое, но и *семейное* существованіе; 2) *обезпеченіе брачныхъ учащихъ* достаточно помѣстительными и изолированными *квартирами при школѣ*; 3) *обезпеченіе учащимъ помощи въ дѣлѣ воспитанія ихъ дѣтей*, въ видѣ безплатнаго обученія ихъ или учрежденія для нихъ стипендій въ учебныхъ заведеніяхъ, устройства для нихъ интернатовъ по городамъ, учрежденія учительскихъ пенсій и т. п.; 4) *облегченіе учащимъ тяжести ихъ школьнаго труда*; 5) *обезпеченіе учащимъ путей къ свободному общенію ихъ между собою и съ обществомъ*, и 6) *обезпеченіе замужнихъ учительницъ отпусками и пра-*

вильно организованнымъ замѣстительствомъ на время родовъ, болѣзни ихъ и дѣтей" и т. п. (курсивы автора).

Надобно думать, что безъ принятія всѣхъ этихъ „мѣръ" семейные учащіе, и по мнѣнію автора, не могутъ быть признаны полезными, а принятіе самыхъ мѣръ таково, что оно потребовало бы отъ общественныхъ управленій, содержащихъ училища на свой счетъ, не только расходовъ на содержаніе училищъ, но и на поддержку семейнаго начала въ средѣ учащихъ: выходящія замужъ должны получать, по 1 п., въ виду семейнаго существованія, бо̀льшее содержаніе, нежели незамужнія; при увеличеніи семейства, чего нельзя имъ не желать, по 2 п., нужно дать болѣе помѣстительную квартиру, и кромѣ того, квартира должна быть отдѣлена отъ школы, а потому при школѣ необходимо нанять особое лицо для завѣдыванія школьною квартирой и ея инвентаремъ; по п. 3, городъ долженъ взять на себя обезпеченіе помощи воспитанія дѣтей учащихъ, и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, и по мнѣнію автора, только при принятіи всѣхъ упомянутыхъ мѣръ семейные учащіе окажутся даже весьма полезными для училищъ, а, съ другой стороны, принятіе такихъ мѣръ поставитъ городъ въ необходимость заботиться не только о народномъ образованіи, но не менѣе того и о замужествѣ учащихъ, и о наилучшемъ устройствѣ ихъ семейной жизни; въ иныхъ же случаяхъ, когда учащая можетъ выйти замужъ—что̀ случается—за неокончившаго курсъ учащагося въ одномъ изъ высшихъ среднихъ заведеній, то, пожалуй, городу придется позаботиться и о содержаніи мужа—не говоря уже дѣтяхъ, о наймѣ для нихъ кормилицъ, нянь и т. п. Перечисленіемъ тѣхъ „мѣръ" авторъ скорѣе испортилъ свою защиту преимуществъ семейныхъ учащихъ предъ несемейными, хотя, съ другой стороны, нельзя не признать, что онъ вполнѣ правъ, утверждая, что всѣ тѣ мѣры необходимы для устраненія возраженій противъ пользы семейныхъ учащихъ; придется только все это отнести къ числу „добрыхъ намѣреній".

Автору, какъ мы замѣтили выше, слѣдовало бы лучше, вмѣсто рѣшенія возбужденнаго имъ вопроса путемъ подачи голосовъ, обратить свое вниманіе на то, что въ Германіи оспариваемый имъ порядокъ существуетъ цѣлыми десятками лѣтъ, а нѣмцамъ трудно отказать въ пониманіи условій благоустройства школьнаго дѣла особенно въ области народной школы.

На вопросъ одному изъ завѣдующихъ инспекціею берлинскихъ народныхъ школъ:—на основаніи какого закона въ Германіи дѣлаютъ такое установленіе, онъ объяснилъ намъ, что на это и не нужно никакого закона, такъ какъ поступленіе на службу учащаго есть результатъ его договора съ городомъ, какой можетъ заключить и частное лицо, не нарушая никакого закона, а именно—взять воспитательницу для

своихъ дѣтей и заявить ей, что, въ случаѣ вступленія ея въ бракъ, она должна будетъ уступить мѣсто другой; то же самое дѣлаетъ и городъ: учительница, вступая въ должность, подписываетъ „Revers"— даетъ подписку, что она, въ случаѣ выхода замужъ, извѣститъ о томъ инспекцію, а затѣмъ городской магистратъ (управа) выдаетъ ей впередъ за три мѣсяца жалованье, съ пожеланіями всего лучшаго въ бракѣ, мѣсто же ея занимаетъ новая учительница тѣмъ же порядкомъ; если учительница, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы, вышла замужъ и потомъ овдовѣла, то она снова принимается на службу, и съ разрѣшенія городского магистрата ей зачисляются къ пенсіи прежніе годы ея службы. Такой порядокъ установился въ Пруссіи и въ Германіи, вслѣдствіе всеобщаго признанія свѣдущими въ школьномъ дѣлѣ людьми невыгоднымъ для успѣховъ училищнаго дѣла соединенія обязанностей учительницы и матери семейства; и такой порядокъ, продолжаясь десятки лѣтъ, не вызывалъ тамъ никакихъ возраженій и никѣмъ не было дѣлано попытокъ къ перерѣшенію его путемъ подачи голосовъ. Вышеупомянутое правило, утвержденное здѣшнею городскою Думою, очевидно, повторяетъ только то, что давно установлено въ Германіи— за исключеніемъ награды учительницамъ, выходящимъ замужъ—въ видѣ свадебнаго подарка, и что, по нашему мнѣнію, также слѣдовало бы усвоить и у насъ.—М. М.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ были получены Редакціею нижеслѣдующія книги и брошюры:

Абаза, К. К. — Книга для чтенія въ военныхъ школахъ и казармахъ, въ школахъ воскресныхъ и вечернихъ классахъ для взрослыхъ. Съ 27 картин. и планами. 8-е исправл. изд. Спб. 903. Ц. 60 к.

Анненская, А. Н. — Свѣтъ и тѣни. Повѣсти и разсказы для дѣтей. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Баженовъ, д-ръ мед., Н. Н.—Психіатрическія бесѣды на литературныя и общественныя темы. М. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Битовтъ, Юр. — Графъ Л. Н. Толстой въ литературѣ и искусствѣ. Подробный библіографическій указатель русской и иностранной литературы о гр. Л. Н. Толстомъ. Со многими портретами гр. Толстого. М. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Боденштедтъ, Фр.—Пѣсни Мирзы-Шаффи. Перев. съ нѣм. 160-го изданія И. С. Проданъ. 1-ый вып. Юр., 903. Ц. 40 коп.

Будищевъ, Ал. Н.—Я и Онъ. Разсказы. Спб. 903. Ц. 1 р.

Бутовскій, А. Д. — Система шведской педагогической и военной гимнастики. Изд. 2-е. Спб. 903. Ц. 1 р. 35 к.

Введенскій, Арс. И. — Литературныя характеристики. Послѣднія произведенія Тургенева, Гончарова, Достоевскаго,—Сатиры Щедрина.—Литературное народничество. Гл. Успенскій. Н. Златовратскій. Спб. 903. Ц. 2 р.

Вольманъ, П. С.—Опека и попечительство. Спб. 903. Ц. 60 к.

Георгіевскій, П. И. — Краткій учебникъ политической экономіи. 2-е изд., исправл. и дополн. Спб. 903. Ц. 1 р.

Говоровъ, С. К. — Брачный вопросъ въ быту учащихъ начальной школы. М. 903. Ц. 25 к.

Гордѣевъ, П. Р.—Въ глуши родныхъ степей. 250 верстъ по Донской области. Спб. 903.

Гротъ, Я. К. — Труды. V: Дѣятельность литературная, педагогическая и общественная. Статьи, путевыя впечатлѣнія, замѣтки, стихи и дѣтское чтеніе. Изд. п. р. проф. К. Я. Грота. Спб. 903. Ц. 3 р.

Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И.—Путеводитель по Туркестану и средне-азіатской желѣзной дорогѣ, съ историческимъ очеркомъ сооруженія и эксплоатаціи закаспійской военной желѣзной дороги и очеркомъ сооруженія Оренбургъ-Ташкентской желѣзной дороги, составленнымъ В. Антипинымъ, п. р. Н. Левашева. Съ портретами, 230 фото-типогравюрами и картою средне-азіатскихъ владѣній. Спб. 903.

Доманскій, Н.—Среди душевно-больныхъ. Виленская окружная психіатрическая лечебница. Наблюденія и впечатлѣнія. В. 903. Ц. 25 к.

Евреиновъ, Г. А.—Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ. Спб. 903.

Елпатьевскій, С. — Въ кухнѣ, разск. Изд. вятскаго земства. Вятка. 901. Ц. 5 к.

Захарьинъ (Якунинъ), И. Н. — Встрѣчи и воспоминанія. Изъ литературнаго и военнаго міра. Спб. 903. Ц. 1 р. 75 к.

Зибекъ, Г., проф. — Прогрессъ, какъ нравственная задача. Съ нѣм., п. р. проф. С. Н. Булгакова. Кіевъ, 903. Ц. 20 к.

Зудерманъ, Г. — Собраніе драматическихъ сочиненій. Т. II. Перев. п. р. К. Бальмонта. М. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Измайловъ, А. А. (Смоленскій). — Въ бурсѣ. Бытовая хроника въ 2 ч. Третья книжка разсказовъ: Oder mortis (Запахъ смерти). — Христославы.— Досиѳеевъ грѣхъ.—Хиромантикъ. Спб. 903. Ц. 1 р.

Карѣевъ, Н. — Государство-городъ античнаго міра. Опытъ историческаго построенія политической и соціальной эволюціи античныхъ гражданскихъ общинъ. Съ 2 историч. картами. Спб. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Клоссовскій, А. — Матеріалы къ вопросу о постановкѣ университетскаго дѣла въ Россіи. Од. 903.

Ковоплянскій, I. С.—Наслѣдственность или вѣчное упражненіе? Гипотезы дилетанта. Вильна. 903. Ц. 35 к.

Коллонтай, А. М.—Жизнь финляндскихъ рабочихъ. Экономическое изслѣдованіе. Спб. 903. Ц. 2 р. 35 к.

Кругловъ, А. В.—Вчера и сегодня. Повѣсти и разсказы. М. 903. Ц. 1 р.

Куракинъ, кн. Ѳ. А.—Девятнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, изд. п. р. В. Н. Смольянинова. Т. I. М. 903. Ц. 4 р.

Лавриновичъ, Ю. Н. (Надеждинъ).—Очерки французской общественности: I. Журнализмъ и журналисты.—II. Рабочіе союзы.—III. Армія просвѣщенія.— IV. Демократизація науки.—Заботы о будущемъ человѣчествѣ. Спб. 903. Цѣна 1 р. 25 к.

Ласкоревъ, В.—Фауна Бугловскихъ слоевъ Волыни. Съ 5 табл. Спб. 903.

Лемке, Мих.—Думы журналиста. Спб. 903. Ц. 1 р. 25 к.

Либровичъ, Спг.—Неполомицкій Царевичъ. Спб. 903. Ц. 1 р.

Лидовъ, А. П.—Введеніе въ химическую технологію. Съ 34 рис. Харьк. 903.

Липпсъ, І.—Основы психо-физики. Перев. Г. Котляра. Спб. 903. Ц. 40 к.

Ломакинъ, К.—Разсказы. М. 903. Ц. 80 к.

Мижуевъ, П. Г.—Средняя школа въ Германіи. Спб. 903. Ц. 60 к.

——— Народное образованіе и реформа средней школы въ Норвегіи, по Отто Андерсону и др. источникамъ. Спб. 903. Ц. 50 к.

Никитинъ, А. Ф. — Питаніе матросовъ пассажирскихъ пароходовъ рѣки Волги. Спб. 903.

Нордау, Максъ. — Собраніе сочиненій. Съ нѣм., п. р. В. Михайлова. I. Рѣчи. II. Докторъ Конъ. III. Письма изъ Парижа. Т. XII. Кіевъ, 903. Цѣна 12 т.—6 р.

Овсянико-Куликовскій, Д., проф.—Н. В. Гоголь. М. 903. Ц. 1 р.

Первовъ, П. Д. — Проложеніе перваго телеграфа черезъ океанъ. М. 903. Ц. 35 к.

Платонъ. — Творенія. Перев. съ греч. Влад. Соловьева, М. С. Соловьева и кн. С. Н. Трубецкого. Т. II. М. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Полиновскій, Н. Б. — Среди босяковъ. Очерки и разсказы. Изд. 2-е. Од. 903. Ц. 15 к.

Полторацкій, Алексѣй. — Старымъ варяжскимъ путемъ. Плаваніе кадетъ Полоцкаго корпуса въ 1901 г. изъ Полоцка до Рижскаго залива на яхтѣ „Константинъ". Спб. 903. Ц. 80 к.

Поляковъ, М.—Сіонизмъ и евреи. Спб. 903. Ц. 30 к.

Пушкинъ, А. С.—Сочиненія и письма. Т. I: Мелкія стихотворенія, 1812—1824. Критически провѣренное и дополненное по рукописямъ изданіе, съ біографическимъ очеркомъ, вступительными статьями, объяснительными примѣчаніями и художественными приложеніями, п. р. П. О. Морозова. Спб. 903.

Ренанъ, Эрн. — Собраніе сочиненій. Т. XII: 1) Историческія статьи. 2) Очерки по исторіи искусства и культуры. Кіевъ, 903. Ц. за 12 т.—6 руб.

Роменскій, Ю. А. — Рамайяна. Индійская эпическая поэма. Съ нѣм. Спб. 903.

Сандръ.—Разсказы. Спб. 903. Ц. 1 р.

Санъ-Галли, Фр. К.—„Curriculum vitae". Спб. 903.

Сениговъ, Ѳ. П.—Памятники земской старины. Спб. 903.

Сиверсъ, В., проф. — Серія сочиненій по всемірной географіи: Африка, проф. Ф. Гана. Полный перев. съ 2-го изд. Д. А. Коропчевскаго. 200 илл. въ текстѣ, 11 картъ и пр. 15 выпусковъ, по 50 к. Спб. 902.

Скромный читатель,—Сонъ: Максимъ Горькій и всѣ „нынѣшніе". Поэма. Од. 903. Ц. 20 к.

Скуратовъ, Пав., актеръ. — Сказки, былины, легенды. Съ рисунк. Кіевъ. 903. Ц. 2 р.

Столповская, Анна.—„Проявленіе упадка во Франціи". По національнымъ источникамъ. М. 903. Ц. 1 р.

Тотоміанцъ, В.—Мощь коопераціи. М. 903. Ц. 15 к.

Трепицынъ, И. Н. — Переходъ права собственности на движимыя имущества посредствомъ передачи и соглашенія. Од. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Тущинскій, Д. А. — Попечительства о народной трезвости въ 1900 году. Спб. 903.

Хлопинъ, Г. В., проф. — Гигіена городовъ. Съ рис. въ текстѣ. Юрьевъ. 903. Ц. 50 к.

Шалландъ, Л.—Юридическая природа территоріальнаго верховенства. Историко-догмат. изслѣдованія. Т. I. Спб. 903. Ц. 2 р.

Шершеневскій. Г. Ф.—Учебникъ торговаго права. Каз. 903. Ц. 2 р. 50 к.

Шотте, Ф.—Самыя необходимыя предохранительныя приспособленія при сельско-хозяйственныхъ машинахъ для огражденія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Съ нѣм. Г. Н. и В. Н. Сахновскія. Кіевъ. 903. Ц. 1 р.

Языковъ, Дм.—Графиня Параскева Ивановна Шереметева. Біограф. очеркъ. М. 903. Ц. 20 к.

——— Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ. Біограф. очеркъ. М. 903. Цѣна 20 коп.

Ѳедоровъ, А. М.—Разсказы. Кн. 1. Спб. 903. Ц. 1 р.

Fagus.—Ixion, poême. Par. 903. Pr. 3 fr.

Pégard, madame.—Deuxième Congrès International des Oeuvres et Institutions Féminines, tenu à l'Exposition Universelle de 1900 sous la présidence de M-lle Sarah Manod. T. I—IV. Par. 902.

Radic, Stiepan.—Uzničke Uspomene, U Novem Sadu. 903.

— Геологическія изслѣдованія въ золотоносныхъ областяхъ Сибири. Амурско-Приморскій золотоносный районъ. Вып. III. Спб. 903.

— Изданія Общества ревнителей историческаго просвѣщенія: 1) Мои воспоминанія, 1845—46 г.г., князя А. М. Дондукова-Корсакова, ч. II. 2) Къ портретамъ Н. В. Гоголя, съ приложеніемъ письма его къ графинѣ П. Е. Капнистъ. 3) Извѣстія Донъ-Хуана Де-Персія, съ испанск. 4) Изъ семейной старины, по бумаг. Остаф. архива кн. Вяземскихъ. 5) Выписка изъ писемъ гр. А. Х. Бенкендорфа къ имп. Николаю I о Пушкинѣ. 6) Матеріалы для біографіи А. П. Волынскаго. 7) Къ вопросу объ Арсеніи Мацѣевичѣ. Чтеніе Т. И. Филиппова. Спб. 903.

— Изданія Товарищества „Знаніе", п. р. Г. Фальборка и В. Чарнолусскаго: 1) Министерскія училища, ц. 25 к. 2) Приходскія училища, ц. 25 к. 3) Народныя училища, по Полож. 1874 г., ц. 75 к. 4) Городскія уѣздныя и Маріинскія училища, ц. 1 р. 5) Испытанія на званіе начальнаго учителя, ц. 25 к. 6) Испытанія на званіе учителя уѣзднаго училища и т. д., и на первый классный чинъ, ц. 1 р. Спб. 903.

— Матеріалы къ вопросу о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности въ саратовской губерніи. Сарат. 903. Ц. 1 р.

— Отчетъ Тверской Земской Управы за 1901 г. Тв. 903.

— Педагогическіе курсы Нижегородскаго Губернскаго Земства съ 4 по 25 іюня 1902 года. Н.-Новг. 903.

— Русскій Біографическій Словарь. Кноппе—Кюхельбекеръ. Спб. 903.

— Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т.т. 114, 115 и 116. Юрьевъ и Спб. 902—903. Ц. по 3 р.

— Статистика, текущая, состава и естественнаго движенія населенія Симбирской губерніи и ея уѣздовъ, съ распредѣленіемъ по отдѣльнымъ церковнымъ приходамъ и отдѣльнымъ населеннымъ мѣстамъ. Т. I, II и III (1896—1899 гг.). Сызрань. 902.

— Стенографическій отчетъ засѣданій очередного Тверского Губернскаго Земскаго Собранія и чрезвычайнаго, сессіи 1901 г. Тв. 903.

— Сѣверныя Цвѣты. Третій Альманахъ книгоиздательства „Скорпіонъ". М. 903. Ц. 1 р. 80 к.

— Труды Красноярскаго Отдѣла Имп. Москов. Общества сельскаго хозяйства. Вып. VI: Нужды сельско-хозяйственной промышленности Енисейской губерніи. Красноярскъ. 903. Ц. 1 р.

— Тюмень въ XVII столѣтія. Изд. А. И. Чукмалдиной. М. 903. Ц. 1 р. 50 коп.

— Уставъ внутренней службы въ артиллеріи. По проекту, Высочайше утвержденному 14 сентября 1902 г. Разработанъ Конст. Арт. Училища гв. капитаномъ А. Н. Никитинымъ. Изд. В. Березовскій. Спб. 903. Ц. 30 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Otto Ernst. Die Gerechtigkeit. Komödie in 5 Akten (Leipzig, Verlag L. Staackmann).

Отто Эрнстъ — нѣмецкій юмористъ, авторъ многочисленныхъ разсказовъ, новеллъ, сатирическихъ очерковъ. Наибольшей извѣстностью онъ пользуется какъ драматургъ своими пьесами „Современная молодежь" (Jugend von heute) и „Воспитатель Флаксманъ" (Flachsmann als Erzieher). Къ этимъ пьесамъ присоединилась теперь еще одна комедія нравовъ, подъ заглавіемъ „Справедливость" (Die Gerechtigkeit). Во всѣхъ трехъ пьесахъ интересъ сводится къ сатирѣ нравовъ. Отто Эрнстъ—тонкій наблюдатель и умѣетъ пластично изображать уродливыя явленія жизни. Наибольшій успѣхъ имѣла его комедія „Воспитатель Флаксманъ", въ которой задѣтъ жгучій вопросъ о школьномъ воспитаніи. Нравы, описываемые Эрнстомъ, чисто нѣмецкіе, но пьеса нравится и внѣ Германіи, благодаря чрезвычайно сценичной разработкѣ темы и высказываемымъ авторомъ вѣрнымъ мыслямъ о задачахъ воспитанія.

Особенность Отто Эрнста заключается въ томъ, что будучи весьма язвительнымъ сатирикомъ, онъ въ то же время большой оптимистъ. Онъ рисуетъ существующее зло, но выводитъ всегда идеальнаго героя, который торжествуетъ надъ окружающей его испорченностью. Этотъ примирительный конецъ его пьесъ и завоевываетъ ему вѣроятно симпатіи публики. Всѣ достаточно наслушались о царящей въ современной жизни тьмѣ, и рады, когда имъ обѣщаютъ, что будетъ свѣтъ. Эрнстъ — серьезный наблюдатель жизни и чуждъ фальшивой идеализаціи въ изображеніи дѣйствительности;—поэтому онъ не изображаетъ торжество добра въ настоящемъ, а только выводитъ отдѣльныхъ правдивыхъ и безкорыстно преданныхъ своему дѣлу людей,—въ существованіе подобныхъ вѣритъ всякій,—и только въ концѣ его пьесъ звучитъ свѣтлая нота торжества, или, вѣрнѣе, надежды на лучшее будущее. То, что онъ только намекаетъ на возможность торжества добра въ жизни, а не изображаетъ дѣйствительность въ идеальномъ видѣ, спасаетъ Эрнста отъ сентиментальности и фальши. Господствующимъ элементомъ его комедій остается остроумная сатира, изображеніе отрицательныхъ типовъ.

Въ „Воспитателѣ Флаксманѣ“ изображены педагоги въ мрачныхъ—преувеличенно мрачныхъ краскахъ. Во главѣ школы, которая представлена въ комедіи, стоитъ Флаксманъ; онъ не только бездушный формалистъ, сводящій все обученіе къ дисциплинѣ, но прямо негодяй. обманнымъ образомъ добившійся своего положенія. Онъ даже не получилъ нужнаго образованія, а воспользовался бумагами своего брата, умершаго отъ чахотки вскорѣ послѣ того, какъ онъ выдержалъ экзаменъ на школьнаго учителя. Выдавая себя за брата, Флаксманъ быстро сдѣлалъ карьеру при помощи интригъ и умѣнья ладить съ начальствомъ. Его педагогическая система очень простая; онъ ставитъ дисциплину выше всего преподаванія, терроризируетъ дѣтей строгостью, старается обезличить ихъ и превратить въ послушныхъ автоматовъ, и требуетъ отъ своихъ подчиненныхъ такого же отношенія къ дѣлу. Въ его школѣ заведено шпіонство надъ учителями и учениками съ цѣлью искоренить всякую самобытность въ школьной жизни; отъ учителей требуется полное подчиненіе школьному плану, и Флаксманъ дѣлаетъ имъ строгіе выговоры за всякую прогулку въ неурочный часъ, за всякій разговоръ съ дѣтьми и тѣмъ болѣе за чтеніе съ ними чего-нибудь внѣ программы. Главная забота Флаксмана направлена при этомъ на выслуживаніе передъ инспекторомъ разными неблаговидными средствами. Для полноты картины Флаксманъ представленъ человѣкомъ съ низменными инстинктами; женщины, такъ или иначе зависящія отъ него, матери учениковъ, учительницы, съ трудомъ спасаются отъ его грубыхъ ухаживаній. Въ общемъ этотъ типъ кажется слишкомъ исключительнымъ, уже потому, что Флаксманъ—обманщикъ, преступными путями добившійся своего положенія. Но въ лицѣ его мѣтко обличены главныя язвы школьнаго дѣла—формализмъ, обезличивающій учениковъ, и карьеризмъ, замѣняющій любовь къ дѣлу. Учительская среда представлена въ комедіи еще нѣсколькими другими, очень живо изображенными типами педагоговъ, равнодушныхъ къ своему дѣлу, занятыхъ своей карьерой, или же настолько лишенныхъ всякихъ духовныхъ интересовъ, что кромѣ школьныхъ сплетенъ и игры въ карты ничто ихъ не занимаетъ. Къ преподаванію они относятся чисто формально,—они слѣдуютъ школьному плану, справляются съ дѣтьми при помощи колотушекъ, и считаютъ этимъ свой долгъ выполненнымъ. Особенно отталкивающее впечатлѣніе производитъ учитель Диркcъ, положеніе котораго въ школѣ обезпечено тѣмъ, что онъ знаетъ тайну Флаксмана. Диркса ненавидятъ и дѣти, и товарищи, всѣ знаютъ о его продѣлкахъ,—но Флаксманъ долженъ поддерживать его; онъ хлопочетъ о его повышеніи и топитъ вмѣстѣ съ нимъ другихъ учителей, пользуясь шпіонскими средствами. Но, рисуя въ такомъ мрачномъ свѣтѣ школьное дѣло въ Германіи, Отто

Эрнстъ противопоставляетъ Флаксману и компаніи—людей совершенно другого закала, съ инымъ отношеніемъ къ дѣлу; въ борьбѣ обскурантовъ и карьеристовъ съ предвозвѣстниками „лучшаго будущаго" заключается драматическій интересъ пьесы. Врагомъ Флаксмана и его системы является учитель Флеммингъ, всей душою преданный своему призванію, энергичный и—что̀ самое главное—вѣрящій въ торжество своихъ идеаловъ. Вмѣсто того, чтобы пасть духомъ и озлобиться среди безвыходнаго мрака, Флеммингъ спокойно проводитъ свои педагогическіе принципы, не обращая вниманія на противодѣйствіе директора и злобное отношеніе къ себѣ учительскаго персонала. Дѣти его обожаютъ, ученіе въ его классѣ идетъ успѣшно, но у него происходятъ постоянныя стычки съ Флаксманомъ, который всячески старается очернить его передъ высшимъ начальствомъ и добиться его увольненія. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ Флеммингъ долженъ сложить оружіе, но онъ въ сущности и не думаетъ о борьбѣ, а только не отступаетъ отъ своихъ убѣжденій, не поддается угрозамъ директора, свободно высказываетъ ему свое презрѣніе и ведетъ свое дѣло такъ, какъ будто бы не было никакихъ препятствій. Вокругъ него ведутся интриги, ему строятъ разныя козни,—онъ же и не думаетъ отстаивать себя, не старается вредить своимъ врагамъ, а продолжаетъ идеально вести свое дѣло, готовый къ тому, что его могутъ удалить въ каждую данную минуту. Благодаря этой внутренней свободѣ, онъ и одерживаетъ побѣду. Въ школу неожиданно является ревизоръ, и раскрываетъ истину. Онъ сначала враждебно относится къ Флеммингу, въ виду наговоровъ директора и въ виду того, что Флеммингъ навлекъ на себя дисциплинарное взысканіе, оскорбивъ директора. Но постепенно ревизору выясняется настоящее положеніе дѣлъ; онъ видитъ, что предложенный директоромъ на открывшуюся вакансію учитель Дирксъ—отъявленный негодяй, и увольняетъ его; онъ старается также выяснить себѣ, почему директоръ рекомендовалъ именно Диркса, и почему онъ питаетъ такую злобу къ Флеммингу. Уволенный Дирксъ мститъ не съумѣвшему отстоять его директору, и въ письмѣ къ ревизору раскрываетъ тайну Флаксмана, исторію подмѣненнаго диплома. Этимъ все разъясняется: — Флаксмана немедленно увольняютъ, и на его мѣсто назначается Флеммингъ; благополучіе послѣдняго увѣнчано еще его женитьбой на молодой учительницѣ, которой очень плохо жилось подъ начальствомъ Флаксмана, такъ какъ онъ преслѣдовалъ ее за ея веселость и самостоятельность—и, главное, за то, что она отвергала его ухаживанія.

Счастливая развязка комедіи составляетъ слишкомъ сильный и нѣсколько наивный контрастъ съ преувеличенно-мрачными красками, въ которыхъ изображено положеніе школьнаго дѣла. Авторъ, очевидно,

считаетъ Флаксмана и его единомышленниковъ типичными явленіями, а идеальнаго Флемминга—исключеніемъ изъ общаго правила; странно поэтому, что исключительное торжествуетъ надъ типичнымъ. Но, какъ мы уже сказали, рѣзкость оптимистической развязки смягчается тѣмъ, что она относится къ будущему, а на „лучшее будущее" надѣются и самые строгіе хулители существующей дѣйствительности. Кромѣ того, интересенъ путь, на который авторъ комедіи указываетъ всякому, кто искренно стремится къ торжеству добра. Рыцари зла въ его комедіи заняты безконечной войной противъ всѣхъ: чтобы удержаться самимъ, они должны топить другихъ; и отсюда—система шпіонства, интригъ, доносовъ въ школѣ, управляемой Флаксманомъ. Не вѣря въ себя, или, вѣрнѣе, сознавая свою неправоту, они должны постоянно думать о самообороне и нападать на другихъ. Напротивъ того, положительный герой пьесы, Флеммингъ, совершенно спокоенъ въ своемъ служеніи правдѣ, и не думаетъ о самозащитѣ. Его интересуетъ только самое дѣло, которое онъ хочетъ поставить идеально, —и въ этомъ его сила. Онъ могъ бы тоже нападать на своихъ враговъ, обличать ихъ, — ему было бы болѣе легко сдѣлать это, чѣмъ имъ оклеветать его; но еслибы онъ противопоставилъ интригу интригѣ, правда едва ли такъ ярко обнаружилась бы, какъ при его полномъ презрѣніи къ личной борьбѣ. Можетъ быть, въ дѣйствительности Флемминги не такъ легко побѣждаютъ, такъ какъ рѣдко появляются на сценѣ жизни такіе идеальные ищущіе истины ревизоры, какъ въ пьесѣ Отто Эрнста; но если понять этого ревизора символически, какъ воплощеніе строгой и справедливой совѣсти, то передъ судомъ ея несомнѣнно всегда будутъ торжествовать люди, занятые не личными счетами — хотя бы и вполнѣ справедливыми, — со своими врагами, а тѣ, которые идутъ путемъ правды, не обращая вниманія на жизненныя препятствія, готовые пасть, если ихъ одолѣетъ окружающее зло,—но до конца вѣрные себѣ.

Новая пьеса Отто Эрнста, „Справедливость", построена на тѣхъ же контрастахъ царящаго въ обществѣ зла и идеальныхъ стремленій отдѣльныхъ личностей; побѣда, какъ въ „Воспитателѣ Флаксманѣ",— на сторонѣ добра. Опять въ концѣ пьесы открывается свѣтлая перспектива „лучшаго будущаго". Въ „Справедливости" изображенъ газетный міръ; авторъ показываетъ, сколько уродства люди вносятъ въ благородное дѣло, когда превращаютъ его въ орудіе для достиженія мелкихъ житейскихъ цѣлей.

Обличая существующую въ Германіи торговлю общественнымъ мнѣніемъ, Отто Эрнстъ, однако, доказываетъ устами своихъ положительныхъ героевъ, что зло это временное, и что нельзя относиться съ презрѣніемъ къ мнѣніямъ публики только потому, что она легко

поддается воздѣйствію недобросовѣстныхъ журналистовъ и легкомысленно мѣняетъ свои убѣжденія. „Публика, — говоритъ герой пьесы, композиторъ Франкъ, — вовсе не то же самое, что сумма отдѣльныхъ людей; это—новое химическое тѣло, имѣющее свою никѣмъ еще не разгаданную душу. Сегодня она кричитъ, чтобы распяли пророка, а завтра пламенѣетъ искреннимъ, согласнымъ стихійнымъ возмущеніемъ по поводу какой-нибудь общественной несправедливости. Поэтому значеніе прессы, создающей общественное мнѣніе, безконечно велико. Нужно только знать, что публика похожа на ребенка; она такъ же непостоянна, жестока, несправедлива и жадна, какъ ребенокъ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ столь же искренна, безкорыстна, какъ ребенокъ, и главное, ее можно воспитывать, какъ ребенка". Такимъ отношеніемъ къ общественному мнѣнію и къ роли прессы, Отто Эрнстъ смягчаетъ свою сатиру; она направлена только противъ отдѣльныхъ уродливыхъ явленій, но связана съ идеализаціей журнальной профессіи.

Самое интересное въ комедіи „Справедливость"—сатирическія картины газетныхъ нравовъ; въ нихъ много правды, много юмора, много интересно подмѣченныхъ типовъ. Въ центрѣ дѣйствія стоитъ редакція газеты, носящей названіе „Справедливость". Иронія заключается въ самомъ названіи, потому что газета, о которой идетъ рѣчь, живетъ шантажемъ, выдумкой завѣдомо ложныхъ сенсаціонныхъ извѣстій и всякаго рода скандалами. Авторъ примѣняетъ къ ней характерное названіе—„Revolverblatt". Во главѣ газеты стоитъ почти безграмотный коммерсантъ, не скрывающій своего отношенія къ дѣлу. Онъ откровенно заявляетъ въ редакціонномъ собраніи, что для него изданіе газеты—такое же торговое дѣло, какъ всякое другое: „одинъ торгуетъ мыломъ, другой общественнымъ мнѣніемъ", — говоритъ онъ. Единственная его забота—имѣть какъ можно больше объявленій. Поэтому онъ требуетъ отъ своихъ сотрудниковъ, и главнымъ образомъ отъ редактора, чтобы газета была какъ можно болѣе сенсаціонна, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы она угождала всѣмъ партіямъ, потому что—этотъ аргументъ онъ считаетъ неопровержимымъ—соціаль-демократическія газеты имѣютъ столько же объявленій, какъ и консервативныя. Когда одинъ изъ сотрудниковъ приходитъ въ ужасъ отъ столь откровеннаго цинизма и напоминаетъ о томъ, что все-таки задача газеты проводить какія-нибудь идеи,—наивный въ своемъ безстыдствѣ издатель добродушно соглашается съ нимъ и говоритъ: „конечно, милый мой, я тоже стою за идеалы. Я и такъ постоянно твержу, что не нужно *постоянно* писать только пикантно, такъ какъ публика и *этого* не любитъ". Составъ редакціи вполнѣ соотвѣтствуетъ издателю; въ нее входятъ люди, готовые за деньги защищать все, что угодно, и кромѣ того нѣсколько честолюбцевъ, для которыхъ газета является средствомъ сводить

свои личные счеты. Нравственный обликъ этихъ журналистовъ обрисовывается въ столкновеніи, составляющемъ сюжетъ комедіи. Вопросы внутренней и внѣшней политики не волнуютъ никого изъ сотрудниковъ „Справедливости". Оба они согласны, за жалованье, которое имъ платитъ издатель, держаться наиболѣе удобныхъ для распространенія газеты мнѣній въ каждый данный моментъ. Но такъ какъ сенсаціонность газеты обусловливается отношеніемъ къ мелкимъ злобамъ дня, городскимъ происшествіямъ, къ людямъ, занимающимъ вниманіе публики, то въ этой области сотрудники „Справедливости" и даютъ волю своимъ личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ. Исторія разыгрывается изъ-за талантливаго композитора Феликса Франка, дирижера симфоническаго оркестра. Онъ имѣетъ большой успѣхъ въ публикѣ, но его одинаково ненавидятъ и редакторъ „Справедливости", и музыкальный критикъ; первый—за то, что онъ отказался дать первую партію въ своей оперѣ женѣ редактора, очень плохой пѣвицѣ; второй же—изъ зависти, такъ какъ дирекція мѣстнаго театра отдала предпочтеніе оперѣ Франка передъ опереткой, написанной музыкальнымъ критикомъ. Оба они соглашаются поэтому начать кампанію противъ Франка въ газетѣ и развѣнчать его въ глазахъ публики; ихъ откровенная бесѣда по этому поводу представлена очень остроумно и зло. Кампанія начинается съ того, что музыкальный критикъ заранѣе пишетъ рецензію о концертѣ, въ которомъ Франкъ долженъ дирижировать симфоніей Бетховена, а затѣмъ—своимъ собственнымъ оркестровымъ произведеніемъ. Критикъ очень зло вышучиваетъ композицію Франка, говоря, что о ней не стоитъ говорить, потому что о ней уже достаточно говорилось, когда рѣчь шла о разныхъ великихъ композиторахъ, которыхъ Франкъ на этотъ разъ обобралъ въ своемъ произведеніи. Бетховена же, по мнѣнію рецензента, онъ дирижировалъ такъ, какъ будто хотѣлъ спихнуть неудобнаго конкуррента. Написавъ эту рецензію въ день концерта, критикъ даже не считаетъ нужнымъ пойти послушать Франка и посмотрѣть, какъ къ нему отнеслась публика. Оказывается, что концертъ сошелъ блестяще, что Франкъ имѣлъ огромный успѣхъ, и какъ композиторъ, и какъ дирижеръ,—и потому появившаяся на другой день въ „Справедливости" рецензія тѣмъ болѣе возмущаетъ его. Очень правдиво и съ большимъ юморомъ представлено во второмъ актѣ комедіи отношеніе всѣхъ знакомыхъ и друзей Франка къ явно несправедливой, злонамѣренной рецензіи. Во-первыхъ, всѣ спѣшатъ или принести, или прислать ему по почтѣ нумеръ газеты, чтобы обратить его вниманіе на „гнусную клевету"; одинъ пріятель приноситъ ему самъ газету, разсказывая въ доказательство своей дружбы, что онъ бѣгалъ по всему городу, чтобы раздобыть наконецъ нумеръ, такъ какъ онъ читается нарасхватъ. Другой, особенно сердобольный прія-

тель приходитъ выражать свои соболѣзнованія по поводу того, что столь уничтожающій отзывъ можетъ сильно повредить молодому композитору; онъ пространно говоритъ о распространенности газеты „Справедливость“ и съ возмущеніемъ цитируетъ особенно злыя мѣста рецензіи, которую онъ запомнилъ отъ слова до слова. Конечно,—говоритъ онъ взволнованному композитору и его старухѣ-матери,—все это чистѣйшая клевета; рецензентъ, очевидно, не былъ въ концертѣ и преслѣдуетъ какія-то личныя цѣли, но „голосъ прессы“ и т. д. Франкъ раздраженъ и самой рецензіей, и отношеніемъ къ ней знакомыхъ, и рѣшается вступить въ борьбу съ газетой, которая задѣла его честь, назвавъ его музыку воровствомъ. Его другъ, редакторъ честной, но очень мало распространенной газеты, старается отговорить его, но, въ виду его твердой рѣшимости, предоставляетъ ему для борьбы столбцы своей газеты. Начинается полемика, которою издатель „Справедливости“ весьма доволенъ, такъ какъ она поднимаетъ тиражъ газеты. Онъ на время требуетъ остановки полемики, потому что издатель Франка пришелъ къ нему и далъ на значительную сумму объявленій о сочиненіяхъ молодого композитора. Но травля Франка вскорѣ возобновляется по желанію другого полезнаго для газеты человѣка, богатаго банкира; Франкъ приходитъ почти въ отчаяніе отъ изливаемой на него ежедневно грязи, не можетъ работать, но твердо рѣшаетъ не прекращать борьбы, пока не возстановитъ свое доброе имя. Его раздражаетъ къ тому же отношеніе знакомыхъ, которые какъ бы нарочно преувеличиваютъ значеніе нападокъ газеты, и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтуютъ ему прекратить борьбу. Онъ чувствуетъ себя одинокимъ, отвергнутымъ всѣми, падаетъ духомъ;—ему кажется, что наступилъ конецъ его музыкальной дѣятельности. Ему предстоитъ сдѣлать послѣдній рѣшительный шагъ въ разгорѣвшейся борьбѣ. Въ мѣстномъ театрѣ должна пойти его опера, и за день до представленія въ „Справедливости“ появляется уничтожающій ее разборъ, написанный послѣ генеральной репетиціи, на которую рецензентъ пробрался обманнымъ образомъ. Директоръ, искренній поклонникъ Франка, приходитъ къ нему, и убѣждаетъ его отложить представленіе, чтобы избѣгнуть скандала. Франкъ ни за что не соглашается, хотя на этотъ разъ и мать его, поддерживавшая его, колеблется и даетъ понять сыну, что лучше было бы на этотъ разъ отказаться отъ борьбы. Франкъ—въ отчаяніи, но его спасаетъ неожиданное. Къ нему является незнакомая дѣвушка, дочь одного изъ сотрудниковъ „Справедливости“. Она приходитъ только пожать ему руку, сообщаетъ ему также, что отецъ ея ушелъ изъ газеты, возмущенный травлей Франка. Изъ ея словъ Франкъ понимаетъ, что ея отцу трудно было рѣшиться на этотъ шагъ, такъ какъ семья у него большая, и онъ ее поддерживалъ

только своей журнальной работой. Это неожиданное сочувствіе незнакомой дѣвушки сразу перерождаетъ Франка, возвращаетъ ему вѣру въ себя и надежду на лучшее будущее. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы опера была поставлена, заражаетъ исполнителей своимъ приподнятымъ настроеніемъ, и опера проходитъ съ блескомъ. Франкъ торжествуетъ надъ врагами; въ концѣ представленія къ нему приходитъ за кулисы издатель „Справедливости", и съ наивнымъ цинизмомъ „торговца общественнымъ мнѣніемъ" предлагаетъ ему быть отнынѣ его союзникомъ; онъ говоритъ, что удалитъ преслѣдовавшихъ его сотрудниковъ, и что отнынѣ онъ всецѣло къ услугамъ любимца публики. Франкъ только удивленно смотритъ на него, и когда другіе объясняютъ издателю, что ему лучше уйти прежде, чѣмъ его прогонятъ, издатель добродушно уходитъ, не понимая, что́ собственно случилось. Благополучный исходъ борьбы завершается, конечно, женитьбой Франка на спасшей его своимъ сочувствіемъ дѣвушкѣ. Правда и на этотъ разъ, какъ и въ „Воспитателѣ Флаксманѣ", торжествуетъ. Но интересъ комедіи—не въ этой развязкѣ, указывающей на „лучшее будущее", а въ сатирическомъ изображеніи газетныхъ нравовъ въ Германіи. Сцена въ редакціи, откровенные „дѣловые" разговоры сотрудниковъ между собой, выходки enfant terrible редакціи, пьяницы Клебеля, написаны чрезвычайно живо, сценично и остроумно.

II.

Henri de Regnier. Mariage de Minuit. Roman. Стр. 316 (Paris, 1903, Edit. du „Mercure de France").

Анри де-Ренье—поэтъ и романистъ, въ произведеніяхъ котораго художественность формы преобладаетъ надъ идейностью содержанія. Въ современной французской поэзіи онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ своими почти классическими по формѣ, спокойными и отточенными стихами, соединяющими пластичность описаній съ пышностью красокъ. Основные мотивы его поэзіи—описанія природы, неодушевленныхъ предметовъ, воспоминанія классической древности, причемъ эти вѣчные мотивы носятъ у него очень индивидуальную окраску; онъ—классикъ безъ паѳоса, лирикъ безъ романтизма, поэтъ сложныхъ ощущеній; жизнь его печалитъ и пугаетъ своей грубостью и жестокостью, и въ то же время примиряетъ тѣмъ, что въ формахъ внѣшняго міра, а также и въ душѣ человѣческой есть вѣчно прекрасное. Онъ бѣжитъ отъ живой дѣйствительности, предпочитая ей прекрасныя неживыя формы предметовъ или освященную искусствомъ древ-

ность, но въ этотъ отдаленный отъ жизни міръ онъ вноситъ и грусть, и надежды современной души, ея тревожное отношеніе къ красотѣ, какъ къ символу высшей цѣли бытія.

Въ своей прозѣ Анри де-Ренье—такой же эстетъ, какъ и въ поэзіи. Романы его менѣе всего поучительны; они не касаются нравственныхъ проблемъ, волнующихъ современное общество, не рѣшаютъ сложныхъ задачъ живой дѣйствительности, а въ намѣренно легкомъ, слегка сатирическомъ и въ высшей степени художественномъ тонѣ возсоздаютъ жизнь grand' seigneurs'овъ старой Франціи, т.-е. людей, для которыхъ цѣль существованія заключалась въ удовольствіи, и которые владѣли въ совершенствѣ искусствомъ жить и разнообразить свои ощущенія, сохраняя благородство и въ легкомысліи. Искусство это утрачено людьми нашего вѣка съ его усложнившимися во всѣхъ отношеніяхъ запросами. Но въ анализъ легкомыслія былыхъ временъ Ренье вноситъ большую тонкость психологическаго пониманія и затрогиваетъ глубокія струны человѣческаго сердца. Въ центрѣ его романовъ стоитъ всегда какое-нибудь сложное, противорѣчивое душевное переживаніе, какой-нибудь капризъ чувства—une complication sentimentale—не трагичное, но раскрывающее неожиданную нѣжность и душевную красоту въ поверхностныхъ, занятыхъ, казалось бы, только свѣтскими развлеченіями натурахъ. Тотъ моментъ, когда сильное, иногда идущее въ разрѣзъ со всѣми обычными условіями и обстоятельствами жизни, влеченіе къ другому существу измѣняетъ всю атмосферу жизни, представленъ въ романахъ Ренье съ большой художественностью и вдумчивостью. Самое интересное въ его романахъ—тонъ его описаній жизни, скептическій и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжный и скорбный, когда онъ обнажаетъ скрытую глубину чувствъ. Онъ потому и выбираетъ для своихъ романовъ жизнь вельможъ стараго времени, что въ ней больше беззаботности, на фонѣ которой яснѣе выступаютъ проблески глубокихъ и своеобразныхъ, захватывающихъ все существо чувствъ. Особенно художественъ въ этомъ отношеніи его романъ „Double maitresse", гдѣ разсказанный въ шутливомъ и непритязательномъ тонѣ „капризъ чувства" даетъ автору матеріалъ для тонкихъ наблюденій надъ человѣческимъ сердцемъ.

Новый романъ Ренье, „Mariage de Minuit", по тону напоминаетъ прежніе. Въ немъ выступаютъ болѣе или менѣе праздные свѣтскіе люди, занятые культомъ наслажденія, понимаемаго каждымъ изъ нихъ по своему; вниманіе автора сосредоточено главнымъ образомъ на изображеніи своеобразныхъ, психологически интересныхъ фигуръ. Дѣйствіе на этотъ разъ перенесено въ современность; въ романѣ изображенъ Парижъ послѣднихъ лѣтъ, свѣтскій кругъ, живущій, конечно, не такъ беззаботно, какъ вельможи XVII и XVIII-го вѣка, но все-же

имѣющій возможность и досугъ предаваться и культу утонченныхъ ощущеній, и разнымъ прихотямъ и причудамъ, которыхъ не мало описано въ романѣ. Ту же среду описываютъ многіе изъ модныхъ французскихъ романистовъ—и Бурже, и Онэ, и др., но у нихъ весь интересъ свѣтской жизни сводится къ пошлымъ любовнымъ интригамъ, до того похожимъ одна на другую, что трудно различить героевъ одного романа отъ героевъ другого; къ тому же, ихъ по существу мелкія и мимолетныя сердечныя переживанія представлены часто въ трагическомъ видѣ, что дѣлаетъ ихъ еще болѣе неправдоподобными и потому мало любопытными, показывая, что авторъ стоитъ не выше описываемой имъ среды, а принимаетъ въ серьезъ ея призрачные интересы. „Mariage de Minuit" составляетъ полную противоположность романамъ этого господствующаго во Франціи типа. Ренье относится къ выведеннымъ имъ лицамъ съ улыбкой, сильно напоминая въ этомъ отношеніи Анатоля Франса; онъ отмѣчаетъ курьезы свѣтской жизни, рисуетъ маніаковъ и оригиналовъ, возможныхъ только въ этой средѣ, возсоздаетъ общій тонъ суеты, царящей въ свѣтскомъ кругу, выводитъ на сцену изворотливыхъ карьеристовъ, добивающихся успѣха разными неблаговидными средствами, рисуетъ свѣтскихъ женщинъ, вѣтренныхъ и всецѣло поглощенныхъ любовными интригами; но онъ не вноситъ въ свое повѣствованіе злобнаго сатирическаго тона, какъ это дѣлаютъ послѣдователи Зола, а также не примыкаетъ къ школѣ Бурже, и не смѣшиваетъ чувственныхъ капризовъ избалованныхъ и пресыщенныхъ людей съ глубокими человѣческими страстями. Онъ беретъ въ романѣ очень вѣрный тонъ любопытствующаго философа, ничего не осуждающаго и не увлекающагося наблюдаемыми имъ явленіями,—и въ этомъ заключается художественное достоинство его романа.

Въ „Mariage de Minuit" представленъ интересный психологическій случай. Франсуаза Деклере, дочь разорившагося аристократа, легкомысленнаго чудака, погубившаго семью своей страстью къ дѣловымъ предпріятіямъ, живетъ у своей тетки, вращается въ свѣтскомъ кругу, въ которомъ ея положеніе крайне тяжелое: всѣ знаютъ, что она бѣдна, что не можетъ разсчитывать на замужество въ своемъ кругу, и потому считаютъ ее способной на пошлыя и грубыя авантюры. Франсуаза понимаетъ свое положеніе—понимаетъ жизнь, смотритъ открытыми глазами на окружающихъ ее людей, ничѣмъ не возмущается, но сохраняетъ среди развращающей обстановки нетронутую, чистую душу. Она—не наивная „petite oie blanche", какъ большинство дѣвушекъ во французскихъ романахъ изъ свѣтской жизни, а свободная женщина съ чистыми помыслами, умѣющая не только безпомощно страдать подъ гнетомъ обстоятельствъ, но дѣйствовать и устроивать жизнь

по-своему. Этотъ новый во французской литературѣ типъ свободной и самостоятельной женщины составляетъ психологическій интересъ романа Ренье; онъ представляетъ психологическую загадку своимъ контрастомъ съ окружающей жизнью, и эта загадочность привлекаетъ Ренье, занятаго вѣчнымъ исканіемъ психологическихъ курьезовъ въ своихъ романахъ. Судьба Франсуазы описана въ романѣ безъ трагизма, очень просто и жизненно, но глубина и стойкость ея натуры выступаетъ тѣмъ болѣе ярко, что никакой внѣшней драмы въ ея жизни не происходитъ. Франсуаза рано стала понимать жизнь: ея дѣтство и первая юность прошли въ путешествіяхъ по всей Европѣ,—отецъ ея среди своихъ безумныхъ дѣловыхъ предпріятій переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто и возилъ съ собой дочь, вѣчно мечтая о томъ, какъ онъ разбогатѣетъ и возстановитъ великолѣпіе своего родового помѣстья; Франсуаза проводила длинные вечера съ отцомъ въ разныхъ городахъ Европы за чертежами плановъ, за мечтами о перестройкѣ ихъ развалившагося за́мка. Потомъ наступило окончательное разореніе, смерть отца, затѣмъ матери, и на душѣ Франсуазы накопилось много разочарованій и несбывшихся надеждъ. Она переселяется въ Парижъ къ своей дальней родственницѣ, которая почему-то называетъ себя ея теткой, и входитъ въ богатый аристократическій кругъ, сразу внушающій ей отвращеніе. Она научилась рано понимать людей, и потому никакой иллюзіи не питаетъ относительно своей новой обстановки. Ея тетка, м-мъ Бриньянъ, прожигаетъ остатки молодости въ любовныхъ приключеніяхъ, и очень неразборчива въ своихъ увлеченіяхъ. Франсуаза все это видитъ, понимаетъ и тѣмъ болѣе страдаетъ, что поведеніе тетки набрасываетъ тѣнь и на нее. До нея доходятъ обрывки сплетенъ про нее; она получаетъ письма съ наглыми предложеніями, и даже почти этимъ не возмущается, понимая, что иначе и быть не можетъ при данныхъ условіяхъ. Изъ любви къ ней ея тетка хочетъ выдать ее замужъ, и она сама по благоразумію не противится этимъ планамъ;—но когда планы принимаютъ осязательную форму, и она встрѣчается съ притязателемъ на ея руку, она очень рѣзко разбиваетъ возможность предполагаемаго брака. Ей сватаютъ стараго маніака, помѣшаннаго на коллекціонированіи драгоцѣннаго стекла и хрусталя, но ее такъ ужасаетъ мысль жить взаперти въ его венеціанскомъ за́мкѣ, среди драгоцѣнныхъ коллекцій, что она, чтобы испугать его, роняетъ драгоцѣнный многотысячный бокалъ, въ которомъ онъ подаетъ ей вино; старикъ убѣгаетъ въ ужасѣ, несмотря на то, что молодая, красивая дѣвушка очень ему понравилась. Франсуаза продолжаетъ жить у тетки, среди вѣчныхъ столкновеній съ наглыми людьми, не допускающими мысли о томъ, что она неприступна; у нея есть другъ, старый князь Берсене, съ которымъ она совершаетъ

прогулки, не обращая вниманія на сплетни, которыя распространяются по этому поводу; ей нравятся умныя рѣчи старика, его мѣткія сужденія о людяхъ и сохранившаяся въ немъ вѣра въ добро. Есть у нея и молодой другъ, Филиппъ Легардуа, но у нихъ отношенія чисто пріятельскія, и дѣвушка сама не подозрѣваетъ, что между ними зарождается болѣе нѣжное чувство. Она знаетъ, что другъ ея ведетъ разсѣянную свѣтскую жизнь, но относится къ этому очень просто, и при случаѣ говоритъ ему о красотѣ его пріятельницъ. Ея жизнь—тяжелая, почти безвыходная, но такъ какъ никакихъ внѣшнихъ катастрофъ не происходитъ, то она по-своему мирится со своей судьбой, сохраняя личную свободу среди окружающей грязи. Моментъ рѣшительнаго дѣйствія настаетъ со смертью князя Берсене, ея стараго друга. Она идетъ на похороны одна, — ея тетка отговаривается нездоровьемъ. Отпѣваніе кончается очень скоро; у Франсуазы очень тяжело на душѣ, она не ѣдетъ на кладбище и возвращается домой ранѣе, чѣмъ предполагалось; дома ее не ждали, и она натыкается на слишкомъ откровенную сцену любовнаго свиданія м-мъ Бриньянъ съ ея возлюбленнымъ. Контрастъ настроенія, въ которомъ она пришла домой, съ тѣмъ, что она застаетъ дома, такъ сильно дѣйствуетъ на Франсуазу, что она немедленно уходитъ, съ твердой рѣшимостью не возвращаться къ теткѣ. Единственный для нея исходъ — замужество; она идетъ къ ухаживавшему за ней немолодому романисту, и предлагаетъ ему жениться на ней, приводя его этимъ въ величайшее смущеніе. Онъ—слишкомъ тонкій эгоистъ, слишкомъ боится всякаго глубокаго и длящагося чувства, слишкомъ боится разочарованія, чтобы связать себя на всю жизнь съ женщиной, которая ему пока только нравится. Онъ отказывается отъ руки Франсуазы,—почти съ отчаяніемъ, потому что чувствуетъ, что любитъ ее; но ему слишкомъ дорогъ покой, и онъ допускаетъ въ жизни только удовольствія, и боится всего, что связываетъ душу. Франсуаза уходитъ съ тяжелымъ чувствомъ,—она увидѣла еще одинъ примѣръ развращающаго вліянія свѣтской пустоты на человѣка съ несомнѣнно тонкой организаціей. Она идетъ къ Легардуа, и проситъ его дать ей пріютъ въ его помѣстьѣ, въ деревнѣ, гдѣ никто теперь не живетъ. Въ бесѣдѣ съ Легардуа выясняется ихъ взаимное чувство,—Франсуаза спасена любовью. Она выходитъ замужъ за Филиппа; они уѣзжаютъ вдвоемъ въ его помѣстье, и тамъ забываютъ объ оставленномъ ими суетномъ свѣтѣ. Въ полночь, когда они выходятъ въ одинокій паркъ и обмѣниваются поцѣлуемъ при свѣтѣ луны, они чувствуютъ спасительную силу любви, которая очищаетъ душу отъ всѣхъ разочарованій, отъ всякой горести. Эта послѣдняя сцена, символизирующая власть любви, и объясняетъ заглавіе романа—„Mariage de Minuit“.

Вокругъ этого центральнаго дѣйствія сгруппированы въ романѣ интересные типы свѣтскихъ людей. Особенно удаются Ренье фигуры оригиналовъ-стариковъ. Коллекціонеръ Гангдорфъ, влюбленный въ хрусталь и стекло, изящный и умный князь Берсене, распутный и вмѣстѣ съ тѣмъ практичный маркизъ Бокинкуръ,—все это портреты, напоминающіе своей законченностью, пластичностью и своеобразностью знаменитые „портреты" Лабрюйера. Болѣе современенъ свѣтскій аферистъ, де Серпиньи, эксплоатирующій талантъ простого рабочаго керамиста и выдающій его работы за свои. Со своей обычной любовью къ описаніямъ неодушевленныхъ предметовъ, Ренье удѣляетъ много мѣста описаніямъ коллекцій Гангдорфа и работъ Серпиньи. Стекло и вазы кажутся совершенно живыми въ его подробныхъ, сдѣланныхъ съ большимъ знаніемъ предмета описаніяхъ; страницы эти напоминаютъ отчасти нѣкоторыя сцены изъ знаменитаго романа Гюисманса „A rebours", а во всемъ тонѣ романа, въ описаніяхъ свѣтской среды и душевныхъ переживаній героевъ, сказывается вліяніе Анатоля Франса. Въ общемъ романъ несомнѣнно интересенъ художественностью отдѣльныхъ характеристикъ и тонкостью психологическаго анализа.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 мая 1903.

Націонализмъ „первобытный“ и „просвѣщенный“.—Газетная инквизиція.—Обвиненія, граничащія съ клеветою.—Еврейскій погромъ въ Кишиневѣ.—Два доклада о юридическомъ положеніи евреевъ. — Народныя чтенія въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Земская медицина и земская статистика.

Въ нашей предъидущей общественной хроникѣ мы выразили убѣжденіе, что „люди, достигшіе извѣстной степени развитія, не могутъ застыть на первобытныхъ формахъ націонализма, игнорирующихъ чужія особенности, чужое право“. Въ этихъ словахъ одна изъ петербургскихъ газетъ усмотрѣла, по совершенно своеобразнымъ мотивамъ, „знаменіе времени“. „Идея націонализма“—читаемъ мы въ „Новомъ Времени“ (№ 9739)—„носится въ воздухѣ. Потребность въ проясненіи національнаго сознанія—это неудержимо, хотя и неторопливо наростающее въ нѣдрахъ развивающагося общества новое и властное желаніе. И вотъ, журналъ невольно включилъ въ свое исповѣданіе вѣры это вѣщее слово. Правда, онъ ставитъ его пока очень робко и лишь въ отрицательной формѣ; но если онъ противъ *первобытныхъ формъ націонализма*, значитъ онъ не имѣетъ ничего противъ націонализма просвѣщеннаго. Націонализмъ, признающій чужія особенности и чужое право, очевидно допустимъ съ точки зрѣнія журнала“. Нѣтъ, это вовсе не очевидно; выводъ, сдѣланный изъ нашихъ словъ, не имѣетъ ничего общаго съ нашей настоящей мыслью. Мы употребили терминъ: *націонализмъ* въ томъ значеніи, какое упрочено за нимъ Владиміромъ Соловьевымъ. Націонализмъ, по опредѣленію покойнаго мыслителя [1])—это „превращеніе живого національнаго сознанія въ отвлеченный принципъ, утверждающій *національное* какъ безусловную противоположность *универсальнаго* и *свое*, *родное*—какъ безусловную противоположность *чужеземнаго*“. Признавая такой націонализмъ воззрѣніемъ анти-историческимъ, не допускающимъ теоретическаго оправданія, Соловьевъ находилъ, что „практическое значеніе онъ отчасти имѣетъ какъ знамя дурныхъ народныхъ страстей, особенно въ странахъ съ пестрымъ многонароднымъ населеніемъ“. Понимаемый такимъ образомъ, націонализмъ можетъ облекаться—и облекается на самомъ дѣлѣ—въ весьма различныя формы, начиная съ „первобыт-

---

[1]) См. „Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза и Ефрона“, т. XX, стр. 710.

ныхъ", т.-е. простѣйшихъ и грубѣйшихъ, до сравнительно мягкихъ и утонченныхъ. Мы говорили о *первобытныхъ* формахъ націонализма, потому что именно съ ними всего чаще приходится встрѣчаться въ русскомъ обществѣ и русской печати; но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы съ нашей точки зрѣнія былъ допустимъ націонализмъ „просвѣщенный". Въ чемъ состоитъ такой націонализмъ и къ чему онъ приводитъ—это можно наблюдать во Франціи, въ Англіи, въ Германіи. Во Франціи, подъ его вліяніемъ, въ широкихъ сферахъ долго держалась мысль, что французамъ нечему учиться за границей, что французское всегда и во всемъ лучше не-французскаго. Тяжелый опытъ нанесъ ударъ этому самообольщенію, но не разрушилъ его совершенно. Обломки націоналистическихъ предразсудковъ являются до сихъ поръ не только точкой опоры для цѣлой партіи, но и трудно преодолимой преградой на пути къ соціальнымъ реформамъ. Въ Англіи націонализмъ, въ союзѣ съ „имперіализмомъ", затормазилъ внутреннее развитіе страны и способствовалъ паденію ея нравственнаго авторитета. Въ Германіи, послѣ ея объединенія, онъ внесъ много нежелательнаго въ общественную жизнь и создалъ на окраинахъ имперіи нѣсколько очаговъ недовольства, искры котораго легко могутъ разгорѣться въ цѣлое пламя. На примѣрѣ Германіи всего удобнѣе провѣрить справедливость словъ Соловьева объ особенной опасности націонализма въ странахъ съ пестрымъ многонароднымъ населеніемъ. Къ числу такихъ странъ принадлежитъ и Россія—и для нея одинаково нежелателенъ какъ „первобытный", такъ и „просвѣщенный" націонализмъ.

Что „націонализмъ", въ специфическомъ смыслѣ слова, имѣется у насъ на лицо, проявляясь, бо́льшею частью, въ „первобытныхъ" формахъ—это признала недавно та самая газета, которой мы теперь возражаемъ: припомнимъ полемику между гг. Сигмой и Величко, о которой шла рѣчь въ нашей предъидущей хроникѣ. „Бездоказательное обвиненіе цѣлыхъ группъ русскихъ гражданъ въ политической неблагонадежности", которое г. Сигма ставилъ въ вину своему противнику—таково излюбленное орудіе публицистовъ, именующихъ себя русскими по преимуществу. Иновѣрцы и инородцы, которыхъ въ Россіи такъ много—таковы обычные объекты травли, производимой во имя національнаго принципа. „О, національность"!—можно было бы воскликнуть, пародируя предсмертныя слова одной изъ жертвъ французской революціи,—„сколько во имя твое произносится нехорошихъ словъ и совершается нехорошихъ дѣяній"! Первобытныхъ формъ націонализма не чужды, впрочемъ, и тѣ органы печати, которые иногда считаютъ нужнымъ отъ нихъ отрекаться. Не лучше профессіональныхъ націоналистовъ они относятся, напримѣръ, къ еврейскому вопросу, да и ко многимъ

другимъ, возникающимъ на окраинахъ Россіи. Совершенно напрасно такое отношеніе прикрывается именемъ *просвѣщеннаго* націонализма; по самому своему существу оно прямо противоположно требованіямъ истиннаго просвѣщенія. Совершенно напрасно, также, сводится рѣчь на то, какъ отражается просвѣщенный націонализмъ на настроеніи *народа*: націонализмъ, въ занимающемъ насъ смыслѣ, является искусственнымъ продуктомъ искусственно созданной теоріи и, слѣдовательно, не можетъ быть свойственъ цѣлому народу. Подчинить своей власти онъ можетъ только отдѣльныя группы или партіи — и въ нихъ онъ меньше всего развиваетъ уваженіе къ чужой самостоятельности, къ чужому праву. Поклоняясь только *своему*, *свое* вознося надъ всѣмъ остальнымъ, онъ стремится доставить этому *своему* господство не только въ предѣлахъ *націи*, но и въ предѣлахъ *государства*—государства, въ составъ котораго входитъ, сплошь и рядомъ, разноплеменное населеніе. На этомъ пути онъ неизбѣжно идетъ въ разрѣзъ съ гуманностью и либерализмомъ, являясь, по выраженію Соловьева, „отрицаніемъ альтруизма и человѣческой солидарности".

„Совершенно немыслимо"—сказано было нами въ той же хроникѣ,—„чтобы люди, достигшіе извѣстной степени развитія, стали равнодушны къ свободѣ совѣсти, свободѣ слова, свободѣ личности". Къ вопросу, затронутому въ этихъ словахъ, газета, которой мы возражаемъ, относится съ крайнимъ оптимизмомъ. „Кто же изъ насъ"—восклицаетъ она—„не признаетъ свободы слова и совѣсти, свободы личности человѣческой? Всѣ признаютъ. Это не прерогативы, это просто человѣческія права, безъ которыхъ человѣкъ—не человѣкъ. Если въ этомъ либерализмъ, то кто же изъ русскихъ просто порядочныхъ людей не либералъ? Кому же еще надо это доказывать? Это такая же общепринятая и общеобязательная истина, какъ та, что мы всѣ говоримъ прозой". Итакъ, либералами сначала оказывались *всѣ* безъ оговорки, потомъ—*всѣ просто порядочные люди*. Даже и къ этой, значительно смягченной формулѣ газета могла придти только потому, что заговорила о свободѣ, какъ о естественномъ правѣ человѣка, тогда какъ мы понимали ее въ смыслѣ права признаннаго и гарантированнаго государствомъ. Что свобода въ послѣднемъ смыслѣ—свобода слова, совѣсти, личности—признана у насъ далеко не всѣми и на практикѣ не существуетъ почти вовсе, это, къ сожалѣнію, не подлежитъ никакому сомнѣнію и спору: а пока это такъ, до тѣхъ поръ не можетъ исчезнуть въ средѣ общества настроеніе, именуемое либерализмомъ, не можетъ прекратиться борьба между нимъ и враждебными ему теченіями. Доказательство этому—одно изъ безконечно многихъ—авторъ статьи „Новаго Времени" могъ бы найти въ фельетонѣ г. Розанова, всего днемъ раньше появившемся въ той же га-

зетѣ и вызванномъ именно безцеремоннымъ посягательствомъ на свободу слова и свободу совѣсти. Оставаясь вѣрными своей обычной роли, „Московскія Вѣдомости“ напечатали діатрибу противъ религіозно-философскихъ собраній, происходившихъ, съ весны прошлаго года, въ Петербургѣ, и противъ журнала („Новый Путь“), въ которомъ печатались протоколы этихъ собраній. Діатриба, какъ и слѣдовало ожидать, обратилась въ обвинительный актъ и закончилась призывомъ къ бдительности начальства. „Явились лукавые ревнители, которые желали бы совершенно устранить церковную власть. Правда, объ этой цѣли они пока благоразумно молчатъ... Нашлись отдѣльные представители церкви, которые сами поспѣшили, ради дешевой популярности, примкнуть къ интеллигентамъ, чтобы утвердить ихъ въ убѣжденіи, будто можно быть христіанами, не соблюдая правилъ и обрядовъ православной церкви и даже совершенно ее игнорируя. И вотъ, у насъ началась открытая проповѣдь безцерковнаго и даже антицерковнаго христіанства въ публичныхъ чтеніяхъ, газетныхъ статьяхъ и даже въ спеціальномъ, для сего созданномъ, *противоцерковномъ* журналѣ. *Безпрепятственность этой пропаганды вводила многихъ вѣрующихъ въ соблазнъ*, а многихъ и въ смущеніе“... Препятствія, преграды, запрещенія—вотъ, слѣдовательно, конечная цѣль „сообщенія“, появившагося на страницахъ московской газеты. Не о возраженіяхъ она думаетъ, не о борьбѣ равнымъ оружіемъ, а о вмѣшательствѣ, устраняющемъ возможность борьбы. Можно ли говорить, въ виду этого, объ общепризнанности свободы?... Мы узнаемъ отъ г. Розанова, что редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ просилъ, истекшей зимой, о допущеніи его въ религіозно-философское собраніе, но получилъ отказъ, вызванный воспоминаніемъ о томъ, какъ, проникнувъ однажды въ закрытое засѣданіе московскаго психологическаго общества, г. Грингмутъ поднялъ въ печати „злостную обвинительную кампанію“ противъ прочтенной въ этомъ засѣданіи рѣчи Влад. Соловьева. Болѣе чѣмъ правдоподобно предположеніе г. Розанова, что между недовѣріемъ къ г. Грингмуту, выразившимся въ только-что упомянутомъ отказѣ, и обличительной статьей „Московскихъ Вѣдомостей“ существуетъ тѣсная внутренняя связь. Ясно, во всякомъ случаѣ, что собранія, для присутствованія въ которыхъ необходимо особое разрѣшеніе, не принадлежатъ къ категоріи *публичныхъ*. Лучше чѣмъ кто-нибудь это долженъ былъ знать г. Грингмутъ; но публичность, съ точки зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“, является обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину—и этого достаточно, чтобы приписать ее религіозно-философскимъ собраніямъ. Правда, протоколы собраній печатались, въ послѣднее время, въ „Новомъ Пути“, становясь, такимъ образомъ, достояніемъ гласности; но не слѣдуетъ забывать, что „Новый Путь“—журналъ подцензурный, а

нѣкоторыя его страницы, судя по сдѣланнымъ къ нимъ дополненіямъ (supplementa), просматриваются какъ свѣтскою, такъ и духовною цензурою. Недостаточными подобныя гарантіи могутъ казаться только тому, чей идеалъ—внѣшнее единомысліе, обезпечиваемое вынужденнымъ молчаніемъ.

Присмотримся поближе къ пріемамъ наблюденія и обличенія, пускаемымъ въ ходъ „Московскими Вѣдомостями". Первый изъ нихъ—это „чтеніе въ мысляхъ". Устроителямъ религіозно-философскихъ собраній приписывается цѣль, о которой они „пока благоразумно молчатъ" и которую, слѣдовательно, нельзя вывести изъ дѣйствительно сказаннаго ими. Эта цѣль—„совершенное устраненіе церковной власти", т.-е. нѣчто идущее даже гораздо дальше протестантизма, пропаганду котораго, т.-е. уголовное преступленіе (Улож. о наказ. ст. 189), московскіе инквизиторы усматриваютъ въ рѣчахъ, произнесенныхъ у Чернышева моста. Что ничего подобнаго въ нихъ не было и не могло быть—достаточнымъ доказательствомъ этому служитъ самый составъ собраній. „Устранителямъ церковной власти" конечно не могла бы придти въ голову мысль о совмѣстной дѣятельности съ носителями священническаго и, тѣмъ болѣе, епископскаго сана—не могла бы придти уже потому, что именно отъ послѣднихъ слѣдовало ожидать немедленнаго, энергичнаго отпора антицерковнымъ теченіямъ. Если такого отпора не было дано въ теченіе цѣлаго года, то, очевидно, у православнаго духовенства и у иниціаторовъ собраній оказалась общая почва, на которой возможна общая работа. Очень хорошо сознавая значеніе того факта, что въ собраніяхъ, открытыхъ съ вѣдома и согласія епархіальнаго начальства, непрерывно принимали участіе представители церковной іерархіи, московская газета прибѣгаетъ къ своему любимому средству: заподозриванію мотивовъ. Исканіе „дешевой популярности"—вотъ что̀ заставило церковныхъ дѣятелей „примкнуть къ интеллигентамъ", чтобы „утвердить" ихъ въ ихъ отрицательномъ отношеніи къ церкви! И здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ „чтеніемъ въ сердцахъ", къ которому присоединяется явное искаженіе фактовъ. Между церковными и свѣтскими членами религіозно-философскихъ собраній нерѣдко обнаруживались разногласія: первые вовсе не „примыкали" къ послѣднимъ (которые, впрочемъ, также во многомъ расходились между собою) и чаще старались поколебать, чѣмъ „утвердить" взгляды, въ чемъ-либо расходившіеся съ церковными. Что̀ можетъ быть, притомъ, презрѣннѣе стремленія все объяснять личными, мелкими соображеніями? Гдѣ основанія предполагать, что духовные члены религіозно-философскихъ собраній искали „дешевой популярности"? Не лавры, а скорѣе тернія виднѣлись передъ ними; имъ предстоялъ не тріумфальный путь,

а узкая дорога между разнородными преградами. Гораздо ближе къ истинѣ подходитъ г. Розановъ, объясняя вступленіе ихъ въ собраніе „благостью", добрымъ желаніемъ помочь ищущимъ правды. Мы очень далеки отъ согласія съ писателями, взявшими на себя починъ религіозно-философскихъ собраній; мы готовы допустить, что не все сказанное ими въ этихъ собраніяхъ заслуживаетъ сочувствія, какъ не заслуживаетъ его многое въ ихъ статьяхъ и книгахъ; но мы рѣшительно отказываемся понять, какимъ образомъ сколько-нибудь уважающій себя органъ печати можетъ предпочесть честному спору мало похвальный призывъ къ воздѣйствію власти. Доступные для всѣхъ, благодаря воспроизведенію ихъ въ „Новомъ Пути", дебаты религіозно-философскихъ собраній могли сдѣлаться предметомъ всесторонней, свободной полемики. Только она могла отдѣлить цѣнное отъ незначительнаго, зерно отъ мякины, и подвести итоги работѣ, во всякомъ случаѣ не излишней. Вопросы, обсуждавшіеся въ религіозно-философскихъ собраніяхъ, выдвинуты самою жизнью; они не перестанутъ занимать умы и волновать сердца, какія бы препятствія ни встрѣчало ихъ обсужденіе. А между тѣмъ, остріе навѣтовъ, сочиняемыхъ на Страстномъ бульварѣ, направлено не только противъ религіозно-философскихъ собраній, но и противъ солидарнаго съ ними журнала. На берегахъ Невы къ этимъ навѣтамъ спѣшитъ присоединиться „Гражданинъ", рабски подражая не только содержанію ихъ, но и формѣ. „Какіе-то *новопутейцы*"—читаемъ мы въ „Рѣчахъ консерватора" (№ 31)—„устраиваютъ шекхендзы интеллигентовъ-атеистовъ съ православною церковью. Въ этомъ обществѣ новопутейцевъ засѣдаютъ пастыри церкви, въ угоду интеллигентамъ *поносящіе и продающіе* свою церковь". Дальше этого не можетъ идти ни пренебреженіе къ правдѣ, ни безцеремонность выраженій...

„Легкость, съ которою возникаютъ и распространяются еврейскіе погромы",—говорили мы двадцать лѣтъ тому назадъ [1]), послѣ еврейскаго погрома въ Екатеринославѣ,—„зависитъ отчасти отъ того, что русскій человѣкъ привыкъ видѣть въ евреѣ чужака, парію, только терпимаго въ Россіи". Вспоминая объ этихъ словахъ много лѣтъ спустя, по поводу погрома въ Николаевѣ [2]), мы указали на часто повторяющееся совпаденіе еврейскихъ погромовъ съ періодами обостренія стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ евреямъ. „Взглядъ на евреевъ, какъ на неполноправныхъ членовъ государства, находитъ"—

---

[1]) См. „Внутр. Обозрѣніе" въ № 9 „Вѣстника Европы" за 1883 г.
[2]) См. „Обществ. Хроникy" въ № 6 „Вѣстника Европы" за 1899 г.

замѣтили мы дальше—„своеобразное отраженіе въ умахъ толпы, какъ находилъ его въ средніе вѣка, въ эпоху наибольшаго угнетенія евреевъ. Такія же сцены, какія происходятъ на нашихъ глазахъ въ южной и западной Россіи, происходили въ XI-мъ вѣкѣ—на Рейнѣ, въ XII-мъ—въ Лондонѣ, съ тою только разницею, что тогда элементъ религіозной антипатіи къ евреямъ игралъ, повидимому, гораздо бо̀льшую роль, чѣмъ въ настоящее время. Сходство довершается тѣмъ, что значительная часть населенія стоитъ у насъ на той же ступени умственнаго развитія, на какой стояли, семь или восемь вѣковъ тому назадъ, нѣмецкіе и англійскіе горожане". То же самое, съ глубокою грустью, приходится повторить теперь, подъ вліяніемъ вѣсти о безпримѣрномъ по своей жестокости кишиневскомъ погромѣ. Прежде страдало, главнымъ образомъ, имущество евреевъ—въ Кишиневѣ неистовство толпы было направлено противъ нихъ лично; убитыхъ и тяжело раненыхъ между ними столько, сколько не всегда оказывается на полѣ битвы. Страшно читать объ ужасахъ, въ теченіе цѣлаго дня (7-го апрѣля) происходившихъ на улицахъ Кишинева. По словамъ корреспондента „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", враждебно относиться къ евреямъ и явно выражать наклонность къ сведенію счетовъ съ ними населеніе Кишинева стало со времени появленія въ „Бессарабцѣ", „Новомъ Времени" и „Свѣтѣ" извѣстнаго характера статей относительно бессарабскихъ евреевъ. „Всѣ убѣждены",—пишетъ корреспондентъ „Новостей",—„что небывалый погромъ является слѣдствіемъ пропаганды г. Крушевана въ „Бессарабцѣ", такъ какъ до нея у насъ евреи очень хорошо уживались съ мѣстнымъ населеніемъ". Весьма возможно, даже вѣроятно, что обвиненія обоихъ корреспондентовъ въ значительной степени преувеличены, что нѣтъ причинной связи между погромомъ и юдофобствомъ нѣкоторыхъ органовъ печати; но едва ли можно отрицать, что оно служитъ однимъ изъ источниковъ настроенія, на почвѣ котораго возникаютъ погромы. Непосредственнаго воздѣйствія на толпу печать, несомнѣнно, не производитъ, и о такъ называемой „моральной виновности" ея въ погромахъ, какъ и въ другихъ массовыхъ преступленіяхъ, не можетъ быть и рѣчи. Не безъ вліянія ея, однако, слагается умственная атмосфера, принадлежащая къ числу важнѣйшихъ факторовъ народной жизни. Вездѣ и всегда существуютъ зачатки нерасположенія къ *чужому*, едва замѣтные въ нормальное время, но питающіеся всѣмъ, что̀ подчеркиваетъ національный или религіозный антагонизмъ. Если антисемитизмъ вызываетъ иногда безпорядки даже у нашихъ западныхъ сосѣдей, то тѣмъ менѣе онъ можетъ оставаться безвреднымъ въ Россіи, при гораздо бо̀льшей темнотѣ народныхъ массъ.

Кромѣ необыкновенно значительнаго числа жертвъ, кишиневскій

погромъ представляетъ еще нѣкоторыя другія особенности. „Въ каждомъ районѣ“ — пишутъ „Восходу“ — дѣйствовала кучка человѣкъ въ 20—25, изъ которыхъ половина—подростки [1]). Подобная кучка, справившись съ однимъ домомъ или лавкой, переходила къ другому; при малѣйшемъ желаніи со стороны властей, такую кучку людей можно было забрать въ участокъ—тогда прочіе сосѣдніе дома были бы спасены“. „Полиція“—говоритъ корреспондентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“—„очень строго кричала на громилъ. Патрули не менѣе строго призывали разбойниковъ къ порядку, но тѣ плохо слушались и съ остервенѣніемъ продолжали свое опустошительное дѣло“. Все это происходило на второй день безпорядковъ, когда уже съ утра къ грабежу присоединились убійства. „Интеллигентная публика“—по словамъ того же корреспондента—„пальцемъ о палецъ не ударила для прекращенія разбоевъ: она спокойно гуляла и наблюдала за ужасной *работой*“. Есть, однако, рядъ фактовъ, свидѣтельствующій о томъ, что не всѣ частныя лица оставались равнодушными свидѣтелями погрома: г. Назаровъ, какъ видно изъ письма его въ „Новости“, серьезно пострадалъ, заступаясь за избиваемыхъ евреевъ; начальникъ команды вольной пожарной дружины, инженеръ Кушъ, съ нѣсколькими дружинниками, спасъ цѣлый районъ; торговцы толкучаго рынка отстояли его при помощи нѣсколькихъ босяковъ. Все это заставляетъ думать, что противодѣйствіе погрому было возможно и безъ принятія крайнихъ мѣръ—возможно тѣмъ болѣе, что опасность была заранѣе извѣстна. По Кишиневу—читаемъ мы въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“—„циркулировали зловѣщіе слухи: кажется, на Пасху будутъ бить евреевъ“. Много пользы могло бы принести предоставленіе народной массѣ, въ пасхальные дни, здоровыхъ развлеченій—но въ нынѣшнемъ году, вопреки обыкновенію, ничего въ этомъ смыслѣ не было сдѣлано городскимъ попечительствомъ о народной трезвости. Народъ хлынулъ на площадь, гдѣ были устроены буфеты и качели частныхъ предпринимателей—и именно здѣсь и начались, около полудня 6-го апрѣля, безпорядки, быстро разросшіеся до такихъ громадныхъ размѣровъ. Нужно надѣяться, что все ненормальное, трудно объяснимое въ кишиневскихъ событіяхъ будетъ предметомъ всесторонняго изслѣдованія. Важно не только установить отвѣтственность виновныхъ, но и опредѣлить ближайшія и отдаленныя причины катастрофы, а слѣдовательно и средства предупредить ея повтореніе.

---

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ кучки были еще малочисленнѣе, отъ 8 до 10 человѣкъ, и всѣхъ грабителей было не болѣе двухсотъ.

Какъ тяжело, въ настоящее время, юридическое положеніе евреевъ —объ этомъ даютъ понятіе два доклада, представленные, въ началѣ нынѣшняго года, московскому съѣзду представителей обществъ вспомоществованія лицамъ учительскаго званія, но имъ, по независящимъ отъ него причинамъ, не разсмотрѣнные. Одинъ изъ нихъ посвященъ вопросу о предоставленіи еврейскимъ учителямъ права повсемѣстнаго жительства въ имперіи. Не имѣя права пребыванія внѣ черты осѣдлости, еврейскіе учителя, вслѣдствіе громадной конкурренціи, вынуждены довольствоваться самымъ ничтожнымъ вознагражденіемъ, въ виленскихъ частныхъ еврейскихъ училищахъ не превышающимъ, напримѣръ, 12—16 руб. за годовой урокъ. Между тѣмъ, въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ евреямъ дозволяется жить лишь въ видѣ исключенія, потребность въ еврейскихъ учителяхъ чувствуется весьма сильно и остается безъ удовлетворенія. Такъ напримѣръ, петербургскому еврейскому обществу отказано было въ ходатайствѣ разрѣшить пребываніе въ Петербургѣ еврейскимъ учителямъ, приглашаемымъ туда для преподаванія въ еврейскихъ училищахъ. Одинъ изъ учителей владикавказскаго еврейскаго училища, окончившій курсъ въ виленскомъ еврейскомъ учительскомъ институтѣ и допущенный къ занятіямъ по соглашенію попечителей учебныхъ округовъ виленскаго и кавказскаго, долженъ былъ оставить свою должность по распоряженію главноначальствующаго на Кавказѣ, какъ не имѣющій права пребыванія внѣ черты осѣдлости. Оставляются безъ удовлетворенія даже просьбы еврейскихъ учителей о временномъ пребываніи въ Петербургѣ или въ курортахъ центральной Россіи, для леченія болѣзни. Уравненіе еврейскихъ учителей съ евреями-ремесленниками, имѣющими право повсемѣстнаго жительства, было бы вполнѣ справедливо по отношенію къ нимъ самимъ и принесло бы существенную пользу разсѣяннымъ въ разныхъ частяхъ имперіи еврейскимъ обществамъ.— Другой докладъ имѣлъ предметомъ ходатайство о предоставленіи дѣтямъ учителей-евреевъ права поступать въ среднія и высшія учебныя заведенія внѣ установленной для евреевъ нормы. При существованіи этой нормы средняя школа оказывается фактически доступной только для тѣхъ еврейскихъ семействъ, которыя имѣютъ возможность дать своимъ дѣтямъ самую тщательную подготовку и обезпечить, этимъ путемъ, ихъ торжество надъ другими конкуррентами. Такой возможности не имѣютъ семьи бѣдствующихъ, обыкновенно, еврейскихъ учителей. Не могутъ онѣ, по недостатку средствъ, и обучать дѣтей своихъ дома или помѣщать ихъ въ частныя школы. Между тѣмъ, именно учителямъ особенно свойственно желаніе дать своимъ дѣтямъ возможно лучшее образованіе. Этимъ, отчасти, объясняется освобожденіе ихъ дѣтей отъ платы за ученье—освобожденіе, распространяющееся, de

jure, и на учителей еврейскихъ, но de facto приносящее имъ очень мало пользы. Ошибочно было бы думать, что удовлетвореніе ходатайства повлекло бы за собою чрезмѣрное увеличеніе числа учащихся въ средней школѣ евреевъ: по разсчету докладчика, дѣтей школьнаго возраста у учителей-евреевъ не болѣе 770, и не всѣ они, конечно, воспользовались бы предоставленной имъ льготой.

Годъ тому назадъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, при чайной, извѣстной подъ названіемъ „Столбы", небольшая коммиссія, предсѣдателемъ которой сначала состоялъ Н. Н. Іорданскій, а теперь состоитъ В. М. Волковъ, начала устроивать народныя чтенія. Особенность ихъ заключается въ томъ, что въ ихъ программу, кромѣ обычнаго въ подобныхъ случаяхъ репертуара, входятъ драматическія пьесы, читаемыя съ распредѣленіемъ ролей между нѣсколькими лицами. Первый опытъ былъ сдѣланъ съ сценами изъ „Женитьбы" Гоголя; когда онъ оказался удачнымъ, за нимъ послѣдовало чтеніе „Ревизора", всей „Женитьбы", „Горя отъ ума", „Недоросля", „Скупого рыцаря" и нѣсколькихъ пьесъ Островскаго („Свои люди—сочтемся", „Бѣдность не порокъ", „Не все коту масляница"). Въ публикѣ, значительную часть которой составляли такъ называемые „босяки", эти чтенія возбудили громадный интересъ. „Какъ очарованная",—читаемъ мы въ отчетѣ коммиссіи—„стояла публика по окончаніи чтенія („Горя отъ ума"), не желая вѣрить, что чтенію конецъ. Лекторы должны были нѣсколько разъ повторить, что чтенія больше не будетъ. Благодарную и не умѣющую сдерживать выраженія какъ одобренія, такъ и порицанія, публику „Столбовъ" нельзя сравнивать съ пресыщенной, равнодушной публикой нашихъ театровъ и клубовъ... Аудиторія постоянно переполнена, мѣста (около 500) занимаются за часъ до начала чтенія; образцовый порядокъ поддерживается безъ всякаго вмѣшательства полиціи; мертвая тишина царитъ во время чтенія, ни одна голова не обернется въ сторону, всѣ взгляды устремлены на эстраду, гдѣ читаютъ; лекторовъ провожаетъ сердечное спасибо... По окончаніи одного чтенія, босякъ, выдѣлясь изъ толпы, сказалъ, обращаясь къ лектору: „Іоаннъ Златоустъ, слово-то что золото льется". Общее заключеніе коммиссіи таково: „для народа вовсе не требуется какихъ-то особыхъ народныхъ чтеній и развлеченій. Ему нравится и то, что нравится интеллигенціи. Хорошее чтеніе, хорошее исполненіе драматическихъ произведеній, даже безъ всякой театральной обстановки (грима и декорацій), такъ же увлекаетъ народъ, какъ и интеллигенцію". Подтверждая раньше сдѣланныя наблюденія, это заключеніе не должно быть упускаемо изъ виду устроителями развлеченій для народа.

Наша реакціонная печать весьма охотно, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, подчеркиваетъ „плачевное положеніе хваленой земской медицины", не разбирая причинъ, задерживающихъ ея развитіе, и не сравнивая ее съ тѣмъ, чему она пришла на смѣну. Оказывается, что болѣе справедливую оцѣнку труды земства въ этой области находятъ даже за границей. Мы ознакомились недавно съ небольшой статьей висбаденскаго доктора Прюссіана, напечатанной въ №№ 5 и 6 „Berliner Klinische Wochenschrift" за 1903 г. Написанная съ большимъ знаніемъ дѣла, свободная отъ тѣхъ фактическихъ ошибокъ, которыя все еще слишкомъ часто встрѣчаются въ отзывахъ иностранцевъ о Россіи, она рельефно выставляетъ на видъ главныя заслуги земства и земскихъ врачей въ дѣлѣ охраненія народнаго здоровья. Многолѣтней, неутомимой земской работѣ сельское населеніе, въ глазахъ автора, обязано тѣмъ, что врачебная помощь въ деревняхъ поставлена, мѣстами, лучше чѣмъ въ городахъ. Исчезло прежнее недовѣріе къ больницамъ, къ правильному леченію. Земскіе врачи были настоящими піонерами культуры, піонерами безкорыстными, не разсчитывавшими ни на какія матеріальныя и личныя выгоды. Хорошо извѣстно доктору Прюссіану и все сдѣланное земскими врачами въ сферѣ общественной гигіены и медицинской статистики. Центръ тяжести всего земскаго строя онъ видитъ въ самоуправленіи, благодаря которому на первый планъ выдвигается общее благо. Въ противоположность нашимъ газетнымъ земствофобамъ, домогающимся если не уничтоженія, то возможно бо́льшаго ограниченія земскихъ учрежденій, онъ широко понимаетъ задачи земства; согласно съ Пироговымъ, онъ находитъ, что земская медицина призвана бороться съ народнымъ невѣжествомъ, стремиться къ поднятію уровня народнаго благосостоянія—и что она исполняетъ это назначеніе.

Изъ всѣхъ отраслей земской дѣятельности наиболѣе тяжелое время переживаетъ теперь земская статистика—и все-таки въ ней не прекращаются усердные поиски новыхъ путей и новыхъ пріемовъ. Блестящее доказательство этому дали недавно работы оцѣночно-статистическаго отдѣленія костромской губернской земской управы. Исполняя порученіе губернскаго земскаго собранія, управа пригласила, въ качествѣ экспертовъ, трехъ изъ числа наиболѣе извѣстныхъ земскихъ статистиковъ (Н. Ѳ. Анненскаго, Н. А. Каблукова и А. А. Русова) и просила ихъ дать заключеніе о работахъ отдѣленія. Эксперты нашли, что эти работы не только произведены согласно съ требованіями закона и съ указаніями теоріи, но отличаются чрезвычайно внимательнымъ, вдумчивымъ отношеніемъ къ дѣлу, стремленіемъ вникнуть въ особенности хозяйственныхъ условій костромской губерніи и выяснить всѣ тѣ экономическіе факторы, совокупность которыхъ, въ концѣ кон-

цовъ, выражается въ оцѣночныхъ нормахъ. Новые, вполнѣ практичные по мнѣнію экспертовъ пріемы введены костромскими статистиками въ оцѣнку лѣсныхъ угодій (изученіе пробныхъ площадей, съ цѣлью точнѣе опредѣлить ежегодный приростъ древесины) и городскихъ строеній (изученіе дѣйствительнаго отношенія доходности къ цѣнности имущества). Это—новый доводъ въ пользу жизненности земскихъ предпріятій, всего меньше поддающихся усыпляющему вліянію рутины.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Комитета III-го Съѣзда русскихъ дѣятелей по технич. и професс. образованію въ Россіи.

1) Положеніе о третьемъ Съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи.

Утверждено Министромъ Народн. Просвѣщ. 30 ноября 1901 г. на основаніи Высочайшаго повелѣнія 15 февраля 1897 г., съ включеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій, по ходатайству Совѣта Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, утвержденныхъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія 5 ноября 1902 г.

1. Третій Съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи созывается въ концѣ 1903 или въ началѣ 1904 г. въ С.-Петербургѣ.

2. Съѣздъ созывается Императорскимъ Русскимъ Техническимъ Обществомъ, при содѣйствіи Постоянной Коммиссіи по техническому образованію, а также при участіи правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, въ программу дѣятельности коихъ входитъ забота о распространеніи техническаго и профессіональнаго образованія, а также и другихъ учрежденій, могущихъ оказать содѣйствіе цѣлямъ Съѣзда.

3. Третій Съѣздъ имѣетъ цѣлью дальнѣйшее выясненіе положенія и потребностей техническаго и профессіональнаго образованія, а также разрѣшеніе вопросовъ, касающихся этого рода образованія.

4. День открытія Съѣзда, продолжительность его, а равно и подробная организація будутъ опубликованы впослѣдствіи.

5. Подготовительныя работы по устройству Съѣзда, а равно веденіе самого Съѣзда поручается Комитету, который избирается въ собраніи лицъ, какъ избранныхъ Совѣтомъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и Постоянной Коммиссіею по техническому образованію, такъ и приглашенныхъ Совѣтомъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

6. Комитетъ состоитъ: изъ предсѣдателя, трехъ его товарищей, секретаря Съѣзда, казначея и членовъ Комитета. Въ составъ членовъ Комитета входятъ: предсѣдатели и представители Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и Постоянной Коммиссіи по техническому образованію, предсѣдатели, товарищи предсѣдателей и секретари всѣхъ секцій Съѣзда, а также предсѣдатели распорядительной Коммиссіи Съѣзда и распорядительнаго Комитета выставки и ихъ товарищи.

7. Комитетъ Съѣзда выдѣляетъ изъ своей среды распорядительную коммиссію Съѣзда, состоящую изъ предсѣдателя, коимъ можетъ быть

одинъ изъ товарищей предсѣдателя Съѣзда, его товарища, предсѣдателей секцій, ихъ товарищей и секретарей. Секретаремъ распорядительной Коммиссіи состоитъ секретарь Съѣзда. Предсѣдатель Комитета Съѣзда (онъ же предсѣдатель Съѣзда), его товарищи, предсѣдатель распорядительной Коммиссіи и товарищъ его, секретарь Съѣзда, предсѣдатели секцій и товарищи предсѣдателей секцій представляются Совѣтомъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества на утвержденіе Министра Народнаго Просвѣщенія.

8. На обязанности Комитета Съѣзда лежитъ выработка программы занятій Съѣзда, привлеченіе полезныхъ для Съѣзда учрежденій и лицъ, вообще веденіе дѣлъ Съѣзда, устройство выставки при Съѣздѣ и пр., а также приведеніе въ порядокъ всѣхъ дѣлъ Съѣзда и сдача ихъ по окончаніи со своимъ заключеніемъ въ Императорское Русское Техническое Общество для дальнѣйшаго направленія возбужденныхъ въ Съѣздѣ вопросовъ.

9. Распорядительной Коммиссіи Комитетомъ Съѣзда поручается разработка поступающихъ свѣдѣній, приготовленіе докладовъ; выборъ докладовъ для печати, установленіе очереди въ докладахъ на Съѣздѣ, а также общее направленіе занятіями въ секціяхъ. О своихъ постановленіяхъ распорядительная Коммиссія доводитъ до свѣдѣнія Комитета Съѣзда, распорядительная Коммиссія передаетъ доклады для дальнѣйшей разработки въ соотвѣтственныя секціи.

Примѣчаніе. Подробная организація и программы занятій секцій, по утвержденіи ихъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, будутъ опубликованы впослѣдствіи.

10. Комитету Съѣзда, вмѣстѣ съ Совѣтомъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, предоставляется избраніе почетныхъ предсѣдателей Съѣзда и Комитета Съѣзда, а также Комитета выставки. Кромѣ того, Комитету предоставляется право просить лицъ, оказавшихъ особое содѣйствіе къ достиженію цѣли и устройства Съѣзда, о принятіи наименованія „почетныхъ учредителей“ и „почетныхъ членовъ“ Съѣзда.

11. Членами Съѣзда могутъ быть всѣ лица, принимающія и принимавшія участіе въ дѣятельности какого-либо профессіональнаго, техническаго, ремесленнаго, коммерческаго и т. п. учебнаго заведенія въ качествѣ учредителей, попечителей, начальниковъ, инспекторовъ, или преподавателей ихъ,—уполномоченные отъ упомянутыхъ въ § 2 учрежденій и обществъ: заводчики, фабриканты и завѣдующіе работами въ мастерскихъ, а также и постороннія лица—если состоятъ членами Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и другихъ Обществъ, приглашенныхъ къ участію на Съѣздѣ, то по заявленію, а если не состоятъ, то съ разрѣшенія Комитета Съѣзда. Желающіе быть членами Съѣзда и имѣть право голоса заявляютъ о томъ заблаговременно Комитету Съѣзда, дѣлая при этомъ опредѣленный взносъ на расходы по устройству Съѣзда. Члены Съѣзда записываются въ ту или другую секцію, по собственному желанію, и могутъ быть членами нѣсколькихъ секцій.

12. Занятія Съѣзда состоятъ въ чтеніи и обсужденіи докладовъ и въ постановленіи резолюцій по обсуждавшимся вопросамъ. Печатаніе докладовъ и преній, вполнѣ или въ извлеченіи, зависитъ отъ

усмотрѣнія Комитета Съѣзда по докладу распорядительной Коммиссіи и соглашенію съ авторами. Засѣданія бываютъ общія и спеціальныя по секціямъ.

Примѣчаніе. Публика допускается лишь на торжественныя собранія и сообщенія, которыя не сопровождаются преніями; въ обыкновенныхъ же засѣданіяхъ секцій, на которыхъ происходитъ чтеніе и обсужденіе докладовъ, принимаютъ участіе только члены Съѣзда.

13. Доклады допускаются къ прочтенію на секціяхъ Съѣзда съ разрѣшенія предсѣдателей оныхъ; предназначенные къ чтенію въ общемъ собраніи—предсѣдателя общихъ собраній. На отвѣтственность тѣхъ же предсѣдателей возлагается соблюденіе должнаго порядка какъ въ общемъ собраніи, такъ и въ секціяхъ.

14. Предсѣдателямъ общаго собранія и секцій предоставляется право, подъ личною отвѣтственностью и по ихъ усмотрѣнію, допускать и приглашать въ собранія постороннихъ лицъ съ правомъ совѣщательнаго голоса, или въ качествѣ слушателей.

15. Комитетъ Съѣзда принимаетъ пожертвованія на покрытіе расходовъ по организаціи Съѣзда и выставки и для образованія особаго фонда для устройства въ Россіи періодическихъ Съѣздовъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію и выставокъ при нихъ. Фондъ этотъ передается въ Коммиссію по техническому образованію при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ.

16. Средства Съѣзда составляются изъ: 1) субсидій общественныхъ учрежденій, 2) частныхъ пожертвованій, 3) взносовъ учредителей, членовъ и пр.

17. Для нагляднаго ознакомленія членовъ Съѣзда съ современнымъ состояніемъ у насъ учебнаго дѣла по техническому и профессіональному образованію, при Съѣздѣ устраивается выставка работъ учениковъ техническихъ и профессіональныхъ учебныхъ заведеній, уставовъ, правилъ и программъ, руководствъ и т. п., а также предметовъ производства разныхъ промышленныхъ учрежденій, необходимыхъ для потребностей означенныхъ учебныхъ заведеній. Правила объ устройствѣ выставки будутъ опубликованы впослѣдствіи, по утвержденіи ихъ правительствомъ.

18. По окончаніи Съѣзда, Комитетъ онаго сообщаетъ всѣ принятыя Съѣздомъ резолюціи Совѣту Императорскаго Русскаго Техническаго Общества черезъ Постоянную Коммиссію по техническому образованію въ С.-Петербургѣ, со своими заключеніями для дальнѣйшаго направленія возбужденныхъ на Съѣздѣ вопросовъ, и послѣ приведенія всѣхъ дѣлъ его въ порядокъ, сдаетъ эти дѣла состоящей при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ Постоянной Коммиссіи по техническому образованію въ С.-Петербургѣ, вмѣстѣ съ остатками отъ собранныхъ по Съѣзду и выставкѣ суммъ согласно п. 15 Положенія.

19. Полный отчетъ о Съѣздѣ, съ приложеніемъ всѣхъ трудовъ онаго, представляется въ Министерство Народнаго Просвѣщенія черезъ Совѣтъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

2) Положеніе о выставкѣ при III Съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію.

Утверждено Министромъ Народнаго Просвѣщенія 30-го ноября 1901 г.

1. При Съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію устраивается выставка работъ учениковъ техническихъ, профессіональныхъ и т. п. учебныхъ заведеній, изъ уставовъ, правилъ, руководствъ, учебныхъ пособій и т. п. предметовъ, имѣющихъ цѣлью показать современное состояніе въ Россіи учебнаго дѣла по техническому и профессіональному образованію и предметовъ по школьной и профессіональной гигіенѣ.

2. Для достиженія предположенной цѣли на выставкѣ должны быть представлены:

а) Различные методы обученія ремесламъ и разнымъ техническимъ производствамъ.

б) Способы преподаванія и достигаемые результаты по графическимъ искусствамъ какъ въ учебныхъ заведеніяхъ, преслѣдующихъ художественно техническія цѣли, такъ и въ тѣхъ, гдѣ упомянутыя искусства являются лишь вспомогательными.

в) Программы, курсы, руководства (письменныя, литографированныя и печатныя) и разныя учебныя пособія, какъ по общеобразовательнымъ, такъ и по спеціальнымъ предметамъ, примѣнительно къ различнымъ типамъ учебныхъ заведеній, упомянутыхъ выше, въ § 1-мъ.

г) Работы обучающихся различнымъ техническимъ знаніямъ, ремесламъ и искусствамъ, съ указаніемъ на окончательные результаты, достигаемые учебнымъ заведеніемъ, въ отношеніи качества издѣлій и быстроты ихъ исполненія.

д) Подробныя свѣдѣнія о практической дѣятельности учащихся по окончаніи курса.

е) Предметы производства и работы разныхъ лицъ и учрежденій, имѣющіе близкое отношеніе къ дѣлу техническаго и профессіональнаго образованія.

ж) Проекты, чертежи, предметы, аппараты и проч., а также описанія, книги и проч., выясняющіе положеніе и состояніе школьной и профессіональной гигіены.

3) Для наиболѣе нагляднаго ознакомленія съ выставкой она будетъ раздѣлена на слѣдующія восемь группъ:

I. Мужскія техническія и профессіональныя учебныя заведенія и другія подобныя учрежденія, правительственныя, общественныя и частныя, высшія, среднія и низшія.

II. Женскія профессіональныя учебныя заведенія и т. п. учрежденія, правительственныя, общественныя и частныя.

III. Ручной трудъ и ремесла въ школахъ общеобразовательнаго характера.

IV. Графическія искусства какъ въ общеобразовательныхъ, такъ и въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

V. Учрежденія для обученія малолѣтнихъ и взрослыхъ рабочихъ въ школахъ общеобразовательныхъ и спеціальныхъ; ученичество у мастеровъ и средства попеченія о малолѣтнихъ рабочихъ.

VI. Обученіе ремесламъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, а также въ исправительныхъ пріютахъ, колоніяхъ для малолѣтнихъ, тюрьмахъ и проч.

VII. Учебныя пособія, руководства и учебники печатные, литографированные и писанные, справочныя книги, періодическія изданія спеціальнаго характера и проч., а также предметы въ п. *е* § 2-го.

VIII. Школьная и профессіональная гигіена.

4) Открытіе выставки послѣдуетъ тремя недѣлями ранѣе начала занятій въ Съѣздѣ дѣятелей по техническому профессіональному образованію, а закрытіе—не ранѣе окончанія занятій Съѣзда.

5) Къ участію на выставкѣ приглашаются не только упомянутыя выше въ § 1 и § 2 учебныя заведенія, какъ мужскія, такъ и женскія, но также различныя учрежденія и отдѣльныя лица, строго удовлетворяющія требованіямъ, изложеннымъ въ п. *е* § 2 и § 3.

6) Устройство и общее завѣдываніе выставкою возлагается на особый Распорядительный Комитетъ, предсѣдатель, товарищи и члены котораго избираются Комитетомъ Съѣзда. Комитетъ Съѣзда, вмѣстѣ съ Совѣтомъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, можетъ также избрать почетнаго предсѣдателя и почетныхъ членовъ выставки изъ лицъ, оказавшихъ ея устройству наибольшее содѣйствіе, согласно § 8 Положенія о Съѣздѣ. Исполненіе текущихъ работъ по устройству выставки возлагается на лицъ, приглашаемыхъ Распорядительнымъ Комитетомъ выставки въ помощь его членамъ.

7) Средства, необходимыя на устройство и содержаніе выставки, составляются изъ: а) пособій отъ разныхъ лицъ и учрежденій, б) платы за посѣщеніе выставки и в) выручки отъ продажи указателей и отъ другихъ поступленій.

8) Комитетъ Съѣзда избираетъ особую экспертную коммиссію изъ лицъ компетентныхъ въ дѣлѣ техническаго и профессіональнаго образованія для оцѣнки экспонатовъ, а также и составленія доклада по всѣмъ отдѣламъ выставки. Результаты работъ экспертной коммиссіи сообщаются общему собранію Съѣзда.

9) Въ виду важнаго значенія, которое имѣетъ выставка для техническаго образованія, Комитетъ Съѣзда, черезъ Совѣтъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, доводитъ до свѣдѣнія подлежащихъ начальствъ и другихъ лицъ, могущихъ содѣйствовать дѣлу устройства выставки. Всѣ учебныя заведенія, участвовавшія на выставкѣ, получаютъ отъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества особыя удостовѣренія объ участіи на выставкѣ и о содѣйствіи ихъ дѣлу профессіональнаго образованія; тѣ же учебныя заведенія, которыя по заключенію экспертной коммиссіи окажутъ особое содѣйствіе выясненію дѣла профессіональнаго образованія и правильной его постановкѣ, независимо удостовѣреній, получаютъ особые дипломы съ указаніемъ отличій и заслугъ. Для промышленныхъ фирмъ, участвую-

щихъ на выставкѣ своими издѣліями по спеціальности учебныхъ пособій, могутъ быть назначаемы медали.

3) Программа занятій III-го Съѣзда.

Утверждена Министромъ Народнаго Просвѣщенія 5 марта 1903 года.

Нижеслѣдующіе вопросы имѣютъ быть обсуждаемы по отношенію къ существующимъ въ предѣлахъ Россіи видамъ учебныхъ заведеній: техническихъ (высшихъ, среднихъ и низшихъ), ремесленныхъ и коммерческихъ и иныхъ профессіональныхъ, принадлежащихъ къ разряду техническо-промышленныхъ школъ, курсовъ, дополнительныхъ и подготовительныхъ классовъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Отдѣлъ I. *Ознакомленіе въ современнымъ положеніемъ техническаго и промышленнаго образованія въ Россіи.*

Отдѣлъ II. *Выясненіе вопросовъ, относящихся къ учебному плану, методамъ преподаванія, какъ теоретическаго, такъ и нагляднаго, техническо-промышленныхъ училищъ, классовъ и курсовъ.*

а) Какой размѣръ общеобразовательной подготовки слѣдуетъ признать наиболѣе цѣлесообразнымъ для различныхъ видовъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній технико-промышленнаго характера.

б) Въ какой мѣрѣ и въ какомъ отношеніи должно находиться продолженіе общаго образованія въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ къ образованію техническо-промышленному и вообще профессіональному.

в) Какая наилучшая постановка системъ обученія должна быть принята для выработки практическаго умѣнья и навыка.

г) Сколько рабочихъ часовъ на теоретическія и практическія занятія можно отводить въ профессіональныхъ мужскихъ и женскихъ школахъ.

Отдѣлъ III. *Участіе учебныхъ заведеній въ дѣлѣ развитія соотвѣтственныхъ отраслей промышленности и различныхъ видовъ труда.*

а) Свѣдѣнія о судьбѣ учащихся, какъ окончившихъ учебное заведеніе, такъ и вышедшихъ изъ него до окончанія полнаго курса; отношеніе числа окончившихъ полный курсъ ученія къ общему числу вступающихъ въ учебныя заведенія.

б) Участіе правительственныхъ, общественныхъ, земскихъ и частныхъ учрежденій, равно и представителей промышленности и торговли и частныхъ лицъ къ учрежденію и развитію (въ педагогическомъ и финансовомъ отношеніяхъ) техническихъ, промышленныхъ и профессіональныхъ учебныхъ заведеній, курсовъ и классовъ.

в) Выясненіе вопроса, какъ отражается на промышленности привлеченіе къ ней рабочихъ, получившихъ подготовку, какъ общеобразовательную (низшую или среднюю), такъ и спеціально-профессіональную.

г) Связь учебныхъ заведеній съ бывшими учениками ихъ. Общества, братства, кассы и проч., имѣющія своею цѣлью попеченіе и заботу объ учащихся.

Отдѣлъ IV. *Распространеніе техническихъ и профессіональныхъ знаній и умѣній, обученіе этимъ знаніямъ и умѣніямъ внѣ учебныхъ заведеній установившихся типовъ.*

а) Ученичество въ ремесленныхъ мастерскихъ и на заводахъ.

б) Курсы, вечерніе и воскресные, предметовъ техническаго, профессіональнаго и общеобразовательнаго обученія.

в) Публичныя чтенія и предметные уроки по отдѣльнымъ производствамъ, мастерствамъ, рукодѣліямъ и проч.

г) Техническо-ремесленная подготовка кустарей.

д) Обученіе малолѣтнихъ и взрослыхъ рабочихъ.

е) Внѣшкольныя практическія занятія и обязательная профессіональная практика.

Отдѣлъ V. *Отдѣльные вопросы по предметамъ, не обнимаемымъ предъидущими отдѣлами.*

а) Постановка преподаванія естествознанія, товаровѣдѣнія, черченія и рисованія, какъ вспомогательныхъ и подготовительныхъ знаній для цѣлей техническаго и профессіональнаго образованія.

б) Вопросы, относящіеся до преподаванія ремеслъ и искусствъ. Мѣры для подготовки надлежащихъ преподавателей.

в) Постановка преподаванія ручного труда, основанная на педагогическомъ и утилитарномъ значеніи его.

г) Учрежденія, способствующія успѣшности преподаванія техническихъ и профессіональныхъ знаній: учебные кабинеты, лабораторіи, мастерскія, выставки, музеи, библіотеки, читальни и проч.

д) Способы для оживленія и приданія жизненности преподаванію техническихъ и профессіональныхъ знаній: осмотры мастерскихъ, заводовъ, фабрикъ, гаваней, желѣзно-дорожныхъ станцій (по возможности крупныхъ по движенію товаровъ), каналовъ, прирѣчныхъ пристаней и проч.; экскурсіи для ознакомленія съ промышленностью, кустарными и ремесленными производствами въ данномъ районѣ, въ своей губерніи, въ своемъ уѣздѣ.

е) Вопросы школьной гигіены и физическаго развитія по отношенію къ промышленно-техническимъ и профессіональнымъ учебнымъ заведеніямъ.

ж) Обсужденіе вопросовъ, относящихся до учебниковъ, руководствъ, пособій, атласовъ, справочныхъ книгъ, по спеціально техническимъ и профессіональнымъ знаніямъ.

з) Вопросы о постановкѣ преподаванія техническихъ и профессіональныхъ знаній на спеціальныхъ курсахъ для рабочихъ или же на курсахъ для подготовки рабочихъ (напр. курсы для кочегаровъ, курсы для слесарей, плотниковъ, каменьщиковъ, печниковъ и т. д.).

и) Обсужденіе вопроса о наилучшемъ способѣ провѣрки знаній учащихся.

к) Потребность въ живомъ обмѣнѣ и объединеніи въ дѣятельности отдѣльныхъ учрежденій и обществъ, содѣйствующихъ техническому и профессіональному образованію въ Россіи.

Центральный фонд
Московской обл. библиотеки

4) Организація III-го Съѣзда.

Утверждена г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 5 марта 1903 года.

Комитетъ III-го Съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, утвержденный въ своемъ составѣ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, раздѣляется на Распорядительный Комитетъ Выставки и на одиннадцать секцій.

Согласно программѣ, утвержденной Министромъ Народнаго Просвѣщенія, III-й Съѣздъ подраздѣляется на слѣдующія секціи:

I—высшія техническія учебныя заведенія.

II—среднія и низшія техническія учебныя заведенія.

III—ремесленныя учебныя заведенія и учебныя ремесленныя мастерскія.

IV—коммерческое образованіе.

V—мореходныя учебныя заведенія и рѣчныя училища.

VI—женское профессіональное образованіе.

VII—ремесленное ученичество.

VIII—художественно-промышленное образованіе и графическія искусства.

IX—ручной трудъ.

X—курсы и школы для рабочихъ.

XI—школьная гигіена и физическое воспитаніе въ техническихъ и профессіональныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

5) Составъ Комитета.

Предсѣдатель.

Петровъ, Николай Павловичъ, Инженеръ-Генералъ,—Предсѣдатель Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

Товарищи Предсѣдателя:

Головинъ, Харлампій Сергѣевичъ, Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа.

Кирпичевъ, Викторъ Львовичъ, Профессоръ, Членъ Совѣта Министра Финансовъ.

Коноваловъ, Дмитрій Петровичъ, Профессоръ С.-Петербургскаго Университета, Предсѣдатель I отдѣла Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

6) Правила III-го Съѣзда.

Утверждены Комитетомъ Съѣзда 6 февраля 1903 года.

1) Открытіе III-го Съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію послѣдуетъ 26-го декабря 1903 года и

закрытіе 6-го января 1904 года. Засѣданія будутъ происходить ежедневно, за исключеніемъ 1-го января 1904 года, въ часы, назначенные Комитетомъ Съѣзда.

2) Членами III-го Съѣзда могутъ быть всѣ лица, принимающія и принимавшія участіе въ дѣятельности какого-либо профессіональнаго, техническаго, ремесленнаго, коммерческаго и т. п. учебнаго заведенія (§ 11 положенія). Члены Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и тѣхъ Обществъ, которыя приглашены къ участію на Съѣздѣ, записываются въ члены Съѣзда по заявленію.

3) Лица, желающія быть членами III-го Съѣзда, не состоящія членами Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, присылаютъ свои заявленія въ Комитетъ Съѣзда (С.-Петербургъ, Пантелеймонская, 2) не позже 10 декабря 1903 года. Члены Императорскаго Техническаго Общества заявляютъ Комитету III-го Съѣзда о желаніи быть членами III-го Съѣзда не позже 20 декабря 1903 года.

4) Входные билеты и членскіе знаки выдаются съ 15 декабря 1903 года въ Канцеляріи III-го Съѣзда. (С.-Петербургъ, Пантелеймонская 2), по внесеніи членскаго взноса пяти рублей. Въ эту сумму включена плата за предполагаемые къ изданію Труды III-го Съѣзда. На основаніи § 15-го Положенія принимаются и большіе взносы, и въ такомъ случаѣ сумма, превышающая пять рублей, записывается какъ пожертвованіе.

5) Лица, сочувствующія цѣли учрежденія Съѣзда и желающія сдѣлать пожертвованія, благоволятъ адресовать таковыя въ Постоянную Коммиссію по техническому образованію при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ (С.-Петербургъ, Пантелеймонская, 2).

Лица, внесшія не менѣе ста рублей, считаются членами-учредителями III-го Съѣзда.

Лица, оказавшія особыя услуги и содѣйствія Съѣзду и выставки при немъ, считаются почетными учредителями Съѣзда.

6) Входъ на устроенную при III-мъ Съѣздѣ выставку для членовъ Съѣзда безплатный.

7) Занятія III-го Съѣзда состоятъ въ чтеніи и обсужденіи докладовъ по утвержденной программѣ Съѣзда и въ постановленіи резолюцій по обсуждавшимся докладамъ. Доклады съ выраженными тезисами препровождаются авторами заблаговременно въ Комитетъ III-го Съѣзда (С.-Петербургъ, Пантелеймонская, 2). Доклады, поступившіе въ Комитетъ III-го Съѣзда не позднѣе 15 октября 1903 года, печатаются по постановленію Комитета Съѣзда до открытія Съѣзда. Печатаніе доложенныхъ на съѣздѣ докладовъ и преній, вызванныхъ ими, вполнѣ или въ извлеченіи, зависитъ отъ Комитета III-го Съѣзда, по соглашенію съ авторами.

8) Засѣданія III-го Съѣзда бываютъ общія и по секціямъ. Члены III-го Съѣзда записываются въ ту или другую секцію по своему желанію и могутъ быть членами нѣсколькихъ секцій.

9) Во время чтенія или произношеніи доклада не допускается прерывать докладчика замѣчаніями или вопросами. Желающіе принять участіе въ преніяхъ подаютъ о томъ заявленіе, до засѣданія или во время его, Предсѣдателю засѣданія. Возраженія и замѣчанія дѣлаются лишь по окончаніи чтенія доклада въ очередномъ порядкѣ

заявленій. Для прочтенія доклада предоставляется время не долѣе 20 минутъ, для каждаго возраженія—не долѣе 10 минутъ.

Отъ Предсѣдателя засѣданія зависитъ продлить время чтенія доклада, равно какъ и время на возраженія докладовъ, приходящихся на данное засѣданіе.

10) Новыя предложенія, резолюціи и иные вопросы, вытекающіе изъ доклада, или имѣющіе съ нимъ ближайшую связь, могутъ быть обсуждаемы не иначе какъ по выслушаніи всѣхъ очередныхъ оппонентовъ.

ПОПРАВКА:

Въ апрѣльской книгѣ, журнала, въ статьѣ кн. Д. В. Друцкого-Сокольнинскаго, на стр. 753, строка 22 св.:

Напечатано: ...„о пониженіи желѣзно-дорожныхъ ставокъ на перевозку зерна, въ видѣ вознагражденія за такую возможную убыточность".

Слѣдуетъ: ...„о пониженіи желѣзно-дорожныхъ ставокъ на перевозку зерна и —въ видѣ вознагражденія за такую возможную убыточность, — о пропорціональномъ повышеніи этихъ ставокъ на перевозку муки".

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.